

ВИЛЬЯМ КОЗЛОВ

**ЧЕРНЫЕ АНГЕЛЫ
В БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ**

ВИЛЬЯМ КОЗЛОВ

ЧЕРНЫЕ АНГЕЛЫ В БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ

Вильям КОЗЛОВ

**ЧЕРНЫЕ АНГЕЛЫ
В БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ**

роман

Вильям КОЗЛОВ

ЧЕРНЫЕ АНГЕЛЫ В БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ

роман

Санкт-Петербург
«ТИС»
1995

ISBN 5-87949-009-2

К 60 В. Козлов. Черные Ангелы в белых одеждах:
Роман: СПб.: «ТИС», 1995.— 544 с.

© Вильям Козлов, 1991 г.
© «ТИС», оформление, 1995 г.

Часть первая

1953 год.

**Год рухнувшего
Дракона.**

*... Из тварей, которые дышат и ползают в страхе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.*

Гомер

*Но Боги, чтобы сделать нас людьми,
Пороками нас наделяют*

У. Шекспир.

1. Эта страшная ночь

Лежа с закрытыми глазами, он думал, что это сон, но постепенно отдаленные, неясные голоса окрепли и окончательно пробудили его.

— ... ему нет еще одиннадцати, — глухо говорил отец. — Он ребенок. И слава Богу, что не видит вас.

— Где метрика? — спрашивал незнакомый голос. — Да поторопитесь, гражданин Белосельский... Небось, из этих, бывших господ?

— Я своими предками могу гордиться, — спокойно ответил отец, — А вы, гражданин... Колун, извините, если запамятовал, помните своего прадеда?

— Какое вам дело до моих родителей? — резко сказал Колун.

— Вот свидетельство о рождении, — послышался негромкий голос матери. — Вадим Андреевич Белосельский родился пятого ноября тысяча девятьсот сорок четвертого года в Ленинграде... Но почему так важно сколько нашему сыну лет?

— С двенадцати лет можно уже расстреливать детей врагов народа, — сказал отец. — Наш бывший всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин подписал такой указ...

— Детей врагов народа нужно бы душить сразу в утробе матери, — грубо прозвучал другой чужой голос.

— Это и есть ваша большевистская мораль? — насмешливо произнес отец. — Чем же она отличается от фашистской морали Гитлера?

— В сорок первом вас по ошибке освободили, — заметил Колун, у него голос был помягче.

— Почему по ошибке? — возразил отец. — Нужно было пушечное мясо, вот нас, добровольцев, и отправили на фронт. Я оттрубил на войне все четыре года. Три боевых ордена и шесть медалей...

— Хорошо, что напомнили: где награды и книжки к ним?

— Маша, передай товарищам, пардон, гражданам чекистам шкатулку с побрякушками. Она на книжной полке.

— Побрякушками... — недобро произнес гражданин чекист с грубым голосом. — Люди на фронтах кровь проливали...

— А я — чернила, — не скрывая насмешки проговорил отец. — Ведь я дворянского происхождения, значит, у меня голубая кровь...

— Неужели вам не страшно? — с нотками любопытства спросил Колун.

— Я знал, что вы меня не оставите в покое,— заметил отец.— Скольких вы уже по второму разу отправили в лагеря смерти?

— У нас нет лагерей смерти.

Вадим знал, что не спит, но глаз не открывал. Слова падали на него, как булыжники на голову. Он все уже понял, но где-то в глубине сознания притаилась спасительная мыслишка, а вдруг это все же сон? Бывает, и во сне все происходит точь-в-точь, как наяву. Проснется он утром и расскажет родителям про этот страшный сон, почти реальный... Тогда еще он не казался Вадиму страшным.

Разговоры о том, что отца могут в любое время арестовать, иногда возникали дома, особенно в последнее время. Отец работал конструктором в НИИ, где проектировались сложные металлорежущие станки. Он был руководителем группы, создавшей новейший станок, ничуть не уступавший заграничным. Группа конструкторов была представлена к Сталинской премии первой степени. Все получили деньги, лауреатские значки и дипломы, а отец — ничего. Конструкторам и директору института неудобно было смотреть в глаза отцу, нашелся даже один мужественный инженер Хитров, который отказался от премии, заявив на торжественном собрании, посвященном этому знаменательному факту, что душой и вдохновителем нового станка был никто иной, как Андрей Васильевич Белосельский и разве можно было его обойти?.. Хитров Арсений Владимирович, конечно, знал, что отца не в первый раз обходят, потому что в 1937 году он был арестован и сидел...

Только сейчас дошли до сознания Вадима и другие звуки: скрип выдвигаемых ящиков письменного стола, шорох листаемых страниц, глухой стук падающих на пол книг, шарканье по паркету подбитых металлическими подковками сапог, негромкие покашливание и тяжеловатый запах скрипучих кожаных ремней, табака. Отец и мать не курили и этот запах раздражал. Вадим чуть приоткрыл слипшиеся глаза, пришлось поморгать, прежде чем он что-либо увидел. А увидел он беспорядочно заваленный бумагами, папками, книгами большой письменный стол отца, прислоненную к закрытому шторой окну рейсшину с ватманом, один угол которого был порван, валяющиеся на полу книги у опустошенных полок и шкафов. И еще двоих военных в кителях с погонами, перетянутых коричневыми лоснящимися портупеями и кобурами на боку. Один широкоплечий, коре-

настый, с округлым толстопосым лицом — он лениво листал толстые фолианты, второй — сухопарый с синеватыми впалыми щеками и длинным вислым посом. Черные брови у него загибались вверх. Этот сидел на краешке стола и в упор смотрел на одетого отца. Мать тоже была одета, даже повязала голубую косынку на русоволосую голову с короткой стрижкой. Она сидела на низком кожаном диване с ковровыми подушками и вытершимися валиками. Над головой ее висел карандашный портрет улыбающегося Сергея Есенина с буйной, разметанной будто ветром шевелюрой.

— Ни одного портрета Сталина,— ни к кому не обращаясь, констатировал сухопарый, покачивая ногой в поблескивающем, начищенном хромом сапоге и критически оглядывая большую квадратную комнату.

— У меня нет и портретов Ленина, Маркса, Энгельса,— равнодушно вставил отец.— А разве обязательно развешивать дома портреты основоположников? У нас в институте все стены ими залеплены. Два гипсовых бюста Ленина и три — Сталина.

— Смелый вы человек, Андрей Васильевич,— заметил сухопарый. На погонах у него четыре маленькие белые звездочки, на кителе колодок нет. Видно, на фронте не был. Боролся с врагами народа внутри отечества.

— Я ведь прошел в родных советских лагерях с тридцать седьмого по сорок первый все круги дантова ада,— произнес отец.— А там вожди мирового пролетариата никогда не пользовались у политических уважением, это вы тут их на воле славите... Родные отцы-благодетели со всех стенок и стен на нас с прищуром смотрят и хитро усмеваются... Они-то заранее знали, чем все кончится.

— Что вы имете в виду? — подал голос бровастый.

— То же, что и вы,— насмешливо обронил отец.

— Андрей, ну зачем ты? — негромко сказала мать.— Ведь там все тебе припомнят!

— Там...— со значением произнес отец.— Чего-нибудь почище придумают. Да, наверное, уже и придумали...

Вадим мучительно раздумывал, что делать? Эти двое пришли за отцом. Он вспомнил, что в их многоэтажном доме на Лиговке двумя этажами выше вот так же ночью пришли и увезли на Литейный старенького профессора Северова из Технологического. Его внук Анатолий — ровесник Вадима — через несколько дней тоже куда-то с родителями исчез, а в квартиру въехали новые жильцы. Им даже не понадобилось ничего покупать — помеще-

ние досталось им с мебелью и богатой библиотекой. Кто-то говорил, что Толика вскоре прямо у школы забрали, а другие утверждали, что он убежал из города...

Стараясь не скрипнуть кроватью, Вадим осторожно повернулся и столкнулся взглядом с сухопарым военным. У него были светлые, почти прозрачные глаза с чуть припухшими беловатыми веками. Глаза пристально, но без любопытства смотрели на него. И еще врезалось в память Вадиму — это косой беловатый шрам над верхней тонкой губой. Такие шрамы бывают от удара острым камнем. У него, Вадима, точно такая же отметка, только на лбу. Ким Куропаткин из соседнего дома в драке прошлым летом угодил ему, хотели даже швы наложить, но обошлось.

— Не притворяйся, паренек, — сказал сухопарый. — Ты давно не спишь, я ведь вижу.

— Зачем вы пришли? — спуская голые ноги с постели, угрюмо спросил Вадим.

— Ты посмотри, Зиновий, — усмехнулся сухопарый капитан. — Волчонок гоже показывает острые зубки!

Коренастый толстоносый Зиновий с воловьими глазами имел на погонах всего одну звездочку. Он бросил на мальчика равнодушный взгляд и уронил на пол толстый том.

— Зачем книги-то швырять? — не выдержала мать.

— И наступать на них сапогами не следовало бы, — прибавил отец.

— Зубы-то всегда можно обломать... — не отвечая родителям, процедил Зиновий. — Волчонок, он и есть волчонок, сколько не корми — все равно будет в лес смотреть.

— Заканчивай, Зиновий, — распорядился капитан. — Гражданин Белосельский — старый каторжанин и не станет дома держать компромат, а если что интересное и заховал, так следовательно как миленький скажет...

— Ни одного тома Ленина или Сталина нет на полках...

— Нет и Маркса-Энгельса, — вставил отец.

— А какой-то Шопенгауэр, Бердяев, Розанов, Платонов, — продолжал Зиновий. — Я про таких и не слышал!

— Это библиотечные, — заметила мать. — Для работы.

— Знаем мы вашу работу... — многозначительно произнес капитан.

— Моя работа принесла стране миллионные прибыли, — с горечью сказал отец. — А страна вот так меня отблагодарила...

— Значит, ваша вредная деятельность перестянула весы этой.... немезиды, — усмехнулся капитан.

— Вы хотели сказать — Фемиды? — поправила мать. Капитан промолчал.

— Папа... они тебя отпускают? — перевел на отца настороженный взгляд Вадим. На мать он старался не смотреть, предательские слезы уже наворачивались на глаза. Он моргал и кусал губы.

— Вряд ли, сын,— сказал отец.— Ты не горюй, главное — оставайся человеком с большой буквы при любых обстоятельствах. Не будь рабом, сын, помни, что ты — прямой потомок славного княжеского рода Белосельских-Белозерских, истинных патриотов земли русской. Может, последний в России остался...

В словах отца было столько горечи, что Вадим не удержался и всхлипнул, но тут же яростно кулаками вытер непрошеные слезы, гордо вскинул голову.

— Я вас ненавижу! — сверкнул он зеленоватыми глазами в сторону незваных гостей.

— Вадик, если мы не вернемся... — пошевелилась на диване мать.— Ну ты знаешь, куда тебе деваться. Боюсь, из дома тебя выставят...

— Это уж точно! — хмыкнул Зиновий.— Ишь, баре, втроем в отдельной двухкомнатной квартире живут!

— Этот дом принадлежал моему прадеду,— заметил отец.— И еще роскошный дворец на Фонтанке... Теперь таких не строят — кишка тонка...

— Чем хвастает! — сказал капитан.— А мои предки жили в подвалах и таким буржуйам, как твой прадед, сапоги бархоткой чистили да улицы метлой мели... Зато теперь кто был никем, тот стал всем.

— Да нет,— усмехнулся отец,— кто был никем, так никем и остался. Разве вы люди? Винтики-шурупчики! Сегодня вы нас топчете, а завтра и вас самих к стенке... С винтиками-шурупчиками у нас не церемонятся, граждан истребитель!

— Кто? — удивился капитан. Не заметно было, чтобы слова отца его задевали, а Зиновий вообще никак не реагировал — разговаривал только со своим начальником. Арестованные были для него пустым местом.

— Ну, граждане чекисты, если вам так больше правится... Ваш Дзержинский-то, на портреты которого вы молитесь, тоже был палачом.

— Андрей, ну зачем ты так? — снова упрекнула мать.

— Они — проводники,— кивнул на военных отец.— Хароны, которые бесплатно перевозят через реку Стикс прямо в ад...

— Молитесь, может, Бог вам поможет,— сказал капитан, спрыгивая со стола.— Только вряд ли. Бога-то нет.

— Этого никто еще не доказал,— заметил отец.

До Вадима только сейчас дошло, что и мать забирают, как-то в первый момент ее слова пролетели мимо уха. Мать сказала, что он, Вадим, знает куда деваться... Но он не знал. И ему все еще не верилось, что все вдруг так дико и нелепо кончилось. Просто это не укладывалось в голову. Может, эти люди сейчас расставят вещи по местам и уйдут? А все их угрозы — это блеф? Отец часто употреблял это короткое и звучное, как сочный плевок, слово.

Мать негромко спросила, что можно взять с собой, сухопарый капитан коротко ответил. И опять их слова влетали в одно ухо и вылетали из другого, не задерживаясь. У мальчика было такое ощущение, что его будто оглушили: гул в голове, мелькание каких-то неясных мыслей, мучительная напряженность, желание собрать волю в кулак. Где-то в закоулках сознания он понимал всю важность и ответственность для себя происходящего, знал, что все до мельчайших деталей отложится в его голове и потом будет неоднократно прокручиваться перед глазами, как страшный фильм...

Когда военные встали у двери, покрашенной серой масляной краской, а отец и мать полными невыразимого страдания и уже будто отрешенными от всего мирского глубокими глазами смотрели на него, Вадима, он не выдержал и, вскочив с постели, в черных трусах и голубой майке подбежал к толстомордому Зиновию — его усмехающаяся физиономия в тот миг показалась ему более отвратительной, чем у сухопарого капитана, и принялся маленькими кулаками молотить его по животу, обтянутому широким кожаным ремнем с медной звездой. Тот прищемил мальчишке короткими пальцами ухо, будто клещами, рванул вверх, так что голова дернулась, и небрежно сапогом отшвырнул прочь от себя. Вадим отлетел к стене, как мячик.

— Спокойно, Вадим,— строго сказал отец.— Плетью обуха не перешибешь.

— Сгинь, гаденыш! — посуровел Зиновий. Толстый нос у него блестел.— Я ведь могу и всерьез зашибить.

— До свиданья, друг мой, до свиданья, милый мой, ты у меня в груди...— сквозь слезы улыбнулась мать. Глаза ее казались неестественно огромными, в пол-лица. Вадим не раз слышал эти прощальные стихи Есенина — любимого поэта матери.

— Выживи, сынок, и все запомни,— глуховатым голосом произнес отец.— Да поможет тебе Бог!

— Интеллигент, а верующий,— заметил капитан, бросив холодный взгляд на мальчика. Он был выше Зиновия, но кривоног.

Дверь захлопнулась, похоронно щелкнул французский замок, все отдаляясь, прошуршали частые шаги по железобетонным ступенькам. Вадим бросился к окну, отодвинул штору — в городе занимался сиреневатый рассвет — и увидел у тротуара черную «эмку» с никелированной облицовкой на радиаторе. Казалось, машина зловеще ухмыляется. Отца и мать посадили на заднее сиденье, туда же влез и квадратный Зиновий, а капитан уселся рядом с шофером. Не включая фар, «эмка» бесшумно отчалила от тротуара и вскоре исчезла из глаз.

Вадим, как слепой, хватаясь за мебель и книжные полки, наступая на разбросанные тома, дошел до своей койки и сунулся носом в прохладную скомканную подушку. Ощупью потянул на голову тонкое байковое одеяло и вдавливал мокрое от слез лицо в перьевую подушку до тех пор, пока, казалось, нос не расплющился в лепешку. И тогда откуда-то изнутри, от живота вырвался звериный хриплый вой...

2. Широка страна моя родная...

Кто там? — спросил из-за двери настырный девчоночий голос. Это была Верка Хитрова. Белосельские обычно открывали дверь, не спрашивая, кто пришел.

— Не узнаешь? Или пускать не хочешь? — пробурчал Вадим, глядя на девочку в узкую щель приоткрытой двери на цепочке. Дома у них цепочки не было, да и запор всего один. Отец воров не боялся, а те, кого следовало опасаться, и сквозь стены проникнут... Так отец говорил.

— Ой, Вадик! — обрадованно воскликнула круглоглазая Верка, пропуская его в полутемную прихожую. — Ты и вправду какой-то другой...

— Дай чего-нибудь пошамкать, — грубовато сказал Вадим, сообразив, что Веркиных родителей нет дома, иначе ее крикливая мать уже выскочила бы из комнаты.

— Пойдем на кухню... Есть ветчина и яйца вкрутую.

— Хлеба бы... и стакан чаю.

— Я все, Вадя, знаю, — семена босиком впереди него по длинной прихожей, говорила девочка. — Твоих родителей позавчера арестовали и будет их судить какая-то жуткая «тройка»... Чего раньше-то не приходил?

На Верке короткий сарафан, тонкие белые руки в веснушках, она успела надеть синие резиновые босоножки, а белые шнурки не завязала. Она белобрысенькая, глазастая, с курносом носом. И еще у нее на щеке маленькое коричневое родимое пятно из-за чего ее в школе поче-

му-то прозвали «сипица». На прозвище она не обижалась, сама и рассказала об этом Вадиму. Учились они в разных школах, но часто встречались на их даче в Репино да и на квартирах. Дело в том, что их родители давно дружили. Отец и Арсений Владимирович Хитров работали в одном институте. Это Веркин отец отказался от Сталинской премии, из-за чего у него были большие неприятности на работе, но вот не забрали...

— Завяжи шнурки-то,— сказал Вадим,— не то наступишь и упадешь.

— Не упаду,— ответила девочка, но шнурки послушно завязала. Вадим сверху смотрел на ее узкую спину, двигающиеся острые лопатки и ждал: в прихожей вдвоем не разойтись.

Ветчина была красная с тонкой прослойкой сала, а хлеб черствый, впрочем, Вадим все съел с волчьим аппетитом, от двух крутых яиц папала икота. Он ругался про себя, со свистом втягивал воздух. Верка налила клюквенного морса, и противная икота прошла.

— Это у меня от яиц и творога,— счел нужным сказать он.

Девочка сидела на белой табуретке напротив и смотрела на него светлыми, как вода, глазами. Рот у нее розовый и маленький, а просвечивающие сквозь светлые пряди длинных волос уши — большие. Верка смотрела на него так, будто вот-вот собиралась заплакать.

— Их отпустят,— упреждая ее вопросы, сказал Вадим.— Они ни в чем не виноваты. И у нас ничего не нашли, только вещи и книги, гады, зря перерыли.

— И папа так говорит, а мама...— девочка запнулась.

— Что — мама? — гневно взглянул на нее Вадим. Он выше девочки почти на голову, волосы у него густые, темно-русые, челкой спускаются на высокий лоб, глаза светло-серые, но иногда бывают зелеными. Причем, зеленый ободок то сужается, то расширяется, в зависимости от настроения. Когда Вадим злился, как сейчас, глаза становились ярко-зелеными, почти изумрудными. Мать иногда нарочно старалась его немного разозлить и очень радовалась, когда миндалевидные глаза сына становились зелеными. Злость у Вадима обычно быстро проходила, он был по натуре отходчивым и зелень отступала, сжимаясь до узенького ободка. Мама говорила, что из него вырастет красивый зеленоглазый парень, хотя и сожалела, что он ничуть не похож на ее любимого Сергея Есенина. Мать закончила филологический факультет ленинградского университета и до самого ареста работала преподавателем литературы в военном артиллерийском училище. Она знала многие стихи Есенина

паизусть. Тогда опального поэта не издавали и мать покупала пожелтевшие сборники у букинистов. И портрет поэта, что висел над диваном, приобрела у старичка-книголюба.

— Мама сказала, что тебе нельзя к нам приходить — это опасно,— призналась Вера. Надо сказать, что она всегда говорила правду, даже имела неприятности. Скажет и покраснеет. Эта ее привычка по каждому пустяку краснеть сместила Вадима, но сейчас ему было не до смеха.

— Зачем же ты меня пустила? — прихлебывая из тонкого с золотистым ободком стакана сладкий морс, спросил он.

— Мама боится, что кто-нибудь увидит тебя и допесет на нас.

— А что, я тоже теперь опасный для государства?

— Папа хотел поговорить с тобой,— вспомнила она.— Что ему сказать?

— Я позвоню,— сказал Вадим.

— Не торопись ты, сейчас чай закипит. Мама ушла к приятельнице, от нее они пойдут к парикмахерше. Вечером вечеринка у знакомых или день рождения.

Вадиму дико все это было слышать: отец и мать в тюрьме, а люди ходят в парикмахерскую, устраивают вечеринки... Яркая зелень наполняла его сузившиеся глаза.

— Мать твоя мещанка,— жестко сказал он.

— Папа тоже так говорит,— тихо произнесла Вера. Наклонив набок голову с гладко зачесанными белыми волосами, она смотрела на Вадима. Сейчас она и впрямь напоминала какую-то птицу с коротким клювом и блестящими глазами. Печально-задумчивую птицу. И хотя глаза, опущенные белыми ресницами, были круглыми, но совсем не глупыми. И брови у нее белые, а кожа молочная.

— Я уеду из Ленинграда,— помолчав, сказал Вадим.

— Куда?

— Ты слышала песню: широка-а страна-а моя родная... много в ней полей, дорог и рек...

— Не падо,— тихо произнесла девочка.— Ты фальшивишь...

— Домой мне нельзя,— твердо сказал Вадим. Если она походила на птицу, то он — на рассерженного зеленоглазого зверька, который в любой момент готов укусь обидчика за палец.— Севка из тридцать второй квартиры сказал, что уже приходил какой-то дядечка с зеленым плаще и спрашивал про меня. И приходили люди смотреть нашу квартиру. Оттуда же и взять ничего

нельзя... Он пристально посмотрел девочке в глаза: — Вера, сходи туда и возьми мамины и папины фотографии. И портрет Есенина со стены. Кому они нужны? Даже если уже въехали туда, тебе отдадут.

— Возьму...— не задумываясь, согласилась Вера.

— Пусть они побудут у тебя...— он вздохнул.— Когда-нибудь я заберу.

— Куда ты поедешь, Вадик?

Он мрачно посмотрел ей в глаза.

— Зачем тебе знать? Да честно, я пока и сам не знаю...

Он снова вспомнил слова матери: «Ну, ты знаешь, куда тебе деваться...». Он не знал и мучительно раздумывал над этим. Знакомых у отца не так уж много в городе. И потом, знакомые теперь отвернутся от него, Вадима... Ведь он — сын врага народа. Когда ночью забрали профессора Северова из сорок третьей квартиры, ребята стали сторониться Толика Северова. Кстати, он всего и болтался во дворе три-четыре дня, потом исчез. Вадим знал, что детей арестованных куда-то увозят, скорее всего в детдом, а ему совсем не хотелось туда. Интересно, Толика забрали или все-таки убежал?..

Деньги Вадим успел взять из толстого тома «Гидротурбины». Техническую литературу почные гости не проверяли. Пересчитать было недосуг, но две-три тысячи рублей будет. Толстая пачка лежала между майкой и трусами. Не должна выпасть, брючный ремень поддерживает.

Внизу стукнула дверь лифта, Вадим поднялся с табуретки.

— Возьми ветчину, есть еще сыр, хлеб...— засуетилась Вера.— Я тебе все в пакет заверну и положу в полотняную сумку.

— А мать?

— Если что надо,— она быстро сложила продукты в сумку,— знаешь как меня найти... Да и позвонить всегда можешь. А снимет трубку мама — повесь.

Проводив его до двери, девочка протянула узкую розовую ладошку и совсем по-взрослому произнесла:

— Дай знать о себе, Вадик... Мы с папой будем рады, если у тебя все устроится.

— Хорошо, что лето,— ответил и он, как взрослый. Впрочем, минувшая ночь сделала его взрослым.— Зимой пропал бы... Да, вот ключи,— вспомнил он и протянул ей ключи от квартиры на кольцо.— Квартира не опечатана, я смотрел.

Он притворил дверь и поспешно стал спускаться по бетонным выщербленным ступенькам вниз. Лестнич-

ные площадки были просторными, двери двухстворчатые, высокие, многие обиты дерматином. Белосельские и Хитровы жили в старинных добротных домах в отдельных квартирах. НИИ пользовался в ЦК авторитетом и для ценных работников предоставляли отдельные квартиры, многие же жили в огромных коммуналках. Вон на втором этаже на облупленной бурой двери сразу шесть или семь звонков и будто орденские колодки-таблички с фамилиями жильцов. На другой двери — сразу пять почтовых ящиков.

Выйдя в освещенный солнцем просторный каменный двор, Вадим невольно взглянул вверх: у раскрытого окна с едва шевелящимися занавесками стояла Вера Хитрова. Она казалась белой статуэткой, поставленной на подоконник. Вадим хотел помахать ей рукой, но раздумал. Повернулся и зашагал через двор к арке, которая вела на улицу Марата.

3. Прощай, Ленинград!

Чувство опасности не покидало Вадима Белосельского. Интуиция или инстинкт самосохранения заставлял его бродить по городу, избегая места, где можно было встретить знакомых. Это был не страх — обыкновенная осторожность. От отца он был много наслышан о сотрудниках НКВД, в которых ничего человеческого не сохранилось. Они были способны на все: издеваться и пытаться заведомо невинных людей, заставляя их подписывать чудовищные признания, причем, пытки были столь изощренными, что и испанская инквизиция позавидовала бы им, могли на глазах детей избивать родителей, а то и самих детей, могли прямо из следственного кабинета вышвырнуть арестанта из окна на каменный двор и потом заявить, что он выпрыгнул сам, могли и просто из пистолета застрелить. По словам отца, энкавэдэшники походили на страшных роботов, порожденных чудовищной фантазией маньяка. Когда роботы изнашивались или давали сбой, их тоже безжалостно уничтожали, а на их место ставили новых, еще более изощренно жестоких. Менялись маньяки, управляющие хорошо отлаженной системой уничтожения людей, менялись и роботы, а вот сама людоедская система не менялась, знай себе перемалывала миллионы людей в прах, удобрения. На наивный вопрос сына: «Зачем все это нужно?» отец ответил:

— После большевистского переворота убили веру в Бога, в России стал править Сатана-Кабан, а после него Сатана-Коба...

Кого отец имел в виду под Сатаной-Кабаном он не стал пояснять, лишь скупо заметил, что Вадим, повзрослев, сам все поймет. И только в конце восьмидесятих годов Белосельский узнал, что так называл Ленина Мережковский. Ну а Сатаной-Кобой был, конечно, Сталин. Об этом мальчик сам догадался.

В отличие от многих сверстников, Вадим знал много такого, о чем те и не подозревали. Знал, что почти все громкие процессы над «врагами народа» — фальшивки! Не могут нормальные люди так огульно себя охаивать, наперебой признаваться во всех прегрешениях против собственного народа и вождя всех народов — Сталина. Причем, признавались охотно, даже с каким-то болезненным восторгом, перебивали друг друга, навешивая себе ярлыки предателей и убийц. Отец говорил, что палачи в обмен на эти чудовищные признания пообещали им сохранить жизнь... Но и это было обманом, почти всех сразу после суда — комедии — расстреливали. В общем-то всех тех, кто сам будучи у власти, приговаривал к расстрелам. Отец не жалел таких, скорее презирал. Он говорил:

— И эти жалкие людишки в кожаных тужурках делали революцию! Считали себя спасителями Отечества! А теперь ползают на коленях перед Сатаной-Кобой, продавая друг друга и наговаривая на самих себя! Что же это была за революция?

Впрочем, отец это называл большевистским переворотом, а зверское убийство царской семьи — самым грязным варварством, которого еще не знал мир.

Отец никогда ни о чем не предупреждал сына, зато мать после его горьких откровений — обычно отец «заводился» после прочтения отчетов об очередном процессе — умоляла Вадима ни с кем не делиться по этому поводу, в школе никогда не заводить разговоры о политике и, упаси Бог, сказать плохое слово о Ленине или Сталине. О других «вождях» тоже лучше помалкивать.

В свои десять лет он уже знал, что в советской стране очень неблагоприятно, пожалуй, это мягко сказано! В СССР просто страшно жить честным людям, особенно русским интеллигентам. Не верил он печати, радиопередачам, почти не читал книг детских писателей, восторженно воспевающих наш строй, счастливое детство, осененное ласковой улыбкой сквозь черные усы «отца и учителя». Когда в кино показывали первомайские демонстрации на Красной площади и Сталина, прижимающего к кителю с погонами генералиссимуса девочку или мальчика с букетом цветов, Вадим не умилялся, как другие, а холодно размышлял: специально вождю подсо-

вызывают ребят полсгче? Ведь на трибуну мавзолея гуськом избегают с десяток нарядных пионеров, а на руки он берет кого-нибудь одного...

Обо всем этом думал мальчик, неприкаянно бродя неподалеку от Московского вокзала. Будто невидимая нить удерживала его в этом районе. Не близость дома на Лиговке, нет, Московский вокзал — это сейчас для него единственный путь к бегству из города. А то, что уехать отсюда необходимо, Вадим не сомневался. У него нет дома, родителей, знакомых, родственников... Стоп! Родственники есть. В Пскове. Там живет отец матери, тоже из бывших... Очевидно, мать и имела его в виду, но адреса и даже фамилию своего деда Вадим не знает. Он и видел-то его всего один раз, когда тот после лагеря зашел в Ленинград к дочери. Он и был-то всего с неделю. Запомнилось его лицо со шрамом на скуле, тусклые голубые глаза, широкие сутуловатые плечи и сильные натруженные руки. Дед был дворянского сословия, участвовал в первой мировой войне, Георгиевский кавалер, после революции в чине штабс-капитана сражался на стороне белогвардейцев в армии Деникина, за что и отсидел в лагерях одиннадцать лет. В Ленинграде ему не разрешили поселиться — по этому поводу он и приезжал сюда — и дед обосновался в Пскове, где когда-то отец его владел поместьями. Мать с гордостью показывала Вадиму письмо А.С.Пушкина к ее прапрадеду. Правда, в письме было всего несколько строк, великий поэт обращался к помещику... Вадим чуть не подпрыгнул от радости: он вспомнил фамилию прапрадеда, а значит, и деда! Пушкин просил у псковского помещика и члена Дворянского собрания Добромыслова (имя-отчество он не запомнил) три тысячи рублей в долг до Пасхи, к письму прилагалась и расписка... Кажется, все это осталось в шкатулке на Лиговке. Эпикавэдэшники и внимания не обратили на семейную реликвию...

Псков город большой, а адреса своего деда по материнской линии Вадим не знает. Возможно, в их квартире и остались письма от деда, но туда нельзя и носа показать... И тут мальчика осенило: найдя в кармане пятнадцатикопеечную монету, он позвонил с первого телефона-автомата Хитровым. Трубку снял Арсений Владимирович. Вадим спросил его, не знает ли он псковского адреса Добромыслова, отца матери.

— Ты где сейчас? — отрывисто спросил Хитров.

Вадим сказал. Он звонил с угла Разъезжей и Марата.

— Иди к Аличкову мосту, там на набережной Фонтанки четная сторона и жди меня, — коротко скомандовал Арсений Владимирович и повесил трубку. Голос у

него строгий, повелительный. Неужели рассердился, что он, Вадим, съел его ветчину?.. Эту глупую мысль мальчик тут же отогнал: Хитров на такой пустяк не обиделся бы, наоборот, тоже накормил бы и в дорогу дал провиант. Сколько себя Вадим помнит, они дружили с отцом. Пожалуй, лишь ему одному и доверялся отец. Для того, чтобы отказаться от Сталинской премии, нужно было иметь огромное мужество. Так говорил отец и даже сделал выговор своему другу, дескать, не нужно было отказываться...

Был конец июня 1953 года и в Ленинграде еще не прошли белые ночи. Вадим сидел на шершавой ступеньке парапета и смотрел на красивый, вишневого цвета дворец. Не верилось, что это огромное здание с лепкой, кремовыми колоннами и титанами, поддерживающими балконы, когда-то принадлежало его, Вадима, предкам. Сколько же здесь комнат, холлов, банкетных залов? Внутри Вадиму так и не удалось ни разу побывать, здесь размещалось какое-то солидное учреждение, куда без пропусков и партбилетов не пропускали. От отца он слышал, что этот дворец был всего за два года построен в «стиле Растрелли» построен известным петербургским архитектором Штакеншнейдером в 1848 году. Дворцу ровно сто пять лет. Князья Белосельские-Белозерские жили в нем. Отец был потомком русских князей и, в отличие от многих из бывших, скрывавших свое дворянское происхождение, не отрекся от своих предков. И очень жалел, что при получении советского «серпастого и молоткастого» паспорта от древней фамилии отпали Белозерские. Паспортистка почему-то записала просто «Белосельский».

В школе Вадим слышал, что все цари, кроме Петра Первого, князья, графы, помещики, генералы были кровопийцами и извергами рода человеческого и только Великая Октябрьская революция наконец положила конец их владычеству на Руси... А дома отец рассказывал совершенно противоположное: утверждал, что в революцию был истреблен цвет русской нации, разрушены мирового значения церкви и храмы, вывезены за границу национальные богатства, одураченный большевиками народ своими руками по приказу комиссаров в кожаных куртках и с маузерами на боку уничтожал памятники древнерусской культуры, грабил ценности, дворцы, где веками собирались уникальные полотна художников, бронза, фарфор, драгоценности, из церквей выбрасывали на свалки иконостасы, станинные иконы, которым цены не было. Те кто делал революцию, были иной веры и лютой ненавистью ненавидели все русское, нацио-

нальное. Затравили патриарха Тихона, десятками тысяч расстреливали священнослужителей, живьем сжигали в монастырях монахов...

Те из лучших умов нации, кто уцелел в этой «великой замятне», не приняли революцию и, все бросив, с ужасом уехали за рубеж, пока еще можно было уехать! В России, давшей миру Толстого, Гоголя, Пушкина, Достоевского, не осталось ни одного великого писателя. Дети сапожников, портных, аптекарей, кухарок заняли их место и провозгласили себя пролетарскими писателями.

Вадим верил отцу, матери, полностью разделявшей взгляды мужа. Они владели несколькими языками и читали в подлинниках недоступную в СССР американскую, английскую, французскую литературу. При обыске изъяли много книг на иностранных языках. Отец рассказывал, что в княжеском дворце на углу Невского проспекта и Фонтанки была собрана богатая библиотека. В 1919 году уникальные тома в кожаных переплетах новые хозяева жгли в камине и печах. Во дворце расположилось какое-то советское учреждение. Холодной зимой они топили печь антикварной красной мебелью, даже сдирали с облицованных черным деревом потолков резные украшения...

— Ну, здравствуй, Вадим,— послышался глуховатый голос Арсения Владимировича. Задумавшись, мальчик не заметил, как тот подошел сзади.— Прощаешься с дворцом своих предков?

— Вы же сами выбрали это место,— он хотел встать, но Хитров положил руку ему на плечо и присел рядом. Вздрыбившиеся кони на Аничковом мосту были облиты солнцем и розово блестели, по Фонтанке проплыл речной трамвай. Из серебристых динамиков выплескивалась бравурная музыка. На широкой палубе на белых скамьях сидели отдыхающие. Мужчины в широких брюках и безрукавках, женщины в длинных юбках и беретах. Мелькали и детские лица. Через мост проезжали троллейбусы, черные «эмки», бежевые «Победы». Гудели клаксоны, лязгало железо.

— Твой отец ни в чем не виноват,— глядя на глянцевую поблескивающую воду, негромко произнес Арсений Владимирович.

— Я знаю...

— Время такое, Вадик,— будто не слыша его, продолжал Хитров.— Страшное время... Что-то произошло с людьми: говорят одно, думают другое. Вас в школе учат, что человек человеку друг и брат, а на самом деле все наоборот...

— Вы же друг... папе? — остро, исподлобья взглянул на Хитрова Вадим.

— Не обо мне речь... Таких как твой отец почти не осталось на Руси... Понимаешь, Вадим, народ стал подозрительным, злым, завистливым, и вместе с тем рабски покорным. Или делает вид, или действительно верит всему, что ему сверху говорят. Почти не стало личностей, Вадим. А твой отец был личностью...

— Был? — хрипло вырвалось у мальчика.

— Извини,— грустно усмехнулся Арсений Владимирович,— оговорился... Хотя, мальчик, нужно быть ко всему готовым. Люди бесследно исчезают, растворяются в недрах этой жуткой системы. Жизнь человеческая — копейка! И ничего не добьешься, никуда не достучишься, да и смельчаков таких мало, чтобы куда-то ходить, просить, стучаться... Вот «стучать» — это пожалуйста! Доносить, писать доносы. Таких найдется много у нас. Слышал анекдот? В тюрьме на парах сидят двое. Один другого спрашивает: «За что сидишь?» Тот отвечает: «За лень. Понимаешь, после бани зашли с приятелем в пивную, посидели там, поболтали о политике... Думаю, нужно сходить в НКВД и капнуть на него. Да лень стало, думаю, утром схожу... А он вот еще вечером капнул!».

Хитров высокого роста, удлиненное чисто выбритое лицо с умными серыми глазами, темно-русые волосы зачесаны назад, загорелый, лоб выпуклый, немного выпирают скулы, нос прямой. Вадим знал, что он сильный человек. Отец тоже не слабак, как-то за городом — они семьями выезжали на электричке в Тосно за грибами — взялись на лужайке бороться, так никто друг друга не смог одолеть. Арсений Владимирович сейчас в широких кремовых брюках и полосатой футболке со шнурком вместо пуговиц, на широкой в запястье руке — немецкие трофейные часы с черным циферблатом. Они не боятся ударов и воды. У отца тоже были такие...

Жесткие слова произносил Хитров, но Вадим был бы ему за это благодарен, если бы он утешал, бодрился, мальчишка обиделся бы. Нравилось ему и то, что друг отца разговаривал с ним, как со взрослым.

Вадим рассказал ему о последних, с намеком, словах матери, о своем псковском дедушке Добромыслове, посоветовал, что, наверное, найти его в Пскове будет не просто. Адреса-то не знает...

— Подожди,— наморщил крутой загорелый лоб Арсений Владимирович.— Добромыслов...— У него два Георгиевских креста за первую мировую... Сидел одиннадцать лет. Мы были в прошлом году с твоим отцом у него. Твой дед — лесничий. Он нас на лодке по реке Ве-

ликой доставил на глухие лесные озера, постреляли уток, я даже пяток куропаток в овсах уложил... Не в Пскове твой дед живет, Владик, в Пушкиногорском районе, по-моему, в самом райцентре, есть у него, конечно, и лесная сторожка. Спросишь в лесничестве — скажут, где он. Мы-то у него дома не были, он встретил нас на вокзале — и сразу на охоту.

Это уже обнадеживало. Отец очень любил природу и отпуск, как правило, проводил на Псковщине, но тогда Добромыслов сидел в лагере и останавливались они на озерах, жили в палатке, плавали и по реке Великой. Отец был хорошим охотником, стрелял мелкую дичь только к столу, не жадничал и на рыбалке. Вадиму лишь дважды выпало счастье побывать с отцом на Псковщине. Охота ему не нравилась, а рыбалку любил. И рыбы в тех краях было много. Бывало, поставят с отцом с вечера жерлицы, а утром почти с каждой снимают щуку...

Послышалось громкое пение, они одновременно взглянули на Аничков мост, через него проходила колонна зеленых грузовиков со спортсменами в синих майках и черных трусах. Юноши и девушки сидели на деревянных скамьях, вдоль бортов грузовиков были натянуты красные транспаранты: «Все выше и выше и выше! Слава советским спортсменам! Спорт — это здоровье нации!». Прохожие останавливались и смотрели на горластую, загорелую молодежь на раскрашенных машинах.

— Вот таких же молодых прямо со школ и институтов везли в сорок первом в самое пекло, правда, пели они другие песни: «Сталин наша слава боевая, Сталин нашей юности полет... с песнями борясь и побеждая-я наш народ за Сталиным идет...». А народ шел умирать, расплачиваться за глобальные промахи бездарного полководца...

— Но мы же победили! — вырвалось у Вадима. Про войну он много прочел книг, учителя заставляли читать такие книги, как «Сын полка» Катаева, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, всем классом ходили смотреть «Подвиг разведчика»...

— Победили, — угрюмо уронил Арсений Владимирович, — по какой ценой? За каждого немца три-четыре наших? В роте, с которой я воевал, к концу войны осталось шесть человек. Нам с твоим отцом повезло, а другим? Я воевал за советскую власть, а твой отец — за Россию. И как отблагодарила нас за это советская власть? Я чудом избежал лагерей после победы, а твой отец... Эх, да что говорить! — безнадежно махнул он рукой. — Сегодня

твоих отца и мать, а завтра, может, и меня... Страшная страна, чудовищный строй, кровожадный тиран... Дракон!

Хитров снова уставился на воду, из канализационной трубы выливалась беловатая муть и расплзалась по поверхности, красивые с изогнутыми крыльями чайки кружили над этим белесым пятном, изредка приводнялись и, подхватив что-то клювом, изящно взмывали вверх. Солнце уже скрылось за домами, верхние этажи зданий на Невском и Фонтанке окрасились в нежно-розовый цвет, ослепительно блестели окна. Под Аничков мост неторопливо вполз небольшой белый речной трамвай, в гранитную набережную звучно заплескалась волна, из динамика бодро неслось: «...наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка...».

— Мы давно уже остановились,— негромко продолжал Хитров.— В развитии, науке, культуре. А это гибельно для народа...

Вадим понимал, что все это он говорит скорее для себя, лишь у них дома Арсений Владимирович мог так рассуждать, потому что точно так же думал и отец. Вадима они не опасались, знали, что он не распушит слух, да потом, сверстники и не поняли бы его. Они боготворили Ленина и Сталина, дружно чтили Маркса и Энгельса, даже не зная, что они такого сделали. Марксизм-ленинизм изучали в старших классах. Правда, два густобородых человека с хитрым прищуром еще с детского садика смотрели на них со стен, а рядом с ними неизменно висели улыбчивый Ильич и всегда серьезный черноусый Сталин. В послевоенные годы генералиссимус заслонил своим чеканным профилем Маркса, Энгельса и даже Ленина. Вождь и учитель казался на портретах огромным и могучим и Вадим не мог поверить, что он небольшого роста, с сухой покалеченной рукой и вдобавок рябой. Об этом рассказал отец. Он же поведал и о том, что Ленин очень страшно умирал в Горках: почками из дворца неслись дикие вопли, переходящие в вой. Местные жители, проходя мимо, крестились и шептали: «Сгинь, антихрист!».

Конечно, отец не сразу стал такое рассказывать сыну, скорее всего, в последний год, когда Вадим учился в четвертом классе. Мать была более сдержана, но и она не скрывала своего отрицательного отношения к советской власти, вождям мирового пролетариата, так же считала, что это они привели великую державу к гибели. Мать работала старшим научным сотрудником в Пушкинском доме на Васильевском острове. Она часто приносила из архива подлинники документы и письма русских

классиков, о которых мало кто знал. От нее Вадим впервые и услышал про запрещенные романы Достоевского, особенно «Бесы» и «Дневник писателя», про романы и повести Замятина, Пильняка, Булгакова, Платонова, Соллогуба, Мережковского, Бунина. В школе учителя утверждали, что самый гениальный поэт — это Владимир Маяковский, а Вадим не мог выучить наизусть ни одного его стихотворения. Прославлялись поэты Демьян Бедный, Сулейман Стальский, Безыменский, Симонов, Ошанин, Алигер, Сейфулина, а читать их было невозможно, как и рекомендуемую в школе прозу классиков соцреализма. Всю эту прозу и поэзию отвергала и мать. И действительно, стихи Есенина, Пушкина, Лермонтова запоминались сами собой, а «классиков» соцреализма нужно было зубрить и зубрить, впрочем, все быстро вылетало из головы. Развитие Вадима Белосельского шло как бы в двух плоскостях: школьная программа и домашние чтения. Это были совершенно две разные системы. Может, от того, что домашнее воспитание было более интеллигентным и запретным, мальчик больше усваивал то, что преподавали ему родители. Когда он в четвертом классе спросил учительницу про роман Булгакова «Белая гвардия», та даже растерялась, потом путано пояснила, что малоизвестный драматург переложил этот роман на пьесу «Дни Турбиных», которая идет лишь в одном московском театре, а вообще Булгаков воспел в своем романе агонию уходящего с исторической сцены гнилого буржуазного класса...

А мать и отец восхищались этим романом!..

— ... уезжай сегодня же, Вадим, — дошел до его сознания голос Арсения Владимировича. — Вчера из Большого дома в институт приходил человек и спрашивал про тебя, мол, где ты можешь обитать? Один, без родителей... Он говорил, что государство позаботится о тебе, устроит... Ну ты знаешь, как наше государство «заботится» о детях врагов народа! Уезжай, Вадим. Разыщи своего деда и оставайся у него, вряд ли они туда сунутся. И потом, ты не столь важная фигура для них. Может, скоро и позабудут про тебя...

— Они никогда ничего не забывают, — мрачно повторил Вадим слов ва отца.

Хитров внимательно посмотрел на него и невесело улыбнулся:

— Вот ты и стал в десять лет почти взрослым человеком.

— Мне, дядя Арсений, не хочется быть взрослым...

— Такова наша несчастная жизнь, дружище... — Хитров поднялся со ступеньки, машинально отряхнул

сзади брюки, достал из кармана пачку зеленых ассигнаций, перетянутых красной резинкой, протянул мальчику:

— Возьми, пригодятся. Наверное, и на билет нет? Теперь, как сразу после войны, на крышах вагонов не ездят.

Вадим спрятал руки за спину, отрицательно покачал взъерошенной головой. Отец учил его никогда не брать денег в долг, да и давать не советовал. Хочет он того или нет, но должник рано или поздно становится твоим недоброжелателем, больше всего люди не любят кому-то быть обязанными, не терпят благодетелей. Таково уж свойство человеческой натуры...

— Отцовское воспитание,— усмехнулся Арсений Владимирович. — Бери, Вадим, это деньги твоего отца... Именно для такого случая он и передал мне их для тебя.

— Правда? — поднял на него большие зеленоватые глаза мальчик.

— Спрячь подальше, а приедешь в Пушкинские горы — отдай на хранение деду. Придет зима, а тебе и падеть-то на себя нечего будет.

— Я ночью проберусь домой... Там мои вещи. Возьму и пальто.

— Ни в коем случае,— сказал Хитров.— Именно на это они и рассчитывают... Метрика у тебя?

Вадим вспомнил, что метрику энкавэдэшник небрежно сунул в кожаную сумку, что была у него через плечо.

— Забрали,— ответил он.

— Тогда мой тебе совет: придумай себе другую фамилию...

— Нет,— твердо сказал Вадим. Зеленый ободок в глазах сузился.— Нашу фамилию я менять не буду!

— Как хочешь,— смиренно промолвил Арсений Владимирович.— Ради твоей же безопасности.

— Зачем я им? — тоскливо вырвалось у мальчика.— Что я им сделал?!

— Это безжалостная тупая машина,— сказал друг отца.— Она выпалывает поле подчистую. Ее придумал сам Дьявол.

— Но есть и Бог? — сказал Вадим.

— Вот этого я не знаю,— грустно улыбнулся Хитров.

Он крепко пожал руку осунувшемуся мальчику, не удержался и потрепал его по бледной щеке.

— Хочу надеяться, когда ты вырастешь, то все, что сейчас происходит, покажется тебе дурным сном...— тяжело ронял он слова.— Сгинет палач, истинный враг всех народов и все переменится... Должно перемениться! Или уже и настоящих людей в России не осталось?! —

Последние слова он почти выкрикнул, но опомнившись, оглянулся, помахал рукой и пошел в сторону Невского проспекта. Широкие штанины полоскались на ходу. Вдруг резко остановился, повернул расстроенное лицо к мальчику:

— Вадик, помни, что у тебя есть дом в Ленинграде. И тебе всегда будут рады.

«... Тетя Лиля не будет рада...— рассеянно подумал он про жену Хитрова.— Она всего боится и меня на порог не пустит...».

Вадим молча смотрел ему вслед. В кулаке была зажата пачка денег. Он снова подумал, что у отца есть настоящий друг. Хитров сказал, что таких, как отец, мало осталось, точно так же можно сказать и про Арсения Владимировича. Таких тоже немного. Зато много равнодушных, трусливых, готовых на предательство: много замкнутых с непроницаемыми лицами людей в зеленой форме и портупеях, а еще больше у них помощников-стукачей, которые постоянно вокруг нас...

Небо над Невским проспектом багровело, ослепительно сияла адмиралтейская игла, вода в Фонтанке сразу стала черной, как деготь, а с юношей и коней на мосту будто стерли позолоту. Пронзительный и персливчатый звук милицейского свистка резанул уши. К повернувшему с Аничкова моста на набережную тупоносому зеленому фургону с надписью «Хлеб», поддерживая кобуру, спешил коротконогий милиционер в белой гимнастике и синей фуражке с околышем. Прохожие равнодушно обтекали перегородивший им дорогу грузовик.

4. Под стук колес

До Пушкинских Гор оказалось не так-то просто добраться из Ленинграда: железнодорожная ветка доходила лишь до города Остров, а оттуда нужно было ехать на автобусах через Новгородку. Когда Вадиму было лет пять-шесть, родители совершили паломничество к могиле великого русского поэта. Помнится, добирались на поезде, потом на попутках, а от Новгородки до Святогорского монастыря, где могила поэта, на таратайке, запряженной двумя лошадками. Тогда этот гористый поселок еще по старинке называли Святыми Горами. Мать возложила на могилу букет роз, у ворот монастыря их сфотографировал местный фотограф. Высокий, широкоплечий отец, худощавая стройная мать и он, Вадим, в матросском костюме. На черной ленте бескозырки надпись: «Грозный»...

В кассе ему дали плацкартный билет для взрослых, поезд должен был прибыть в Остров в шесть утра. Ночь перед этим Вадим провел на вокзале. Почти все невысокие лавки были заняты транзитными пассажирами, он приткнулся у окна. В зале ожидания витал запах дезинфекции и отхожего места, слышался храп, людской приглушенный говор. Под высоким побеленным потолком летал воробей, иногда опускался и прямо у ног пассажиров склевывал крошки. Первое время Вадим всякий раз вздрагивал, когда совсем близко раздавался металлический грохот отправляющегося с платформы поезда, а потом незаметно задремал. Пожилая женщина с черным фибровым чемоданом и котомками поначалу косилась на него и все время щупала толстыми ногами в ботах свой багаж. Она поинтересовалась, куда едет Вадим, тот сказал, что в Остров к деду.

— На каникулы?

— Ну да,— кивнул Вадим. Врать он был не приучен, но и рассказывать посторонней женщине о своих злоключениях не хотелось. Тетка угостила его крылом жареной курицы, пирожками с капустой и крутыми яйцами. Евший последние дни урывками и на ходу, мальчишка набросился на вкусную домашнюю снедь. Добрая женщина все подкладывала ему то пирожок с поджаристой корочкой, то яйцо. Она ехала в Печоры, где у нее был свой дом и большой участок с яблоневым садом.

— У нас красиво-о, есть че поглядеть,— протяжно говорила она.— Один старинный монастырь че стоит... Сколько раз разоряли, супостаты, а он все стоит. Монашки все больше старые, немощные, но с утра до вечера копаются за каменными стенами. У многих гробы для себя сколочены, иные и спят в них заместо кровати...

У Вадима слипались глаза, он клевал посом, жмурился, моргал, а рукой нет-нет щупал засунутые за пазухой деньги. Вещей у него никаких не было, по-видимому, из-за этого женщина и смотрела ранее на него с подозрением, дескать, не воришка ли? Иногда шмыгали мимо лавок подозрительные люди в мятых брюках и пиджаках с цепким вороватым взглядом, слонялись и подвыпившие. Эти искали свободные места, где бы приткнуться, а один так и завалился в проходе, откуда его вскоре выставил за гулкую дверь молодой высокий милиционер в синей форме и с пустой кобурой на боку.

Вадим помог женщине дотащить котомки до седьмого вагона, ему нужно было в девятый. Проводница тоже с подозрением его оглядела, долго изучала рябой кар-

тонный билет с компостером, мальчишка вынужден был сказать, что его дядя вчера уехал, а он задержался у родственников, потому и едет налегке без вещей.

— Ишь, нижнюю полку дали...— покачала головой проводница. — Забирайся, парнишка, на верхнюю, не то ночью подниму, коли кто с дитем подсядет.

Свернув в комок серую куртку с накладными карманами, Вадим положил ее под голову и растянулся на жесткой крашеной полке. Здесь тоже пахло дезинфекцией. Внизу о чем-то негромко толковали двое мужчин и толстая круглолицая молодуха в коричневой шерстяной кофте. У нее смех был какой-то взвизгивающий. У женщины толстые ноги, большая колыхающаяся грудь и красные губы, когда она хихикала, видна была щербинка меж зубов. Мужчины худые, один белобрысый, второй черный, как цыган. Оба наперебой заигрывали с грудастой молодухой. Стук колес и неразборчивые голоса усыпляли. Еще раз пощупав за пазухой завернутые в газету деньги, он закрыл глаза и сразу оказался дома на Лиговке в отцовском кабинете. Две стены в книжных полках, рядом с письменным столом громоздкая рейшина с приколотым к доске ватманом. Форточка открыта и слышно как за окном шумит дождь. В Ленинграде белые ночи и свет еще не включен. Отец стоит у окна, повернувшись боком к сыну. У него густые темно-русые волосы, зачесанные назад, четкий профиль с твердым рельефным подбородком, нос прямой, чуть впалые виски. Гордая, всегда высоко вскинутая голова на крепкой шее. Рукава клетчатой рубашки засучены, на мускулистых руках поблескивают светлые волоски.

— Ты задал мне трудный вопрос, Вадик...— глуховатым ровным голосом говорит отец.— Есть ли Бог? Этого наверняка никто не знает... Но если уже тысячелетия существует религия, если она несет людям свет, культуру, нравственность, веру в праведную загробную жизнь, то от этого нельзя было так просто отмахнуться, как это сделали большевики в семнадцатом году. Откуда у них такая ненависть к религии? Отринув и низвергнув Бога, они стали поклоняться Сатане! И Бог отвернулся от простых людей, хотя они и не виноваты. Разрушали храмы, разворовывали церковную утварь, гадили в наших святынях не верующие, а нехристи, ненавидящие нашу гуманную религию. Они захватили власть и показали на что способны... То-то возликовали черные сатанинские силы! Бог мудр и справедлив, я никак не могу взять в толк, почему он отвернулся от нас? Почему не

наказал сатанистов? А, может, еще не пришла пора... И Божий гнев еще обрушится на головы его хулителей и истинных врагов испоганенной России?..

— В школе учат, что только темные люди верят в Бога...— возражает Вадим.

— Темные люди,— усмехается отец.— В Бога верили великие сыны России: всемирно известные писатели, ученые, философы. Учителя, как попки, тупо повторяют то, что написали для них сатанисты — враги религии и всего национального русского. Народ, утративший свои корни, как нация кончается, становится денационализированным, без Бога в душе и царя в голове. Таким народом удобно управлять, заставлять его совершать любые грязные деяния во имя бредовых идей коммунизма или так называемого социализма... Причем, страной управляют полуграмотные люди, гордящиеся своим плебейским происхождением, убежден, что они и сами-то толком не понимают, что же такое коммунизм, социализм, марксизм-ленинизм. Да, еще появился сталинизм... Это все надуманные, мертвые учения. А знаешь ли ты, сын, что «вождь народов» не имеет даже среднего образования? И такую же подобрал себе команду неучей и невежд... Кому он раздает сталинские премии? Как правило, бездарным писакам, ничего общего не имеющим с настоящей литературой или искусством, но зато возвеличивающим его, «отца и учителя» ... За тридцать шесть лет советской власти в стране полностью исчезли национальная культура, литература, искусство. Все это подменено суррогатами или, как в войну говорили, эрзацами. На место русской, духовно богатой аристократии, пришли сапожники, торгаши, портные, аптекари. И по их убогим меркам то, что они «творят» и есть настоящее искусство, а самый главный сын сапожника оценивает их стряпню и награждает своими премиями. Идет массовое оболванивание людей... Я не хочу, Вадим, чтобы ты вырос Иваном Непомнящим Родства, а задача современных идеологов — именно вырастить такие поколения людей-роботов... Не верь учебникам и книгам, где охаивается все, что было сделано, создано до революции, не верь, что дворяне, аристократы были мироедами и негодяями — это наглая, бесстыдная ложь! Весь мир помнит и чтит имена выдающихся русских людей прошлого, только на их родине все делается, чтобы эти имена были забыты...

Вадим очнулся от резкого толчка и скрипа вагона. Еще рывок, затем протяжный гудок паровоза и снова все быстрее застучали колеса на стыках рельсов. Перед глазами все еще стоял отец, в ушах звучали его проник-

новенные слова. Если бы Вадима попросили все, что говорил отец, повторить раньше, он вряд ли смог бы это сделать, а вот только что, в вагоне на верхней полке, все во сне было так ярко и отчетливо, будто наяву. Отец иногда говорил и сложные для понимания вещи, но слова его намертво откладывались в голове мальчика и потом, став взрослым, он не раз будет их вспоминать, осмысливать, поражаясь уму и проницательности потомка князей Белосельских-Белозерских...

По-видимому, обладая богатым воображением, Вадим мог в точности воспроизводить в сознании картины увиденного и даже услышанного, как и этот, один из последних перед арестом, разговоров в кабинете отца. Впрочем, говорил отец, а он слушал. Слушал внимательно, впитывая в себя его слова как губка влагу, ведь все то, что говорил отец, невозможно было больше ни от кого услышать, про школу уж и говорить нечего... Прочсть еще можно было, но мать долго редкие книги дореволюционного издания не могла держать. Иногда они с отцом читали по очереди книгу вслух, вот тогда и Вадим пристраивался где-нибудь неподалеку и внимательно слушал, хотя многого и не понимал. Отец сразу объяснил, что болтать про все то, что Вадим слышит в доме, ни в коем случае нельзя, иначе все может очень плохо кончиться... Забирали людей за пустяковые анекдоты, арестовали по доносу соседку с первого этажа лишь за то, что она завернула селедку в газету с портретом Сталина, а потом выбросила на помойку. Кто-то, скорее всего дворник, увидел это и сообщил куда следует... Это «куда следует» называли «Большой дом», а еще чаще «органы». Это страшное слово произносили вполголоса, шепотом, а человек, работающий в органах, был в глазах обывателей чуть ли не Богом. Его все боялись, первыми кланялись, шапки ломали... Один такой с погонами капитана жил в их доме. Он будто был окружен невидимым силовым полем, когда шел по двору, все расступались, освобождая дорогу. Он почти ни с кем не здоровался, да и увидеть его можно было только в выходные, люди, работающие в органах, были невидимками. Они могли «работать» и ночью. По крайней мере, всех кого забирали — это случалось ночью или на рассвете. Отец рассказывал, что и допрашивают следователи из органов арестованных в основном ночью, а когда пытаются, включают в кабинете граммофон с бравурной музыкой. Такой меломан «бесседовал» по ночам с отцом в 37-м году в Большом доме...

Внизу слышалось какое-то шуршание, приглушенный смех с визгливыми нотами, уговаривающий муж-

ской басок. Это черный, цыганистый, а белобрисого не слышно. Наверное, вышел. Вагон был тускло освещен единственной у тамбура лампочкой, белая занавеска на окне слабо колыхалась, скрип и стук колес заглушали голоса, но иногда они прорывались, как и звяканье бутылки о стакан.

— Пусти-и, Илья... — хихикнув, говорила молодуха. — Руку-то, руку прими, какой быстрый!..

И снова глуховатый басок мужчины, потом продолжительное бульканье, смачное чмоканье, голос молодухи:

— А вдруг мальчонка услышит?

— Дрыхнет он... — бубнил мужчина. — Отрубился!

— А кто мимо пройдет?

— Спят все, Варя... Слышишь, храпят?

— Только, гляди, не в меня... Я сразу залетаю...

Говор смолк, послышалась возня, кряхтенье, какое-то равномерное постукивание, будто кто-то костяшками пальцев ударял по дереву, чмоканье, вздохи, бормотание, стоны...

— Ох, мамочки! — приглушенный голос женщины. — Ты, Илья, как фашист гранату!...

— Варя-я, Варя-я-я, Варя-я-я-а! — ворвался в уши истошный вопль мужчины, забывшего все на свете.

Вадим отвернулся к перегородке и обеими руками зажал пылающие уши. Он уже был не маленький и понимал, что происходит сейчас под ним на нижней полке. Было противно и как-то сладко-тревожно. Теперь другие картины возникали перед крепко сомкнутыми глазами мальчика...

5. Островские ребята

Вадим клял себя потом на чем свет стоит за то, что заранее не разменял пятидесятирублевку и не положил деньги в карман брюк. Как только открылся привокзальный буфет на станции Остров, он занял столик у запыленного окна, из которого были видны блестящие железнодорожные пути с товарными составами и маневровым паровозом, взял холодную яичницу с колбасой и стакан жиденького кофе с молоком. И еще черствый бублик. В буфет, хлопая дверью, заходили железнодорожники в фуражках со скрещенными молоточками, ранние пассажиры, вскоре все круглые столики с клеенчатыми скатертями были заняты. Вадим заметил неподалеку от себя двух парней в синих спортивных трикотажных костюмах с эмблемой «Буревестник» и белых резиновых туфлях. Парни тоже ели яичницу с колбасой и запивали бутылочным пивом.

Железнодорожники опрокидывали бутылки в кружки и одним махом выпивали пенящееся пиво. Крякали, вытирали ладонями рты и уходили. Подошла официантка — высокая черноволосая девица со стоячей кружевной наколкой на голове — и тут Вадим только вспомнил, что деньги-то у него за пазухой. Пришлось, краснея, доставать, разворачивать смятую газету и вытаскивать из пачки крупную купюру.

— Ого, богатый мальчик! — не удержалась и брякнула официантка. Оба парня уставились на него. Он поспешно спрятал деньги снова за пазуху, а сдачу сунул в карман брюк. Провожаемый заинтересованными взглядами парней, поспешно пошел к выходу. И лишь отойдя на порядочное расстояние от вокзала, спокойно вздохнул: никто за ним не вышел. Правда, три железнодорожника примерно минуты через две появились в вокзальных дверях, но они даже не посмотрели в его сторону, направились вдоль путей к приземистому оштукатуренному станционному зданию, наверное, к стрелочным мастерским. Чего он испугался? Парни — спортсмены, зашли выпить пива. Да и на жуликов не похожи. Вскоре прибыл товарняк, отрезав вокзал от булыжной дороги, ведущей к автобусной станции. Дорогу Вадиму показал молодой путевой рабочий в замасленной куртке и сдвинутом на затылок берете.

Родившемуся в Ленинграде мальчишке было дико видеть в общем-то большой белый город, но совершенно без многоэтажных зданий. Что-то купеческое было в облике старинного Острова: огромный магазин в центре, напоминающий Гостиный и Апраксин дворы, каменные лабазы с железными воротами, полуразрушенные кирпичные церкви, лишь Троицкий собор выглядел белым лебедем, по-видимому, его недавно побелили, однако в верхних круглых окнах стекла были выбиты и туда залетали дикие голуби. В красивом соборе помещалось какое-то учреждение, а может, склад. Когда Вадим проходил мимо на него пахло кисловатым запахом слежавшихся кож. Не все еще дома были полностью восстановлены после войны, строились и новые кирпичные здания, в одном из них, почти готовом, он насчитал пять этажей. Выше домов не увидел. Солнце, не торопясь, поднималось над широкой здесь рекой Великой, перерезавшей город на две части. Редкие перистые облака стояли на месте. Припекало макушку, надо было бы купить хотя бы камилавку или панамку. В Ленинграде было еще жарко, но там всегда можно найти тень, а здесь пустынно. Автобусная станция была безлюдной, в крошечной будке загорелая женщина в сиреневой ко-

сынке скучала в кассе, несколько женщин с корзинками и сумками сидели в отдалении на двух скамейках под дощатым навесом.

— К Александру Сергеевичу в гости? — улыбнулась мальчишке кассирша. — Надо было приезжать 12 июня; был большой праздник в Михайловском! Со всей России съезжались гости... Правда, была гроза и всех дождик помочил.

Вадим уже заметил, что в Острове люди приветливые, разговорчивые, путеец тоже перекинулся с ним несколькими добрыми словами, когда показывал дорогу на автовокзал. Автобус отправлялся в Пушкинские Горы в одиннадцать с минутами, а сейчас, если верить круглым электрическим часам с треснутым циферблатом — 9.45. Не так уж долго ждать. Немного в стороне по неровному шоссе грохотали машины, все больше зеленые полуторки и трехтонки, тарахтели на обочинах и телеги с возницами. На голубоватом небе не осталось ни облачка, хорошо бы выкупаться, да уже не успеешь, до речки не близко. В сердце закрадывалась тревога: а что, если Григория Ивановича Добромыслова нет в поселке? Если он все еще работает в лесничестве, то, может, и живет в лесу? Кто к нему проводит его, Вадима? Первым делом он разыщет в Пушкинских Горах лесничество, ну а дальше видно будет...

Перед самым приходом автобуса на станции появились два спортсмена в белых кедах, оба без всякой ручной клади. Они старательно не смотрели в сторону Вадима, щелкали семечки и, стоя на площадке, лениво перебрасывались словами. У мальчишки пробежал холодок между лопатками: чего им тут нужно? Не похоже, чтобы они тоже куда-то собрались ехать, не подошли к будке кассира, а вскоре уселись на свободную облупленную и изрезанную ножами скамью, как раз напротив столбика с желтой дощечкой, где были написаны номера транзитных автобусов. И почему он, Вадим, решил что они спортсмены? Костюмы старые, стираные, да парни-то не богатыри: один, с короткой светлой челкой и прищуренными серыми глазами, был худощавым и немного сутулым, второй — рыжеватый с красноватыми волосами, зачесанными набок, редкими белыми ресницами и немного вывернутыми губами — был покрепче на вид, плечистее и кривоног. Один кед у него был с дыркой у носка. Парни выплевывали под ноги шелуху и не смотрели на него и от этого на душе Вадима становилось все тревожнее. Среди немногих пассажиров не было ни одного мужчины, да и теток-то всего четыре. Видно, знакомые, потому что держались рядом и оживленно

разговаривали друг с другом. Кассирша закрыла на замок свою будку и пошла к белому с железной крышей зданию через шоссе, наверное, там столовая или буфет. Автобус запаздывал, но никто не проявлял нетерпения, видно, привыкли ждать. Наконец он появился, запыленный, раскаленный, бело-голубой с длинным носом. Трофейная колымага. Такие в Ленинграде давно не ходят. Шофер был в синей майке и камилавке, с залепленной кусочком пластыря скулой. Если бы Вадим проскользнул в автобус первым, возможно, ничего бы и не произошло, но он пропустил вперед женщин с сумками и котомками, а когда занес ногу на металлическую подножку, то почувствовал, как цепкая рука ухватила его за воротник куртки. Не оборачиваясь, Вадим лягнул ногой в полуботинке парня — это был рыжий с белыми ресницами — и, ухватившись за блестящий поручень, попытался вскочить в салон с жесткими черными сидениями. Там шумно усаживались женщины, шофер, сдвинув брови, курил, глядя прямо перед собой.

— Пусти, сволочь! — наливаясь яростью, крикнул Вадим, но пахнувшая луком и колбасой ладонь зажала ему рот, сильный рывок и назад — и рука его оторвалась от скользкого поручня.

— Чего там у вас? — равнодушно покосился на дверь шофер. Пластырь с одной стороны немного отлепился. — Я поехал.

— Братишка нарезал из дома, — с ухмылкой сказал шоферу худощавый парень с челкой. — Путешествовать ему, видишь ли, захотелось!

Вадим мычал и вырывался из цепких лап Рыжего, но тот изловчился и так надавил грязным пальцем на глаз, что у мальчишки от боли перехватило дыхание, а в глазу будто вспыхнула всеми цветами радуги электрическая лампочка. Ноги его оторвались от земли, он слышал как фыркнул автобус, лягнула дверь которую шофер закрывал ручкой с рычагом. Во рту он почувствовал солоноватый привкус крови — наверное, губу прикусил...

«Спортсмены» затащили его за общественный туалет, неподалеку от автостанции, тут росли лопухи, припорошенные пылью, и репейник и без лишних разговоров извлекли из-за пазухи сверток с деньгами. Худощавый газету выбросил, потряс пачкой зеленых бумажек перед носом мальчишки, ухмыльнулся:

— У кого спер, сучонок? У мамы с папой?

Рыжий настороженно осмотрелся, перевел взгляд на мальчишку.

— Надо бы тебя сдать в милицию, но мы добрые, понял? А воровать не хорошо, салажонок...

— Это вы — ворюги, — сдерживая злые слезы, выдавил из себя мальчишка.

— Не серди нас, вьюноша, — добродушно заметил напарник Рыжего. — Мы можем и по сопатке, слышишь?

— Ладно, гуляй, пацан... — прибавил Рыжий. — Без краденых денег оно спокойнее... — и противно рассмеялся, показав золотой зуб.

— Вдвоем на одного? — зло сверкал на них влажными глазами Вадим. — Мразь вы, подонки!

— Оскорбляет, а? — удивился худощавый. — Может, ты эти деньги, салага, заработал на колхозных полях? Или получил по наследству от бабушки?

— Ясно, украл, — сказал Рыжий. — И потом, ты не местный, мы всех своих знаем.

— И жаловаться на нас ты не пойдешь, — прибавил второй. — Ну к чему тебе это, пацан? Ты даже кричать не станешь, как ты людям объяснишь, что у тебя столько бабок?

Вадим смотрел на них с нескрываемой ненавистью и молчал. Глаза щипало, но он не хотел при них вытереть их ладошкой. Верно, жаловаться в милицию он не пойдет... Какую глупость сморозил, что не разменял в Ленинграде полусотню. И вот выследили, сволочи... Теперь и пообедать не на что. Да и билет на автобус, наверное, пропал.

Что-то дрогнуло в наглых глазах Рыжего. Он достал из кармана деньги, отделил от пачки одну зеленую бумажку и сунул мальчишке за воротник рубашки.

— Мы не жадные, — сказал он. — Это тебе на мелкие расходы.

— Балусь салажонка, — неодобрительно заметил худощавый. — Смываемся, Петух!

Оглядываясь на него и о чем-то негромко переговариваясь, они вскоре скрылись за автобусной станцией, а Вадим, опустив плечи, все стоял в лопухах и ненавидяще смотрел им вслед. Кажется, второй автобус идет через два часа. Билет, по-видимому, придется снова покупать. Не так было жалко денег — он еще не привык иметь их в больших количествах и знать им цену — как угнетало собственное бессилие, полная незащищенность от этого жестокого мира. Чем эти лучше энкавэдэшников? Постунили с ним, как с мокрым мышонком! Эх, если бы он был взрослым... Уложил бы в жирных лопухах обоих! Сплюнув кровью от прикусенной губы, он

присел на пыльный серый камень и стал яростно выдерживать из штанин цепкие двуногие семена репейника. И откуда их столько набралось?

Большая сиреневая стрекоза уселась на лопушину и выгнула дугой длинное полосатое туловище. И замерла на солнце в такой позе. Низко пролетела над головой сойка. С шоссе доносился шум проезжающих машин. Может, поднять руку и ждать, чтобы кто-нибудь остановился? Ему не хотелось больше оставаться в этом белом малолюдном городе.

6. Егерь Его Величества...

Вадима подобрал в Острове туристский автобус из Ленинграда, из разговоров земляков он понял, что они учителя и едут на экскурсию в Михайловское. В Острове они сделали небольшую остановку, мальчишка и столкнулся с бородатым добродушным на вид мужчиной — по-видимому, старшим группы. Вернее, тот сам подошел и заговорил с ним, видно, очень уж был несчастный вид у мальчишки. Рассказывать, что его нагло среди бела дня ограбили, он не стал, наоборот даже показал билет, заявив, что замешкался, а автобус без него ушел... Места свободные были и Вадима пустили в салон, шофер покосился на него, но ничего не сказал. Мрачный, расстроенный Вадим смотрел в окно на проплывающие мимо деревни, золотистые поля, темные речки. На лугах паслись коровы. Местность была малолесистая, асфальт выбитый, иногда автобус резво подпрыгивал и старчески кряхтел. Совсем низко пролетел пузатый самолет с выпущенными шасси, где-то близко аэродром. Неожиданно открылась зеленая перед прудом лужайка, на которой скопилась тьма грачей. Прямо какое-то грачиное собрание. Кто-то заметил, что грачи обучают своих птенцов. Только непонятно чему: все черные, как головешки, птицы бродили по траве, ни одной не видно в воздухе. Лужайка осталась позади, серебристо блеснула узкая речка и снова поплыли тронутые желтизной поля, несколько минут ехали будто сквозь березовую рощу. Огромные деревья как солдаты в ряд близко стояли по обе стороны, сразу стало в автобусе прохладно. Вверху над головами был приоткрыт квадратный люк.

В Пушкинских Горах автобус остановился у нового застекленного двухэтажного ресторана с плоской крышей, тут же стояли несколько разноцветных автобусов и «Побед». Огромные стекла в металлических рамах жарко блестели. Туристы, разминаясь на ходу, пошли обедать,

а Вадим, поблагодарив бородастого мужчину, зашагал вниз по дороге. Есть не хотелось, да и хотелось поскорее определиться. Здесь прямо в центре была гористая местность: заасфальтированное шоссе то круто обрывалось вниз, то резво взбегало на гору. Белели стены Святогорского монастыря, зеленела свежей покраской крыша высокой часовни. Мальчишке указали, где находится лесничество, оказалось — совсем близко. На крыльце небольшого деревянного здания с черной вывеской лежала огромная собака непонятно какой породы. Она и не подумала отодвинуться, когда Вадим поднялся на крыльцо, лишь приподняла большую лохматую голову и зевнула, показав красную пасть с острыми зубами. Прижимаясь к перилам, он прошел в темные сени, где было несколько дверей с тусклыми узкими табличками. И уже переступая высокий порог, он подумал, что не знает с чего и начинать, значит, нужно говорить правду... Первый кабинет был пустой, лишь на столе дымился в стеклянной пепельнице окурков, в другом кабинете, если так можно было назвать маленькие комнатки с низкими белыми потолками и одним окном, застал пожилую женщину в очках, склонившуюся над бумагами. Не поднимая на вошедшего глаз, она произнесла:

— Чего встал? Расписывайся...

— Я ищу дедушку,— подал голос Вадим, остановившись у двери. В углу на полу лежали коричневые картонные папки с бумагами, точно такие же папки висели до потолка и на шкафу у стены. И назойливо жужжала у окна муха.

— Что-то я тебя никогда вроде бы не видела, внучок? — сняв очки, посмотрела на него женщина. На переносице обозначилась красная полоска.— Чей ты?

Вадим назвал фамилию деда, сказал, что приехал к нему из Ленинграда на каникулы.

— А что же он тебя не встретил?

— Мама... хотела телеграмму послать, но...— начал Вадим и замолчал: он решительно не умел врать, мучительно было это делать, однако женщина не стала дальше выяснять.

— Егеря сюда редко наведывается,— сказала она.— Не мудрено, что и телеграмму не получил. Не понесет же ее почтальон в лес? А вообще, погуляй по поселку, он у нас красивый, сегодня день выдачи зарплаты, может, Григорий Иванович и пожалует... Был на могиле Пушкина? Сходи в село Михайловское, две версты, а я егерю скажу, чтобы тебя дождался, если прикатит...

— На чем?

— На велосипеде — другой транспорт он не признает, — улыбнулась женщина, по-видимому, бухгалтер и кассир в одном лице. За ее спиной возвышался бурый приоткрытый сейф, а на столе лежали счета. Тут стали подходить люди, и Вадим покинул комнатку. В сенях с кем-то столкнулся, извинился и выбрался на свет.

На могилу к великому поэту он не пошел, время приближалось к обеду. Появился аппетит. В ресторан он зайти не решился, нашел столовую рядом с магазином кулинарии. В душном помещении с потемневших от времени электрических шнуров свисали свернувшиеся в трубки ленты. На них налипли черные мухи, пахло жареным луком и кислыми щами. Почти все столы были заняты — в основном рабочими и строителями. Это можно было определить по желтым каскам и заляпанным краской и раствором робам. Вадим взял алюминиевый поднос — столовая была самообслуживания — и подошел к длинному, застекленному сверху прилавку. Взял салат из помидоров, тарелку щей с куском сала, котлету с вермишелью, несколько кусков хлеба и стакан мутного компота. За все это заплатил кассирше восемьдесят шесть копеек. Еда была невкусная, а компот понравился: сладкий и пахнет грушами.

Послonyaвшись по утопающему в зелени большому поселку, Вадим снова оказался в центре. У ресторана «Витязь» стояли два больших автобуса с ленинградскими номерами. Сквозь широкие сверкающие окна ресторана были видны туристы, официантки в кружевных косынках и белых фартуках. В Пушкинских Горах есть и Пушкинская улица, кинотеатр имени Пушкина, его именем названа средняя школа, да, наверное, и многое другое. И памятников много, даже больше, чем Ленину и Сталину. От отца он слышал, что в стране нет такого жилого места, где бы не стояли памятники Ленину и Сталину, нет такого поселка, где бы не было улицы Ленина и Советской. Вслед за ними идут названия улиц Урицкого, Володарского, Свердлова... Всех этих деятелей отец называл палачами русского народа. Не успел он об этом подумать, как снова увидел памятник Пушкину, от которого начинался широкий проспект Ленина... Виднелись строительные леса, тарахтящие лебедки, мимо с грохотом проезжали грузовики с кирпичом и досками, грохотали колесами телеги с бочками с раствором. Возницы с вожжами в руках шагали рядом.

Вадим засмотрелся на работу каменщиков, кладущих красные кирпичи на стену третьего этажа. Ловкие движения рук, орудующих с кирпичами, раствором, мастерком. Красная стена росла прямо на глазах. Обнажен-

ный до пояса, с бумажным колпаком на голове, загорелый молодой каменщик артистично выполнял свою работу, изредка перекидываясь словом с напарником, подававшим ему звонкие кирпичи. Рядом за спиной мальчика тарахтела лебедка, поднимая наверх контейнер с кирпичами. Вадим зачарованно смотрел на каменщика, уже заломило шею. Над головой загорелого парня плыло небольшое, с золотым солнечным ободком облако, голубое небо, черные стрижи, их мелодичные трели вызывали какие-то неясные воспоминания.

И тут случилось это самое: то, что уже однажды было с ним, но чему он не придавал никакого значения. Вдруг стало тихо и будто бы все вокруг замерло: каменщик с поднятым мастерком, его напарник с кирпичом в руке, стрижи в небе превратились в золотые крестики, а облако будто впаялось в бездонную голубизну. Все это продолжалось какое-то томительное мгновение, вслед за тем какая-то неведомая сила толкнула его в сторону, послышался раскатистый удар. Как живые мячики запрыгали кирпичи, каменщик и его напарник задвигались и, перевесившись через стену, смотрели на него...

С тросов сорвался тяжелый контейнер с кирпичом и рухнул на то место, где только что стоял мальчишка. Что-то кричал крановщик, через строительную площадку бежал к нему невысокий человек в пиджаке. С лесов смотрели вниз строители. Вадим, не оглядываясь, почти побежал прочь.

Впрочем, на него никто, пожалуй, кроме загорелого каменщика и внимания не обратил. Мальчик испытывал странное чувство — запоздалый страх и изумление, он ведь не видел, как оборвался трос и полетел вниз контейнер, но успел отскочить... Точнее, что-то его сильно толкнуло в бок, как воздушная волна от взрыва... Но взрыва не было, был глухой удар о землю и звон запрыгавших вокруг обломков кирпичей.

Нечто подобное случилось два года назад, когда точно так же он спасся на Лиговке от мчавшегося на него грузовика с металлическими бочками. Неведомая сила выбросила его с проезжей части на тротуар — он переходил дорогу у Московского вокзала — а грузовик пролетел рядом...

Об этом Вадим никому не рассказал и скоро забыл о своем чудесном спасении, поразившем видевших это прохожих. И вот снова почти точно такая же история. Свернув в знакомый переулок и немного придя в себя, Вадим впервые подумал, что все это и есть то самое чудо, о котором рассказывал отец. С ним тоже нечто похожее происходило на фронте, где смерть постоянно была

рядом, однако не каждая облюбованная ею жертва погибала в военном грохочущем аду. Кто-то более сильный, чем смерть, спасал его...

На этот раз в комнате бухгалтера толпилось много людей. Они расписывались в ведомости и получали деньги. Мальчишка поглядывал на них, но никого, кто был старше шестидесяти лет не увидел. Дед-егерь представлялся ему огромным, бородатым, с суровым взглядом и ружьем за спиной. Вообще-то, он совсем не помнил его, а на фотографии в альбоме он был молодым и безбородым. Когда комната опустела, женщина устало посмотрела на присевшего в углу на табуретку мальчишку. Русский вихор петушиным гребнем торчал на голове.

— Теперь, видно, не приедет,— сказала она.— Нынче пятница, ему вечером нужно будет гостей принимать на нашей турбазе...

— Далеко это? — спросил Вадим.

— Погоди...— вдруг осенило бухгалтершу.— На турбазу собирался наш шофер Лукьянов, он только что расписался... Если не уехал со двора, позови его! Он на «газике» ездит.

Вадим бросился к двери и остановился на пороге.

— А как его... по отчеству?

— Да Васька! Крикни Василия, скажи, чтобы в бухгалтерию вернулся.

Вадим выбежал из дома и увидел у «газика» двух молодых мужчин о чем-то разговаривавших. Один из них, невысокого роста с густыми каштановыми волосами, закрывающими уши, в клетчатой ковбойке и зеленых брюках, крутил на пальце брелок с ключами. Другой — рябоватый, в зеленой рубашке, с рано обозначившейся плешью, размахивая руками, трещал без умолку. Лицо у него было красным.

— Товарищ Лукьянов,— вежливо обратился Вадим к парню с ключами.— Вас просят зайти в бухгалтерию.

— А ты откуда такой взялся? — хмуро посмотрел на него плешивый. Он даже не успел поднятую руку опустить.— Что-то я тебя раньше тут не видел.

— Зачем это я понадобился Анастасии,— сказал Василий.— Может, премиальные забыла выплатить? — рассмеялся и пошел в контору. Вадим направился было за ним, но плешивый больно ухватил его за плечо.

— Я тебя, кажется, о чем-то спросил? — сердито посмотрел он в глаза мальчишки.

— О чем? — невинно поинтересовался Вадим. Он пошевелил плечом, пытаясь высвободиться. У плешивого

были голубые глаза, большой рот и кривоватый нос с белым шрамом посередине. Рост у него выше среднего, рука тяжелая.

— Чей ты?

— Ничей,— ответил Вадим. И это было истинной правдой, однако настырный парень не отвязался.

— Чего тут околачиваешься? И откуда знаешь шофера Ваську?

— А что, запрещено? Военный объект? — Вадим стал злиться, на этот раз он, присев, резко вырвался из цепкой лапы плешивого и зашагал вслед за шофером.

— Засранец,— бросил ему вслед парень. И только сейчас Вадим понял, что он изрядно пьян и так же точно цеплялся к Лукьянову. То-то шофер с видимым облегчением ушел от него.

— Вадим, распишись за деда, вот здесь,— позвала его к столу женщина и показала в ведомости графу, отмеченную птичкой.— Отдашь Григорию Ивановичу пятьдесят восемь рублей сорок пять копеек.

— А как я...— заколебался Вадим.— Я ведь не знаю

— Вася скоро поедет на турбазу и подвезет тебя,— улыбнулась бухгалтерша.— А твоему дедушке не нужно будет в понедельник пилить сюда двадцать километров на велосипеде.

Вадим старательно расписался своей фамилией, но женщина ничего не сказала. Промакнула деревянным пресс-папье ведомость и выдала деньги. У Вадима как гора с плеч спала: он уже и не чаял сегодня добраться до деда, думал опять придется ночевать где-нибудь на автовокзале. В гостиницу его без документов не пустят, да она наверняка переполнена. Поклониться могиле поэта едут со всех концов страны. Пока обедал, мимо окон столовой проплыли несколько переполненных туристами автобусов. Да и на своих машинах приезжают. Он видел на дороге ленинградские, московские, калининские, псковские номера. Впереди два выходных дня. Погода замечательная. Самый наплыв туристов.

— Ты вроде бы и не рад? — сказала добрая женщина, глядя на него карими глазами. Очки она надевала, когда склонялась над ведомостью и деньги считала.

— Что вы, очень рад! — восторженно воскликнул Вадим. И даже выдавил из себя улыбку.— Огромное вам спасибо, тетя Настя.

— Ты уж Василия благодари,— ответила бухгалтерша.— Он тебя повезет.

— Что-то на егеря ты не очень и похож,— заметил Василий с улыбкой, разглядывая его.

— А какой он? — вырвалось у того.

— Ты что же, деда своего не знаешь? — удивилась бухгалтерша.

— Я был маленький, когда он приезжал... к нам,— заппувшись, ответил Вадим.

— Дед твой...— опять заулыбался шофер.— Известная личность! С ним за ручку здоровается сам первый секретарь райкома, да и псковское начальство уважает его... Знает каждую лисью нору в заказнике, где лоси, кабаны, зайцы обитают, где пасутся утки-куропатки... Одним словом, сгерь. И перед начальством не лебезит, без лицензии на отстрел самого министра в лес не допустит. Учил в школе литературу? Помнишь рассказ Чехова «Бирюк»?

— Тургенева,— поправил мальчик.

— Я их путаю...— не обиделся шофер.— Твой дед в аккурат на него и похож...— Василий звонко рассмеялся. Вадим уже заметил, что он любит посмеяться, видно, характер у него легкий, в темно-серых глазах мельтешат веселые искорки и округлое лицо с длинными до уголков рта черными бачками симпатичное, не то что у плешивого.

Турбаза «Саша» находилась на границе Пушкиногорского и Новоржевского районов. С узкого извилистого асфальтированного шоссе круто сворачивала вправо гравийная дорога без указателя. По пыльной гравийке нужно было проехать еще восемь километров. Если сразу на повороте дорога была с выбоинами, ухабистой, то дальше через поле, как говорится, хоть шаром катись.

Василий пояснил, что дорогу до турбазы постоянно держат в порядке — каждую весну бульдозером расчищают, а съезд с шоссе специально не засыпают песком, чтобы посторонние не совали свой нос туда. Развелось уже немало мотоциклистов-автомобилистов, которые выискивают самые глухие места для рыбалки и охоты. Выедут на проселок, а он ухабистый, разбитый, глядишь — и отвернут в сторону.

— А почему другим нельзя? — любопытствовал Вадим.

— Дед тебе растолкует... Я же говорю, что база-то закрытая. Туда ездит начальство порыбачить, поохотиться, ну и бывает — с мамзелями...

— С «мамзелями»?

— Небось, слышал, что наш Александр Сергеевич Пушкин-то был охоч до разных мамзелей...— И громко пропел: — Я помню чудное-е мгновеньс-е, передо-о мной явилась ты-ы...

— Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты,— подхватил Вадим.— Это знаменитый романс, посвященный Керн.

— Я сам видел в дальних деревнях нашего района ребяташек кудрявеньких, смуглых, похожих на Пушкина,— продолжал шофер.— Любил пошалить наш классик!

— Про это я не знаю,— заметил Вадим. Родители всегда отзывались о гениальном поэте уважительно, а Вася, видно, чему угодно готов посмеяться...

Такой удивительной природы Вадим еще никогда не видел. Шоссе извивалось серпантином, то и дело сквозь деревья блестели лесные озера, на зеленых кустистых холмах паслись черно-белые коровы, сосновый бор, подступающий к проселку, был чистый, далеко просматривался. Казалось, за каждой елкой прячется какой-нибудь зверь, птицы то и дело слетали с дороги. Кругом господствовал изумрудный цвет, даже небо было зеленоватого оттенка, прямые солнечные лучи, косо рассекая вершины сосен и елей, высвечивали зеленый с сединой мох, какие-то лиловые цветы на высоких тонких ножках. Иногда на окраине леса кабаньей тушей возникал камень-валун с пятнами мха на округлой серой спине. С одного такого при их приближении сорвалась огромная черная птица с бронзовым блеском на широких крыльях.

— Хозяин леса — ворон,— сказал Василий.— Ну, если не считать твоего деда Георгия Победоносца...

— Почему Победоносца?

— Я его так зову,— ответил шофер.— Серьезный мужик. И умный.— Неожиданно перескочил на другое: — Прошлым летом на пушкинском празднике один московский поэт свалился с трибуны и сломал руку. Пьяный был... А самые знаменитые вместе с областным и районным начальством гуляли на турбазе «Саша» два дня... Я сам возил их на «газике». Фамилии, правда, забыл, хотя и книги дарили с автографами... Пили, гуляли, с ними и молоденькие поэтессы были, парились в бане, купались в озере, а мы с твоим дедом следили, чтобы чего не случилось, ну не утонули, не заблудились... Наши местные начальнички с секретарем писателей кабана завалили в овражке, тут жарили и с собой им дали... Пьют, я тебе, Вадя, скажу, поэты-писатели не меньше, чем наши начальнички, а уж эти перепьют кого хочешь. У начальников, кто не умеет пить, тот долго на большой должности не удержится, обязательно рано или поздно погорит. На водке или на бабе. Я думаю, их подбирают в райком-обком-райисполкомы по тому, как они пить умеют. А еще эти... тосты произносить. Ну и

внешность соответственно. Наш первый всегда тамадой за столом со столичными гостями. Такие хитроумные тосты заворачивает, что и грузины позавидуют!..

— А дед... дедушка тоже пьет? — спросил Вадим.

— В рот не берет спиртного, даже пива не пригубит... Уж как его начальство и гости упрасывают, а он встанет и уйдет. Да он и не заходит к ним, разве что позовут. Я думаю, он нагляделся на пьяных начальников и их накрашенных мамзелей и его от одного запаха водки воротит... Мне тоже пить не полагается, я — шофер! Свистнут — и я перед тобой, как конь перед травой... Тоже Пушкин?

— По-моему, Ершов. «Конек-Горбунок», — улыбнулся Вадим.

— А ты, гляжу, отличник! — рассмеялся Василий. — Нбось, по литературе пятерка?

Вадим промолчал, по литературе и географии, еще истории у него пятерки, зато по математике — тройки...

— А я десятый в вечерней школе заканчиваю, — сказал Василий. — Да вот часто пропускать приходится, шофер, как извозчик — прикажут, и покати Вася куда надо! Хуже всего начальство возить...

— Так не возите, — вставил Вадим.

— Есть и свои преимущества, — заметил Вася. — Я стоял бы еще Бог знает сколько лет в очереди на квартиру, а так по звонку начальника получили с женой однокомнатную в новом доме на улице Ленина. С ванной и душем.

— Лучше бы на Пушкина... — машинально выскочило у Вадима. Так наверняка сказал бы отец... Он прикусил язык и покосился на шофера: тот, наморщив лоб, смотрел на дорогу и, видно думал о своем.

— Да и аттестат мне дадут, если даже целую четверть пропущу. Позвонит мой шеф начальнику районо, а тот подскажет директору и все дела. Они не такие дела по телефону обтяпывают. Не говори, паря, возить начальство — выгодное дело! Ну а то, что дергают в нерабочее время, дома, бывает, не ночую, так жена привыкла, не обижается... Я одних бутылок каждый месяц на два-три червонца сдаю.

— Так много пьете?

— Начальство пьет, а я — бутылки подбираю, не пропадать же добру? Твой дед-то от этого бизнеса, отказывается, а зря.

После такого признания в глазах Вадима образ веселого улыбчивого шофера Васи несколько потускнел, ладно, бутылки собирают старики-пенсионеры, но Василий молодой...

— Я по кустам не шарю,— по-видимому, заметив смущение своего юного пассажира, решил поправить дело Лукьянов.— Со стола и пола соберу и — в мешок. Чего тут такого? Не выбрасывать же их в озеро?

— Вам виднее...— пожал плечами мальчишка, разглядывая через запыленное переднее стекло колючего ежа, перебежавшего дорогу. Василий тоже заметил и прибавил газу.

— Не надо, дядя Вася! — умоляюще посмотрел на него Вадим.

Шофер сбросил газ, улыбнулся:

— Жалеешь божьих тварей? И дед твой, хоть и охотник, а подбирает в лесу разных пораженных зверюшек и птиц и лечит, как доктор Айболит.

— А потом? — спросил Вадим.

— Что потом? А-а, отпускает на волю.

— Это хорошо.

— Я бы не выдержал один долго в лесу,— сказал Василий.— А ему нравится. Зайдет когда в контору — и скоро снова в лес!

Неожиданно сразу за изгибом дороги открылась оголенная металлической сеткой на железнодорожных столбиках турбаза «Саша». Это слово было выдавлено на латунной пластине, прибитой к железным воротам со знаком «Проезд воспрещен». Однако ворота были открыты и Василий, снизив скорость, въехал на территорию турбазы. Несколько финских домиков и приземистый длинный корпус прятались среди высоких сосен, наезженная дорога тут обрывалась, а вниз вела узкая тропинка, где синело большое обрамленное сосняком озеро. Бросалась в глаза у главного корпуса высоченная железная мачта-громоотвод. Ни у домиков, ни у корпуса с бурой металлической крышей, усыпанной желтыми иголками, никого не видно. Остановившись у крыльца под сосной, Василий несколько раз «бибикнул», однако никто не вышел. Заходящее солнце позолотило вершины сосен, над ними, охотясь за мошками, летали стрижи. С озера слышалось негромкое кряканье уток, потрескивал нагретый за дорогу мотор. Какое-то новое, неизведанное чувство отрешенности от шумного мира постепенно охватывало Вадима. Но где же дед? Как он его встретит? Что-то подсказывало, что он, Вадим, обретет здесь нечто важное, значительное.

— Красивое местечко,— закуривая, равнодушно заметил Василий. Он прислонился спиной к сосне и, сощурившись, смотрел на озеро.— И рыбка тут клюет, попадают даже судаки. Может, Григорий Иванович сети проверяет?

— Кого это ты привез, Василий? — услышали они густой басистый голос, будто прозвучавший с неба. Они невольно задрали головы и увидели на отдаленной сосне с обрубленной макушкой человека в резиновых сапогах, солдатской гимнастерке, седобородого с всклокоченными, тоже седыми волосами. Человек прилаживал к вершине тележное колесо. Через плечо у него потрепанная брезентовая сумка, очевидно, с инструментом, в руке алюминиевая проволока.

— Никак аиста хочешь привадить, Григорий Иванович? — спросил Василий.

— Жили тут аисты, да горе-охотнички, перепившись, в прошлом году затеяли на озере стрельбу и ранили одного... Ну и улетели они. А недавно снова пара появилась, я им гнездо подновляю.

Старик еще немного повозился на дереве, бросил вниз проволоку и ловко опустился по сучьям, как по лестнице. Вниз просыпались иголки, красноватая кора. Снял сумку, положил ее на ступеньку, пожал руку шоферу и внимательно посмотрел на мальчика. Глаза у деда серые, как у матери, только поменьше и посуровее, борода черная с густой сединой, к ней прицепились желтые иголки, в волосах не видно лысины. Высокий, крепкий на вид, вон как по деревьям лазает!

— Господи, никак, Вадик! — басисто воскликнул старик, делая шаг к внуку. Голос у него мужественный.

— Здравствуй, дедушка, — сказал Вадим, не зная, протянуть ему руку или по русскому обычаю поцеловаться. Только ведь до него не дотянешься. Дед сам нагнулся и мазнул по щеке бородой, от него пахло хвоей и смолой.

— Беда стряслась? Ну да ладно, потом поговорим... — Он тяжело поднялся на крыльцо. Будто сразу постарел: ссутулился, ясные глаза погасли, голова опустилась. Повернувшись к шоферу, бросил: — Разгружайся, Василий... Мясо — в холодильник, водку и прочее — в подвал. Когда ждать гостей?

— Завтра к вечеру, Григорий Иванович, — заторопился шофер. — Я их и привезу, а сейчас мне быстренько назад, что и дров не успею заготовить...

— Ладно, я напилю... с внуком, — он взглянул на Вадима. — Или ты и пилу в руках держать не умеешь?

Вадим промолчал. Пилу он в руках не держал, но, наверное, не такое уж это и искусство — дрова пилить.

— Дело немудреное, — вставил шофер.

— А нынче никто не пожалует? — спросил Григорий Иванович.

Василий тащил из «газика» ящик с бутылками пива. Егерь открыл ему дверь в корпус.

— Не-е, сегодня у них партийный актив. Все будут допоздна в клубе, а ужинать в «Витязе». Завтра утречком приедут опохмеляться...

Когда Василий скрылся в доме, дед повернул к внуку большую голову:

— Мать твоя писала... Значит, беда случилась? И давно?

— Позавчера, дедушка,— услышав, как стукнула дверь в коридоре, негромко ответил Вадим.

— Обоих?

— И меня, наверное, хотели, да я уехал из города...

— Как меня-то нашел?

— Дядя Арсений Хитров подсказал,— вздохнул Вадим. Последние часы новые яркие впечатления вытеснили горестные мысли о случившемся, а сейчас снова все нахлынуло. Вспомнился и контейнер с кирпичом... Глазам стало горячо, он стиснул зубы, приказывая себе не распускать нюни. Дед все понял, положил тяжелую морщинистую ладонь с вздувшимися синими венами на плечо мальчишки, прижал к себе.

— Я тут в глуши живу и ничего не знаю... Господи, какая беда! Отец твой вымаливать прощение не станет. А маму-то за что? У-у, звери-и...— Он скрипнул зубами.— Ты ничего этому... — он кивнул на дверь, за которой скрылся шофер.— Не рассказывал?

Вадим отрицательно покачал головой.

— Никому, сынок, ни слова,— заключил дед.— А тебя искать никто не станет, не такая ты шишка, чтобы тебя искать... И отца, и мать... да разве это люди? Когда же он, дьявол, насытится людской кровью? Хоть бы захлебнулся, убийца!..

— Ты про Сталина, дедушка? — сказал мальчик, хотя и знал о ком речь.

Сказал, чтобы не молчать, предательская слеза все-таки обожгла щеку, задрал голову и глядя на сосну с колесом, он спросил:

— Аист прилетит?

— Обязательно прилетит, Вадя,— глядя поверх его головы, ответил дед.— Аисты всегда возвращаются в те места, где родились...

7. Вдали от шума городского

Работа у егеря Добромыслова была не слишком обременительная: числился он при лесничестве, а на самом деле заведовал турбазой «Саша», по-видимому, фамильярно названной в честь великого поэта, и когда требовалось, организовывал охоту для

районного и областного начальства. Обычно осенью и зимой. И, как правило, для важных гостей из столицы. Остальными охотниками занимались другие егеря. Охотничье хозяйство в этой заповедной местности было обширным и охватывало несколько прилегающих районов. Тут еще сохранились глухие леса, где водились лоси, кабаны, лисицы, зайцы. Была и боровая птица, кроме глухаря. Местные охотники в сезон били в бору рябчиков, уток на озерах, которых в этих благословенных краях было великое множество. Для начальства выискивалась дичь покрупнее. Начальство само себе выдавало лицензии на отстрел любого зверя.

Григорию Ивановичу было 68 лет, после Колымского лагеря он так и не вернулся в Псков, точнее, ему не разрешили там поселиться, да и дом, в котором он жил, заняли другие люди, а семья распалась сразу после первого ареста. Жена, сын и дочь отказались от отца как врага народа. Ни одной весточки он не получил от них, хотя много лет подряд, используя свое право на одно письмо в месяц, писал в Псков. Уже вернувшись, узнал, что жена вышла замуж за военного-сверхсрочника и уехала с ним в Новосибирск. Дети обрели нового отца, который их усыновил. Не так жалел Григорий Иванович жену, как детей. Они еще были несмышленыши, когда его забрали, что им люди в головы в долбили, тому и поверили. Разыскав через старых знакомых адрес бывшей жены, он написал письмо сыну и дочери. И примерно через месяц получил ответ: сын сообщал, что он женат, у него ребенок, он член партии и у него совсем другая фамилия. Добромислова он почти не помнит. Своим отцом считает Родионова, усыновившего и вырастившего его. Что-то в этом роде написала и дочь из другого города. Дочь была старше сына на два года. Ни сын, ни она не сказали своих адресов, из чего можно было понять, что с родным отцом они не желают поддерживать отношения. Письмо переслала им Мария — его бывшая жена. Сама же не написала ни строчки. В первый раз освободившись через семь лет, Григорий Иванович прожил в ссылке почти столько же, потом еще один арест и, наконец, освобождение в 1948 году. Пять лет он на свободе. То, что вдали от людей, его не смущало, наоборот, устраивало. За свою арестантскую жизнь он сильно разочаровался во многих людях.

И Григорий Иванович поставил на своей семье, как говорится, крест. Уж кто-кто, а Мария-то знала, что он ни в чем не был виноват, посадили его по подлому доносу сослуживца, о чем он узнал от следователя. В конце тридцатых годов Добромислов работал в Пскове началь-

ником цеха завода радиоаппаратуры. В партии не состоял, а его заместитель, коммунист, совершенно бездарный человечиска, метил на его место, первые его два доноса не сработали, хотя в органах он и попал на заметку, но директор, высоко ценивший Добромыслова, не дал того в обиду, а вот после третьего доноса и он ничего не смог сделать: Григория Ивановича ночью арестовали. Обвинили его в передаче радиодеталей немецким шпионам, которые с нашей территории передавали по радию в Берлин секретные сведения. Услышав это нелепое обвинение, Добромыслов рассмеялся в лицо следователю, о чем жалеет до сих пор: нервный и злобный, как хорек, горбоносый следователь приказал двум стражникам держать его, а сам почти насквозь прожег папиросой подбородок, как раз в ямочке, которая под нижней губой. Ожог не лечили и остался безобразный след. Выйдя на свободу, Добромыслов отпустил бороду, чтобы скрыть изуродованный подбородок, и с тех пор носил ее. Борода у него широкая, спускается на грудь.

Очень хотелось Григорию Ивановичу по возвращении посмотреть в глаза доносчику, но тот после его ареста быстро пошел в гору и из Пскова переехал в Москву, его взяли в министерство легкой промышленности. Или привычка — он работал на Колыме на лесоповале — или отвращение к окружающим его людям, но Добромыслова неудержимо потянуло на природу, в лес. Псковский начальник милиции, вызвавший его по возвращении на беседу, предложил место егеря в Пушкиногорском лесничестве. Оказалось, что сам он охотник и частенько навдывается в те места, богатые еще зверем и птицей. При нем позвонил начальнику МГБ, тот не возражал. Так Григорий Иванович и попал в лесничество. Женатые лесники не очень-то хотели в этакой глухомани жить — до ближайшей сельской школы четырнадцать километров! — а холостяку поневоле Добромыслову это отдаленное место подходило как нельзя лучше. Несколько лет он проработал егерем, до лагеря увлекался охотой, считался удачливым стрелком. Бывал и в этих краях, тут раньше волки водились и резали колхозный скот. Приходилось зимой выезжать на облаву с флажками. Жил он на берегу лесного озера в небольшом домике лесника, немудреное хозяйство вел сам. А года три назад крупный псковский начальник, приехавший сюда поохотиться, высказал мысль, что неплохо бы тут построить небольшую турбазу для охотников и рыбаков. Районное начальство, всегда сопровождающее псковское, приняло это к сведению и вскоре приехала бригада строителей и за полтора месяца отгрохала главный кор-

пус барачного типа, шесть комнат с печами и даже небольшим банкетным залом. Немного позже поставили на берегу русскую баню, тогда еще саунами не увлекались. И отныне Григорий Иванович должен был все это хозяйство содержать в порядке, ему в избе поставили рацию, по которой сообщали, когда ждать гостей. К их приезду нужно было протопить баню, поставить сети, чтобы была рыба на уху, а захотят гости поохотиться — сопровождать их.

Все это строилось, разумеется, не для обычных отдыхающих, а для начальства. Таких рыболовно-охотничьих закрытых турбаз строилось много, как и загородных вилл для хозяев городов и областей. Иногда просто вешали на дороге «кирпич», мол, проезд воспрещен, иногда выставляли милицейский пост.

По-видимому, начальник милиции был неплохой психолог: он, конечно, не верил, что Добромыслов был немецким шпионом, определив его на лесную сторожку, просто знал, что лишнего болтать не будет. Кто побывал в лагерях, тот ведет себя на воле тихо-мирно. Вместе с псковскими руководителями не раз наведывался на турбазу и начальник милиции. Радушно здоровался с Григорием Ивановичем, привозил ему в подарок пистоны, бездымный порох, гильзы к ружью двенадцатого калибра.

За годы неволи Добромыслов привык ко всему, вряд ли его можно было чем-нибудь удивить. И там лагерное начальство любило охоту-рыбалку, устраивало на лесных заимках гульбища с «мамзелями» из женского барака, как выражается шофер Вася Лукьянов. По его глубокому убеждению, в России, если кто и живет в свое полное удовольствие, так это партийные и советские начальники, ну и, конечно, энкавэдэшники с эмгэбэшниками. Эти всегда при власти, а для всех смертных в СССР они есть самое страшное и беспощадное начальство. Забирают ночью не гражданские, а люди в зеленой форме и при погонах...

Научил лагерь Добромыслова и далеко вглубь своей души запрятать былую гордость, нетерпимость к лжи и несправедливости. Чтобы выжить в этом аду, нужно было обезличить себя, стать тем номером, под которым ты значился. На работе он не надрывался, но и не лез из кожи, чтобы заслужить благорасположение начальства. А главное — научился быть равнодушным и нечувствительным к боли, душевным страданиям. Будто жил в плотном коконе. Не сразу он этому научился: сначала доставалось и от лагерного начальства и от уголовников. Один невзлюбивший его пахан даже приговорил его к смерти за строптивость, да счастливый случай помог:

«пахана» самого урки зарезали, оказалось, он и сам нарушил воровской закон, а это никому у них не позволяется.

Как говорится, на собственной шкуре испытал, что такое несправедливость, обман, предательство, Григорий Иванович уже ничему больше не удивлялся. От своих родителей он много слышал о дворянской чести, дуэлях, рыцарстве, а после революции все эти понятия начисто исчезли, были вытравлены из сознания людей. На смену пришли другие моральные «ценности»: предательство, донос, оговор, хула Бога, рабская преданность вождям, тупое исполнение приказов свыше, свято верить всему, что пишут в газетах и говорят по радио, проклинать все темное прошлое и восторгаться светлым настоящим, социалистически-коммунистическим... Будто гигантским сачком с мелкой ячейкой вылавливались из косяков оболваненных людей яркие личности. Вылавливались и уничтожались. А покорный им народ «вожди», не стесняясь, открыто называли «коллективом», «массами», «толпой». Чтобы выжить в это страшное время, нужно было не высовываться, пригибать голову, чтобы остро наточенная коса произвола не отхватила ее, загонять индивидуальность в глубину своего «я» и быть похожим на всех остальных, кто тебя окружает, больше молчать и слушать, чем говорить, потому что твои слова при желании всегда можно повернуть против тебя же самого...

Вот так и жил на турбазе «Саша» Григорий Иванович до приезда своего внука Вадима. На лоне великолепной природы он, конечно, отходил душой от прошлого, всю свою неизрасходованную доброту отдал лесу, озеру, животным, птицам. И не скучал без людей, потому что те люди, что приезжали сюда, мало чем отличались от тех, кого он привык опасаться... Нет, злости у него к ним не было — природа постепенно вытянула из него всю злость на искалеченную жизнь, погубивших его людей, человеконенавистнический строй, будто в насмешку на весь мир называвшийся самым лучшим, самым гуманным, самым человечным... Рассказ мальчика снова разбередил душу: он знал, что в этой стране возможны любая несправедливость и зло. А народ будет молчать или «одобрять» — так он приучен с семнадцатого года... Тебя называли врагом народа и все этому должны верить. Те, кто арестовывают и забирают, они знают что делают, а народ ничего не знает. Да и откуда ему знать? На это и существуют органы... Иногда даже сын не догадывается, что его отец враг народа. Вот Павлик Морозов догадался и донес на отца, за что ему памятник поставили! А все

дети в стране должны восхищаться его бессмертным подвигом! Живите, дети, и зорко приглядывайтесь к своим родителям: не враги ли они народа? А если вам покажется, что это так, то немедленно доносите на них в органы и «великий вождь», учитель и друг детей одарит вас на портрете сквозь черные усы благосклонной улыбкой...

Если то, что происходит вокруг и было открыто Григорию Ивановичу, правда, какой ценой досталась ему это открытие! — то другие жили как во мгле. Известный английский фантаст Герберт Уэллс написал книгу с подобным названием «Россия во мгле». Даже разрекламированная беседа в Кремле с мудрым Ильичом не развеяла мрачных прозрений Уэллса о будущем России. В этой проклятой мгле народились новые поколения, но так как они никогда не видели истинного света, не верили в Бога, не жили по-человечески, откуда им было знать, что существует другой мир? Мир свободы, гласности, где личность и талант не подпадают под общую уравниловку, зреют и развиваются по законам природы. «Строители коммунистического общества» позаботились, чтобы история России стала удобной для них, поэтому они исказили ее, извратили, подогнали под свои убогие критерии, а чтобы люди не узнали правду извне, возвели непроницаемый «железный занавес», пострашнее Китайской стены. Только для избранных изредка и ненадолго приоткрывалась калитка в другой мир, но если счастливчик начинал много болтать, его тут же убивали, можно было только хулить тот «проклятый капиталистический мир». И его хулили все: подкупленные писатели, публицисты, ученые, композиторы, художники. Цивилизованные страны обгоняли нас по всем показателям, достигли небывалого уровня развития техники, науки, культуры, жизненного уровня, а мы, полуголодные, нищие, необразованные, гордо отворачивались от них, обзывая загнивающим капитализмом и во все горло орали на первомайских и ноябрьских демонстрациях славу и ура нашей самой прогрессивной системе, нашим «гениальным» вождям, нашему социалистическому образу жизни, где так вольно дышится советскому человеку... Орали, что весь мир будет коммунистическим и при этом еще потрясали атомным оружием... И весь цивилизованный мир с ужасом и страхом смотрел на некогда великую Россию, превращенную безграмотными тиранами — «вождями» в один сплошной концентрационный лагерь, в Гулаг! Смотрел, слушал и верил своим ученым-идеологам, утверждавшим, что советский человек — это чудовище, способное перегрызть глотку

любому цивилизованному человеку из другого мира... Безграмотные вожди безграмотно и управляли страной, точнее, разоряли ее, а грамотные специалисты прикидывались тоже безграмотными, иначе было не сносить головы. Дураки не любят умных. Истинно грамотных и умных специалистов Григорий Иванович встречал только в лагерях, на приисках, лесоповалах: конструкторы, инженеры, ученые, крупные военачальники вручную валили бесконечную тайгу, чуть ли не на себе таскали в кучи могучие деревья, которые большей частью невыведенными так и сгнивали здесь.

Россия во мгле. Такой видел свою страну Григорий Иванович. Видел и молчал, потому что не хотел еще раз пройти все круги ада в лагерях, где истина-то ему и открылась. Да и что толку бы было, если бы он и заговорил? Кто бы его слушал? Разве что следователь на допросах... Бесплезно что-либо говорить глухим людям, которых давно уже приучили белое называть черным и наоборот. Людям, которые два дня в неделю пьют водку, потом наработывают с похмелья брак, но это, как ни странно, никого не волнует. И брак покупают, потому что другого-то, получше, ничего нет. Усредниловка и уравниловка были во всем: талантливых, способных не любили в коллективах, они выделялись и потому раздражали. А стимула что-либо сделать лучше других не было. Никому это не нужно. Миллионы рационализаторских изобретений пылились в папках в шкафах, никто всерьез не был заинтересован ни в повышении производительности, ни в модернизации хозяйства. Не было Хозяина, были лишь винтики-шурупчики, а что с них спрашивать? А болтовня про социалистические обязательства и соревнования была лишь очередным прикрытием бесхозяйственности, распада. Выдумывали стахановцев, героев пятилеток, выматывали людей ради обыкновенной показухи. Так родилась «приписка» рекордов, успехов, побед...

И еще сделал одно открытис для себя Добромыслов: необразованные правители интуитивно ненавидели высокообразованных людей, особенно старой закалки, потому что нынешнее образование было примитивным, шаблонным. Истинная интеллигенция была истреблена, а новой не народилось, да и не могло ее народиться, ибо качества, присущие истинной русской интеллигенции XIX века, огнем и мечом вытравились из сознания советского человека. Даже лживая литературно-научная элита, верой-правдой служащая правящей верхушке, ничего общего не имела с настоящей национальной интеллигенцией прошлого. Две популяции людей выра-

стила советская власть за десятилетия своего существования — это командно-партийная элита, как правило грузные коренастые, отъевшиеся на дефицитных продуктах мордастые безликие личности, ни уха ни рыла не разбирающиеся в тонкостях возглавляемых ими ведомств, и как ржаное поле ранжирно-одинаковые, почти все на одно лицо трудящиеся города и деревни. И там и там таланты и личности выдергивались как в поле сорняки. Великий «пропольщик» всех времен и народов со своими верными слугами-надзирателями безжалостно «выпалывал» все, что выделялось из ряда... Вот почему послереволюционный русский народ и его бдительные надсмотрщики, каждый имел свое общее лицо. Масса трудящегося пролетариата и крестьянства и менее многочисленная, но зато во много крат прожорливая элитарная каста руководящих работников. Эти популяции разительно отличались друг от друга: первые плохо одетые, багроволицые от выпитой некачественной бормотухи, пустоглазые, вторые — упитанные, с животами и животиками, квадратнолицые с холеными руками и тоже розовыми лицами, но не от дешевого портвейна, а от хорошего марочного коньяка, икры, крабов, севрюги-осетрины и прочих деликатесов. В стране образовались два класса, причем, господствующий класс партийно-советской элиты иезуитски выдавал себя за радетеля и чуть ли не слугу трудящегося народа, который боялся и презирал. Различие было даже больше, чем между помещиками и крестьянами, рабочими и фабрикантами. Те обязаны были заботиться о своих людях, хотя бы как рачительные хозяева, а нынешним «вельможам» можно было заботиться лишь о самих себе, а о народе органы позаботятся... Что и было.

Григорий Иванович последние несколько лет в основном имел дело со «слугами народа». Правда, так они величали себя лишь на своих съездах и в печати, а на самом деле были советскими господами и на народ-чернь смотрели с презрением и старались не иметь с ним дела, перепоручая все это помощникам, заместителям. Собираясь на турбазе «Саша», советские господа не стеснялись егеря, привыкли, что он глуховатый молчун да и появляется среди них, когда позовут. Некоторые — кто поумнее — пуглом чувствовали, что старик не так-то прост, но это как-то мало их занимало. Егерь был представлен обслуживать их, водить на охоту, выполнять их прихоти. Одним словом, ублажать. На него и смотрят, как смотрят господа на слугу. У них был свой сытый, сладко-пьяный мирок и они знали, что тут хозяева. Все свои и никто никого не продаст. И многие важные воп-

росы, связанные с ростом их благосостояния, решались именно здесь. Разнежась после баньки, они приглашали Добромыслова за стол, угощали, но, убедившись, что тот трезвенник, отстали, хотя и считали это чудачеством. И потом, от их пиршеств всегда кое-что и оставалось, так что егерь не должен быть на них в обиде. Его и своих личных шоферов ценили за молчание: рассказывать кому-нибудь про то, что случалось на турбазе, было преступлением. Такой прислужник немедленно изгонялся и на его место заступал другой, который умел держать язык за зубами. Бояться-то им, конечно, было некого, сами хозяева, но береженого, как говорится, Бог бережет... А если жены узнают про «мамзелей», которые им в дочери годятся? «Мамзели» тоже подбирались не болтливые, из технических секретарш, комсомольских работников, буфетниц, стенографисток-машинисток.

Григорий Иванович понимал, что если Вадим останется на турбазе, то это хозяевам не очень-то понравится, опять же лишний глаз... А в хорошем загуле всякое бывает! Кому приятно, чтобы тебя увидели в непотребном виде?.. В любом случае до осени внук поживет с ним, скажет, что приехал на каникулы, а дальше видно будет... Не век же сидеть ему, старику, на турбазе «Саша»? Правда, до приезда Вадима он полагал, что можно тут и закончить свой век. Жить вдаль от шума городского ему нравилось. Пока крепок и проворен, на охоте его будут держать, а захворает, ослабеет, другого, помоложе найдут...

— Дедушка, вернутся папа и мама? — спросил Вадим.

Они пили чай в домике Добромыслова, хотя у заветурбазой и была комната в главном корпусе, Григорий Иванович предпочитал жить в бревенчатом домике лесника. Кухня с русской печкой и квадратная комната с тремя окнами. Здесь нашлось место и Вадиму. Дед притащил из кладовки узкую железную кровать, матрас, постельные принадлежности. Выстиранное белье, продукты, в общем, все необходимое привозил Василий из райцентра, так что Григорию Ивановичу не так уж часто приходилось туда ездить на велосипеде. Хлеб и кое-какие продукты он покупал в крошечном сельмаге, что в трех километрах от турбазы. Деревня называлась Зайцы. В ней было всего тридцать дворов.

— Тут приезжает один... из Пскова, я попробую узнать у него, — помолчав, ответил дед. Он пил чай из большой белой кружки, перед ним стояла банка с черно-смородиновым вареньем и плоская деревянная тарелка с хлебом и нарезанной вареной колбасой. — Он неплохой

человек, хотя и начальник милиции. Не заносится. Помог сюда определиться. Думаю, знает, что никакой я не шпион и отбухал в лагерях зазря.

— Я в школу не пойду,— сказал Вадим.— Учителя врут и красный галстук я больше никогда не надену.

— Что же ты будешь делать? — дед поставил кружку на деревянный незастланный клеенкой стол и посмотрел на мальчика. Брови у него густые, темные, а глаза грустные. Лоб прорезали глубокие морщины.

— Тебе помогать.

— Значит, охотником?

— Нет, птиц и зверюшек я убивать не буду,— понурился Вадим.— Вот разве рыбачить... Научусь еду готовить, убирать в домиках, баню топить.

Нос у мальчишки облунился. Темно-русая челка отросла и налезает на выгоревшие брови.

— Не место тебе здесь, сынок,— вздохнул Григорий Иванович, а где его место, он и сам не знал. В школу мальчишку, конечно, нужно определить, есть теперь школы-интернаты. Там учатся и живут. Какая ни есть школа, а учиться нужно. Учителя врут... Не учителя виноваты, а вся система воспитания детей. В городе было бы получше, но в город мальчишке путь заказан... Энкавэдэшники подберут его и определят куда-нибудь в специальный детдом. И сколько сгерь не ломал голову, ничего толкового не смог придумать. Близких людей почти не осталось, да и не каждый примет в семью сына врагов народа. Ладно, Андрея Белосельского забрали, он горячий, не сдержанный на язык, но дочь Марию-то с какой стати? Она работала в Пушкинском доме, занималась литературой, казалось бы, далека от всякой политики... Впрочем, это не имело никакого значения, повод могли найти любой, придумать. Значит, чем-то не угодили властям Белосельские, вот их и убрали. Люди за одно неосторожное слово, анекдот сидели по десять лет, за горсть зерна...

— А где мне место? — вскинул на деда свои большие серые глаза с зеленым ободком мальчик. И в них была взрослая, неизбывная тоска. Может, лучше было бы умереть? И он рассказал про то, как с лебедки сорвался контейнер с кирпичом и чуть не убил его... Но какая-то непостижимая сила оттолкнула его от опасного места.

— Бог тебя спас, сынок,— помолчав, произнес дед.— Значит, ты угоден Богу.

— Бог? — наморщил лоб мальчик.— Да нет, скорее, инстинкт самосохранения.

— Но ты же не видел как оборвался трос?

— Не видел...

— То-то и оно! — сказал Григорий Иванович и повернул бородатое лицо к небольшой иконе в углу, перекрестился.

— Я даже креститься не умею...

— Как-нибудь сходим в церквушку,— сказал дед.— Хорошая деревянная часовенка, много икон и люди туда приходят хорошие.

— Ты тоже веришь в Бога?

— Если бы я не верил в Него, то сложил бы свою голову па Колыме,— торжественно произнес старик.

Он поднес кружку к губам, отхлебнул и откусил от бутерброда. Зубы у него с желтизной и редкие — болел в лагере цингой — прятались в бороде и усах, на лоб налезали седоватые пряди волос, видно, дед сам себя спереди с висков подстригает пожницами. Сзади не достать, и волосы, закрывая уши, спускаются на воротник серой рубахи. Нос у деда широкий и прямой с крошечными дырочками, будто их натыкали иголкой.

— Как говорится, утро вечера мудренее,— встал он из-за стола. — Пошли на озеро, сети поставим...

— Я не умею.

— Велика наука! Будешь грести... На лодке-то катался?

— С папой... давно.

— У нас тут днем жарко, а ночью хоть на печку полезай,— сказал Григорий Иванович.— Надень резиновые сапоги, а чтобы не свалились, намотай портянки. Поеду на днях в райцентр, куплю тебе подходящую одежку и обувь.

— У меня деньги в Острове украли,— вздохнул Вадим.— Много...

— Ну и народ пошел! — покачал головой дед.— С нижнего последнюю рубашку снимут!

Выйдя из дома и увидев, как розово вспыхивают зеленые сосновые иголки, а озеро будто разбавили суриком, Вадим впервые за эти трагические дни почувствовал некоторое облегчение. Прямо у берега, где к вбитым в землю железным трубам были привязаны цепями четыре крашенных лодки, плавали несколько коричневых уток. Они неторопливо отплыли к камышам. На сверкающей зеркальной воде остался волнистый след.

— Еще непуганые,— проводив их взглядом, заметил дед.— Я тут не разрешаю палить, так вот понимают и не боются.

Одна лодка с веслами не была замкнута. Дед принес из сарая мешок с сетями, кусок брезента. На корме темнели две железяки, по-видимому, якоря, поблескивала набравшаяся вода. Вадим взял алюминиевый ковш и стал вычерпывать.

— Ладно, Вадик, все образуется,— сказал Григорий Иванович, сталкивая лодку в воду.— Живы будем, не помрем!

— А папа и мама? — печально посмотрел на него мальчик.

— Все в руках Божьих,— налегая на весла, глухо уронил Добромислов.

8. Гости

Постепенно Вадим втягивался в жизнь на турбазе «Саша». Опасения егеря, что гостям не понравится появление мальчика, не оправдались. Приезжие просто не замечали его, да и внук старался поменьше попадаться им на глаза, обычно уходил до темна в лес, который буквально заморозил его. Мальчишка, безвыездно живший в огромном городе, вдруг по воле случая очутился на природе. Здесь все было новое для него: изменчивое небо над головой, лес с его сюрпризами и тайнами, большое озеро с лилиями и кувшинками, а главное — благодатное спокойствие и тишина. Конечно, случалось, в непогоду и озеро подавало свой голос, ударяясь волнами в берег, стонали, протяжно скрипели деревья, просыпая на землю сухие иголки и листья, вскрикивали чайки и другие птицы, ударяли в камышах крупные щуки, но это был другой шум, не городской и он не нарушал душевного равновесия. Если первое время Вадим старался далеко не уходить от турбазы, то позже стал все глубже забираться в бор. У него оказалось хорошо развитым чувство ориентации, он всегда безошибочно находил дорогу назад, даже не прибегая к помощи Султана — молодого рослого черно-белого кобеля с острыми стоячими ушами. Дед сказал, что эта помесь лайки и овчарки. Султан быстро подружился с мальчиком и стал постоянно сопровождать его в лес. Бежал всегда впереди с закрученным бубликом хвостом, часто нырял в заросли, иногда вдаль слышался его возбужденный, залихватистый лай, наверное, преследовал какого-нибудь зверька. Возвращался к мальчишке взъерошенный, с высунутым красным языком, с которого обильно стекала слюна.

Султан привык, что на турбазу приезжают незнакомые люди и мало обращал на них внимания, разве что охотно принимал угощение. Он был незлой и не назойливый. В тот первый день, когда Василий привез Вадима сюда, Султан до вечера не появился у домика лесника. Он был пес самостоятельный и без хозяина мог шастать по лесу. Стоило загреть цепью на берегу, как он мчал-

ся к лодке, вскакивал в нее и устраивался на носу. С интересом наблюдал, как Григорий Иванович вынимает из мокрой спутавшейся сети крупную рыбу, но близко не подходил. Однажды щука схватила его за лапу, деду пришлось ножом разжимать ей челюсти.

Бывало, и по полмесяца никто не навещался на турбазу, а случалось, на неделе по несколько раз. Это когда районное начальство принимало в Пушгорах, как местные называли свой поселок, приезжих из Москвы или Ленинграда. По рации «Урожай» сообщали время приезда, Григорий Иванович отправлялся баню топить, а Вадим шел накрывать в небольшом банкетном зале стол. Он был длинный, со множеством стульев по бокам, как в зале заседаний. Доставал из шкафа льняные цветные скатерти, тарелки, стаканы, рюмки. Если была рыба в холодильнике, то на газовой плите с большим красным баллоном в узком железном ящике варил уху. Научил дед, вот только соль не решался класть в большой закопченный алюминиевый котел, то пересол, то недосол. Когда уха закипала, звал Григория Ивановича, и тот сам солил. Чтобы уха была прозрачная, нужно было нарезать кружочками морковь, шумовкой снимать накипь, выдержать на малом огне с полчаса, разумеется, рыба должна быть крупная: судак, окунь, щука. Уха считалась готовой, когда рыбы глаза побелеют.

Гости обычно прибывали после пяти к ужину. На двух, иногда на трех машинах. Как правило, на «газиках», но проходили сюда и «Победы». Василий проворно приносил в банкетный зал ящики с пивом, водку, коньяк, разные деликатесные закуски, а гости, сопровождаемые кем-нибудь из местного начальства, осматривали местность, любовались видом на красивое озеро, слушали крики озерных чаек, криканье уток. В основном это были хорошо одетые упитанные мужчины среднего возраста с начальственными барскими лицами. Для тех, кто изъявлял желание поохотиться или порыбачить, в кладовке висели на вешалке брезентовые штормовки, длинные плащи, клесчатые шляпы, стояли в ряд разнокалиберные резиновые сапоги. В металлическом ящике хранились смазанные ружья, коробки с патронами. Ящик запирался всяческим замком и ключ хранился у егеря в охотничьем домике. Под навесом у сарая стояли оснащенные бамбуковые удочки, на полке — деревянные коробки с дырочками для червей. Так что приезжие могли быстро переодеться, взять снасти и отправляться на добротных лодках на вечернюю зорьку, что некоторые и делали. Где копать червей, егеря показывал. Сам он этим делом не занимался. Впрочем, кто приезжал на

рыбалку, привозили наживку с собой, как и снасти. Но чаще всего приезжие перепивали, пошатываясь, разбредались по домикам, а утром, опохмелившись, плыли к Дикому острову рыбачить. Остров был небольшой, сплошь заросший в берегах высоким камышом, на нем возвышались десятка два исполинских сосен, там был рыбацкий шалаш, стол из березовых жердин, скамьи. Все это сколотил Григорий Иванович. Вадим видел с берега, как вечером поднимался голубоватый дымок над островом. Это когда приезжали сюда настоящие рыболовы, а не просто отдыхающие.

В тот августовский день на турбазу пожаловали на «газике» четверо гостей с Василием Лукьяновым. Двое были в выгоревших брезентовых куртках, болотных сапогах с завернутыми голенищами, с ружьями и рюкзаками. Явно охотники. А двое в обычных костюмах. По тому как один из приезжих с достоинством, но тепло поздоровался с егерем, Вадим понял, что он тут не впервые. Надо отдать должное Григорию Ивановичу, какое бы высокое начальство не приезжало, он со всеми был одинаково вежлив и ровен. И намек не было на заискивание, так въевшееся в плоть и кровь обслуживающего руководство персонала. Без нужды ни с кем первый не заговаривал, на вопросы отвечал кратко, с достоинством. И даже подвыпившие не пытались с ним фамильярничать, назойливо звать к столу и совать чуть ли не в нос стакан с водкой. Шофер, когда оставался на базе до утра, не отказывался от подношений, а захмелев, охотно рассказывал всякие байки и вообще рад был услужить любому. Он и отводил некоторых изрядно захмелевших гостей по домикам, как говорится, под белы ручки. Улыбчивый, веселый, Василий находил со всеми общий язык.

Двое в охотничьих куртках и сапогах были из Москвы: невысокий, толстый с небритыми колючими щекми и такой же колючей коротко стриженной круглой головой оказался писателем Семеном Ильичем Бровмапом, автором детективных повестей и сценариев. Умные душевные сыщики не хуже Шерлока Холмса раскрывали самые запутанные преступления. И никогда не стреляли в бандитов и убийц. Их оружие — интеллект. Об этом говорил сам подвыпивший автор. Второй — высокий с густыми черными усами и крупным бугристым носом был военным. Писатель панибратски звал его Майором. Они прослышали от псковитян про эти благословенные места и вот на три дня выбрались поохотиться, а сопровождали их «ребята» из местных органов. Положим, солидного дядечку в сером костюме и синей

рубашке с галстуком, который заговорил с егерем, как старый знакомый, вряд ли можно было причислить к «ребятам». Как впоследствии и оказалось, он и был тем самым начальником из псковского МВД, который направил на эту турбазу Григория Ивановича. А приехавший с ними тоже в костюме и при галстуке — начальник базы райпотребсоюза Синельников. Он обеспечивал выпивку и закуску, а также боеприпасы к ружьям. Даже прихватил два новых спиннинга с катушками. Начальника из псковского МВД звали Борис Львович Горобец, был он коренаст и плешив, рыжеватые кустики возле ушей завивались колечками, толстые губы придавали ему добродушный вид. Он часто улыбался, беззлобно подтрунивал над «торгашом», как он называл начальника базы. Тот забыл взять блесны к спиннингам — новинке еще в то время. Перед Майором из Москвы и писателем Горобец держался подчеркнуто вежливо, даже услужливо: сводил их на пристань, предложил сплавить на Дикий остров, но Майор отказался. С остальными Борис Львович не церемонился: «тыкал», с добродушной улыбочкой отдавал разные приказания, услужливый Лукьянов постоянно был у него на побегушках. В общем, держался хозяином. «Торгаш» преданно смотрел ему в глаза и не обижался на шутки, даже когда Горобец называл его «хитрозадым жуликом».

Поначалу все четверо после бани с пивом и вяленой плотвой плотно засели в «банкетке», как Лукьянов называл небольшую квадратную комнату, обитую деревянными панелями для застолий. Оттуда слышались громкие голоса, взрывы смеха, из открытой форточки валил папиросный дым. Воробьиная семья, жившая под застрехой, перелетела на сосну и оттуда базарно чирикала, будто укоряла подгулявших «царей природы». Вскоре позвали шофера и Григория Ивановича, последний заглянул на минуту и вскоре вышел — он не пил и к нему особенно не приставали — а Вася застрял. Он ведь парил вениками гостей в горячей бане, вместе с кипятком плеская на каменку и пиво, распространяющее густой хлебный дух. И уже изрядно был навеселе. С начальником милиции Лукьянов мог спокойно садиться за руль в любом состоянии. Если и встретится гаишник — так честь отдаст...

Иногда кто-нибудь из гостей выходил из «банкетки» и шел в уборную, спрятавшуюся неподалеку меж молодых слок. «Торгаш» мочился прямо с крыльца. Видно было, что он больше всех опьянел. Лицо побагровело, глупо похихикивал и уже фамильярно обращался к москвичам и Горобцу, тот морщился и довольно резко отве-

чал ему, но Синельников не унимался: лез с разговорами, суетливо наливал водку в рюмки, брызгая на льняную скатерть, расхваливал нежную семгу, которую ему «ба-альшой» московский приятель выделил для самых дорогих гостей...

Вадим сидел на крыльце дома егеря и распутывал «бороду» на спиннинговой катушке. Он никак не мог научиться забрасывать блесну и не сделать «бороду». Это его злило, проклятый ком из зеленоватой жилки было не так-то просто распутать... Все ведь делал так, как учил дед, случалось, несколько раз удачно забрасывал блесну, пусть недалеко, но без «бороды», но чаще жилка путалась, на катушке а медная блесна шлепалась рядом с лодкой. Вадим был упрямым парнишкой и раз за разом прямо на берегу бросал блесну, старательно распутывал «бороды», но отступать не собирался. Султан безмятежно лежал неподалеку от курятника, явно вызывая негодование белого поджарого петуха.

Дергая гордо посаженной на длинной шее головой с пунцовым, загибающимся в сторону гребнем, косил на собаку красноватый глаз, испускал негромкое квохтанье, настораживая кур, которые совсем не боялись Султана и частенько прямо у него на глазах клевали из алюминиевой миски с остатками собачьей еды. Впрочем, и Султан не обращал на них внимания, как и на нахальных воробьев, гораздо чаще кур облеплявших его миску. А один нахал чуть ли не наступал ему на лапы, намериваясь склонуть крошку с черного носа. Этого пес отгонял, как назойливую муху, движением головы.

Солнце спряталось за кромкой соснового бора, остроконечные вершины стали пурпурными, а выше горело небо, постепенно меняя оттенки: если узкие неподвижные облака еще были розовыми, то выше их медленно набухала густая синева с розовыми прожилками. Это была не туча, а неумолимо надвигающаяся ночь. Если в городе после жаркого дня в доме было душно, то здесь ночь всегда приносила прохладу. И почти сразу, как высыпают звезды. Глядя на позолоченное закатом притихшее озеро, а оно всегда к вечеру становилось зеркально-чистым, уже не хотелось выкупаться. Что-то было тревожное в этом безмолвном спокойствии. Казалось, в темной глубине затаилось огромное водяное существо, способное за просто схватить тебя за пятку и утащить на илистое дно...

Григорий Иванович отнес в хлев борову поило, загнал кур в низкий курятник с оцинкованной сеткой и толевой крышей. Курятник примыкал к деревянному сараю. На озере побрякивали утки, еще звенели в темнею-

щем небе стрижи. Их много селилось на турбазе. Вадим долго не мог понять, где их гнезда, но потом заметил, как черные птицы с длинными узкими крыльями и коротким хвостом стремительно залетают в четыре скворечника, прибитых к соснам. Жили на территории и дятлы. Это они продолбили на дощатых скворечниках небольшие дырки, из которых торчала солома. Дятлы делали отверстия, а скворцы — это дедушка сказал — каждую весну затыкали их сухой травой. А вот почему дятлы чуют, он не смог объяснить.

Гости еще гуляли в «банкетке», из форточки тянулась струйка сизого табачного дыма, кто-то смутно белевший в рубашке стоял на крыльце и икал. В руке у него розовел огонек папиросы. Огонек то поднимался вверх, то снова опускался вниз. Вадим знал, что дедушка не ляжет спать, пока приезжие не угомонятся. Пьяные люди могут и горящую спичку бросить на усыпанные сухими иголками тропинки и нужно следить, чтобы не вздумали купаться или плавать на лодке. Чуть смазанная с одной стороны луна уже посеребрила озеро, разлила мертвенный свет по траве, камышам. На всякий случай одна лодка была всегда спущена на воду и не замкнута. Весла в уключинах. Егерю уже приходилось вытаскивать из воды далеко заплывших нетрезвых любителей приключений.

— Дедушка, так тихо и красиво тут, а они пьют и курят в душной комнате, — заговорил Вадим, когда Григорий Иванович присел на скамейку у крыльца. — Чудные люди!

— В городе пьют и сюда приедут — пьют, — подтвердил Григорий Иванович. — Я сам думаю: отчего пьют? Ладно, работяги, серые мужики, а эти-то — господа! Хозяева жизни.

Отец выпивал лишь по старинным праздникам, перед арестом бросил курить, да и знакомые их никогда не перепивали. Бывало, отмечали какое-нибудь редкое событие, вроде дня рождения, так пили шампанское, коньяк и очень понемногу. Двух-трех бутылок с лихвой хватало на застолье из пяти-шести человек.

— После переворота в семнадцатом люди стали много пить на Руси, — глядя на расстилающееся перед ними озеро, сказал дед. — Я думаю, это от духовной бедности нашей жизни. Мы ведь отгорожены от всего мира, что там, за «Китайской стеной» — никто толком не знает, как никто не знает, что происходит и за Кремлевскими стенами. Что еще подлого и страшного замышляют «вожди» для народа? Умные люди давно не ждут от советской власти ничего хорошего, вот и глушат себя вод-

кой...— Григорий Иванович бросил косой взгляд на освещенный корпус и понизил голос: — Да что мы на ночь завели тоскливый разговор?

Дед, как и отец, не скрывал своих мыслей от мальчика. Помнится, когда в школе задали на дом сочинение на тему: «Павлик Морозов — гордость нашей пионерии!» и Вадим с каким-то вопросом обратился к отцу, тот сказал, что Павлик Морозов — это чудовищное порождение советской системы, и он, Белосельский, считал бы себя несчастным человеком, если бы его сын хоть чем-нибудь походил на этого маленького уродца с красной тряпкой на груди. И Вадим написал в сочинении, что Павлик Морозов очень плохо поступил, что донес на родного отца... Учительница русского языка и литературы — она была высокого мнения о мальчике — порвала сочинение, а ему посоветовала написать про Чкалова — легендарного летчика, погибшего при испытании нового истребителя. Чкалов Вадиму нравился и он получил за сочинение пятерку.

Запомнилось ему и еще одно выражение отца. Был Первомай, и все ребята должны были прийти к школе в праздничной одежде с выглаженными красными галстуками. Вадим попросил мать выстирать и выгладить галстук. Отец как раз пришел с работы. Увидев мать у стола с утюгом, глядящей дымящийся, еще сырой галстук, он поморщился и сказал:

— Когда я вижу Красное Знамя или вообще кумач, то всегда думаю, что их красят не на фабриках, а окунают в кровь убитых людей...

Эта мысль поразила восприимчивое воображение мальчика. С тех пор ему тоже стал неприятен красный цвет — цвет крови.

Учительнице Вадим сказал, что мать подпалила утюгом галстук, поэтому он пришел без него... Больше никогда он не надевал красный галстук и не считал себя пионером. Сборы дружины нагоняли на него тоску, болтовня о «нашем счастливом детстве» раздражала. Он перестал ходить на собрания.

— Глушат себя водкой те, кому плохо теперь живется, а эти? — кивнул Вадим на корпус с ярко освещенными окнами. — Они-то чего пьют? Им-то жаловаться не на что. Все у них есть, всеми командуют...

Григорий Иванович посмотрел на внука и чуть заметно усмехнулся в бороду:

— Пьют от обыкновенного бескультурья. Когда много вкусной жратвы, хоть залейся водки и можно приказывать людям — это и есть их жизненный потолок. Больше они ничего не могут придумать, фантазии не хватает...

И тут вышел Вася Лукьянов, швырнул окурок в ящик с песком и пошел к «газику».

— Да, еще женщины...— прибавил дед.— О них они вспоминают, когда нажгутся и напьются.

Он встал, окликнул хлопнувшего дверцей шофера. Тот свесился из-за баранки:

— Не хочешь, Иваныч, со мной прокатиться в Пушкинские горы? — с улыбкой спросил он. Лицо Василия с румянцем, глаза весело блестят. И запах алкоголя чувствуется за километр.

— Откажись, Вася,— посоветовал Добромислов.— Пьян ведь! Долго ли до греха?

— За что меня и любит начальство, Иваныч, что в любой кондиции за рулем я — Бог!

— Когда вернешься-то?

— Иваныч, неужто я дурак? — засмеялся шофер, бросив взгляд на освещенное окно.— Не вернусь я назад, скажу, что сорвалось... Время-то позднее, где я им «мамзелей» разыщу? А за меня не беспокойся: эти начальнички все могут. Шепнули даже пароль, ежели какой дурной гаишник остановит, вообще-то они меня и так знают, как облупленного... Не останавливают.

Василий был разговорчив, он бы не прочь и еще поболтать, но тут на крыльце появился Горобец без пиджака. Лицо лоснится, во рту папироса.

— Поезжай, Лукьянов,— строго сказал он.— И уж постарайся... Слышишь?

— Бу сде, командир! — по-военному и вместе с тем весело гаркнул шофер и, захлопнув дверцу, включил хорошо отрегулированный мотор. Вспыхнули фары и красные задние огни.

— Прибери маленько, Григорий Иванович,— повернул лицо к егерю Горобец.— Знаменитый московский писатель бутылку опрокинул и несколько рюмок разбил... Будь добр?

9. Взрослые игры

Покойник, прикрытый серым в елочку пиджаком, лежал в лодочном сарае, будто сплюсненные ноги в резиновых с налипшим мхом сапогах упирались в большую синюю банку с краской, на которой был нарисован улыбающийся ширококоротый человечек с малярной кистью. Проникший через щель в сумрачный сарай узенький солнечный луч высветил в нагрудном кармашке пиджака никелированный копачок авторучки. Еще вчера вечером начальник базы райпотребсоюза Синельников веселился за столом вместе

со всей компанией, громче всех смеялся, рано утром облачился в охотничью одежду — он приехал в костюме и желтых полуботинках — взял из металлического шкафа двустволку и с тремя приезжими отправился в ближайший бор на охоту. На тетеревов и рябчиков. Вадим слышал гулкие выстрелы, потом они отдалились, — по-видимому, охотники с егерем ушли в дальний бор, который назывался Медвежий, от деда Вадим слышал, что последнего медведя здесь видели сразу после войны. Медведей давно не стало, а вот название осталось.

Вернулись они после обеда тихие и мрачные. И только втроем, не считая егеря. У писателя с колючей ежиной головой, будто утыканное иголками круглое лицо было серым, растерянным, короткопалые руки с расплюснутыми пальцами мелко дрожали. Остальные тоже были подавлены.

— Старик, принеси стакан горилки, — хрипло уронил писатель и плюхнулся на скамью, — ноги не держат.

— Я по охотничьей части, а официантом не служил, — с достоинством ответил Добромыслов и неторопливо направился с ружьем за плечом к своему дому. Вадим засемянил за ним. Его тоже охватила тревога. Бородатое лицо деды было мрачным, в волосах — Григорий Иванович летом не надевал головной убор — запутались сосновые иголки.

— Может, не стоит, Семен Ильич? — подал голос Горобец. Его обычно добродушное лицо было суровым. — Надо милицию вызывать...

— А ты разве не милиция? — сердито блеснул на него маленькими глазками Бровман.

— Без них, следователей, не обойдешься, — вставил Майор.

— Чего они такие... странные? — когда отошли подальше, негромко спросил Вадим.

— Кур покормил? — не оборачиваясь, проворчал дед. — Борову отнес ведро с пойлом?

Мог бы и не спрашивать, Вадим всегда утром первым делом кормил всю домашнюю живность, выпускал кур и следил, чтобы они не рылись на грядках с морковью, укропом и щавелем. Огород у егеря был небольшим, ближе к озеру на неширокой полоске земли, отведенной у леса, была посажена картошка. Она уже отцвела и набирала под землей силу, иногда туда забредали куры, и Вадим соорудил из жердей и старой одежды пугало, на котором по утрам любили сидеть вороны и сороки. А куры вообще не обращали на него внимания.

— Я же вижу: что-то произошло,— не унимался Вадим, его все больше разбирало любопытство: обидно, когда от тебя что-то скрывают!

— Беда, Вадик, беда,— присел на крыльце Григорий Иванович.— Человека убили.

— Как? — округлил серые глаза мальчик.— Этого... с животом?

— Синельникова, заведующего базой.

— Не нарочно ведь?

— Столько с вечера водки и пива выжрали, как не лопнули,— вдруг горячо и зло заговорил Григорий Иванович.— И куда в них лезет! Говорил утром, отойдите от вчерашнего хоть до обеда, нет — опохмелившись, с красными рожами, схватили ружья — и в лес. Разве мог я за всеми уследить? И потом, Горобец меня возле себя держал, мол, со мной больше настроеляет, хотел всем нос утереть... Я думал, этот мордастый писатель задремал в засаде, а когда увидел, что сквозь кусты кто-то ломится — Синельников-то никогда охотником не был, чего полез? — и пальнул крупной картечью дуплетом... Сразу напавал!

— Что же будет, дедушка!

— Выкрутятся,— вздохнул Доброммыслов.— Горобец-то крупная шишка в псковском МВД, до и этот Майор из Москвы, видать, важная фигура, а писатель его дружок. И пишет только про милицию. Свой своему глаз не выключет...

Как охотнички хотят выкрутиться из создавшегося тяжелого положения Вадим совершенно случайно услышал. Он, как обычно, лежал у незастекленного окна на проржавевшей раскладушке на чердаке главного корпуса и старался заставить себя увлечься свифтовскими «Приключениями Гулливера в стране лилипутов», но перед глазами стояло светловолосое с узкими хитрыми глазами лицо Синельникова, слышался его сипловатый голос, смех... Ему было за сорок, наверное, жена, дети. И они еще не знают, что он мертв: лежит в лодочном сарае, упираясь сапогами в бидон с краской. Посовещавшись, охотники попросили у егеря старое одеяло или брезент, две прочные жерди и вместе с ним ушли в бор. Вернулись часа через два и принесли покойника. Лица у всех красные, потные, даже у небритого писателя Бровмана. Несли, сменяя друг друга. День был теплым, и егерь посоветовал положить труп в лодочный сарай. Когда никого поблизости не было, Вадим проскользнул туда и, замирая от ужаса, осторожно потянул с головы пиджак. Лицо у мертвеца было спокойное, синеватые губы сжаты, один глаз прикрыт, а второй, остекленевший,

смотрел на потолок, по выбранному подбородку бродила синяя муха, нос был острым, желтым, как церковная свечка, а ниже, где кончалась шея — сплошное кровавое месиво с белыми клочьями рубашки. Снова натянув пиджак на голову, Вадим пулей выскочил из темного сарая, на берегу за кустами его вырвало...

На Гулливере и лилипутах никак было не сосредоточиться: впервые так близко мальчик столкнулся со смертью, он знал, что теперь не скоро позабудет это белое лицо с редкими белесыми ресницами и огромной рваной дырой ниже шеи...

— ... следствия и суда никак не избежать, — не сразу дошел до сознания Вадима глуховатый голос Майора. — Можно было бы списать на несчастный случай, ну, неосторожное обращение с оружием... Но тут и слепому ясно, что это не самострел. Из обоих стволов дуплетом...

— Я думал, кабан прет на меня, — бубнил писатель. — Треск в кустах, пыхтенье... Чего понесло его под выстрел?

— Разное бывает на охоте... — дипломатично заметил Горобец.

— Неужели тюрьма? — в визгливом голосе Бровмана чуть ли не плаксивые нотки. — А у меня в «Молодой Гвардии» запланирован двухтомник... Кстати, во всех романах и повестях воспеается доблестный труд работников милиции... Неужели, братцы, ничего нельзя придумать?

— Ты писатель, вот и придумай! — насмешливо заметил Майор.

— Это же кошмар, погибель!

— Ну, до выхода двухтомника мы дело потянем, это в наших силах, — сказал Майор. — Нажмем, Семен, на все рычаги, но...

— Черт дернул его попереть на меня! — со злостью вырвалось у писателя. — Вообще не нужно было брать его на охоту! Он же не охотник.

— Егерь предупреждал, — вставил Горобец. — Ружье не хотел ему давать...

— А ты сказал — дай, — огрызнулся Бровман. — Да, а этот егерь лишнего болтать не будет?

— Он у меня вот где! — сказал Горобец. Наверное, кулак показал. Вадиму захотелось выглянуть в окошко, но он сдержал себя: не хватало, чтобы они еще заметили...

— Он из бывших... дворянский сынок, — продолжал Горобец. — Порядком отсидел на Колыме. Хотя ничего такого за ним и не числилось, но в Пскове я ему не разрешил обосноваться — устроил сюда. Да он и не держался за город. Те, кто от нас зависят, не будут возникать.

Да и какой резон? За Добромислова я могу поручиться. Он нелюдим, в райцентре раз в месяц бывает, а за пределы области уже несколько лет не выезжал.

— В общем, спасайте, ребята, я ведь ваи в доску! — забубнил писатель. — Конечно, новую повестушку я могу и в камере написать, надеюсь, мне условия создадут, как, Майор?

— Если даже тебе и припаяют срок, в камере ты сидеть не будешь...

— А где? В архиве?

— У нас такие хранятся материалы, Семсн... — Майор усмехнулся, хотя Вадим его и не видел, но и так понятно было. — Хватит на целое собрание сочинений!

— Ну и шутки у тебя, Майор! — занял Бровман. — Ты что мне годы накаркиваешь? Уж, навернос, больше двух не дадут... У меня есть повестушка, как на охоте кокнули пастуха, так я за это злодейство начальнику милиции — он убил и почти так же, как я — всего три года начислил...

— Понятно, это же не предумышленное убийство, — сказал Майор.

— Я вызывать сюда следственную группу не буду, тут все ясно, — деловито заговорил Горобец. — Экспертиза, расследование, акт — все сделают местные ребята. Я дам указание. Лишь бы родственники не заартачились... Несчастный случай! Синельников сам напоролся на выстрел... Чего на охоте не бывает?

— Так и было, — вставил Бровман. — Не нарочно же я его?

— Вскрытие покажет, что он был пьяным, — вставил Майор.

Повисла пауза. Слышно было, как кто-то отхаркивался, елозил по песку подошвами сапог. Гомонили в кустах воробьи, над ухом мальчишки жужжала муха. В золотистой паутине прямо над головой застряла ночная бабочка.

— Есть одна идея, — снова хрипло заговорил Бровман, — повесить это дело на шею егерю...

— Ты в своем уме? — сказал Майор. — Он не вхож на барана, который под нож пойдет!

— За деньги, — продолжал писатель. — Я ему несколько тысяч отвалю, а вы пообещайте все свести к несчастному случаю... Понимаете, я боюсь, что в Москве пронохают, что я замешан... Пишущая братия завистливая, раздует сплетню на всю страну!...

— Выкинь это из головы, — твердо проговорил Майор. — Егерь не тот человек, который за деньги продаст свою душу...

— Дьяволу? — усмехнулся Бровман. — Думаешь, он верующий?

— Товарищ Майор прав, — подал голос Горобец. — Егерь будет молчать, это я вам обещаю, но соваться к нему с таким предложением — чистое безумие! Я его знаю, дело его изучил. Он из дворян, и даже лагеря не выбили из него такие понятия как совесть, честь, благородство.

— А жаль, — сказал Бровман. — Я бы денег не пожалел.

— Кое-кого надо будет подмазать, тут дарственными надписями на своих книжках не отделасься, — сказал Майор.

— Ладно, я пойду потолкую с егерем, чтобы язык за зубами держал... — сказал Горобец.

Послышался шум подъехавшего «газика», хлопанье дверей, веселый голос Лукьянова, женский смех. Вадим осторожно выглянул в окно: из «газика» неспешно вылезали молодые женщины. Вася галантно помогал им приземляться. Женщин было четыре — молодые, накрашенные, в коротких платьях и босоножках, у одной длинные золотистые волосы, которыми она постоянно встряхивала, как кобылица гривой.

— Почему нас никто не встречает? — кокетливо сказала блондинка. Она была самая симпатичная: высокая, полногрудая, с белозубой улыбкой.

— И музыки не слышно, — весело вторила ей другая. — Где же мужчины?

— Я хочу на лодке покататься, — капризно заметила третья.

Лишь четвертая, невысокая брюнетка с пышной прической смотрела на летающих над корпусом стрижей и молчала. В зубах у нее — зеленый стебелек.

Василий, чуть ли не пританцовывая, в новых желтых штиблетах и белой рубашке подкатился к сидящим вокруг стола с пластиковой столешницей мрачным мужчиной.

— Женский десант прибыл, командир! — широко улыбнулся он. — Народ проголодался, да и по двадцать капель каждой не помешает! Вы пока знакомьтесь, а я быстренько стол в «банкетке» накрою. Привез кое-чего и опохмелиться...

— Вася, отойдем-ка в сторонку, — пальцем поманил его вернувшийся от егеря Горобец. Вадим видел, как он, приобняв шофера за плечи, отвел к сосне с кривым отломанным суком, на котором висела на проволоке проржавевшая каска, неизвестно когда и кем повешенная. Из нее после дождя пили воду птицы. Обычно добродушное толстогубое лицо псковского начальника было

угрюмым, покатые плечи опустились. На солнце просвечивали рыжие колечки волос на висках, розово блестя плешь, а большое топориком ухо будто налилось кровью.

— С вечера никак не мог, Борис Львович,— виновато забормотал Василий.— Шутка ли — столько баб к ночи собрать! И потом я хотел какие покрасивше...

— Дружище, спасибо тебе, конечно... — похлопал его по плечу Горобец.— Прямо сейчас же, дорогой, усаживай их в «газик» — и в Пушгоры. Придумай что-нибудь, запудри им мозги...

— Что случилось, командир? — улыбка сползла с лица разбитного шофера.— ЧП?

— ЧП, Вася, ЧП... — вздохнул Борис Львович.— Я сейчас записку напишу Лихачеву из райотдела, ты ему срочно передай. Вместе с ним вернешься за нами, усек?

— Усек, Борис Львович,— покивал темноволосой головой посерьезневший Лукьянов.— Бу сде. Ну, а если не секрет...

— Какой секрет... От тебя у нас, Вася, нет тайн. Синельникова писатель случайно, как куропатку, подстрелил...

— Насмерть? — ахнул шофер.

— Только ты пока ни гу-гу! — голос Горобца посуровел.— Будет следствие и все такое.

— Царствие ему небесное,— на миг вскинул глаза вверх Василий, и Вадим, чуть не стукнувшись затылком о стропилину, отпрянул от окна, но шофер его не заметил.— Хороший хозяин был. Не жадный. У него на складе любой дефицит в наличии, как же теперь без него?

— Свято место не бывает пусто...

— Борис Львович, бабенок-то надо хотя бы накормить... Я возьму что там в холодильнике осталось? И пару бутылочек?

— Ради Бога,— махнул рукой Горобец и снова пошел к своим.

Василий пошептался с высокой блондинкой, та пожала плечами и повела подружек к озеру, видно, что она тут не первый раз, а шофер, захватив зеленый рюкзак из машины, направился в «банкетку». Вадим слышал, как он там звякал бутылками, хлопнула дверца холодильника «ЗИЛ», под его ногами скрипели половицы. Вскоре он вышел с распухшим мешком в руках.

Еще немного погодя, как утки за селезнем, вслед за высокой блондинкой гуськом прошли к зеленой машине поскутившие женщины. В сторону все еще мрачно сидящих на скамьях вокруг стола мужчин они даже не посмотрели.

«Газик» зафырчал, выстрелил глушителем и, выпустив клубок синего дыма, неторопливо покати́л к воротам.

10. Мертвая хватка

Вадим поставил лыжи к бревенчатой стене дома, шерстяной рукавицей стер с полозьев налипший снег, прутяным голиком поколотил по носкам серых валенок, хотел было толкнуть дверь в сени, но вдруг увидел на нижней ветке сосны, что возвышались над приземистым корпусом с замороженными окнами, огромную черную птицу с зловеще поблескивающими круглыми глазами. Птица повернула в его сторону большую отливающую вороненой сталью голову с крепким черным клювом, хрипло курлыкнула и тяжело сорвалась с ветки. Вниз посыпались мелкие сучки, иголки. Полет невиданной до сей поры птицы был неторопливым, плавным. Она будто проскользнула меж стволов в сторону заснеженного озера и вскоре исчезла из глаз.

Из дома вышел Григорий Иванович в толстом коричневом свитере с широким воротом, ватных стеганых брюках и черных валенках. Через открытую дверь выплеснулась наружу тоскливая музыка из репродуктора.

— Дедушка, я видел большую черную птицу, перья с блеском. глаза тоже,— стал рассказывать Вадим.— Она крикнула и улетела...

— Подох, дракон, будь он трижды проклят...— глядя мимо мальчика сузившимися глазами, произнес дед.— Вадик, самый страшный и жестокий человек, который когда-либо родился на земле, наконец-то подох... Я не могу сказать, отдал Богу душу, потому что ему прямая дорога в ад, где его давно уже поджидают бородатый Карл и Сатана-Кабан...

— Сталин? — ахнул Вадим.

— Господи! Неужели ничто не переменится? — все еще глядя в ту сторону, куда улетел черный ворон, Добромыслов несколько раз истово перекрестился.— Только бы к власти не пришел такой же палач и убийца Берия. Этот по трупам ползет к трону! Всю страну кровью зальет!.. Что за несчастная Россия? Ну почему ею столько лет правят драконы и нечистая сила?

Вадим не почувствовал ни радости, ни печали. Он слышал от отца с матерью и от деда, что Сталин — это чудовище, тиран, палач, погубивший миллионы ни в чем не повинных людей. Но точно так же все говорили и про Гитлера. Если фюрера изображали карикатуристы в газетах и на плакатах, то портреты и скульптуры Сталина попадались на глаза везде. И Гитлер и Сталин были

для Вадима символами Зла. Лишь несколько близких человек утверждали, что Сталин — это палач и убийца, а учителя, газеты, радио, учебники — все в один голос воздавали хвалу «великому вождю и учителю». И вот он умер или, как дед говорит — «подох». Григорий Иванович редко употребляет грубые, ругательные выражения, а тут «подох»! И темно-серые глаза у деда возбужденно блестят, бородатый рот расплывается в счастливой улыбке. Большие руки его теребят конец сыромятного ремня на штанах.

— А папа, мама? — спросил Вадим. — Их теперь отпустят?

Улыбка растворилась в бороде деда, руки опустились, он переступил огромными черными валенками и слышался скрип снега. Хотя было начало марта, сильно подмораживало, кругом снежные сугробы, шиферная крыша жилого корпуса — там никто сейчас не жил — была бело-голубоватой. Огромные зазубренные сосульки нацелились своими прозрачными остриями на обледенелую ложбинку, выбитую каплями в оттепель. Синицы цвиркали в колючих ветвях, изредка постукивал дятел.

— Мертвец потащит за собой в могилу и других... — негромко, скорее для себя одного произнес Добромислов.

— Потащит?

— Горобец обещал все узнать про Белосельских, — сказал дед. — Я жду его на зайцев, да вот что-то молчит рация. Теперь и у них начнутся перемены... Сколько в этих органах негодяев и мерзавцев!

— Горобец тоже... негодяй?

— Мне он ничего худого не сделал, — помолчав, ответил дед. — Но думаю, есть на его совести не один грех... И простит ли ему Бог все то, что содеял?..

Вадим пристально смотрел на него снизу вверх. Только теперь до него начало доходить, что родителей могут выпустить, они ведь ничего плохого не сделали, никакими врагами народа никогда не были, а если отцу не нравилась эта власть, так она никому из тех, кто родился и жил при прежней власти, не нравится... А те, кто родились после семнадцатого, другой жизни не видели, верят учебникам, книгам, кинофильмам, в которых искаженно показывается наше прошлое... Это говорила мать, она редко ходила в кино, а если и видела на экране, то только расстраивалась: сплошная ложь, злонамеренное искажение истории... «И дураку ясно, — говорила она, — что прославленные режиссеры, писатели, компо-

зиторы, художники создают свои поделки по заказу, художественным творчеством этот поток лжи и серости уж никак нельзя назвать...».

А Вадим несколько раз посмотрел фильм «Чапаев» и ему искренне было жаль раненого легендарного командира, совсем немного не дотянувшего до берега... «Это историческая неправда, Вадик,— растолковывала ему мать.— Интеллигентных русских офицеров, отдающих жизнь за истинную Россию, показывают примитивными, жестокими, глупыми, а серую массу бескультурных, обманутых большевиками мужиков — этакими добрыми, умными дядями... А эти «добрые дяди» по приказам чернобородых комиссаров в кожанках разрушали церкви, расстреливали священников!».

Вадим свято верил родителям, но и не мог не воспринимать того, что каждый день со всех сторон обрушивалось на его голову. На его! На головы миллионов советских людей... Нравился ему и бодряческий фильм «Веселые ребята», розово-сиропные киноленты с участием Любви Орловой, где жизнь советских людей была показана прямо-таки райская... А фильмов про зверства чекистов, расстрел царской семьи, про ночные аресты, изощренные пытки, про лагеря, разумеется, на экранах не было. И очень многие люди искренне верили, что ничего подобного в стране советской, где так вольно дышит человек, просто и быть не может...

И потом у него, Вадима, были и свои собственные дела и заботы. Стоило ли ломать голову над проблемами взрослых?... А вот здесь, на турбазе, где он по сути дела был предоставлен самому себе, он о многом самостоятельно стал задумываться... И чем больше в его сознании утверждалась мысль, что умер Сталин или, как говорил дедушка, «подох дракон-кровопийца», тем реальнее казалось ему возвращение родителей, восстановление справедливости. Ведь страшнее дракона пет никого на земле! Как бы не говорили и не спорили о политике отец, мать, их близкие знакомые, все упиралось в железную диктатуру Сталина. Его сатанинское окружение воспринималось как нечто аморфное, расплывчатое. Все понимали, что суд и расправу вершат он и Берия, а остальные — исполнители. Отец все Политбюро считал скопищем мелких, необразованных, ничтожных людишек, которым по каким-то диким первобытным законам подлости история, как в насмешку, вдруг дала такую огромную власть... Они — пыль, мусор, а он — гениальный Злодей! Как бы там ни было, но Сталин, стальной рукой держа народ за глотку, единолично управлял огромной страной, вершил мировую полити-

ку, переиначивал историю, чуть не проиграв жесточайшую войну, удержался на гребне власти и даже еще больше ее укрепил. Как бы там ни было, он — личность, а остальные — мелкая шушера, заглядывающая ему в рот и в драку ловящая от него подачки в виде орденов, должностей, названий старинных русских городов их фамилиями или псевдонимами. Из писателей он почему-то выделил лишь Максима Горького, еще при жизни Нижний Новгород назвал Горьким, главную улицу в Москве — улицей Горького, да, пожалуй, не было в стране города, где бы не было улицы Горького... Странная щедрость к «буревестнику», сразу после революции облюбовавшему для роскошной жизни скалистые вершины острова Капри, куда не долетали кровавые брызги красного террора. Мать говорила, что привыкший к роскоши пролетарский писатель не пожелал прозябать в нищей разоренной России. А Сталин заигрывал с ним в надежде, что в те годы популярнейший писатель напишет о нем книгу...

Все это вспомнилось Вадиму, когда он стоял на снегу и смотрел на непривычно возбужденного дела. Постепенно волнение овладевало и им, хотелось что-то немедленно сделать... Может, бросить школу и срочно поехать в Ленинград?

— Ладно, Вадик, погодим, послушаем, что теперь будет у нас твориться, — будто прочитав его мысли, сказал Григорий Иванович. — А событий будет много, может, и страшных... Правда, хуже того, что было, уже и придумать невозможно! Ни у одного злодея фантазии не хватит! Народ превратили в покорное стадо, ссут ему в глаза, а говорят — божья роса! Неужто не проснется русский человек? Неужели не осталось Гордости, Чести, Благородства в России?..

— Что у нас на обед? — спросил Вадим. Отмахав на лыжах от школы три километра по проложенной им лыжне, он заявлялся домой голодный, как волк. На обед дед варил суп со сметками или щи с мясом, на второе — жареная щука, а если на живца в лунках ничего не попадалось, довольствовались мясными консервами с картошкой. Конечно, мать готовила вкуснее и разнообразнее, но что об этом вспоминать... Например, дед не делал салаты, не пек блины. Наложит в тарелку квашеной капусты, польет постным маслом и ешь, хоть ложкой, хоть вилкой. Впрочем, Вадим не был особенно разборчивым, когда сильно проголодаешься, все за милую душу идет... Ему нравились व्यюжные вечера, когда в русской печке протяжно завывает, звякает заслонка, в стекла скребется ветер со снежной крупой, а на столе пу-

скает пары медный самовар с посаженным на конфорку фарфоровым чайником. Этаким головастый пузап с изогнутым крючковатым носом! Самовар тоненько сипел, крышка на чайнике дребезжала. Слышно, как за окном скрипят сосны, царапают ветвями шиферную крышу, щедро просыпают иголки на обледенелый наст. В морозы синицы залетали в дверь и форточку, смирно усаживались на русской печке и посверкивали оттуда на людей черными бусинками глаз. Вадим подвешивал к нижним ветвям на бечевке кусочки сала, сыпал на фанерный лист крошки хлеба. Синицы уже ждали, весело попискивали, иногда садились на подоконник и дробно стучали маленькими клювами в стекло, мол, пошевеливайтесь, люди, мы ждем... Прилетали к кормушке дятел, сизоворонка. Сороки и вороны держались подальше, но в сумерках тоже поровили сорвать с ветки исклеванное до дыр сало.

Где-то в середине марта на «газике» пожаловали Борис Львович Горобец, секретарь райкома Алексей Лукич Сидоркин, с ними две «мамзели» в одинаковых каракулевых шубках. Привез их неизменно жизнерадостный Василий Лукьянов. Он был в черном полушубке, рыжей ондатровой шапке и мягких серых валенках не фабричного производства. В таких же валенках были Горобец и Сидоркин. Женщины — в теплых высоких сапожках на меху.

Григорий Иванович был предупрежден по рации и к приезду гостей баня уже была протоплена, а в «банкетке» накрыт стол, только вот выпивки и закуски не стояло на нем — это забота Василия. Два дня назад дед с внуком вытащили из лунок с насаженными на крючки живцами четыре щуки, одна потянула на два килограмма. У деда был безмен. Уха млела в русской печи, аппетитно смотрелись на большой сковороде до хруста нажаренные куски щуки.

— Дерь-то какой, братцы! — выпимая из машины большую сумку с позвякивающими бутылками и консервными банками, улыбался шофер. — Солнышко светит, с крыши капель, птички чирикают... А у нас в Пушгорах дороги развезло, снег с грязью, а как подморозит — люди руки-ноги на гололеде ломают...

— Василий Семенович, — когда шофер присел на крыльце покурить, подошел к нему Вадим. — Вам жалко Сталина?

— Сталина? — удивленно посмотрел на него тот. — А чего его жалеть? Он пожил на белом свете как ни одному царю не снилось! Заместо бога на пару с Лениным стали. Ежели все их памятники, что понаставлены в

стране, расплавить, так металлу хватит на весь год... Чего мне Сталина жалеть? Я его только на портретах да в кино видел, когда он доклад седьмого ноября делал, целый час показывали, бубнит и бубнит... Я вот про что, Вадя, думаю: помер Сталин, а вместо пего все какая-то мелочь норовит в главное кресло вскочить! Маленковы, Берии, Булганины, Хрущевы... Кто они по сравнению со Сталиным? Так, воробышки, прыгают, исподтишка клюют друг дружку, чирикают... Когда Сталин помер...— шофер оглянулся на дверь и понизил голос: — сведущие люди говорят, неделю боялись об этом народе заявить и этот бюллетень о болезни нарочно придумали, чтобы подготовить. А почему так? Боятся чего-то... Вот какие дела, Вадик!

— Мне его не жалко,— сказал Вадим.— Он папу и маму арестовал и посадил в тюрьму... Была амнистия, а их не отпустили.

— Да разве Сталин сажал? — хмыкнул Василий.— Он и знать-то про это не знал. Сажали энкавэдэшники, у них норма такая спускалась сверху: сколько в квартал нужно посадить... За что же им деньги платят?

— Воров, бандитов надо сажать, а честных-то людей зачем?

— Ежели обо всем таком думать, башка, Вадик, треснет,— засмеялся шофер.— Как это немцы говорили: пусть за нас фюрер думает! Те, кто там, наверху, нас не спрашивают, что им нужно делать... Каждый сверчок — знай свой шесток...

— Ты знаешь?

Василий внимательно взглянул на мальчишку, почесал пос:

— К выпивке, что ли? А я женке обещал вечером вернуться... Да, ничего, она у меня привыкшая. Знает, что я при начальстве... Это и есть мой шесток: быть при начальстве. И знаешь, я не жалуясь. Думаешь, ты один пострадал? Моего деда тоже в тридцать седьмом кокнули... И знаешь за что? Он ухаживал за одной видной дивчиной, а соседу она тоже нравилась. Он взял и накалал телегу на деда, мол, затаившийся враг, критикует советскую власть, жалеет царя и генералов... Так что усатого Сталина мне нет никакого резона жалеть, он-то никого не жалел...

Услышав, как стукнула дверь, он прикусил язык и совсем другим тоном заговорил:

— Я и говорю, Вадя, вы живете с дедом, как в раю! Тишь, благодать и начальства не видать... А медведи в гости к вам не заходят?

— Какие медведи? — пробурчал Вадим и зашагал по обледенелой тропинке к своему дому. Веселый шофер ему нравился, но вот серьезно поговорить с ним просто невозможно: шуточки, улыбки, намеки. Резануло слово «тоже», это когда он сказал, что его деда тоже в тридцать седьмом кокнули... Почему «тоже»? Кого он имеет еще в виду?

В «банкетке» раздался громкий смех. Высокий женский голос выкрикивал: «Боренька, кто нам обещал баню с шампанским?».

Густой голос в ответ:

— В бане пьют пиво, дорогуша!

— А я хочу шампани! — капризно возражала «дорогуша».

— Твое желание для меня закон...

Сейчас пойдут париться: сначала женщины, а немного погодя мужчины. Когда они там двое на двое, Василий в баню носа не сует. Его зовут из предбанника пива с воблой поднести, водки, шампанского. И лишь женщины, раскрасневшиеся с мокрыми волосами, закутанные в льняные казенные полотенца, прошествуют в накинутых на плечи шубах в корпус, Василий степенно идет парить «господ начальников». Березовые веники заранее преют в алюминиевом тазу в горячей воде. Василий в брезентовых рукавицах и черных трусах двумя вениками истоиво хлещет по спинам, животам, рыхлым грудям тяжело переворачивающихся на полке багровых потных мужчин. Слышатся протяжные охи, вздохи, стелания, возгласы: «Ох, хорошо! Меж лопаток, Вася! У-у, здорово!». В эти блаженные возгласы вплетается добродушный Васин тенорок: «Командир, перевернитесь! Вот так... Сейчас я пройду вдоль хребта, теперича на спинку, руки под голову...».

Пока идет вся эта банно-пьяная канитель, Григорий Иванович и Вадим занимаются своими делами: егерь кормит, поит скотину, колет дрова, мальчик или делает уроки, или проверяет на озере лунки. Приятно вдруг почувствовать на леске тяжесть: значит, села щука или налим. В январе-феврале частенько попадались скользкие усатые налимы. Их даже чистить не нужно, у них и чешуи, как и у линей, нет.

Гости побыли на турбазе два дня. Вадим видел, как Горобец прогуливался с дедушкой по белому, с блестящими наледи, полю озера. Заснеженные сосны и ели при малейшем порыве ветра окутывались искрящей ледяной пылью. Начальник НКВД был в полушубке и пыжиковой шапке, дед — в стеганом зеленом ватнике и серой армейской шапке. Больше говорил Борис Львович, а

дед, наклонив большую голову и упершись взглядом под ноги, слушал. И бородатое лицо его было угрюмым. Вадим видел их из заледенелого снизу окна — он решал задачки по математике — что-то в фигуре и походке деда ему не понравилось. Обычно Григорий Иванович держится прямо, голова гордо поднята вверх, густая борода трется об отвороты ватника. И почему-то дед показался очень старым.

Вася собрал бутылки, слил недопитую водку в одну из них, заткнул бумажной затычкой и положил в карман, захватил со стола связку воблы, несколько банок консервов. Даже не забыл пачку папирос. «Мамзели» забрались в машину, хотя Вася и включил печку, чувствовалось, что в ней холодно. Женщины ежились в своих шубках, нетерпеливо выглядывали из окошек, дожидаясь Горобца, о чем-то все еще толкующего с егерем. Вот он протянул руку деду, тот, помедлив, вяло пожал ее. Султан, подняв острую морду с торчащими ушами, будто вслушивался в их слова. Загнувшийся баранкой пушистый хвост покачивался. «Газик» прошел по льду юзом — уезжали вечером, когда подморозило — и завилял меж сосен по извилистой дороге, присыпанной искрящимся снежком. Синий выхлоп медленно растворялся в чистом воздухе.

Дед стоял с непокрытой головой, ветер шевелил давно не стриженные космы седых волос, разметал бороду надвое. Сощуренные глаза старика были устремлены вдаль. Прямо над его головой деятельно стучал дятел, на снег летела коричневая труха, черные суки.

— Вот что, Вадя,— глухо уронил дед.— Этот издохший дракон уволок на тот свет твоего отца и мать... Да и не только их! Говорят, пока его красный гроб стоял в Колонном зале, невесть сколько людей в давке раздавили...

— Нет, дедушка,— прошептал мальчик.— Такого быть не может! Говорили по радио, будет опять амнистия...

— Живодер Берия выпустил на волю воров и бандитов. Своих верных ублюдков. Он их и натравливал в лагерях на политических! Если еще и этот зверь захватит власть, тогда лучше камень на шею — и в прорубь!

— Он сказал? — глотая слезы, спросил Вадим. Он знал, что Горобец обещал деду выяснить про судьбу родителей.

— Ты должен все знать,— помолчав, ответил Григорий Иванович.— Отца расстреляли по приговору тройки в день смерти Сталина, а мать ночью лезвием безопасной бритвы вскрыла себе вены... Сирота ты теперь, Ва-

дим. Лишила тебя советская власть отца и матери. Пусть кипят в геенне огненной те, кто ее придумал! Это власть садистов и убийц! Преступники на троне. В какой еще стране может быть такое? В какой стране с беспаспортными крестьянами расплачиваются пустыми трудоднями? Люди, как скотина, живут в загонах и не имеют права их покинуть? Ну почему Бог так жесток к нам, русским? Почему Он отдал великую державу на растерзание сатанистам? Почему допустил надругательство над храмами и их служителями? Чем прогневил Его так наш народ? Тем, что поддержал нехристей-большевиков? Так они обманули народ! Облапошили, как неразумных детей. И, конечно, при помощи Сатаны. И правят-то им люди не православной веры, которым на нашего Бога наплевать...

Слезы прижигали щеки Вадима, руки его сжались в кулаки, ногти больно впились в мякоть ладони, но он этого не почувствовал. Перед его глазами расстился туман, в котором неясно вырисовывалась фигура стоявшего у стены под дулами винтовок отца, лежащая на нарах в крови мать с потухшими глазами, из которых вместе с жизнью вытек синий свет...

— А где их... похоронили, дедушка?

— Этого мы никогда не узнаем,— ответил дед.

11. Бабье лето

Если раньше люди избегали говорить о политике, то с приходом к власти Хрущева и после расстрела Берии будто плотину прорвало: о политике толковали все кому не лень, даже пока добродушно подшучивали над новым главой государства. Хрущев любил часто и многословно выступать, явно соревнуясь с Фиделем Кастро, который, случалось, не сходил с трибуны по шесть-девять часов кряду. Все центральные и местные газеты были заполнены текстами речей Первого секретаря ЦК. С украинской лукавинкой смотрел с многочисленных портретов широколицый, губастый, щедро усыпанный разнокалиберными бородавками глава правительства. Не верилось, что этот улыбчивый, добродушный с виду человек способен сажать, пытать, казнить. Заговорили, что расстрелянный Лаврентий Берия был верным холопом Сталина и все делал по его указке. Как-то незаметно стали исчезать со стен портреты грозного усатого грузина, а ночами в городах и поселках с площадей и скверов убрали многочисленные скульптуры «вождя всех народов». Теперь лишь Ильич гордо взирал с постаментов на потравленную и выполотую его

верным учеником и последователем российской пашню. Уже открыто говорили о сталинских репрессиях, в органах менялись кадры, понемногу стали возвращаться из лагерей выжившие узники. А Хрущев все с большим азартом раздражался длинными речами, сулил чуть приподнявшему от придавившего его сталинского ярма голову народу всякие блага и даже договорился до того, что к восьмидесятому году у нас будет полный коммунизм. Люди смутно представляли себе, что это такое, но премьер знал запросы народа и мог, как говорится, на пальцах объяснить, что это такое — современный «коммунизм». Только что пошла мода государственных деятелей выступать по радио-телевидению и Никита Сергеевич, потрясая кулаками, изрекал примерно так: «Я вот тебе сейчас объясню, что такое коммунизм... Вот сейчас у тебя в гардеробе висит один костюм, так? А при коммунизме в восьмидесятом году у тебя в этом самом гардеробе будет висеть два костюма! Понятно?».

Куда уж понятнее! Народ потешался, интеллигенция стыдливо поддакивала в печати новому Боссу. Она, так называемая советская интеллигенция, привыкла во всем верноподданически поддакивать вождям-правителям. Правда, нашлось несколько поэтов-крикунов, художников, которые па творческих пленумах — Хрущов одно время любил встречаться с интеллигенцией даже на правительственной даче — решались спорить, игриво, в рамках дозволенного, возражать вождю. И он за это никого не сажал, даже не запрещал печататься и выставляться...

Осень 1953 года выдалась на псковщине сухой, теплой, настоящес бабье лето. Много вылупились грибов: белых, подберезовиков, волнушек и груздей. Григорий Иванович с внуком каждый день ходили в бор. На крыше лодочного сарая, нанизанные на алюминиевую проволоку, сушились белые грибы, волнушки и грузди отмачивались в эмалированных тазах. Кругом витал грибной дух. Иногда Вадим под соснами находил белые грибы прямо на территории турбазы.

Над озером пролетали косяки птиц. Звонкие переливчатые трели с неба, случалось, будили Вадима рано утром и он потом долго не мог заснуть. В криках перелетных птиц чудились ему голоса отца и матери... Горобец в последний приезд рассказал Добромыслову, что отец был расстрелян в подвалах Большого дома на Литейном в Ленинграде, а мать вскрыла себе вены бритвой в номере. Мальчику снился страшный рябоватый чело-век с густыми черными усами и хитрым прищуром невыразительных холодных глаз. Похожий прищур был у

Ленина на портретах. Сталин в мягких хромовых сапогах и зеленом френче расхаживал с трубкой в зубах по светлому кабинету, отделенному деревянными панелями, и отдавал приказания выстроившимся вдоль стен людям в военной форме. Люди были без лиц и без глаз. После каждого плавного тычка коричневой трубки, один из них срывался с места и исчезал за дверью, а немного погодя слышались глухие выстрелы, иногда залпы. И в клубах синего дыма из сталинской трубки просвечивали залитые кровью бледные лица расстрелянных. Это были бесплотные существа с печальными человеческими лицами, но без рук, без ног. Колыхающаяся в воздухе субстанция. Души убитых людей. И как много их было! Вадим мучительно высматривал в этом сизом клубящемся дыму отца и мать, но их там не было. И в его сердце зарождалась надежда, что они еще живы, а Горобец сказал дедушке неправду. И лишь окончательно проснувшись, он соображал, что Борису Львовичу не было никакой нужды обманывать егеря. Наоборот он приложил усилия, чтобы узнать правду: у него были знакомые чекисты в Ленинграде, они и сообщили. Дедушка попросил назвать фамилии палачей, приговоривших Белосельского к расстрелу, но псковский начальник лишь развел руками, заявив: «Многого ты от меня требуешь, Григорий Иванович! Особое совещание или «тройки» там каждый день заседали, выносили тысячи приговоров, которые обжалованию не подлежали, и фамилии их знает лишь высокое начальство, да оно и само состоит в этих «тройках». Вроде бы сейчас их ликвидировали. В судебных органах тоже идет перетасовка».

С приходом к власти Хрущева Борис Львович заметно заскучал, да и на турбазу стал наведываться реже. Он сообщил, что повальные аресты прекратились, московские полномочные комиссии вычищают из правоохранительных органов бериевских прихвостней... А кого считать «прихвостнями»? Берия был верховным главой всей карательной машины, и его приказы были законом для всех чекистов. В первую очередь и изгоняют из органов палачей, садистов, Борис Львович, осуждая бериевских подручных, как бы выгораживал себя, дескать, он не занимался рукоприкладством и не издевался над арестованными...

Василий Лукьянов — он по-прежнему привозил на «газике» районное и областное начальство на турбазу — тоже стал смелее на язык.

— Горобец-то завилал хвостиком, — как-то, подвыпив с начальством в «банкетке», разговорился он с Вадимом. — Прямо теперь отец родной! Говорят, Хрущ

всерьез взялся за них, пачками увольняют из органов. Думаю, и под нашим Боренькой кресло зашаталось! Даже членом горкома партии на конференции не избрали, такого раньше не было.

— Какое у него звание? — поинтересовался Вадим.

— Подполковник.

— А этому писателю, который убил Синельникова, чего ему было? — вспомнил Вадим.

— А-а, ничего, — ответил Василий. — Условно три года и отобрали охотничий билет. Свои люди постарались... У него тесть — крупная шишка в Союзе писателей, да и вся московская милиция его знает, он с генералами на «ты», кропает новый роман про родную милицию, мол, какая она у нас добрая и хорошая... Он мне подарил книжку, так у него сыщики с наганами прямо-таки отцы родные, умные, сердечные, смело лезут под бандитские пули, насмерть защищая советских граждан... Туфта!

— А что это такое? — удивился Вадим.

— Врет он, сукин сын! — рассмеялся Лукьянов. — В милиции всякие люди: и звери, и взяточники, и убийцы. У нас в Пушгорах милиционеры в кутузке насмерть забили морячка, приехавшего в отпуск. Ни за что. Подвыпил, началась в ресторане драка, милиция их и замела. Своих знакомых сразу отпустили, а морячка — в камеру, видно, он сопротивлялся малость, ну его вчетвером и отметелили, да так, что печень лопнула, концы к утру отдал. А обэхээсовцы? Они, бывало, каждую пятницу паслись на складе у Синельникова: жрали коньяк, икру, копченую колбасу, да и с собой прихватывали, ну ему, покойнику, вестимо, давали возможность проворачивать тысячные дела-делишки! Все у нас, Вадик, сгнило, куда взгляд не кинь. Начальство, как вороны, друг другу глаз не выклюнут, покрывают один другого... Сам видел кто сюда попить да поблядовать приезжают? Из райкома, обкома, райисполкома, милиции, МГБ. Да еще крупные торгаши и завбазами. И комсомольские деятели еще почище на своих турбазах гуляют! Дым коромыслом!

— А ты их возишь! — упрекнул Вадим.

— Я от этого тоже имею свой интерес, — ничуть не смущаясь, сказал Вася. — Халтурь на машине сколько хочешь, бензина хоть залейся, работой не загружают, что ни попрошу — выписывают. А чего им, жалко? Не свое же. Думаешь, лучше, если бы я вкалывал на самосвале? Возил бы щбенку или железобетонные секции на стройку? Стоит мне лишь слово неосторожное сказать и до них дойдет, как меня в три шеи турнуть...

Жизнь у нас, Вадик, такая, что нужно возле начальства вертеться. Оно все у нас вершит, все может: казнить и миловать! Я слышал, что твой отец даже от Сталинской премии отказался...

— Это не он,— вставил Вадим.

— И с начальством не ладил,— продолжал Василий.— Ну и чего он добился? Плетью обуха не перешибешь. Взяли, осудили и расстреляли...

— Дядя Вася, не нужно про... отца и мать,— не глядя на него, тихо попросил Вадим.

Лукьянов встряхнул темноволосой головой, досадливо стукнул себя кулаком по широкому лбу, сморщился:

— Как выпью, так прет из меня всякое... Раньше молчал, за что и начальство любило, а теперь язык распустил! Вроде не так страшно стало... Ох, все одно не к добру это! — Он взъерошил волосы на голове мальчика.— Ты прости меня, Вадик, я ведь так, без всякого умысла... Хороших людей, сволочи, посажали, поубивали, а такое вот дерьмо, как я, оставили на развод... Дерьмовое начальство и народ под себя подгребает дерьмовый, а честные да справедливые кому сейчас нужны? От них одни хлопоты и неприятности, мать твою... Вот как советская власть-то вместе с Лениным-Сталиным все повернула, а! Паразитов и подхалимов выращивает, а людей с большой буквы на корню подрезает, чтобы, значит, не выторкивались...

Они сидели на опрокинутой лодке на берегу тихого в этот час озера с золотистой закатной полосой посередине. Камыш посерел, в нем созрели длинные бархатистые шишки. Уток охотники давно распугали, подевались куда-то и чайки, лишь две серые гагары бороздили плес. Они надолго ныряли, выныривали совсем в другом месте. Облака, медленно проплывающие над водной гладью, тоже были окрашены в розовый цвет, с лугов, где после покоса снова поднялась поздняя осенняя трава с разноцветьем, вяло медвяным духом, по зеркальной воде шныряли водомерки, нет-нет в осоке бултыхнет лещ, окуни гоняли выскакивающих из воды мальков на плесе. Стрекозы дремали на проржавевших по краям листьях кувшинок и лилий.

Горобец, секретарь райкома и две «мамзели» ушли с корзинками в лес за грибами, потому-то без них Василий, несколько раз приложившийся к бутылке в «банкетке», и разговорился с мальчиком. Григорий Иванович в очках чинил сеть на скамейке у своего дома. Металлические дужки очков посверкивали, седая борода, казалось, запуталась в ячеях капроновой сети. Напротив, на сосновом суку сидела сорока и внимательно следила

за человеком, круглая черная голова с блестящими бусинками глаз поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Снова сильно ударило в камышах, видно было, как пошли гулять сверкающие круги. Это вышла жировать щука.

— Их Сталин умер, а они...— Вадим посмотрел на главный корпус. — Знай, все пьют-гуляют. Будто ничего и не изменилось.

— Так было, парнишечка, и будет,— философски заметил шофер.— Ну, уберут Горобца, его дружков, так на их место придут другие и то же самое будет. Такая уж система у нас, как ее после революции запустили, так она и действует. Ленин-то блатной клич бросил: «Мир хижинам — война дворцам! Грабь награбленное!». А сам жил в княжеской усадьбе «Горки» и пролетарского бунтовщика Максима Горького поселили во дворец, там одних комнат было больше двадцати. Горобец был у него в гостях, когда в Москве служил в кремлевской охране. И пил, говорит, Максим Алексеевич лучшее заграничное вино с шампанским и со Сталиным много раз запросто встречался... Какая система, такие и люди-людишки! А начальство хоть сто раз меняй — ничего не изменится. Машина запущена и она крутится-вертится, и никакой Хрущ ее не остановит. Погляди, не успел сесть на престол, как портреты каждый день стали в газетах печатать, да уже и выдающимся деятелем величают, хотя он еще ничего путного и не сделал. Только сдается мне, что из него нового вождя не раздуют, не та фигура! Разве можно столько много говорить? При Сталине-то и не слышно было, а тут льет, как из водосточной трубы! Речугу за речугой! И видно, что ему трепать языком шибко нравится.

— У него лицо доброе,— вставил Вадим.

— На таком месте добрым быть нельзя,— заявил шофер.— Доброго в два счета с потрохами сожрут. Там ребята тертые, свое дело знают... Да нам-то что за дело? Они сами себя назначают, сами снимают, нас не спрашивают. Своя рука — владыка. Одно плохо, паренек, людям ничего хорошего наши вожди не делают, потому что люди для них — быдло, навоз, пыль... А, может, люди у нас такие в СССР и есть, раз все терпят?

Вадим с интересом слушал разговорившегося шофера, дед тоже много толковал о большевистских главарях, как об истинных врагах народа, но как-то по-научному, мудрено. Называл неизвестные фамилии времен переворота, членов Думы, временного правительства, а Василий объяснял все очень понятно и просто. И все-таки Вадим не мог поверить, что добродушный, со щербин-

кой в зубах, круглолицый Никита Хрущов может быть тираном и палачом, как Сталин и Берия. Вон как его встречают за границей! Не мог мальчик взять в толк и то, что новые правители России почему-то все делают так, за что бы не взялись, что потом оборачивается для народа бедствием... Гораздо позже он сам придет к мысли, что вся беда в том, что великой державой десятилетиями управляли элементарно полуграмотные, некомпетентные люди, цепляющиеся за цитаты из Маркса-Ленина. И все их окружение состояло из авантюристов и хапуг, старающихся выдвинуться и разбогатеть. Сама система висела тяжелой гирей на шее несчастного народа и до тех пор будет висеть, пока не поломают эту проклятую, придуманную врагами рода человеческого систему. Антинародная система была изначально направлена против человека. И она, система, исправно приводила в движение приводные ремни огромной машины-машины, которая перемалывала в стране людей, как сорняки на поле, выдергивала все передовое, неординарное, талантливое, закладывала в сознание миллионов людей разных поколений ложные понятия о Добре и Зле, одно подменяя другим. И лишь «машинисты», механики этой системы-машины купались в роскоши, жили, как и не снилось государственным деятелям ни одной страны мира. Причем, тем приходилось самим создавать капитал, богатство, а эти приходили на все готовое. Главное — пост, должность, а способности, талант не нужны. Эти «машинисты-механики», подбрасывающие в прожорливые печи системы природные богатства, принесшие в жертву религию да и саму человеческую жизнь, жили в Кремле как небожители, ни в чем не нуждаясь. Система каждому «вождю» автоматически выдавала звания, награды, особняки, дачи и право быть вне критики. Взамен система требовала одного: не нарушать движение запущенного в семнадцатом году маховика. И никто не нарушал, даже не посягал на систему. И самым удивительным было то, какие сатанинские силы изобрели эту прожорливую человеконенавистническую систему и сумели даже после своей смерти остаться великими «революционерами»! Их гробницы в умах людей вознеслись выше египетских пирамид, где захоронены фараоны. Система пожирала людей, отбрасывала цивилизацию в эпоху рабовладельческого строя, а оболваненные люди в массе своей молились на нее, боготворили, поклонялись, как язычники своим деревянным и каменным идолам... Религию-то, Бога упразднили. На одной шестой суши мира победу одержал Сатана. Он и правил свой бал. Если существует «тот свет», то как там

покатываются со смеху создатели этой страшной системы, наблюдая с космических далей на дело злого ума и безжалостных рук своих!..

Но как ни была система и ее хранители бдительны и беспощадны к инакомыслящим, все-таки были в стране люди, которые все понимали и жаждали перемен. Мало их было, но они существовали. И от отца к сыну передавали правду о системе, так называемой революции, а точнее, большевистском перевороте, геноциде русского народа. Впрочем, система безжалостно расправилась и с теми, кто в 1917 году выпустил джинна из бутылки. Почти всех уничтожила, потому что честные революционеры первыми поняли всю пагубность этой страшной системы, поняли, что их обманули красивыми фразами и лозунгами разные выскочки и попытались что-то сделать, изменить, но уже было поздно: система сама выдвинула на командные посты достойных ее машинистов, и те быстро расправились с прозревшими и неугодными.

Вернулись из леса грибники — улыбчивые, с поблескивающими глазами. В корзинках, кроме ножей, когда они уходили, лежали бутылки и пакетов с бутербродами. Еще издали слышался звонкий женский смех, баритон Горобца. Грузный носатый секретарь райкома в штормовке и болотных сапогах принес в корзинке ежа.

— Дружок, — позвал он Вадима. — Тебе подарок!

И с улыбкой ловко извлек из плетеной корзинки серый колючий клубок. На иголки накололся маленький масленок. Вадим взял ежа, поблагодарил и, скрывшись за корпусом, отпустил зверька на волю. Знал бы секретарь, что тут ежей тьма, чуть стемнеет и увидишь их возле помойки и домиков. А один старый еж даже не прятался под колючки, когда Вадим к нему подходил: высовывал свою острую, забавную мордочку, обрамленную мягкой рыжей шерстью, и смотрел на мальчика смысленными черными глазами.

Вадим ему подкладывал кусочки рыбы, белый хлеб.

Василий ушел в «банкетку» приготовить гостям ужин. Они приехали с ночевкой, завтра утром отбудут в Пушкинские Горы. Горобец закурил на крыльце. Вадим поймал на себе его задумчивый взгляд. Иногда Борис Львович спрашивал его, мол, как жизнь? Вадим отвечал: нормально, собственно, этим и заканчивался их редкий разговор. Не то, что бы подполковник не нравился мальчику, просто не о чем было толковать. А со своими проблемами Вадим и не решился бы поделиться с начальником. У него

даже духу не хватало спросить про родителей. Да и что еще мог бы сказать Горобец? Он все, что выяснил, поведал дедушке.

— Вадим, иди-ка сюда! — позвал Горобец. — Куда ежа-то дел?

— Отпустил, — сказал Вадим. — У нас тут их много бродит.

— Садись, — кивнул на ступеньку рядом с собой Горобец. — В ногах правды нет.

— А есть она вообще-то, правда? — поглядел ему в светло-карие глаза мальчик.

— Философский вопрос, — улыбнулся Борис Львович. — Еще в древности прокуратор Иудеи Понтий Пилат задал вопрос арестованному Христу: «А что такое истина?».

Об этом Вадим слышал от матери, она даже прочла ему отрывок из какой-то книги про казнь Иисуса Христа с двумя разбойниками на Голгофе.

— Истины нет, — твердо выдержал пристальный взгляд эмвэдэшника Вадим. — Если бы существовала истина, моего отца не расстреляли бы. И мать была бы жива. Кому нужна была их смерть? Сталину или Дьяволу?

— Рассуждаешь, как взрослый, — стряхнул пепел под ноги Горобец. — Горе и страдания рано делают детей взрослыми.

— Детей... — усмехнулся Вадим. — Я давно уже не ребенок.

— Мужчина?

— Я не знаю, кто я, — резко ответил мальчик. В тоне Горобца ему послышалась насмешка. О том, что он не по годам взрослый, часто говорил и дед. После всего случившегося Вадим редко улыбался, а смеяться, кажется, вообще разучился. На лбу прорезалась тоненькая морщинка. Не было дня, чтобы он не вспомнил родителей. Иногда просыпался ночью и его охватывал гнев: хотелось вот сейчас, немедленно отомстить за них. Но кому мстить — он не знал... Он еще не знал, что мстить системе — это то же самое, что плевать против ветра: все тебе же в лицо отлетит. И от этого чувства собственного бессилия мальчик терялся, не хватало фантазии воочию вообразить истинного врага, нанесшего ему столь страшный удар. Да что удар — вся его жизнь была сломана. В школе он чувствовал себя чужаком, приятелей не искал, мало с кем общался и ребята вскоре тоже перестали лезть к нему. Пару раз подрался из-за какого-то пустяка. Дрался зло, ожесточенно и его перестали задирать. Мальчишкой он рос крупным, каждое утро в теп-

лое время года подтягивался на самодельном турнике, ожесточенно колошматил кулаками кипу тряпок, туго увязанных в обрывке рыболовной сети. Эту самодельную «грушу» он сам смастерил и повесил к потолку в лодочном сарае. За год до ареста отец немного поучил его боксировать. Он был боксером-разрядником, с институтских времен в соревнованиях не участвовал. Отец внушал, что настоящий мужчина должен уметь за себя постоять. Еще говорил о страхе, который смолоду нужно из себя по капле выдавливать, иначе он тебя когда-нибудь раздавит. На фронте Белосельский был в штрафном батальоне, где выживали лишь самые отчаянные храбрецы... Вспомнилось, что капитан в блестящих сапогах при аресте забрал с собой коробку с тремя орденами и шестью медалями отца. Какое он имел право? Как бы отец не относился к советской власти, которая, кроме горя, ничего ему не дала, он геройски воевал, защищая Родину. Из лагеря попросился на фронт, его и направили в штрафной батальон, где он командовал ротой.

— Плетью обуха не перешибешь, Вадим,— дошел до него ровный глуховатый баритон Горобца.— Что было, тоже не вернешь, как и родителей не воскресишь... Ну чего тебе здесь торчать в лесу?

— А где мне... торчать? — бросил на него косой взгляд мальчик. Он присел на ступеньку так, чтобы видеть лицо начальника. На висках у него в колечках рыжих волос поблескивала седина.

— Да и Григорию Ивановичу, наверное, с тобой трудно: обед сготовить, постирать... И скучно ведь тебе здесь? Лес да озеро... Небось, тянет к сверстникам? И дружков ты не завел.

— Если отправите в детдом — сбегу! — сразу сообразил, куда клонит Горобец, мальчишка.— Я дедушке помогаю, я умею варить, стирать, ему будет плохо без меня.

— Почему в детдом? Есть ведь школы-интернаты. Там и учат и кормят. Каждую неделю на выходной будешь сюда приезжать...— голос начальника из псковского управления МВД звучал не очень убедительно. Каждый выходной приезжать на турбазу! На чем? Сюда автобусы не ходят, разве Василия попросить, чтобы подвозил мальчишку? Мысль определить Вадима в школу-интернат возникла у Горобца еще зимой, не то, чтобы он уж очень заботился о нем. Его пушкиногорская приятельница — главным образом из-за нее он и приезжал сюда — как-то обронила, что у турбазовского мальчишки такие глаза, будто она в чем-то провинилась перед ним... Да и сам Борис Львович понимал, что постоянное

присутствие мальчика как-то связывает, смущает некоторых женщин, приезжающих сюда. Ему-то наплевать на мальчишку. Он, Горобец, давно привык не считаться с интересами других, безразличных ему людей, жизнь сложилась так, что другие люди в основном заботились о том, чтобы ему было хорошо и удобно. Но раз мальчишка смущает женщин, значит, его нужно отсюда убирать. Правда, это нужно было сделать раньше, когда он тут только что объявился, но раньше мальчишки было не видно и не слышно... Со стариком, конечно, не стоит портить отношения из-за внука. На худой конец можно попросить его сделать так, чтобы во время их наездов Вадим не попадался на глаза гостям. Пусть уходит в лес или прячется... Эта тихая закрытая турбаза нравилась Горобцу, можно поохотиться, порыбачить, никого посторонних... Лида Лупкина — секретарь пушкиногорского райкома комсомола, его любовница, тоже любила эту базу. Горобец приезжал из Пскова на черной «Волге», оставлял ее в райотделе, а сюда привозил их Василий Лукьянов — шофер лесничества. Проверенный товарищ, этот не проболтается, не продаст... Да особенно Борис Львович никого и не боялся. Разве нет турбаз под Псковом, где отдыхают областные руководители? И там все так же, как здесь, даже больше удобств и роскоши. От Пскова до турбазы «Саша» часа два езды. Случалось приезжать сюда и без ночевки. Белокурая высокая Лида видно, запала в душу, нет-нет и прямо в псковском кабинете возникала перед глазами: грудастая, белозубая, с гибким молодым телом... Надо будет подсказать ребятам из обкома комсомола, чтобы ее взяли в областной центр. Он уже толковал с первым, тот обещал перевести ее в аппарат сразу после областной конференции, которая состоится в январе. И Лида не возражала бы поменять, как она говорила, серую «пушкинскую дыру» на областной центр с театром. Должность заведующей отделом обкома ВЛКСМ ей обеспечена. Борис Львович был начальником отдела псковского управления МВД, лелеял надежду когда-нибудь возглавить Управление, пользуясь своими московскими связями, но после прихода к власти Хрущева стало что-то непонятное происходить: в Москве уже полетели со своих высоких должностей несколько крупных руководителей МВД. Зашаталось кресло и под начальником псковского управления. Горобец утешал себя тем, что быют в первую очередь по крупной дичи, а над мелкой дробь поверху пролетает, не задевая...

— Мне здесь нравится жить с бабушкой, — сказал Вадим. — У меня ведь никого, кроме него, нет. И менять ничего не надо.

— Я хотел как лучше, — не скрыв разочарования, ответил Горобец.

— Для кого лучше? — бросил на него странный взгляд мальчишка. Глаза у него с зеленым ободком, острые, умные глаза много пережившего маленького взрослого человечка. Лоб выпуклый, брови темные, длинные ресницы, припухлые губы. Рослый паренек с уже развитой мускулатурой. В школе наверняка бы играл в футбол или хоккей... Мальчишеское и взрослое перемешалось в облике Вадима. Не по возрасту перечеркнула лоб узкая морщинка, да и в пристальном взгляде больших глаз нет-нет и проскальзывало что-то взрослое, непримиримое. И разговаривать с ним непросто: с ходу схватывает твою мысль. И отвечает рассудительно, как взрослый человек. Этому человечку уже никогда больше не быть ребенком.

И Горобец, который сам сотни раз подписывал протоколы об арестах — нужно же было план выполнять по разоблачению врагов в Псковской области! — никогда не задумывался о детях арестованных, расстрелянных, сосланных. Какими они вырастали? Маленьких забирали в детские дома и воспитывали преданных делу социализма людьми, вычеркивали из их сознания, памяти даже фамилии родителей — давали другие фамилии и имена. Так появились Кимы — Коммунистический интернационал, Элемы — Энгельс-Маркс, Вили — Владимир Ильич Ленин и даже Революции. Им внушали ненависть к врагам народа, ко всему прошлому, о полах они знали из сказки «О попе и его работнике Балде», о капиталистах — по Маяковскому и Маршаку, где герой — отвратительный «Мистер Твистер», или: «ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!». Вот такие подрастающие кадры требовались социалистической системе, иных она не приемлила. Для иных строились на севере бараки, других миллионами гнали по этапам, по пути умертвляя голодом и холодом, топили на баржах, живыми закапывали в землю... Система до совершенства отработала машину коллективного уничтожения. Сразу после ареста человек начинал медленно умирать. И убивали его дважды: сначала казнили душу, потом расстреливали тело. Не было могил, кладбищ — вся страна превратилась в одно гигантское кладбище. Вот какую систему изобрели для России классики Марксизма-Ленинизма! Подобного еще не было на земле.

Говорить с мальчишкой было трудно, это не тот мальчишка, с которым можно пошутить, взлохматить волосы, по-приятельски шлепнуть... Его пронзительные, с зеленою глазу неотступно следили за тобой, безмолвно останавливали любое проявление фамильярности, предостерегали... И Борис Львович подумал, что трудная будет жизнь у этого, в одиннадцать лет взрослого человека, очень трудная, а если он выживет, определится в этой жизни, то несомненно будет представлять опасность для системы... Не поэтому ли Калинин подписал закон привлекать к судебной ответственности детей старше двенадцати лет? Сколько их расстреляли, мальчишек и девчонок — детей «врагов народа»!... Уж он-то, Горобец, знал, что арестовывали и расстреливали никаких не врагов, а обыкновенных людей. Сверху спускался циркуляр с приказом арестовать и расстрелять по области столько-то человек. Арестовывали и расстреливали. Тут шли в ход доносы, оговоры, сведения между людьми личных счетов — нужен был лишь повод, любой, даже самый нелепый. А когда и повода не было, подгреба-ли как граблями сено всех, кто попадется под острые зубья. Признания в измене выбивали опытейшие палачи-следователи. Они набили на этом и руки и ноги... А если не выполнишь план по уничтожению человеческого материала, то и сам займешь место у ископанной пулями острожной стенке. И занимали нередко сами чекисты эти места. И расстреливали их в упор те самые парни, которые, как говорится, пуд соли съели с тобой. Уж они-то знали, что ты никакой не враг, но приказ есть приказ. И каждый в глубине души знал, что и его могут поставить к стенке, и лучший приятель безжалостно нажмет курок..

Вадим тоже молчал, глядя на тропинку, на которой, греясь на солнышке, растянулся Султан. Он вытянул все четыре лапы, чуть оскалил розовую пасть, иногда во сне вдруг начинал быстро-быстро сучить сразу четырьмя лапами, будто куда-то бежал. И дрожь пробегала по его шерсти. На него пристально смотрела серая, с обкусанным ухом кошка. Султан частенько заставлял ее пулей взлетать на деревья. Ежей не трогал, а кошек гонял.

Чувствовал ли Вадим, что от этого человека зависит его судьба? Конечно, чувствовал, да и дедушка не раз говорил, что Горобец многое может сделать и плохого и хорошего... Для Добромыслова хорошее уже то, что смудали возможность жить здесь вдали от людей, в которых он давно уже утратил веру. Что же это за люди, которые позволили на себя надеть чугунное ярмо, сами дали «хозяину» кнут в руки и подставляют плечи-спины под хле-

сткие, кровавые удары... И чем сильнее их бьют, чем громче они выкрикивают здравицы в честь самого главного палача! Просто молятся на него. Григорий Иванович сам видел в райцентре, как плакали на улицах люди. В этот день вносили набальзамированное тело «вождя» в мавзолей. Пришлось Ильичу потесниться и рядом со словом «Ленин» появилось не менее страшное слово «Сталин». Первый начал уничтожение лучших умов России, а второй продолжил, поставив это дело на поточный метод. В азарте вселенского уничтожения не пощадил даже крестьянина — кормильца, истари обеспечивающего не только Россию, но Европу хлебом. Хороших зажиточных хозяев, окрестив их кулаками, почти полностью уничтожил, а бездельников, пьяниц согнал в колхозы, которые тяжким ярмом повисли на шее государства. Создав противоестественные условия для существования людей, Сталин убил в нескольких поколениях любовь к земле, работе, к скотине...

Да-а, есть Ленину о чем подумать, поговорить со Сталиным в мавзолее... Может, займутся на вечном досуге подсчетами миллионов людей, убитых по их приказам и разнарядкам?.. Дедушка говорил, что когда тела по обычаю не погребены, а выставлены в мавзолеях на всеобщее обозрение, души этих людей испытывают неимоверные страдания... Может, Бог так в конце концов наказал злодеев? Кстати, нигде в мире не выставляют набальзамированные трупы в мавзолеях. Это большевистское изобретение. А возможно, сатанинское...

Почему-то все это вспомнилось Вадиму, когда он сидел рядом с эмвэдэшником Горобцем. А слышал он про все это от отца и деда. Отца уже нет в живых, а деда в любой момент могут забрать... Что им стоит? И Вадим решил как-то смягчить свои резкие слова.

— У меня ни одной тройки нет,— сказал он.— И я занятий не пропускаю.

Горобец понимающе взглянул на него: сейчас паренек заговорил, как мальчишка. Ведь понимает, чертенок, что ему, Горобцу, наплевать какие отметки в дневнике у него! Он уже решил не трогать его, нынче же поговорит с егерем, чтобы, когда приезжают гости, мальчишка не мозолил им глаза. Пусть в лес уходит, рыбачит или дома сидит. Борис Львович часто видел его с книжкой. Вот и читай себе на здоровье где-нибудь в укромном уголке...

— Вадим, ты, когда тут люди... отдыхают, постарайся держаться подальше,— неожиданно проговорил он.— У взрослых свои дела... Неделю на работе, а сюда приезжают расслабиться, отдохнуть... Понимаешь?

Понимаю,— помолчав, ответил Вадим. Больше меня никто на территории не увидит. Я как-то об этом не думал.

— Вот и ладушки, улыбнулся Горобец. Ты все на лету схватываешь!

У Бориса Львовича детей не было, да можно считать и жены нет, хотя и не разведен. Жена москвичка, ей надоело жить в Пскове, все чаще стала уезжать в столицу, к нему навещается в месяц раз-два. Наверное, завела там любовника... Жена была дочкой московского генерала из МВД. С влиятельным тестем не стоило осложнять отношения, потому Горобец и смотрел сквозь пальцы на поведение жены. Если в Пскове его положение пошатнется, а все к этому идет, тогда вся надежда на генерала. Не оставит же своего зятя в беде?

Я пойду? — взглянул на него Вадим.

Значит, говоришь, троек нет?

— Нет,— подтвердил мальчик.

На дежурный вопрос и дежурный ответ.

— Не тянет в Ленинград?

— Там у меня никого не осталось.

— А квартира?

— Там живут другие,— тень легла на лицо мальчика.

— Значит, в Ленинград нет тебе ходу...

— Мне никуда нет ходу...— тихо произнес он.— И отсюда вы хотите меня... прогнать.

— С этим мы решили,— мягко возразил Борис Львович.— Живи, но помни наш уговор.

— Я ничего не забываю...

Повисла напряженная пауза. Чтобы разрядить ее, Горобец спросил:

— Отца-то вспоминаешь?

Вадим — он уже поднялся со ступеньки и сделал несколько шагов по тропинке — будто споткнулся.

— У меня замечательный отец! — не оборачиваясь, сказал он. Правильнее было бы сказать — был, но мальчик еще сохранил в глубине сердца маленькую надежду.

— Скажи Григорию Ивановичу, чтобы подошел,— бросил в спину ему Горобец. Он тоже отметил про себя, что мальчик сказал об отце, как о живом человеке, но эмвэдэшник-то знал, что Андрей Васильевич Белосельский расстрелян в подвале 5 марта 1953 года. И дату эту невозможно забыть, потому что в этот весенний день на даче умер Сталин.

12. Ночной гость.

В ноябре почти догола обнажились березы, осины, ольха, лишь дубки не хотели расставаться с чуть тронутыми желтизной продолговатыми листьями. Снег еще не выпал, но по утрам пожухлая трава курчавилась и сверкала от инея. Вода в озере приобрела свинцовый цвет, ветер рябил ее, камышовые мостелки роняли пылыцу, а ржавая осока скрипела. Все перелетные птицы давно улетели и на тихой территории турбазы вольготню разгуливали по усыпанной сухими иголками земле вороны и сороки. Иногда прилетал черный ворон, но Вадим ни разу не видел, чтобы он где-нибудь приземлялся, совершал большой полный круг над соснами и елями и вдоль дальней кромки озера неспешно улетал в чащобу. Все чаще стали у дома появляться синицы и дятлы. В сеть попала огромная щука Григорий Иванович взвесил ее на железном безмене. четыре с половиной килограмма Уха получилась вкусная, наваристая, а вот жареная щука оказалась жестковатой и припахивала болотом.

Как-то глухой ветреной ночью, когда шумели, стонали сосны, раздался негромкий стук в окно. Всегда чутко спавший сгерь вскочил с постели и, накинув ватник, пошел открывать. И только тогда свирено залаял Султан. Его будка находилась у главного корпуса. От его лая Вадим и проснулся. Он услышал на крыльце негромкие голоса, Султан успокоился, наверное, дедушка его прогнал. Немного погодя в избу вошли Григорий Иванович и незнакомый высокий человек в ватнике с вырванным над карманом клоком, подпоясанным широким желтым ремнем со звездой, на голове серая ушанка с вмятиной от кокарды, худое продолговатое лицо небритое, на вид ему лет пятьдесят Вадим, поморгав, взглянул на ходики с бегающими кошачьими глазами — десять минут третьего. Незнакомец проделал весь путь от райцентра пешком, а ночка безлунная, темная, как он дорогу нашел?

— Посешь? предложил Григорий Иванович. Или до утра потерпишь?

— Сутки во рту ни крошки не было,— вздохнул незнакомец, присаживаясь у стола на табуретку. Ватник он скинул, шапку тоже. Волосы у него темно-русые, коротко острижены, взгляд светлых глаз настороженный Он посмотрел в сторону Вадима, но ничего не сказал

— Внук, Вадим,— пояснил дед.— Последний выживший отпрыск князей Белосельских-Белозерских

А Андрей Васильевич?

В день смерти врага рода человеческого расстреляли в Ленинграде, а дочь моя Маша... не пережила такого — ... покончила с собой,— глухо ответил дед. Прихватил их на тот свет проклятый Коба

— Нет у тебя, Гриша, чего-нибудь выпить? Помянем рабов Божьих Андрея и Машу.

Егерь забренчал посудой в буфете, извлек поллитровку, две рюмки, принес из кладовки в эмалированном блюде заливное из щуки. Не чокаясь, гость залпом выпил, а дед лишь пригубил рюмку и снова поставил на стол. Гость ничего не сказал, жадно набросился на еду. Ел заливное деревянной ложкой. Кадык на худой шее двигался вверх-вниз.

— Не спишь ведь? — покосился на Вадима дед.— Это мой товарищ по Колыме Иван Герасимович Федюнин, знал твоих родителей. Его забрали после войны. Тоже лиха хлебнул.

— Как узнал, что зверь гикнулся, не смог больше там кантовать, — заговорил Федюнин.— Я был уже расконвоирован. С первой оказией без спросу

- Потерпел бы малость, совсем освободили бы, вставил Добромислов.

— Не мог больше терпеть... вздохнул ночной гость.

Вадим отбросил стеганое ватное одеяло, быстро натянул на длинные тонкие ноги брюки, прямо на майку надел куртку на молнии и подошел к столу. Федюнин поднялся с табуретки и, как взрослому, осторожно пожал своей огрубевшей мозолистой рукой ладонь мальчика.

— Я тебя разбудил, Вадим?

- Вот еще,— улыбнулся мальчик.— Подумаешь!

Иван Герасимович ел заливное и рассказывал, что его с год как расконвоировали — он сидел на Колыме — дошли слухи, что ожидается пересмотр дел политических заключенных, зверюгу начальника лагеря сместили, явно почувствовалось некоторое облегчение, Хрущев, видимо, хочет поломать сталинско-бериевские порядки... Может, он, Иван Герасимович, и глупость совершил, но не было больше мочи находиться в том проклятом краю. Сколько знакомых погибло! В общем, сбегал, ему еще оставалось три года ссылки. Поедет в Москву к самому Ворошилову, может допустят... Посадили-то по липовому, сфабрикованному делу. А заявление еще раньше послал, в июле. Наверняка в Президиуме Верховного Совета.

Три дня пробыл на турбазе Федюнин, почти сутки проспал на печке, помылся в жаркой бане, один раз даже выбрался с дедом на рыбалку. Озеро еще не замерзло,

хотя по берегам ранними утрами появлялся тонкий, прозрачный, как слюда, ледок. Совсем некстати пожаловал на турбазу Василий Лукьянов. Он сразу заметил в лодке незнакомого человека, дождался, когда егерь причалил, весело заговорил о каких-то пустяках, а сам то и дело бросал любопытные взгляды на незнакомца. Добромислов как бы между прочим обронил, что вот заглянул на турбазу рыбаков, ночь переночевал, нынче отбывает. Сказал, что из Острова. Это он сообщил, когда Федюнин ушел в избу с небольшим уловом в корзине.

Сердитый, даже не сказал как звать,— усмехнулся шофер.— На мотоцикле или на своих двоих?

— Я не спрашивал,— равнодушно обронил егерь.— Может, кто и подвез.

— Бог с ним,— посерьезнел Василий.— Григорий Иванович, завтра жди гостей, я тут кое-что привез, ты в холодильник поставь, заказывали рыбку и баньку...

— Кто приедет-то?

— Романенский и с ним двое из столицы... Ты уж постарайся, Григорий Иванович. Он наш царь и бог! Выше его разве что первый секретарь.

Борис Игоревич Романенский был председателем райисполкома, его назначили полгода назад. Моложавый, с седой шевелюрой и розовым улыбчивым лицом, он был направлен сюда после окончания Высшей партийной школы. А до этого работал первым секретарем Новороевского райкома комсомола. Он понравился Вадиму: веселый, разговорчивый и совсем не важный. Два раза был с женой, любил рыбалку, а еще больше — посидеть за хорошо накрытым столом после бани. Пил много, но как говорится, головы не терял. «Мамзелей» ни разу с собой не привозил. Рассказывал Вадиму на лодке — они несколько раз вместе ловили у острова Окуней — о своей жизни в Ленинграде. Он там учился в ВПШ три года. В Таврическом дворце, где в актовом зале сам Ленин выступал... С этой трибуны он, Романенский, тоже несколько раз говорил на партийных собраниях. В последний раз выступал на траурном митинге, это когда провожали в последний путь дорогого товарища Сталина... В конце речи не выдержал и заплакал. И в зале многие партийцы навзрыд рыдали, так что получилось очень даже к месту...

— А я не плакал,— тогда вырвалось на лодке у Вадима. Романенский удивленно посмотрел на него, явно не поверив.

— Все плакали,— убежденно сказал он.— И этих слез не нужно стыдиться.

— Он... он моему папу убил,— сказал Вадим.— И маму.

— Про это мне лучше не рассказывай,— помрачнел Борис Игоревич.— Брата моего отца тоже расстреляли в тридцать восьмом... И я никого за это не осуждаю: мой дядя был троцкистом, сам признался в Пскове на открытом процессе. Мой отец, все родственники и я — публично отрекались от врага народа. Не забывай, Вадик, у нас еще много недобитых буржуев и классовых врагов.

— Мой отец ни в чем не признался, упрямо говорил Вадим. Он ни в чем не был виноват. И троцкистом никаким не был. Пришли ночью, все перевернули вверх дном, арестовали и увезли. А пятого марта, когда вы плакали в Таврическом на трибуне, его расстреляли на Литейном.

— Зря у нас никого не арестовывают,— убежденно за метил Романенский.

— Вы это серьезно? — уставился на него мальчик.

Не верилось, что этот солидный розоволицый молодой мужчина действительно так думает. Наверное, занимая важный пост, он по-другому просто не может говорить. Вдруг дойдет до более высокого начальства?

Отец когда-то говорил, что все партийцы и чекисты одной веревочкой повязаны... На людях говорят лозунгами, а дома под одеялом, клянут друг друга и «любимого» вождя, они-то знают, кто он такой на самом деле... А Борис Игоревич вот плакал, когда дракон умер...

Потом дедушка выбрал его за этот разговор, посоветовал никогда с чужими не затрагивать подобные темы, будто не знает, кто приезжает на турбазу! Видно. Борис Игоревич рассказал дедушке про разговор в лодке... Мужской разговор, зачем нужно было говорить деду...

Василий быстро разгрузился и уехал обратно в Пушгоры. Федюнин сразу засобирался, да ему нечего было и собирать: перекинул через плечо тощий зеленый вещмешок — и в дорогу. Григорий Иванович вызвался проводить. Дело было к вечеру, дул северный ветер, наверняка утром будет крепкий морозец, но рисковать нельзя было... Из разговора деда и Ивана Герасимовича, Вадим уловил, что есть в глухом охотничьем уголье заброшенная хижина, где можно в крайнем случае укрыться на день-два. Кстати, оттуда близко до большака, который выходит на шоссе Ленинград-Киев. Дед набросал на бумажке план, крестиком отметил избушку. Сказал, что туда он охотников не водит и мало кто знает про нее.

Вернулся он на турбазу через два часа, а чуть позже примчался милицейский «газик» с капитаном милиции и двумя милиционерами с лычками на погонах. Егерь

сказал им, что незнакомец, переночевав, еще засветло ушел с турбазы. Говорил, что ему нужно в райцентр, фамилию у него Григорий Иванович не спрашивал, паспорта тоже, у него даже книги учета отдыхающих нет... Капитан попенял ему на отсутствие бдительности, заявив, что незнакомец мог быть преступником, сбежавшим из тюрьмы, сколько сейчас их находится во всеобщем розыске!..

— Ловить преступников — не моя забота, — ответил Добромислов. — Да на бандита он и не похож. Рыбак и рыбак...

— А удочки у него были? — спросил капитан.

— Спиннинг был, — сказал Григорий Иванович. — И отличные блесны.

Когда они садились в закрытый синий с желтым «газик», будто вспомнив, он сообщил капитану, что кажется слышал шум грузовой машины, скорее всего лесовоза, идущей в Пушгоры, возможно, рыбак уехал на нем...

Огни «газика» исчезли за стволами сосен и елей, Григорий Иванович посмотрел на внука:

— Вот тебе и Вася Лукьянов! Молодой, веселый... Стукнул, сучонок!

— Что? — не понял Вадим.

— Сообщил в милицию, — пояснил дед. — Вот такие, Вадик, смешливые, веселые чаще всего стукачами и бывают!..

13. Прикосновение к тайне

Это случилось перед самым Новым годом. Наконец-то выпал снег, он щедро сыпал с клубящегося лохматого неба ровно три дня. Была длинная затяжная осень и вдруг сразу наступила белая морозная зима. Все спряталось под пышным ослепительным снегом, побелели сосны и ели, крыши будто накрыли пуховыми лебяжьими одеялами, озеро превратилось в огромное белое поле, даже на печных трубах образовались папахи. Вадиму пришлось по лестнице забираться на крышу и счищать деревянной лопатой снег с кирпичной трубы — дым не мог пробиться на волю. Постепенно вокруг стволов просыпались сухие иголки, девственную белизну испещрили цепочки птичьих и звериных следов. На турбазу ночью заглядывали зайцы, лиса и енотовая собака. Григорий Иванович свободно читал все следы. Султан взрыл своими лапами целину, ночью иногда слышалось его грозное рычание, заливи-стый лай. Наверное, гонялся за лесными пришельцами.

Вадим во втором часу возвращался на лыжах из школы. День был ослепительно солнечный, снег искрился, сверкал, будто на нем рассыпали алмазную крошку. Сосны и ели растопырили облепленные снегом мохнатые лапы, с некоторых срывались комки, оставляя маленькие кратеры. Вадим шурился от всей этой пронзительной солнечной белизны, глазам было больно. Все кругом сверкает, лишь глубокое небо густо-синее, с прозеленью. И ни одного облачка. Ничто, кроме усыпляющего скрипа лыж, не нарушало лесную морозную тишину. Наверное, так бело и тихо было в заколдованном снежном королевстве, где в хрустальном гробу спала прекрасная принцесса. Лыжня, проложенная мальчиком, тянулась вдоль бора, иногда сворачивала в него и снова выныривала на опушку. От школы, которая в деревне Зайцы, до турбазы напрямик около трех километров. Вадим любил эти полуденные часы, когда он один скользил в белом безмолвии на лыжах из школы домой. И мысли у него были легкие, не тревожащие душу. Глаза останавливались на причудливо укрывшихся в голубоватых сверкающих сугробах, маленьких елках, фантазия наделяла их формами животных: вот двугорбый верблюд с поднятой головой и вытянутой приплюснутой мордой, а это — вставший на задние лапы медведь, чуть дальше, к оврагу, — три скачущих волка с царевичами на спинах...

Что-то иное повелительно ворвалось в сознание, распугало воображаемых зверей, мальчик даже остановился, воткнув палки в снежный наст. В уши настойчиво вторгся неслыханный ранее тонкий свист, так вырывается из закипевшего самовара струйка пара. Но этот свист вызывал боль в ушах, чей-то тонкий голос в голове приказал посмотреть вверх и ни о чем не думать. Ошеломленный мальчишка задрал голову, глаза его скользнули по красноватому стволу огромной сосны, на миг задержались на облепленных снегом колючих ветвях и, наконец, остановились на золотистом продолговатом цилиндре, сияющем в солнечных лучах. Цилиндр неподвижно висел над бором и будто вибрировал. Наверное, он был высоко, потому что не казался слишком большим, по периметру его шли серебряные овальные пятна, напоминающие иллюминаторы. Воздух вокруг цилиндра, казалось, плавился. Это было последнее, что пришло в голову Вадиму, дальше началось нечто непостижимое: замелькали, как в калейдоскопе, какие-то образы, видения, цилиндр исчез, а небо вдруг потемнело, покрылось яркими, все увеличивающимися звездами без лучей, совершенно непохожими на привычные со-

звездия. Вскоре приблизился голубоватый туманный шар, напоминающий вращающийся глобус, он стремительно надвигался, клубящиеся багровые облака разорвались и перед мысленным взором мальчика открылся странный, весь вытянутый вверх пирамидальный город. По узким прямым улицам двигались какие-то невиданные серебристые механизмы, над пиками зданий летали легкие, почти прозрачные аппараты с большеглазыми длинноволосыми существами, похожими на людей. Все они были в желтых сверкающих одеждах. Некоторые летали без аппаратов, но на спинах у них были компактные золотистые ранцы. Одно продолговатое лицо с огромными желтыми глазами с черными зрачками приблизилось вплотную, длинные золотистые волосы волной спускались на плечи. Нос прямой, как у греческих статуй. Существо равнодушно посмотрело мальчику в глаза и исчезло. С площадки, выложенной белыми плитами, беззвучно взмыл ввысь желтый цилиндр с иллюминаторами, он мгновенно набрал огромную скорость, врезался в черное звездное небо с несколькими лунами, а планета, с которой он стартовал, снова превратилась в стремительно уменьшающийся туманный, медленно вращающийся в черной мгле глобус... А затем будто другой фильм включили: Вадим увидел свою квартиру в Ленинграде, родителей за вечерним чаепитием, портрет Есенина на стене, потом промелькнула вся та страшная ночь, когда пришли забирать родителей, возникли Арсений Владимирович Хитров, глазастая дочь его Верка, даже два жулика в спортивных костюмах, ограбивших его на автобусной станции в Острове. Замельтешили лица дедушки, Горобца, Васи Лукьянова, писателя Семена Бровмана, убившего Синельникова, председателя райисполкома Романенского и последним проплыло перед глазами удлинненное угрюмое лицо ночного гостя Федюнина...

Вадим не знал, сколько это продолжалось, взгляд его был прикован к золотому вибрирующему цилиндру с пятнами иллюминаторов, на смену видениям снова пришел неназойливый и на этот раз безболезненный тонкий свист, на какой-то миг мелькнула мысль, что кто-то запустил в его голову невидимое щупальце и копается там в памяти. Чувствуя легкое головокружение и тошноту, Вадим, напрягая всю волю, постарался вытолкнуть это шарящее щупальце из головы, а когда это вроде бы удалось, вдруг очень захотелось увидеть лицо того, кто бесцветным тонким голосом попросил его посмотреть вверх, на золотистое чудо. Свист оборвался, прошло головокружение и он отчетливо увидел необычно-

венной красоты лицо девушки. У нее огромные и тоже золотистые глаза, удлиняющиеся к вискам; по узким плечам, обтянутым, будто кожей, серебристым материалом, струились тяжелые пряди золотистых волос. Лоб обхватывает черная лента с треугольным камнем или прибором. Почти земная красавица, если бы не матово-зеленоватый цвет лица. Ничто не дрогнуло в этом почти прозрачном лице с ярко очерченными сиреневыми губами. Огромные солнечные глаза смотрели без всякого выражения. Стрелками разлетелись над ними ресницы. «Кто ты? — хотелось ему крикнуть, но губы его даже не шевельнулись. — Ты есть или это... мираж?».

«Ты все забудешь, — прозвучал в голове тонкий мелодичный голос. — Это будто сон... наяву».

«Нет! Нет! — с болью крикнул он мысленно. — Я не хочу забывать! Я буду думать о вас... У меня ведь никого нет!». И тут ему стало стыдно: как же он забыл о бабушке. Кстати, когда мелькали знакомые лица, бабушкино лицо ни разу не возникло в его сознании.

«Горе, горе, горе... — монотонно повторял голос. — Много было горя. И еще будет... Но ты выдержишь! Будет и гармония. Делай добро...».

«Кому? — спросил он. — Кругом одно зло: люди ненавидят друг друга, пакостят, предают...».

«Ты не такой... Ты будешь творить добро. Добро уничтожает Зло. У вас это трудно... Но пока будет торжествовать Зло — на земле будут горе, войны, голод. Планета стонет, ей больно...».

«Какая планета? Наша Земля?».

«Планета может отряхнуться, сбросить, уничтожить вас. Планета умнее вас, людей. Животные, птицы — не вредят планете — вы сильно вредите. Мы обязаны спасти планету».

«А нас, людей? — будто не он, Вадим, а кто-то другой внутри его задал этот последний вопрос. — Кто нас спасет?».

«Твори добро, в этом ваше спасение. Борись за планету. Как сможешь — это главное. Много лет гибли люди, теперь будет гибнуть планета. Люди будут ее губить: грязь, смог, отравленный воздух, вода, атмосфера. Надвигается длинная ночь... Борись за планету. Мы поможем».

Он хотел еще что-то спросить, но будто выключатель щелкнул в голове. Тоскливый страх схватил его, громко забилося сердце.

«Прощай, человек! — будто издалека, прошелестел мелодичный голос. Если ты понадобишься, мы тебя снова найдем...».

Снова сильное головокружение, с легким электрическим покалыванием в висках, подступающая к горлу тошнота, стремительная смена дня и ночи в глазах, солнечная вспышка и тишина... Окончательно он очнулся, лежа на боку в снегу. Щеку покалывали снежинки. Шапка валялась рядом. Во рту горечь, боль в голове, будто его сильно ударили по темени чем-то тяжелым. Сбросив рукавицы, машинально ощупал голову, все в порядке. Испуганно вскинул глаза: та же самая толстая сосна, заснеженные лапы и ослепительно сияющее безоблачное небо над головой. Правда, одна деталь: на одной из веток сидела рыжая белка с еловой шишкой в маленьких цепких лапках-ручках и бесстрашно смотрела на него.

Он медленно поднялся, отряхнул с пальто снег, поглубже надвинул старую дедушкину ушанку и снова посмотрел на небо. Синева и солнце, больше ничего. Исчезла и белка, а растопыренная вылушенная шишка валялась у основания ствола. Кругом коричневые крошки. Что это? Действительно сон наяву? Эта... — ему вдруг на ум пришло слово «русалка» — с огромными золотистыми глазами сказала, что он все забудет, но он ведь не забыл! Вспомнилась давно прочитанная фантастическая книжка «Аэлита», в ней были иллюстрации, так эта русалка с бледно-зеленым лицом чем-то похожа на Аэлилу из романа А.Толстого... Он помнит золотой цилиндр с иллюминаторами, чужое звездное небо, незнакомую планету с удивительным белым или серебряным остроконечным городом и похожими на людей летающими существами, перед глазами прекрасное лицо ... Аэлиты. Он будет ее так называть, она не сказала, как ее звать, а его несколько раз назвала Человеком...

Привычный скрип лыж постепенно восстанавливал душевное равновесие, он услышал стук дятла где-то рядом, близко зацвиркали в ветвях синицы, солнце все так же лило с синего неба холодный яркий свет, лыжня блестя, в рюкзаке за спиной шевелились две буханки хлеба. Рассказать дедушке про это чудо? Ладно, он расскажет — Аэлита не просила держать их встречу в тайне — но другим ни слова! Да никто и не поверит. А может, все ему примерещилось? Фантастику он любил, прочел все, что выходило у нас Жюль Верна, Герберта Уэллса, читал «Тайну двух океанов» Адамова, но ни у кого из них ничего подобного не описано. И девушка из золотого цилиндра совсем не похожа на Аэлилу из книги, просто больше ее не с кем было сравнить. А какая она красивая! Теперь даже ее бледно-зеленое лицо не казалось странным... И вдруг он с ужасом почувствовал, что яркие краски воспоминаний начинают стираться, бледнеть, все

что он только что пережил, стало казаться сном, бредом... «Не надо, Аэлита?! — на этот раз громко во весь голос закричал он, чувствуя чье-то волевое вмешательство.— Оставь мне хотя бы это!».

И, уже подъезжая к воротам турбазы, с облегчением понял, что ничего не забудет. Чудо останется с ним. Красивые цветные сны, которые ему иногда снились, он к пробуждению забывал, но то, что произошло с ним в глухом зимнем бору в канун Нового 1954 года, он до конца дней своих не забудет. Аэлита подарила ему это чудо.

14. Продолжение чуда

Несколько дней Вадим осмысливал случившееся с ним. Глаза его становились отсутствующими, лоб перерезала тонкая морщинка, он не сразу отзывался, когда к нему обращались. Григорий Иванович видел, что с внуком творится что-то странное, но с вопросами не приставал. Не такой был человек Добромислов, чтобы к кому-либо лезть в душу. Кстати, не терпел, когда и к нему лезли. Мало ли что могло наказать на мальчишку? После известия о смерти родителей он часто замыкался в себе, мало разговаривал, уходил из дома и бродил по прозрачному осеннему лесу, а когда выпал снег, до синих сумерек катался на лыжах по озеру, где накатал лыжню.

Мальчик не рассказал деду про золотой цилиндр, странные видения, золотоволосую Аэлилу. Он понимал, что в это трудно поверить, да он и сам часто сомневался, было ли все это на самом деле? Может, пригрезилось? Но в ночь на 31 декабря 1953 года ему снова привиделась Аэлита в серебристом облегающем костюме, сидящая в мягком кресле перед мерцающими матовыми экранами с зеленой кинописью. На выпуклых линзах возникали причудливые знаки и символы, мельтешили красные и зеленые огоньки. А кресло, в котором сидела она, казалось, парило внутри каюты. Девушка с огромными, в пол-лица золотыми глазами смотрела на него и он растворялся в ее глазах. Все посторонние мысли исчезли, в ушах появился знакомый тонкий свист, впрочем, вскоре пропавший. Хотя она не разжимала сиреневых губ, он отчетливо слышал ее ровный мелодичный голос:

«Это страшная страна, здесь человеческая жизнь индивидуума не ценится, ваши вожди-людоеды истребили лучших людей России, цвет нации, вы медленно погружаетесь в беспросветный мрак, которому нет названия, у

вас антигуманные, человеконенавистнические законы, ваши правители поставили перед собой задачу: вывести в стране популяцию безмолвных рабски-покорных людей — они их называют винтиками, которые стерпят все, они будут молиться на своих угнетателей и палачей, их будут убивать, а они вопить: «Да здравствует тиран!». Серые, малограмотные функционеры, как и прежде, будут властвовать в стране, они создадут для себя такие условия существования, которые вашим царям и не снились. Они создадут свою собственную популяцию господ, их дети будут такими же, с младых ногтей им уже будет уготована манна небесная. Им все народу ничего! Эта страшная популяция властителей доведет вашу страну до полной нищеты, разбазарит и разворует все природные и национальные богатства. Все ценное уйдет за рубеж. Они будут сладко есть-пить, купаться в роскоши — и все это за ваш счет. Сами они ничего не будут производить и создавать. Народ, как скот, будет жить в стойлах — маленьких квартирках — его будут досыта кормить недоброкачественными продуктами, мужчины, женщины, дети — будут толстыми, рыхлыми. Женщины перестанут рожать много детей — жилище не позволит и нищета. Мужчины будут много пить и мало думать, появится неполноценное потомство... Все это предстоит главным образом испытать русским. Их численность будет все больше сокращаться. Другие народы будут пользоваться вашим богатством, а ваши вожди будут способствовать этому. Великая нация, великий народ приблизится к грани вымирания... А вот кто приведет вас к этому — их облик: среднего роста, коренастые, с квадратными невыразительными лицами, пустыми холодными глазами, жирными загривками и выпирающими животиками. Они будут похожи один на другого и их невозможно будет ни с кем спутать. У них нет национального самосознания — все они денационализированы. Их рабочее место — роскошный кабинет с массой телефонов, их орудие труда — телефонные трубки, их идеал — более высокая должность с вытекающими отсюда привилегиями. Они во лжи родились, во лжи и умрут. Ложь и ненависть — вот атмосфера, в которой они живут. Живой воздух для них губителен. Все их мысли направлены на упрочение своей карьеры, на подлаживание к вышестоящему начальству, которое готовы в любой момент подсидеть, на обогащение за счет государства, а точнее — народа, который они презирают и считают массой, чернью, хотя их собственный интеллект гораздо ниже среднего. Они разъезжают на черных машинах, едят в закрытых столовых, за гроши приобре-

тают дефицитные продукты и товары в спецмагазинах. Но ничего им на пользу не пойдет: от жирной, вкусной пищи они превращаются в «кубарики», модные красивые одежды сидят на них, как на коровах седла. У них отсутствует культура досуга, жизни, радости. Они преступники и знают об этом... Это самая страшная популяция малокультурных господ, которую когда-либо знало человечество. Вся ее деятельность — это разорение богатой страны и уничтожение ее народа. Такого ваша история еще не знала! И все ваши цари с самой древности за века не сделали столько зла собственному народу, сколько сделали и сделают они за неполное столетие своего существования. Бороться с ними невозможно, они создали мощный аппарат оболванивания людей, который работает без остановок уже несколько десятков лет, они зорко следят за появлением на политической арене инакомыслящих и тут же уничтожают их или надолго засаживают в лагеря, откуда редко кто возвращается живым, а если и вернется, то уже сломленным, опустошенным, недееспособным... Великое испытание выпало на долю вашего народа, не смог он в семнадцатом году разобраться кто ему друг, а кто враг. Пошли вслед за врагами, которые не замедлили расправиться в первую очередь с теми, кто помогал им захватить власть. Эти страшные люди не знают пощады и жалости. Уничтожив вашу религию, они придумали своих идолов и заставили весь народ молиться на них, а сами злобно хихикают, прячась за монументами и мавзолеями этих истлевших идолов — человеконенавистников. Мы стараемся помогать в силу своих возможностей прозревшим людям, но их мало, а мы не можем активно вмешиваться в вашу историю, нам не дано такого права. Мы не смогли даже спасти твоих родителей, а они были люди высокого интеллекта, они не подлаживались под свое начальство, не скрывали своих взглядов на вашу страшную действительность. Они были гордыми, благородными и не позволили сделать себя рабами. И аппарат или, если хочешь, бездушная машина их уничтожила... Запомни, человек, эта популяция квадратнолицых жестоких правителей никогда добровольно не отдаст свою неограниченную власть над страной и людьми. Это вам расплата за изуверства и разрушение великолепных храмов после семнадцатого года, за неслыханно зверское убийство царя и его семьи... Высший разум отвернулся от вас, обманутых и беспомощных...

Мне жаль тебя, маленький человек, но ты должен остаться таким, каким видели тебя в своих мечтах твои погибшие родители. Ты уже сейчас знаешь много тако-

го, чего не знают миллионы одураченных советских людей. Мы не могли спасти твоих родителей, но ты не погибнешь, как не погибнет и русский народ. Недалек день начала его возрождения, но вам все придется начинать сначала, с того самого момента, когда вы выбрали в семнадцатом тупиковый путь... Твоя жизнь будет трудной, но ты еще увидишь и свет, и свободу, и не обойдет тебя личное счастье.

Правда, все это произойдет еще не скоро...».

И опять, проснувшись, Вадим не забыл этот странный и не совсем понятный сон. Может, Аэлита не совсем так все наговорила ему, но смысл он передал своему деду точно. Рассказал и о золотом цилиндре над сосновым бором. Возвращаясь из школы, он теперь каждый раз надолго замирал у огромной сосны и всматривался в морозное небо, но золотой цилиндр больше не появился ни разу. А вот белка набросала в усыянный коричневой трухой снег больше десятка вылущенных шишек.

Свой рассказ Вадим закончил, когда уже до Нового года оставалось два часа. Григорий Иванович долго сидел на своей табуретке у занавешенного окна, ходики с хитрой кошачьей мордой громко тикали, минутная стрелка с шорохом передвигалась, за расцвеченным морозными узорами окном негромко завывал ветер, сухой снег с шорохом скатывался со стекла. Освещенные сорокаваттной электрической лампочкой, бревенчатые стены с седыми пучками мха и дощатый потолок казались позолоченными. На столе стояла разная снедь, начатая бутылка «Кагора» — единственное вино, которое дедушка по большим праздникам употреблял. Он называл его церковным вином.

— Ты мне веришь, дедушка? — не поднимая на него глаз, спросил Вадим. Он тыкал металлической вилкой в неглубокую тарелку с жареной щукой и картошкой. Перед ним — графин с клюквенным морсом.

Вадиму казалось, что дедушка не отвечал целую вечность, он взглянул на него: Григорий Иванович был задумчив, глаза его смотрели на окно, прикрытое белой, с кружевной оборкой занавеской, широкая серебряная борода спускалась на чистую белую рубашку, которую он надел по случаю древнего праздника. На шее серебряная цепочка с нательным крестом.

— На Новый год истари случались в мире чудеса, — наконец проговорил Добромыслов. — Белые ангелы радость людям несли, а нечистая сила — страх и увечья. Но про такое я не слышал. Божественный знак? Может, ангел-хранитель сподобил тебя своим вниманием? Но

внушал он тебе не божественные истины, скорее бунтарские. И самому тебе такое не могло и в голову придти... Говоришь, советская власть произвела на свет божий две популяции: господ и рабов? Это похоже на правду,— Григорий Иванович пристально посмотрел внука в глаза.— Может, отец такое говорил? А во сне тебе все это повторила... большеглазая небесная дива? Во сне все, Вадик причудливо переплетается, а у тебя всегда фантазия была богатая

— Я так и знал, что ты мне неверишь, снова опустил голову Вадим. И никто не поверит. Отец что-то вроде этого толковал, но не так. Он не говорил про кабинеты с телефонами, черные машины, закрытые столовые и спецмагазины. И про их детей, что наследуют наворованные богатства... Это я точно помню.

— Чего же они там...— дед поднял глаза к потолку, допустили до всего этого? Не жалко им людей? Были же Содом и Гоморра, был Всемирный потоп и пришествие Христа, почему же они допустили большевистский переворот? Они ведь сразу начали разрушать храмы и церкви, грабить и уничтожать лучших людей России, в том числе и священнослужителей. Даже слуг своих Господь не сумел защитить от этих извергов рода человеческого! — Добромыслов осенил себя крестным знаменем.— Прости меня, Господи, если согрешил! Воля твоя, как и пути, неисповедимы. Бог милует и наказывает по делам нашим.

— Не похоже, чтобы это было божественное,— раздумчиво вздохнул Вадим.— Одета в блестящее, какие-то странные матовые линзы на стенах, по которым бегают непонятные белые и зеленые знаки. И свет не земной. Это что-то другое, дедушка.

— Бог велик и вездесущ,— строго сказал Григорий Иванович. Он может являться человеку в любом облике, даже в огненном столбе, как пророку Моисею. И слуги его — ангелы — многолики и разнообразны. Мы у Бога не один мир. У него вся Вселенная. Вот мы все толкуем о божественном провидении, а что если это дьявольское наваждение? И черт может прикинуться пригожей девицей или добрым молодцем...

Нет, дедушка,— возразил Вадим. Я чувствовал... как бы это сказать? Излучение добра, тепла... Ты знаешь, после этой встречи в лесу мне стало, честное слово, легче. Будто я теперь не один. И папа с мамой с того раза перестали являться во сне такими страшными, окровавленными... Она... Аэлита говорила про свет, свободу, счастье...

— Ты, может быть, и доживешь, а я вряд ли,— сказал Григорий Иванович.— Что бы это ни было, будем считать добрым знаком. И мне теперь будет легче умереть. Буду знать, что ты оссененный

— Осененный?

— Отмеченный сверхъестественной силой,— пояснил дед.— Божественной силой. Сатана липнет к грешникам, слабым и боязливым, а ты... Ты уже многое испытал. Добрый знак это.

Он налил рубинового вина в узкую рюмку на длинной ножке, Вадиму — клюквенного морса в стакан, чокнулся с ним и сказал:

— С Новым годом, Вадик! Молю Бога, чтобы он хоть твоему поколению дал пожить в этой проклятой им в семнадцатом году стране свободным и счастливым!

— Дедушка, а она... объявится еще когда-нибудь? — наблюдая за красной каплей, скатывающейся по бороде Добромыслова, спросил Вадим.

— Это только Господь Бог знает, сынок,— он вытер губы и бороду льняным полотенцем.— Но чуется мое сердце, что перемены грядут. Большие перемены!

Часть вторая

1963 год.

Серая пыль.

*Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*

А.Пушкин

*Нет достоинства добывать жизнь для себя,
для своей драгоценной личности и защищать
свою личную свободу, всякий зверь так поступает.*

Н.Федоров

1. Весной в Великополе.

Вадим Белосельский ведет старую бежевую «Победу» по мокрой булыжной мостовой. С пасмурного серого неба моросит мелкий дождь. «Дворники» сгребают черной лапой капли, размазывая их по разделенному металлической планкой стеклу. На новых «Волгах» стекло сплошное, а вот у «Победы» все время маячит перед глазами вертикальная полоска хромированного металла. Прохожие выставили над головами черные, будто надутые зонты, мужчины в длинных темных пальто, а женщины в коричневых и синих капроновых плащах — новая мода. Их называют «болоньи». На ногах — разноцветные боты. Тогда еще не изобрели для них высокие сапожки на шпильках.

— В типографию, коротко бросает редактор городской газеты Петр Семенович Румянов. Он сидит рядом и угрюмо смотрит прямо перед собой. С час ждал его Вадим у подъезда кремового трехэтажного здания горкома партии. Вышел оттуда редактор злой, желваки так и ходили на чисто выбритых щеках, черные усики подрагивали, как у рассерженного кота. Его внешний вид нынче совсем не соответствовал столь добродушной фамилии. Кстати, Петр Семенович и впрямь чем-то походил на холеного пушистого сибирского кота и, как все коты, не любил, когда его гладили против шерсти. Вадим ни о чем не спрашивал своего шефа, знал, что тот и сам все расскажет. Румянов был не в меру разговорчив, никаких секретов не умел хранить, да своего шофера и не стеснялся. Более того, у них установились добрые доверительные отношения. Только благодаря редактору Вадим два года назад перебрался из Пушкинских Гор в город Великополь. Румянов познакомился с ним на турбазе, куда впервые приехал с пушкиногорским редактором районной газеты на рыбалку. Вадим уже не жил на турбазе, но на выходные всегда приезжал к деду. После десятилетки он закончил трехмесячные шоферские курсы и работал в местном леспромхозе, сначала гонял на полуторке, потом перевели на мощный лесовоз с прицепом. Жил в рабочем общежитии на улице Пушкина, правда, старался только ночевать там, потому что почти каждодневные, вернее, вечерние пьянки лесорубов его раздражали. Сам он не пил и не мог терпеть пьяниц. Это у него осталось с детства, посмотрелся на хмельных начальников, широко гулявших на турбазе... В семнадцать лет он один-единственный раз напился до потери сознания после первой своей получки. Подбили ребята из об-

щежития, заявив, что первую получку всегда обмывают. Таков уж закон. Ну и обмыли! Утром он с трудом дополз до туалета и долго выворачивал из себя все свои горящие огнем внутренности. Отвращение осталось столь сильное и стойкое, что он дал себе слово больше никогда водки в рот не брать. Водка, которую они глушили, называлась «сучок». Знатоки утверждали, что ее гонят из опилок и нефти. И стоила она дешевле. И вот четыре года верен своему слову, хотя в редакции газеты «Великопольский рабочий» пьют решительно все — от курьера до редактора. Пьют по любому поводу и без повода. В городе вечером редко на улицах встретишь трезвого мужчину. Вот так Вадим понял, что существуют два совершенно разных мира: мир пьющих и мир трезвых. Последних было гораздо меньше. Женщины в Великополе тоже не отставали в отношении выпивки от мужчин. То и дело рассказывали жуткие истории про спившихся и погибших от «зеленого змия». Капитан из военкомата плотненько посидел в компании допризывников и ночью захлебнулся в собственной блевотине, литсотрудник из партотдела «Великопольского рабочего» после сильной пьянки утром умолял жену дать ему опохмелиться, но та наотрез отказала и он через несколько часов умер в постели. И все в редакции единодушно обвиняли жену литсотрудника, мол, она убила того. Стоило ей налить ему сто граммов и человек, глядишь, и оклемался бы...

Россия пила, разбухала от пьянства, исподволь нарождались дети-дебилы. Тогда еще их так не называли. Люди мучились похмельем и не обращали внимания на катастрофу, надвигавшуюся на страну. Со смешком поговаривали, что сам глава правительства Никитка Хрущев не дурак выпить и закусить, якобы пьяный выступает на телевидении, а в Ленинграде чуть не упал с трибуны на Кировском заводе, то же самое было раз или два у трапа самолета. Надирались коньяком в воздухе. Ни одна высокая встреча не обходилась в столице без застолья и охоты. И местные начальники стали подражать высоким чинам: встречали и провожали уполномоченных и ревизоров пьяно и хлебосольно, возили на турбазы, на рыбалки и охоту, где тоже вино лилось рекой. В дорогу снабжали дорогими подарками.

По-видимому, руководителям страны было на руку, что народ лихо пьет, мучается по утрам похмельем, не вникает в политику, экономику, по привычке верит всему написанному в газетах и сказанному дикторами телевидения и радио. На смену культа Сталина пришел и все больше набирал силу культ Хрущева. И уже все за-

были, что он первым замахнулся на Сталина и осудил его культ. Но не сам же Хрущев восхваляет себя? Какая-то невидимая сила делает это, используя его слабые стороны — внимание к лести, дифирамбам. Кому-то надо, чтобы был культ. Скорее всего, тем невидимкам, которые прячутся за грузной спиной разжиревшего правителя. Да и правитель ли он? Может, и правят страной как раз те, кто за его спиной?.. Не было ни газеты или журнала, где бы не печатались его портреты, особенно «Огонек» усердствовал, посвящая каждому шагу российского владыки цветные страницы. «Великий зодчий», «верный ленинец», «выдающийся деятель» и тому подобные эпитеты заполонили газеты-журналы, а по стране про «кукурузника» гуляли анекдоты, вроде бы за них никого не сажали, наоборот, сообщали о реабилитированных, из лагерей возвращались ни за что ни про что просидевшие при Сталине долгие годы заключенные. Говорили, что Хрущев никого не сажает, даже таких сталинских сатрапов-злодеев, как кровавый палач Каганович, вместо лагерей и расстрела отправил на руководящую работу в разные концы страны членов антипартийной группы Маленкова-Булганина и примкнувшего к ним Шепилова, а раскаявшегося и назвавшего себя публично старым дураком Ворошилова вообще простил. Хрущев не вызывал в народе страха и ненависти, очень уж была у него добродушной усеянная крупными бородавками физиономия, немного раздражали его странная привязанность к кукурузе, которую повсеместно заставляли выращивать, да часто нелепые высказывания по вопросам политики, экономики, литературы и искусства. Зато в «героях» стали ходить такие пронырливые поэты, как Вознесенский, Евтушенко, скульптор Неизвестный, посмеившие возражать главе правительства...

— Ну и сволочь этот Шапкин! — заговорил редактор. — Упрекнул меня, что в моей газете критических материалов больше, чем положительных! Будто не видит, что одни речи Хрущева сжирают по две-три полосы. Гнида, не хуже меня знает, что в нашей местности не растет эта проклятая кукуруза, исстари наши земли славились отменными урожаями льна, нет, толкует, пропагандируйте кукурузу... Но мы же видели с тобой, что она прет на корню, не поднимается выше ржи или пшеницы. Кукуруза любит тепло, солнце, а у нас, бывает, весь месяц льют дожди, вон как сегодня...

Гавриил Львович Шапкин — это заведующий отделом пропаганды и агитации горкома партии, Вадим несколько раз возил его с редактором на их дачи. Обычно воркуют в машине как голубки... Румянов с первым сек-

ретарем горкома партии на «ты», что ему Шапкин! Редактор — член бюро, а Шапкин всего-навсего член горкома.

— Вы же говорили, что Шапкину скоро дадут по шапке? — вспомнил Вадим. Румянов как-то зимой сказал, что завпропагандой и агитацией метит на его редакционное место, хотя и не имеет журналистского образования. У нас ведь партработник считается специалистом на любой должности... Он, Румянов, закончил ленинградскую Высшую партийную школу, а Шапкин — пединститут! Историк. Передовицу-то сам не может написать, а туда же — в редакторы!.. В феврале 1963 года Петру Семеновичу на бюро горкома вынесли выговор за фельетон, в котором ненароком был задет родственник первого секретаря псковского обкома КПСС. Он возглавлял строительный трест в Великополе. В редакции думали, что редактора снимут, но вроде бы обошлось. Он быстро тиснул на первой полосе опровержение, а литсотруднику промотдела Казину — автору фельетона вклеил строгий выговор и не заплатил гонорар. Возил его в субботу Вадим и на квартиру к родственнику хозяина области. С тяжелой сумкой поднялся к тому Румянов, а через час, раскрасневшийся и хмельной, отпустил Вадима до утра...

— Умеет, шельма, влезать в задницу к начальству, — вздохнул Петр Семенович. — На лету угадывает все желания Первого. Вот и на меня накинулся сегодня не просто так: наверняка заранее переговорил с Первым. А тот сейчас в Пскове на бюро обкома партии. Поговаривают, что его метят на предрика в областной центр... А тогда произойдет такая перестановка: второй станет первым, Шапкина назначат секретарем по идеологии. Может, тогда, курва, успокоится и не будет меня подсиживать...

— Вы вроде бы друзья, — заметил Вадим.

— Эх, Вадик, простая душа, да разве бывают друзья в партаппарате? Там один на другого точат зуб. Волки и то живут дружнее. У них половина времени уходит на интриги да подхалимаж перед начальством. Угодит Первому — подыметесь на ступеньку выше, не угодит — загремит на советскую работу. А кто из них чего умеет делать-то? Свои давнишние специальности давно позабыли, что и могут — так это по телефону руководить да страху на подчиненных нагонять. Ну еще молоденьких секретарш оглаживать... Сколько таких выходцев из обкома-горкома организаций развалили! Не счесть. А ведь за это не снимают, переводят на новый участок, кото-

рый тоже скоро будет завален. Дурак — так он и везде дурак. Одним словом, но-менк-ла-тура! А она непотопляема.

— Вы тоже — номенклатура,— вставил Вадим.

— Я еще и специалист, Вадя,— улыбнулся Петр Семенович.— У меня высшее журналистское образование и я сам пишу не только сухие передовицы, которые читают партработники, но и проблемные статьи на экономические темы. А придет такой Шапкин-Тяпкин и будут за него писать передовицы все заведомо по очереди, как было при Любимове. А гонорар, естественно, ему, да еще по высшей ставке! Нет, меня просто так не снимут, я знаю расстановку сил в нашем городе и никому не позволю себе на хвост наступить... Меня утверждали на бюро обкома партии и в ЦК, а это не фунт изюму. И с Первым мы ладим.

— На рыбалку вместе ездите... И ловите с одной лодки.

— Вот именно, с одной... А ты заметил? — оживился Румянов. — Он никогда не приглашает с собой Шапкина. А почему? Потому что тот рылом не вышел. У Первого свой уровень, круг знакомых, а у заведующих отделами — свой. Они даже пьют отдельно...— Петр Семенович на мгновение задумался и прибавил: — У меня застарелая язва желудка, пить совсем нельзя, а я гублю себя с ними на дачах и рыбалках... Главные дела там, Вадик, и решаются: кого продвинуть, кому дать по шапке. Утверждаются или закрываются многомиллионные проекты строительства, модернизации. Если Первый любит кошек, то и ты срочно заводи сиамского кота, если Первый рыбак или охотник, то поскорее приобретай удочки, спиннинг, ружье... И пусть тебе противно стрелять в дичь, пали, радуйся удаче начальника, поддакивай ему, восхищайся им... Иначе не выживешь в этом проклятом мире. А свое «я», как Кощей Бессмертный, схорони в коробочке и спрячь на дне морском... Помнишь детскую сказку?

— Кощей прятал на дне морском золотое яйцо со своей жизнью,— улыбнулся Вадим. Редактор любил вставлять в разговоре что-либо из народного фольклора, вот только часто путал...

Румянову грех жаловаться на «проклятый мир», у него трехкомнатная квартира в центре в обкомовском доме, дача на Янтарном озере, где построились только городские руководители, почти новый собственный «газик». Причем, достался, можно сказать, почти даром. По указанию Хрущева стали отбирать у многих руководителей среднего звена персональные машины и передавать в свободную продажу. В свободную — отно-

сительно. Начальники быстро смекнули, что здесь можно пожить: лучшие автомашины, как списанные, оформили на себя, а уж совсем изношенные выбросили на продажу населению. Впрочем, и там продавали своим по благу и за взятки.

Вадиму не раз приходило в голову, что парработники и их приближенные руководители крупных организаций и предприятий давно живут в том самом никому непонятном коммунизме, который, неизвестно когда и зачем должен наступить в необозримо далеком будущем. Коммунизм — это столь утопическое понятие, что даже самые рьяные его радетели имели смутное представление о нем, потому торопились «построить» собственный «коммунизм», для себя. Они сейчас уже все имеют, всем владеют и вместе с тем ни за что не отвечают, живут в своем тщательно законспирированном и отгороженном высокими заборами с охраной от народа мире. Для них не существует дефицита, чего-либо запретного, у них свои законы существования, ничего общего не имеющие с общепринятыми законами. Стали понемногу выпускать за границу, так как партийные работники не платят денег за путевки, едут руководителями групп, а точнее — надсмотрщиками, и еще за это получают валюту. И в этот «коммунизм для себя» они не допускают «чужих», а «чужие» для них — это весь советский народ, который ничего, кроме права пить в неограниченном количестве водку и вино и закусывать недоброкачественным продуктом, не имеет. Ладно бы, если партаппаратчики жили на народные средства и имели все доступные у нас блага, народ прокормил бы их, но они на каждом шагу вредят этому самому народу, обманывают его, надувают, издеваются над ним, разве что при Хрущеве не убивают повально, как при Сталине. И уж совсем кощунственно — что заставляют, начиная с детского сада, прославлять основоположников этой страшной человеконенавистнической системы, полностью себя скомпрометировавшей перед всем цивилизованным миром, прославлять себя, внушать людям, что они и есть благодетели народа. Все свои чудовищные проекты по уничтожению деревень, земли, отравлению озер, загрязнению атмосферы они делают якобы во благо народу и от имени народа...

А народ молчит, пьет себе горькую и «бормотуху» и помалкивает. Молчал даже, когда его миллионами убивали...

Вадим иногда удивлялся своей судьбе: на турбазе он насмотрелся на «господ» России, попал в большой город — и снова служит им, господам-партийцам. Он, кому

они дотла разрушили жизнь, украли детство, лишили родителей. В отдельности не так уж редко встречались ему среди партийцев вполне приличные люди, хотя бы этот самый Румянов. Значит, дело не в людях, а в самой системе, которая делает людей такими. Одних господами, других покорными рабами. И если послушный раб еще может перейти в разряд господ — назначение депутатом Верховного Совета или членом ЦК КПСС, то из господ, как бы ты не проштрафился и сколько бы не наломал дров, в рабы никогда не попадешь. Номенклатура этого не допустит. Страна богатая, все выдюжит и всегда найдется для тебя руководящее кресло, сидя в котором с трубкой в руке, ты можешь продолжать разваливать очередной хозяйственный участок...

— Заверни, Вадим, к забегаловке на углу, — распорядился Румянов. — Душа свербит, нужно сто граммов принять. Там сейчас мало народу.

Вадим послушно подогнал «Победу» к низкому крыльцу с навесом небольшого буфета, где всегда есть выпивка и свежее «Жигулевское» пиво местного завода.

2. Рая из райпотребсоюза

Город Великополь пять лет назад был довольно процветающим областным центром. И вдруг как гром среди ясного неба: решение Хрущева об укрупнении областей! Из перспективного областного центра с развивающейся промышленностью и крупным строительством Великополь превратился в один из заурядных городов псковской области, правда, покрупнее других. Бывают стихийные бедствия, катастрофы, но люди издревле привыкли смиряться перед взбунтовавшейся стихией. Пережив очередной катаклизм, они трудолюбиво восстанавливают на пепелище жилище, свой город. Но как измерить обрушившуюся катастрофу, придуманную в тиши кабинетов бездарными правителями и их советниками? Великопольскую область поделили Псков и Калинин, областная газета стала городской, то есть в два раза меньше, естественно, значительно уменьшился и гонорар сотрудникам и авторам, снизились поставки из центра, резко сократилось строительство. Те, кто вскоре ожидал получить жилье, должны были надолго отказаться от этой мысли. Кто должен был подняться в своей карьере на ступень выше, неожиданно опустился на несколько ступеней ниже, потеряв в зарплате, а многие вообще оказались за бортом: сократились штаты, должности. Советская бюрократическая машина дала сбой, вдруг выяснилось, что в городе

расплодилось несметное количество областных контор, которые неизвестно чем занимались, но штаты старательно расширяли. И теперь оказались у разбитого корыта: конторы закрылись, а люди остались. Из обкома и облисполкома партийные и советские работники были направлены на более-менее хорошо оплачиваемые должности, тем самым вытеснив ранее работавших там специалистов. Русские люди и это перенесли безропотно. Все мельчало, катилось вниз, уродливо деформировалось. Способные работники срочно уезжали из Великополя, как при наступлении врага, а кто не мог уехать, мучительно приспособлялся к новым условиям нищенского существования. Великопольцы люто ненавидели Псков и Калинин, поглотивших их область. Не утешило их и то обстоятельство, что самых значительных партийных и советских руководителей из Великополя перевели на высокие должности в Псков и Калинин. Переехавшие туда начальники — им, разумеется, сразу дали хорошие квартиры — очень быстро позабыли про своих покинутых земляков и устраивали лишь свои собственные дела, конечно, кое-кого из своих близких друзей и помощников они постепенно перетащили в областные центры.

Пять лет прошло с момента этого административного бедствия, а великопольцы все еще не могли оправиться от предательски нанесенного им в спину удара ЦК КПСС, а точнее, лично Никитой Хрущевым. Тот с громом и барабанным треском ездил по Европам-Америкам, которые собирался догнать и перегнать, и не думал о ранее содеянном. Он и знал-то многие укрупненные области только по карте. Но жизнь продолжалась, Великополь дряхлел, лишившись денежных инъекций центра, построенные сразу после войны стандартные дома ветшали, как бы врастали в землю, а новые строили в основном для начальства. Пусть оно стало рангом пониже, но аппетиты отнюдь не уменьшились. Начальство повыше переезжало в новые многоэтажные здания, начальство пониже занимало освободившиеся квартиры, а уж в их лачуги въезжали простые смертные, ждущие долгие годы своей очереди. И все считали это в порядке вещей, как и то, что каждый новый правитель начинал безжалостно раздирать и изо всех сил трясти безмолвную, покорную страну, каждый хотел оставить свой след в истории, а, как правило, оставлял долго не заживающие шрамы. Если народ стерпел геноцид, издевательство сталинской администрации, то такой народ уже больше ничем не удивишь.

Как-то осенью Вадим привез Румянова в отсталый колхоз «Путь Ильича» — путь, приведший крестьян к полной нищете и убожеству. Дорог не было — одни колдобины, скотники развалились, крестьянские домишки в запущенном состоянии. Срубы покосились, крыши залатаны. В садах вырублены яблони, заборы ветром опрокинуты. Запустение и тоска. Редактора городской газеты послал туда горком партии как уполномоченного по выколачиванию сверхпланового картофеля для прожорливого ненасытного государства. Таких уполномоченных сновало по деревням великое множество. Призывали народ все отдать государству, а председателям грозили за невыполнение их указаний исключением из партии. Остановились они на постой у одной старушки. Изба у нее была чуть посветлее и почище, чем у остальных. И старушка как-то за вечерним чаем сказала: «Батюшка, вот я одного не могу понять: зачем Сталин запретил нам сначала косить траву косой для собственной коровушки, приказал жать ее по оврагам и канавам серпом, а потом и серпы запретил, мол, рвите для своей скотины траву руками... Ну мы-то, люди, ладно, все стерпим, а скотина? Ее не накормишь — издохнет... За что ж он так нас и скотину не любил, батюшка?». Вопрос этот был адресован Петру Семеновичу. Редактор почесал начинавшую редеть макушку, поставил на темный, без клеенки деревянный стол белую кружку и изрек:

«Сталин и правительство, бабушка, радел за коллективизацию, он был противник частной собственности во всех ее видах»..

На что старушка, вздохнув, горько ответила:

«Милай, моя коровушка давала по два ведра молока в день, а колхозные — по три литра... Ваш Сталин, наверное, ни разу и не был в деревне, коли такой изуверский закон выдумал!...».

Редактор ничего не ответил, а Вадим подумал; «Ну и смеялся же, наверное, «отец и учитель» со своим любимым наркомом Кагановичем над россиянами: вот, мол, какой у меня народ покорный и безответный, на любую гадость, которую мы ему сделаем, отвечает преданностью и любовью ко мне, партии, к вам, моим дорогим наркомам! Чего бы нам еще такого придумать, чтобы мои подданные за головы схватились и наконец сказали нам «нет»?.. «А мы их тут же к стенке! — хохотнул Каганович.— Народ русский любит строгую власть и палку!».

Вадим вел «Победу» по центральной великопольской улице — Ленина, на которой в многоэтажных домах улучшенной конструкции — в «хрущевках» начальство не селилось — проживали отцы города. Он только что

отвез Румянова и ехал в горкомовский гараж поставить машину. Гараж находился неподалеку от кинотеатра «Родина». Каждый день Вадиму приходилось несколько раз пересекать две речки в Великополе. Одна — Чистая разделяла город на две части. С высокого железобетонного моста была видна плотина, однако летом Чистая мелела и посередине увалами обнажалось желтое дно. Речка Грязная ближе к вокзалу. Она полностью оправдывала свое название: вместо воды по руслу текла какая-то мутная тягучая жижа с блестками мазута. На Грязную даже чайки не садились и ребятишки летом не купались. От нее дурно пахло уже за сто метров. Все городские нечистоты почему-то спускались в эту несчастную речку, у которой когда-то было совсем другое название, давным-давно забытое горожанами. Щедро подбрасывали разную гадость в Грязную и многие промышленные предприятия Великополя. Впрочем, и Чистая была изрядно загрязнена, в газете писали, что из нее воду нельзя пить, в водопровод дают воду артезианские колодцы, пробуренные на окраине города.

Весна, как никакое другое время года, обнажает все городские недостатки: бросаются в глаза кучи мусора во дворах, окурки и скомканные сигаретные пачки на тротуарах, грязные окна, почерневшие неприкажные деревья, протягивающие к прохожим, будто за милостыней, скрюченные ревматизмом пальцы-ветки, влажная пятнистая штукатурка на фасадах домов, даже голуби и воробьи казались неряшливыми, грязноватыми. Летом Великополь преобразится: пышная зеленая листва лип и тополей укроет «родимые пятна» города, солнце подсушит облицовку зданий, да и тротуары, наверное, дворники чище подметают. До середины июня, если лето не будет засушливым, и Чистая широко разольется, скрывая горбатое песчаное дно с камнями-валунами, берега с пляжами зазеленеют, зашлепают по воде лопастями водные велосипеды, заскользят на веслах свежеевыкрашенные лодки с молодежью.

Вадим, поездив по окрестным селам и городам, убедился, что в каждом стоит по несколько памятников Ленину, в каждом селении есть улица Ленина и обязательно площадь Ленина, на втором месте идут Социалистические улицы и Советские, затем Калинина, Урицкого, Свердлова, Володарского, Дзержинского... Перед площадью Ленина молодая женщина в «болонье» и вязаной коричневой шапочке замахала ему рукой. Женщина улыбалась и улыбка у нее была радостной. Она среднего роста, широкобедрая, но ноги в светлых ботах были тонковаты. Лицо улыбчивое, округлое, короткие

волосы каштановые, а небольшие карие глаза с бархатым блеском. Это была Рая из райпотребсоюза, как прозвал ее Вадим. Он познакомился с ней месяц назад в присмной председателя райпотребсоюза, когда привез туда редактора. Петр Семенович через председателя доставал новую мебель для гостиной. Рая Ильина работала секретаршей. Вадим бы не зашел в приемную, он предпочитал дожидаться Петра Семеновича в машине, где всегда лежали под сиденьем книжки и учебники. Дело в том, что он заочно учился в Великопольском педагогическом институте на филологическом факультете. Работа шофера как раз по нему: была возможность, как говорится, прямо на рабочем месте повышать свое образование. Румянов, приехав в какую-нибудь организацию, подолгу засиживался у начальства, а Вадим, включив отопление, читал учебники или художественную литературу. Читать он с детства любил и всегда возил с собой несколько книг, которые или покупал, или брал в библиотеке. Кончится одна, сразу принимался за другую. Время летело незаметно, иногда даже жаль было отрываться, когда редактор усаживался на сиденье рядом. Он знал об увлечении Вадима и даже поощрял его, давая нашумевшие романы современных писателей. Так Вадим от него получил тогда очень дефицитную книгу «Не хлебом единым» В.Дудинцева. Пожалуй, это была первая книжка, в которой правды было больше, чем во всех вместе взятых, прочтенных Вадимом за несколько последних лет. Но чаще Румянов давал ему журналы или только что вышедшие книги с примитивными произведениями, прославляющими партию, ее руководителей, воспевающих советский образ жизни. Вадим читал — иногда сюжет был лихо закручен, да и автор явно был не бездарный — и диву давался, как же можно так нахально врать? В жизни одно, а в литературе совсем другое. В отличие от своих сверстников, Вадим всегда различал правду и ложь в книгах. Этому его научили родители, которые были книголюбцами. Несмотря на отворачивание, читали в журналах почти все произведения современных писателей. Читали и высказывали свое мнение, вернее, возмущение. А Вадим слушал...

— Привет! — остановившись напротив красного кирпичного здания почты, поприветствовал девушку Вадим.

Рая, не спрашивая куда он едет, проворно уселась на сиденье рядом.

— Я завтра дежурю до утра в нашей шарашке, — улыбаясь, зашептала она. — Мой толстый шеф укатил в Псков, вот меня наши стервы и назначили, он бы не позволил... Из Райных намеков, Вадим понял, что ее шеф

Петухов Николай Николаевич, огромный, похожий на силосную башню бритоголовый с багровым затылком человек в сталинском зеленом френче и бриджах, заправленных в хромовые сапоги, равнодушен к своей смазливой секретарше. В тот раз Вадим разговорился в приемной с Раей, хотя и не умел непринужденно вести беседы с девушками. Рая оживленно болтала, а он слушал и иногда вставлял несколько слов. Она очень любила кино и с восторгом рассказывала, какой вчера посмотрела потрясающий фильм «Девять дней одного года», какие там играют великолепные артисты: Смоктуновский, Баталов, фамилию героини Лели она не запомнила, но тоже была в восхищении от нее. Вообще Рая любила в разговоре превосходные степени по отношению не только к людям, но и к вещам. Могла сказать, что Петухов — «шоколадный» дядька, а бутерброд с икрой сногшибательный.

Рая похвасталась, что у нее на сегодня два билета на «Девять дней одного года» — хорошие фильмы она смотрела по несколько раз — мол, если Вадим хочет, она с удовольствием сходит с ним на вечерний сеанс. Застигнутый врасплох, Вадим стал что-то мямлить, он не привык иметь дело с энергичными напористыми девушками. Точнее, вообще с ними не встречался. По-видимому, столько лет проводя на маленькой лесной турбазе, до сих пор дичился людей, особенно «мамзелей», как называл приезжавших с начальниками женщин лихой шофер Василий Лукьянов.

— Ты чего там бормочешь? — удивленно посмотрела на него Рая. — Другой бы радовался, а он...

— Я радуюсь, — улыбнулся Вадим.

— Встречаемся у кинотеатра «Родина» ровно без десяти пять, — сказала Рая. — Фильм двухсерийный, поздно закончится.

Фильм действительно был неплохой и артисты играли хорошо, особенно Смоктуновский, понравился Вадиму и лысый колобок академик, получивший смертельную дозу радиации. Ученые довольно непринужденно разговаривали о политике, критиковали наш строй, раньше бы таких всей компанией посадили в черный «воронок» и увезли... Только при Хрущеве стало возможным показывать подобные фильмы, правда, хитрый режиссер все-таки показал и хороших, умных руководителей страны, которые идут навстречу беспокойным и капризным ученым и понимают их...

Вадим все происходящее в стране, мире воспринимал иначе, чем большинство его знакомых. После разоблачения культа личности Сталина все говорили, что

генералиссимус ничего не знал, его обманывали разные негодяи вроде Берии, Абакумова, а еще раньше Ягоды, Ежова, мол, Сталин победил Гитлера, вывел отсталую сельскохозяйственную Россию в передовые великие державы и прочее, прочее.. А о Ленине нельзя было и заикнуться, что он первым наметил генеральную линию на уничтожение в первую очередь русского народа, что был человеконенавистником и люто мстил аристократам, коренной русской интеллигенции, священнослужителям, якобы, за казнь брата Александра, участвовавшего в покушении на царя.. Ленин был для всех в СССР идиолом. Если образ Сталина несколько поблек, то Ильич совсем превратился в Бога, а из-за него лукаво выглядывала круглая в бородавках широкая физиономия Хрущева, лихорадочно создающего при помощи подхалимов свой собственный культ.

Конечно, свои мысли Вадим старался не высказывать вслух даже Рае. Он научился держать язык за зубами. Так воспитал его Григорий Иванович Добромыслов. Вот с дедом Вадим говорил на любые темы. Тот давал ему читать изданные за рубежом книги о Сталине, его окружении. Книжки эти пересылали егерю друзья лагерники. Изредка и сами наведывались на турбазу. И тогда воспоминания, разговоры длились до утра... Из запрещенных у нас книг Вадим узнал, что наша хваленая социалистическая система на самом деле самая отсталая в мире. Никакой не было в 17-м году революции, был большевистский переворот. Ни один цивилизованный народ добровольно бы не пошел по ленинско-сталинскому пути. В СССР полностью задавлено инакомыслие, лживая литература и вообще все искусство, прикрывающееся кем-то выдуманным социалистическим реализмом. Литература, живопись, музыка — все обслуживает партократию и ее «гениальных» вождей. Премии даются не за художественность и творческие открытия, а за верноподданничество и приукрашивание действительности. Русские авторы, живущие за границей, писали о бедственном положении оглуленного в СССР народа, особенно крестьянства. Коллективизация, породившая саую уродливую форму сельского хозяйствования, отбила у крестьян желание работать, потому что государство грабило крестьян, отбирало у них все излишки, оставляя лишь самую малость, чтобы с голоду не умерли. Но в 20-30 годах был организованный большевиками голод, унесший миллионы человеческих жизней, а Сталин на съезде «победителей» принимал поздравления

от счастливых партийцев... Победители кого были большевики? Собственного народа, большую часть которого превратили в безгласную скотину?..

Даже в хрущевские годы, когда за неосторожно сказанное слово не сажали и не расстреливали, подавляющее большинство советских людей все равно искренне славил свой самый «лучший», «гуманный», «передовой» в мире строй. Люди верили книгам, газетам, радио-телевидению, а все средства массовой информации с утра до вечера оглушали народ неслыханными успехами стахановцев в труде, гигантскими урожаями, достижениями наших космонавтов, ученых, изобретателей. И это в те годы, когда страна все больше и больше откатывалась к средневековью. Передовые страны уже на десятилетия обогнали нас по всем показателям, а лживая идеология и пропаганда на все лады грохотала в литавры, славя мудрую партию и ее славного «кормчего» Никиту Хрущева. А мир капитала критиковался, советским людям показывали в кинохронике чаще отхожие места, бедняков, а не истинное положение на Западе. Там все охаивалось, у нас все приукрашивалось. И так десятилетиями. Партия сама себя нагло хвалила, вывешивая в городах и селах гигантские издевательские лозунги: «Партия — ум, честь и совесть советского народа!». Обожравшиеся икрой, севрюгой и заморскими лакомствами мудрые правители и их свора считали, что так будет продолжаться в этой несчастной стране вечно. Их дети учились в закрытых школах, после престижных дипломатических институтов уезжали работать за границу, без счета транжирили государственную валюту на себя, началось повальное разбазаривание национального достояния, процветали обыкновенное воровство, взяточничество, коррупция, партийная мафия все больше срасталась с уголовной мафией, появился «черный рынок», теневая экономика, партаппаратчики покупали оптом и в розницу. В республиках секретари ЦК жили, как падишахи, за взятки назначали на высокие должности преступников и деляг. Рапортовали в Центр о выполнении государственных планов, а на самом деле выполняли их лишь на бумаге. А Центр щедро награждал орденами, званиями. Появились такие термины, как «приписки», «очковтирательство», а чтобы ответственные работники в ЦК и Совмине не поднимали шум, им отваливали такие суммы, которые функционер или чиновник и за всю свою жизнь не заработает в своем министерстве или в ЦК партии...

Все это знал Вадим, но держал при себе. Румянов, не желая того, на многое раскрывал глаза. Все-таки редак-

тор не опускался до взяточничества и покровительства хищений. Иногда в газете появлялись разоблачительные статьи, но били они по «стрелочникам».

Не мог же обо всем этом говорить Рае из райпотребсоюза Вадим, когда морозной зимней ночью провожал ее до дому из кино? Рая жила на улице Гагарина в четырехэтажном доме у автобусной станции на берегу речки Грязная. Под снегом речка казалась чистой, даже зловонный запах не пробивался из-под льда. Рая жила с родителями и дочерью. Муж сильно пил и она с ним два года назад разошлась, после того как он в белой горячке разгромил всю квартиру и попал в психиатричку. Выйдя оттуда, он завербовался на остров Диксон. В Великополь ни разу больше не приезжал, от кого-то Рая узнала, что он там снова женился. Сначала приходили на дочь переводы с крупными суммами, а потом по пять-десять рублей в месяц. По-видимому, снова в лечебнице или еще хуже — в тюрьме. Пьяный он очень буйный, лезет в драку, может даже убить... Рая нехотя поведала Вадиму о своем несудачном замужестве и больше на эту тему не заводила разговор. Дочери было три года, она ходила в круглосуточный детсад. Петухов помог ее туда устроить.

Они еще несколько раз встретились, лишь на четвертый или пятый раз Вадим осмелился ее поцеловать.

— Мальчишка! — рассмеялась молодая женщина. — Ты и целоваться-то не умеешь!

Придвинулась к нему, обхватила за шею и так поцеловала, что у него закружилась голова и колени задрожали. Губы ее обожгли, как огнем. Рая порывисто задышала, гладкие щеки ее покраснелись, глаза заблестели.

— Пойдем в подъезд, — шепнула она, — там батарея...

В подъезде пахло кошками, был февраль и противные кошачьи вопли доносились из подвалов и от мусорных баков. Припозднившийся жилец из этой парадной прошел мимо, обдав парами алкоголя, чуть позже с четвертого этажа вывели овчарку на прогулку. Огромный суетливый пес ткнулся Вадиму в колени, лизнул руку Рае и огласил громогласным радостным лаем ночной подъезд. Рая, расстегнув плащ, положила его руку себе на грудь, он осторожно гладил теплую мягкую выпуклость, но сжать не решился, хотя и хотелось. Ее поцелуи были затяжными, аж дыхание захватывало, язык ее раздвигал его зубы, щекотал небо. Все это было внове ему, го хотелось стыдливо высвободиться, то наоборот сильнее прижать ее к себе. Глаза ее казались фосфоресцирующими, как у кошки.

Скорее бы лето, — расставаясь с ним, зябко пердернула плечами Рая. Летом каждый кустик — ноче-

вать пустит...- и дробно рассмеялась, погладив его по разгоряченной щеке. — Ты хоть бреешься? — поинтересовалась она

Вадиму был 21 год и он уже несколько лет брился безопасной бритвой, правда, два раза в неделю. Рая как-то обронила, что ей 26 лет, но все дают девятнадцать. Вадим особенно в возрастах девушек и женщин не разбирался. Что Рая уже была замужем и у нее дочь, разве что напоминала неглубокая морщинка в уголках губ, да в карих глазах иногда появлялась затаенная печаль. Но стоило Рае улыбнуться, и она снова походила на девочку, вот и сейчас в своей «болонье» и вязаной шапочке, из-под которой выбивались густые каштановые волосы, она была именно такой: веселой, жизнерадостной девушкой, довольной жизнью и вообще всем на свете.

— Не кочегары мы не плотники-и, а мы монтажники-и высотники-и, да да! — пропела она Вадим, в «Победе» идет «Высота» с Рыбниковым в главной роли и Макаровой, сходим?

— Пустышка, отмахнулся Вадим

— Кто пустышка? посерьезнела Рая — Я два раза смотрела этот фильм и с удовольствием посмотрю в третий. Рыбников такой обаятельный!

— Я не могу смотреть фильмы по два-три раза, — стараясь ее не обидеть, мягко сказал Вадим. — Я лучше книгу почитаю. Вот ты затащила меня на «Тихий Дон», я посмотрел и подумал: если бы не читал Шолохова, то никогда не поверил бы, что он написал «Тихий Дон».

— У тебя, наверное, богатое воображение, — вздохнула Рая. — Мне кино больше нравится, чем книги, там живые люди, а в книге — буквы, слова.. Я после десяти страниц засыпаю.

— Над книгой? — изумился он

— А в кино не надо напрягаться там все на виду

Лучше бы она не говорила этого. Вадим не знал, что ему делать: спорить, доказывать или пожалеть ее? Разве можно «Войну и мир» или «Тихий Дон» перевести на язык кино, сохранив всю мощь писательского таланта? Вадим предпочитал на экранизации своих любимых произведений не ходить, чтобы не разочаровываться.

Вадим довез ее до дома. На автобусной станции пассажиры садились в носатый синий автобус. У многих за плечами рюкзаки, в руках сумки. Наверное, сельчане отоварились в городе и теперь возвращаются домой. Дождь перестал блестеть на булыжной мостовой камнями, а на тротуарах посверкивали небольшие лужицы. И небо вроде бы стало светлее, кое-где желтели промоины. Скорее бы пробилось солнце. Неожиданно он подумал, что

булыжники напоминают человеческие черепа... Если разобратся, то за сотни лет, что существуют города на каждом метре — прах умерших наших предков. Были голод, война, эпидемии чумы и оспы.

— Ты мне ни разу не предложил съездить за город, выбравшись из машины, посетовала Рая.

Это верно. Почему-то ему такое и в голову не приходило. Впрочем, в такую погоду и за городом делать нечего: грязь, лужи, голые деревья.

— Летом прокатимся,— сказал Вадим.

— Послушай, Вадик,— глаза Раи стали бархатистыми, сочные, слегка подкрашенные губы раздвинулись в улыбке.— Приходи сегодня после восьми в мою контору, а? Я дежурю до утра. Все уже уйдут, даже уборщица, в кабинете шефа приемник «Мир», слушаем музыку?

— Музыку?

— Ты танцуешь?

— Не танцую и не пою,— улыбнулся он.— А вот свистеть умею.

Вадим рассчитывал сегодня заглянуть в читальный зал на улице Энгельса, просмотреть последние журналы. В общезнание он старался возвращаться попозже, когда все уgomонятся и улягутся спать. Он приспособил у изголовья электрическую лампочку с отражателем и допоздна под звучный храп читал, не мешая спать соседям по комнате.

— Ты еще раздумываешь? — надула губы Рая.— Другой бы... Ладно, купи бутылку вина, конфет и не опаздывай! — Она легонько шлепнула его ладошкой по щеке и убежала в свой подъезд, откуда важно вышла серая с белыми полосами кошка. Одно ухо обгрызано. Жмурясь, она потянулась, зевнула, показав розовый язычок, и, брезгливо переставляя лапы по влажному асфальту, не спеша направилась к мусорным бакам, что стояли рядом с проржавевшим металлическим гаражом.

3. И это есть любовь?

Они сидели на широком обитом черным кожзаменителем диване с вальками и подушками, высокой спинкой, украшенной резьбой по дереву. Рая задернула плотные бархатные шторы в кабинете председателя райпотребсоюза, включила для уюта и интима лишь настольную лампу под зеленым абажуром, зловеще горел изумрудный глаз присматривающего «Мир». Из него лилась спокойная мелодия. В небольшом квадратном кабинете, обитом деревянными панелями под дуб, висел над письменным столом портрет Хрущева с

четырьмя звездами Героя. В «Огоньке» за февраль 1963 года Вадим увидел две больших фотографии Хрущева с генералами в бытность его членом военного Совета. Посмотришь на эти фотографии, считаешь корреспондентии подхалимов-журналистов, и можно подумать, что Никита Сергеевич и победил Гитлера в отечественную войну. Кажется, кроме Хрущева, в СССР был еще лишь один четырежды Герой Советского Союза — маршал Жуков, о котором уже несколько лет ни слуху ни духу, нет даже упоминаний о его участии в войне. Он-то получил золотые звезды в битвах, а «кукурузник» ухитрился огероиться четырежды в мирное время.

Рая придвинула к дивану низенький полированный журнальный стол, на нем бутылка шампанского, плитка шоколада «Золотой ярлык» и несколько оранжевых апельсинов — все это Вадим раздобыл в ресторане «Москва», куда забежал перед свиданием. Шампанское ударило в голову после первого же граненого стакана, оно пузырилось в темно-зеленой бутылке, наверное, шипело, но из-за музыки было не слышно. Короткая темная юбка молодой женщины открывала обтянутые капроновыми чулками колени. Тонковатые ноги Раи округло расширялись в бедрах, полуприкрытые глаза блестели сильнее обычного, видно, шампанское подействовало и на нее. Иногда она переставляла ноги на красном цветастом ковре и тогда слышалось нежное шуршание чулок. Вадима постепенно охватывало непривычное волнение, глаза его все чаще останавливались на телесной полоске ее ног выше колен, он даже решился ладонью осторожно провести по теплomu капрону. И будто электрический ток пробежал по руке, он даже отдернул ее.

— Налей еще,— скомандовала Рая. Обычно звонкий голос ее немного сел, стал хриловатым, она снова переставила ноги в кофейного цвета туфлях, коричневая юбка задралась еще выше. Он видел, как она скосила вниз глаза, но юбку не поправила. На матовых щеках Раи алели пятна, когда она улыбалась, в нижнем ряду белых зубов была заметна щербинка. Она ничуть не портила женщину.

Белая пена игриво взметнулась над стаканом и тут же осела сверкающими каплями на полированном столике. Они чокнулись и разом выпили. Он пил медленно, Рая — залпом. Закусывала квадратными дольками шоколада. Музыка в приемнике прервалась и послышалась торопливая гортанная речь на английском языке. Рая поставила стакан, встала и, повернувшись к Вадиму спиной, стала крутить настройку Выпуклый зад, туго обтянутый плотной шерстяной материей, вызывающе

двигался, будто она пританцовывала. Услышав мелодичные звуки золотой трубы Армстронга, Вадим попросил оставить. Голос его тоже прозвучал хрипло. Рая с улыбкой обернулась к нему, яркий рот ее казался кровавым.

— Ты любишь эту муть?

— Это играет самый великий музыкант джаза — Армстронг, — сказал Вадим. У деда на турбазе тоже был приемник и Вадим иногда до глубокой ночи слушал разные мелодии, иногда вылавливал «голоса», но раздражающие глушилки вскоре забивали их волчьим во-ем, визгом, треском.

— Я джаз не люблю, — ответила Рая, возвращаясь на место. — Как заведут волюнку — уши вянут. То ли дело Эдита Пьеха!

Вадиму не нравилась эта популярная звезда эстрады: всю жизнь прожила в России, а поет с акцентом, нарочно, чтобы хоть чем-то отличаться от других, однако он промолчал, вспомнив поговорку: о вкусах не спорят.

В голове у него с непривычки к спиртному немножко шумело, горели щеки, он бы уже и отказался от выпивки, но Рая заявила, что шампанское нельзя оставлять выдохнется и потом, от одной бутылки на двоих не опьянеешь. Когда все допили, Рая убрала со столика, отнесла пустую бутылку в приемную, наверное, спрятала в шкаф с папками. Потом они долго целовались на диване, сердце у Вадима бухало, слышно было и сердце Раи, когда она прижималась к нему. Несколько раз темноволосяя голова ее откидывалась назад, бархатистые глаза приоткрывались, он нагибался над ней и несмело целовал. Она почему-то вяло отвечала. Наконец приподнялась,правила высоко задравшуюся юбку на коленях и прямо взглянула ему в глаза:

Ты что, Вадим?

— А что? — не понял он.

— Может, свет выключить?

— Зачем? — вырвалось у него и он сам понял, что это прозвучало совсем по-детски, будто он темноты боялся.

— погоди, ты... ни разу не спал с девушкой? — сдерживая улыбку, спросила Рая.

— Я никого еще не любил, — пробормотал он, чувствуя, как кровь прилинула к щекам. Ведь он знал, что все так и будет, не такой он чайный, чтобы не почувствовать, что Рая пришла и так же не просто так. И он был готов к этому. А сейчас вот переволновался и...

— Господи, ну и везет же мне...— Рая покусывала губы, но это было выше ее сил и она громко рассмеялась.— Такой высокий, симпатичный, зеленоглазый, как же тебя девушки-то еще не соблазнили?

— Я жил в глуши,— ничуть не обижаясь, сказал он.— Правда, было что-то один раз: «мамзель»...

— Мамзель? — удивилась Рая.— Это кто же такая?

— Ну мы так с дедушкой называли женщин, которые приезжали с разными начальниками на турбазу «Са-ша»... Мужчины здорово перепили, она и зазвала меня в домик. Мы целовались, она распахнула халат и прижала мое лицо к большой белой груди, я чуть не задохнулся. Вырвался и убежал, от нее чем-то сладким пахло и она была какая-то липкой, как обсосанная конфета.

— Сейчас-то ты хочешь меня?

— Ну, да,— сказал он.— Только...

— Что только?

Он машинально взглянул на свои брюки. Рая засмеялась и взлохматила ему волосы, снова, как в тот теплый весенний вечер на турбазе, Вадиму захотелось встать и уйти. Но Рая — не «мамзель» и от нее хорошо пахло. Она ему нравилась, иначе бы он не встречался с ней, но вот тех волнительных чувств, которые романисты описывают в своих книгах, он к ней не ощущал. Безусловно, он все знал, как это происходит между мужчиной и женщиной и его все это страшно волновало, но не было чувства уверенности в себе, может, если бы тогда пьяная женщина не спугнула его своим неистовым напором, он бы уже был мужчиной.

— Ты не думай ни о чем, милый, — проворковала Рая, совсем близко придвигаясь к нему. В глазах у нее — мягкий блеск.— Если тебе мешает свет, я выключу.

— Выключи, — сказал он.

— Не напрягайся так...— журчал в наступившей темноте ее голос.— Все будет хорошо, вот увидишь...

Ее руки трогали его, ласкали, она еще говорила какие-то ласковые, не доходящие до его сознания слова, а он мучительно думал, что на этот раз должно все получиться, но почему так сильно стучит сердце? Почему горит лицо, прерывается дыхание? А мужская сила дремлет, никак не проявляет себя... Да, он желал эту женщину, причем так сильно, что это слепое желание заполонило его всего, не оставив места для чего-то другого, так необходимого для взаимного удовлетворения.

Он потом не мог вспомнить, как они оказались обнаженными на холодящем кожу черном диване. Ее груди не были такими огромными, как у той «мамзели», от нее пахло цветочными духами, губы ее были горячими,

даже в темноте взблескивали широко открытые глаза. Он трогал белые податливые груди, его рука скользила по ее гладким бедрам, неистовое желание все сильнее распирало его, но кто-то глубоко сидящий в нем, будто издеваясь, перекрыл тот самый могучий ток крови, который делает юношу мужчиной. И он от отчаяния, злости, полного бессилия кусал губы и чуть не плакал от отчаяния. И когда, благодаря стараниям Раи, что-то стало с трудом получаться, вдруг раздался пронзительный телефонный звонок, заставший их обоих подскочить на твердом диване. Уже не было так темно, как вначале, и Вадим видел изогнувшееся у стола белое тело женщины, ее округлые ягодицы, красиво очерченные груди.

— Почему долго? — приглушенно говорила в трубку Рая.— Я сразу подошла. Семенову? Я ему утром скажу... Голос? Обыкновенный голос... Я уже прилегла на диване... Конечно, одна, как вам не стыдно, Николай Николаевич!

В ее голосе было столько искренности, что Вадим поразился способности женщины так ловко врать! Потом он в своей жизни еще много раз столкнется с ложью, предательством, изменой, подлостью со стороны милого, слабого пола...

Как ни странно, телефонный звонок ее шефа все вернул на круги своя: Вадим уверенно овладел Раей, правда, в первый раз все получилось так быстро, что она даже не почувствовала, и лишь в третий раз он доставил ей столь сильное удовлетворение, что она застонала и до крови ногтями оцарапала ему спину.

— Сладкий ты мой,— стонала она. — Ну еще, так, так, о-о-о! — из нее вырвался вопль.

— Тебе больно? — испугался он.

— Мне хорошо, дурачок,— прошептала она, не открывая глаз.

Выпроводила Рая его глубокой ночью, торопливо поцеловала, в свете тусклой коридорной лампочки были заметны голубоватые круги под ее утратившими свой бархатный блеск глазами, морщинка у губ придавала ей чуть скорбный вид.

— Звони,— равнодушно уронила она и, не сдержав зевка, прикрыла рот ладошкой.

— Завтра, ладно?

— Уже завтра наступило, милый,— улыбнулась она. — Позвони через два дня, ладно?

— Ладно,— вздохнул он. В нем еще осталось чувство неудовлетворенности и скажи Рая, что останься еще на

часок, он бы с удовольствием снова растянулся с ней на продавленном, скрипучем диване председателя райпотребсоюза Н.Н.Петухова

И вместе с тем, шагая по пустынной улице к общезжитию, Вадим философски подумал: «Это и есть любовь? То самое сладкое чувство, которое влюбленного мужчину делает покорным рабом женщины? Но я никогда не буду рабом! Тогда, может, вообще не влюбляться?...».

4. БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

Два года назад, приехав в Великополь и оформившись шофером в «Великопольский рабочий», Вадим изредка стал наведываться в бывший облдрамтеатр на площади Рокоссовского. Нет, слащавые пьесы конъюнктурных современных авторов его не привлекали, после спектаклей, на которых иногда актеров было больше, чем зрителей в зале, в продолговатом фойе с белыми колоннами устраивались танцы под оркестр. Танцы-то и привлекали к концу спектакля молодежь. Начинали собираться к девяти, на втором этаже работал буфет, где было пиво, разная выпивка и неизменные бутерброды с ветчиной и красной икрой. Тогда водку пили стаканами, запивали пивом и закусывали бутербродами с икрой. Называлось это: «сто пятьдесят с прицепом». В городе было полно синих и белых ларьков с пивом, водкой, бутербродами. Идет человек по улице, увидел ларек — пожалуйста, «сто пятьдесят с прицепом». По сто граммов редко пили... Дожидаясь конца спектакля, а дирекция специально в выходные дни прогоняла короткие пьесы, молодежь накачивалась пивом и вином перед танцами в буфете. Непьющий Вадим приходил к самому окончанию спектакля, когда в фойе зажигались яркие огни, а музыканты на эстраде настраивали свои блестящие инструменты. Это было еще до поступления в педагогический институт. Просто негде было убить время, особенно в длинные осенние вечера. С Расей из райпотребсоюза он еще не был знаком. Танцевать он не умел, поэтому выбирал спокойное местечко у белой колонны и наблюдал за танцующими, слушал музыку. Оркестр состоял из аккордеона, электрической гитары, трубы и флейты. Ребята — все они были любителями — лихо паяривали на своих инструментах, а плотно сбитые в разноцветную толпу пары танцевали. Точнее, раскачивались из стороны в сторону. Свет ярких люстр освещал раскрасневшиеся лица, разбрасывал блики от никелированных инструментов. Аккордеон сверкал, как новогодняя елка. Длинные тяжелые шторы спускались

до самого пола. Иногда на широком подоконнике, за шторой, безмятежно спал кто-нибудь из сильно перебравших в буфете.

Несколько раз Вадима на дамский танец приглашали девушки, он вежливо отказывался, поясняя, что не умеет танцевать. Одна высокая блондинка с золотым зубом и большим накрашенным ртом, пригласившая его, бесцеремонно потащила в колышающуюся под музыку кучу, пробормотав: «Не умеешь — научу!». Она водила его в ритме медленного танго, он наступал ей на ноги, толкал растопыренными локтями других, но упорная блондинка все стерпела. Когда закончился танец, деловито предупредила:

— Стой здесь, я тебя приглашу на фокстрот.

Станцевали и фокстрот, блондинка похвалила его, заметив, что он делает явные успехи, всего три раза наступил ей на ногу. Сообщила, что зовут ее Лидой, и работает она в парикмахерской, что на улице Ленина. Бросив профессиональный взгляд на его прическу, прибавила, что мастер у Вадима средний, можно было бы постричь и получше, мол, у него густые темно-русые волосы и «полубокс» ему не идет, нужно стричься под «канадскую польку».

Вальс они пропустили, простояли весь танец у колонны, Лида иногда бросала рассеянные взгляды на танцующих, да и Вадим несколько раз поймал на себе хмурый взгляд худощавого стройного парня с пышной желтой шевелюрой и узкими светлыми глазами. Парень был в сером костюме, из-под которого выглядывал свитер в красную полоску. Перехватив его взгляд, Лида небрежно уронила:

— Васька Голубев, за мной бегают... Да ну его!

Судя по всему, она с Васькой поссорилась и вот назло ему Лида обратила внимание на одиноко стоявшего у колонны Вадима. В девятнадцать лет Вадим был высоким, широкоплечим парнем с продолговатыми умными глазами. Зачесанные назад волосы, открывали высокий чистый лоб, полные губы были красиво очерчены, твердый подбородок свидетельствовал о сильной воле. По крайней мере, так утверждали писатели в романах, которые залпом читал Вадим Белосельский. Он знал, что нравится девушкам, но совсем не пользовался этим, наоборот — сторонился их, сказывалось многолетнее пребывание в глуши. Да и со сверстниками он не легко сходился. Пока так друга и не приобрел. И пусть он там много читал, дед его Добромислов был образованным человеком, собирал книги и наверняка гораздо больше школы дал Вадиму, все же диковатость, насторожен-

ность к людям, особенно первое время, не покидали Вадима. В общении холостяков почти ни с кем не знался, лишь приходилось постоянно сталкиваться с соседями по комнате. Наборщик из типографии Петр Лобов — его койка была напротив — и журналист Аркадий Голяк особенно ему не досаждали. Петр любил выпить и часами резаться в домино в Красном уголке, кудрявый Аркаша Голяк пил мало, что было удивительно для газетчика. Впрочем, Аркаша работал в отделе писем и его собственные статьи никогда не появлялись в городской газете.

Он сортировал редакционную почту, шаблонно отвечал авторам. Гораздо больше газетной текучки его привлекало другое: спекуляция одеждой, обувью, предметами быта. Входили в моду хрусталь, импортная малогабаритная мебель, холодильники, транзисторные приемники — все это можно было заказать Аркаше и он достанет, правда, по спекулятивной цене. И сотрудники редакции охотно пользовались услугами Голяка.

Петя Лобов был коренастым, широконосым и губастым, этакий деревенский увалень с «тремя извилинами», как его за глаза обзывал Аркаша. Стригся Лобов коротко, отчего его коричневатые волосы торчали на круглой голове ежиком, в ладони въелась свинцовая пыль. Был он добродушным парнем и даже во хмелю не надоедал и не буянил. Аркаша Голяк был полной противоположностью Пете: кареглазый, юркий, как вьон, с пышной рыжеватой шевелюрой, завивающейся колечками, узкоплечий, но по-бабьи широкий в зад, Голяк мнил себя неотразимым и частенько хвастался своими многочисленными победами над женским полом. Лицо у него треугольное, нос длинный, глаза нахальные, с бархатистой поволокой, на руках и груди росла черная шерсть, что придавало ему сходство с павианом. Вот что не отнимешь у Аркаши, так это умение красиво изъясняться, он любого мог заговорить, Вадим раз слышал на профсоюзном редакционном собрании выступление Голяка: с апломбом, округло, с литературными примерами и цитатами, но ни о чем. Выйдешь за порог и не вспомнить о чем же толковал Аркаша?.. Впрочем, этим словомизвержением страдали многие в редакции. Как говорили, так и писали: многословно, витиевато, но ни о чем. Но зато не забывали похвалить Никиту Хрущева и советский строй, как самый лучший и справедливый в мире. Такие материалы без задержки проходили через секретариат и быстро появлялись на страницах «Великопольского рабочего». Подобные материалы, как и портреты Хрущева, не сходили и со страниц центральных

газет. Почти не появлялись фельетоны, разве что на самые безобидные темы, как нехватка детских сосок в аптеке или хамство официантки в кафе.

— Прощальный вальс станцуем, ладно? — ласково, с улыбкой заглянула ему в глаза Лида, как раз в тот момент, когда парень с желтой шевелюрой проплывал в танце мимо них. Парень — он танцевал с кудрявой толстушкой — свирепо посмотрел на них. И тут только до Вадима окончательно дошло, что Лида пользуется им, чтобы вызвать ревность у своего парня. Иначе чего бы ее все время поглядывать к его сторону?

— Нашел коротконогую кубышку! — презрительно заметила она. — Хоть не позорился бы.

— Да нет, она ничего, — сказал Вадим.

— Вот именно — ничего, — хмыкнула Лида. — Пустое место. Может, еще скажешь, что лучше меня?

— Я не хочу быть Парисом, — улыбнулся Вадим.

— Кем? — удивилась она.

— Это из греческой мифологии...

— Сказки не люблю.

У Лиды ноги подлиннее, да и фигура получше, чем у «кубышки» но при чем тут он, Вадим? Прощальный вальс они более-менее сносно станцевали, стало свободнее, народ повалил в раздевалку.

— Ты меня проводишь? — снизу вверх заглянула ему в глаза Лида. — Я живу на Гагарина.

Вадим про себя усмехнулся: все почему-то живут на Гагарина, наверное, это самая длинная улица в городе, длиннее, чем Ленина.

Лида жила не доходя двух домов до пятиэтажки Раи из райпотребсоюза. И точно в таком же хрущевском доме-близнице с крошечной кухней и низкими потолками. Они шли пешком до самого драмтеатра, Лида рассказывала, как на трикотажной фабрике «Красная швея», где работала ее подруга, были задержаны в проходной две женщины, вахтерша очень удивилась, что они вдруг за день стали вдвое толще, чем были утром. Вызвала по телефону старшего и он, как с катушек, смотал с обеих работниц что-то около тридцати метров дефицитной вискозы...

А у подъезда Лидино дома их уже ждали трое молчаливых парней и один из них был ее ухажер с желтым чубом. Позы не вызывали сомнения в их намерениях. Проявив благородство, ухажер сделал знак приятелям, чтобы они не вмешивались и, приблизившись, без всякого вступления, врзал справа Вадиму в ухо. Хотя тот и был повыше парня и пошире в плечах, ничего сделать с ним не смог: пока махал кулаками, поражая пустоту, па-

рень ловко наносил ему чувствительные удары в грудь, лицо и завершил драку эффектным тычком в правый глаз, который выбросил в ночь целый фейерверк ослепительных искр. Приятели бойца посмеивались, наблюдая за ними. Еще в начале драки Лида скрылась в подъезде и скорее всего уже пила чай в своей квартире.

— Хватит с него, жлоба, на первый раз,— сказал парень с желтой челкой. Самое удивительное, он был совершенно спокоен.— Пошли отсюда, братва! — отойдя немного, обернулся и прибавил: Сунешься еще раз к Лидке Стригуну — черепушку проломлю, запомни, длинный! — Презрительно рассмеялся, и они ушли.

Вадим стоял под голым тополем — дело было в марте — и ощупывал синяки на лице. То что под глазом будет «фонарь», он не сомневался, а вот кровь из носа не заметил. Наверное, удар пришелся вскользь. Самое обидное было, что Вадим не нанес увертливому противнику ни одного серьезного удара: бестолково махал кулаками, а тот ловко отклонялся, отскакивал, как танцор, в свою очередь награждая меткими точными ударами. Вадиму и раньше несколько раз приходилось драться, но такого хладнокровного противника еще не было. Бьешь изо всей силы в лицо, а кулак твой летит в пустоту, а пока соображаешь, в чем дело, твоя голова дергается от мощного удара...

И до чего же обидно ему, здоровому верзиле, быть таким беспомощным против более щуплого и низкорослого противника! Тот поиграл с ним, как с котенком. И на глазах своих приятелей, те даже не пошевелились.

Горестные мысли его прервал скрип двери, из подъезда выскочила Лида Стригун (прозвище прямо в точку), завертела простоволосой головой и облегченно вздохнула:

— Ушли... хулиганы! Ой, как они тебя... Костина работа, он редкий вечер в облдрамтеатре не подерется. Вызовет моего партнера по танцам на улицу и отметелит...

— Ты бы уж предупреждала своих партнеров,— криво усмехнулся Вадим. Защищало в уголке рта.

Надоел он мне! — хихикнула Лида. Грубый, хвастун, говорит, что любого может разделить под орех.

Он что, боксер?

— Занимается в какой-то секции, даже на соревнования в феврале ездил в Псков

Ну тогда понятно...— протянул Вадим. Сразу на душе стало легче от спортсмена-разрядника немудрено и потерпеть поражение в драке.

— Я видела сверху, как он тебя колошматил...— продолжала Лида.— Костя Мост потому к любому и лезет, что умеет драться.

— Мост? — удивился Вадим. Такого прозвища он еще не слышал.

— Его так прозвали, когда он два года назад с моста через Чистую двух фэззушников сбросил. Они бы утонули, но он спас их.

Все это Лида проговорила, явно гордясь своим ухажером.

— Ты не испугался его, только кулаки твои все мимо...

— Спокойной ночи, Лида,— вежливо попрощался Вадим.

— Я думала, мы в подъезде постоим...— разочарованно произнесла девушка.— Мои родители спят.

— Меня что-то тянет полежать...— пробормотал Вадим, трогая вздувшуюся скулу.

— Какой ты быстрый! — хихикнула Лида Стригун.

— Ты меня не правильно поняла,— попытался выдать из себя улыбку он, но вспухшие губы лишь злоеще искривились.

Шагая в общежитие на улицу Энгельса, Вадим дал себе слово, что завтра же пойдет в секцию бокса или борьбы... Очень уж обидно попусту махать крепкими кулаками, когда тебя больно жалют во все чувствительные места.

И вот уже два года с тех пор Вадим посещает по средам секцию бокса спортивного общества «Буревестник». Тренирует их бывший чемпион области в среднем весе Эрнст Ванаг — латыш из Резекне. Женится на русской и уже пятнадцать лет живет в Великополе. Вадима Белосельского он не считает перспективным боксером, толкует, что у него нет настоящей спортивной злости: в противнике на ринге нужно видеть врага, только тогда можно надеяться на победу. Но что мог поделать Вадим, если у него не было злости к своим партнерам на ринге. Тем не менее, тренер выставил его в сборную общества на первенство Великополя. Наша жизнь полна неожиданностей: недавно на одних из соревнований Вадим встретился на ринге с Костей Мостом и победил его по очкам, удостоясь похвалы Ванага. Он сказал, что в этом бою Вадим проявил завидную спортивную злость и лучшие свои бойцовские качества. Конечно, желтоволосый Мост узнал его и даже пригласил после соревнований в пивную выпить по кружке пива. Вадим не отказался. Костя держался с ним дружески, со смехом вспомнил ту глупую драку у подъезда и окончательно ошарашил, сообщив, что в том же году женился на Лиде Стригун и у

них дочка Настя. Вместе с женьбой прекратились еженедельные походы в облдрамтеатр и бессмысленные драки. В театр, конечно, ходят с женой, но только не на танцы. Теперь иные заботы у молодого папаши: где купить детское питание, все еще сосок в аптеках нет, а на подходе сын... Мост почему-то был убежден, что следующим родится сын Валька.

Вадим тоже не был в обиде на Костю, теперь он мог любому дать сдачи, даже не используя боксерские приемы — тренер внушал им, что за уличные драки дисквалифицируют спортсменов. Вадим мог теперь легко уклоняться от ударов, не давая себя застать врасплох. Впрочем, вот уже два года он не участвовал ни в одной драке. Сам он никогда не стремился выяснять отношения кулаками, а те, кто мог бы спяну наброситься, почему-то обходили его стороной. Очевидно, было что-то в его фигуре и лице, что заставляло уличных забияк смирять свой хулиганский нрав. Хватало боев и на ринге. Эрнст Ванаг каждую среду заставлял Вадима с кем-нибудь боксировать, по очкам Вадим все чаще побеждал, но вот никого в нокаут не послал, да и сам не лежал на полу, будто издалека слушая счет рефери. От боксеров слышал, что это пренеприятнейшая штука.

Но если уж быть честным перед самим собой, бокс не нравился Вадиму: было в нем что-то звериное, жестокое: накачивать себя злостью, бить и бить по живому телу, стараясь найти уязвимое место... И лишь от скуки, которая свойственна и мыслящим людям в небольших провинциальных городах, не бросал это занятие. Тренер хмурился, наблюдая за ним на ринге, но молчал, потому что Вадим все делал правильно, лишь не было боевого задора, огонька, как выражался Эрнст Ванаг. И вот в предмайски весенний вечер случилось именно то, что заставило Вадима сделать окончательный выбор: или серьезно совершенствоваться в боксе, или поставить на нем крест.

Были объявлены очередные соревнования на первенство Великополя. В городе любили бокс и зал был всегда переполнен. Вадим выступал в полусреднем весе. Весы показали ровно 75 килограммов. При росте 185 сантиметров это было неплохо. Противник ему достался ниже его ростом, но очень подвижный, с бычьей шеей и широким утиным носом. Впервые от его мощных ударов Вадим побывал в легком нокдауне, однако быстро пришел в себя и закончил второй раунд довольно сносно. Ванаг «накачал» его в перерыве, предупредил, что боксер часто открывает лицо, когда идет в атаку, нужно этим воспользоваться, а тут еще противник рассек ему бровь

и как то нехорошо улыбнулся, пробормотав ругательство, когда они вошли в клинч. Он был скользкий и от него дурно пахло. Все это вызвало злость у Вадима, да и проигрывать наглому «колобку» было бы обидно... Короче говоря, за полсекунды до гонга мощным хуком справа Вадим послал «колобка» в нокаут. Тот будто сломался пополам, нелепо замахал коричневыми боксерскими перчатками и грузно осел на пол. Откинувшись назад, гулко ударился затылком. Судья считал, а Вадим, стоя над поверженным противником, чувствовал, как к горлу подступает тошнота. Невыразительные глаза боксера были приоткрыты, но в них была пустота. Рефери поднял его руку, объявил победителем в полуфинале чистым нокаутом. Единственным нокаутом за соревнования. А широколобый боксер все лежал и широкая грудь его медленно вздымалась и опадала, из уголка рта, пузырьясь, стекала струйка крови.

Его поздравляли, говорили, что противник был серьезный, но побледневший Вадим молчал. Когда ему расшнуровали перчатки, он взвесил их в руке и протянул Ванагу:

— Это был мой последний бой,— негромко проговорил он.

— Не дури,— попробовал урезонить Эрнст.— Ты победил чисто. Вышел в финал.

— Он очухался?

— Это бокс, Вадим! — строго сказал Ванаг.— Чего разнюнился? Все боксеры мечтают иметь такой удар, который вдруг прорезался у тебя. Поедешь в Калининград на республиканские соревнования...

— Извини, Эрнст,— сказал Вадим. Мне нужно идти.

— Ты сегодня был лучшим, произнес обычно скупой на похвалы тренер.

— Но я не чувствую радости, уронил Вадим.

Он вышел на еще освещенную закатным солнцем площадь Ленина — Дворец спорта был рядом — и побрел к Чистой, над которой поднимался легкий сиреневый туман. По мосту проносились автомашины, железобетонная громадина гудела, под ней в темной воде мельтешили желтые блики, над окутанными, будто зеленой дымкой парковыми деревьями, с криками кружились грачи. На ночь устраиваются. Вадим присел на низкую скамейку под топодем, на такой же скамейке неподалеку обнималась парочка. Он смотрел надвигающуюся в сторону Крепости воду, здесь течение бурлило, вспенивались гребешки и думал о том, что вот он стал сильным, может любому дать сдачи, но почему не чувствует удовлетворения? А удачный бой оставил горький

осадок в душе? Конечно, хорошо, что он сдержал данное себе слово после драки с Костей Мостом — научиться постоять за себя, но разве это главное в жизни? Как ни странно, но применить свою приобретенную на ринге ловкость и силу ему еще ни разу в повседневной жизни не довелось. Или хулиганье нутром хуже тех, кто может дать им сдачи и не задирается, или просто он. Вадим, стал спокойнее и увереннее от сознания собственной силы? Как бы там ни было, он и не стал бы применять в драке боксерские приемы — это им тренер внушал с первого занятия — разве что в защите, не позволил бы себя ударить и нанести какую-либо травму. Уж в этом-то он был уверен. Реакция у него отличная. Нет, он не жалел, что стал боксером-перворазрядником, Эрнст толковал, что уже в этом году можно стать и мастером спорта, если он победит на республиканских соревнованиях, но сегодня Вадим отчетливо понял, что карьера боксера — это не его удел. Было что-то противоестественное в нанесении жестоких ударов по человеку, который вовсе и не является твоим врагом, а удары по голове? Разве он сам не мучился головными болями после боев? Сотрясение мозга — это не редкость у боксеров.

За драку на улице с гораздо меньшими последствиями для здоровья, могут забрать в милицию и даже осудить, а за нанесение жесточайшей травмы на ринге — громкие аплодисменты и лавровый венок...

Но и добившись самого престижного титула чемпиона мира, боксеры не были счастливы. Один из реальных претендентов на звание чемпиона мира среди тяжеловесов Эдди Мачен после головных травм стал психически ненормальным и выбросился из окна отеля. Запомнилось Вадиму интервью в «Советском спорте» чемпиона Южной Америки чилийца А.Санчеса, который заявил журналистам, что врачи его предупредили, мол, еще пара боев на ринге и он на всю жизнь останется инвалидом, в этом же «Советском спорте» было написано, что на рингах мира зарегистрировано 600 случаев смерти боксеров.

В год, когда Вадим твердо решил бросить бокс, в мире всходила звезда боксера Кассиуса Клея. Эрнст Ванаг говорил, что быстрый, как пантера, негр станет чемпионом мира, а пока среди тяжеловесов чемпионом мира был Сонни Листон. Газеты писали, что в 1964 году состоится матч века: на ринге встретятся Клей и Листон. Но Кассиус Клей был в разряде полутяжеловесов, наверное, ему придется набирать вес, чтобы сразиться с Листоном...

Нет, не страх быть покаленным — советский любительский бокс гуманнее профессионального — подвел Вадима к черте разрыва с боксом, а отвращение к бессмысленной драке. Бокс — это тоже драка, только узаконенная и на потеху зрителям. Не мог Вадим ненавидеть своих противников. Сегодня ему было жалко «колобка»...

Обо всем этом думал Вадим, глядя на мутноватые воды Чистой. Было начало девятого, а они с Раяй договорились встретиться в райпотребсоюзе ровно в девять: Рая опять дежурила. В своих чувствах к ней Вадим не мог разобраться: но скорее всего, это не была любовь. Случалось, что, возвращаясь от нее, он испытывал едва ли не отвращение. Этот черный диван, дешевое вино... Заползала в голову мысль, что нужно прекращать отношения... Но проходило несколько дней и его снова неудержимо тянуло к молодой женщине. Точнее, к ее телу. Разговаривали они в кабинете Петухова мало. Вот и сейчас на берегу Чистой он считает минуты до встречи. Он не сказал Рае, что выступает в соревнованиях, впрочем, она не увлекалась боксом да и никаким другим видом спорта, а хоккеем ее раздражал. Говорила, что люди просто с ума сошли: носятся по льду роботы-хоккеисты, между ними вертятся бурундучок-судья, а зрители обалдевают и вопят на весь мир... Что-то в этом было. Вадим тоже не понимал повального увлечения советскими людьми хоккеем. Рая любила кино и не пропускала ни одного фильма. Даже самый дрянной досматривала до конца, когда зал на глазах пустел. В те годы столько плохих, фальшивых фильмов выходило на экраны, что каждый мало-мальски удачный фильм вызывал в городе всеобщий интерес. Уж в который раз демонстрировали «Летят журавли» и «Сорок первый» с участием И.Извицкой и О.Стриженова. Хорошие фильмы, ничего не скажешь, но нельзя же их по несколько раз смотреть? А Рая смотрела и Вадима таскала с собой в кинотеатры. Заграничные ему нравились больше. Удивлял только подбор: как правило, советским людям показывали пороки и язвы капиталистического строя, забастовки рабочих, нищету и преступность. Эта тенденциозность раздражала, тем более, что сообщалось о великолепных фильмах, завоевавших на всемирных фестивалях награды. Сообщалось, но картины не показывали. Помнится, у них разгорелся спор, права ли была героиня фильма «Сорок первый» застрелившая белогвардейского офицера, которого полюбила? Вадим осуждал ее, а Рая горячо возражала, мол, любовь любовью, а долг перед Родиной прежде всего.

— Во имя чего долг-то? И какой Родины? — спрашивал Вадим. Офицер — Стриженов тоже сражался за Родину. А она во имя нищеты, унижений, которые ожидают всех нас впереди? Вот так скудоумные, необразованные люди, обманутые большевиками, расправлялись с интеллигентами, аристократами, цветом русской нации. Тупо и бессмысленно убивали прекрасных людей во имя какой-то смутной идеи, о которой и сами не имели никакого представления.. Вот скажи мне: что такое социализм и коммунизм?

Рая долго и путано чего-то говорила о потребностях и возможностях, но, видно было, что в этих навязших в зубах советских людей символах не разбиралась. Одни общие фразы из школьных учебников. И так очень многие. Спohватившись, Рая посмотрела на него расширившимися карими глазами и сказала

— Вадик, ты рассуждаешь, как ... как человек, который не любит советскую власть!

— А за что ее любить? — вдруг озлился Вадим.— За то, что она расстреляла моего отца, а мать довела до самоубийства? За то, что вышвырнула меня из Ленинграда, не допустила, чтобы я поступил в университет? За то, что с утра до вечера льется на наши головы из газет, радио-телевидения наглая ложь о самом лучшем, самом гуманном, самом справедливом социалистическом строе в мире? А серость, нищета, убогость искусства и культуры? Усредниловка во всем? Дикая бюрократия, тупое руководство? И это все не у них, а у нас!..

Он вовремя остановился, не так испугавшись своих слов как сообразив, что Рая все равно его не поймет. Ей с детского сада совсем другое внушали, как, впрочем, и всем в СССР.

— Моего дядю тоже расстреляли, после продолжительной паузы произнесла она. Я его очень любила. Он был очень умным, образованным, знал два иностранных языка, а работал в румынском посольстве. Его еще при Сталине вызывали в Москву, якобы для перевода в МИД и арестовали. Лично Берия его прямо из кабинета Молотова увез на Лубянку И с концами.

— И ты отреклась от него?

— Я — нет, а отец — брат дяди — отрекся, как от врага народа. Об этом в газете написали. Но его все равно уволили с хорошей работы. Он заболел и через два года умер.

— Господи! — вырвалось у Вадима.— Наверное, в стране нет такой семьи, где бы не был кто-нибудь арестован или расстрелян. И все равно все молятся на придуманные политическими авантюристами символы со-

циализм, коммунизм, марксизм-ленинизм! Да что же у нас за народ такой! Или его таким сделали? Лучших-то уничтожили...

— Больше молиться некому,— на удивление верно заметила Рая.— Советская власть разрушила церкви, изгнала из храмов служителей Бога...— Она взглянула в глаза Вадиму.— Ты веришь в Бога?

— Я не отрицаю Его,— помолчав, ответил Вадим.— Я уважаю религиозные обряды и вхожу в церковь с каким-то особенным чувством... Тысячу лет люди верят в Бога, а большевики взяли и отменили Его... Разве это не нелепость?

— Они разве не русские?

— Дед показывал мне опубликованные списки руководителей наркоматов. Там русских меньше одного процента я насчитал...

— Людям иной религии Бог не нужен, вздохнула Рая.

— Это ты верно заметила,— согласился он.

— У меня есть бабушкин серебряный нательный крестик, но я его не ношу...

Этот разговор еще больше сблизил их, но когда Вадим стал ей рассказывать о встрече в зимнем бору с прекрасной Аэлитой с золотого корабля, Рая убежденно заявила, что это ему привиделось, вот ей тоже однажды в детстве...

Он не стал даже слушать наивную историю про лесовика, который кругами водил ее, заблудившуюся, по лесу и уж в который раз отругал себя за то, что ставит себя в дурацкое положение, рассказывая про Аэлиту. А, может, и хорошо, что ему не верят? Вот дед его, Григорий Иванович Добромислов сразу поверил. Вадиму запомнилась фраза, произнесенная им: «Чуден свет — дивны люди. Дивны дела твои, Господи!».

Послышался приглушенный смех, парочка уже полужела на крашеной скамье: юбка у девушки была задрана выше колен, белели ляжки и запрокинутое лицо, а парень кочетом насаждал на нее, не стесняясь Вадима. Правда, сумерки уже сгустились и соседний берег едва различался, россыпь белых и красных огней катилась по мосту, грачи устроились на деревьях и карканье прекратилось. Откуда-то пришел мелодичный звон. Вадим слышал, что на Казанском кладбище открыли церковь, наверное, звонарь бьет в колокол, созывая прихожан к всенощной.

Вадим поднялся, бросил уничтожающий взгляд на парочку — было неприятно смотреть на них — и зашагал по заасфальтированной площади к центру. И тут ему

пришла в голову мысль: стоит ли осуждать бесприютную парочку, если он сейчас сам займется любовью с Раей на широком диване в кабинете председателя райпотребсоюза?..

5. Казанское кладбище

Вадим всегда подвозил сотрудников редакции, если ехал без редактора. Румянов тоже не возражал, если кто-либо просил захватить его с собой в город. Редакция находилась в новом районе, где Чистая круто огибала пивзавод, стоявший на берегу. Хотя до центра и было напрямую всего два километра, район, где стояло трехэтажное вытянутое здание редакции, назывался Диким городком, а все, что за пределами его — Городом. Леса не окружали Великополь и грибникам приходилось ездить осенью с корзинками на пригородном поезде. Леса начинались за десять и больше километров от города. Вот полей и лугов было много. Наверное и название города не случайно. И в старину здесь раскинулись на низинах поля. В этих местах происходили исторические битвы за великую Русь.

В середине мая Великополь будто закутался в нежно-зеленую кружевную накидку: все деревья разом выбросили маленькие клейкие листочки. Горьковатый запах витал на улицах. Когда после войны началось восстановление города, жители насажали на улицах и во дворах домов сотни тысяч тополей и лип. И теперь весь город утопал в зелени. Напротив здания театра соорудили огромный фонтан, который бил в небо разноцветными струями — это местный художник-умелец так искусно сумел расцветить воду, а вокруг фонтана разбили цветочный сквер. Особенно красиво было вечером: радужные струи фонтана и яркое разноцветье распустившихся цветов. Зелень прикрывала послевоенные барачного типа стандартные дома с осыпавшейся штукатуркой, огороды и убогие постройки. Некоторые великопольцы чуть ли не в центре выращивали на грядках овощи, держали кур, поросят и даже коров.

Вадим отвез редактора в Дом Советов, где размещался горком партии, райисполком и засхал в редакцию, чтобы взять в библиотеке «Новый мир», где была опубликована повесть А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Он много слышал о ней, да и дед из Пушкиногорья прислал письмо с просьбой привезти ему эту повесть на пару дней. Надо бы к Григорию Ивановичу съездить, но у Вадима такая работа, что и в выходные занят: возит редактора и другое начальство на рыбалку.

Здесь тоже в окрестностях есть редкие леса, озера и турбазы. Чаще всего Вадим возит начальство на закрытую турбазу пивзавода, с директором которого дружат Румянов, секретари горкома, другие важные шишки — члены бюро ГК КПСС. Небольшая двухэтажная турбаза и всего-то в пятнадцати километрах от Великополя, в сосновом бору, на берегу Сенчитского озера, славящегося обилием раков. К приезду гостей директор пивзавода посылал на базу сторожа, который ставил ловушки на раков, топил баню, в общем, все готовил для приезда высоких гостей. Вадим уже убедился, что все подобные базы похожи одна на другую. Оригинальным было на Сенчитской турбазе лишь то, что она принадлежала пивзаводу, а озеро славилось крупными раками, которые на огромных раскрашенных в Жостеве блюдах подавались к свежайшему пиву и «черту», так называлось крепкое снадобье, добавляющееся в цехах в пиво. Бутылка «черта» стоила литра водки и пилаась, как утверждал Румянов, куда легче. Сладость ликера, а крепость спирта.

Взяв заказанный библиотечарше и уже изрядно затрепанный журнал с повестью Солженицына, Вадим сел в «Победу», но не успел тронуться с места, как к нему подошли Владимир Буров — лучший очеркист «Великопольского рабочего», заведующий отделом культуры местный поэт Александр Громов и завпропагандой — Иосиф Сайкин.

— Погодка-то нынче! — сказал Буров. У него на лысеющем лбу — выпуклая шишка с голубиное яйцо. — Не подбросишь нас, Вадик, на Казанское кладбище?

— Чего это вас потянуло туда? — удивился Вадим. Сегодня выдавали зарплату и по чуть порозовевшим лицам была заметно, что журналисты уже отметились в «Красном уголке» — кафе неподалеку от редакции.

— Иногда творческому человеку просто необходимо пообщаться с потусторонним миром, — улыбнулся толстощекий громадный не так в высоту, как в ширину поэт Громов. — Нужно иногда напоминать самому себе, что ты в этом мире всего-навсего гость.

Громов в основном печатал стихи в своей газете, но, подвыпив, любил прихвастнуть, что готовит для печати сборник. Вадиму его стихи не нравились. Обычная предъюбилейная трескотня на злобу дня.

— Кладбище для этого самое подходящее место, — подхватил Буров.

Сайкин помалкивал, настороженно поглядывал на окна редакции, он был грусоватым и угодливым перед начальством. Вадим даже удивился, что он оказался в этой компании Буров и Громов — известные подда-

вальщики, об этом все знали в редакции, но так как непьющих здесь почти не было, они особенно и не выделялись. Если Буров не умел пить, мог поскандальить, попасть в милицию, то Громов, выпивающий в два раза больше, никогда ни в чем предосудительном не был замечен, а Сайкин вообще мало пил, в основном только по необходимости с начальством.

У гастронома Буров попросил остановиться, заскочил туда и вскоре вернулся с раздутым потертым кожаным портфелем, с которым никогда не расставался и, как ни странно, не терял, чего нельзя было сказать про его голову. Владимира часто посылали как спецкора в командировки, и он носил в портфеле мыло, зубную щетку и безопасную бритву. Одеколон долго не залеживался в его портфеле, с перепоя Володя мог им утром запросто опохмелиться, после чего благоухал гвоздикой или резедой на всю редакцию. Человек он был не злой и не завистливый. Впрочем, завидовать и некому было: Буров писал легко и лучше всех. Все ответственные материалы написать поручали ему. В основном он кропал очерки. За два-три часа мог накатать «подвал» на вторую полосу.

Казанское кладбище находилось на берегу Чистой, рядом проходила железная дорога, когда тяжелый товарный состав гремел за кирпичной кладбищенской стеной, металлические кресты и жестяные венки тоненько дребезжали. Старинная, с овальными нишами стена во время войны была во многих местах разрушена, в прорезах просунулись узловатые ветви боярышника. Если в Великополе в центре сохранившиеся довоенные здания были восстановлены, то, кроме Казанской церкви, ни к одному церковному зданию и рука строителя не прикоснулась. Впрочем, это наблюдалось по всей России. Если убили в сознании нескольких поколений Бога, то стоило ли восстанавливать храмы? Но ни один родившийся при советской власти архитектор и близко не приблизился к тому великому мастерству, которым обладали мастера, ставившие по всей Руси Великой церкви и храмы. Научившись безжалостно разрушать все, что создавали лучшие таланты России за столетия, советские зодчие буквально ничего не сделали, что могло бы соперничать с прошлым...

Газетчики расположились у красной стены, которая ближе к железной дороге, здесь давно уже не хоронили, кос-где еще сохранились мраморные плиты и надгробия с дореволюционных времен. Было даже несколько сырых мрачных склепов, спрятавшихся в буйном кустарнике, слышно, как с потолка ближайшей усыпальницы

звучно шлепаются тяжелые капли на цементный пол. Вадим поддался уговорам Бурова — тот ему нравился своим веселым заводным характером, какой-то бесшабашностью — и решил немного посидеть с ними. Владимир помнил множество разных историй, приключившихся с ним в командировках еще в ту пору, когда газета была областной. Он писал очерки на полполосы. А теперь командировки стали короткими, как обрубленный собачий хвост, он употребил именно это выражение. Да и газета превратилась в скомканный носовой платок...

На кладбище не было тихо, гомонили в кустах воробы, на ветвях огромных вязов и берез покаркивали грачи, там у них свиты гнезда, уже едва различимые в густой листве. И с кладбищенской улицы доносился шум машин, крики играющих в лапту ребятишек.

Буров извлек из портфеля две бутылки «Московской», три — сухого венгерского, как он сказал, для «запивки», увесистый кусок колбасы и белый батон. В портфеле у него нашелся складной нож и стопка бумажных стаканчиков.

— Командировочное удостоверение могу забыть, а тару под выпивку — никогда,— рассмеялся он, все это умело раскладывая на могильную плиту, с которой предварительно смахнул мусор и листья. Проступила полустершаяся надпись: «...прапорщик 121-го стрелкового полка Его Величества... Милосердский Георгий Константинович...».

— Не грех на могиле-то? — заметил Вадим.

Низко нагнувшись к плите и поправив очки с толстыми увеличительными стеклами — Буров был близорук и без очков ничего не видел,— он сказал:

— Прапорщик Милосердский может только приветствовать нашу пьянку. Помянем и его, погибшего в восемнадцатом. Сам, небось, был не дурак выпить!

— Не богохульствуй, Володя,— вытерев рот отлепившейся этикеткой от венгерского, проговорил Александр Громов. Казалось бы, при его комплекции голос у него должен быть басистым, густым, а на самом деле был тонким, даже писклявым, особенно это чувствовалось, когда Саша читал свои стихи. При этом он еще, как и все поэты, немного подвывал, растягивая окончания. Глаза у него были маленькие, пороссячи с белыми короткими ресницами, нос толстый с краснотой. Громов мог выпить очень много и внешне не опьянеть. Стихи он начинал читать, как сам признавался, только после выпитого литра. Сайкин пил, морщась, как от зубной боли, но постепенно оживлялся и начинал все чаще

встревать в разговор. Лицо у него длинное, вместо рта — узкая красноватая щель, длинный нос загибался будто к стесаному топором подбородку, а темные глаза большие и выразительнее. Как журналист Иосиф Сайкин был полным нулем, он пришел в редакцию из обкома партии после его ликвидации. Там работал инструктором отдела пропаганды. Кроме передовиц, Сайкин иногда писал длинные скучные статьи на темы коммунистической морали. Все знали, что Володя Буров правит, иногда переписывает их заново, за что завпропагандой угощает его. Причем Сайкин обычно подсовывал очеркисту свои статьи именно в тот момент, когда тот страдал от похмелья и сидел на мели. Он запирали Бурова в своем кабинете — самом крайнем на третьем этаже — а сам шел в гастроном за водкой и пивом. И вручал все это, только получив исправленную статью. Первыми узнали об этом машинистки, которые перепечатывали опусы Сайкина. Уж они-то знали бисерный почерк Бурова. Справедливости ради надо заметить, что услугами Владимира пользовались и другие заведующие отделами. Все они были бывшими партийными чиновниками и в журналистике, как говорится, ни уха ни рыла. Впрочем, это никого не волновало, главное, чтобы в газете не было досадных опечаток и искажений фамилий руководителей города, за это можно было поплатиться и работой, а на то, что газета сухая, скучная, всем наплевать было. Даже фотографии в ней были примитивными, без всякой выдумки. Снят у станка передовик или доярка за дойкой и короткая подпись: такой-то или такая-то за работой. И все дела. Оживляли «Великопольский рабочий» лишь яркие, живые очерки Владимира Бурова, но когда Володя запивал, а случалось, на неделю и больше, он мог только править статьи и передовицы заведующих отделом, очерки в нетрезвом состоянии никогда не писал.

— Колбасу-то нынче во что заворачивают! — распрямил промасленный лист Буров. — «В ответ на телеграмму Ленина», — начал он читать. В заметке сообщалось, что в 1918 году после подавления белогвардейского мятежа в Ижевске оружейник Прокопий Алексеев при поддержке всех рабочих решил послать в Кремль Ильичу миниатюрную копию винтовки, за что впоследствии умелец был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

— Мне один знакомый рассказывал про этот случай в Ижевске, — вспомнил Громов, жуя бутерброд с вареной колбасой. — Там по приказу Ленина расстреляли тысячи офицеров, многие были Георгиевскими кавалерами, не зря ему и винтовочку ижевцы послали в подарок.

— Ильич любил охоту,— вставил Буров, разливая в цветные бумажные стаканчики водку.— И на дичь охотился, и на людей...

— Чего ты несешь? — поморгав покосился на него Сайкин.— Владимир Ильич был великим гуманистом. Почитай его работы...

— Я читал,— усмехнулся Буров.— И сделал вывод, что Ленин был величайшим человеконенавистником. Он любил идеи, а не людей. Иначе не объявил бы красный террор. Знаете, что распевали в Питере во времена НЭПа? «От болезни паралич помер наш отец Ильич! Ланца-дрица ла-ца-ца, нст теперь у нас отца!». Довольно оптимистическая песенка и в ней нст горючей слезы, которую якобы проливали все советские люди...

— А каков Сталин — его «гениальный» продолжатель? — сказал Громов.— Я после этого закрытого письма о культе Сталина, что нам прочли на партсобрании, ходил как оглушенный! Ведь нам всю жизнь внушали, что Сталин — верный ленинец, претворяющий в жизнь бессмертные идеи Ильича.

— Попомните мое слово,— заметил Буров.— Доберутся и до Ленина, на его совести тоже много пролитой людской крови, возьмите хотя бы расстрел царской семьи...

— Нашел кого жалеть! — хмыкнул Сайкин. Крупные глаза его осоловели, безгубый рот кривился в презрительной усмешке.— Кровавого Николашку-Палкина! Туда ему и дорога!

— Царь своих политических противников не расстреливал, а высылал, и условия у них для проживания в ссылках были вполне сносные. Почитай хотя бы письма Ленина к Крупской,— возразил Буров.— А Сталин истреблял всех под корень. Слышали про «особое совещание» и «тройки»? Сколько они миллионов невинных людей отправили на тот свет! Мы все читали про фашистские концлагеря, а оказалось, что у нас их тьма и люди в них мерли как мухи. Об этом рассказывают реабилитированные узники. Я предложил редактору очерк с продолжением об одном таком сталинском узнике, чудом выжившем в этом кромешном аду, так он руками-ногами замахал, мол, такие вещи нельзя публиковать, мало ли что было... Нужно писать про наши выдающиеся успехи, про космонавтов, светлое будущее и радостное при Никитке-кукурузнике настоящее...

— Я не могу такие речи слушать,— зашевелился Сайкин, давая понять, что готов встать и уйти.— Ладно —

Сталин, он действительно с культом переборщил, но уж Ленина-то — святого партийца — не стоило бы трогать, да и Никита Сергеевич разве мало делает для страны...

— После поездки в Америку наградил своего зятя Аджубея и всю его шумную компанию Ленинской премией! — завелся Буров. — Специально придумали такую премию для журналистов, раньше ее не было. Читал я эту книжку «Лицом к лицу». Обычные скучные репортажи — и все. А он — Ленинскую премию! Щедр за государственный счет! А за то, что стучит в ООН ботинком, страна заплатила штраф в миллион долларов...

— Я тоже про это слышал по «Голосу Америки», — вставил Громов.

— Вадим, ты меня не подбросишь? — взглянул на шофера Сайкин.

— Я еще посижу, — отмахнулся тот. Ему нравилось слушать Бурова да и весь этот разговор был необычным: неужели даже самые продажные в мире люди — журналисты, которые, как говорится, ради красного словца готовы продать родного отца, стали задумываться над нашей жуткой жизнью?.. Вот Иосиф Сайкин не хочет задумываться, его все устраивает, если бы раньше произошел подобный разговор, пусть даже на кладбище и в подпитии, все бы мигом загремели в лагерь, да что в лагерь — могли бы и к стенке поставить! Или как там убивают инакомыслящих... Каким бы самодуром не был Хрущев, но при нем хоть стало возможным говорить что думаешь. Правда, он и сам нес такое, что здравомыслящие люди диву давались! И Вадиму вдруг пришла в голову мысль, что вот такие, как Сайкин, и были доносчиками. Вон как у него глаза забежали! Это из-за них сажали и расстреливали честных людей. Выпивши, а ведь ничего лишнего не обронил, наоборот, даже возражал Бурову. А оттопыренные уши на голове редькой аж шевелятся, норовя все услышать и запомнить. Может, в КГБ теперь и не обратится, а вот редактору точно все как есть доложит...

Сайкин снова сделал попытку встать, но тут заговорил Саша Громов. Серые глазки его на широком полном лице заблестели, легкая краснота с носа распространилась на толстые обвислые щеки.

— Я — коммунист, на фронте в сорок втором вступил в партию, а знаете ли вы, что мой дед был расстрелян большевиками в Осташкове в 1922 году за то, что «утаял» на семена два мешка ржи? Кучерявые комиссары в кожанках его кокнули. А дядю моего — он попал в плен к немцам и бежал из концлагеря — сгноили в нашем родном лагере на Колыме. И могилы не найдешь. Дед за

первую мировую войну имел два Георгия, а дядя — три ордена и десяток медалей. Кому нужно было таких людей убивать?

— Я, слава Богу, никогда в партии не был,— вставил Буров, разливая вино.

— За что их расстреляли, мать твою? — визгливо кричал Громов.— С кого за все это изуверство спрашивать?

— Мужики, как вы думаете, кто станет чемпионом мира: Ботвинник или Петросян? — перевел разговор на другое хитрый Сайкин.

— А-а, мне наплевать! Русских в шахматы не пускают...— отмахнулся Буров.— Ты вот говоришь, твоих близких расстреляли, а у меня...

— Спорим, что победит Ботвинник? — не унимался Иосиф Сайкин. — Готов поставить на бутылку коньяка...

Ему все-таки удалось увести разговор в сторону: выпили еще по стаканчику, Владимир стал откупоривать последнюю бутылку с сухим вином, Саша Громов, тонко завывая, начал читать свои стихи. Буров с умным видом слушал, даже очки снял, глаза у него стали сразу маленькими и синими. Вадим незаметно встал и, обходя запущенные, с покосившимися металлическими крестами могилы, направился к выходу. Церковь кое-как восстановили, побелили, выкрасили зеленой краской некогда золоченые купола, на звоннице установили небольшие колокола цвета меди с никелем. Из высоких узких окон пробивался свет свечей и лампад — в церкви шла служба.

Вадим свернул к дубовым дверям — они сохранились в целости, даже с резьбой по краям — и вошел из яркого солнечного дня в пахнущий ладаном волнующий церковный мир с золочеными ликами святых угодников и апостолов. Распятый Христос смотрел на него с белой колонны. Негромкий голос длинноволосого, бородатого батюшки монотонно читал молитву. Спинами к Вадиму стояли десятка два верующих, в основном, старики и старухи. Что-то тревожно-сладостное накатило на Вадима, рука сама собой потянулась, чтобы перекрестить лоб, но он почему-то сдержался. Непривычно было все это, да и толком не знал, правильно ли он сложил пальцы. Григорий Иванович всего раз показал ему, как крестятся.

Чем больше всматривался он в выразительное с печальными огромными глазами лицо Иисуса Христа, тем чище и свободнее становились его мысли, уже куда-то отодвинулись непривычные для слуха слова подвыпивших газетчиков, будто расширился мир, в котором,

кроме жестокости, нищеты, лукавства и политики существовали такие понятия, как совесть, любовь, смерть, вечность...

6. Аэлита

Они лежали на диване, когда дверь в кабинет от могучего удара ногой с грохотом и треском распахнулась, посыпались на пол шурупы от защелки, и на пороге возникла огромная фигура председателя райпотребсоюза Николая Николаевича Петухова. Он был в зеленом кителе с орденскими колодками, такого же цвета галифе и хромовых сапогах. В типичной сталинской форме. Бритая голова его светилась, как матовый шар, от неяркого света настольной лампы под зеленым абажуром, прикрытой Раиной косынкой, лицо его казалось вырезанным из дерева, глаза зловеще блестели. Под стать его росту был и огромный выпирающий живот.

— Я не верил сотрудникам,— загремел он, сделав два шага вперед.— Думал, сплетня... Вот как ты, зассыха, дежуришь в конторе?! На пару с кобелем?! В моем кабинете! На моем диване!

Так еще никто не называл Вадима, он пружинисто вскочил с дивана, подтянул брюки, пуговицы не стал застегивать. Рая, распахнув глазищи, даже не пошевелилась, раздвинутые ноги ее бесстыдно белели. Наконец, будто очнувшись, она запахнула на обнаженной груди кофточку, спустила задранную выше пояса юбку. Белые шелковые трусики предательски висели на валике дивана.

— Вон отсюда, поганец! — метнул на Вадима гневный взгляд Петухов.— Чтобы и духу твоего здесь больше не было! Погоди, молокосос,— спохватился он.— Я где-то видел твою рожу... Ты где работаешь? В нашей системе?

— Вы не кричите, дядя,— спокойно сказал Вадим, он не испытывал никакого страха, во всем этом было что-то даже смешное. Почти анекдот. Правда, никто не смеялся.— Без стука врываться...

— Это мой кабинет! — неожиданно взвизгнул тонким голосом Петухов и сжал свои пухлые, но довольно увесистые кулаки. Он еще кукарекает! Каков нахал, а? — Вопрос он обратил самому себе. Рая суетливо приводила себя в порядок.

— Чуть не вышибли дверь, — продолжал Вадим, быстро всовывая ноги в туфли. Шнурки не стал завязывать. Сломали замок... Раз у нас в стране такие грудности с жильем, приходится устраиваться...

— Я тебе сейчас, жеребец, устроюсь! — окончательно озверел Петухов. Лицо его еще больше побагровело, он всей необъятной тушей надвинулся на Вадима. Глаза — два горящих уголька, рот — черная дыра с золотыми зубами. Взлетел огромный кулак и опустился... на край письменного стола. Вадим и всего-то сделал неуволимое движение головой. Настольная лампа подпрыгнула и свалилась на пол. Тоненько зазвенели осколки и стало темно.

— Вы тут, дядя, все разобьете, — ехидно заметил Вадим, продвигаясь к распахнутой двери, из коридора лился тусклый свет. Он падал на порог и часть ковра. Петухов, горой возвышаясь у стола, с изумлением смотрел на свой разбитый кулак. Кажется, он вскрикнул, когда удар его пришелся по столу. Вадиму ничего не стоило заехать снизу в толстый тройной подбородок этой кабаньей туше, но он посчитал это лишним.

— Я сейчас позвоню в милицию! — взвизгнул Петухов. — Какое право ты имел ночью прийти в мой кабинет! И черт знает чем заниматься тут?!

— Все это старо как мир, дядя...

— Какой я тебе дядя, наглец? — Петухову не отказало чувство юмора. — Нашелся, понимаешь, племянничек!

— Как же вас называть?

— Я спрашиваю, как ты попал сюда?

— Неумный вопрос, дядя, — улыбнулся Вадим.

— Опять, дядя! — взревел Петухов.

— Я его пригласила, Николай Николаевич, — вдруг храбро произнесла Рая. — Это ... мой жених!

— С тобой мы отдельно поговорим, — метнул на нее гневный взгляд председатель.

— Ну, это явное преувеличение, — пробормотал Вадим, даже не сообразив, что тем самым обидел молодую женщину. Он уже был у двери, когда мраморное пресс-папье гулко ударилось рядом в стену.

— Устроили у меня в кабинете бардак! — снова гремел Петухов. — Завтра же уволю с волчьим паспортом! И девчонку твою выпрут из детсада...

Вадим поморщился:

— Дядя, это не благородно... А я-то всегда считал толстых людей добродушными и не злопамятными...

— Свели себе гнездо, понимаешь! Ночные голубки! — Он снова повернул на короткой красной шее голову-шар к Рае. — Паршивая блядюшка, я тебя на пансли подобрал... И за все мое доброе такая грязь...

— Придержи-ка язык, Николаша! — вдруг резко одернула своего шефа секретарша. — Чья бы корова мычала, а твоя — молчала... Он подобрал меня, несчастную!

Ты на коленях ползал предо мной, чтобы я работала у тебя. Если не заткнешься, жене твоей все расскажу... Что глаза вытаращил? Ты же ее боишься, как огня! Она сразу же побежит в райком-горком и твоя песенка спета!

— Ах ты, стерва! — выдавила из себя опешившая туша. — Грозишь мне, твоему благодетелю?

— Думаешь, легко выдерживать на себе такую тушу? — уже кричала Рая. — Кабан проклятый! Всю мою жизнь загубил. Ревнует почище любого мужа...

— Чего ты разоралась при этом-то? — сбавив тон, кивнул в сторону Вадима Петухов.

— Вы прямо Отелло, дядя! — не менее его изумленный вспыхкой обычно мягкой, улыбчивой Раи, произнес Вадим.

— Уходи, Вадим! — со слезой в голосе выкрикнула Рая. — Мы тут с шефом и без тебя разберемся...

— Ну, разбирайтесь, милые бранятся — только тешатся... — закрывая за собой дверь, сказал Вадим. Дорогу в скудно освещенном изнутри учреждении он знал отлично и через минуту уже вдыхал прохладный летний воздух на другой стороне улицы. Вспыхнул свет на втором этаже — наверное, Петухов включил люстру. Сквозь плотные шторы видна была лишь огромная колеблющаяся смутная тень.

«Надо было промолчать, когда она сказала, что я ее жених... — подумал Вадим, почувствовав раскаяние. — Обидится Рая!».

Он вышел на площадь, в Чистой отражалась стершаяся с одного края луна, узкие облака светились каким-то зеленоватым колдовским светом, вссело перемигивались звезды, где-то лениво брехала собака. В Доме Советов светились два окна на третьем этаже. Может, и там дежурная коротает ночь с дружкой?..

Услышав негромкое покашливание и протяжный горестный вздох, Вадим завертел головой: никого не видно, лишь игривый ветер протащил по асфальту пустую пачку из под «Беломорканала», да в невидимый берег плеснула волна, слышно было как завозился и хрипло каркнул в парке грач. Вадим повернулся было, чтобы идти в общежитие, от площади напрямик по переулкам это десять минут ходьбы. Общежитие помещалось в конце улицы Энгельса, из окна был виден колхозный рынок: высокий треугольный навес и ряды длинных дощатых столов со скамейками. Самыми оживленными днями на рынке были суббота и воскресенье, когда на грузовых машинах с брезентовым верхом приезжали бе-

лорусы из Витебска и латыши из Резекне. Они привозили разные аппетитные на вид копчености, самодельные сыры, колбасы, одежду. Торговали прямо с фургонов.

Снова послышался кашель, вслед за ним стон. Вадим, поколебавшись, направился в сторону этих звуков и вскоре увидел на садовой скамейке щуплую свернувшуюся калачиком фигурку. Поначалу из-за спинки он и не увидел лежащего человека в зеленом плаще, под головой у него был вещмешок. Съездившийся человек на скамье точь-в-точь напоминал часто публикуемые в наших журналах и газетах снимки безработных в странах капитала, коротающих ночи в парках. Не хватало только газет, которые подстилали под себя.

Лицо человека было спрятано в воротнике плаща.

— Эй, набрался, приятель? — спросил Вадим и потряс за плечо. — А ну вставай, замерзнешь, как цуцик, к утру!

«Приятель» завозился под натянутым на голову плащом, отбросил его край и россыпь длинных волос засияла золотом в лунном свете, а два огромных глаза, моргая, уставились на него. И только тут он заметил торчащие из-под плаща туфли на высоком каблуке.

— Ты что — милиционер? — хриплым голосом спросила девушка.

— Дружинник, — сказал ошарашенный Вадим. Он не соврал, в кармане у него было удостоверение дружинника, а в тумбочке в общежитии — красная повязка. Правда, дружинником он был не ахти каким: пропускал свои дежурства и не любил патрулировать по городу. Ему не очень нравилось это дело, да и времени не было. Лучше уж книжку почитать, чем с шумными пьяницами возиться.

— Что тебе, жалко скамейки? — голос стал чище, звонче и Вадим окончательно разглядел, что на скамейке скорчилась девчонка лет пятнадцати от роду. Что заставило ее уйти из дома? А, может, приезжая, негде переночевать? Ночи еще были холодными, по радио передавали, что в Псковской области по утрам будут за морозки. Это чтобы огородники грядки чемнибудь на ночь прикрыли.

— Тебя жалко, — сказал Вадим. — Ночь будет холодная, вон кашляешь..

— Может, у меня чахотка и я заразная, — недовольно пробурчала девчонка и спустила тонкие длинные ноги со скамейки. Когда она встала, то оказалась довольно рослой и очень худой. Лицо у нее продолговатое, бледное, маленький, чуть вздернутый нос и по детски припухлые яркие губы. Но самым замечательным на ее ли

це были глаза: огромные, в пол-лица, с длинными черными ресницами. И, конечно, волосы, они рассыпались по узким плечам до самого пояса. Такие волосы заплетают в косу. Он даже представил тяжелую золотую косу на ее узкой спине с выступающими лопатками. Девчонка стояла перед ним в вязаной кофте с чужого плеча, короткой темной юбке, открывающей стройные ноги. При ее худобе колени были аккуратные, круглые, да и ноги не такие уж худые. Талию можно было обхватить ладонями. Странно, что такая в общем-то симпатичная девчонка оказалась одна ночью на берегу Чистой на садовой скамье.

— Тем более тебе нужно в тепло,— сказал Вадим.

— Где это тепло? — сердито блеснула на него глазами девчонка. В них отразились сразу две луны.— На вокзале? Там какие-то пьяные подонки стали приставать ко мне...

— А гостиница?

Девчонка секунду смотрела ему в глаза, потом вздохнула:

— Это мне и в голову не пришло... А где тут гостиница?

— Пойдем провожу, Вадим хотел взять ее вещмешок, но девчонка ловко его сграбастала.

— Я сама,— сказала она.

— Можно подумать, что у тебя там бриллианты,— улыбнулся он.

— Думай, что хочешь,— огрызнулась она.— Бриллианты в мешках не держат.

— А где?

— Слушай, чего тебе надо? — устало произнесла она.

— Мне? Ничего... Я хочу помочь тебе, а ты злишься.

В гостинице были свободные койки, но у девчонки не оказалось паспорта или каких-нибудь других документов, даже свидетельства о рождении. Дежурная и разговаривать не пожелала, указала на дверь, пробурчав:

— Ходюют тут всякие... без документов! Гостиница — это не публичный дом.

— А где у нас в Великополе публичный дом? — невинно поинтересовался Вадим.

— Проваливайте, умники, не то милиционера позову, пригрозила злая баба. Не понравилось, что разбудили

Они снова вышли на улицу. Луна катилась, перескакивая с прозрачного облака на облако, по звездному небу. Она уже давно пересекла Млечный Путь. Камни на булыжной мостовой блестели, мяукали во дворах кош-

ки, иногда зелеными фонариками вспыхивали в темноте их глаза. Точно такой же кошачий глаз провез на «Москвиче» таксист.

— Как звать-то тебя? — после продолжительной паузы спросил Вадим.

Он уже и не рад был, что связался с ней. Вид недовольный, каблуками царапает по асфальту, смотрит вниз. Завтра в восемь должен быть в гараже, но и бросить приезжую девчонку в незнакомом для нее городе было бы непорядочно. Он мучительно ломал голову: куда бы ее пристроить? К Рае из райпотребсоюза? Так у Раи, наверное, все еще продолжается разборка с шефом. Вадим и раньше догадывался, что у нее с ним есть «отношения», но сам ничего не спрашивал, да и Рая на этот счет не распространялась. Впрочем, Вадима как-то все это не задевало, не было желания даже размышлять на эту тему. Ночные свидания в райпотребсоюзе устраивали обоих, зачем же еще что-то осложнять?...

— Аэлита,— вдруг небесным громом отозвалось в нем произнесенное девчонкой дорогое для него имя.

— Что?! — он даже остановился.— Что ты сказала?

— А-э-ли-та,— по складам произнесла она.— Есть такая повесть у Алексея Толстого... Может, в честь главной героини и дали мне это редкое имя. Все зовут меня Линой.

— А меня...

— Мне не интересно,— оборвала Аэлита.— Я тебе благодарна за заботу, но ты можешь идти домой, я как-нибудь сама устроюсь.

— В парке на скамейке? Или на вокзале, где к тебе пристают разные...

— А ты кто? Не разный? — в ее голосе прозвучали насмешливые нотки.

— Откуда хоть ты приехала?

— Туда я больше не вернусь, товарищ дружинник,— твердо произнесла она.— Как говорила моя бабушка: утро вечера мудренее. Завтра я это-нибудь придумаю. Я умею красить, могу телефонисткой или уборщицей. В газетах пишут, что в советской стране нет безработных, а я работы не боюсь.

— Тебе надо школу закончить! — вырвалось у Вадима. После того как она протяжно произнесла «А-э-ли-та-а...», он понял, что так вот просто теперь не оставит незнакомку. В этом имени было нечто вроде знака судьбы! Еще сегодня утром он уж в который раз вспоминал тот зимний день, золотой корабль и глазастую с точно такими же волосами неземную девушку... Сердце его гулко билось, он уже боялся, что девчонка сейчас что-

нибудь резкое скажет ему и уйдет, исчезнет из его жизни навсегда, унеся с собой и тайну своего имени — Аэлита. Ему уже казалось, что она похожа на ту, золотоглазую...

Но она, видно, пропустила его слова мимо ушей. Спотыкаясь на ровном тротуаре — ясно было, что она не привыкла носить туфли на высоком каблуке, — девчонка задумчиво смотрела себе под ноги, белый лоб ее хмурился, на губах застыла презрительная улыбка. И он еще раз поразился, какие у нее длинные ресницы. Большие глаза, длинные ресницы, как у той небесной Аэлиты...

— Ладно, как тебя звать? — будто делая ему одолжение, спросила она. — Вообще-то я могу тебя называть и товарищ дружинник...

— Ну зачем же? — облегченно улыбнулся он. — Я плохой дружинник... — Он назвал свое имя.

— Вадим... — задумчиво повторила она. — У тебя тоже есть свой литературный герой: Лермонтов так назвал свою повесть. Ты читал ее?

— И «Вадима», и «Аэлиту» я еще в школе читал... Ты в восьмом учишься?

— В девятом, — неохотно ответила она. — Давай лучше о школе не будем говорить? Это так скучно...

— Аэлита...

— Зови меня лучше Лина, — оборвала она. — Меня все так зовут.

— Я найду тебе место для ночлега, — сказал Вадим. — Там тепло, мягкий диван и даже есть подушка.

— Я должна буду спать с тобой? — сбоку взглянула на него Лина. В глазах ее лунный блеск, на губах насмешливая улыбка.

— Не говори ерунды! — нахмурился Вадим. Ему даже в голову не могла прийти такая мысль.

Они молча шагали по набережной. Слева от них серебрились воды Чистой, справа — тянулась огромная строительная площадка с замершими башенными кранами, грудями железобетонных балок и контейнерами с кирпичом. Впереди смутно виднелись на высоком берегу новые четырехэтажные жилые здания, железные крыши ртутно блестели, телевизионные антенны ловили своими петлями звезды.

— Куда мы идем? — прикрыв зевок ладошкой, наконец нарушила затянувшееся молчание девушка.

— Уже близко.

В здании редакции не видно было ни одного освещенного окна. Завтра городская газета не выходит и дежурного или, как его называют свежей головы, в здании

нет. Ключи от парадной всегда прятали под кирпич у фундамента. Сколько Вадим не шарил рукой, его на месте не оказалось. Выругавшись про себя, он нашел на первом этаже неплотно прикрытую форточку, вскарабкавшись на железный карниз, оттянул изнутри шпингалеты — до нижнего он не дотянулся и его пришлось выломать — и распахнул окно. Девчонка с любопытством наблюдала за ним.

— И я должна туда залезть? — спросила она.

— Давай подсажу?

— Это банк? А мы грабители?

— Что-то в этом роде... — пробормотал он.

— Тогда лезь первым...

Стоя на подоконнике, он протянул ей руку. Поколебавшись, она уцепилась за нее и легко перебралась в комнату. Это был отдел писем. Свет Вадим не стал включать, в кабинете было не так уж темно — лунный свет заливал столы с папками, шкафы у стен, высветил неширокую полосу к двери. Ощупью, держа девчонку за руку, он провел ее по темным коридорам на третий этаж. Здесь включил свет. С доски, где на гвоздиках висели ключи от кабинетов с бирками, взял один и повел Лину в конец коридора, там находился кабинет завпропагандой Иосифа Сайкина: Вадим знал, что тот в отпуске. В кабинете сидел он один, потому что иметь литсотрудника Сайкину было не положено по штатному расписанию.

Окна кабинета выходили во двор, и Вадим включил свет. Из секретариата он принес одеяло и подушку с довольно свежей наволочкой. Постельные принадлежности лежали в нижнем отделении книжного шкафа. Простыню он не взял, она показала ему грязноватой. «Свежая голова», вычитав и подписав последнюю полосу, мог до утра отдохнуть на диване. Диваны во всех кабинетах были одинаковые: широкие с валиками и обитые коричневым дерматином. Устроив постель, Вадим выпрямился и посмотрел на девчонку. Она стояла у фрамуги двери и хлопала слипающимися глазами. Лицо ее осунулось и стало некрасивым: обозначились голубоватые скулы, под глазами круги, нижняя губа стала треугольной, как у обиженного ребенка.

— Утром никому не открывай, — предупредил он. Впрочем, я тебя на ключ запру...

— Это еще зачем?

— Ты не бойся, тот, кто тут сидит, сейчас в отпуске... Я приду к девяти и выпущу тебя.

— А где тут...

Вадим рассказал ей, как пройти в туалет и пока она постукивала острыми каблуками в узком длинном коридоре, размышлял о том, как бы утром уборщица тетя Лиза не приперлась сюда — у нее ключи от всех кабинетов, но успокоил себя тем, что она уже здесь навела порядок, а раз человек в отпуске, какой смысл каждый день убирать? Пожалуй, нужно будет поставить будильник на семь часов, сотрудники редакции приходят на работу и девяти, а ему нужно успеть в гараж и приехать поскорее сюда. За редактором он ездил к половине десятого. Румянов раньше десяти никогда не появлялся на работе. До прихода людей нужно будет выдворить девчонку отсюда...

— Есть хочется... — вздохнула Лина. — Нет у тебя кусочка хлеба?

— Потерпи до утра... Впрочем, подожди! — Он выскочил из кабинета, почти бегом прибежал в приемную, где обычно сидела секретарша Вилена, открыл шкаф с принадлежностями для кофе и чая. На одной из полок в серебристой обертке обнаружил сыр и кусок твердокопченной колбасы, а также начатую пачку сухого печенья. Прихватил и несколько кусочков пиленого сахара.

— Вадим, — обзрев все это богатство, разложенное на письменном столе, задушевно произнесла Лина, — почему ты так добр ко мне?

— Наверное, потому, что тебя зовут Аэлита, — признался он.

— Тут какая-то тайна, — проявила завидную проникновенность девчонка. — Ты мне расскажешь?

— Как-нибудь потом...

— Ты думаешь, у нас будет «потом»? — печально посмотрела она ему в глаза. — Утром придут чужие люди и выставят меня отсюда... А то и в милицию сдадут.

— Давай поешь и ложись спать. Сюда никто утром не придет, кроме меня.

— Ты вправду уйдешь? — глаза ее оживились, но какого они цвета он не мог в потемках определить.

— Так же, через окно, — улыбнулся он.

Она вдруг сделала несколько быстрых шагов к нему, обхватила за шею тонкими смуглыми руками и чмокнула в губы. Поцелуй был звонкий, родственный. Сейчас она снова была красивой, с распушившимися на плечах золотистыми волосами и широко распахнутыми глазами. Только сейчас он разглядел, какого они цвета — изумрудно-серые. А у той Аэлиты с золотого корабля были янтарные. И вместе с тем что-то было общее у небесной Аэлиты и у земной Лины.

— Ты — хороший человек, Вадим, — сказала Аэлита, отстраняясь от него. — Я это чувствую. Сразу поняла, что ты не такой...

— Какой?

— Ну, те, что пристают и говорят гадости... А ты другой. Тебе ничего от меня не нужно. Добрый сама...

— Самаритянин, — улыбнулся он.

— Это такие люди, которые просто так помогают другим людям... Я где-то прочитала.

— Самаритяне жили во времена Иисуса Христа в Палестине в городе Самария...

— Ты как наш учитель истории, — сказала она. — А я еще так мало всего знаю... Только не говори, как мой отчим, мол, будешь много знать, скоро состаришься... И еще — у тебя все впереди.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать... Но я уже научилась отличать хороших людей от негодяев... — Она опустила глаза, взмахнув черными ресницами, а когда снова подняла их на Вадима, блеск в них погас, кажется, она даже стали меньше. — Может, мне не везло, но я больше встречала плохих людей, чем хороших.

— Ты не обижайся, Лина, что я тебя закрою на ключ, — сказал он уже на пороге.

— Я не уйду, Вадим, — сказала она. — И знаешь что? Если хочешь, называй меня Аэлитой.

Он вышел и осторожно с той стороны два раза повернул ключ в замке. Широко шагая по песчаной набережной, он улыбался. Пережитое когда-то в детстве чудо, кажется, снова вернулось к нему...

7. На «рыдване» по улице Урицкого

Вадим предупредил секретаршу из приемной Вилену, что он будет в библиотеке, там недавно установили телевизор с небольшим экраном. Ему хотелось посмотреть европейский чемпионат по боксу, проходивший в Москве, но показывали опять Хрущева, присмы, награждения. И днем, и вечером. В Москву приехал кубинский лидер Фидель Кастро и ему хотелось посмотреть на него: шло в Кремле подписание совместного советско-кубинского заявления. Улыбающийся Хрущев в очках с золотыми звездами Героя и чернобородый в военной форме кубинец сидели за антикварным с золотом столом, а члены правительства истукаками в ряд стояли за их спинами. Вот только зачем — непонятно. Наверное, специально для оператора улыбались, лишь лунолицый Шверник был мрачен и смотрел ку-

да-то в сторону. По-видимому, чувствовал, что скоро его шуганут из Политбюро. Зато Брежнев, Косыгин, Суслов, Пономарев угодливо улыбались, посверкивал очками в блестящей оправе Андропов. Что-то у него было от Лаврентия Бери, пожалуй, такой же самодовольно-самоуверенный вид и некая многозначительность. Затем показали шикарный прием в Георгиевском зале: маленький толстый Никита прикреплял к френчу высокого Кастро звезду Героя. Он смог дотянуться только до пупа. Тут же подскочил Суслов — он был повыше — и помог. Хрущев пек Героев, как блины. Рядом расплылся в широченной улыбке Брежнев, его черные и густые, как сапожные щетки, брови были подняты вверх. Он-то знал, что дни Никиты как лидера сочтены. Сам вместе с Сусловым и другими приятелями копал яму «кукурузнику»...

Не так давно весь мир с ужасом наблюдал за событиями в Карибском море, когда наши ракеты тайно установили на Кубе, под носом у янки. Все думали, что вот-вот начнется третья мировая война, в Великополе люди скупали крупу, мыло, сахар, спички, Буров опубликовал в газете фельетон «Мыльная паника». Но Хрущев и Кеннеди на радость всем народам уладили этот опасный конфликт: американцы пообещали не нападать на революционную Кубу, по нашему методу и за нашу валюту строящую социализм, а Хрущев распорядился увезти наши ракеты с острова Свободы. И вот теперь советский руководитель вешает на широкую грудь кубинца высшую награду СССР! За что, спрашивается? Впрочем, Никита Сергеевич был щедр на высокие награды иностранцам, даже не бывшим в нашей стране: награждал кого попало, конечно, и себя не забывал.

На экране появился улыбающийся новый чемпион мира Тигран Петросян с лавровым венком на шес и широкой лентой с золотыми письменами. Казалось, эта тяжесть непосильна щуплому гроссмейстеру. Вадим вспомнил, что Иосиф Сайкин готов был поспорить на бутылку коньяка, что победит Ботвинник, а вот чемпион мира стал Петросян.

Наконец, показали чемпионат. В нем участвовал Борис Лагутин, Дан Позняк, Олег Григорьев, Андрей Абрамов и самый любимый боксер Вадима — Валерий Попенченко. Почти все бои с его участием заканчивались через несколько секунд — стремительный боксер налетал на противника как смерч и выстоять против него три раунда никто не мог. Одно удовольствие было смотреть на бой с участием Попенченко. Он укладывал боксеров, как рельсоукладчик — шпалы на полотно. Хотя

Вадим и разочаровался в боксе, он не пропускал ни одного чемпионата. Конечно, Попенченко молодец, боксер редкого таланта, но каково его противникам, сотрясающимся от мощных ударов по туловищу и в голову?..

— Вадим, редактор через пять минут выйдет,— просунула голову в дверь библиотеки Вилена — невысокая белокурая девушка с пустоватыми круглыми глазами и будто приклеенной улыбкой на полных губах. Зубы у нее были мелкие и с чернотой. Секретарша редактора была замужем за милиционером, который иногда приезжал на мотоцикле с коляской встречать ее после работы. Вилена ко всем относилась хорошо и даже иногда выручала попавших в милицию сотрудников. Если они попадали в отделение, где ее муж, лейтенант, работал участковым. Поговаривали, что он изменяет своей не очень-то казистой жене. Выручала Вилена не раз и Вадима. Конечно, не из милиции, случалось, редактор не мог найти своего шофера и тогда секретарша что-нибудь придумывала, чтобы защитить от его гнева: Румянов не любил ждать машину, он считал, что шофер обязан быть под рукой всю смену. Сидит он в редакции или находится в учреждении. Но Вадиму надоело торчать у какого-нибудь административного здания часами, даже книга не спасала и он тогда отправлялся по своим делам: в книжный или спортивный магазин, за продуктами, одеждой. Часто просили его подвезти, он это делал, когда было по пути, а специально не халтурил.

— В горком,— сказал редактор, усаживаясь рядом. Он был чисто выбрит, пахло хорошим одеколоном, черные усики подровнены. Румянов носил модные костюмы с галстуками, на ногах — остроносые желтые полуботинки. На вид пижонистый, но никаких романов не заводит. Правда, у него жена красивая и двое детей. Семья его редко пользуется служебной машиной, разве что-то срочное, например, встреча иногородних гостей на вокзале или кто-то заболел и нужно отвезти в поликлинику.— Первый отругал меня, мол, публикуем мало фельетонов и вообще критических материалов... А мне Шапкин запретил! Помнишь, я тебе рассказывал, что он рекомендовал мне побольше публиковать материалов про кукурузу и про передовиков села и производства... Вот я Первому сейчас и врежу: дескать, как же это у вас получается, что правая рука не знает, что творит левая? То печатайте лишь положительные материалы, то подавай вам фельетоны! Да у меня сотрудники разучились их писать. Сплошной розовый сироп и этот... елей.

— А Буров? — напомнил Вадим.

— Володька? Так он — очеркист. Ну, может, пару раз и опубликовал фельетоны, так это не его дело... Фельетонист должен быть ехидным, видеть там недостатки, где другой пройдет и ничего не заметит. Одним словом, тут нужен особый талант. А у Бурова талант писать художественные очерки, да и злости в нем мало, понимаешь...

— Может, мне попробовать? — пошутил Вадим. — Недостатки я вижу, а злости на нашу серую жизнь у меня тоже хватает... Все начальники перешли на «Волги», а я все кручу баранку этой развалюхи! Чего не потребуете у Первого «Волгу»?

— Хорошо, что напомнил, — наморщил лоб Румянов. — Он получил новую, черную, а старую хорошо бы нам...

— Их старая для нас новая, — вставил Вадим. Хозяева города часто меняли машины, так что они не успевали изнашиваться, да и потом, уход за ними был дай Бог! В теплом гараже, каждый день профилактический осмотр, чуть что — заменяют детали. И «Победа» до сих пор исправно бежит, потому что получена от горкома КПСС. В начале своей деятельности Хрущов замахнулся было отобрать у руководителей персональные машины, но это мало коснулось партийных работников в глубинке. Каждый секретарь горкома и райкома имел «Волгу» и «газик», имели машины и другие секретари. Постепенно ездившие на такси и оплачивающие свои поездки государственными талонами маленькие начальники снова заимели всякими правдами и неправдами персональные автомобили. Некоторые разъезжали на грузовиках и даже на автобусах.

— Не боги горшки обжигают, — задумчиво произнес Петр Семенович. — А почему бы тебе и впрямь не попробовать? Пушкин в пять лет уже стихи сочинял, как это ... «Сашкино пузо просит арбуза!» — Он рассмеялся. — Даже не в пять, а в три года сочинил.

— Про кого у нас фельетоны-то пишут? — заговорил Вадим, сворачивая с улицы Советской на улицу Урицкого. Солнечный луч ударил в стекло, ослепив. Вадим опустил защитный козырек. — Про «стрелочников»! А высокое начальство не задевают. Не помню, чтобы раз критиковали Первого или председателя горсовета, не касаются и их свиту...

— Свиты? — покосился на него Румянов. — Свиты были у царей да бояр.

— А у Хруща? Он без свиты ни шагу!

— Такую страну тянуть, шутка ли?

— А, может, разваливать? — хмыкнул Вадим, но редактор сделал вид, что не расслышал.

— Сшибал бы хоть информашки,— вздохнул он и пригладил толстыми короткими пальцами свои холёные усики.— Саша Громов ставил бы их на первую полосу, или научился фотографировать... Нашему сапожнику Назарову только бы покойников снимать. Статичные мертвые снимки, смотреть противно.

Румянов попал в самую точку: редакционный штатный фотокорреспондент Витя Назаров действительно подхалтуривал на свадьбах и похоронах. И хотя он таскал на не возрасту пухлом животе два фотоаппарата, снимки в газету делал бездарные. Некоторые литсотрудники отказывались брать его с собой, когда делали какой-нибудь материал, считали, что его снимки только испортят его, и сами снимали, отдавая пленку в редакционную фотолабораторию, то есть опять же Вите. А он нарочно то перепроявит негатив, то недопроявит. Вредный был паренек и очень трясся за свое престижное место. У него образование-то было всего пять классов. Добряк Румянов год назад привез его из деревни, где жили его дальние родственники. Они нагрузили Петра Семеновича самогонкой, окороком, солеными грибами и в придачу уговорили взять троюродного племянника Витю, мол, он умеет хорошо фотографировать и все в деревне очень довольны его работой. А в редакции как раз не было штатного фоторепортера, молодого Кима Кузина — хорошего фотографа — забрали в армию на три года. Два раза редактор добивался для него отсрочки, но тут военком проявил характер и Кима забрали. Если бы в газете помещали снимки похорон, усопших граждан, то Вите цены бы не было, как он сам утверждал, причем на полном серьезе, что у него покойники получаются как живые... На что Володя Буров справедливо заметил: «Зато живые люди у тебя получаются, как покойники...».

— Вы не знаете, кто такой Урицкий? — спросил Вадим.— Нет такого города, где бы его именем не была названа улица, в Ленинграде, у нас, в Пореческом районе есть село Урицкое, колхоз имени Урицкого и даже озеро — Урицкое!

— Урицкий? — наморщил лоб редактор и погладил пальцами усы.— Какой-то революционер, что ли? С Лениным был...

— А мой дед сказал, что Урицкий — это палач, развязавший в Петрограде красный террор и истребивший многие тысячи лучших представителей русской интеллигенции... Его убили питерские рабочие. За что же этому злодею такая честь?

— И тебя это очень волнует? — усмехнулся Петр Семенович.— Мне бы твои заботы!

— Рано или поздно, а придется нашим городам и селам возвращать их исконные старинные названия,— заметил Вадим и проскочил на желтый свет недавно установленного светофора.

— Сильно тебя обидели, Вадим,— пронизательно заметил Румянов.— И не одного тебя...

— Вас-то вряд ли...

— Только, пожалуйста, не причисляй меня к тем негодьям, кто обижал других...

— Вы надолго, Петр Семенович? — спросил Вадим, останавливаясь перед зданием Дома Советов.

Петр Семенович пристально посмотрел на него:

— Что у тебя за такие дела появились, Вадим? Раньше сидел как пень в машине и книжки читал, а теперь все время поровишь куда-то смыться. Уж не подхалтуриваешь ли?

— Лето, душно в машине сидеть...

— А, может, влюбился, орел? Свою девчонку катаешь на редакторской машине?

— На этом рыдване? — покосился на него Вадим.

— Рыдван...— повторил редактор.— Слово-то какое выкопал! Через час чтобы был на месте. Ладно, возьму сегодня Первого за горло: пусть дает «Волгу», скажу, мой шофер отказывается ездить... на рыдване! — засмеялся и, прижимая кожаную папку с монограммой — подарок сотрудников редакции к сорокалетию — солидно стал подниматься по широким ступеням к проходной, где за копторкой дежурил милиционер.

А Вадим, круто развернувшись, покатил вниз по улице Ленина, свернул на Гагарина, затем сразу за мостом через Грязную в тупиковый переулок без названия, где находился рядом с баней небольшой одноэтажный дом детского сада Трикотажной фабрики «Буратино». Там нянчилась с малышами Аэлита Москвина, устроившаяся туда с помощью Вадима. Правда, ему пришлось за нее поручиться, потому что у девушки не было никаких документов, наврали, что их у нее вместе с деньгами украл в поезде. Дальше в лес, больше дров: он сказал, что Липа его двоюродная сестра, приехавшая из Ленинграда, ей шестнадцать лет, отец ушел из дома, когда девочке было пять лет, а мать недавно умерла от рака... Вадим знал заведующую детсадом Елизавету Дмитриевну Прокопенко, она была родной сестрой Владимира Бурова. С ним Вадим сразу и поделился своими новыми заботами. Без лишних слов очеркист позвонил сестре и попросил устроить Липу. Ну, а историю с пропажей документов и все прочее они с девушкой сочинили по дороге в детсад. Ее оформили по договору, но документы пужно

было как можно поскорее представить. Удобно и то, что детский сад был круглосуточный, и Лине выделили рядом с кухней маленькую комнату, где отдыхали дежурные. Вадиму доставляли удовольствия все эти заботы. Лишенный близких людей, он вдруг открыл в себе желание помочь таким же неприкаянным, как и он сам. И потом, Аэлита ему правила: с ней было интересно разговаривать, наблюдать за игрой ее необыкновенных глаз. Они постоянно меняли свой цвет. И в его все усиливающейся привязанности к девушке не было ничего вульгарного. Пока он воспринимал ее как младшего приятеля, которого нужно опекать.

И теперь, пользуясь свободным временем, Вадим навещал ее даже в рабочее время. В его одинокой жизни — после скандала в райпотребсоюзе он с Расей еще не виделся — появился человек, судьба которого в каком-то смысле походила на его собственную. Он считал встречу с земной Аэлитой продолжением чуда.

8. История одной красивой девчонки

Первый раз Лина заметила, что отчим проявляет к ней нездоровый интерес полгода назад: вернувшись из школы в субботу, она как обычно приготовила себе ванну, в крышку от флакона накапала душистого зеленого будузана и подставила под струю теплой воды. Приятный запах разлился в маленьком помещении. Когда ванна наполнилась, а белая пена вздымалась наподобие сугроба, она неторопливо разделась. Последними стянула с длинных ног белые шелковые трусики, встряхнула и, не удержавшись, понюхала. Потом встала перед запотевшим зеркалом над раковиной, трусиками протерла его и изучающе осмотрела себя: видны были острая твердая грудь с маленькими красными сосками, впалый живот с аккуратным пупком, приподнявшись на цыпочках, увидела в зеркале черный треугольник из коротких курчавых волос. Еще год назад волос было мало и они были светлыми. Потрогав грудь, она вздохнула: для ее стати грудь была маловата. У многих девчонок в седьмом-восьмом классе грудь гораздо больше. Смотреть ей на себя пришлось, это уже вошло в привычку. Конечно, заметных перемен в себе она не наблюдала, но все же грудь заметно прибавлялась, это было ощутимо даже на ощупь. Лина знала, что мужчинам нравятся девушки полногрудые, статные, с выпуклыми бедрами и ягодицами, а она себя считала хотя и красивой — одни огромные зеленые глаза или золотистые волосы чего стоят! — но слишком

длинной дылдой с тонкими руками и ногами. И зад маловат... Вспомнив про зад, она повернулась вокруг своей оси насколько хватило сил и огладила ладонью ослепительные выпуклые ягодички, будто провела ладонью по атласной подкладке. Вроде и задница округляется...

Осмотром она осталась довольна: мальчишеская угловатость, костлявость исчезают, вопиющие у нее прямые стройные ноги с круглыми гладкими коленками, а у некоторых девочек коленки пупырчатые, неровные, как сжатый кулак. Она вспомнила как отчим зимой, когда вертелась в комнате перед высоким до потолка старинным зеркалом насмешливо заметил: «Чего вертишь задницей, она у тебя пока как кроличья мордочка...» — и противно засмеялся...

Будто что-то толкнуло Лину в лопатку, она вскинула вверх глаза и встретила взглядом с отчимом, который смотрел на нее из кухни в небольшое окошко над самым потолком. Что-то загрохотало, наверное, табуретка упала со стола, и лицо отчима исчезло. Девочка столбом стояла у зеркала и думала о том, как она выйдет отсюда и увидит отчима?.. Она готова была провалиться сквозь пол, глазам стало горячо, желание залезть в горячую ванну пропало. Скорее бы пришла мать, она отправилась в гастроном за водкой и пивом. В субботу и воскресенье родители не садились за стол без выпивки. Нельзя сказать, чтобы они сильно напивались, но Лине надоело слушать их разговоры о своих сослуживцах, начальниках, про машину, на которую давно уже собирали деньги. На всем сэкономили, Лина ходила в школу в капроновой куртке, из рукавов которой далеко высывались ее тонкие руки. Куртка была куплена два года назад. Неужели не понимают, что она выросла из нее, стыдно в такой ходить? У девочек модные пальто, финские куртки, а у нее советский ширпотреб на вырост. Рукава блестящие, на груди, как медаль, ничем не выводящееся жирное пятно, даже не знает, где его посадила. Скорее всего в трамвае, там работяги в грязной одежде любят прижиматься к девочкам, сколько раз она в тесноте пробиралась к выходу, пытаясь на них. А какие масляные глаза у некоторых, руками так и поровят дотронутся до груди или задницы. Один молодой хлыщ терся за ее спиной, сопел, двигал ногами, а ей было в давке не отодвинуться, не обернуться. И другие девочки говорили, что к ним в общественном транспорте в часы пик прижимаются разные пахалы.

Из ванной Лина вышла после того, как пришла мать. Ее позвали обедать, но она ушла в свою комнату и стала феном сушить свои длинные густые волосы, раздумы-

вая: сказать матери про подглядывание отчима или нет? Решила ничего не говорить, потому что мать всегда принимала в ссорах, — а Лина часто ссорилась с отчимом — его сторону. Мать была на шесть лет старше своего второго мужа и готова была для него на все. Он и на нее покрикивал, но она с виноватым видом молчала. Родной отец бросил их, когда Лине было пять лет, с тех пор она его ни разу не видела, но алименты присылал аккуратно. Отец вскоре женился на другой женщине, ее Лина не видела, да и видеть не хотела. Как всегда бывает в распавшихся семьях, она вместе с матерью во всем обвиняла отца, которого мало и помнила. Огромный кудрявый великан с большими серыми глазами — таким он иногда вспоминался ей. И еще его руки, большие, но нежные... Мать, выйдя через два года замуж за Михаила Михайловича Спиридонова, вырвала из альбома почти все фотографии первого мужа, осталось лишь несколько, где они сняты вместе. Мать их спрятала в роман Крони-на «Звезды смотрят вниз».

Спиридонов был среднего роста с залысинами на широком лбу, толстыми чувственными губами, с короткой черной бородкой и усами почему-то каштанового цвета. Руки у него короткие с пальцами-сардельками, а подушечки больших пальцев были плоскими и круглыми. Он в шутку говорил, что мог бы ставить ими на бумагах печати... Эти «печати» особенно раздражали Лину, она старалась за столом не смотреть, как он ест. Родной отец, уйдя из дома, оставил им в старом доме на Литейном отдельную двухкомнатную квартиру, а сам уехал в Киев. Его вторая жена была родом оттуда. Надо полагать, что отдельная квартира в Ленинграде в глазах Спиридонова имела немаловажное значение для женитьбы, так, по крайней мере, повзрослев, думала Лина. Мать Валентина Владимировна в свои сорок четыре года выглядела, несмотря на косметику, на все пятьдесят: у водянистых глаз — сетки тонких морщинок, на щеке у носа крупная бородавка с длинной волосиной, подкрашенные хной волосы с краснотой, фигура — расплывшаяся, с мощными бедрами и толстыми ногами. Симпатичными были у нее губы: полные, розовые. Мать всегда подчеркивала, что Лина полностью уродилась в отца... При всей ее ненависти к нему, не отрицала, что он был красивым и женщины вешались ему на шею. Москвина считала, что ей повезло со вторым замужеством, а может, просто понимала, что это ее последний шанс и угождала мужу во всем. Она работала заведующей отделом в галантерее на Литейном, от работы до дома ей пять минут хода. Спиридонов был шофером

«скорой помощи», сутки отдежурит с бригадой — двое отдыхает. «Отдыхал» он с дружками в пивных барах, хорошо еще, что дружков в дом не приводил.

Если поначалу Лина полностью разделяла нелестное мнение матери о своем первом муже, то уже в седьмом классе стала все больше задумываться, что, возможно, отец был прав, что ушел от нее: хотя характер у матери и был покладистым, она была неумна, сентиментальна, любила посюсюкать, например, своего Мишеньку называла не иначе, как «мой пампушечка», «мой гладкий котик», «папулечка». Лину коробило от этих прозвищ, а Спиридонов, благодушно улыбаясь и не стесняясь падчерицы, похлопывал мать по огромному заду, называя ее: «мой комодик». Он тоже был второй раз женат, имел двоих детей. Родом он из Сланцев, вернувшись из армии, женился на ленинградке, прописался в коммунальной квартире, но так и не дождавшись в длиннющей очереди отдельной квартиры, разошелся с первой женой. Какая была причина, Лина не знала, родители на эти темы предпочитали, по крайней мере, при ней, не разговаривать. Может, отчим и навещал своих детей, к ним же они ни разу не приходили.

В доме не было книг, в пятницу они ходили в кино на Невский или в «Спартак» на Петра Лаврова, а в субботу и воскресенье смотрели дома телевизор, попивая бутылочное пиво с вяленой рыбой. Водку мать наливала отчиму и себе только перед обедом и ужином. Бутылки, иногда двух, им хватало на выходные. В субботу мать пропускала рюмки, а в воскресенье отчим — ему ведь в понедельник на работу.

После того случая в ванной, Лина замазала белой краской квадратное окошко и стала мыться в отсутствие отчима, перестала и звать мать потереть мочалкой спину. Валентина Владимировна, правда, выполняя эту операцию, говорила ей приятные слова: «Ишь, какая у меня растет гладкая телочка, уже и грудка яблочками торчит, и попка аппетитная, только не отращивай такой холодильник, как у меня, хотя мужикам толстые задницы и нравятся, тяжело ее таскать... Да ты у меня уродилась в своего противного папку: высокая, стройная, глазастая да и волосами он тебя наградил золотыми... Эх, Венька, подлая твоя душа, но был красавец, ничего не скажешь! Бабы за ним бегали, и патерпелась же я от него... И шейка-то у тебя лебединая и плечи узкие, не то что у нынешних дылд задница с кулачок, а плечи, как у грузчика...».

Родного отца звали Вениамином Константиновичем Москвиным — мать оставила фамилию бывшего мужа

— коренной ленинградец, он был инженером-строителем и преподавал в строительном институте, там и сошелся с выпускницей инженерного факультета из Киева. Мать скупно как-то оборонила, что студенточка-хохлушка околдовала Веньку, если он не только семью, но и Ленинград бросил ради нее. И мстительно прибавила, что она тоже ему ветвистые рога не раз наставляла...

Отчим все больше позволял себе по отношению к падчерице вольности: то по заду шлепнет, будто в шутку, то в прихожей грудь пощупает, пробормотав: «Яблочки-то наливаются...». Особенно прилипчив был, когда вышивши, не стеснялся и при матери говорить ей двусмысленности, да и матерные словечки проскальзывали, когда Лина резко одернула, он, улыбаясь, заметил:

— Ишь, взбрыкивает! Настроения нет, Липочка? Небось, течешь, двустволка?

— Что? — она даже не поняла, о чем он, а когда дошло, то слезы навернулись на глаза. Она вскочила из-за стола — это было на кухне за ужином — и убежала в свою комнату.

— Чего ты выкобениваешься? — вдогонку совершенно спокойно обронила мать. — Дело житейское...

А в субботу днем перед самыми летними каникулами вот что произошло: сдав на пятерку последний экзамен по географии за восьмой класс, радостная и возбужденная Лина пришла домой и с порога громко сообщила, что она девятиклассница и почти отличница. У нее была лишь одна четверка за сочинение: «Спасибо родной партии за наше счастливое детство».

— Это надо отметить! — переглянувшись с матерью, заявил Спиридонов. Как-то так уж получилось, что Лина с детства не называла его отцом, сначала дядей, а потом Спиридоновым. Мать заставляла ее звать его папой, но девочка заупрямилась и от нее отвязались. Позже Лина стала называть его по имени-отчеству. Быстро накрыли стол: на тарелке осетрина горячего копчения, котлеты с картошкой, ветчина с горошком. Отчим выставил бутылку водки и красного портвейна. Суетливо стал наливать Лине в стакан. Он и раньше угощал ее пивом, но вином — впервые.

— Чего там, — растягивая толстые красные губы в улыбке, сказал он, — ты уже, деваха, считай, взрослая, можно и винца тяпнуть!

— Пей, доченька, — поддакнула и мать. — Винцо-то сладенькое...

Раз или два Лина на днях рождения подруг пробовала шампанское и красное вино, правда, не стаканами пила, а маленькими рюмками. А тут, видно, очень уж перевоз-

будилась, шутка ли — экзамены свалить почти на пятерки! — и выпила стакан почти до конца. Последние глотки доставались ей с трудом, но улыбающийся отчим монотонно бубнил: «пей до дна, пей до дна, пей до дна...». В голову сильно ударило, поначалу стало легко и весело, потом на нее напал истерический смех, почти до слез хохотала на любую плоскую шутку Спиридонова, ей еще раз или два налили, мать пододвинула блюдо с осетриной:

— Закуси, доченька, твоя любимая белая рыбка и стоит охо-хо — в копеечку!

Мать, даже не убрав со стола, куда-то ушла, она что-то сказала, но Лина не запомнила. Маслянистые глазки отчима — они все еще сидели за столом — и его красные улыбающиеся губы были совсем близко, он что-то говорил, она слышала его и ничего не понимала: бутылки на столе водили хоровод, тарелки с закусками перемешались, а газовая плита с пускающими пары чайником будто бы опрокидывалась.

— Голова кружится, — сказала она и хотела встать, но ее повело куда-то в сторону и она больно ударилась плечом об угол дубового буфета с посудой. В следующее мгновение отчим ее подхватил и, обняв за плечи, повел в комнату. Она ничком повалилась на диван-кровать, застеленную стершимся тонким ковриком. Слышала учащенное дыхание, его руки стаскивали белый фартук школьной формы, капроновые чулки, она вяло отталкивала эти руки с короткими пальцами-сардельками, пыталась встать, но он рукой надавливал на грудь, сипло бормотал:

— Не бойся, Лина, я осторожно... Ты ведь тоже хочешь, правда?

— Чего хочу? — мычала она. — Пусты, Спиридонов! Я маме ... скажу...

— Чем какому-нибудь сопляку... — потные пальцы коснулись ее тела, вниз поехали трусики, а мокрый красный рот, казалось, вообрал в себя всю ее вместе с головой. Задышавшись, она колотила его маленькими кулаками в широкую гулкую грудь, инстинктивно плотно сжимала ноги, на секунду вырвавшись, закричала:

— Ма-ма-а! Что он делает со мной? — тут ее вырвало прямо на него.

Он отпрянул, ее трусами стал вытирать лицо, а она, согнув ноги в коленях, изо всей силы толкнула его с дивана, свалилась на пол и поползла к туалету. И вдруг почувствовала огромную тяжесть, распластавшую ее на паркетном полу, это он навалился на нее сверху. Теперь яростное сопение обжигало шею, что-то скользкое, мер-

зкое ползало по ее инстинктивно сжавшимися и отвердевшими ягодицами и вдруг он по-волчьи взвыл, задержался и откатился в сторону к ее школьному письменному столу. Она уже и не помнит, как добралась до ванны, наполнила ее и яростно до красноты терла себя всю жесткой мочалкой до прихода матери. Та долго стучалась, прежде чем Лина впустила ее.

— А он? — спросила она. — Где Спиридонов?

— Он ушел, доченька... в пивную на улицу Жуковского...

Мать присела на край ванны, стала гладить ее мокрые волосы, плечи. Разрыдавшись, Лина все ей рассказала.

— Ты же видела, он подливал мне в вино водку, — сказала она. — Видела и молчала!

Мать взяла ее голову в обе руки — от них пахло рыбой — и, глядя в глаза, произнесла самые ужасные слова, которые когда-либо девочка слышала в своей жизни:

— Мишенька — моя последняя радость, доченька... Я даже готова его делить с тобой...

— Со мной?! — ошеломленно вырвалось у Лины. Очистив в туалете желудок и просидев в горячей ванной, наверное, два часа, девочка совсем отрезвела. Лишь во рту остался горьковатый, противный привкус. Стирая мочалкой следы его мокрых поцелуев, она поранила нижнюю губу. И теперь слизывала солоноватую кровь.

— Уступи ему, доченька, — произносила мать чудовищные слова. — Закрой глазки, раздвинь попки, самую малость будет сначала больно, а потом хорошо. Он и не уходит от меня только из-за тебя. Я ведь все замечаю, да он и не скрывает, что ты ему зверски нравишься... Теперь девочки рано начинают. Не убудет тебя, Липочка... Наверное, и твои подружки уже играют с мальчиками в эти игры, а?

— Я вас ненавижу! Вы нелюди, сатанисты, — снова затряслась от рыданий Лина. — Я вас больше видеть не могу... Я в милицию заявлю... Его посадят...

— Замолчи, дура! — в бешенстве округлила глаза мать. — Я тебя из дома выгоню! Это ты сейчас трясешься за свою девичью честь, подожди, что будет с тобой через год-два... Вон какое у тебя тело, титьки, задница... Натура-то свое возьмет. Думаешь, лучше отдаться на чердаке или в кустах какому-нибудь желторотому прыщавому юнцу. Если и не заразит какой-нибудь противной болезнью, так забеременеешь... Они, твои мальчики, ничего толком и не умеют, а Мишенька все сделает чисто...

— Я не верю, что ты моя мать,— уже спокойнее сказала она. — И я теперь понимаю, почему ушел от тебя отец...

Лицо матери исказилось, стало страшным.

— Гадина, гадина...— повторяла она, наотмашь хлеща ее по щекам.

Лина стала на нее брызгать теплой водой, наконец ухитрилась вытолкать мать из ванной.

— Блядью будешь, блядью! — хрипло орала за дверью мать — только сейчас девочка сообразила, что она пьяная.— У нас в роду все были бляди. Меня покойная матушка тоже пятнадцатилетнюю подложила под милиционера, когда ее взяли с поличным за жабры... Господи, прости меня, грешницу!

Услышав, как хлопнула входная дверь, Лина быстро оделась, бросилась к шифоньеру, натолкала в капроновую сумку с надписью «Аэрофлот» свои носильные вещи, нацарапала на вырванном из тетрадки листке: «Я больше жить с вами не буду! Не бойтесь — не пропаду! Не ищите, не заявляйте в милицию — вам же хуже будет! Прощайте!». С четырьмя восклицательными знаками и без подписи. Мать бы, конечно, попыталась ее разыскать, но трусливый Спиридонов, боясь за свою шкуру, отговорит.

Опасаясь, что все-таки ее будут искать на вокзале, Лина села на первый же отправляющийся с Московского вокзала поезд — это оказался «Ленинград-Полоцк» и так очутилась в городе с красивым названием Велікополь. До приезда сюда она даже не слышала, что существует на белом свете такой город и живет в нем славный парень Вадим Белосельский.

9. Любит — не любит.

Здорово же тебя напугал мой толстый красно-рожий шеф, если ты даже позвонить мне боишься,— упрекнула Вадима по телефону Рая из райпотребсоюза.

Он стал что-то мямлить, мол, работы много, потом возил в район редактора на открытие колхозной ГРЭС... Вилена, выписывая Владимиру Бурову командировку в Псков, насмешливо поглядывала на него, дескать, давай ври дальше. Румянова он действительно возил в Усть-Долыссы, где пустили новую гидроэлектростанцию, но вся поездка и заняла-то полдня.

— Сегодня я дежурю с восьми,— сказала Рая.— А шеф в Риге, вернется в пятницу.

— Сегодня... — растерянно повторил Вадим. — Хорошо, в восемь.

— Лучше в девять. И захвати... сам знаешь чего, — чуть помягче сказала Рая и повесила трубку.

— Что-то ты не прыгаешь до потолка от радости, — улыбнулась Вилена. — Девушка ему свидание назначила...

Неровные, мелкие зубы палегают у Вилены друг на дружку, светлые кудряшки подрагивают у висков, когда она смеется. Что-то пробормотав невнятное — сегодня у него не было настроения точить лясы с Виленой — Вадим вышел из приемной. Не лень же было секретарше спуститься вниз и вытащить его из библиотеки, где он просматривал последние журналы.

— А голосок у нее приятный... — бросила ему вслед Вилена.

«Зато у тебя писклявый!» — усмехнулся про себя Вадим.

Впрочем, с Раем нужно было встретиться... Сколько они не виделись? Наверное, дней двадцать. Аэлита совсем вытеснила из его головы подружку. Обычно он звонил Рае и подъезжал к гостинице, где они обычно встречались. Новое пятиэтажное здание гостиницы сдали в эксплуатацию весной этого года. И назвали ее «Великополь». Днем там можно было пообедать в ресторане — комплексные обеды стоили недорого, не то, что вечером. В холле работал буфет, там всегда было пиво и шампанское. После зарплаты сюда нередко заглядывали и журналисты. Гостиница была напротив Дома Советов, и Вадим, дожидаясь редактора, иногда здесь обедал. Он даже не ожидал, что сегодня ему с Раем будет так хорошо: по видимому, сказалась продолжительная разлука. Как бы там ни было, Рая ему показалась нынче соблазнительной и страстной. А ведь он шел на свидание с мыслью порвать с ней. Та история с ее шефом оставила в душе неприятный осадок. И Рая повела себя как крикливая, базарная баба. Он с юмором представил себе, как, выяснив отношения, они дружно улеглись на черный продавленный диван. Наверное, Рая ложится сверху, невысказанно такую тушу держать на себе... А вообще, после встречи с Линой он почти и не вспоминал Раю. Глазастая, тоненькая, как молодая осенняя березка, девчонка не вызывала у него физического влечения, наверное, сдерживал возраст — ей всего пятнадцать лет, подросток, а не женщина. Вадим скорее испытывал к ней братские чувства, хотя иногда и любовался ее походкой, грациозными движениями, когда она надевала входившие тогда в моду водолазки, ее маленькая острая грудь

вызывающе оттопыривала тонкую материю, даже крошечные соски обозначились, так и хотелось ее потрогать или погладить ее золотистые с блеском волосы. А Рая — это другое дело. Рая — зрелая женщина, способная доставлять наслаждение и получать его. И ведь она — первая в его жизни женщина. Она сделала его мужчиной. Теперь все у них получалось здорово, опытная в любовных утехх молодая женщина быстро нащупала чувствительные эротические струнки у своего молодого партнера и умело ими пользовалась. Открывала ему и себя, как бы доказывая, что женское тело — это сложный музыкальный инструмент, который может звучать восхитительно, а при неумелой игре — фальшиво. Кое-чему она его неавязчиво, тактично научила, например, он понял, что если хочешь по-настоящему испытать удовольствие от близости с женщиной, то в первую очередь думай о том, чтобы ей было с тобой хорошо, тогда и сам испытаешь наивысшее наслаждение. Рас доставляло удовольствие наставлять его, исподволь готовить к обладанию друг другом. Она это называла «делать их». Кстати, никогда не заставляла Вадима предохраняться, у нее был свой месячный цикл, она знала свои опасные дни и никогда не «залетала». Это слово он тоже впервые услышал от нее. Бывали моменты, когда он звонил ей и просил встретиться с ним, летом они часто выезжали за город, где облюбовали укромное местечко неподалеку от шоссе. В десяти километрах от города находился небольшой поселок Мартьяново, еще через два километра был незаметный поворот к лесному озеру, окруженному березовой рощей. Там никогда не рыбачили и они могли себя даже днем чувствовать себя свободно. Не до такой, конечно, степени, как в кабинете председателя райпотребсоюза Петухова...

Он, расслабленный, лежал на диване, а Рая в накинутой на плечи его черной рубашке сидела рядом и тянула из высокого стакана шампанское, которое предпочитала всем остальным винам. На журнальном столике в кулке — шоколадные конфеты. Вадим не пил не потому, что машина еще не была поставлена в гараж, просто не хотелось. Сладкое шипящее шампанское оставляло во рту неприятный самогонный вкус. Если уж в редакционных компаниях никак было не отвертеться от застолья, он предпочитал пиво, особенно, если еще была вяленая вобла, но и пива не выпивал больше двух бутылок. Он открыл в себе одну интересную особенность: даже после самой малой дозы алкоголя у него через несколько часов наступала легкая депрессия. Все становилось серым, неинтересным, будто окутанным туманом, даже утрачи-

вался сам смысл жизни... И это состояние было страшнее горького похмелья. Смолоду не раз испытывал это, Вадим стал относиться к любому спиртному как к самой настоящей отраве, а тех людей, которые по российской привычке уговаривали его выпить, мол, «живем одна», начинал ненавидеть... Размышляя на этот предмет, он все больше приходил к мысли, что человек — гость на земле, он занесен на планету из других миров, где иные законы природы и условия жизни. Разве можно себе представить истинных жителей земли — птиц, зверей, рептилий, насекомых, которые бы нуждались в одежде, вещах, которые бы построили города и поселки, распахивали земли, придумали мелиорацию, вырубали леса, отравляли ядовитым дымом и бензином воздух, реки, моря, уничтожали без нужды все живое на земле? Любое мелкое или крупное существо на планете Земля приносит ей только пользу: кроты рыхлят землю, звери сохраняют леса, рыбы — реки, озера, птицы, уничтожая вредителей, — фауну. Нет такого существа на Земле, которое бы наносило ей явный вред. Даже своей смертью они приносят пользу земле, удобряя ее, давая ей питательные вещества, которые она потом щедро отдает живым организмам. И таков был извечный кругооборот жизни на земле, но появился человек и нарушил его. А человек? Для того, чтобы быть сытым, обутым, довольным, понастроил гигантские фабрики, заводы, перегородил железобетонными плотинами реки, вызвав грубые нарушения в экологии и гибель десятков пород ценных рыб, стал отравлять трубами атмосферу, озоновую защиту, планомерно рубить леса, уничтожать всех поголовно животных, птиц, рептилий на земле. А теперь еще научился делать атомные и водородные бомбы, электростанции... Разве может это двуногое существо, называемое Гомо Сапиенс, быть порождением матери-Земли? Таких уродов убивают в утробе. Эволюция ни за что не допустила бы развития на планете существ, способных ее погубить... А такой факт: ни одно живое создание сознательно не наносит себе вред, не стремится к собственной гибели, а человек? Человек придумал курение, чтобы отравлять себя никотином, спиртное, чтобы сжигать свои внутренности и деградировать, наркотики, чтобы нарушать нормальную деятельность мозга и уйти от действительности, может, как раз в те миры, с которых прибыли на Землю его предки? Ни одно животное не кончает жизнь самоубийством, а человек? Он может, будучи в здравии, сам убить себя. Матери — алкоголики и наркоманки — рожают ненормальных детей, отравляя их в утробе ядами. И живут на земле дебилы, уроды,

сумасшедшие. Ни у одного земного существа ничего подобного не бывает. Пишут, что иногда высокоорганизованные млекопитающие — морские дельфины и киты группами выбрасываются из морских пучин на берег, но ученые считают, что в этом опять же повинен человек, который загадил нефтью и радиацией даже безбрежные моря-океаны...

Может, все эти мысли Вадиму по почам навевает космическая Аэлита с золотого корабля?..

И все-таки женская интуиция подсказала Рае, что Вадим в чем-то изменился, даже сегодняшний всплеск страсти не обманул ее. Трогая его темно-русые волосы, она произнесла:

— У тебя еще кто-то появился?

Она знала, что врать он не станет даже чтобы развеять ее подозрения, не такой он человек. Его честность и прямота нравились ей, хотя иногда и было больно. Молодая женщина привязалась к этому рослому сильному парню с высоким лбом, худощавым продолговатым лицом, умным взглядом серых глаз, в которых часто плескалась болотная зелень, красиво очерченные полные губы свидетельствовали о незлобивом характере, а твердый круглый подбородок — о сильной воле. Хотя он и зачесывал волосы назад, они двумя крыльями спускались на уши, одно крыло побольше, другое — поменьше. Он часто встряхивал головой, отбрасывая крылья назад. Как-то Рая посоветовала ему отказаться от «полубокса», когда начисто выстригали виски и шею почти до затылка, а стричься под «канадскую польку». Красиво и модно. И еще сказала, что лучше ему коротко стричь волосы и не зачесывать их назад. Прошло несколько недель и он появился к ней подстриженным по-новому. Теперь он не встряхивал, как поровистый конь головой, а ладонью отводил челку с бровей чуть в сторону. Рая понравилась его новая прическа.

— Она хорошенькая? — спросила Рая.

— Длинная, худая, зато огромные глаза и золотые волосы,— неохотно ответил он.

— Показал бы как-нибудь?

— Что она — вещь? — кольнул ее недовольным взглядом Вадим.— Говорю, еще сопливая девчонка, подросток.

— Сегодня Гадкий Утенок, а завтра станет Царевной-Лебедем,— вздохнула Рая, вспомнив, что она старше Вадима на шесть лет. И эта разница дальше все больше будет ощущаться. При всей своей привязанности к Вадиму она не вышла бы за него замуж, у нее хватало здравого смысла понимать, что их союз был бы недол-

говечен, так стоит ли браком привязывать к себе парня, который все равно рано или поздно уйдет от тебя... вот к такому Гадкому Утенку, очень быстро превратившимся в Лебедя...

Вадим взял со стола «Огонек», стал листать глянце-вые страницы. На развороте памятник Маяковскому в Москве, снят так, что выше горластого певца революции лишь башенные краны и облачное небо, на другой стра-нице улыбающиеся Хрущев и Янош Кадор в Кремле. Вокруг них — пестрая свита толстомордых деятелей. Все-таки подхалимский журнал «Огонек»! Нет ни одного номера, где бы не было страничного портрета Хрущева и его мордатых соратников.

— Послушай-ка,— улыбнулся Вадим.— Пролетар-ский поэт чего нагородил! Карикатуры «Окна РОСТА»: намалеваны красный рабочий и зубастый черный бур-жуй и надпись: «Каждый прогул — радость врагу. А ге-рой труда — для буржуев удар». Чепуха какая-то! Или вот стихи:

*Только подписчики «Красного перца»
смеются от всего сердца.
Читатель! В слякоть, мороз и холод
настраивайся на веселый тон:
«Красный перец» к газете «Молот»
даешь приложением «Трудовой Дон»...*

Господи, какая чушь! Это что, поэзия для идиотов? А ему памятник до самого неба! Моя мать хотела к какой-то своей статье в журнал о советской поэзии взять эпи-графом что-нибудь у Маяковского, перелистала все со-брание сочинений и не смогла ничего стоящего найти...

Его родители считали Маяковского разрушителем всего святого на Руси. Стихи его вызывали у матери чуть ли не тошноту, когда он человеческое тело называл мясом, призывал всех расстреливать и четвертовать, кто не с большевиками. Такого поэта-хулигана еще не было никогда в России! Александр Блок, написав поэму «Две-надцать», потом сгорал от стыда за нее, мучился до са-мой смерти. А у Маяковского почти все стихи человеко-ненавистнические, он воспевал разрушение страны, убийства, расстрелы, яростно отвергал классику, нагло заявляя, что лишь он, Маяковский, и его друзья-футу-ристы и есть истинная новая революционная поэзия, а все, что было в мире искусства и литературы — хлам и дрянь. И место всему этому вместе с величайшими мас-терами литературы и искусства на свалке... Мать с от-вращением читала такие строки Маяковского:

*Белогвардейца
найдете — и к стенке.*

*А Рафаэля забыли?
Забыли Расстрели вы?
Время
Пулям
По стенке музея тенькать.
Стодюймовками глоток старье расстреливай!*

И еще такие:

*Пули погуще!
По оробелым!
В гуцу бегущим
Грянь, парабеллум!
Самое это!
С дончика душ
Жаром
жженьем,
железом,
светом
жарь,
жги,
режь,
рушь!*

Вот к чему призывал народ глашатай большевистского переворота. А сам, кстати, был трусом и всячески уклонялся в войну от службы в армии.

Были на службе у большевиков многие известные поэты, но такого оголтелого чело­веко­нена­вист­ника, при­зы­ва­юще­го всех и вся уни­что­жать, раз­ру­шать, больше нигде не было. Даже в фашистской Германии.

Вадим, имевший в школе пятерки по литературе, первую двойку получил за Маяковского. Он не мог наизусть выучить ни одного его стихотворения. Противно было...

— Ты мне никогда не рассказывал о своей матери, — заметила Рая.

Тень набежала на оживленное лицо Вадима, миндалевидные глаза еще больше сузились, поздри большого прямого носа затрепетали. Небрежно бросив «Огонек» на письменный стол Петухова, он машинально перевел взгляд на портрет Ленина, висящий на стене чуть повыше портрета Хрущева, на губах его появилась горькая усмешка.

— За что они... — он кивнул на стену, — расстреляли их? Дедушка сказал, что получил бумагу из прокуратуры, отца и мать реабилитировали. Сначала убили, а потом реабилитировали...

— Не при Ленине же? Это Сталин и Берия.

— А откуда все началось? Кто первым стал уничтожать русскую интеллигенцию? Кто дал приказ расстрелять Гумилева? А русских офицеров, сдавшихся в Крыму на милость советской власти? А десятки тысяч священников? Как запустили эту машину уничтожения умных, интеллигентных людей в семнадцатом году Ленин, Троцкий и иже с ними, так она и крутится до сих пор...

— При Хрущеве-то не расстреливают, он даже антипартийную группу с Маленковым, Кагановичем и примкнувшим к ним Шепиловым не расстрелял и не посадил... Благодаря Хрущеву и твоих родителей, как и тысячи других, реабилитировали.

— Не верю я им,— упрямо мотнул головой Вадим.— Никому не верю. Хрущев разоблачил культ Сталина, а себе создал почти такой же... Вот увидишь, к юбилею повесит себе четвертую Звезду Героя.

— Да ну ее к черту, политику! — сказала Рая.— Мой шеф на каждом собрании поет дифирамбы Хрущеву, а когда один — так несет его на чем свет стоит! Мудакom обзывает.

— И тебя не опасается?

— Я никого не предаю, Вадим,— посмотрела ему в глаза Рая.— И попусту не треплю языком, иначе здесь не работала бы...

— Наверное, не только поэтому...— заметил Вадим и прикусил язык: какое он имеет право в чем-то упрекать Раю? Когда он вошел в ее жизнь, она еще была любовницей Петухова, да и кто не знает, что почти все начальники живут со своими секретаршами! Об этом даже юмористы говорят с эстрады. Он, Вадим, ни разу не сказал ей, что любит. Ему хорошо с Расей, по-видимому, и ей с ним, ну чего более? Кстати, его совсем не задевало, что она живет с этим толстым бритым боровом в сталинском френче с накладными карманами. Рая рассказала, что после той памятной ночи, когда он их застукал в своем кабинете, Петухов с неделю ходил на работу с забинтованной рукой, а перед ней он извинился на следующее утро. И духи подарил. И прибавила, что, в отличии от Вадима, шеф ее искренне любит и, естественно, ревнует к молодым парням...

— Парням?

— У меня сейчас только ты.

— А он? — кивнул Вадим на письменный стол с телефонами.

— Он не считается. И потом, мы с ним редко. Семья, возраст...

— Да нет, он еще ничего,— равнодушно произнес Вадим.

— Когда встретимся? — провожая его к двери, спросила Рая и голос ее дрогнул.

— Я тебе позвоню,— пообещал Вадим..

— На той неделе я возьму отгул, может, съездим... на озеро? — она поцеловала его в губы, легонько подтолкнула к двери и шутливо прибавила: — Смотри, не влюбись в свою глазастую золотоволосую дылду... А то я ей глаза выцарапаю, так и знай!

«Не влюбись...— крутя баранку «Победы» по ночной улице Ленина, улыбался Вадим.— Может, я уже влюбился?..». Вроде он подумал и в шутку, а сердце защемило: захотелось вот прямо сейчас приехать к ней в маленькую комнатку, разбудить, заглянуть в огромные глазколотцы, пропустить сквозь пальцы ее теплые золотые волосы... Как она похожа на ту небесную Аэлилу! Особенно, когда улыбается... Если уж он когда-то соприкоснулся с неземным чудом, то почему бы не допустить, что та самая Аэлила перевоплотилась в эту долговязую девчонку?..

Он резко затормозил, дорогу перебежала черная кошка, Вадим никогда не обращал внимания на кошек, точнее, не брал в голову, что каждая кошка, перебежавшая дорогу,— предвестник неприятности для шофера, может, поэтому они так безжалостно и давят их? Но на этот раз даже газ немного сбросил, хотя центральная улица города в этот ночной час была пустынной.

10. Путь к тебе

Куда мы едем? — спросила Лина. Она сидела рядом с Вадимом и смотрела на неширокую заасфальтированную дорогу, петляющую меж покатых зеленых холмов. Каждая встречная машина несла на переднем стекле по маленькому солнцу. Лето было в самом разгаре, из-за густо-зеленых деревьев не было видно озер, которых много в этом краю, да и придорожные деревеньки прятались в буйной зелени. Красиво наплывали с голубого неба на шоссе низкие кучные облака, насквозь пронизанные солнцем. Иногда ударялись в стекло жуки и бабочки, птицы низко проносились над самым капотом и тогда у девочки замирало сердце, казалось, сейчас разобьется. Но ласточки — это они чаще всего резали воздух перед машиной — весело взмывали вверх перед самым носом «Победы».

Лина спросила просто так, ей было все равно, куда сдет Вадим. Он неожиданно заехал за ней — у Лины был

выходной — и пригласил покататься. Сразу за Мартяновым он сбавил скорость, хотел свернуть налево на едва заметный травянистый проселок со следами автомобильных шин, но вдруг раздумал и снова рванул машину вперед. Она скосила большущие синие глаза на него, по промолчала: откуда было ей знать, что эта дорога вела к лесному озеру, где под огромной березой на зеленом мху Вадим предавался любви с Раей из райпотребсоюза. Не хотелось ему туда со своей Аэлитой...

Он свернул на незнакомый, ныряющий в смешанный лес проселок, проехал с полкилометра и перед ними открылось другое лесное озеро, еще красивее того, Мартяновского. Легкий ветер рябил на плесе голубоватую воду, а у берегов она была кофейного цвета и спокойной. Желтые кувшинки и белые лилии плавали сразу за камышами. Если с этой стороны озеро обрамляли березы и дубки, то на том берегу солнце высветило на бугре красноватые стволы огромных сосен. Одна из них с кудрявой вершиной, казалось, хочет шагнуть в воду. Берег был чистый, лишь на опушке уродливо чернело пятно рыбацкого костра. На обгорелых рогульках были криво насажены две водочные бутылки. Это настолько портило прекрасный пейзаж, что Лина, выйдя из машины, первым делом сняла их и отнесла к видневшейся неподалеку куче валежника.

— Как оно называется? — глядя на расстилающееся перед ними небольшое овальное озеро, спросила она.

— Лесные озера без названия, их тут много вокруг, — ответил Вадим. Он стоял на травянистом берегу и наблюдал, как окунь гоняет на мелководье мальков. Виден был красноватый плавник, косо чертивший темную с блеском поверхность, серебристые мальки врассыпную брызгали из воды, пугая тоненьких синих стрекоз, отдыхающих на круглых лоснящихся листьях кувшинок.

— Ты где жил в Ленинграде? — подошла к нему Лина и тоже стала смотреть на воду. Облако на некоторое время закрыло солнце и все вокруг мгновенно изменилось: опустились на дно желтые блики, окунь перестал играть, сосны на том берегу потемнели, нахмурились, налестевший откуда-то порыв ветра заставил листья деревьев трепетать и даже смолкли птичьи голоса. Но солнце вскоре снова выкатилось из-за пышного розового облака и все тут же ожило, засверкало. У Вадима мелькнула мысль, что вот так же и в жизни: то холодно, мрачно, то тепло и радостно, как, например, сегодня.

— На Лиговке, недалеко от Московского вокзала, — сказал он.

— А я — на Литейном. Рядом с домом, где жил Некрасов.

Они помолчали, не хотелось нарушать окружающий их мир природы. Этот прозрачный зеленый мир не располагал к разговорам, можно было сколько угодно слышать его тихий, шелестящий шепот. И на душе становилось все спокойнее, светлее.

— Давай купаться,— предложил Вадим, снимая клетчатую рубашку с закатанными рукавами, он небрежно бросил ее на траву, снял полуботинки, брюки и остался в синих плавках с эмблемой «Буревестника».

— Ты мне не сказал, что будем купаться,— расстроилась Лина.— У меня нет купальника.

Даже если бы он и сказал, так купальника у нее все равно не было. У нее много чего не было — все осталось в Ленинграде. Сумку с вещами, приехав в Великополь, она оставила на вокзале в автоматической камере хранения. С собой захватила лишь тощий зеленый мешок с ляжками. Недавно только взяла сумку. Там были только самые необходимые вещи. Мать и отчим не особенно баловали ее обновками. Приходилось носить платья и кофты, из которых уже выросла. Вещи матери были велики, та в два раза шире ее. Даже непамятная школьная форма была мала.

— А ты плавать-то умешь? — попробовав погой воду, спросил он.

— Что же делать? — не отвечая на вопрос, произнесла Лина. Солнце все сильнее припекало, до смерти хотелось выкупаться, но не голой же лезть в воду? У нее, как назло, и трусики надеты линовые со слабой резинкой.

— Купаться! — улыбнулся Вадим.— Я на тебя смотреть не буду.

Он стоял у среза воды, высокий, широкоплечий, с широкой выпуклой грудью и палитыми мышцами на руках и торсе. Бедра узкие, ноги прямые. И не волосатый, как отчим. У того волосы растут и на груди и на спине. Павиан паршивый. При воспоминании об отчине тень набежала на ее лицо. Короткие темные волосы спускались у Вадима на лоб, глаза сейчас были такого же цвета, как озерная вода. Симпатичный парень, ничего не скажешь! Наверное, нравится девушкам... Но она ни одну из них еще не видела. Странно, почему он так хорошо относится к ней? Лина знала, что она красивая, мальчишки в школе с шестого класса писали ей записки, да и старшеклассники не обходили вниманием. Длинный Игорь Силин — он будет в этом году поступать в университет — не давал ей прохода; встречал после уроков и провожал до дома. Как-то после школьного

вечера они долго стояли в ее подъезде на Литейном, о чем-то пустом болтали, неожиданно Игорь обхватил ее и стал целовать. Она сначала рванулась, но вскоре затихла: это было для нее новое ощущение, даже приятное. И его поцелуи совсем не походили на те, которыми она иногда обменивалась с подружками и дальними родственниками, изредка навещавшими мать. Там был торпливый скользкий поцелуй в губу или щеку, а случалось и в ухо, а Игорь целовал так, что сердце замирало, а колени подгибались. И такое ощущение, что грудь набухает. Он раздвигал ее губы языком, шевелил им, чего-то касался такого, что заставляло испытывать неведомое до сих пор возбуждение. Однако когда полез под юбку и стал там шарить рукой, Лина опомнилась и

вырвалась от опытного десятиклассника, помнится, что-то сказала ему оскорбительное и убежала на свой этаж. Потом они еще несколько раз целовались, но и все. Ниже талии она не разрешала себя трогать. Игорь пыхтел, злился, говорил, что они уже не маленькие, вон какая у нее упругая грудь, круглый зад, мол, есть удовольствия похлеще, чем поцелуи... Она знала, конечно, что это за удовольствия, ей даже иногда хотелось это испытать, но в самый последний момент что-то неподвластное ей останавливало от этого последнего шага. Есть кто-то такой у нас внутри... Один раз Игорь упрямил ее задрать кофточку и показать грудь. Она уступила, он умело целовал, языком нежно касался сосков и Лина чуть не потеряла самообладание. Где-то внизу стало горячо, она даже испугалась, не описалась ли? И если бы в этот момент Игорь снял с нее трусики, она вряд ли воспротивилась, но он увлекся грудью и сделал ей больно; оттолкнув его пахнущую хорошим одеколоном голову — Силин был сыном заведующего торговым отделом горисполкома и был всегда одет во все модное, заграничное, — заправила два вспухших влажных белых яблока с красными сосками в бюстгалтер номер два и натянула шерстяную кофту.

Она даже толком не знала: правится ей Игорь Силин или нет? Но встречи с ним волновали ее, даже не так сами встречи, как его поцелуи, прикосновения. От подружек знала, что Игорек — опасный товарищ! Даже говорили, что одна грудастая семиклассница из их школы от него забеременела, но ей сделали аборт и ничего наружу не всплыло. Позаботилась его мамаша, у нее были большие связи. И если с Игорем все-таки было приятно и тревожно, то случай с отчимом оставил в ее душе самый скверный осадок... И вот сейчас, глядя на стоящего ря-

дом сильного, стройного Вадима, Лина подумала, что бы она стала делать, если бы он... ну, стал делать то же самое, что Игорь Силин?..

Вадим решительно вошел в воду, закачались камыши и осока, с них слетели стрекозы и маленькие бабочки. Тут прямо у берега было уже глубоко, он сделал всего несколько шагов и уже вода стала ему по плечи. Фыркая и вертя темноволосой головой, он саженьками поплыл на середину озера. Обернулся и крикнул:

— Аэлита-а-а! Купайся, тут никого нет!

«А ты? — подумала она про себя.— Или тебя тоже нет?». А вслух произнесла:

— Я подумаю...

— Вода-а теплая-я! — соблазнял он, вертя мокрой головой.— Сама на поверхности держит.

— Ну и радуйся,— отвечала она.

Вода манила, притягивала, Вадим уже был далеко, тогда она быстро разделась и голышом бросилась в широко раздавшуюся перед ней прохладную воду. Только вначале прохладную, скоро она стала нормальной. Плавать Лина умела и, подгребая под себя руками, поплыла вдоль берега, чтобы не приближаться к Вадиму, его взъерошенная голова маячила уже на середине озера. Он старательно не смотрел в ее сторону, с саженок перешел на другой стиль, потом перевернулся на спину и, чуть шевеля руками и ногами, стал дрейфовать, глядя в небо. Почти все лицо в воде, один нос торчит. Лине хотелось подплыть к нему, показать, что она тоже прекрасно держится на воде, она уже не ощущала себя голой, да и голубоватая вода надежно укрыла ее от нескромного взгляда. Золотистые волосы, как змеи Медузы-Горгоны, извивались вокруг ее головы, иногда залепляли лицо, глаза, она их откидывала, отводила тонкой рукой. И когда она уже целеустремленно поплыла к нему, Вадим исчез. Лина завертела головой, глаза ее еще больше расширились: она ничего не понимала, куда он подевался? Было тихо, лишь издали доносился шмелиный шум машин, несколько раз звучно шлепнуло в камышах, нет это не Вадим. Еще страх не успел охватить ее, как что-то скользкое обхватило ее ноги, тело, скользнуло по груди и вплотную из расступившейся воды появилось смеющееся лицо Вадима.

— Ты меня напугал! — недовольно сказала она, отталкивая его.— Подкрался, как...

—... акула,— засмеялся он, моргая.— Я тебя сейчас съем!

Она снова очутилась в его объятиях, даже не заметила, как голова оказалась под водой, она раскрыла глаза и

в зеленоватой мути отчетливо увидела его белозубое лицо и тоже с открытыми глазами. Лицо приблизилось к ней и его губы коснулись ее губ. Вынырнув, она смерила его сердитым взглядом и сказала:

— Если ты еще раз дотронешься до меня, я всерьез обижусь! Ну что за дурацкие шутки в воде?

— Какая ты... — посерьезнев, сказал он, плывя к берегу рядом. Иногда его мускулистое плечо касалось ее плеча. На загорелой щеке у самой шеи она заметила шрам, небольшое овальное ухо будто расплющено сверху. — Холодная, как змея!

— А ты — спрут! — нашла она. — Кальмар. Нападаешь исподтишка. — И чуть повернула к нему голову, в ее больших синих глазах мельтешили янтарные точки. И он снова подумал, что в ней есть что-то от той небесной Аэлиты. — Скажи честно, Вадим, чего ты от меня добиваешься? Того же самого, чего мой отчим?

— Дура! — грубовато вырвалось у него. — Какая ты дура... — Он бешено заработал руками и скоро оторвался от нее, вышел на берег и, не оглядываясь, зашагал в лес. Его высокая фигура несколько раз мелькнула среди тонких березовых стволов и исчезла.

— Смотри, не подглядывай! — крикнула вслед Лина и сама поняла, что это тоже было глупо: Вадим не стал бы воровски подглядывать.

Она медленно вышла на берег, солнце обливало всю ее худощавую фигуру с торчащими маленькими грудями, смахивая капли ладонями, провела вдоль боков, на секунду задержала их на бедрах, подумав, что они вроде бы стали шире, округлее. От этого прикосновения сладкое томление пронизало ее, вдруг захотелось, чтобы он сейчас вышел из-за березовых стволов и увидел ее. Поддавшись какому-то внутреннему импульсу, она протянула тонкие руки с растопыренными ладонями к солнцу и, прикрыв глаза, замерла в этой странной позе. Она чувствовала, как горячие лучи пытались разомкнуть ее веки и проникнуть внутрь, какие-то неясные радужно-золотистые видения проносились перед ее закрытыми глазами, не то золотые человечки со стрекозиными крыльями, не то остроголовые птицы с человеческими лицами. И вдруг все это разом кончилось: стало темно, прохладно, исчезло тепло. Она открыла глаза и увидела лицо Вадима со странным выражением в серых глазах. Он опустил ее руки, набросил на плечи свою куртку на молнии, осторожно обнял и повел к брошенной у пеньков ее одежде.

— Ты видела ее? — тихо спросил он.

— Кого? — так же тихо произнесла она.

— Аэлиту...

— У нее крылья и птичье лицо? И она вся золотая?

— Значит, видела! — обрадовался он. — Я так и подумал!

— Ты о ней все время думаешь...

— Она — это ты, — не совсем понятно произнес он.

— Я живу на земле.

— Мы все живем на земле и на небе, — задумчиво подхватил он.

— Я тебя не понимаю, — призналась она. Он и впрямь сейчас был какой-то странный, далский.

— Потом поймешь...

Он смотрел на озеро, пока она одевалась, потом отжимала руками волосы, длинными пальцами вместо расчески приглаживала их. И все время на припухлых губах ее витала легкая неуловимая улыбка. Ей было приятно, что он увлечен какой-то придуманной неземной Аэлитой, которой нет на самом деле...

Сидя рядом с ней на траве, Вадим рассказал о своей встрече с небесной Аэлитой в зимнем искрящемся бору, поведал и о своих странных снах, когда он подолгу разговаривал с золотоволосой красавицей из другого неведомого мира.

— Вот почему ты нянчишься со мной... — несколько разочарованно произнесла она. — Я на нее похожа?

— Немножко, — улыбнулся он. — У нее лицо бледно-зеленое, почти прозрачное, а глаза, как расплавленное золото и такие же огромные, как у тебя... Чего же ты не смеешься и не скажешь, что я все это придумал? — Он испытующе заглянул ей в глаза.

— Потому что это правда, — сказала она. — Ты видел свою небесную Аэлиту и даже разговаривал с ней. Тебе можно позавидовать.

— Чему же?

— Ты счастливый. Тебе не понадобилось мучительно искать свою принцессу — она сама к тебе прилетела. Ты любишь ее.

— Что ты несешь! — излишне горячо возразил он. — Мою принцессу, как ты ее называешь, невозможно любить — ей можно лишь поклоняться. И она, наверное, на тысячу лет старше меня и... неизмеримо мудрее. Она — оракул, пророк... Ее можно любить, как Бога. — И сам почувствовал, что слова его прозвучали чересчур высокопарно. Да и весь их разговор походил на детскую игру в придумки. И будто продолжая эту странную игру, Лина с грустью сказала:

— А где мой принц из красивой сказки? Или всю жизнь меня будут преследовать юнцы вроде Игоря или подонки, как отчим?

— Еще и Игорь появился! — покачал головой Вадим.

— Бегал за мной один старшеклассник, целовал, тискал в подъезде, расписывал, как хорошо нам слиться с ним воедино, — небрежно ответила Лина. — Он хотел, негодяй, меня обрюхатить! Одну толстозадую в школе уже обрюхатил...

— Чего он хотел? — изумился Вадим. — Девочка, ты меня удивляешь!

— Все мужчины этого хотят, наверное, и ты тоже... Есть еще другое слово, как это ... да — трахнуть.

— Ну вот, после романтики мы окупулись в пошлую действительность, — усмехнулся Вадим. — «Трахнуть», «обрюхатить» ... О чем ты, Лина?

— Но ты же хочешь это ... лечь на меня? — Она покраснела, даже маленькие уши, выглядывающие из еще не просохших волос, зарделись.

— Мне такое и в голову не приходило, — честно ответил Вадим. — Ты, конечно, красивая девочка, но...

— Ты любишь свою зеленую Аэлилу? — упрямо встала она. — Зеленую, как кузнечик, лягушка!

— Я никого не любил и не люблю, — помрачнел он. — Я не говорю про погибших родителей и близких... Да и из близких-то у меня остался один дед по материнской линии.

— У меня тоже никого нет, — помолчав, сказала она. — Я никогда не вернусь к матери, она ... она еще отвратительнее Спиридонова! Сама толкала к нему в постель! Я про такое не только никогда не слышала, но и в книжках не читала... Она торговка, Вадим, готова была продать этому... мерзавцу собственную дочь!?

— Ты не преувеличиваешь? — усомнился он. Такое действительно невозможно было представить.

— Неужели такое бывает? — глядя мимо него, произнесла она. — Раньше продавали людей в рабство, было такое страшное время. А сейчас? Это еще похуже рабства! Какую поганую душу нужно иметь, чтобы пойти на такое! Тысячу раз прав мой родной отец, Вениамин Константинович Москвин, что ушел от нее... Она мне больше не мать! Так что я тоже, Вадим, круглая сирота.

— Я где-то прочел: «Добром ответить на добро — особенной заслуги нет. Но высшая из всех заслуг — в ответ на зло творит добро».

— Я ей никогда не прощу этого, — будто не слыша его, произнесла Лина.

Озерная красноклювая чайка с тонким мелодичным криком пролетела над ними. Она не опустилась в воду, спланировала на дальний берег, где упавшая толстая береза мочила на мелководье осклизлые ветви, там белели еще несколько чаек. Каждый круглый лист кувшинки розово блестел, вокруг них по воде, как по стеклу, шныряли водомерки, всплескивала у камышей мелкая рыбешка. Услышав нарастающий гул, Лина подняла голову: в голубом небе, оставляя за собой расплзающийся белый след, пролетел крошечный золотистый самолетик. И только сейчас в ослепительном небе Вадим заметил размазанный блин луны. Яркое солнце и луна на небе — это было красиво.

— Как работа? Нравится? — перевел разговор на другое Вадим.

Он покусывал длинную травинку и на девушку не смотрел. Лицо у нее было злое и некрасивое.

— Что там может нравится? — усмехнулась она. — Сопливые, вредливые мальчишки и девчонки и ты знаешь, некоторые ругаются матом и трогают друг дружку за эти самые места... И даже меня не стесняются. И когда начинаю читать им книжки, засыпают. Я маленькая могла слушать сказки часами, а они спят, засранцы. Мой родной отец рассказывал мне красивые сказки, я до сих пор люблю читать про Василису Прекрасную, добрых волшебников, Бабу Ягу... И знаешь почему? Я верю, что все на самом деле давным-давно так и было, как в сказках, просто нынешние люди огрубели, ожесточились и забыли о Добре. А в сказках и легендах Добро всегда побеждает Зло. Были и черти, и лешие, и домовые, и ведьмы, они и сейчас иногда появляются, только люди не хотят их замечать, разные ученые им глаза занавесили серой пеленой, мол, нет ничего сверхъестественного, нет Бога, Дьявола... А кто во все это не верит, тот ничего и не видит. Глаза-то у него не туда смотрят...

— А ты видишь?

— Я верю в Бога, у меня есть бабушкин крестик, она меня крестила в церкви на Пестеля, когда еще папа жил с нами... Вот только я ни одной молитвы не знаю, придумываю разные слова, но слышат ли меня Бог или Божья Матерь, я не знаю... Наверное, не слышат, раз такое допустили со мной... — Она сбоку поглядела в глаза Вадиму. Они у нее посветлели, из синих стали голубыми, золотистые пряди распушились и сияли ореолом вокруг ее головы. — Я ведь не знала, куда меня поезд привезет... А он привез именно в Великополь, и я встретила тебя... Может, этого Бог захотел?

— Много в нашей жизни чудесного и непонятного, вот пишут про летающий тарелки,— задумчиво заговорил Вадим.— Сотни людей их видели, а наши ученые высмеивают этих людей, объявляют чуть ли не сумасшедшими...

— А твоя Аэлита прилетела на тарелке?

— Это был золотой цилиндр, он так сверкал на небе, что больше ничего нельзя было рассмотреть. Глазам было больно. Но она... Аэлита показала мне кабину с диковинными приборами и себя, когда я попросил ее. Она удивительно красивая, но не земная... Я долго думал, на самом деле она такая или нет и решил, что она просто приняла тот облик, который привычен нам, людям, а на самом деле она совсем другая. По-видимому, про лицо она забыла — вот почему оно зеленое...

— Ты фантастику любишь? — безразличным голосом спросила она.

— Вот и ты мне не веришь,— усмехнулся он.— Было это, понимаешь, было! Я вот закрою глаза и снова все до мелочей отчетливо вижу! Да, на цилиндре были круглые окошки-иллюминаторы, внутри — дымчатые экраны, напоминающие наши телевизоры, только больше и совсем плоские...

— Я верю, Вадим, но твоя Аэлита могла принять тот облик, который тебе врезался в память с детства. Ты же сам говорил, что зачитывался «Аэлитой» Толстого... Вот она и взяла ее имя и ... запомнившийся тебе образ. Ты рассказывал, что у тебя было такое ощущение, будто невидимым щупальцем у тебя ковырялись в голове...

— Ладно, земная Аэлита, вставай, нужно ехать, мой шеф не любит, когда я подолгу задерживаюсь.

— Ты такой умный, а работаешь шофером... Возишь какого-то бонзу...

— У меня много свободного времени,— ответил он.— Я ведь заочно учусь в институте. И потом мой... бонза — неплохой дядька. Нос не задирает. Мы с ним как приятели... Хочешь с ним познакомлю?

— Не надо,— покачала она пушистой головой.— О чем я с ним буду говорить?

— Поговорить он любит! — усмехнулся Вадим.

Он пружинисто встал на длинные ноги, протянул ей руку, но она не торопилась подать свою.

— Здесь так тихо, спокойно,— сказала она.— Не слышно криков воспитательниц, детского плача, ругани, не пахнет описанными штанишками, кухней... Знаешь, что один пятилетний мальчик сделал: спустил штанишки, уселся в комнате на полу и навалил... Когда я его стала ругать, он мне сказал: «Гав-гав! Я — Шарик!» А

потом продекламировал: «Хорошо быть кисою, хорошо собакою, где хочу пописаю, где хочу покакаю». Кто его научил?

— Я где-то читал, что в Японии и ГДР некоторые родители позволяют малышам делать буквально все, что им заблагорассудится, дескать, запреты и строгое воспитание подавляет их несформировавшуюся личность и они вырастают травмированными, неполноценными...

Она нехотя подала ему руку и он неувовимо-быстрым движением поставил ее на ноги. Волосы почти полностью закрыли ее лицо, лишь глаза взблескивали в этой золотой занавеси. Она отвела тяжелые пряди за плечи, поправила короткую синюю юбку, открывавшую ее ноги выше колен, застегнула на две пуговицы старенькую шерстяную кофту со штопкой на локтях, тонкие, но стройные ноги были оливкового цвета, да и вся она была смуглой, лишь два острых бугорка грудей и не загорелая круглая попка сверкнули белизной, когда она, уже ничуть не стесняясь его, выходила из воды. Почему-то это вспомнилось Вадиму, когда он шел вслед за ней по травянистой тропинке к машине. Походка у Аэлиты была чуть подпрыгивающей, держалась она удивительно прямо, напоминая диковинную длинноногую красивую птицу из программы «В мире животных» — то ли цаплю, то ли фламинго. Старенькая юбка блестела сзади. Вадим подумал, что нужно будет с зарплаты обязательно отвезти ее в магазин и выбрать новую юбку и какую-нибудь блузку. Состоявшийся разговор на берегу лесного озера показал, что Лина — умная, наблюдательная девочка и с независимым характером. Он очень боялся, что она поднимет его на смех с этим рассказом об Аэлите... Но Лина слушала очень внимательно, даже теги сомнения не возникло на ее лице. Вот только отношение ее к небесной тезке было непонятное. И позже, в общегитии, лежа с закрытыми глазами на своей постели, Вадим умолял свою золотоглазую Аэлиту явиться к нему во сне и посоветовать: как ему быть с земной Аэлитой? И не по воле ли Небесной они встретились? И что их ждет впереди? В этой нищей, рабски-забитой стране, где рядом с проблесками сохранившейся издревле Чистоты, Благородства, Рыцарства, соседствуют скотство, хамство и убожество?..

11. Белая.

Галина Владимировна Белая пела в детсаде трикотажников «Буратино» старшую группу дошкольников. К работе она относилась с прохладцей, не скрывала, что ей до смерти надоели эти дебилные засранцы, как она «ласково» называла своих подопечных. Случалось, и отпускала им звучные пилепки по мягким местам. К Лине Москвиной она сразу расположилась, взялась ее опекать, подсказывать, как нужно обращаться с надоедливой малышкой, которая человеческого языка не понимает, зато мат знает в совершенстве.

— Это же дети алкоголиков, в Великополе пьяниц пруд-пруди, они с грудного возраста видят скандалы и слышат матерщину, я им читаю Барто: «Таня-Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч...» или «Мойдодыра», а они мне: «Галина Владимировна, что такое сучий потрох? Так папа называет мою маму!». А то и почище чего завернут.

Наверное, чтобы полностью соответствовать своей фамилии, Белая красила свои темно-русые волосы перекисью водорода, добиваясь снежной белизны. Она была выше среднего роста, тонконогая, с костлявыми коленками, но с оттопыренным задом и выставленными до половины папоказ большими грудями. Зубы мелкие, разреженные, рот тонкогубый и широкий. Красавицей ее никак нельзя было назвать, но вызывающий вид, короткое в обтяжку юбки и вульгарная походка, когда ягодички ходят как поршни, привлекали к ней определенный тип мужчин, ищущих приключений. По крайней мере, Галина Владимировна постоянно хвасталась, что у нее тьма поклонников и действительно, ее то и дело приглашали из детской в контору к телефону. Подходили иногда к детсаду молодые и не очень молодые мужчины встречать ее после работы. Случалось, и на мотоциклах и машинах. Разумеется, не с цветами, а с бутылками в оттопыренных карманах. Водку Белая не употребляла, а хорошее вино и шампанское любила. Вихляющей походкой, наманикюренная, с кровавыми губами, она направлялась к ним, бросая по сторонам высокомерные взгляды, вот, мол, какая я свободная и независимая, что хочу — то и делаю. Замужем она была три раза, от первого брака у нее росла дочь Октябрина. Уже училась во втором классе.

Бесцеремонность Белой, переходящая в наглость, раздражали Лину, но она старалась не показывать виду — Галина Владимировна была единственной воспита-

тельницей, которая практически помогала ей, наставляла. Например, Белая могла остановить в коридоре и, внимательно оглядев, громогласно заявить:

— Линка, ты чертовски аппетитный кусочек! С такими ногами и попкой ты могла бы большие деньги зарабатывать!

— Как это? — удивилась девушка.

— Станешь взрослее — поймешь, — улыбалась кровавым ртом Белая.

Лина и ей сообщила, что недавно исполнилось шестнадцать лет. Впрочем, пятнадцать-шестнадцать лет — какая разница? Белой скоро двадцать восемь, а ведет себя, как незамужняя кокетливая девица.

Или:

— Линка, кончай монашествовать, хочешь — познакомлю со сладким мужичком?

А «сладкими мужичками» она называла тех, кто вошел в ресторан, делал подарки. В общем, расплачивался за удовольствия... Это чаще всего были командировочные. Поделилась, что хотя в рестораны и ходит, но ничего не пьет, кроме шампанского, предпочитает лучше вкусно поесть. Она показывала капроновые чулки с черной пяткой и змеистой строчкой по шву, браслет к часикам, нейлоновую розовую кофточку — все это подарки поклонников.

— Еще моя бабушка говорила: «Даром только за амбаром!» — смеялась Белая. — Мне лунная романтика и поцелуи под каштаном ни к чему, все это было в далекой розовой юности, Линочка! Хочешь получить удовольствие — плати! Только так нужно поступать с мужиками. Одна иностранка, француженка, кажется, я ее в Ленинграде встретила, по-русски чешет, как мы, так она сказала: «Русские мужчины потому все время толкуют про любовь, что денег за нее платить не хотят!».

Лина слушала Галину Владимировну и не возражала. Во-первых, Белая не терпела, когда ей говорят поперек, сразу багровела, тонкие губы превращались в две красные полоски, карие глаза зло суживались, могла накричать, обзывать последними словами. Во-вторых, ей ничего было и возразить, все, о чем рассказывала воспитательница было дико для Лины. Она сравнивала ее со своей матерью, но мать все-таки при дочери как-то сдерживалась и не выворачивалась наизнанку, за исключением того последнего случая, когда предложила ей спать с отчимом...

Галина Владимировна перед концом работы, взволнованная, забежала к ней и сообщила, что нынче вечером они должны встретиться на площади Ленина, у почтамта, с киношниками из «Мосфильма».

— Ну и встречайся,— сказала Лина.— Я-то при чем?

— Ты что, глупышка? — искренне удивилась Белая.— Может, в кино снимут. Все городские девчонки весь день ошиваются у гостиницы «Москва», чтобы попасться им на глаза. Говорят, в нашем городе будут художественный фильм снимать про войну... Когда я помрежу, с которым познакомилась в ресторане, рассказала какие у тебя глазищи, фигура, он так и загорелся! Может, дадут роль со словами.

— В кино артисток снимают, а я кто? — возразила Лина.— Меня раз с двумя девочками из нашей школы пригласили в павильон киностудии «Ленфильм», несколько раз уже снимали, заставляли переодеваться, гримировали, а когда пришли на просмотр, так не успели себя и разглядеть на экране: промелькнули и все. А мы сдуру всем знакомым растрезвонили, мол, смотрите нас в кино...

— А деньги вам заплатили? — жадный огонек загорелся в подведенных черным карандашом глазах воспитательницы.

— По пять рублей за съемочный день,— вспомнила Лина. Деньги отобрала у нее мать, взамен купив ей синюю косынку.

— А я слышала, что артисты зарабатывают на съемках тыщи!

— То артисты,— улыбнулась Лина. Ее иногда поражала примитивность этой взрослой, бурно живущей женщины. Она тогда еще не решалась даже про себя подумать, что Белая не только примитив, но и глупа как пробка. Есть тихие пассивные дуры, которые никому не мешают жить, а есть активные, настырно вмешивающиеся в чужие дела, навязывающие свое мнение. Как в дальнейшем убедилась Лина — это самые опасные дуры, они могут и умного, как говорится, подвести под монастырь!..

Именно такой и была Галина Владимировна Белая. Лишь позже девушка заметила, что ее новую подругу сторонятся другие работники детсада. Злая, крикливая, никому не дающая спуска, Белая была злопамятной и мстительной, могла запросто оговорить человека, рассорить между собой воспитательниц, наговорить на них гадости доверчивым родителям.

Но в одном она была права: детишки раздражали и Лину, у большинства из них дурных наклонностей было

больше, чем положительных черт. Это проявлялось в выражениях, почерпнутых дома, в отношении друг к другу, жадности, примитивной хитрости. Конечно, были славные ребята: добрые, отзывчивые, забавные, но таких меньше. Эти не засыпали, когда Лина читала им сказки братьев Гримм или «Золотой ключик». Задавали интересные вопросы, иногда сами вдохновенно сочиняли продолжение особенно понравившейся сказки. В школе Лина рисовала, оформление классной стенгазеты лежало на ней. Она и здесь стала для ребят рисовать персонажей из сказок. Особенно ей удавались разные зверушки. Это все очень понравилось заведующей — Елизавете Дмитриевне Прокопенко. Она немного походила на своего брата Владимира Бурова, он вместе с Вадимом привел Лину в детсад. Полная, светловолосая, с круглым лицом и крошечным носиком, заведующая на первых порах часто заходила в светлую комнату, где занималась с детьми Лина. Она никогда не делала ей замечаний при детях, впрочем, для работы с ними и не требовалось большого искусства: дети были бы сыты, опрятны и не слишком шумели, отдыхали в положенный час, нормально вели себя на прогулке, а главное, чтобы никто не потерялся, точнее, не ушел куда-нибудь. Стоило выйти из переулочка, и начиналась улица Гагарина с интенсивным движением автотранспорта. Когда Прокопенко стала оформлять Лину, приказав, чтобы она как можно быстрее представила свои документы, то первым делом рассказала жуткую историю, произошедшую в прошлом году: пьяный шофер самосвала наехал на младшую группу детишек, шедших по тротуару в кино-театр с воспитательницей на просмотр мультфильмов. Пять детишек погибли под колесами, а воспитательнице в больнице отняли ногу. Об этом писали в городской газете.

— Я знала этого шофера, — позже рассказала Беляя. — Он на танцах лез ко мне, но я его быстренько отшила: жмот и вместо ресторана предложил с бутылкой водки пойти на берег Чистой... Я эту заразу в рот не беру.

— Ну и что шоферу? — поинтересовалась Лина

— Десять лет дали, — беспечно ответила Беляя. — У нас ведь за пьянку сильно не наказывают... А, еще будет платить Нинке Смирновой за ногу.

— За что?

— Ей ведь ногу оттапали наши коновалы в хирургии. Сейчас прыгает на костылях, а работает кассиром в кинотеатре «Победа». Я всегда беру у нее билеты без очереди, с заднего хода. Могу и тебя с ней познакомить.

— Ценный человек... — улыбнулась Лина.

Белая искренне не могла понять, почему Лина не пошла с ней тогда в ресторан с киношниками? Даже на некоторое время презирала юную коллегу, но вскоре снова зачастила к ней. Другие-то в детсаде едва с ней разговаривали. Высказала и свое отношение к таким вещам:

— Пока молода да красива, и нужно гулять, а что потом? Выйдешь замуж, пойдут детишки, сразу подурнеешь — я ни одной приятельницы еще не встречала, которую бы замужество красило! Быт, Линуля, затягивает, изматывает, старит любую красавицу! И мужья-то нынче пошли никудышные: пьяницы, бесхозяйственные, так и норовят из дому в компании, а то и к бабам. Бывает, и от складной жены бежит к страшилке, лишь бы не своя... Я трижды побывала замужем и раскусила их братию! Дерьмо, одним словом, а не мужики. Кто пьет, тот и в постели — слабак. Теперь еще этот телевизор, непьющий мужик как уткнется в него так и сидит днем на диване до ночи. Я больше замуж не пойду, хватит, наелась!..

— А предлагают? — спросила Лина.

— С такими чудиками, кто хочет жениться, я быстро рву,— заявила Белая.— От них одна морoka и никакого навару...

— Навару?

— Святая простота! — хохотала Белая.— Да если ты сумеешь по-умному распорядиться своей красотой, так будешь жить, как у Христа за пазухой. Я же вижу, как на тебя смотрят наши папы, которые приходят сюда в выходные за детишками.

Это Лина тоже замечала, но старалась не подавать папам повод вести с ней вольные разговоры. О сыне или дочке — это пожалуйста, Лина готова ответить на любые вопросы, а когда начинается разговор: «Откуда это у нас появилась такая хорошенькая воспитательница? И что она собирается делать нынче вечером? Не желает ли куда-нибудь сходить, может, в кино или театр?».

— С женой ходите, а я лучше с вашими детками буду гулять,— не очень-то вежливо и остроумно отвечала Лина. Получив несколько раз отпор, «папы» переставали к ней приставать. Белая изредка заводила скоротечные романы с «папами», но вела себя осторожно, так чтобы не дошло до Прокопенко. Тут уж заведующая никому не давала спуску.

Лина торопилась поскорее одеть малышей и сдать родителям, была пятница и многие забирали их домой, в семь должен был заехать или зайти Вадим. Они договорились пойти на новый заграничный фильм с интри-

гующим названием «Дьявол и его десять заповедей». На восемь часов, если успеют, а нет, так на десять. Поужинают в кафе. Лине было неудобно ходить в кафе с ним — всегда сам расплачивается. Она теперь тоже получает зарплату, пусть и небольшую. Вадим говорил, что ей нужно к зиме приодеться... Сегодня она решила с ним переговорить насчет того, чтобы вместе съездить в Ленинград, забрать кое-какие свои вещи, свидетельство о рождении, справку из школы, что она перешла в девятый класс. Она уже решила, что осенью пойдет в вечернюю школу в десятый, но туда тоже нужны документы. Как ей не хотелось встречаться с матерью и отчимом, но, видно, придется... А если что они задумают, например, не пустить ее в Великополь, то Вадим поможет. Этого кабана-коротышку Спиридонова он скрутит в бараний рог! Пусть только сунется! От заведующей детсадом она узнала, что приятель ее брата Бурова — Вадим Белосельский — боксер. И даже участвовал в соревнованиях, его фамилию печатали в афишах.

Белая тоже обратила внимание на Белосельского, последнее время частенько появляющегося в детсаде. Вот и сегодня она зашла в комнату, где ребятишки играли в кубики, дожидаясь прихода своих запаздывающих родителей. Ночная няня еще не пришла, и Лина не могла уйти.

— Липка, у меня идея! — как всегда громогласно и жизнерадостно начала она.

— Пойти с тобой на танцы, а потом в кабак с потрясающими мужчинами,— вставила Лина.— Выставить их и открутить «динамо».

— Откуда ты знаешь? — округлила и без того круглые карие глаза Белая.— Только не на танцы, а на лодочную станцию. И «динамо» ты будешь крутить, а мне придется и за тебя отдуваться... Не хочешь, Линок, на лодочке покататься? — Она подбоченилась и пропела: — Я-я на ло-о-одочке ка-а-талась...— и умолкла, морщина белый узкий лоб, видно, дальше не помнила.

— Я сегодня — в кино,— бросив взгляд на окно, сказала Лина.

— А-а, понимаю! — протянула Белая.— Вадимчика ждешь? Видный парень, ничего не скажешь, но... очень уж правильный! Не пьет, не курит... Правда, у него есть казенная легковушка... Тебе не скучно с ним?

— С Вадимом? — удивилась Лина.— Он умный...

— Умные и есть самые скучные,— сделала странный вывод Белая. Лина догадывалась, что она недолюбливает Вадима. Ведь он даже не смотрит в ее сторону, когда сюда приходит, а уж Галина и юбку повыше подтянет, по-

казывая свои тощие ляжки, и грудь из дскольте почти всю наружу вывалит. Головой как курица дергает, глазами играет. И все напрасно, как-то Вадим обронил, что такие наглые и глупые женщины ему не нравятся. Когда Лина спросила с чего он это взял, ведь не обмолвился еще с Галиной ни словом, вот тогда он рассказал об активных и пассивных дурах, которых чует за версту. Белую сразу причислил к самым опасным, — активным, даже предупредил Лину, что от нес можно всяких гадовстей ожидать...

— Понимаешь, Галина, ему от меня ничего не нужно,— задумчиво произнесла Лина.— Он заботится обо мне, помогает...

— Ну да! — воскликнула та.— Я не знаю мужчин! Прикидывается, дурочка. Видит, что ты еще целочка и не торопится... Скажи честно, тебе есть шестнадцать?

— В общем, скоро...— неопределенно ответила Лина. Шестнадцать ей должно было исполниться через восемь месяцев.

— Ну вот, осторожный гусь, боится под статью попасть за совращение несовершеннолетних. А на уме у них всех одно — задрать нам поскорее юбку и закабалить своей любовью, чтобы денег не давать.

— Он не такой,— убежденно сказала Лина.

— Тогда чего он крутится возле тебя? На машине катает? Небось и подкармливает?

— Перестань, Галина,— вспыхнула Лина.— Что я гусыня, чтобы меня откармливали?

— Может, он любит полненьких, пышечек,— рассмеялась Белая.— А ты хоть и красивая, но худая, как я. Нас, худощавых, изящных, любят как раз полные мужчины. Я смотрела французский журнал мод, там дохлые в моде. Есть такие красотки, кто нарочно морит себя голодом, чтобы похудеть. Кожа да кости. Мужичку не за что и подержаться... Так что мы с тобой, Липок,— королевы!

Лина передала родителям еще трех детишек, те сами одели их, остались лишь те, которых могли забрать на выходные, а могли и оставить. Мальчики и девочки, передвигая кубики, то и дело вскидывали пушистые головки к дверям, когда там появлялся кто-либо из взрослых. Наконец пришла ночная няня тетя Дуня, точнее бабушка Дуня, потому что ей было под семьдесят. Облегченно вздохнув, Лина сбросила белый халат, косынку и, оставив Галину потолковать с пришедшей, кинулась в свою комнатку переодеться. Если Вадим сейчас подъедет, то они еще успеют на восьмичасовой сеанс.

— На свиданку? — заглянула к ней настырная Белая. И Лина еще раз отметила про себя, что Вадим прав: Галина глупая и бесцеремонная, активная дура и слова какие-то полублатные употребляет. Может, ударение в таких простых словах, как руку, ногу, воду неправильно поставить. Правда, этим гршили многие коренные великопольцы.

— Закрой дверь,— сказала Лина таким тоном, что можно было понять с той стороны. Она как раз сбросила с себя платье и влезала в узкую шерстяную кофточку. Бюстгалтеров она не носила и две упругих маленьких груди не изменяли своей конфигурации, как бы она не двигалась и не пагивалась.

— Грудка-то у тебя, как два белых резиновых мячика,— завистливо заметила Белая.— А у меня после родов стала большой и рыхлой. Мужикам это нравится, но когда снимешь бюстгалтер, я ношу пятый номер, так сильно отвисает.

Лина промолчала, расчесывая свои длинные золотистые волосы перед круглым зеркалом, прикрепленном к высокому и узкому шкафчику, в которых хранили детскую одежду.

— Подкрась губы,— посоветовала Белая, наблюдая за ней. Комнатка была маленькой и она стояла почти вплотную за спиной, Лина даже ощущала затылком ее дыхание. Галина тайком курила в туалете — заведующая не разрешала курить в комнатах — и от нее пахло сигаретами.— Правда, они у тебя и так розовые...— Она фамильярно шлепнула девушку по обтянутому темной юбкой задку.— Попка у тебя очень уж соблазнительная...

— Галина Владимировна,— обернулась к ней Лина.— Вы же видите, я тороплюсь?

— Называй меня на «ты»,— великодушно разрешила Белая.— Я и с кавалерами сразу перехожу на «ты». «Вы» — очень уж официально.

— Галя, отойди от двери? — попросила Лина. Она уже была готова и смотрела на загородившую узкую дверь воспитательницу.

— Беги-беги, девонька,— отступила в коридор Белая.— Я тоже когда-то так же резво бегала на свиданки и при луне целовалась, и про звезды толковали, и клялись друг дружке в вечной любви, а кончилось все в парке, на садовой скамейке, где меня мой любимый невинности лишил, а когда я ему сказала, что забеременела, так «Гарун бежал быстрее лани...». Завербовался аж на Курилы, больше я его и не видела. Хоть бы крабов или икры, сволочь, прислал... Кстати, кто это стихотворение написал про какого-то Гаруна: Пушкин или Маршак?

— Лермонтов,— улыбнулась Лина.— До завтра, Галина!

— Пока влюблен в тебя, тяни, что можно, из него,— продолжала Белая, идя вслед за ней по сумрачному коридору к белому квадрату распахнутой двери.— На носу осень, а у тебя ничего теплого нету... — Галина, знаешь ты кто? — резко остановившись, повернулась к ней Лина. Глаза ее вспыхнули гневом.— Ты — активная дура, вот кто ты!

— Дура ... активная? — ошарашенно переспросила Белая.— Сама ты дура, подожди, еще спасибо скажешь мне за все... Дура и еще активная! Подумать только...— понизив голос, продолжала она, только Лины уже не было в коридоре — она бегом бежала к остановившейся у соседнего дома бежевой «Победе», из которой выглядывал улыбающийся Вадим.

12. Дождь в декабре

Они стояли перед обитой черным дерматином дверью с красной кнопкой звонка-гонг и синим почтовым ящиком. Перед дверью — зеленый ребристый резиновый коврик. За их спинами на лестничной площадке с запахами кошек горела тусклая электрическая лампочка, справа и слева другие двери с множеством кнопок звонков и ящиков. Вадим шагнул к ближайшей двери и вслух прочел:

— Мордухайлов И.Н. ... Ничего себе фамилия!

— Очень симпатичный старичок,— повернула к нему побледневшее глазастое лицо Лина.— Круглый год ходит с черным зонтиком на длинной изогнутой ручке, такие теперь не продаются...

— Бог с ним, со старичком!

— Он сказал, что из семейства кошачьих... Почему он так сказал?

— Звони,— сказал Вадим. Он видел, что она никак не может решиться.

— Ты не представляешь до чего мне противно видеть их рожи!

— Ладно, я сам позвоню,— Вадим шагнул к двери и решительно нажал на кнопку. Он не испытывал никакого волнения, мог бы с таким же успехом позвонить в любую дверь, даже к симпатичному старичку Мордухайлову И.Н. А Лина очень переживала, тонкая рука ее вцепилась в плечо Вадима, побледневшее лицо стало напряженным. Но вот щелкнул один запор, второй, дверь на цепочке немного приотворилась, и Вадим увидел приземистую пожилую женщину с бородавкой у носа, почти прозрачные глаза смотрели на него настороженно.

— Вам кого? — хрипловатым голосом спросила она. Лину отступившую к стене, не видела.

— Наверное, нас,— произнес Вадим и подтолкнул к двери Лину.

— Господи, доченька! — воскликнула женщина, увидев ее.— Откуда ты?

— Этот ... дома? — резко спросила Лина. Она не смотрела на мать, взгляд ее блуждал по двери.

— На дежурстве,— ответила та, не сообразив даже снять цепочку.

— Слава Богу,— сказала Лина.— Видеть его мне совсем не хочется. Ты, может быть, наспустишь?

— Что же это я? — забренчала цепочкой Валентина Владимировна. Пропустив в ярко освещенную прихожую дочь, снова загородила дорогу Вадиму.— А это кто такой еще?

— Он со мной,— обернулась Лина.— Ты что, его не хочешь пускать? Тогда и я не войду.

— Уже обзавелась ... хахарем,— пробурчала женщина, нехотя отступая вглубь прихожей.

— А что это такое — «хахарь»? — вежливо осведомился Вадим.

— Без провожатых не могла? Ты же домой пришла,— не отвечая ему, произнесла Валентина Владимировна. Она была в гладком коричневом халате с оторочкой на карманах, лицо без косметики казалось старым, невыразительным, с мешками под глазами.

— Мы ненадолго,— не раздеваясь, заговорила Лина.— Я возьму свое свидетельство о рождении — мне скоро паспорт получать — и кое-какие зимние вещи. В школе я уже была и получила нужную справку. Вот не знаю, как быть с пропиской...

— Какая ты деловая...— усмехнулась Валентина Владимировна. — Расскажи, где ты, как ты, я все-таки твоя мать.

— Все-таки! — язвительно заметила Лина, проходя в комнату. Мать зашелестела было в своих матерчатых в клетку тапках за ней, но тут же вернулась к Вадиму и произнесла:

— Как тебя?..

— Вас,— все так же вежливо поправил тот.— Вадим Андреевич.

— Раздевайтесь что-ли, Андреич...— сказала она.— Тапочки под вешалкой.

— Спасибо, я тут постою.

— Вольному воля...

Оглядев прихожую, будто запоминая, где что лежит, Валентина Владимировна скрылась в комнате вслед за

дочерью. Вадим слышал, как там отодвигались ящики шкафа, слышал звонкий голос Лины и приглушенный — Валентины Владимировны. Он взял с узкого стола у стены, где лежали газеты, туалетная бумага в связке, видно, только что купленная, «Огонек» и наугад открыл, на весь разворот цветная вкладка: трижды Герой Советского Союза Н.С.Хрущев стоит в Кремле в Георгиевском зале рядом с радостно улыбающимися космонавтами, тоже Героями. Космонавты Гагарин, Титов, Николаев, Леонов, Быковский и Попович ростом с него, а Терешкова — на полголовы выше всех. В те годы космонавтов подбирали низкорослых, а вот женщину, видно, не нашли. Как и всегда, подхалимский журнал поместил еще несколько фотографий с Хрущевым: Никита Сергеевич и другие руководители на выставке ВДНХ, Хрущев в московском горсовете. Не забыли на цветной вкладке и Ильича: репродукция картины А.Саханова «Ленин с детьми». Более-менее интересным был лишь очерк Хемингуэя, но наткнувшись на снимки, где известный писатель-гуманист палит в саванне из мощного ружья в исчезающего с лица планеты белого носорога и в других редких животных Африки, чтобы их рогами и шкурами украсить просторные комнаты виллы «Ла Ви-хиа» на Кубе, Вадим захлопнул журнал и небрежно бросил на прежнее место. Неплохо живут знаменитые писатели за рубежом: роскошная вилла, огромный катер «Пилар», коллекция ценных ружей и еще все, что душа пожелает. В России широко и просторно живут лишь приближенные к правительству литераторы. Взгляд его остановился на добром десятке самых разнообразных сумок, сложенных вместе и лежащих наверху квадратного высокого шкафчика-пенала и он вспомнил, что Лина рассказывала ему, что отчим нередко с дежурства приносил домой сумки с продуктами, вещами. Оказывается, Спиридонов, работая шофером на «скорой помощи», прихватывал их с места аварии. И явно похваляясь, дома рассказывал, что там, на месте происшествия, куда с сиреной и включенной мигалкой устремляется «скорая помощь», пужно не звать и подбирать валяющиеся неподалеку сумки или портфели. Бывает, хозяину ничего уже больше и не понадобится, а добру, что ли, пропадать? Не возмешь, так кто-нибудь из зевак, которых полно собирается на месте аварии, обязательно прихватит. Ведь «скорой помощи» подбирать на дорогах и улицах чаще всего приходится пострадавших без сознания или вообще уже окачурившихся... Шоферу достаются сумки-портфели, а дежурным врачам и медсестрам кое-

что посуущественнее, например, часы, кольца, кошельки. Не все, конечно, врачи этим промышляют, но двоих-троих из своей смены Спиридонов знает...

Лица и Москвина вышли из комнаты в прихожую. Вадим еще раз подивился, до чего они непохожие: ни одной черты матери Лица не унаследовала! В руках девушки — пухлая сумка с иностранной надписью. Загляывая ей в лицо, мать уговаривала:

— Липочка, может, останешься хоть на одну ночь? Спиридонов освободится не раньше десяти утра...

— У нас билеты на ночной поезд, — отвечала Лица. Билетов еще не было, но они надеялись купить их в кассе Витебского вокзала за час до отхода пассажирского поезда «Ленинград-Великополь», отправляющегося в час ночи.

— Чайку-то хоть попей? — Она смотрела на дочь и обращалась только к ней, делая вид, что Вадима вообще тут нет.

— Мы пойдем, — сказала Лица. Не заметно, чтобы она размягчилась, лицо такое же напряженное, огромные глаза стараются не смотреть на мать, она то опускает их, то вскидывает выше головы матери.

— Адрес-то хоть оставь, доченька? — заискивающе просила Валентина Владимировна. Красный кок нависал над ее узким лбом, бородавка казалась мухой, ползающей по жирной щеке. — Я даже не знаю, где ты живешь! В каком городе? Учишься или работаешь?

— Работаю и учусь.

— Крыша-то хоть ссть над головой? Я ведь думала, что ты к родному батьке подалась, написала ему, а он даже не ответил.

— Со мной все в порядке, — коротко ответила Лица и взглянула на стоявшего столбом в прихожей Вадима. Взгляд ее помягчел, полные губы тронула чуть приметная улыбка. — И потом, Вадим не даст меня в обиду. Никому.

— Вадим? — будто впервые заметив его, произнесла Валентина Владимировна. — Кто же он тебе? Сват-брат? Или...

— Только не говорите «хахаль», — вставил Вадим. — Мне это слово не нравится...

— А мне наплевать, что тебе нравится-не нравится! — вдруг зычно завопила Москвина, сверля его злобными сузившимися глазами. По-видимому, все ее накопившееся на непокорную дочь зло вырвалось наружу и почему-то обрушилось на Вадима.

— Прощайте,— кивнул Вадим и, пропустив вперед Лину, шагнул на лестничную площадку, хотел было хлопнуть дверь, но хозяйка уперлась в нее обими руками и широко распахнула.

— Сука! — вопила она, позабыв все приличия.— Как ты осмелилась заявиться ко мне, матери, с кобелем?!

Тут уж Вадим не выдержал: шагнул к двери, взялся за ручку и не так уж сильно, но резко толкнул дверь. Лязгнула цепочка, красное гневное лицо Москвиной исчезло, щелкнули внутренние замки.

— Хахарь, кобель...— спускаясь вслед за девушкой по стершимся бетонным ступенькам, говорил Вадим.— Меня никто еще так не обзывал.

Он улыбнулся, вспомнив, что столь же разгневанный председатель райпотребсоюза Петухов тоже крыл его последними словами...

— Вот видишь, где и с кем мне пришлось жить,— не оборачиваясь, произнесла Лина.— Ты бы еще посмотрел на этого... Спиридонова.

— Как-то нет охоты... Чего это на меня-то твоя мама-ша набросилась? Не понравился, видно...

— Разве это люди? Говорю, ты еще не видел Спиридонова... Вот это фрукт!

— Зато увидел в прихожей сумки, которые он подбирает на улице,— сказал Вадим.— Штук десять.

— Ты мне обещал показать дом, где жили твои знаменитые предки? — вспомнила Лина, когда они вышли на Литейный проспект.

— Ты его много раз видела...

— Все равно покажи,— потребовала она.

В Ленинграде в этот холодный декабрьский день с низкого свинцового, придавившего город неба моросил мелкий невидимый дождик. Новый год на носу, а снегом и не пахнет. В Великополе, когда они уезжали оттуда, было белым-бело, а из окна плацкартного вагона расстилались окрест снежные поля с сугробами, даже на телеграфных проводах налип снег. Прохожие держались подальше от зданий, сверху, особенно возле водосточных труб, свисали бугорчатые, с желтизной заостренные сосульки, кое-где тротуары были огорожены веревками с красными тряпицами. На крышах трамваев и троллейбусов еще держались прилепившиеся желто-красные листья. Светлые «Волги» с шашечками по бортам и зелеными огоньками с шипением проносились мимо, волоча за собой туманное облако.

Лина была в синем плаще, перетянутом широким поясом, теплых резиновых сапожках и коричневой вязаной шапочке, Вадим — в зеленой капроновой куртке на

искусственном меху и зимней шапке из кроличьего меха. Он благодарил судьбу, что вместо валенок надел теплые тупоносые башмаки. Хорош был бы сейчас в этой мокроте в валенках!

— Я думала, что-то дрогнет во мне, когда я увижу мать, и ничего не дрогнуло,— сказала Лина.— Господи, прости меня, но я совсем не люблю свою мать. И она все сделала, чтобы я родного отца возненавидела. Я вспоминаю, он приходил ко мне, но мать его и на порог не пускала...

Вадим дипломатично промолчал. На автобусной остановке они сели на четырнадцатый автобус и доехали до Садовой, а оттуда пешком прошли по влажному Невскому до Аничкова моста. Прохожие с пасмурными, как и погода, мокрыми лицами двумя потоками неспешно текли по тротуарам от Дворцовой площади до Московского вокзала. Или наоборот? Ни один проспект в Ленинграде так не многолюден, как Невский. Что привлекает сюда людей: красивые дворцы, архитектурные ансамбли, памятники или зеркальные витрины магазинов?

— Она не особенно и уговаривала меня остаться,— думая о своем, говорила Лина.— У нее Спиридонов — свет в окошке. Посмотрел бы ты как она заглядывает ему в рот! Ты знаешь, о чем я жалею? Что ты не дал ему в морду... Мне хотелось бы посмотреть на его наглую разбитую рожу!

— Какая ты кровожадная,— улыбнулся Вадим.

— Я не нужна им, она даже адрес не попросила...— Лина неожиданно остановилась и, не обращая внимания на обтекающих их с обеих сторон прохожих, схватила его за рукав и гневно заговорила:

— Почему живут на свете такие подлые люди, Вадим? Откуда они берутся? Может, потому что Бога забыли?

— Вернее, Бог их забыл,— вставил Вадим. Он осторожно высвободился и взял ее под руку.— Церковь исстари заботилась о нравственности верующих, а после семнадцатого все это было разрушено, сметено и вместо гуманной общечеловеческой нравственности придумали человеконенавистническую коммунистическую мораль. В России стали хозяевами черные люди, поклоняющиеся Сатане.

— Черные...— задумчиво произнесла она.— Значит, есть и Белые!

— Я по лицам, глазам различаю Черных и Белых людей,— сказал Вадим.

— А Красные есть?

— Красные? Не знаю...

— Красные — это те, кто убили твоих родителей,— продолжала она.— Красные люди — это убийцы, палачи! — Она взглянула на Вадима.— Научи меня, как отличать Белых от Черных и Красных?

— Белые люди творят на земле Добро, их охраняют Ангелы-хранители, а Черные служат Дьяволу. Их охраняют черти, другая Нечистая сила. У Белых над головой аура...

— Аура...— повторила она.— Красивое слово.

— Но ауру — сияние вокруг головы — видят очень немногие люди.

— А ты видишь?

— Я чувствую,— ответил он.— Мне трудно это объяснить, но я точно знаю: кто Черный человек, а кто — Белый.

— А я какая?

— Ты — прелесть,— улыбнулся он.

— Отвечай на мой вопрос,— потребовала она.

— Конечно, Белая,— убежденно произнес он.— Даже не Белая, а Золотая Аэлита.

— Опять свою Аэлиту вспомнил...— вздохнула она.

Они остановились, перейдя Аничков мост. Вадим кивнул на роскошный дворец с несколькими вывесками под стеклом у дверей:

— Вот он.

— Этот? — не поверила Лина.— Здесь жили твои предки? Как их фамилия?

— Как и моя: Белосельские-Белозерские.

— Они были буржуи?

— Они были крупные государственные деятели России, князья,— спокойно поправил Вадим.

— Никогда не слышала про таких!

— Нам всем с детства внушали, что все старое — дерьмо, а все нынешнее — самое лучшее, передовое, самое великое... У нас, Лина, украли историю и подменили ее лживым «Кратким курсом» да биографиями Сталина и Ленина. Чьими именами названы улицы Петербурга? Именами цареубийц, террористов, палачей русского народа...

— Ты говоришь так, как передают по радио оттуда, из-за границы,— заметила девушка.— Спиридонов иногда ловил эти... голоса. Их глушат. Но ведь это наши враги?

— Думаешь, там за границей враги? — глядя на дворец, сказал Вадим.— А мне сдается, что они тут, рядом с нами: подслушивают, заглядывают в замочную скважину, копаются в наших родословных, подшивают в папки

доносы Черных людей... Но они — исполнители, мелочь, а самые главные враги — это те, кого мы не видим, кто сидит в кабинетах, окружив себя охраной, кто отдает человеконенавистнические приказы и живет так, как не жили цари и князья в старой России... За что расстреляли моего отца? Он много сделал для Родины, воевал с фашистами, награжден, а мать? Она занималась в институте литературой, классикой. Почему ее в тюрьме довели до самоубийства? Дедушка мне рассказал, что следователи-палачи заставляли ее под пытками оговорить папу... Я десять лет был сыном врагов народа, а теперь и отца и мать реабилитировали, но мне от этого разве легче?

— Ты один и я одна... при живых родителях. У родного отца другая семья, дети, а мать... ну ты сам все знаешь... — Она снова перевела взгляд на дворец. — Давай зайдем туда, походим по залам?

— Не пустят...

— Там, наверное, картины, бронзовые скульптуры, фарфор, как в музее?

— Вряд ли, все растащили, разграбили в семнадцатом...

— Твои предки жили в этом прекрасном дворце, а тебя выкинули из обыкновенной квартиры... Где же справедливость?

— Спроси об этом у Черных людей или у Красных, как ты их называешь! — горько усмехнулся он.

— А кто там... помещается? — кивнула она на дворец.

— Я думаю — Черные люди, враги. Для того они и отобрали у таких, как мои предки, дворцы, дома, виллы, чтобы самим там поселиться. В революцию орали: «Мир хижинам — война дворцам! Грабь награбленное!». А как обманули глупый народ и все захватили, так первым делом и переселились в особняки и дворцы. Все партийные и советские учреждения в городах размещаются в лучших исторических зданиях.

— Враги... Это Черные люди? Черные и Красные?

— Ты подумай, — уклонился от прямого ответа Вадим. — Он-то точно знал, кто в России враги, но стоило ли смущать этими признаниями еще юный ум Аэлиты?..

13. Улыбка Джоконды

Лине стало жарко и она прямо на снег сбросила куртку с воротником из искусственного меха. Эту куртку она привезла из Ленинграда вместе с другими зимними вещами, но все было ей тесно и мало. Наверное, за лето она еще немного выросла. Отставший от нее на лыжах Вадим, подобрал куртку, засунул ее за лямки рюкзака. Снимать его, развязывать и укладывать туда куртку не захотелось. До турбазы «Саша» оставалось километра три. Автобус из Великополя привез их в Пушкинские Горы в четвертом часу. Лине очень хотелось побывать на могиле Пушкина, но тогда бы они и до сумерек не добрались до турбазы. Вадим пообещал ей, что они сделают 2 января 1964 года, когда поедут обратно в Великополь. До автобуса можно будет выкроить несколько часов и побывать в Святогорском монастыре.

Посхватить на Новый год к деду Вадим задумал сразу после возвращения из Ленинграда. Он все рассчитал: выедет утром из Великополя на рейсовом автобусе, встанет на лыжи и к вечеру будет у деда. Вряд ли на Новый год нагрянут туда районные начальники, Новый год — семейный праздник да и из письма от Григория Ивановича Добромыслова он знал, что обильный снегопад отрезал турбазу от райцентра, до нее не доберешься и на вездеходе. За хлебом и продуктами раз в неделю ходит на лыжах. Зайцы и белые куропатки шарахаются прямо из-под ног. К новогоднему столу будет жареная зайчатина.

Его план чуть было не поломала Лина, предложила Новый год отпраздновать вместе. Белая уговаривает пойти к ее хорошим знакомым, где будет все: елка, музыка, шампанское, гусь с яблоками и интересные молодые мужчины... Тут Вадим и рассказал ей о своих планах, Лина с воодушевлением заявила, что она всю жизнь мечтала встретить Новый год в лесу, где елки и ели растут прямо из снега, а не стоят в комнате на крестовине и не лампочки разноцветные горят на них, а над головой сверкают звезды... Это ведь так здорово! У нее заблестели глаза, а радостная улыбка не сходила с порозовевшего лица...

— А ты умеешь ходить на лыжах? — сдвываясь, спросил Вадим. Ему и в голову не приходила мысль пригласить с собой девушку. Во-первых, она в его представлении все еще малолетка, во-вторых, как на все это посмотрит строгий дед...

— Я еще тебя обгоню! — весело щебетала она. Вадим заехал к ней на работу поздравить с Новым годом.— Ты даже не знаешь, что у меня юношеский разряд по гимнастике и я с пятого класса занималась в детской балетной школе...

— Вот откуда у нее эта легкая летящая походка, удивительная гибкость и стройность фигуры!

— А потом преподавательница заявила, что я для балерины слишком высока,— рассказывала она.— Я и перестала танцевать.

— Тебе же нужен лыжный костюм, ботинки... Какой у тебя размер?

— Тридцать пятый...

Вадим, прихватив в общежитии свои сбережения, помчался в магазин спорттоваров и едва успел до закрытия приобрести все необходимое для лыжной прогулки по лесу. Даже два рюкзака купил и запасные лыжные крепления. Его новогодним подарком девушке был синий шерстяной спортивный костюм. В общежитии до самой ночи прилаживал крепления к новеньким лыжам «Карелия» и черным кожаным ботинкам. И от всей этой предпраздничной суеты он испытывал удовольствие: молодец Лина, что надоумила его взять ее с собой на турбазу. Теперь и праздник приобрел в его глазах большую привлекательность.

И вот они 31 декабря скользят по белой лесной дороге, обрамленной с обеих сторон заснеженными соснами и елями. Не помни Вадим дороги, он бы не пошел ее — сплошная девственная снежная равнина. Ни следа машины, лошадиных саней, даже лыжной колеи. Снег почти с макушкой укрыл маленькие елки, причудливыми сугробами громоздились они на опушках. Дятлы и белки кое-где испещрили снежную белизну свежей коричневой трухой. По-видимому, снег шел несколько дней подряд, ветви деревьев согнулись под тяжестью налипшего на них снега, некоторые нижние ветви обломались и на желтых разломах выступила янтарная смола. Когда они оставили позади последние постройки райцентра, было не морозно, но к вечеру температура стала понижаться, правда, они этого не чувствовали, тем более, что ветра не было. Лина действительно скользила на своих новеньких узких лыжах легко, то и дело наступала Вадиму на пятки, вот тогда он и пропустил ее вперед прокладывая колесо по целине. Снежный настил держал хорошо и лыжи почти не проваливались. Но скоро девушка устала и предложила своему спутнику снова идти впереди.

Солнце светило сбоку, от деревьев и сугробов протянулись голубые тени. Небо было зеленоватого цвета,

очень высоко плыли продолговатые, похожие на веретена гигантские облака. Кося на лыжников блестящим глазом, со звучным курлыканьем в стороне низко пролетел большой ворон. Все его литое тело, широкие мощные крылья отливали металлическим блеском.

— Кто это? — остановившись, проводила взглядом величественную птицу Лина.

— Ворон,— сказал Вадим,— Хозяин леса.

— А медведь? Я думала хозяин — Топтыгин.

— Люди давно уже уничтожили крупных животных. Их теперь только в зоопарке увидишь... Лоси, волки, зайцы, лисицы еще изредка встречаются, да и их скоро выбьют.

— Черные люди?

— Белые Божью тварь не обидят,— сказал Вадим.

— Я читаю детям сказки про зверей, даю поиграть плюшевых мишек, зайчиков, слонят. Они так любят их, называют ласковыми именами, а потом вырастут и будут стрелять в животных и птиц? Станут Черными людьми?

— Научи их Добру, Вере в Бога, молись за них — и они никогда не станут Черными.

— Я думала, Белыми людьми рождаются,— сказала она.

— Всю страну наводнили марксистско-ленинской литературой, а дети даже не знают, что такое «Закон Божий».

— Я про такую книгу и не слыхала.

— А до революции в гимназиях изучали «Закон Божий». И люди были лучше, чище, благороднее. Религия учила Добру, Вере, Благодородству.

— А Черные люди все это отменили,— подхватила она.

Опершись на бамбуковые палки, Лина смотрела на Вадима. Глаза у нее еще посветлели, стали почти такого же цвета, как сугробы. Новый лыжный костюм обтягивает ее стройную фигуру, будто она в трико. Или Вадиму показалось или на самом деле острая грудь ее стала больше, а бедра выпуклее. Говорят, когда ты рядом все время с человеком, даже ребенком, то не замечаешь, как он растет, изменяется, а вот он, Вадим, видит, что Аэли-та превращается из юной угловатой девочки в красивую статную девушку. Много сейчас пишут об акселератах (слово-то взято почти из автомобильного арсенала), что дети рано созревают, особенно девочки, воп уже у пятиклассниц груди торчат из-под школьной формы, а у некоторых задницы и ноги, как у зрелых женщин. Лина тоже — акселератка. Но этот технический термин совсем

не подходит к ней. Несмотря на высокий рост, худобу, она очень женственна. Приятно смотреть, как она вскидывает голову с ворохом густых золотистых волос или плавно поворачивает длинную белую шею, а какая у нее красивая белозубая улыбка! Не зря же ее совсем девчонкой пригласили сниматься в каком-то фильме. Правда, без слов.

— Ты что на меня так смотришь? — несколько раз взмахнув длинными, загнутыми вверх ресницами, спросила Лина.

— Красивая ты... — улыбнулся он. И хотя немного тревожила встреча с дедом, Вадим уже не мог представить себе Новый год без этой девчонки.

— Ты говоришь как мужчина или ... брат? — помолчав, спросила она. Круглые щеки ее порозовели, на простоволосой голове посверкивают снежинки, точнее, изморозь. Лыжная красная шапочка с белым помпоном торчит из кармашка ее маленького рюкзака за спиной. Смотрит прямо в глаза, не смущается. Вообще, он заметил, что Лина совершенно не кокетлива, говорит что думает, первой не отводит глаза, не уходит от разговоров на любые темы. Помнится, тогда на озере у Мартьянова, она даже не попросила его отвернуться, когда, выйдя обнаженной из воды, стала одеваться. Он сам отвернулся. Конечно, он испытывал тогда известное возбуждение, ему до смерти хотелось обернуться и взглянуть на нее, но он подавил в себе это желание. Пусть она выглядит почти как взрослая женщина, но ей всего пятнадцать лет! Вадим считал недостойным мужчины даже прикоснуться к ней, тем более она рассказала об испытанном ею отвращении, когда отчим пытался ее изнасиловать.

— Вадим, ты хочешь меня поцеловать? — спросила она, все так же глядя ему в глаза. Сейчас они казались двумя озерами с зелеными березами, маленький припухлый рот приоткрылся, показав ровную белую полосу зубов. На нежной шее правее подбородка голубела тоненькая жилка.

Из его головы вылетели все благие мысли о ее возрасте, невинности: перед ним, выпрямившись, так что тонкая материя спортивной блузы с белой полоской у шеи еще больше очертила острую треугольную грудь, стояла красивая девушка и ждала...

Ее губы были горячими и неопытными, они то сжимались, то чуть приоткрывались, он ощущал, как часто стучало ее сердце, как напряглось и подалось ему навстречу упругое девичье тело. С шорохом упала ее палка, задетая его локтем, от ее волос, щекоотававших щеку, пахло снежной свежестью и хвоей. Он даже не понял, что слу-

чилось, когда они вместе с лыжами упали в сугроб, разгоряченное лицо его зарылось в податливый обжигающий снег, а в ладони очутилась ее твердая, будто каучуковая грудь...

Громкое курлыканье оглушило и отрезвило его. Разлепив глаза, он оторвался от часто дышащей девушки, ее глаза были закрыты, лицо пылало, а тонкие руки не отпускали его шею. Оказалось, что она лежит на нем, их ноги с лыжами перепутались, его рюкзак колот спину, он вспомнил, что там бутылка шампанского и копыа, горбуша и мороженный морской окунь — все, что он успел перед отъездом купить.

— Лина, Лина... — шептал он, осторожно ворочаясь под ней. — Мы с ума сошли! Слышала, как ворон на нас рассердился?

Глаза ее распахнулись, будто с них сдернули шторку и он впервые близко увидел ее черные расширившиеся зрачки.

— Ворон? — хрипло произнесла она, не отпуская его шеи. — Какой ворон?

— У меня рюкзак на спине, — сказал он, отчетливо чувствуя ноющую боль. Попытался приподняться, но из этого ничего не вышло. — Где мои ноги?

— А мои? — стала приходить она в себя, отпустила его шею, скатилась на бок и вдруг звонко, на весь лес, так что пошло гулять эхо, рассмеялась, неожиданно оборвав смех, сбоку посмотрела на него: — Зачем ты толкнул меня в сугроб?

— Я? — удивился он, поднимаясь на ноги. — По-моему, ты лежала на мне, а не я на тебе.

— А надо было наоборот? — дурачилась она. — Тоже встала и отряхнула с костюма снег. — Знаешь, Вадим, ни ты меня, ни я тебя не толкали — это нас толкнул друг к другу... Бог!

— Бог, — машинально повторил он и вдруг все сразу вспомнил: они находились точно в том же месте, где Вадим мальчишкой увидел золотой кораблик и небесную Аэлиту! Да, это была та самая местность. Возвращаясь из школы, он всегда сворачивал на лыжную возле вои той огромной сосны с кривым обломанным суком...

— А, может, Дьявол? — насмешливо спрашивала Лина. Она уже встала, надела красную шапочку, рукавицы и с улыбкой смотрела на Вадима. И снова уж в который раз он поразился неувимой игре ее глаз: сейчас они были мишдалевидными, голубыми с зеленою и золотистыми искорками. Вспухшие губы стали пунцовыми, по розовому яблоку рдело на белых щеках.

— Пошли,— с трудом отводя от нее взгляд, сказал Вадим.— Зимой темнеет сразу.

— А где твои волки, зайцы?

— Они смотрят на нас...

— Эй, волки-зайцы! — звонко крикнула она.— Выходите из своих снежных нор, мы вас не тро-нем!

— Ты многого хочешь, Аэлита.

— Я их всех люблю: волков, лисиц, зайцев, воронов...

Остановившись у сосны с кривым суком, Вадим показал девушке, откуда он увидел золотой цилиндр в небе, как охватило его тогда странное оцепенение и перед глазами возникло зеленоватое золотоглазое лицо Аэлиты...

— Ну тогда это она...— глядя задумчиво на голубое небо, произнесла девушка.— Она захотела, чтобы мы ... поцеловались.— Лина перевела взгляд на Вадима: — После того раза, когда Спиридонов набросился на меня, я думала, больше ни один мужчина до меня не дотронется... Я не позволю. А ты и я ... Мне было так хорошо, хотелось, чтобы ты был совсем близко со мной... Я слышала, как бухает твое сердце. А глаза твои стали зелеными...

— А твои голубыми...

— Мне еще чего-то хотелось... И я перестала ориентироваться, забыла где мы, кто мы ... Мне было жарко и немножечко страшно.

— Нужно идти,— отвел он глаза.

— Ты не романтик, Вадим,— вздохнула она.— И почему тебя золотоглазая Аэлита выбрала?

— Она тебя мне послала.

— Как посылку по почте,— улыбнулась она.

Тени на глазах сгущались, сугробы, в которых укрылись молодые елки, стали синими, солнце скрылось за кромкой бора, колючие вершины окрасились в багровый цвет, широкая огненная полоса на небе тускнела, как угли в гигантской печи. Еще час — и появятся первые звезды, а луны не видно. Вадим решительно заскользил по снежному насту, нужно до темноты добраться до турбазы. В сумерках не мудрено и заблудиться, кругом снег и сосны с елями. А дороги нет.

— А что ты скажешь своему дедушке? — спросила Лина. Ее лыжи иногда паезжали сзади на Вадимовы и он чуть не падал, но сколько бы не прибавлял ходу, девушка не отставала.

— Скажу, что ты и есть моя таинственная Аэлита,— не оборачиваясь, уронил он. Что он еще мог Григорию Ивановичу сказать?..

— Не поверит, я обыкновенная, земная, а твоя Аэлита из другого, неизвестного мира. А, может, она дух?

— Духи на космических кораблях не летают. Они вездесущи, для них нет преград и расстояний.

— Я немощно боюсь твоего деда,— призналась она.

— У меня очень хороший, умный дед,— успокоил Вадим.— Он ни о чем нас не будет спрашивать.

— А у меня даже деда нет,— печально произнесла Лина.— И бабушки — тоже. У меня никого нет...

— А я? — вырвалось у него.

— Ты видишь во мне свою небесную Аэлилу,— говорила ему в спину она.— Ты будешь нас все время сравнивать и хоть у той Аэлиты — зеленое лицо, она все равно тебе больше нравится.

— Я забыл тебе сказать,— вдруг вспомнил он и остановился.— У небесной Аэлиты с золотого корабля была на лице улыбка Джоконды...

— Джоконды?

— Знаменитой Моны Лизы Леонардо да Винчи. Несколько веков никто не может разгадать тайны этого знаменитого портрета. Может, Джоконда — это и есть космическая Аэлита, явившаяся в средневековье к великому художнику?

— Но она ведь некрасивая, эта Мона Лиза,— заметила Лина.— Я видела в альбомах ее. Да и в учебниках ее портрет есть.

— Я думаю, что эта картина — послание нам, людям, оттуда! — показал глазами на темнеющее небо Вадим.— В картине заложена какая-то тайна, которую пока невозможно постичь смертным.

— Красиво говоришь,— рассмеялась Лина.— Иногда ты напоминаешь мне нашего учителя по литературе. Он тоже любил фантазировать на уроках. Говорил, что не верит, будто Борис Годунов убил в Угличе царевича Дмитрия, а Сальери — отравил Моцарта. Мол, и Пушкин увлекся и возвел напраслину на честных людей. И по-моему, верил в Бога. Мы все его любили, а директор его ненавидел, к чему-то придрался и уволил... Вот что учитель нам говорил: «Вначале существовал лишь вечный, безграничный темный Хаос. В нем заключался источник жизни. Все возникло из безграничного Хаоса — весь мир и бессмертные Боги...».

— У тебя хорошая память,— улыбнулся Вадим и чуть не полетел на снег.— Лина, ты можешь мне не наступать на лыжи?

— Я все могу, милый! — рассмеялась она.— Даже полюбить тебя...

— Если не хочешь заблудиться и заночевать в лесу, то лучше помолчи, а то мы никогда не доберемся до турбазы,— грубовато сказал он, прилагая все усилия, чтобы не остановиться и не поцеловать ее.

Какое-то время она молчала, лишь слышался визг по насту ее лыж, а потом негромко произнесла:

— Нет, я лучше выйду замуж за кого-нибудь другого, а ты, милый, жди свою золотоглазую Аэлиту-Джонконду!..

Часть третья

1973 год.

Большая скука

*...Не придет Царствие Божие приметным образом,
И не скажут: «вот, оно здесь»,
или: «вот, там». Ибо вот,
Царствие Божие внутри вас есть.*

Евангелие от Луки.

*Судьба с уродством красоте сливает,
Чтоб в хаосе гармонию сгубить...*

У.Шекспир

1. Кто виноват

Уж который раз Вадим вертит в пальцах небольшой вырванный из записной книжки листок в клетку. Он был безжалостно скомкан, затем тщательно разглажен — полежал несколько дней в толстенном орфографическом словаре Ожегова. Ее косой почерк с характерными буквами «д» и «у». Она почему-то ножки к этим буквам выписывает размашистыми, треугольными. Короткий текст он помнит наизусть: «Мой милый князь! Меня покинул мой Белый ангел-хранитель, видно, его одолел Черный. Я уйду от тебя, наверное, ты слишком хорош для меня, я тебя не достойна. Он дьявол или святой, как Григорий Распутин, я еще не знаю, но он позвал меня и я ничего не могла с собой поделать! Помчалась, очертя голову, в рай или ад, я еще не ведаю... Я знаю, ты гордый, князь, и искать меня не будешь, да и не найдешь: я как тот колобок, который и от бабушки ушел, и от дедушки ушел...

Прощай, дорогой! Мне очень стыдно, я делаю тебе больно, но я сейчас счастлива! Как никогда!

Аэлита».

Это случилось, когда он был в Ленинграде. 1973 год был для Вадима годом больших перемен в жизни. Сразу после Нового года пришла телеграмма от бывшего сослуживца и друга отца — Арсения Владимировича Хитрова. Вадим диву давался, как тот смог отыскать его в Великополе? Как потом выяснилось, покойный Григорий Иванович Добромыслов сообщил Хитрову адрес Вадима. Дед умер в 1970 году. Оказалось, что все эти годы после смерти егеря, Хитров восстанавливал в законных правах сына Андрея Васильевича Белосельского, реабилитированного еще в шестидесятые годы. Он добился, чтобы Вадиму предоставили квартиру. Ту, в которой арестовали отца и мать, конечно, не удалось получить, но Ленгорисполком выделил Вадиму Белосельскому сносную квартиру с двумя смежными комнатами на Греческом проспекте с окнами, выходящими на небольшой сквер. Квартира была в старом каменном пятиэтажном доме без лифта. На третьем этаже. Одна квадратная комната — 18 метров с двумя окнами, вторая, узкая — 13 метров с одним окном. Кухня просторная, но небольшое окно выходило на желтую стену соседнего дома и даже в светлый день было сумрачно, лишь к вечеру, когда солнце обливало стену, становилось светло.

Можно сказать, что Вадиму крупно повезло: Хитров к этому времени возглавил научно-исследовательский институт, в котором когда-то работал отец Вадима, был депутатом Горсовета, с ним считались, но самое главное, в этот проклятый век лжи и государственного цинизма, глубокого загнивания при Брежневке всей страны, сохранил свою порядочность человек, занимающий в этой епархии высокий пост, каждодневно сталкивающийся с тупостью, серостью, беспринципностью властей, а в брежневское время не любили умных, порядочных руководителей — выдвигали подхалимов-карьеристов, пресмыкающихся перед вышестоящим начальством. Возможно, удержался на своем посту Хитров и потому, что НИИ, возглавляемый им, был закрытым и занимался в основном разработкой и конструированием военной радиотехники. И некомпетентные в этих вопросах партийные чиновники редко совали туда свой нос. Институт находился в ведомстве Министерства обороны.

Во времена, когда обыкновенная человеческая порядочность и бескорыстность цинично считались чем-то диковинным, а любовь к ближнему, верность в дружбе — анахронизмом, пережитком прошлого, быть Человеком с большой буквы было трудно, а подчас и вовсе невозможно. В партию при Брежневке хлынули жулики, карьеристы, рвачи, а директор института Хитров был беспартийным. И если поначалу его понуждали срочно вступить в ряды КПСС, то потом сообразили, что как беспартийный, он тоже выгодная фигура: всегда можно в консульствах или посольствах, куда изредка приглашали Хитрова, заявить, что вот, мол, у нас руководят крупными институтами и беспартийные товарищи...

Арсений Владимирович прислал серую «Волгу» на Московский вокзал, сам он приехать не смог, был в Смольном, Вадима встретила его дочь, Вера Арсеньевна. Он бы никогда не узнал в этой модно одетой молодой женщине ту самую белобрысенькую курносую Верку, которую звали синицей. По телефону из Великополя Вадим сообщил Хитрову, что у него билет в шестой вагон. Выйдя на многолюдный перрон, Вадим и не надеялся, что его кто-нибудь встретит, он помнил адрес Хитровых и намеривался сначала побродить по Ленинграду, а к вечеру подойти к ним. Крутлолицая блондинка в высоких светлых сапожках — дело было весной — и черном плаще сделала шаг навстречу ему и сдавленно произнесла:

— Вадим? Господи, я тебя еле узнала. Как ты изменился! Совсем другой человек!

То же самое мог он сказать и ей, но вместо этого взял за локоть и повел в густой толпе приехавших и встречающих ко входу в вокзал.

— Тебя теперь тоже сипицей не называют? — улыбнулся он.

— О-о, я — важная дама!

— Сколько же лет мы не виделись? — вспомнил он. — Двадцать... Больше двадцати! Нам тогда было по десять-одиннадцать, а теперь... мне тридцать.

— Я тебя младше на три года, — вставила Вера. И он вспомнил, что для женщины возраст — запретная тема. Все они хотят казаться моложе.

Он думал, они пройдутся пешком, но Вера подвела его к «Волге».

— Вообще-то отец не любит использовать машину не по назначению, — сказала она, — но тебе нужно срочно в горисполком, какие-то бумаги подписать.

Пока он был в горисполкоме — бумаги уже были оформлены и ему вручили ордер на квартиру. Женщина, оформлявшая документы, улыбнулась:

— Вы — счастливчик! Прописаться и получить прописку в Ленинграде квартиру — это фантастика.

— И даже без взятки, — не удержался и брякнул он.

— У вас влиятельные покровители, — погасив улыбку, буркнула женщина.

Они осмотрели квартиру на Греческом проспекте, Вадиму даже и в голову не пришло, что можно было отказать и потребовать другой ордер, ведь их квартира на Лиговке была гораздо больше и лучше, чем эта.

— Тебе нужно купить старинную мебель, сейчас можно дешево в комиссионках подобрать все, что необходимо. Какие тут потолки! Больше трех метров. А современные квартиры малогабаритные, вот люди и сдают в комиссионки старинную громоздкую мебель, а покупают стандартную, из прессованной древесины.

— Я смотрю, ты специалистка! — улыбнулся Вадим. Он все еще не мог поверить, что эта пустая с застоявшимися запахами квартира с выцветшими бурыми обоями и неровным потемневшим паркетом принадлежит ему.

— Я прошла все это, — сказала Вера.

— Что — это? — не понял он.

— Была замужем, обставляла квартиру, бегала по магазинам и базам, доставала финские краны, плитку, чешскую кухню с мойкой из нержавеющей стали, люстры... И вот осталась с пятилетним сыном, мебелью и с хромированными импортными кранами в голубой ванне.

— А муж?

— От мужа я откупились: дала ему деньги на кооперативную однокомнатную квартиру, на первый взнос, а сама осталась с сыном в своей двухкомнатной.

Она спросила, женат ли он, где работает знает от отца.

— У меня замечательная жена,— рассказывал Вадим.— С ней не соскучишься: заставила венчаться в церкви, в ЗАГС я ее так и уговорил пойти и она не хочет, чтобы у нас были дети.

— Почему?

— Говорит, наш мир не совершенен, а страна столь убога и несчастна, что плодить сейчас нищих на свет Божий — грех.

— Да она у тебя философ! А почему не приехала с тобой?

— К нам приехал столичный певец... — Вадим никак не мог вспомнить его фамилию.— Ну этот, что про космонавтов поет... Разве она могла пропустить его концерт?

— Она что у тебя, меломанка?

— У нас дома музыка гремит с утра до ночи: магнитофон, проигрыватель, приемник...

— Сейчас столько расплодилось всяких групп,— равнодушно заметила Вера.— Мне нравятся Битлз, ну еще «Абба», Челентано...

— А я слушаю классику.

Аэлита не пропускала в Великополе ни одного концерта приезжих гастролеров, особенно увлекалась современной эстрадной музыкой. И нашей, и заграничной. Могла часами слушать концерты мировых знаменитостей. Вадим носил из магазина книги, заполняя полки, а Лина — пластинки и магнитофонные бобины. Он тоже иногда был не прочь послушать хороших исполнителей, например, Битлзов, но некоторые рок-группы его раздражали: треск, лязг, кошачий визг и вой — как такое можно слушать? А Лина балдела у проигрывателя или магнитофона и в больших глазах ее была полная отрешенность от всего земного. Слушая, она обычно полулежала на кушетке, закинув длинные ноги на валик. Вадим увлекся рыбалкой и после венчания часто ездил с приятелями на дальние озера, Лина сначала сопровождала его, а потом перестала, сказала, что она больше получает удовольствия в выходные дни от слушания музыки. А он, наоборот, полюбил тишину на природе. Ему не надоедало часами сидеть с удочкой на лодке и смотреть на поплавок. А как хорошо думалось.

Обо всем этом Вадим, конечно, не стал рассказывать Верс, но та и сама быстро перевела разговор на другое,

по-видимому, почувствовала, что Вадиму не хочется говорить на эту тему. Он был сердит на Лину, что из-за концерта какого-то горластого столичного гастролера, она не поехала в Ленинград. Ведь эта поездка сулила им огромные перемены в устоявшейся жизни. Если Вадим получит квартиру, о чем сообщил Хитров, то они должны будут расстаться с Великополем...

— Почему ты не написал нам? — спросила Вера. — Пока твой дедушка не повидался с отцом, мы ничего не знали про тебя...

— Это долгая история...

— Ты был такой взъерошенный, злой... Я часто вспоминала ту нашу последнюю встречу перед твоим отъездом...

— Я все старался забыть, но это невозможно...

С Арсением Владимировичем Хитровым Вадим встретился в семь вечера. Директор института жил в той же самой трехкомнатной квартире, где Вадим мальчишкой не один раз бывал. В тот памятный день, когда он бежал из города, опасаясь преследований со стороны МГБ, сидел с Верой на кухне и жадно ел ветчину с черствым хлебом и запивал клюквенным морсом...

Лилия Петровна — жена Арсения Владимировича — накрыла ужин в большой светлой комнате. Хрустальная люстра над столом не была включена. В мае в Ленинграде белые ночи, можно вообще свет не зажигать. Если Хитров и постарел, то не так заметно, как его жена. Когда-то Лилия Петровна слыла красавицей: стройная, пышногрудая брюнетка с карими глазами и пышными волнистыми волосами, она умела заразительно смеяться, показывая белые зубы, любила петь, танцевать, в общем, всегда была в центре внимания. Отец Вадима — Андрей Васильевич — считал ее мещанкой недалекого ума и удивлялся, как мог такой умница Арсений Владимирович полюбить такую пустышку?.. Лилия Петровна заметно огрузнела, расплылась, лицо стало желтоватым, лунообразным, под глазами обозначились мешки, в волосах просверкивали седые нити, лишь голос остался таким же звонким, а смех — жизнерадостным. И во рту больше золотых зубов, чем своих. Вера похожа на отца. Арсений Владимирович был таким же художавым, как и прежде, правда, лоб его избородили глубокие складки, русые волосы стали пегими от обильной седины, а удлиненное лицо более жестким, волевым. Кажется, раньше его бледно-голубые глаза были ярче, а темные брови не такие густые и кустистые.

Лилия Петровна ласково смотрела на Вадима, со свойственной ей бестактностью, вспомнив про родите-

лей Вадима, назвала отца неуживчивым правдоискателем, который ничего, кроме несчастья, своей семье не принес... Арсений Владимирович резко оборвал ее:

— Лиля, Белосельский был умным, талантливым ученым, он никогда не приспособливался ни к кому и говорил что думает.

— В то время говорить что думаешь! — воскликнула хозяйка. — Это равносильно самоубийству. Ну ладно, себя не жалко, так жену, сына пожалей!

— Лиля, тебе этого не понять, — урезонивал жену Хитров, бросая на гостя выразительные взгляды, дескать, не обращай внимания на эту болтовню...

— Когда ты от Сталинской премии отказался, я ночи не спала, все ждала, что придут за тобой.

— Не пришли ведь?

— Я тайком в церковь сходила и помолилась Богу за нас, — призналась Лилия Петровна. — И даже свечку поставила... — Она взглянула на Вадима. — За твоих родителей — тоже.

— Моим Бог не помог, — с горечью заметил Вадим.

Ему неприятно все это было слышать, он с детства не любил Лилию Петровну. Так уж повелось, что не нравилось его отцу — то не нравилось и Вадиму. Тогда летом в 1953 году, когда он пришел на эту квартиру, Вера сказала, что мать ни за что бы его на порог не пустила, надо сказать, что Вера была удивительно правдивой девочкой, сохранила ли она это качество и сейчас?..

Он перевел взгляд на Веру, стараясь не вникать в болтовню Лилии Петровны. Только сейчас он заметил на щеке молодой женщины коричневое родимое пятно, оно вроде стало больше. Голубизна в больших Вериных глазах гуще, чем в отцовских, а фигура у нее, пожалуй, материнская: такая же пышная грудь, полные ноги и статность. Вера была в самом расцвете своей женской свежести. Вадиму хотелось бы посмотреть на ее сына, но он остался дома с бабушкой, которая жила с ними и вела хозяйство. Вера работала гидом в «Интуристе». Она закончила институт иностранных языков и владела скандинавскими языками. В основном, сопровождала финские делегации. Финны приезжали в Ленинград чаще других, им от Хельсинки рукой подать. У них там сухой закон и они напиваются в ленинградских ресторанах. На полной с тонким запястьем руке Веры — красивые японские часики с зеленым циферблатом, на ней импортная кофточка с золочеными пуговицами. На пальцах три узеньких кольца, одно с зеленым камнем.

На столе Хитровых — бутылка дорогого коньяка, семга, розовая ветчина и даже открыта маленькая ба-

ночка красной икры. Вадиму не верилось, чтобы все это Лилия Петровна выставила в честь его приезда, может, еще что-нибудь празднуют? Не каждый же день у них на столе такие деликатесы...

— С возвращением, Вадим, в родные Пенаты,— разлив коньяк в маленькие пузатые рюмки, провозгласил Арсений Владимирович. Женщины тоже подняли рюмки. Вера смотрела на Вадима и чуть приметно улыбалась. В улыбке проскользнули черты прежней Верки Хитровой по прозвищу синица... Почему все-таки ее так прозвали?..

— Двадцать лет без Ленинграда,— сказала Вера.— Я бы в другом городе добровольно и месяца не выдержала бы.

— Ты у нас — европейка,— с обожанием посмотрела на дочь Лилия Петровна.— В году по несколько раз бывает в Финляндии, Дании, Швеции.

— А если не добровольно? — взглянул на нее Вадим.

— Правильно сделал, что уехал,— сказала Лилия Петровна.— И тебя бы забрали. Они и маленьких не щадили.

— Я несколько лет жил в лесу на турбазе,— сказал он.— Мне там нравилось.

— Боже, в лесу! — воскликнула Лилия Петровна.— Ты бы мог стать дикарем.

— Чем будешь заниматься в Питере? — будто не слыша, что говорят жена и дочь, спросил Хитров.

— Еще не знаю. Все так неожиданно...

— Папочка с полгода тебе квартиру выбивал,— встала Лилия Петровна.— Столько и для родной дочери не постарался.

— Мать, помолчи, а? — бросил на жену сердитый взгляд Хитров.

Вадим действительно не знал, чем он займется в родном городе, который стал для него чужим. Все таким же прекрасным, но чужим. Пожалуй, из старинных знакомых и есть тут лишь Хитровы. После окончания пединститута Вадим, распрощавшись с баранкой, стал работать литсотрудником отдела культуры городской газеты, но через два года уволился: надоело писать галиматюю о духовном облике советского человека, восхвалять бездарных артистов и режиссеров, ставящих в театре пьесы о Ленине, о трудовых подвигах передовиков производства и прочую ерунду. Редактор Петр Семенович Румянов долго терпел Белосельского в редакции — последнее время тот писал только злые, язвительные фельетоны, за которые редактору не раз выговаривали на бюро горкома партии. После очередной ссоры с ним Вадим подал

заявление об уходе. С полгода поработал на местном радио, но там оказалось еще хуже. Если в газете хотя бы раз в месяц можно было напечатать фельетон или критическую статью, то советское радио и телевидение имели право хвалить и показывать «выдающиеся» успехи советских людей. Ему стало тошно, и он ушел. Три лета подряд Вадим по договору, чтобы стаж не утратить, вкалывал от зари до зари в колхозах, тогда только что входили в моду «шабашники». И их охотно нанимали в колхозы и совхозы Псковщины для строительства животноводческих помещений и даже жилья. Интересная штука получалась! Государственные строители и свои собственные люди работали спустя рукава и иногда скотник возводили несколько лет, шабашники же за два-три летних месяца сдавали несколько готовых скотников и все делали добротнее, долговечнее, конечно, и платили им за это в несколько раз больше, чем своим. Непьющий Вадим Белосельский заработал за три сезона столько денег, что смог купить поддержанный «Москвич»-пикап и каракулевую шубу своей Аэлите. Ему нравилось работать на свежем воздухе, вдали от шума городского. В бригаде, которую в прошлом году он возглавлял, были все с высшим образованием, а один даже доцент из того самого пединститута, который закончил Вадим. За эти летние сезоны он освоил несколько строительных специальностей, не зря его и назначили бригадиром. Был каменщиком, плотником, электриком-монтажником, бухгалтером. За сезон шабашники зарабатывали по пять-семь тысяч каждый. Некоторые, как и Вадим, купили машины, кооперативные квартиры, а были и такие, которые быстро все спускали в кабаках-ресторанах. Правда, таких было меньшинство, на бригаду из шести человек — один-два. Таких Вадим старался не брать в бригаду. Если на государственную службу основная часть советских граждан выходит на работу с похмелья или уже опохмелившись, то «шабашник» не выдержал бы на строительстве фермы двенадцатичасового рабочего дня, если бы принял с вечера хотя бы полбутылки. Пьяницы не очень-то и стремились в бригаду «шабашников». Там нужно было всерьез работать, а на государственной службе главное — вовремя выйти на работу, а что ты там будешь делать — это не имеет значения. Никому до тебя нет дела, можно и в рабочее время, где-нибудь уединившись, распить с такими же горемыками, маявшимися головной болью с утра, бутылку-другую...

Последняя работа Вадима — это городской краснеческий музей. Чтобы не пропал стаж, он оформился ту-

да научным сотрудником с окладом 97 рублей в месяц, такие деньги он зарабатывал на шабашке за неделю. Ему нужно было продержаться до весны, а там снова «шабашка». Лина окончила тот же самый пединститут в Великополе, что и Вадим. Исторический факультет. В школу не пошла работать — она училась на вечернем отделении и насильно распределить ее никуда не могли, а поступила секретарем в горсуд. Подобный выбор удивил Вадима. При ее-то впечатлительности каждый день слушать гражданские и уголовные дела! Но Лина всегда решала свою судьбу сама и советовать ей было бесполезно. В горсуде работала ее приятельница, тоже любительница современной музыки. Скорее всего, это обстоятельство и повлияло на решение Лины. Домой она приходила расстроенная, рассказывала о человеческой подлости, садистской жестокости, разве этому учила она ребятшек в детсаде? Да и в наших, пусть примитивных, школах все-таки не учат воровать, грабить, убивать, издеваться над престарелыми родителями... Вот тогда-то Лина и заговорила, что пока не хочет ребенка, боится, как бы и он не вырос таким же выродком, с какими ей каждый день приходится иметь дело... Напрасно Вадим втолковывал, что они воспитают нормального ребенка, все-таки оба закончили пединститут. Но Лина заявила, что ее решение непоколебимо. Она пока не чувствует себя матерью. И рассказала, как на днях судили симпатичную девчонку из кулинарного училища, которая удушила в полиэтиленовом пакете только что рожденного здорового мальчика... Глядя на ангельское личико шестнадцатилетней девчонки, никогда не подумаешь, что она способна на такое зверство...

— ... у нас много газет-журналов,— дошел до него ровный густой голос Арсения Владимировича,— может, куда-нибудь и поступишь. У меня есть знакомые в издательстве «Наука».

— Журналистика меня больше не привлекает,— сказал Вадим.— Она лицемерна и лжива писквозь... Развернешь любую газету — ни одного слова правды.

— Но ты же писал! — вставила Лилия Петровна.— В этом... Великом Полсе?

— Великополе,— поправил он.— Я писал последнее время критические статьи и фельетоны, это не понравилось городскому начальству и мне пришлось уйти.

— Как это не понравилось? — сказал Хитров.— Только и слышишь, что у нас в почете критика и сатокритика.

— Это когда критикуешь «стрелочников», а попробуй задеть кого-либо повыше? — ответил Вадим. — Из клана «господ партийцев»?

— Что я тебе советую? — усмехнулся Хитров. — Ты давно взрослый человек и сам знаешь, чего хочешь.

— Чего я хочу? — вдруг взорвался Вадим. — Да кому до этого есть дело?! Мы все делаем лишь то, что хотят там... — он кивнул на высокий потолок с бронзовой люстрой. — А кто там сидит? Необразованные, некомпетентные люди, которые говорят по бумажке. Наверное, самые страшные как раз именно те, кто составляет эти бумажки и подсовывает их генеральным попкам, увешанным, как новогодние елки, побрякушками, орденами-медалями, вот кто — истинные враги народа. Это они планируют разрушительные для страны и природы проекты, придумывают чудовищные «стройки коммунизма», пускают на ветер народные миллиарды. И все эти антинародные махинации делаются якобы для блага народа. А пресса захлебывается от восторга и прославляет их... Эти враги всегда в тени, их разве что в толпе прихлебателей увидишь на кремлевских торжествах по поводу награждения попки очередной звездой Героя... А я не хочу делать то, что они навязывают нам, я не хочу чувствовать себя болваном. Не удалось меня никому оболванить с молодю, а теперь уж и подавно не удастся...

— Не скажи, — спокойно возразил Арсений Владимирович. — Сейчас не расстреливают, как при Сталине, но сажают и еще хуже — помещают в психиатрические лечебницы, где нормального человека вскоре превращают в сумасшедшего. Есть такие у нас умельцы...

— Ну почему ты не хочешь жить, как все? — с упреком заговорила Лилия Петровна. — Ты же знаешь, что случилось с твоими родителями, они тоже не захотели мириться со всем, что у нас происходит...

— Творится, — вставила Вера. — У нас страшные вещи творятся, мама, и ты хочешь, чтобы Вадим на все закрывал глаза? Забыл своих родителей? Наплевал на то, что было для них свято? Я поездила по скандинавским странам, да и в Европе побывала... Там живут свободные люди и живут в тысячу раз лучше, чем мы... Там, мама, все делается для человека, а не наоборот, как у нас. Мы — рабы по сравнению с ними. Нам за все годы советской власти еще с пеленок заморочили головы, нас обманули. Сделали рабами, а утверждали, что мы — самые свободные люди в мире. Негр в Америке в сто раз свободнее себя чувствует, чем советский человек в СССР.

— А как же светлые дали благословенного коммунизма? — ядовито заметил Вадим. — Печать, радио, телеви-

дение внушают, что у них все плохо, просто отвратительно, а у нас — замечательно! В раю и то, наверное, хуже!

— Верочка, ты еще такое не ляпни в «Интуристе», — с тревогой произнесла Лилия Петровна. — Тебя больше и за границу не пустят.

— А нашей мамочке нужно оттуда привезти редкое лекарство и еще один костюм из джерси, — добродушно вставил Хитров.

— Папочка тоже пишет цветными шариковыми ручками, которые ему доченька дарит, — не осталась в долгу «мамочка».

Вадим как неожиданно вспыхнул, так быстро и остыл: зачем кому-то что-то доказывать? Да и кому? Прimitивной Лилии Петровне? Вера и ее отец, по-видимому, разделяют его мысли... Он уже давно убедился, что мыслящих, как он, среди его знакомых единицы, а таких, как Лилия Петровна — миллионы. Большинство советских людей искренне верят, что у нас самый лучший прогрессивный строй, вот-вот из «развитого» социализма торжественно вступит в радужно расписанный классиками марксизма-ленинизма коммунизм, правда, что это такое смутно представляли себе, помня лишь одну избитую цитату: «от каждого по возможности, каждому по потребностям!». А потребностей у большинства населения всегда было больше, чем возможностей... То есть, как и в семнадцатом году, большевики и этими посулами будили в массах низменные инстинкты, мол, давать буду поменьше, а получать за счет других побольше... А то, что партийная верхушка уже давно для себя построила «коммунизм», знали немногие, да все больше понаслышке и из голосов «из-за бугра». Но наша пропаганда была столь мощной и владела столькими могучими средствами массовой информации, что все эти «голоса» терялись в ее непрерывном трубном реве. Бывшие фронтовики изумленно слушали по радио и смотрели по телевизору передачи и кинорепортажи о маршале Брежневe, в мирное время получившим это воинское звание, как и бриллиантовый орден «Победы». Получалось, что полковник Леонид Брежнев выиграл войну, а маршал Жуков вообще куда-то исчез, провалился. И уже не под Москвой и Сталинградом ковалась победа в Великой отечественной войне, а под Новороссийском, где обитал в военные годы генсек. Диктор телевидения радостно возвестил, что лучшие скульпторы и архитекторы страны сейчас создают там грандиозный памятник Победы...

Если оболваненный народ, которому каждый день средства массовой информации вспрыскивали лошадиные дозы пропагандистской инъекции, по-прежнему верил в «развитой социализм» и терпеливо ждал лучших времен, то бровастый и почти безъязыкий Генеральный секретарь со своей отъездившей толстомордой свитой начинали вызывать глухое недовольство и раздражение, особенно когда чуть ли не каждый год стали ему вешать на жирную грудь ордена-медали. Ползли по стране слухи, что брежневская семейка замешана в самых грязных валютных махинациях, что Галина — дочь генсека — прямо в хозяйственную сумку насыпает алмазы и бриллианты, делая набеги на фабрики и магазины, со своим любовником — циркачом пьянствует и устраивает на выгодные должности ворюг и спекулянтов, что беспутный сынок Юрий пьет и проигрывает в казино за границей сотни тысяч валютных рублей, а сам «пахан» — тоже любитель выпить и погулять — коллекционирует дорогие заграничные автомобили и большую часть своего времени проводит на охоте в закрытых заповедниках, где ему лосей, оленей и кабанов егеря подгоняют к самой вышке, откуда он их и разит наповал...

В великой стране на самой верхушке процветали воровство в крупнейших масштабах, приписки, коррупция, семейственность, взяточничество. Неудержимо рос культ Брежнева, его холуи — члены Политбюро на каждом выборах, даже в местные Советы лили елей ему на голову, славословили наперебой так, что стыдно было их слушать. И дирижировал всем этим слаженным оркестром главный идеолог Суслов. В газетах-журналах печатались десятки портретов Брежнева, не слезал он, как говорится, и с телевидения. Все больше прибегал к бумажке даже при самых обычных делах. Суслов на бумажке зачитывал указ о его очередном награждении, а Брежнев по бумажке косноязычно благодарил его...

Вадим не мог без омерзения смотреть передачи программы «Время», когда сладкоречивые дикторы с умильными лицами и улыбками рассказывали о встречах в Кремле генсека-маразматика с зарубежными лидерами, не мог слушать фальшивые главы из написанных за Брежнева бездарных брошюр, которые купленные с потрохами писательские генералы называли шедеврами, Библией для всех писателей страны. Неделями из репродукторов доносился голос известного артиста, с выражением читавшего опусы генсека. А артисту за это — Ленинскую премию! Другому исполнителю — Героя Соцтруда. Своя рука владыка. Престарелые певцы из военного ансамбля в тельняшках голосили с экрана теле-

визора: «Малая Земля, Малая Земля...», придворные толсторожие поэты и популярные певцы превозносили «гениального ленинца» на все лады... Он-то, Вадим, не мог отплеваться после этих жутких передач, а другие совершенно равнодушно на все это взирали и редко у кого закипало возмущение, надо отдать должное Брежневу, кровавым террором он не увлекался, заточал инакомыслящих в «психушки», а это народу не казалось бериевским застенком. Психиатрическая лечебница у большинства ассоциировалась с безобидной больницей...

И вот в доме Хитровых тоже, как в капле воды, отразились настроения народа в стране, если умный Хитров и его повидавшая другие страны дочь, мыслили правильно, критически, то Лилия Петровна смотрела на жизнь из окна своего благоустроенного мирка и видела только хорошее. У мужа высокая зарплата, можно в спецмагазине купить все необходимое, каждое лето они ездили в санатории для руководящих работников. И знакомые у Лилии Петровны были женами высокопоставленных чиновников. Даже при всеобщей уравниловке — это, конечно, касалось лишь низших слоев населения — каждая руководящая прослойка держалась друг за друга и не смешивалась с другой. Получил более высокое назначение, значит, быстро перескакивал из одной прослойки в другую, более обеспеченную, а со старой, в которой годы вращался, немедленно обрывай все связи... К Хитровым по субботам приходила одна женщина, которая тщательно убиралась в доме. Это было не очень удобно, в субботу Лилия Петровна ходила к массажистке, а ключ приходящей домработнице оставлять она опасалась. В квартире у нее красивая мебель, на полах вьетнамские ковры с тиснеными выпуклыми цветами на голубом фоне, на стенах картины, приобретенные в комиссионке у знакомого продавца, тот уверял, что это подлинники русских художников и когда-нибудь полотно будут в большой цене. Да и мало ли в ее трехкомнатной квартире с просторными подсобными помещениями ценностей? Одни люстры, тоже приобретенные через знакомых комиссионщиков, чего стоят! А столовое серебро, подстаканники? Старинные вещи всегда в цене. И эта цена со временем все возрастает. И Лилия Петровна вкладывала деньги в красивые вещи, а занятый выше головы на работе муж не вмешивался в ее дела... Он имел свой кабинет и там одни книги, Хитров и вечерами работал дома, доктор технических наук, что-то проектирует, изобретает... В дела мужа Лилия Петровна мало вникала, у них установились ровные отношения, Арсений по-прежнему любил ее, она это чувствовала. Ей

повезло с мужем — он у нее одиолюб. Была помоложе, изменяла ему, но постоянного любовника не заводила, семейный уют, прочные отношения были для нее дороже. Знала, что муж ей верен, а то, что одержим работой — так это и хорошо. Не отвлекается ни на что другое... Вот с дочерью сложнее: упряма, независима, замуж вышла неудачно, муж оказался делягой и хапугой, а как некрасиво вел себя на суде! Требовал раздела вплоть до постельного белья... Пришлось раскошелиться на кооперативную однокомнатную квартиру, чтобы не судиться с ним за жилплощадь дочери...

Не очень понравилось Лилии Петровне, как Вера смотрела на Вадима, не одобряла она и мужа: столько сил затратил, чтобы устроить сына своего старинного, давно погибшего друга в Ленинграде! Когда упрекнула его, мол, зачем так старается для чужого человека, он резко оборвал ее, сказав, что это его святой долг. Андрей Васильевич помог ему стать ученым, на многое открыл глаза... Он ведь и в те опасные пятидесятые годы защищал Белосельского, а за это недолго было и самому загреметь в тюрьму. Ей, Лилии Петровне, было наплевать на Вадима! Кто он ей? Никто, чужой человек, которого встретить на улице и не узнала бы. Да и с его родителями она не особенно дружила, так, из-за мужа с ними встречалась... Ну если быть справедливой, то мать Вадима — Мария — сама от нее нос воротила, знала Лилия Петровна, что ее обзывают мещанкой, а что тут зазорного? В старое время мещане — это целая общественная прослойка была. Вот она мещанка, а в отличие от дворянки, сумела мужа удержать, семью сохранить, дом сделать полной чашей и дочь вырастить... Хитрова снова внимательно посмотрела на нее: Вера, чуть наклонив голову набок, отчего русая прядь свесилась на плечо, зачарованно смотрела на Вадима. Мужчина, конечно, видный, вот какие мышцы обозначаются даже через рубашку, рост, густые волосы, симпатичное мужественное лицо с серыми глазами. Когда-то Арсений то ли в шутку, то ли всерьез толковал, что хорошо бы в будущем поженить Веру и Вадима... Ну и что было бы? С такими взглядами, как у Вадима, вряд ли у них жизнь была бы легкой, таких как Вадим, не любят в нашей стране, прижимают к погтю... Тридцать лет, а зарплата, как у дворника! И еще эти... «шабашки». Интеллигентный человек не будет заниматься тяжелым физическим трудом, раз закончил институт, вот и учил бы уму-разуму ребятишек. Правда, учителям мало платят, но не всем же быть учеными и директорами НИИ, как ее муж?..

— Вот что, Вадим,— видя, что гость стал поглядывать на часы и вроде бы собираться, сказал Арсений Владимирович.— Женщины пусть тут убираются, а мы пойдем с тобой ко мне, потолкуем...

— Время...

— Ты что же, пойдешь ночевать в пустую квартиру? — сказал Хитров.— Переночуешь у нас, вон сколько комнат...

— И всего-то три,— заметила Лилия Петровна, подумав, что нужно будет и всего-то на одну ночь в гостиной застилать диван для гостей свежими простынями.

— А завтра купим тебе диван-кровать,— продолжал Арсений Владимирович.— Да и покажешь мне свои хоромы... — он взглянул на дочь.— Поможешь нам приобрести Вадиму самое необходимое?

— У меня завтра с утра экскурсии по городу со шведами, а с обеда свободна,— сказала Вера, тоже поднимаясь из-за стола.

— Жди нас у себя дома, мы к тебе заедем ровно в три,— заявил Хитров.

— Кто же так делает? — вмешалась хозяйка.— Обставить квартиру наспех! Нужно походить по мебельным, не поря горячку, подобрать нужные вещи. Мебель — не посуда, ее покупают на годы.

— Может, и ты Вадиму поможешь? — взглянул на нее муж.

— Поступайте, как знаете,— дипломатично уклонилась Лилия Петровна.— У Вадима есть жена.

Вера улыбнулась и стала собирать со стола посуду. На полных, обнаженных до локтей руках играли блики от люстры. Хитров прихватил со стола недопитую бутылку коньяка, пару рюмок, а Вадиму велел взять тарелку с бутербродами.

— Спокойно ночи, женщины,— произнес он.— Ты ложись, Лиля, не жди меня.

Вадим поблагодарил за угощение и, чувствуя легкое приятное головокружение — он не мог никак сегодня отказать от двух-трех рюмок коньяка,— отправился вслед за хозяином в кабинет.

2. Утопающий хватается...

Наверное, жизнь так уж извечно устроена, что после радостных событий обязательно жди каких-нибудь неприятностей. Хорошо, если только мелких... Слишком бы жизнь человека была однообразной, пресной, если бы состояла даже из одних радостей и удовольствий, да такого и не выпадает на долю одного

человека. Даже родившихся в рубашке. И цари и короли подвержены потрясением. Жизнь, как приливная волна — то поднимает человека высоко, то снова сбрасывает в гибельную пучину. Есть, конечно, редкие счастливчики, которые могут обуздать эту волну и долго держаться на ее гребне, но и их рано или поздно выбросит на мель...

Эта мысль мелькнула в голове Вадима Белосельского, когда он стоял у стола в своей квартире в Великополе и перечитывал записку Лины Москвиной, которая так и не захотела стать Аэлитой Белосельской. Может, потому ей и необходима была свобода, чтобы так неожиданно взять и уйти от него?.. Церковное венчание без регистрации в паспорте — это скорее ритуал. Броситься в погоню, вернуть ее? Маршрут московского гастролера не трудно узнать в концертно-эстрадном бюро, но Вадим тут же в зародыше подавил в себе этот в общем-то вполне естественный порыв: Лина не такая женщина, которую можно было бы вернуть силой или уговорами. Если она пошла на это, значит, все обдумала и решение ее твердое. Упрямства ей не занимать. Он прожил с ней семь лет... и тут вспомнилась статья в каком-то журнале, где автор-психолог утверждал, что у современных молодых людей страстного чувства, называемого любовью, самое большее — хватает на пять-семь лет, а потом срабатывает привычка, дружба, совместимость, но, собственно, любви уже нет. Психолог вывел эту теорию из среднестатистических цифр разводов в нашей стране, подхалимски упомянув, что там, у них, все обстоит еще хуже.

На подоконнике Вадим обнаружил сиреневую концертную программку и афишку с портретом солиста рок-группы «Бешеные» Тома Блондина. С афишки свирепо смотрел на него молодой человек в кожаной куртке с молниями, длинные завитые волосы спускались на плечи, глаза узкие, черные, как мышинные хвостики, усики изогнулись в уголках толстогубого широкого рта. Этаким самоуверенный кабан. Или уж скорее павиан. Взгляд явно, похотливый. Имя и фамилия наверняка псевдонимы. Черный, как головешка, а Блондин! Что же такого нашла в нем Лина?

Вадиму захотелось как можно скорее уехать из Великополя, квартиру он сдаст редакции «Великопольского рабочего». Румянов помог получить эту двухкомнатную квартиру, а теперь бывший редактор в Пскове, работает в обкоме КПСС, променял газетную работу на партийную. И оклад наверняка выше. Прыгнул на ступеньку выше. Впрочем, у нас считается, что партийный работник может руководить любой отраслью: хоть в промыш-

ленности, хоть в сельском хозяйстве, хоть в идеологии. Поработает Петр Семенович Румянов в обкоме — должность уж не ниже заведующего — а потом могут назначать главным редактором «Псковской правды» или директором издательства. Кто попал в номенклатуру, тот до персональной пенсии может коломбом кататься в начальнических креслах.

Вещей Лина взяла с собой немного, самые необходимые, денег — 500 рублей, отложенных на портативный японский магнитофон. Они лежали под постельным бельем в шифоньере. За семь лет совместной жизни они не так уж много нажили: пожалуй, все имущество поместится в один железнодорожный контейнер. Мебель Вадим в Ленинград не повезет, нужно будет здесь сдать в комиссионный. Или предложить по дешевке журналистам. Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, он, не откладывая дела в долгий ящик, тут же взялся разбирать шкафы и упаковывать вещи в чемоданы, узлы, коробки. У них даже хрусталь появился в серванте. И фарфоровые статуэтки. Поблизости был гастроном, там можно будет стрелкнуть картонных коробок из-под оранжевых кубинских апельсинов. Пришлось в хозяйственном приобрести несколько мотков бельевых веревок, чтобы пересвязывать коробки, а они были тяжеленные — в них Вадим складывал книги, которых накопилось много. Вместо двух-трех дней хозяйственные дела отняли без малого неделю. Нужно было уволиться с работы в музее, договориться на железнодорожной станции насчет контейнера. Конечно, никто там и не собирался вот так сразу доставить ему на машине к дому контейнер, пришлось просить знакомых журналистов из редакции, чтобы помогли. Для этого Володе Бурову понадобилось сделать всего один телефонный звонок, а вот всю мебель, в том числе и кухонную из комиссионки забрали в тот же день, когда Вадим туда обратился. Оценили, правда, недорого, но как гора с плеч!

Шагая по пустым и сразу ставшим неудобным комнатам, он размышлял о том, что пять лет, а ровно столько прожили они с Линой в этой квартире, были для него, пожалуй, самыми счастливыми за всю его прошедшую жизнь. И это счастье принесла не отдельная квартира, а Лина. Кстати, ее так и не прописали здесь, потому что в паспорте не было штампа, что она жена Вадима Андреевича Белосельского. В ЗАГС он так и не уговорил ее пойти. Надо сказать, Лина порой удивляла непредсказуемостью, она могла выкинуть любой помер, но всегда была ему верной женой. До приезда в Велико-

поль популярного певца. Разве можно часами слушать эту оглушающую какофонию диких звуков электроинструментов, вопли исполнителей?..

И вот все прожитые вместе годы полетели к чертям из-за какого-то длинноволосого «бешеного» Тома Блондина! Разве можно было предположить, что любовь Лины к рок-музыке настолько оглушит и ослепит ее, что она бросит его, Вадима, дом, работу, город и укатит куда-то с музыкальной бандой «Бешеных». Лина захватила с собой десятки кассет и бобин с записями популярных мировых групп, забрала кассетник и громоздкий чемодан-магнитофон. Музыка... Не в ней ли собака зарыта? Это единственное, что разъединяло их: Лина молилась на кумиров рок-музыки, а Вадим посмеивался над ней, называя ее любимых «волосатиков» не музыкантами, а бандитами эстрады, которые будят у незрелой молодежи самые нездоровые инстинкты. По телевизору не раз показывали, как после концертов своих кумиров молодые люди впадали в транс и громили все окрест, не хуже заграничных ошалелых болельщиков футбола. Показывали мальчишек и девчонок, которые тряслись, как припадочные, пуская пену изо рта, и даже теряли сознание на концертах. Разве такое воздействие должна оказывать на человека музыка? Да и можно ли было назвать музыкой эту дикую какофонию пронзительных звуков, извлекаемых из электроинструментов, подключенных к мощным усилителям? Вадим любил классическую музыку, купил проигрыватель и в свободное время прослушивал пластинки с произведениями Моцарта, Бетховена, Чайковского, Рахманинова. Очень ему нравились Вивальди и русский композитор Калинин. Лина обзывала его закоренелым консерватором и в отместку включала магнитофон: визг, рев, вопли ее любимцев, конечно, заглушали романсы, кантаты, симфонии классиков.

Но Вадиму и в голову не приходило, что их разное понимание музыкального искусства когда-нибудь повлияет на их совместную жизнь. Да и не так уж они досаждали друг другу этой музыкой. Вадим лишь в свободное время, а его было в обрез, слушал любимые пластинки, а Лина наслаждалась своими рок-группами в его отсутствие. У нее было несколько подруг, таких же одержимых, вот они слушали часами новинки друг у друга. Где-то их можно и понять: в захолустном провинциальном городе не так уж много развлечений. Театр слабый, да там одни и те же пьесы годами идут, знаменитости приезжают редко, в рестораны Вадим и Лина не

ходят, противно смотреть на пьяных. Так что музыка — это еще не самое худшее увлечение. «Заболев» рок-музыкой, Лина и читать стала меньше, чем раньше.

Видя по телевидению ненормальное возбуждение молодых людей во время концертов рок-звезд, Вадим, разумеется, не отождествлял с ними Лину. Кстати, слушая музыку, она не впадала в экстаз, просто лицо ее становилось отрешенным, огромные глаза заволакивались голубой дымкой, иногда в такт мелодии пристукивала ногой о пол — вот, пожалуй, и все зримые проявления ее экстаза. Лина находилась в расцвете своей женственности, Вадим уже давно привык, что на нее оглядывались мужчины на улице, и Том Блондин, вскруживший ей голову, может своей победой гордиться, он покорила не сопливаю глупую девчонку, а зрелую женщину, тонко разбирающуюся в современной музыке. И Лина не унижится до того, чтобы вместе с десятками поклонниц столичного барда толпиться у выхода с афишками в руках, лишь бы увидеть вблизи волосатого кумира, дотронуться до него, попросить автограф. Тут что-то произошло иначе, по-другому... Пришла в голову мысль сходить к ее подружке из парсуда и потолковать с ней, но что это изменит? Еще не известно, что она расскажет, но уж в душе обязательно посмеется над ним. Женщины всегда немного презирают брошенных мужчин, бывает, жалуют, но в этой жалости еще больше унижения, чем в открытом презрении.

Уехать, как можно скорее покинуть Великополь! Ладно, можно убежать из города, даже из страны, но разве от себя-то убежишь? От своих мыслей, воспоминаний? И все-таки Вадим не удержался и перед отъездом в Ленинград зашел в парсуд, где работала тоже секретарем у другого судьи Нина Лунева — подруга Лины и такая же одержимая любительница рок-музыки. Она часто бывала у них в доме и казалась Вадиму довольно приятной женщиной с легким покладистым характером. Он специально зашел к концу рабочего дня, чтобы поговорить с ней без помех. У Нины был семилетний сын, а с мужем она развелась три года назад. Неудачное замужество ничуть не испортило ее веселого характера, даже о своем бывшем муже она рассказывала без всякой злости и иногда встречалась с ним, а уж сына тем более не настраивала против отца.

В Великополе на ветвях высоких тополей и лип набухли почки, даже запах автомобильной гари не забивал ароматы наступающей весны. Чистая и Грязная уже освободились ото льда, молодая трава на берегах казалась свежепокрашенной, освещенные солнцем пятиэтажные

жилые дома сверкали вымытыми окнами — приближался Первомай, и город готовился к празднику — на балконах громоздились серые ящики, лыжи, велосипеды, на натянутых веревках трепыхалось белье. Двухэтажное старое здание нарсуда находилось на высоком берегу Чистой, а за ней зеленел холм с красной разрушенной часовней. На ее карнизе выросли тонкие деревья, из кирпичных расщелин лезла трава. Когда-то там была старинная крепость, окруженная неприступной стеной, но в войну крепость окончательно разрушили, кирпичные стены взорвали, а когда город восстанавливался, каменные глыбы основания пошли на фундаменты жилых домов. Городские власти планировали в крепости открыть парк, поставить обзорное колесо, другие аттракционы, но пока, видно, руки до всего не дошли. В крепости вечерами уединялись парочки, а днем располагались на лужайках пьяницы.

Нина убрала папки с делами в высокий канцелярский шкаф, она одна была в комнате. Увидев Вадима, улыбнулась и сказала, что очень рада его видеть, но в улыбке ее промелькнула какая-то виноватость, будто она и себя считала ответственной за дикий поступок Лины.

— Я теперь холостяк и даже сегодня не обедал,— бодро проговорил Вадим.— Пойдем куда-нибудь поужинаем?

— Ты знаешь, я сегодня...

— Знаю,— перебил Вадим.— Ты сегодня занята, у тебя свидание и еще куча разных дел... Мне нужно поговорить с тобой, Нина, я в ночь уезжаю отсюда. Навсегда.

— О чем говорить, Вадим? — отвернувшись к маленькому зеркалу и подкрашивая губы, произнесла Нина.— Для меня самой все это, как снег на голову!

— А для меня — землетрясение, катастрофа,— неестественно бодрым голосом подхватил он. И даже попытался улыбнуться, но сам почувствовал, что улыбка получилась кривая.

— По тебе не заметно,— сказала она.— Трезвый, молодой и красивый...

— Может, и впрямь напиться?

Они вышли на высокое каменное крыльцо с выщербленными ступеньками. Нина прижмурилась от солнца, сделала движение рукой, будто отгоняла от лица муху. Ей было около тридцати, у серых глаз уже появились тоненькие морщинки, от сидячей работы немного сутулилась, рассеянно щелкнула замком сумочки, потрогала пачтую пачку сигарет, но закуривать не стала, видно,

вспомнила, что Вадим не курит, да и на улицах тогда женщины еще не курили. Светлые волосы у Луневой коротко пострижены, в ушах каплевидные золотые сережки.

— Куда же ты меня поведешь, холостяк? — обреченно спросила она, глядя на расстилающуюся перед ними речку. По-видимому, из-за весеннего разлива Чистая была на удивление полноводной, едва помещалась в своих пологих берегах, вода сверху казалась желтоватой. То ли от солища, то ли от взбаламученного ила. В воде мелькали доски, вырванные с корнем кусты и тонкие деревца, медленно проплыла перевернутая садовая скамейка с отломанной ногой.

— Тебе не хочется выпить? — сбоку взглянул на нее Вадим. Глаза у него несчастные.

— Мне? — удивилась она. — С какой стати? Это уж тебе надо бы напиться... Да ты ведь не пьешь!

— Вот именно, — усмехнулся он.

— Я вряд ли чем тебе помогу, — со вздохом произнесла она.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи, — резко ответил он и, стараясь смягчить, прибавил: — Она ничего мне толком не объяснила в своей записке.

— А разве такие вещи объясняют?

— Встать, суд идет! — невесело рассмеялся он. — Ты заговорила, как судья...

Они перешли площадь Ленина и через пять-семь минут к ним уже спешили в пустынном в этот час ресторане при гостинице «Чистая» высокий черноволосый официант в коротком белом пиджаке с бабочкой. Поколебавшись, Нина согласилась на бутылку вина, заказали по котлете по-киевски, мясному салату и кофе по-восточному.

— Он, наверное, волшебник, этот Том Блондин, — стала рассказывать, не дожидаясь приглашения, Нина. — В нем и впрямь есть какая-то магическая сила... Со сцены высмотрел Лину — мы рядом сидели — и сам после концерта подошел к ней. Ты бы посмотрел, что тогда творилось в зале: все будто с ума посходили, лезли к нему, оторвали от его атласного пиджака с блестящими все пуговицы, а он ничего не заметил, в упор смотрел Лине в глаза, потом повел ее за кулисы... Потом Лина одна ходила на все его выступления и даже поехала с ними в Псков и потом еще куда-то. Да, у них запланировано пять выступлений в Вильнюсе. Уже оттуда она прислала нам телеграмму, что не вернется в Великополь и просит ее уволить.

— Но она же вернулась?

— На два дня: взяла кос-какие вещи и на самолете улетела в Ташкент, где у Блондина тоже концерты. Она была как не в себе, что-то толковала про родство душ, про свое предназначение быть рядом с великим бардом нашего времени...

— Он действительно хороший певец?

— Я тоже балдела на его концерте, но чтобы так...

— Как?

— Ну вот молча встать, на глазах у всех пойти с ним за кулисы... Правда, с ним любая бы пошла. Девчонки от него с ума сходят. Говорят, одну вынули из петли, другая себе вены вскрыла...

— Он женат?

— Перед из отъездом мы обедали в этом ресторане... — Нина кивнула на дальний столик. — Вон там сидели. Он никогда не был женат, сказал, что он — био... бисексуал... Я даже в медицинском справочнике не нашла, что это такое. Ты знаешь?

— Скорее всего, он типичный извращенец, — сказал Вадим. — У людей искусства такое случается.

— А может, гипнотизер? У него черные пронзительные глаза, когда он смотрит на тебя — мурашки по коже!

— Демоническая личность! — усмехнулся Вадим. — А что тебе Лина сказала? Ну, как-то объясняла, почему на такое решилась? Неужели ей было совсем на меня наплевать? Говорила она об этом?

Нина отхлебнула из высокого фужера на тонкой графеной ножке вина, задумчиво посмотрела на пустую эстраду с пюпитрами, где попозже будет играть оркестр. Серые глаза с короткими светлыми ресницами — не успела их подкрасить — были грустными. У носа — несколько коричневых крапинок. Тонкий светлый свитер обтягивал крупные груди женщины, на одной из них при дыхании трепетал длинный черный волос. Он раздражал. Вадиму мучительно хотелось протянуть руку и снять его.

— Нет, она говорила о другом...

— О чем же?

— Что ей до смерти надоело в Великополе, в суде — одно и то же. Все предают друг друга, топят, спасая собственную шкуру... Тут она права, когда каждый день имеешь дело с преступниками, хочешь не хочешь, а начинаешь смотреть на людей, как на...

— Как на ничтожества, — помог ей Вадим.

— Не все же такие, с какими нам приходится иметь дело, — смягчила его слова Нина. — Знаешь, что она еще сказала? Если вы с ней проживете в этом городе еще не-

сколько лет, то оба заплесневее. Кругом пьянство, разврат, воровство, убийства, ложь, лицемерие и от этого никуда не спрячешься... Она считает, что ты здесь не можешь полностью раскрыть свои способности...

— А есть они у меня? — горько усмехнулся Вадим, глядя в свой фужер. Он даже не пригубил сего.

— Она говорит, что ты талантливый, умный, но сама обстановка в стране не дает возможности тебе развернуться в полную меру, как и твоему погибшему отцу... Кто он был, Вадим?

— Очень умным, справедливым, хорошим человеком, — ответил он.

— Наверное, это тоже талант!

— Отец видел и понимал тот ужас, который царит в России... Видел, как выкорчевываются лучшие умы, таланты, истинные хозяева земли, видел, но ничего не мог поделать. И это его убивало! Будто слепые кроты, советские люди тупо рыли себе могилы и умирали, так и не осознав, что же такое произошло? Почему их, как скотину, гонят на бойню?

— Кто гонит? — спросила Нина.

— Те самые, которые и сами потом пойдут под нож...

— Я этого не могу понять, — вздохнула она. — Меня учили другому.

— Выходит, она не к нему ушла, а от меня убежала, — перевел разговор на болезную тему Вадим.

— Лина считает его талантливым певцом и готова пожертвовать собой ради него, но замуж за него вроде бы не собирается, да и он не предлагал ей руку и сердце.

— Красиво звучит! Руку и сердце... Что же он ей предложил в обмен на ее жертву?

— Ничего, — усмехнулась Нина. — Он привык, что его носят на руках поклонницы.

— Кто же она при нем? — с горечью вырвалось у Вадима. — Любовница? Утешительница? Или нянька?

— Он оформил ее в концертную группу звукооператором. Она в два раза будет больше получать, чем в парсуде. Но ты же знаешь, не это для нее главное.

— Это при ее-то гордости, чувстве собственного достоинства быть на побегушках у Блондина! Сколько это продлится?

— Я не знаю, — сказала Нина.

— Говоришь, они в Ташкенте? Полстеть туда, набить морду Блондину и увезти ее? — вслух размышлял Вадим. Он и не заметил, как выпил фужер вина. — Она ведь моя жена.

— Юридически нет, — вставила Нина. — Вы не зарегистрированы в ЗАГСе.

— Мы в церкви венчались...

— У нас церковь отделена от государства и ее акты не имеют силы в гражданских делах,— заученно отчеканила Нина.

— Теперь мне понятно, почему она не захотела ребенка,— больше для себя, чем для собеседницы, говорил Вадим.— Где-то в глубине души она знала, что уйдет...

— Она любит тебя, Вадим,— сказала Нина.

— Любит?! — взорвался он.— И с первым попавшимся мужчиной или как его? Бисексуалом, извращенцем уходит от меня? Уходит, когда вся наша жизнь меняется... Ты толковала, что мы загниваем в Великополе, положим, я не согласен с тобой: человек загнивает изнутри, а не снаружи... Но я получил квартиру в Ленинграде! Мы возвращаемся в свой родной город, из которого, правда, по разным обстоятельствам вынуждены были в детстве бежать...

Он не замечал, что на них оглядываются с соседнего стола, который недавно заняла компания шумных молодых людей. Им принесли водку, пиво, закуски. Две пары, видно, сразу пришли сюда с работы, а девушки приоделись, с пышными прическами. Одна из них показалась Вадиму знакомой, но где он ее видел, не смог припомнить, да и припоминать не хотелось. Он выпил еще вина, почувствовал, что горят щеки.

— Извини, раскричался, понимаешь... — проговорил он.

— Понимаю,— улыбнулась Лунева.— Вои на тебя симпатичная девушка посматривает. Знакомая?

Вадим еще раз повнимательнее взглянул на пышно-волосую блондинку с подведенными глазами и накрашенным ртом и вспомнил, где ее видел: вместе с ней ехал из Ленинграда в Великополь в одном купе. Она была в трикотажном спортивном костюме, с прямыми волосами и не накрашенная. Он с ней не заговаривал, но другой пассажир, уступивший ей нижнюю полку, болтал с ней допоздна, Вадим даже сделал им замечание, но и выключив свет, они долго шептались... Студентка института инженеров железнодорожного транспорта, едет к заболевшей матери. Наверное, мать в порядке, если уже всю веселится в компании мужчин в ресторане...

— Давай возьмем шампанского и...

— ... и завалимся ко мне, да? — рассмеялась Нина.— Лица патворила дел, а я расплачивайся?

— Мне не хочется идти в пустую комнату, а до поезда еще вечность,— сказал Вадим.

— Вообще-то я знала, что ты придешь в нарсуд.

— Может, подать в суд на этого... бисексуала? — несвело пошутил он. — Нет, лучше морду набить!

— Не поможет...

— Не буду я руки пачкать, — сварливо заметил он.

— Лина знала, что ты ничего не предпримешь.

— Да, она неплохо меня изучила.

Он расплатился с высоким улыбчивым официантом, наверняка обсчитавшим рубля на три. Площадь была пустынной. В гостинице в некоторых номерах зажглись огни, внизу шумела Чистая. Где спряталось солнце, алела широкая полоса, а чуть сбоку над пятиэтажным зданием желтел изогнувшийся кренделем месяц. Через железобетонный мост катили машины, мост гудел, слышался металлический грохот. Нина жила на другом берегу, за старой крепостью, в новом четырехэтажном доме. Сын был у матери, жившей на улице Гагарина у бензоколонки. Этой осенью он пойдет в школу. Расположившись в маленькой кухне хрущевской с низким потолком квартиры, Нина приподнялась на цыпочках и распахнула форточку. У нее полные ноги в капроновых чулках, узкая юбка рельефно обтянула пышный зад. Удивляясь себе, Вадим провел по нему ладонью. Она ничего не сказала, достав из сумки сигареты и зажигалку, закурила. Пробка из бутылки, описав дугу, вылетела в форточку.

— Это первый раз мне повезло за последние дни, — заметил Вадим, наливая в стаканы шипящий искрящийся напиток.

— Лина говорила, ты совсем не пьешь, — заметила Нина, видя как он раз за разом опрокидывает в себя стакан.

— Не пил, — хмыкнул он.

— И еще она говорила, что у тебя сильная воля и ты переживешь...

— Любой удар, — вставил он. — Но этот удар и быка с ног свалит!

— Она говорила...

— Заратустра говорил... — перебил Вадим.

— Что же он говорил?

— Что говорил Заратустра я забыл, а вот что сказал Антисфен: «Надо запастись умом, чтобы понимать, либо веревкой, чтобы повеситься!».

— Я не знаю Заратустры и Антисфена, — улыбнулась она. — Нас в школе и в институте заставляли зазубривать цитаты из Маркса-Энгельса, Ленина-Сталина...

— Можно, я останусь у тебя? — когда все было выпито, посмотрел он в глаза молодой женщины. В голове шумело, белое лицо ее расплывалось. Куда-то отступила

спедавшая его тоска, он цеплялся за Нину Луневу, как утопающий за соломинку. Нужно было немедленно чем-то заполнить образовавшуюся внутри сосущую пустоту. Его все больше тянуло к этой немногословной сероглазой женщине. Немного смущал лишь ее немигающий взгляд, казалось, устремленный в самую душу.

— Ты думаешь, тебе станет легче? — после длительной паузы негромко произнесла она.

— Я думаю сейчас только о тебе... — сказал он. И это было так.

Он на руках отнес ее в комнату, опустил на широкую постель. Ее пальцы теребили его густые темно-русые волосы, мягкие горячие губы отвечали на поцелуи. Глаза были полузакрыты.

— Подожди,— вдруг отстранилась она, когда он стал стаскивать юбку. Встала, провела ладонями по широким бедрам, оправляя ее, и ушла в ванную. Он слышал звук льющейся воды, потом стало тихо и вскоре перед ним появилась Нина. Она была голой, с чуть покрасневшим носом и блестящими глазами. Удивительно, что такие большие груди не отвисали, а при пышных формах была довольно тонкая талия. Наверное, Нина потому и не надела халат, чтобы показать себя во всей своей зрелой красе.

Вадим тоже сходил в ванную, там на голубом кафеле была испарина, он провел ладонью по овальному запотевшему зеркалу над раковиной и увидел свое побагровевшее лицо, взъерошенные волосы и неестественно расширившиеся, с нехорошим блеском глаза.

— Морда-а... — пробормотал он и отвернулся. На кухне слил в стакан из бутылок остатки вина и водки — Нина нашла в шкафу полбутылки — и залпом выпил. Подумал, что подобной тяги к спиртному у него раньше не было.

Нина была страстной и ласковой. Вадим с удивлением почувствовал, что к нему возвращается уверенность, желание жить, любить, а главное — не было никаких угрызений совести перед самим собой, ведь он никогда не изменял Лине, считал, что лучше ее и не бывает на свете женщин, но вот сейчас, сжимая в объятиях жаркое белое тело Нины Луневой, он подумал, что был наивен: есть и другие женщины, умеющие дарить радость, наслаждение и сами получают его. Это чужое щедрое тело отдавалось ему неистово и в глазах ее больше не было жалости. В глазах — полыхала страсть.

Только один момент чуть было не нарушил эту так необходимую ему и, наверное, ей гармонию: когда они оторвались друг от друга и Нина поспешно побежала в

ванную, а вернувшись, теплая, влажная, снова прижалась к нему, поцеловала и, протянув руку к столику с мраморной крышкой, включила кассетник. В доселе тихую, освещенную торшером с розовым абажуром комнату с низким белым, растрескавшимся по периметру потолком, вдруг воинственно ворвались душераздирающие звуки электроинструментов и сильный с хрипотцой голос... Тома Блондина.

Вадим одним махом сел на кровати и резко вырвал черный шнур из розетки.

— Извини, милый! — полные с ямочками на сгибах руки Нины обвили его шею и настойчиво увлекли на смятые простыни.

3. Жизнь продолжается

Вадим лежал на диван-кровати и в мрачном настроении смотрел на экран телевизора. Был Первомай и по разукрашенной Дворцовой площади с гигантскими портретами Маркса и Ленина, обвитыми красными лентами, двигались с флагами, лозунгами, транспарантами и многочисленными портретами членов Политбюро трудовые коллективы города. Гремели марши, с трибуны, приткнувшейся к бело-зеленой стене дворца, мордастый агитатор в светлом костюме с красным галстуком, широко разевая большой рот, зычно выкрикивал: «Наш коммунистический привет славным труженикам Кировского завода-а-а! Ура-а-а, товарищи!». Секунда тишины и раскатистое: «У-у-ра-а-а! У-у-ра-а-а!». Бросив подобострастный взгляд на руководителей города и области, стоявших на обтянутой кумачом трибуне, штатный агитатор с громовым голосом снова завопил: «Да здравствует наша мудрая коммунистическая партия Советского Союза и ее верный сын-ленинец Леонид Ильич Брежнев, ура-а-а!». И львиный рык кликуши покорно подхватывает безликая толпа. Кинооператор останавливает камеру на огромном портрете бровастого самодовольного генсека с золотыми звездами Героя, камера перескакивает еще на несколько его портретов поменьше, которые несут на палках демонстранты. Несколько меньше задерживается на блинно-пухлых ликах других руководителей: Подгорного, Кириленко, Косыгина, очкастого Андропова, Гришина, Щербицкого, Кунаева, Рашидова, Алиева. Все как на подбор: отъевшиеся, самодовольные. Ни одного одухотворенного, интеллигентного лица — парад тупости и серости! Неужели этого не видят люди? Вон как истово разевают рты-дырки и самозабвенно вопят: «Ур-я-я-я!». Изредка мелька-

ют в колоннах и суровые, недовольные лица ленинградцев, но камера старается на них не задерживаться... И вдруг Вадима словно в бок толкнули, он вскочил с дивана и стал пристально всматриваться в медленно проплывающие на серебристом цветном экране лица стоявших на трибуне. Первый секретарь обкома, председатель горисполкома, секретари обкома и горкома, профсоюзный, в кепочке блином, босс, звездные генералы, адмиралы и среди них грузноватый с сияющей лысиной и завивающимися колечками кустиками волос у ушей Борис Львович Горобец — бывший начальник отдела псковского УМВД. Он был в гражданском костюме при галстукке, как и все руководители, на толстых губах его играла лучезарная улыбка. Он поднимал правую руку и небрежно помахивал проходившим мимо демонстрантам, как это делали и другие на трибуне. И по его начальственному виду, осанке было ясно, что он тут, на возвышении, не случайный человек, приглашенный гостем в честь Первомая, а один из хозяев. Вот он повернул большую голову к одному из секретарей обкома в шляпе и что-то сказал, тот покивал и улыбнулся... Каким же ветром завсегдатая турбазы «Саша» занесло на эту почетную трибуну в славный город Петра?..

«Партия — ум, честь и совесть нашего народа-а! — грохотал в микрофон горлан с железной глоткой.— Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза, у-ра-а-а!».

Ему противно было смотреть на лоснящиеся лица писателей и поэтов, вещающих на Красной и Дворцовой площадях здравицы в честь советской власти, партии, ее «гениальных» вождей. Особенно его раздражал один детский писатель с умильным выражением на широком лице, с прилизанными черными волосами, который на каждом праздненстве талдычил, что самые богатые люди в СССР — это наши дети, партия предоставила в их распоряжение дворцы, особняки, Артек...

Этот писатель был литературным начальником и заполнил своими бездарными книгами все библиотеки страны...

Раздражали его поэты, сочиняющие к каждому празднику глупые стихи и с пафосом читающие их на площадях. Эти холуи правящей клики были увешаны орденами-медалями, вырвали для себя все премии, вплоть до Ленинской. Они жали руки репортерам и телевизионщикам, как старым знакомым, а те и обслуживали лишь лауреатов, Героев Соцтруда. Таковыми были

все секретари Союзов. Там и не пахло талантом, но любя их строка подхалимской критикой выдавалась как шедевр.

Захотят ли эти люди что-либо изменить в стране? Никогда! Советская власть, партия из них, серых, бездарных, сделала «классиков», их имена гремят по радио-телевидению, почти каждый день появляются в газетах-журналах. Да они глотку перегрызут тем, кто поднимет на них руку... Какую руку — даже голос!

Славя маразматика-генсека, в узком кругу знакомых они рассказывают о нем анекдоты, хихикают по поводу наград и званий, которые он загребаёт обеими руками. И хоть бы один из них сам отказался от очередной премии или незаслуженного ордена. Куда там!

Вадим выключил телевизор, он совсем недавно приобрел цветной, его всегда раздражало это умело организованное парткомитетами безумие, он отлично знал, как давили секретари первичных ячеек на коллективы, чтобы все как один пришли под кумачевые знамена демонстраций, грозили, что на месте будут по списку проверять, кто уклонялся от своего гражданского долга. Вадима не раз отчитывали в редакции и музее, что он не ходит на праздничные шествия, но он беспартийный, что с него возьмешь? Да и времена сейчас другие, за это не посадят. Глупым и бессмысленным казалось ему идти строем в густой толпе, держать над головой флаг или портрет тупорылого вождя. Он вообще не любил толпы, сидело в нем какое-то инстинктивное неприятие этого бездумного стадного шествия под знаменами по чьей-то железной воле... В прошлом году, когда к нему привязался директор музея, чтобы он обязательно присутствовал в колонне работников культуры, Вадим сказал ему: «Я приду с простреленным черепом на древке Красного Знамени. Это будет символ нашей социалистической эпохи! Мы ведь по трупам невинных людей шагаем к светлому будущему...». Директор в панике шарахнулся от него и больше не настаивал, чтобы Белосельский был к восьми утра у музея. Кстати, заявление об уходе он подписал явно с облегчением. Директор музея пришел из райкома партии и призывал своих работников, главным образом, создавать в залах наглядные стенды, свидетельствующие о славных завоеваниях социалистического строя в нашей стране, а Вадим уезжал на раскопки в дальние районы и привозил оттуда черепки, старинные орудия труда и проржавевшие насквозь винтовки образца прошлого века.

Расхаживая по комнате, Вадим никак не мог выбросить из головы Горобца. Последний раз он видел его,

когда еще мальчишкой жил с дедом на турбазе в Пушкинских Горах. Он бы никогда и не вспомнил о бывшем эмвэдэшнике, если бы не запавший ему в душу рассказ Григория Ивановича. Оказывается, он и Горобец давние знакомцы...

Вот что рассказал незадолго до смерти дед:

«Борька Горобец в семнадцатом был еще девятилетним пацаненком, а вот батька его — Лев Горобец — уже тогда был известной личностью в Пскове. Родом из-под Порхова, он перед революцией перебрался из деревни в губернский город. От призыва в армию в первую мировую как-то сумел открутиться, справку получил от доктора, что чахоточный, тогда любую справку можно было за деньги купить. Впрочем, как и сейчас. Я два года отвоевал в армии Брусилова, лично Великий князь Николай Николаевич Романов повесил мне на грудь второго Георгия. Вернулся я сразу после большевистского переворота... Вот пишут и говорят, мол, Великая Октябрьская революция! Никакой революции не было, была лишь февральская, когда царь от престола отрекся, а большевики воспользовались всеобщей сумятицей и нагло захватили власть, пока либералы, разинув рты, орали на митингах: «Свобода, равенство, братство!». И другие партии проморгали, а Ленин со своей хитроумной компанией по чужим спинам-то и пробрался к царскому трону! И сразу начался красный террор, казни, концлагеря. Чтобы ты знал: первый в мире концлагерь придумали Ленин с Дзержинским, а позже Троцкий хотел весь народ загнать в концлагеря, где бы люди под охраной работали. Особенно Ильич почему-то попов не любил, науськивал своих чекистов, чтобы они пачками расстреливали священнослужителей, а церковные, веками накопленные богатства разграбляли... И голодранец Левка Горобец быстренько смекнул, с кем ему больше по пути, он ведь смолodu был вором и жуликом. За конокрадство мужики его чуть не копчили батогами в пятнадцатом, чудом выжил. На всю жизнь у него остался длинный шрам от шкворня, потом хитрый Левка утверждал, что «заработал» боевую рану на фронте, когда давил и рубил саблей блслогвардейцев в буденновской армии. А сам и сабли-то сроду в руках не держал. Его ручки были для другого дела приспособлены... Сразу после переворота Левка, как чистый люмпен-пролетарий и горячо сочувствующий большевикам, перебрался из своей лачуги в господский дом и не в чей-нибудь, а в наш, Добромысловский. А стоял наш каменный особняк в три этажа на Тверской улице, неподалеку от церкви. Была у нас усадьба на реке Великой, в десяти верстах от

Пскова. Вот тогда я и познакомился поближе с Левкой Горобцом! Ты, конечно, не читал Михаила Афанасьевича Булгакова, «Собачье сердце»? Да откуда? В России эту повесть не издавали, она гуляет в списках, здесь Булгакова и знают лишь по роману «Белая Гвардия» и пьесе «Дни Турбиных», а он много чего интересного написал про советскую действительность... Так вот, в «Собачьем сердце» есть такой Швондер, ну вылитый Левка Горобец! Он облачился в кожаную комиссарскую тужурку, повесил на ремне маузер в деревянной кобуре и так разгуливал по городу со своим шрамом на бандитской роже через всю щеку. Он стал сильно нас притеснять, в восемнадцатом окончательно выжил из собственного дома, а сам, сволочь, занял пять комнат на втором этаже. На первом — открыли булочную. К тому времени жулик и вор Левка уже пролез в ЧК, ездил по городу в легковушке с охраной. Сколько он невинных душ загубил! Сейчас пишут, что при Сталине Берия творил беззакония и все такое, а при Ленине Дзержинский и Менжинский делали то же самое: кто как не большевики привлекали в ЧК таких выродков, как Левка Горобец? Выбросил нас из собственного дома, построенного на отцовские деньги, сам с семьей поселился там со всеми удобствами, нашу мебель, ковры, бронзу — все перетащил к себе, а мне еще кулаком в нос тыкал и орал, что если буду возникать и жаловаться, то самолично расстреляет в подвале на Тверской... Да и кому жаловаться-то? Кругом у новой власти были такие подручные, как Левка. Она на таких и опиралась.

Видно, он решил, что ему будет спокойнее, если меня турнет из города, вызвал в ЧК и показал бумагу, в которой было написано, чтобы я в 24 часа покинул Псков. Так и начались мои странствия по разоренный такими же жуликами, как Левка Горобец, стране. Спасибо, что не убил, тогда это можно было ему сделать запросто: чекисты наводили страх на всех, под видом разыскания контрреволюционеров врывались ночью в богатые дома и хватили там все, что им нравилось, пытали в застенках людей, вызывая, где спрятано серебро-золото.

Представляешь себе, сами ничего не наживали, не было к этому способностей, да и работать от зари до зари не хотелось, а тут вдруг новая власть дала такую возможность: все десятилетиями нажитое честными людьми добро бери даром! Был даже такой лозунг: «Мир хижинам — война дворцам!». И еще один: «Грабь награбленное!». Вот и грабили все, кто почувствовал свою силу. Ты думаешь, случайно эмигрировали за границу лучшие умы России? Бунин, Куприн, Мережковский —

это я называл только писателей, а сколько других светлых голов уехало? А Федор Шаляпин, Рахманинов? Всех не перечесать. Даже популярный писатель Горький не очень-то торопился в совдеповскую Россию, наслаждаясь жизнью на Капри. Еле-еле его оттуда выкарабкали, наобещав золотые горы. Выделили ему целый дворец Рябушинского в Москве. Пролетарский писатель, «буревестник», любил красиво пожить, вкусно поесть-выпить, да и женского полу не чуждался...

Я вернулся из Перми, как только мне знакомые написали, что Левку Горобца почью подкараулили у нашего дома и ухлопали из обреза. Всю башку разнесло. Столько гадостей натворил в Пскове и его окрестностях, что народное терпение лопнуло и его пришили, как бешеную собаку. К тому времени подросток и его сынишка Борька. Папаша определил его в Ленинграде в какой-то красный институт, там он не зацепился и вскоре вернулся в Псков. До войны я ничего о нем не слыхал, а в сорок шестом услышал: пошел Боря по батькиным стопам, стал сначала небольшим милицейским начальником. Меня в сорок девятом выпустили из лагерей, хотел обосноваться в Пскове, но Борис Львович — он уже не жил в нашем доме и к тому времени стал начальником повыше — определил меня на турбазу. Зла на меня, видно, не держал и не был таким мерзавцем, как батька. И я ему благодарен, вряд ли в Пскове дали бы мне в те годы спокойно жить. Дракон-то еще был жив... Думаю, что и Борис немало людей посадил, такая уж у них работа, по арестам-то планы тоже нужно выполнять и перевыполнять... Но меня не трогал, правда, однажды завел разговор, что надо бы мне попристальнее приглядывать за приезжающими на турбазу начальничками, записывать фамилии их «мамзелей» и сообщать ему, Горобцу. Я наотрез отказался. И в лагере ко мне с этим лезли, там выстоял, здесь и подавно в «стукачи» не пошел. Я их сам терпеть не мог: за похлебку и кусок хлеба кого хочешь заложат... Он покачал головой и изрек: «Эх, Григорий Иванович, не дает тебе жить по-советски дворянская голубая кровь! Да Бог с тобой, живи как знаешь». Больше не приставал... А вообще, еще раз хочу сказать: Борис не такой злодей, как был его батька-вор и конокрад Левка. Тот грабил «награбленное», а Борису не нужно было грабить, кстати, уже все разграбили, ему советская власть сама все дала: лучшие квартиры, лучшая жратва, лучшие санатории, лучшая заграничная одежда и товары, а что еще таким людям, которые из грязи в князи, надо? Вот и катаются себе как сыр в масле...».

В словах Григория Ивановича не было злости, возмущения, жизнь его научила терпеть и смиряться, как и весь русский народ, он был благодарен и за то, что его не трогали, ведь при этом режиме неугодным властям людям не нужно было иметь какую-нибудь вину — их могли просто так забрать и снова упечь в лагеря на долгие годы, а то и расстрелять. Да и выжить-то в лагерях с уголовниками не так-то просто было. Когда урки убивали «политических», администрация тюрем и лагерей закрывала на это глаза, а случалось, и сама подсказывала, кого нужно поскорее зарезать. В советских лагерях жизнь заключенного не ценилась ни в копейку.

И вот Борис Львович в праздничном костюме красуется на трибуне, внушительно стоит рядом с высшим руководством города, с его хозяевами. И вместе с ними кивками головы и движением руки приветствует народ. Кто он? В милиции крупная шишка? Или в партийном аппарате? Значит, после разоблачения Берии его не тронули? Дед говорил, что Горобец в середине шестидесятых годов куда-то исчез из Пскова. Вроде бы с той самой молодой «мамзелью», с которой приезжал на турбазу, а жена еще раньше уехала к родителям в Москву. И неясно: разведены они или нет... Нет-нет — Вадиму встречались в магазинах книги московского писателя Семена Бровмана, их быстро разбирали: охотник-литератор писал один за другим детективы про милицию. Ловкий, умный майор уверенно раскрывал самые запутанные преступления и вообще, если верить Бровману, то в милиции служат самые честные, мужественные люди. Они даже в бандитов и убийц не стреляют, а стараются, рискуя собственной жизнью, захватить их живыми, а на допросах ведут себя с ними как строгие, но заботливые отцы со своими непутевыми детишками... После прочтения нескольких таких, сильно разбавленных сиропом повестей, Вадим перестал читать Бровмана. Он хорошо помнит, как тот трясся от страха, что его посадят в тюрьму за убийство на охоте заведующего базой Синельникова, и милицейские начальники утешали его, мол, ничего тебе не будет, мы позаботимся... Очевидно, и позаботились, в благодарность за что и льет на их мельницу сладкий сироп литератор, изображая милиционеров такими ангелочками, правда, без крыльев. Видел Вадим Бровмана и на экране телевидения, он давал пространное интервью. Видно, тоже попал в любимчики салона Галины Брежневой, где бывали некоторые именитые поэты, музыканты, певцы, спортсмены, космонавты... Только что стал Семен лауреатом Госпремии, а там «чужим» не дают...

Круглое лицо было в колючей ежиной бороде, короткие волосы так же топорщились на круглой голове. Раздобрел Бровман, округлился живот, замшевый пиджак распирали жирные плечи. Говорил в эфир напористо, самоуверенно, похвастался, что сейчас работает с именитым режиссером над экранизацией своей последней детективной повести, мол, будет много серий...

Последние годы литературные начальники, потеряв стыд и совесть, экранизировали свои скучные, серые романы. Худо-бедно режиссеры вытаскивали эту серятину и люди неделями смотрели по телевидению семи-одиннадцатисерийные телефильмы. Даже появилось ходовое словечко «телсериалы».

В Великополе было громкое дело: раскрыли целую группу взяточников из ОБХСС, покрывали торговых преступников за мзду и работники городского управления милиции. Впрочем, дело вскоре свернули, когда клубок стал распутываться, то ниточки потянулись и в горком КПСС, и в горисполком, и в другие организации... Это им распределялись лучшие дефицитные товары и продукты. А населению — что похуже. Нашли несколько «стрелочников» рангом пониже, уволили из органов, кого-то из торговли посадили. «Великопольский рабочий» поместил коротенький отчет, на этом все и закончилось.

Телефонный звонок заставил его вздрогнуть, встав с кресла, Вадим снял трубку. С ноги свалился тапок, он старался всунуть в него ступню. Лень было нагнуться.

— Родители приглашают на праздничный обед, — поприветствовав его, сообщила Вера Хитрова. — Пойдем? Мама всегда к праздникам наготовит всякой вкуснятины. И папа про тебя спрашивал...

Не хотелось выходить на шумную улицу, день выдался погожим и народ будет толпиться на тротуарах до праздничного салюта, а Вадим не любил многолюдья, да и сидеть за праздничным столом даже с такими приятными людьми, как Арсений Владимирович Хитров и Вера — жену его Лилию Петровну он не причислял к приятным людям, — что-то не хотелось. Опять будут уговаривать выпить, а ему это противно, потом долгие разговоры о политике в кабинете Хитрова...

— Вера, приезжай лучше ко мне? — предложил Вадим.

— У тебя ни выпить, ни закусить, — рассмеялась она. Смех у нее негромкий, журчащий. — А у меня сегодня праздничное настроение.

— Я не люблю праздники, — ответил он.

— Вадим, ты становишься мизантропом!

— Приятно разговаривать с образованной женщиной...— съязвил он.

— Ты еще спасибо скажешь, что я тебя вытащила из твоей конуры!

— Я тебя встречу у Московского вокзала? — уговаривал Вадим.— А когда разрешат движение по улицам, махнем за город? Машина у меня под окном, сели и поехали.

— Мама мне этого не простит,— возражала Вера, но в голосе ее слышалось колебание.— Давай, дорогой, сделаем так: я забегу на пару часов к родителям, а потом к тебе?

— Думаешь, отпустят? — Ему вдруг захотелось, чтобы она была рядом. Готов даже к Хитровым поехать, скажет — за рулем и привязываться с выпивкой не будут.

— Я сбегу,— пообещала Вера.

Договорились на три часа дня, Вадим сказал, что подъедет на Марата, где жили Хитровы, остановится у книжного магазина. Положив трубку, он возбужденно зашагал по комнате. Настроение сразу поднялось, Вера ему хотелось видеть. Она приняла деятельное участие в благоустройстве его квартиры, он даже не ожидал от нее такой прыти. Таскала его по комиссионкам, где сама выбирала недорогую старинную мебель. Вадим не возражал, лишь высказал опасение, что в этих дубовых и ореховых шкафах и креслах не было бы клопов и жука-древоточца. Она успокоила, мол, есть сильные аэрозоли, убивающие всякую нечисть. Вера подобрала для кабинета — так она назвала меньшую из двух комнат, где поставили старинный письменный стол с зеленым сукном, расстелили на паркете старый красный ковер ручной работы. И заплатил он за него всего триста рублей. Вера утверждала, что это почти даром. Ковру с неясным незатейливым рисунком минимум сто лет и он еще столько же послужит, не меньше. Хотела, чтобы он приобрел пару картин, но тут он уперся: картины к мебели не подбирают и потом, современная живопись ему не нравится.

— Купи старинную,— невозмутимо заметила Вера.— В золоченых рамах. Очень будет уместно в твоем кабинете.

Он даже не стал говорить, что старинные полотна ему не по карману. У Хитровых было в гостиной несколько картин русских живописцев конца XIX века.

Вадим видел, что молодой женщине искренне хочется ему помочь, да и сами квартирные хлопоты доставляли ей удовольствие, наверное, все-таки в ней больше

развита семейно-хозяйственная жилка, чем в нем. Какая бы не была Лилия Петровна, хозяйка она отличная. Этого у нее не отнимешь. После ухода Лины Вадиму не хотелось заниматься по дому. Если бы не Вера, он и сейчас спал бы в пустой комнате на раскладушке. Вера выяснила, что в квартире был телефон, но станция поспешила его отключить, чтобы установить кому-то другому, она побывала на приеме у начальника Некрасовского узла связи и добилась чтобы телефон снова поставили в квартире. Вадим не знал, что Вера попросила отца позвонить начальнику узла, вряд ли без этого у нее что-либо вышло. На получение телефона в Ленинграде — огромная очередь, желающие ждут по много лет. Повезло еще, что не успели этот номер отдать очереднику.

Как-то само собой получилось, что после ремонта квартиры, когда из мебели посредине комнаты стоял лишь один диван-кровать, Вера осталась у него на ночь. Она выметала мусор, штукатурку, старые хрупкие обои, а Вадим все это набивал в коробки, мусорное ведро и выносил в мусорный бак. Подоткнув повыше юбку, Вера взялась мыть паркетные полы. Он не мог оторвать взгляда от ее полных обнаженных ног — Вера сняла чулки и туфли, чтобы не забрызгать грязной водой — круглого обтянутого юбкой зада. Тяжелые груди колыхались под тонкой блузкой с овальным вырезом, желтые волосы рассыпались по плечам. Вадим вспомнил, что в детстве ему казалось, что у Веры большие треугольные уши, однако сейчас ничего подобного не заметил: уши были нормальными, розовыми, с жемчужными сережками, а щeki нежными, гладкими. О таких женщинах, как Вера Хитрова говорят: девка — кровь с молоком! И когда она, двигаясь с тряпкой и эмалированным тазом, почти уперлась в него, Вадим повернул ее к себе и, отведя ладонью от разгоряченного лица желтые пряди, поцеловал. Руки ее опустились, тряпка шлепнулась в таз, обрызгав им ноги, голубые глаза медленно закрылись. Он слышал, как стучит ее сердце, запах здорового женского тела кружил голову. Он поднял ее на руки и... поскользнувшись на мокром паркете, чуть не уронил. Она крепко обхватила его за шею, ее руки отпустили его лишь когда она стала помогать ему снять с себя юбку, блузку, шелковые трусики. Волнение было столь сильным, что он не нашел даже что сказать, она тоже молчала. Голая электрическая лампочка с потолка — тогда еще не купили люстру — освещала ее вдруг побледневшее лицо с ярко-красными губами, тело у нее было ослепи-

тельно белое, будто солнечный луч никогда не касался его, в глубокой ложбинке между грудями блеснул золотой крестик на цепочке.

— Он не удержался и спросил:

— Ты веришь в Бога?

— У нас у каждого есть свой Бог, которому мы верим,— уклончиво ответила она.

— Бог один... Не знаю, как мои родители, но дед верил в Бога. У него в углу висела икона в окладе — Божья мать с младенцем — и горела по праздникам лампадка. Но как он молился, я ни разу не видел.

— Я за границей купила «Закон Божий»... Послушай, какие там прекрасные слова: «Все, что мы видим в мире, когда-нибудь началось, родилось, когда-нибудь и кончится; умрет, разрушится. В этом мире все временно — все имеет свое начало и свой конец!»

Когда-то не было ни неба, ни земли, ни времени, а был только один Бог, потому что Он начала не имеет. А не имея начала, Он и конца не имеет. Бог всегда был и всегда будет. Бог вне времени. Бог всегда есть».

— Я читал Библию,— сказал Вадим.— Великая книга. А большевики вместо книг тысячелетней мудрости подсунули нам писквозь фальшивый марксизм-ленинизм... Чего же удивляться, что в России родились поколения неверующих, не боящихся грешить, разрушать храмы, плевать на иконы и молиться лишь одному идолу — гнилой социалистической идее...

— Ты веришь в Бога, Вадим,— сказала Вера.— И тоже в своего...

— А Бог нас не осудит? — обнимая ее, пробормотал он.

— Бог сказал людям и всему живому на земле: «Плодитесь и размножайтесь...» — целуя его, прошептала она.

К досаде Вадима, все произошло так суетливо и быстро, что Вера наверняка не смогла получить удовольствие, хотя и вида не подала: целовала его, гладила тонкими чуткими пальцами по груди, спине, а он отрешенно лежал рядом и, глядя в белоснежный, только что побеленный потолок, думал, что Лина была бы недовольна им... В своих любовных отношениях с женщинами он пришел к мысли, что только тогда получаешь полное чувственное удовлетворение, когда перед этим доставишь его женщине. И поэтому изо всех сил сдерживал себя, а тут не смог... На глазах угловатая тонконогая девочка Лина Москвина становилась опытной любовницей: и если сначала он учил ее любовным играм, то позже Лина наставляла его, если так можно сказать, приспособливала его для себя. Ее чувственность пробуж-

далась постепенно, и лишь когда они получили квартиру и стали жить вместе, Лина по-настоящему раскрылась как женщина. В ней пробудилась страсть и на первых порах она изматывала Вадима в постели. Иногда в самый неподходящий момент она начинала приставать, отвлекать от какого-то дела. Лишь в последние годы они достигли полной гармонии. Вадим ей ни разу не изменил, и сейчас уверен, что до встречи с Томом Блондином и Лина ему не изменяла. Они доставляли друг другу такое наслаждение, что, казалось, лучше и глубже оно уже и быть не может. Если вечером предстояло им быть вместе, то уже в течение всего дня исподволь нарастало желание, каждое прикосновение друг к другу возбуждало, иногда Вадим не выдерживал и в обед — обедали они дома — пытался поторопить событие, но Лина мягко отстраняла, смеясь, говорила, что до вечера не умрет, а ей хочется именно вечером лечь с ним в постель, оставить на низкой тумбочке ночник и не торопясь наслаждаться любовью, а сейчас еще день, им нужно на работу... И действительно, вторая половина дня в предвкушении вечера проходила в некоей приподнятости, в ожидании приятного... А тут все нахлынуло внезапно, разве можно с такими соблазнительными белыми ногами и круглым задом и в такой позе крутиться перед самым носом мужчины, который уже давно не имел женщину?..

Будто прочитав его тайные мысли, Вера провела пальцами по его мускулистой выпуклой груди и сказала:

— О ней думаешь, о своей Аэлите?

— Стараюсь не думать,— честно признался он.

— Помнишь, мы с тобой были совсем маленькими, я с родителями пришла к вам в гости,— стала рассказывать Вера.— Взрослые сидели за столом, был Новый год, по-моему, пятьдесят второй. Да, перед смертью Сталина... Твой отец сказал: «Арсений, давай поженить Веру и Вадима?». Я понимаю, это была застольная шутка, но я почему-то приняла все всерьез... Сколько лет-то мне было тогда? Восемь? Наверное, до третьего класса я считала тебя своим женихом...

— Я не помню, Синица,— улыбнулся Вадим.— Но ты мне нравилась. Там, на турбазе, я тебя часто вспоминал.

— Даже не написал,— упрекнула она.

— Не забывай, я ведь убежал,— сказал он.— Дедушка запретил мне писать в Ленинград. Сказал, что у них свои люди и на почте.

— А хотелось? — скосила она светло-голубой глаз на него. Коричневая родинка на щеке казалось передвинулась к носу.

— Не помню,— сказал Вадим.— Я и сейчас не большой любитель писать. Мы с бабушкой много лет ни от кого не получали писем.

— Да, все забываю тебе принести альбом с фотографиями,— вспомнила она.— Ты меня попросил сходить на Лиговку и забрать фотографии... Там жили другие люди, а вещи ваши... Толстая женщина поворчала, мол, шляются тут всякие, но альбом отдала...

— Огромное тебе спасибо,— обрадовался он.— У меня ведь ничего от них... не осталось.

— Завтра же принесу,— пообещала она.— Я хотела тебе переслать в Великополь, но папа сказал, что ты скоро сам приедешь... Мне было жутко интересно снова увидеть тебя! Взрослым.

— И какое же первое впечатление?

— Высокий, сильный и... далекий, чужой.

— Между нами полжизни пролегло...— погрузившись, сказал он.

— Две жизни...— эхом откликнулась она.

— А за фотографии спасибо! — сказал он.— Надо же, сохранились.

— Мама хотела сжечь, но я спрятала в папином кабинете. За книгами на самой нижней полке.

— Я готов сейчас поехать к тебе за фотографиями,— вырвалось у него.

— Я часто думала о тебе...— не слыша его, продолжала она.— И когда отец сказал, что ты живешь с дедом, где-то рядом с Пушкинскими Горами, я даже хотела поехать к тебе и привезти альбом. Я от отца узнала, что твоих родителей реабилитировали и ты можешь снова вернуться в Ленинград. Он столько писал в Москву, ходил в Большой дом...

— Благодаря твоему отцу я здесь,— сказал Вадим.

— Я очень рада! — она повернулась к нему и поцеловала. пышная голова ее склонилась к плечу, глаза полужакрылись, и он подумал, что сейчас есть в ней что-то птичье. Крупные голубые глаза женщины заволокла, будто небо облаками, легкая дымка, на большой груди синела тонкая разветвленная жилка, она будто ручеек брала свое начало от коричневого соска-родника и, светлея, убегала к шее. У Веры большие глаза и немного напоминают глаза Аэлиты, но меньше. Таких больших глаз, как у Лины, Вадим больше ни у кого не встречал, разве что у оленух в телепередачах «В мире животных». Тоска по Лине отступала, горячее белое тело Веры возбуждало его своей готовностью к ласкам, ее длинные пальцы безошибочно находили самые чувствительные

точки, поцелуи были страстными, на вид мягкие губы становились упругими, на щеках выступали розовые пятна, короткие темные ресницы трепетали.

— Не торопись, пожалуйста,— шепнула она, отстранившись от него и откинувшись назад.— Ну, иди, дорогой... Поцелуй меня сюда... О-о, а теперь сюда...— ее палец с «кровавым» ногтем прыгал с груди на шею, коснулся мочки розового уха.

На этот раз у них получилось гораздо лучше. Вера стала удивительно красивой, когда протяжный глубинный стон полного удовлетворения вырвался из ее сжатых вспухших губ. Придя в себя, она, обрушив ему на лицо светлые волосы, благодарно поцеловала и вздохнула:

— Господи, мне так хорошо никогда не было...

Женщины часто говорят приятные слова мужчинам, но Вадим и сам почувствовал, что ей действительно было очень хорошо. Есть моменты в любви, когда даже самая коварная и опытная женщина не способна sluкавить. Ему тоже было хорошо, но было и такое мгновение, когда страсть затмила разум и перед глазами вдруг возникло глазастое, улыбающееся, с прикушенными губами лицо Аэлиты, он даже зажмурился, чтобы сладостное видение не исчезло... В эту секунду, сжимая в объятиях Веру, он любил Лину.

— Я боюсь влюбиться в тебя, Вадим,— немного позже сказала Вера.— Мне это вряд ли принесет счастье.

— Не будем загадывать,— расслабленно произнес он.— Только Бог знает, что у нас впереди.

— Ты говоришь избитые истины...— улыбнулась она.— Не забывай, кроме Бога существует и Дьявол.

— Ты веришь в Дьявола?

— Нечистая сила больше себя проявляет в нашей жизни, чем Божественная.

— А вот то, что мы... с тобой? Чье это проявление силы?

— Вадим, что ты несешь! — возмутилась Вера и даже отвернулась от него.

— Наверное, после того, что у нас сейчас было, я и впрямь поглупел, а дьявол как раз и овладевает человеком, когда тот теряет веру, волю...— рассмеялся Вадим.— Но мне тоже очень хорошо и спокойно с тобой, Вера. И это истинная правда. И я верю в то, во что веришь ты.

— Я знаю, ты не умеешь врать,— сказала она.— Мы ведь с тобой были с детства обручены, милый!

На это Вадим не нашелся, что ответить.

4. Горький дым отечества

В социалистическом государстве, если ты хочешь в старости получать пенсию, твой трудовой стаж не должен прерываться больше, чем на месяц. Нравится тебе или не нравится, ты должен срочно искать государственную работу. Может к тебе домой пожаловать участковый инспектор и поинтересоваться, почему ты не трудоустроен? Из всех жестоких античеловеческих лозунгов, привнесенных переворотом в России, один свято соблюдается государством: «Кто не работает, тот не ест!». Наверное, поэтому люди с высшим образованием, даже с учеными степенями, по тем или иным обстоятельствам порвавшие со своей профессией, устраивались кочегарами в котельные, почными сторожами на складе и охраняемые территории, грузчиками в морском порту или на железной дороге. Свое собственное дело гражданин страны социализма не имел право иметь. Разве что чистильщики сапог, образовавшие свою всероссийскую корпорацию, имели крошечные ларьки, где торговали шнурками, гуталином и делали мелкий ремонт обуви.

Официальная статистика на весь мир хвастливо трубила, что в СССР, стране «развитого социализма» нет безработицы, разумеется, как и проституции и организованной преступности, дескать, подобное существует лишь в загнивающем бесперспективном капиталистическом обществе, а у нас для этих гнусных пороков нет социальных корней. «Корни» были безжалостно вырваны советской властью и ленинской партией после революции 1917 года. И эти понятия вдальблывались в головы людей десятилетиями, начиная с детского сада, как и то, что коммунистическая партия — это ум, честь и совесть народа. Если и не все в это верили, то, по крайней мере, помалкивали. В брежневскую династию, когда даже высшие партийники стали чуть ли не открыто воровать, брать взятки, обогащаться, строить дачи-дворцы и чувствовать себя некоронованными королями, в партию кинулись разные темные личности, карьеристы, жулики, воры. Впервые при Брежневе самые темные полупреступные слои нашего общества коммунистическую партию стали считать своей партией, отбросив все ее лживые идеалы, они ухватили самую суть: членство в партии дает возможность лучше жить, вкуснее есть, слаще пить и без особого напряжения и талантов стремительно делать карьеру в любой отрасли народного хозяйства, опять же для того, чтобы еще больше

государственное, а значит — ничейное — хапать, рвать, тащить себе. А продажная пропаганда, газеты-журналы по-прежнему оглушительно трубили о самом лучшем в мире советском строе, о наших колоссальных успехах, особенно в космосе, о верном ленинце и его славных соратниках, которых будто по внешнему облику подбирали в Политбюро, чем круглее, сытее, уродливее, тем и чин выше...

Идти служить в какую-нибудь организацию Белосельскому не хотелось, в журналистике он разочаровался, хотя работа в газете давала хотя бы относительную свободу, если, например, устроиться собкором какой-нибудь центральной отраслевой газеты, но таких синекур было в Ленинграде не так уж много. И их расхватали давным-давно. И, конечно, в первую очередь партийцы.

Столкнулся Вадим и еще с одним обстоятельством: в Ленинграде у него почти не было знакомых, не то что в Великополе, где он прожил больше десяти лет. А без знакомств и протекции нечего было и соваться, разве что на завод рабочим. Объявлений на заборах было много. Все рвались в начальники, а к станку набирали приезжих или, как их называли, «лимитчиков». За прописку и угол они не отказывались ни от какой работы. Вера пыталась всячески помочь ему, даже переговорила со своим начальством и сказала, что он может рассчитывать на место шофера в интуристском гараже. Будет возить иностранцев на автобусе. Сообщила, что зарплата приличная, потом, иностранцы нередко щедро одаривают обслуживающий персонал. Место шофера в «Интуристе» считается престижным, без взятки туда не устроишься...

Вадим поблагодарил Веру, но перспектива мотаться по разбитым городским улицам на автобусе его тоже не прельщала, а рассчитывать на подачки иностранных туристов вообще было унижительно. А вот Вера охотно брала разные красивые безделушки, шариковые ручки, духи... Ко всему, наверно, должна быть привычна. Ей не казалось зазорным отказываться от подарков, так было принято во всем мире. Туристы дарят шоферу бритву «Браун», а она в комиссионке стоит 100-120 рублей. Кто же от такого подарка откажется? Или французские духи? В наших магазинах их днем с огнем не сыщешь да и стоит 50-80 рублей крошечный флакон.

В газетах-журналах писалось о трудовых подвигах советских людей, помещались их портреты, интервью, как они поднимают целину, возводят новые города, строят ГЭС, АЭС, радио неумолчно трещало тоже об

этом, не отставало и телевидение, в кинофильмах советские люди жили красиво и счастливо, прославленные прессой писатели-лауреаты воспевали в своих роскошно изданных книгах нашу счастливую жизнь при социализме, создавали впечатляющие образы мудрых партийных работников, умно разрешающих все возникающие на пути к светлым идеалам коммунизма трудности простых смертных, живописцы писали картины с вождями в центре, портреты сталеваров, шахтеров, агрономов, композиторы создавали на эти темы оратории и симфонии, поэты слагали оды и слова для бодрых песенок... А жизнь текла в огромной стране совсем иная, ничего общего не имеющая с этой хорошо отлаженной идеологической машиной всенародной пропаганды по оглушению людей и особенно незрелой молодежи. Все государственное, а в СССР все было государственное, люди считали чужим, а раз это чужое, ничейное, то можно было его, не стесняясь, брать, тащить домой, продавать. Это и за воровство не считалось. Так появились «несуны». Эти ежедневно прихватывали с рабочего места часть сделанной продукции. Заводы и фабрики гнали вал, перевыполняли планы, получали премии, издательства выпускали серые бездарные книжки, платили авторам громадные гонорары, а продадут эти книги или нет, никого не волновало. Страна-то большая, громадная... А что не возьмут даже в библиотеки, спишут в макулатуру. Рубили леса, даже добрались до сибирских кедров, испоганили Байкал, перегораживали реки плотинами, губя ценную рыбу, отравляли хаммеровскими ядохимикатами землю, воду. Что ни новый первый секретарь ЦК, то тут же готовился новый проект по уродованию земли и природы. То осушение болот, после чего все живое исчезало, додумались даже до поворота рек, но тут уж заволновались даже те, кто верил печати, радиотелевидению. Этот сатанинский поворот рек нес России нищету и смерть. Нашлись патриоты в России, которые стали публично выступать против этой дикой, губительной идеи. Но кто их слушал? Уже миллиарды были израсходованы на этот проект врагов земли русской. Миллиарды летели на ветер, щедро отпускаемые некомпетентными правителями на безумные проекты века, столичные прожектеры яростно боролись за то, чтобы довести начатую аферу до конца и хапнуть Государственную премию. И опять же никому ничего не было жалко, ведь государственное это не свое, чужое!

Страна медленно, но неуклонно катилась к зияющей пропасти и остановить ее уже было невозможно. Народ спивался, вернее его спаивали, работал спустя рукава,

уже всем было известно, что продукцию, выпущенную в конце месяца или квартала, нельзя покупать, потому что ее делали кое-как, тят-ляп, лишь бы при помощи штурмовщины выполнить план по валу и получить премиальные, а на качество — наплевать! Все равно купят. От генерального директора крупнейшего предприятия до простого рабочего начало доходить, что работают они неизвестно на кого, не отвечают ни за что, а получают лишь за вал, была бы бумажка подписана, так стоит ли стараться что-то изобретать, улучшать, если это никому не надо? Партийные функционеры, поставленные во главе крупнейших предприятий, не знали производства, и их ничего не стоило обвести вокруг пальца любому недобросовестному специалисту. Никто не заботился об улучшении и модернизации производства. Нынче ты — генеральный директор завода, завтра можешь стать начальником главка. Делали карьеру, а не искали о производстве, продукции. Тайнственный хозяин всего в стране «Государство» — это было понятием отвлеченным. Знает ли вообще это самое «Государство», что у него есть, а чего нет? Не было единого хозяина у леса, сельского хозяйства, промышленности, транспорта, каждый тянул как говорится, одеяло на себя. Больше думали о личной выгоде, чем о государственной. Министрства и Главки плодились как грибы, везде раздувались штаты, были предприятия, где начальства значилось по ведомости больше, чем рядовых рабочих. Даже явно убыточные предприятия не закрывались — как же, у нас не должно быть безработицы! — их содержали на дотациях: отбирали средства у передовых предприятий и перечисляли отстающим. Некачественной продукцией завалили все склады и магазины, население страны старалось не покупать аляповатую отечественную обувь, одежду, мебель — гонялось за импортной. Продать же советскую продукцию за рубеж было невозможно, потому что ее качество и близко не почевало с мировыми стандартами. Зато хорошо делали танки, ракеты, пушки... По крайней мере, открыто хвалились этим высокие государственные деятели. По-видимому, чтобы «напугать» наших врагов...

Все, что считалось у нас передовым и прогрессивным по сравнению с миром капитала, на поверку оказалось отсталым, примитивным, никуда не годным. Гнилой лихой. Любая хорошая инициатива сверху зажималась, потому что она несла какую-то перестройку в налаженном еще при царе-батюшке производстве, а кому это

нужно было? Наши изобретения уходили за границу, там осуществлялись, а потом «Государство», как ни в чем не бывало, покупало наше кровное за валюту...

Стоило ли идти работать в это уродливое отсталое хозяйство? Везде ложь, очковтирательство, приписки. Ради того, чтобы не лишиться премии, шли на подлог, обман, рискованные аферы. А сидящая на самом верху руководящая правящая партия, ядро которой составляли случайные карьеристы и некомпетентные люди, заботилась лишь о самой себе и о своих руководителях. Вот для них было все лучшее, что производилось в нашей стране, и самое ценное и передовое из-за рубежа. Партийная элита строила для себя капитальные дома с улучшенной отделкой, обставляла двухэтажные квартиры с холлами для приема и дачи-дворцы лучшей импортной мебелью, получала из распределителей за мизерную плату все самое-самое, что имеют лишь миллионеры в процветающих странах. А все это, безусловно, давало ощущение твоей исключительности. Когда у тебя все есть, что простым смертным недоступно, это придает и в собственных глазах вес, значительность, вот почему партийные «отцы-радители» очень не хотели, чтобы другие граждане «социалистического рая» пусть даже за бешеные деньги имели все то, чем владеют они. Сажали за проигрывание на магнитофонах зарубежной музыки, а когда появились видеомагнитофоны, стали каждую кассету с намеком на секс или политику считать подрывающей основы власти. Милиция отключала во всем доме свет, чтобы кассета осталась в аппарате, вламывалась в квартиры, где были видеомагнитофоны с кассетами, и все забирала. В провинции проходили чудовищные процессы над любителями видеофильмов, иногда даже за самые безобидные с обнаженной натурой давали срок. Вот как блюлась нравственность народа! И это в то время, когда комсомольские жеребчики на черных «Волгах» мчались на турбазы с саунами и парилками и там предавались со смазливymi комсомолками самому безобразному разврату, следуя примеру своих старших братьев — работников партаппаратов. Тупые партийные чиновники покупали за рубежом для народа убогие, серые кинофильмы, где показывались лишь пороки капиталистического мира, а для себя брали совсем другие фильмы, которые и просматривали на дачах в собственных кинотеатрах. То, что запрещалось для народа, было доступным только им. Их дети, воспитанные на преклонении перед Западом и в презрении к собственному оглуленному народу, учились в специальных школах и институтах, после окончания которых уезжали

продолжать свое образование или работать за рубежом. Министерство иностранных дел, внешторги и внешэкс-порт — это было их вотчиной! Они и в брак вступали только свои со своими, в свою избранную касту не допускались «чужие». А «чужими» для партийной элиты стал весь советский народ. Или, как они его называли, «масса». Серая, безликая масса, покорно глотающая с ложки все, что ей подсунут.

На своих охраняемых дачах и турбазах-заповедниках, пьянствуя и развлекаясь, они, элита, хихикали над многотерпеливым народом, рабски покорно сносящим все, что ему подсунут. Уж они-то, объездившие весь мир, отлично знали, что ни одна другая нация долго не потерпит такого издевательства над собой, как терпит русский народ. И свято верили, что так будет вечно...

Все эти мысли все чаще овладевали Вадимом Белосельским. Он делился им с Верой Хитровой. Поначалу ему казалось, что она разделяет его мысли, все понимает, но однажды выяснилось, что Вера на все, что происходит в родном Отечестве, смотрит гораздо трезвее и проще. Они возвращались к нему на Греческий проспект из кинотеатра «Спартак», что на Салтыкова-Щедрина. Там показывали по пригласительным билетам фильм Феллини «Казанова». Билеты достала Вера. Вадим впервые увидел откровенные эротические сцены на экране. Это было неожиданно, если учесть, что в СССР герои-любовники самое большее, что могли себе позволить на экране, так это поцеловаться долгим, затяжным поцелуем, а уж чтобы увидеть их раздетыми в постели — этого никогда не было. А тут все натурально. И все равно фильм не показался ему похабным, порнографическим. Это было искусство, а настоящее искусство всегда целомудренно.

Как-то сам по себе разговор перешел от фильма вообще к жизни за рубежом. Конечно, Вадим и смолоду не верил нашим газетам-журналам, чернившим капиталистический строй и прославлявшим социалистический, ему противно было читать лживые книги советских «классиков», тоже не обходивших эту тему. Он поражался: как можно за серую бездарную книжонку присваивать писателю Государственную или даже Ленинскую премию? Поражался и удивлялся до тех пор пока не понял, что тут дело не в таланте, а в чистой политике: прославляли и давали премии не за талант, а за лакировку пашей действительности, за то, что черное называлось белым и наоборот. Короче, за ложь и вранье, за пресмыкательство перед партийной элитой и ее вождями. За это хвалили, за это награждали, за это приближали к себе.

Ну а для мировой общественности выставляли напоказ несколько крикливых молодых поэтов-леваков, позволявших себе, разумеется, с разрешения властей, булавочные уколы в жирный нечувствительный бок советской власти. Вот, дескать, и у нас есть инакомыслящие! Эти «инакомыслящие» разъезжали по границам, пропихивали там свои книжонки, выходящие мизерными тиражами в убыток издателям, но на что не пойдешь ради политики! Да и нездоровая шумиха вокруг этих имен помогла их сбыть. Если рядовой гражданин мог в три года раз съездить по путевке за рубеж в кагстрану, то «обиженные» литераторы ездили и летали туда как домой. Привозили центнерами барахло, крикливо одевались и на творческих вечерах вновь читали стихи якобы «против», а не «за».

И молодежь верила им, ломилась в концертные залы, рукоплескала...

Как раз в эти годы входил в моду с гитарой в руках Владимир Высоцкий. Его песни переписывались на магнитофоны, гремели по всей стране. С удовольствием слушали его записи и партийные чиновники, бражничающая в саунах и у себя на дачах. Но официально имя поэта нигде публично не упоминалось да и поэтом он не считался. Бард — это снова ставшим модным словечко прочно закрепилось за ним.

Белые ночи придавали ночному городу таинственный призрачный облик: пустынные улицы с мутно поблескивающими трамвайными рельсами, пугливые тени кошек, ртутный блеск окон в мрачноватых многоэтажных зданиях, притихшие деревья в скверах. А над крашеными железными крышами золотились над Петропавловкой розовые облака, со стороны Невы изредка доносились трубные короткие звуки, издаваемые буксирами или пароходами, готовящимися отплыть в Финский залив, как только разведут мосты.

Вера была в джинсовой юбке, плотно обтягивающей ее бедра, шерстяной черной кофте с иностранной вышивкой. Светлые с блеском платины волосы ее рассыпались по округлым плечам. Вся плотно сбитая, крепконогая, Вера все больше нравилась ему. У нее было что-то общее с Ниной Луневой. Разве что Нина повыше. В газетах писали, что сейчас за границей в моде худощавые девушки, показывали по телевизору заморыша-тростинку, знаменитую Твигги, которая весила чуть больше индейки. Нашлись подражательницы, взявшиеся решительно сгонять вес, были даже случаи смерти от истощения. Вера хотя и равнодушна была к загранич-

ной моде, отнюдь худеть и доводить себя до истощения не собиралась. В ней преобладал здравый смысл, Вадиму это тоже правилось.

И вот в ту белую петербургскую ночь по дороге к нему — они проходили мимо Некрасовского рынка, за широкими окнами которого притаилась тьма — Вера вдруг сказала:

— Ты читал Уэллса «Россия во мгле»?

Вадим слышал про этот роман знаменитого английского фантаста, не раз видел известную фотографию: Уэллс и Ленин в Кремле, но книгу не читал, потому что она не издавалась на его веку в СССР.

— Он прав, Уэллс, — продолжала Вера, держа его под руку. — Мы с самой Октябрьской революции живем во мгле. Вадим, давай уедем отсюда?

— Куда? — удивился он.

— Везде в мире, разве что исключая Китай, люди живут гораздо лучше нас. Даже в слаборазвитых африканских странах. Нищенское существование ведет и к духовному обнищанию. Какая у нас литература, искусство, живопись, музыка? Это же убожество! Вот мы посмотрели фильм... Разве у нас есть хотя бы один режиссер уровня Феллини? И так во всем, милый Вадим! Буквально во всем! Только идиоты сейчас верят, что у нас все замечательно. Я не хочу жить в стране идиотов, Вадим!

— Ну, ты перехватила, — возразил он, удивленный этой вспышкой, обычно Вера вела себя сдержаннее, хотя и не скрывала своего негативного отношения к нашей действительности. — Есть, конечно, идиоты, ортодоксы и просто обманутые пропагандой наивные люди, но немало и умных, разбирающихся в происходящем у нас кошмаре людей...

— Я что-то таких редко встречаю...

— Кому мы там нужны? Чужая страна, чужой язык, иной мир, традиции... И потом, как это без России?

— Отсюда бегут талантливые артисты, ученые, спортсмены, вопи даже конькобежцы... — говорила Вера. — Я слышала по «голосам» их интервью. Утверждают, что только на Западе по-настоящему открыли себя и почувствовали вкус истинной личной свободы...

— Это не для меня, — сказал Вадим. — Иностранцы для меня чужие и я всегда буду для них чужим. Бегут в основном люди без чувства Родины, те кто ненавидит Россию, у кого Родина там, где жратвы и удовольствий больше. Я читал воспоминания русских эмигрантов, вынужденно покинувших Россию в годы революции. Это глубоко несчастные люди, оставившие здесь не

только свои дома, дворцы, поместья, но и душу. И у них нет злобы, многие помогали нам во время войны. Они бы и рады вернуться, но помнят красный террор Ленина-Дзержинского, Сталина-Берия...

— А я могла бы там жить, — помолчав, сказала Вера. — Я знаю языки, каждый день встречаюсь с иностранными туристами... Конечно, среди них тоже разные люди, но есть у них у всех одна общая черта — это раскованность, полное чувство внутренней свободы, у них и лица-то совсем иные, чем у наших людей. Как бы просветленные... Они счастливые люди, Вадим! А здесь, в этой стране тупых серых вождей, лжи, лицемерия, рабства и дышать-то трудно, а не только чувствовать себя свободной... Я когда вижу на экране телевизора самодовольную бровастую физиономию Брежнева и его членов Политбюро, будто подобранных специально по его образу и подобию, меня начинает тошнить и я выключаю телевизор. Хочется по-волчьи завывать, видя все это и еще слушая их бред... «Россия во мгле!» Как верно сказано! И она еще будет в этой мгле один Бог знает сколько лет, пока сю правят такие чудовища. И они по доброй воле никогда не отойдут от этой роскошной кремлевской кормушки! Их и за уши не оттащишь! А жизнь-то, дорогой мой Вадим, всего-навсего одна у нас! И если есть возможность ее изменить — надо на это пойти! Я ведь вижу, как тебе трудно живется... Вон не можешь заставить себя пойти на советскую работу. Мне-то легче, я хоть могу встретиться и поговорить на их языке со свободными, неординарно мыслящими людьми. Да, они другие и живут в другом мире. И они жалуют нас, ненависти к нам у них нет, даже у немцев, которых мы победили... Знаешь, что мне сказал один бизнесмен из Бонна? Новые поколения немцев должны благодарить русских, что они победили во второй мировой войне... Потому что так жить, как сейчас живут победители — это то же самое, что жить в тюрьме... И еще сказал: вот нас, немцев, упрекают, что мы создали концлагеря и уничтожали людей... А знаете ли вы — об этом всему миру известно — что фашисты переняли у вас, большевиков? Ваши любимые Ленин и Сталин уничтожили больше своих собственных подданных, чем было убито людей во всех войнах за последние двести лет. И превратили великую державу в один большой концлагерь, о чем публично заявляют на весь мир ваши вышвырнутые из страны писатели...

— Когда Бог создавал землю, он добивался гармонии в природе...

— Большевиков придумал Дьявол, — сбоку взглянула на него Вера. — И весь наш строй — это порождение нечистой силы.

— ... и все было гармонично на земле, пока черные дьявольские силы не помutilи разум человека и он стал гадить в собственную тарелку, из которой ел-пил, — невозмутимо продолжал Вадим. — Бог терпелив, но не до бесконечности. Я верю, что на смену этому кошмару, окружающему нас, придет нечто светлое, радостное. Добро рано или поздно побеждает зло.

— И ты веришь в это?

— Я верю во вселенскую, космическую справедливость: не может вечно страдать один русский народ — другие народы я мало знаю и о них не говорю — но великую нацию невозможно уничтожить, понимаешь? Рано или поздно она снова возродится и найдет достойных вождей. Все зло в большевизме. Так говорили мой отец и дед. Эта ожиревшая популяция при Брежневa показала не только всему цивилизованному миру, но и собственному народу свою полную несостоятельность и убожество. Это уже предел, так и не может продолжаться. Я поражаюсь, что мы вообще еще живем без войны, есть хлеб-соль, в общем-то, недорогие продукты, и вроде бы не возбраняется хотя бы в кругу близких людей осторожно критиковать этот страшный строй. Или он настолько ожирел, что стал нечувствительным к комариным укусам критиков, или настолько уверен в себе, что ничего не боится.

— Я не хочу жить в России, Вадим, — сказала Вера. — Конечно, я не сбегу в очередной заграничной командировке, но если бы на мне женился иностранец, я с радостью уехала бы с ним, хоть в знойную Африку.

— Я родился здесь, Вера, здесь и умру, — помолчав, обронил Вадим. — Надо не бежать из своего загаженного другими дома, а, наверное, стремиться очистить его от грязи и хлама. Это честнее, благороднее.

Очевидно, по его тону молодая женщина поняла, что ему неприятно разговаривать на эту тему. Потом, когда они, утомленные и умиротворенные, лежали на диван-кровати, Вера сказала:

— Насчет Африки у меня это просто так вырвалось, а уж если жить за границей, так, конечно, лучше в развитой цивилизованной стране.

— Никуда ты не уедешь, — заметил он. — Ты слишком умна, чтобы совершить такую глупость... — Он повернул к ней голову с взлохмаченными темно-русыми волосами, поцеловал в маленькое розовое ухо. — Или я тебя совсем не знаю...

— Ну почему я родилась в этой несчастной стране? — с болью вырвалось у нее. — Почему здесь все живут вполсилы? Даже не живут, а существуют? Умные люди и то не могут проявить себя! Это же ужасно. Вадим! Не тряпки и магазины влекут меня туда... Я и здесь при моей-то профессии все это имею. Но я живу, хожу по улицам, работаю с туристами и все время чувствую, что все это делаю будто бы не я, а кто-то другой, а я как бы со стороны на себя смотрю. Мне все время приходится, как по Фрейдю, подавлять в себе свое истинное «Я». В Советском Союзе «Я» — это не хорошо, хорошо — это «Мы». Я не хочу быть «Мы» и мычать в стаде, как корова в унисон со всеми.

— И все равно, это не выход, — убежденно сказал Вадим. Даже дерево, перенесенное из леса на другую почву, с трудом приживается на новом месте.

— А как же евреи? Они в любой стране чувствуют себя как дома. Те, кто уехал отсюда, не нарадуются новой жизни.

— Но ты же — русская? — усмехнулся Вадим.

На этом тогда и закончился у них столь любопытный разговор, приоткрывший Веру Хитрову совсем с другой стороны.

И вот сегодня, стоя у окна и глядя на зазеленевший сквер, он мучительно раздумывал: что же делать? Куда пойти? Или ждать, когда заявится участковый? Арсений Владимирович Хитров предлагал работу программиста в своем институте, но у Вадима с детства целлюбовь к математике, да и не умеет он ничего программировать на всяких ЭВМ. Нужно еще научиться... Может, попытаться поступить в таксопарк? Таксисты много зарабатывают, а у него, Вадима, деньги кончаются, скоро нужно будет вещи в комиссионку тащить, можно еще часть книг продать... Мысль стать таксистом он сходу отверг: лаксйская должность, связанная с услужливостью, часвыми, да и в таксопарках процветают взяточничество, коррупция, хамство. Редкий таксист попадаетея порядочный — все больше хапуги. Не дашь больше, чем на счетчике, обдаст тебя таким презрительным взглядом, что сразу отобьет охоту в другой раз останавливать «Волгу» с зеленым огоньком... Уж лучше работать кочегаром в котельной — подбрасывай лопатой уголек в топку и размышляй...

Пока человек жив и мыслит, из любого, даже казалось бы, безнадежного положения рано или поздно находится выход. Вот уже два дня он не вылезает из квартиры, еще хорошо, что не тернит спиртного, а то от нахлынувшей тоски и безнадежности можно было бы и

запить! Ни в школе учителем, ни в газете журналистом, даже внештатным, ему работать не хотелось. История лжива, каждый раз подгоняется под очередного «генерального», а журналистика превратилась в рупор партийной мафии, что ей скажут — то и делает. Да и устройся туда! Только «своих» по протекции принимают. За должность журналиста цепляются и добровольно из газеты или журнала никто не уходит. Там тоже свои «мафии». Любая работа рано или поздно накладывает на человека свой отпечаток: кто лгал и лукавил по службе, тот и в жизни становится лжецом и негодяем... Он, Вадим, не хочет лгать ни детям в школе, ни доверчивым людям через газету. Советские люди, как никто в мире верят печатному слову, ведь у нас одно и то же во всех изданиях. Дудят в одну дуду. В советской печати не бывает разных мнений — управляет-то ею одна сильная и властная рука — ЦК КПСС.

Вадим увидел, как в сквер пришли трое в потрепанной рабочей одежде, скорее всего, грузчики из ближайшего гастронома или с Некрасовского рынка. Они расположились на садовой скамье неподалеку от детской горки и ящика с песком. Тут же несколько деревянных фигур: лошадь, выкрашенная под зебру, бегемот и медведь. В этой компании у чугунной решетки под старой липой сидела молодая женщина с книжкой в руках, рядом, по-видимому, спал ребенок. Грузчики извлекли из карманов на свет божий три высокие бутылки вина, один стакан на троих и, о чем-то оживленно толкуя, принялась пить по очереди. Голоса их становились все громче и женщина нет-нет поднимала от книжки черноволосую голову и осуждающе смотрела на них, только вряд ли те вообще ее замечали. Лица грузчиков раскраснелись, словно по мановению волшебной палочки на скамье появились еще две бутылки. Пустые полетели в ящик с песком и даже разбились. Мимо, по Греческому проспекту шли прохожие и не обращали внимания на разгулявшихся среди бела дня здоровенных мужчин в выдавшей виды одежде.

«Счастливые люди! — с горечью подумал Вадим. — Выпили и радуются. И что им до политики, воровства в стране, разбазаривания природных богатств... Это ведь все не им принадлежит — «Государству»! А что такое «Государство», они почувствуют лишь тогда, когда в милицию попадут, если вдруг надебоширят...».

Он решительно сбросил трикотажные брюки, оделся по погоде и вышел на улицу. Хватит валяться на постели и ждать, когда тебе приличная работа сама свалится с потолка... Нужно куда-то идти, что-то предпринимать.

Он положил во внутренний карман голубой куртки на молнии паспорт, трудовую книжку, диплом брать не стал: та работа, на которую он рассчитывал, не требовала высшего образования. Кстати, он его получил без отрыва от производства. Учился заочно. Так что не обязан «Государству» отрабатывать диплом по специальности и в тех местах, куда оно его пошлет, как посылает сотни тысяч студентов. Ничего, с месяц он поработает грузчиком на Некрасовском рынке, а в июне-июле отправится на Псковщину в какой-нибудь совхоз или колхоз подзаработать как следует, так чтобы хватило на всю зиму. К этому времени собьет бригаду из таких же неприкаянных, как и он сам. И главное, не пьющих. Силы в руках хватает, тяжести носить на горбе он сможет, а грузчики, говорят, неплохо зарабатывают и не очень-то подчиняются начальству, вон как эти красноклювые орлы в рабочее время приканчивают пятую бутылку!..

5. Трудный разговор

Тофарищ, я еще не наторговал, ты можешь полусить за разгрузку картошки столько, сколько унесешь,— предложил Вадиму эстонец, машину которого он только что разгрузил. Мешков пятьдесят перетаскал из крытого кузова «Татры» в сырое полуподвальное помещение Некрасовского рынка.

Вадим не возражал: с картошкой в конце мая в Ленинграде была напряженка, не брать же магазинную — мелкую и гнилую? Как и везде: государственное — недоброкачественное, дерьмо, а выращенное на собственном участке — крепкое, ядреное, сухое. Правда, и стоит в пять раз дороже. Он легко вскинул на плечо мешок — в нем было пуда три, не меньше,— и было направился к выходу, как эстонец — коренастый носатый блондин в шапочке с целлулоидным козырьком — остановил:

— Позалуй, я заплачу тебе деньгами, тофарищ,— сказал он, показав глазами, что мешок нужно отнести на место. — По таксе.

Вадим и на это не возразил: картошки он сможет купить у этого же эстонца по шестьдесят копеек за килограмм, а целый мешок ему и не к чему. Негде дома хранить — балкона-то нет, а между дверей мешок не поставишь.

Когда месяц назад он пришел к администратору Некрасовского рынка и попросился на работу грузчиком, тот долго выжидательно смотрел на него и молчал. На документы, которые Вадим выложил на стол, и не взглянул.

— Так как? — спросил Вадим. — Вы меня оформляете?

— Никак,— наконец ответил администратор.— Мне не пужны грузчики, а если будете халтурить у машин — скажу милиционеру, чтобы вас отсюда выставили.

Ничего не понимая, Вадим вышел из маленькой комнатки на втором этаже, пропахшей кислой капустой и мандаринами, довольно неприятный букет! Грузчиков явно не хватало на рынке, крутились какие-то пропитые красноглазые личности с трясущимися руками, но какой от них прок? Поднести коробку южных фруктов или подкатить к прилавку бочку с солеными огурцами — это они еще могли, а таскать на горбу многопудовые мешки с картошкой или ящики с бутылками — тут у них силенки не хватало. Странно, что ему администратор отказал... Но вскоре какой-то хмельной доброхот объяснил в чем дело: нужно Гоге, так звали администратора, «дать в клюв».

— Сколько? — поинтересовался Вадим. Идти еще куда-то искать другую работу ему не хотелось. Некрасовский рынок почти рядом с домом, работают здесь главным образом утром и вечером, когда приезжают из других республик тяжело нагруженные грузовики. За день можно запросто заработать до пятидесяти рублей, а хочешь — получай фруктами, овощами и другими дарами природы. Это ему объяснили толкающиеся здесь без дела грузчики. Они больше были заняты не работой, а поиском укромного местечка для выпивки. Дело в том, что тут частенько ошивался старшина милиции, а ему лучше на глаза не попадаться, особенно за распитием спиртных напитков. Вообще-то, конечно, с ним поладить не трудно, но сколько же можно всем давать в загребушую лапу?..

— Сто «рябчиков»,— назвал доброхот цену стоимости должности грузчика на Некрасовском рынке.— Гога меньше не берет. И в трудовую книжку, коли она у тебя имеется, запись сделает и печать прихлопнет.

Вадим занял у Веры сто рублей и на следующий день снова предстал перед черноволосым со щегольскими усами вразлет Гогой. Прикрыв за собой дверь, Вадим положил на заляпанный пятнами стол с телефоном и несколькими серыми папками паспорт, трудовую книжку и сверху две новенькие пятидесятирублевки.

— Заявление надо? — деловито спросил Вадим.

Жестом фокусника Гога смахнул деньги в ящик письменного стола, раскрыл документы, быстро пробежал их глазами.

— Музейный работник... — почему-то в памяти у него отложилась лишь последняя должность Вадима. — Почему ушел с такой хорошей работы, дарагой? Не надо пуп надирать — показывай людям экспонаты и все дела!

— Скучно, товарищ Гога, в музее и самому не мудро превратиться в экспонат, — улыбнулся Вадим. Он в первый раз в жизни дал взятку и не испытал никакого потрясения, как будто так и нужно было.

— Хорошо говоришь. Грамотно... Работай, дарагой, — сказал Гога, небрежно отложив документы Вадима в сторону. — Найди бригадира Рафика, он тебя введет в курс дела. Да, в конце каждого месяца, не считая, конечно, этот, вот сюда... — он постучал ногтем по столу. — Сто тугриков.

— Тугриков? — удивился Вадим.

— Какой ты непонятливый, — улыбнулся белозубой улыбкой Гога. — Грузчик на колхозном рынке — ба-альшой человек! Он все может. Сто рублей — это мелочь, дарагой! Если ты с головой и не пьешь как свинья, тут можно в месяц сделать тонну!

Заметив, что Вадим не врубился, Гога пояснил, что «тонна» — это тысяча рублей, а «пятихатка» — 500. Объяснял он столь простые истины неопытному с явным удовольствием. Просвещенный Вадим уже было направился к двери, решив что разговор закончен, но Гога сказал:

— Тут высшим образованием никого не удивишь, дарагой! На разгрузке мандаринов и кавказских душистых груш работает кандидат технических наук Поливанов, я, кстати, сам закончил Тбилисский университет, математик.

«Деньги ты, жук, умсешь считать, особенно в чужих карманах!» — впрочем, без всякой злости подумал Вадим.

— Документы заберешь через час. Это хорошо, что у тебя ленинградская прописка... Знаешь, сколько она тонн потянет? — бросил ему вдогонку Гога. — Рафика слушайся — он моя правая рука. Панимаешь, у нас не любят, когда кто-то кому-то переступает дорогу. Делай то, что скажут и все будет ладушки, как у нашей бабушки! — Гога весело гоготнул и снял красную трубку произительно зазвонившего телефона. Сразу видно, что междугородняя. Возможно из солнечного Тбилиси звонок от друзей, которые сегодняшним рейсом «Аэрофлота» доставят в Северную Пальмиру ранние весенние цветы. Или укроп с петрушкой по двадцать копеек за пучок.

Гога оформил Вадима работать по договору с месячным испытательным сроком. Вадим понял, что в понятие «испытательный срок» входят две вещи: первая —

сильно ли ты пьешь? И сможешь ли поднимать тяжести? И вторая — исправно ли будешь выкладывать в конце месяца на стол Гоги обговоренную сумму. Пьяницы физически долго и сами не выдерживали в горячие дни приезда продавцов всякой всячины. Тут пужно, позабыв про похмелье и головную боль, вкалывать, как папа Карло. Сто потов сойдет. И даже не потому, что машины долго не могут ждать разгрузки, а чаще всего сам груз был скоропортящимся. И тем не менее, на рынке крутились всякие ханыги, работающие, как говорится, на подхвате. В базарные дни, особенно в пятницу, субботу, воскресенье, без них было никак не обойтись. Договорных грузчиков, которым работа на рынке засчитывалась в трудовой стаж, было не так уж и много. Даже хитроумный Гога не мог нарушать штатное расписание. А «почасовики» как их тут называли, готовы были за бутылку и попотеть на разгрузке.

Кандидат технических науки Игорь Владимирович Поливанов попал сюда год назад. Это был высокий худощавый мужчина с костистым лицом аскета и глубоко посаженными коричневыми глазами. Он являлся ярким образчиком человека, на которого все житейские несчастья свалились разом, будто высыпавшаяся из лопнувшего мешка картошка: на юбилейной вечеринке в институте, где Поливанов работал, он, изрядно окосев, обозвал директора непотребными словами и в довершение всего выплеснул ему рюмку коньяка в лицо. Тот мог бы подать на него в суд за публичное оскорбление, но ограничился тем, что уволил строптивого сотрудника из закрытого института, причем с волчьим билетом. С такой записью в трудовой книжке его не пускали и на порог солидных учреждений. Дело в том, что незадолго перед этой чертовой вечеринкой от Поливанова ушла жена с «другом детства», который на удивление был похож на директора института. До этого Игорь Владимирович не питал к начальнику враждебных чувств. А тут после бутылки коньяка он и дал волю накопившемуся гневу. Выпивал он и раньше, но не больше других и уж никогда так безобразно не срывался. Не иначе как бес попутал. Говорят, нечистая сила любит подталкивать неудачников на разные дикие выходы.

Где-то в пьяной компании Поливанов нашел довольно миловидную женщину, которую привел к себе в однокомнатную квартиру на Фонтанке. Крепко выпили, он даже хотел ей предложить руку и сердце, а когда утром продрал глаза, миловидной женщины не оказалось рядом, а так же золотых часов, несколько тысяч сертификатов — Поливанов два года по контракту от института

отработал в Иране — это окончательно сломило его и восстановило против самой коварной половины рода человеческого. Шарахался от женщин, как от чумы. И когда действительно встретилась очередная вдовушка с малолетним сыном — она жила через лестничную площадку и безвозмездно прибиралась в его квартире и обстирывала — он и от нее отвернулся. Стал запойно пить только с мужчинами, а когда более-менее отрезвел, то квартира оказалась совершенно пустой, исчезло даже постельное белье из шкафа, не говоря уже об одежде. И вот, чтобы зимой не замерзнуть, в засаленном пиджакишке и обмахившихся снизу брюках. Игорь Владимирович пошел в грузчики на Некрасовский рынок. Но и на этом еще не закончились его злоключения: как-то утром он пробудился на полу, точнее его разбудили, в продуктовом ларьке, неподалеку от рынка. Пинками в бок сапогом разбудил милиционер и составил протокол об ограблении ларька. И получил бы срок не ведавший как попал туда пьяный Поливанов, если бы вскоре не попались с поличным истинные грабители, которые признались и в этом преступлении. Как выяснилось на следствии, они встретили неподалеку от обчищенного ими ларька шатающегося мужчину и шутки ради запихнули его в ларек, где он сразу же и заснул на полу.

Обо всем этом Поливанов рассказывал Вадиму с юмором, добродушно. Хотя он был худощав и на вид болезнен, однако, когда не мучило похмелье, мог работать на равных с Вадимом. Тот часто брал его в пару на разгрузку картофеля, соков, битой птицы.

— Ты что, Вадим, деньги копишь на машину? — искренне недоумевал Игорь Владимирович, видя, что тот никогда не разделяет ни с кем компанию. Получив деньги, грузчики первым делом покупали спиртное и напивались. Даже шутили, что на рынке и закусывать не надо: пахнет солеными огурцами и квашеной капустой.

— У меня есть машина,— улыбался Вадим.

— Так чего ты тут гнешь спину? Сел бы на свою телегу и укатил отсюда куда глаза глядят...

— Скоро укачу ... на Псковщину.

Поливанов ему нравился, хотя он и опустил, мог неделю не бриться, не стричься, редко в баню ходил, от него дурно пахло, вместе с тем в этом человеке было что-то и привлекательное. В глубоко посаженных глазах, когда они в редкие дни протрезвления были ясными, светился ум, Игорь Владимирович не матерился, изъяснялся интеллигентно, а если его разговоришь, правда, для этого нужно было подождать, пока он бутылку портвейна прикончит, много любопытного можно услышать.

Поливанов увлекался зарубежной фантастикой — советскую считал бездарной, примитивной — и свято верил, что мы живем в окружении космических пришельцев, которые веками наблюдают за нами. Есть добрые цивилизации, а есть и злые. Добрые помогают людям, злые — вредят. Инопланетяне прилетают к нам на огромных космических кораблях, с далеких орбит, посылают на землю НЛО — летающие тарелки, разные другие космические аппараты. С космонавтами и биороботами. Иногда они внушают людям великие идеи, подсказывают пути к освоению космоса, могут телепатически общаться с нами. Но открыто заявлять о себе не торопятся, считают что человечество еще не созрело для встречи с внеземными цивилизациями.

Эта тема волновала и Вадима, в отличие от случайных собутыльников Поливанова, он слушал его внимательно, не посмеивался, многие его рассуждения были понятны и близки Вадиму. Как-то он спросил Игоря Владимировича:

— Ты говоришь, что во сне общаешься с инопланетянами, ну с Высшим Разумом, почему бы тебе не попросить, чтобы они помогли...

— Бросить пить? — перебил он. — Я и сам могу, когда захочу, но, понимаешь, Вадим, мне пока не хочется этого делать. Алкоголь, как наждак, сдирает с моей души всю ржавчину... Вот когда душа совсем очистится от скверны, я брошу пить и обращусь... к Богу. Может, мой Бог чем-то отличается от Бога правоверных христиан, но я верю в Него и жду знака.

— А тебе рогатые чертики не мерещатся? — вставил кто-то из присутствующих при этом разговоре на дворе Некрасовского рынка, где они устроились в укромном уголке на брезенте после разгрузки трех машин с картофелем.

— Я стараюсь иметь дело с Белыми ангелами, а не с Черными, — серьезно ответил Игорь Владимирович. — Каждого мыслящего человека при его земной жизни сопровождают Белые ангелы-хранители и Черные — это черти, демоны, бесы. Кому чертики мерещатся, гот склонен к Черным силам. А они уж из своих цепких лап никого не выпускают.

Вадим понимал, что это не пьяный бред — Поливанов искренне говорит и верит в сверхъестественные силы. Со своими неудачами он смирился, говорил, что это как Святому Иерониму ему выпало дьявольское испытание с Божьего попущения... И он несет свой крест. Ней, он бы не делился своими мыслями вслух, а водка и вино развязывают язык.

В этот день Вадим закончил работу пораньше, забежал домой, под душем помылся, переоделся во все чистое и помчался к Московскому вокзалу на свидание с Верой Хитровой. В семнадцать ноль-ноль встреча у газетного киоска, напротив трамвайной остановки. Вера не опаздывала и не любила ждать. Один раз он опоздал на семь минут и она ушла.

Автомобильная гарь заглушала горьковатый запах распутившейся молодой листвы на старых липах и тополях вдоль улиц. Необычно голубое яркое небо было пронизано невидимым из-за крыш высоких зданий солнцем. А вот вершина уродливого железобетонного обелиска со звездой на площади Восстания была облита солнцем. В скверах ошалело гомонили воробьи, стаями перелетавшие с куста на куст, голуби лезли под ноги, можно было увидеть на проезжей части кучку расплюснутых колесами перьев — сизари попадали под машины. Ленинградцы постепенно меняли зимнюю одежду на летнюю, первыми сняли теплые куртки и зимние шапки юноши и девушки. Если днем было тепло, то по утрам и вечерам еще ощущалась зимняя прохлада. Бывали даже заморозки. У метро усатые южане в серых и темных кепках-аэродромах продавали гвоздики и гладиолусы, обернутые в блестящий целлофан. Вадим купил пучок за три рубля. Тут же шла бойкая торговля мороженым и проездными карточками.

Вера уже ждала на условленном месте, он издали стал улыбаться, приветственно помахал рукой, но лицо элегантно одетой молодой женщины оставалось неподвижным, он даже подумал, что она его не заметила. Легкая улыбка тронула ее полные губы, лишь когда он вручил ей букетик гвоздик в шуршащем целлофане.

— Спасибо, дорогой,— поцеловала, точнее, небрежно клюнула она его в чисто выбритую щеку.

— Какие будут предложения? — оптимистически произнес Вадим, чувствуя, что Вера нынче явно чем-то озабочена. — Кино? На Невском, в «Колизее» идут «Шербурские зонтики». Или в цирк? На арене — львы Бугримовой и клоуны Никулин и Шуйдин!

— Твои культурные запросы того... примитивные,— заметила Вера. — А почему бы нам не сходить в БДТ на «Ревизора» в постановке Товстоногова? Или в театр комедии Акимова? Там идет «Все хорошо, что хорошо кончается». Или в Мариинку на балет Чайковского «Щелкунчик»?

— Ты хочешь сказать, что я огрубел на своей работе? Стал плебеем? Смыв грязь и пот, громко требую хлеба и зрелищ? Гладиаторских боев?

— Вадим, это что, твой социальный протест обществу? Грузчик на рынке с высшим образованием!

— У меня напарник — кандидат технических наук, — улыбнулся Вадим. — Знаешь, какой умница?

— Мне все это не нравится, — произнесла Вера, нюхая гвоздики. На губах улыбка, а глаза серьезные.

— Раз у нас такой щекотливый разговор, пойдем к памятнику Екатерины или на Дворцовую площадь и все обсудим? — предложил Вадим. У него было хорошее настроение и не хотелось с самого начала его портить. Вера и сразу не одобрила его решение стать грузчиком на рынке. Ее даже передернуло от отвращения, когда он ей сообщил об этом, а Вадим не переживал: физическая работа на свежем воздухе нравилась ему, он снова почувствовал большую силу в мышцах. Если первую неделю уставал, как собака и, придя домой, валялся на постель и спал как убитый, то теперь не чувствовал себя измотанным, усталость была приятной, как всегда бывает после физического труда или спортивной тренировки. Его лицо обветрилось, загорело, на ладонях появились твердые мозоли. Когда он помогал Вере раздеваться у себя дома, то слышал как мозоли царапали ее капрон, да и его шершавые прикосновения к ее холеному белому телу заставляли ее вздрагивать, но она старалась себя сдерживать и не подавать вида, что все это ей неприятно, но, видно, терпению ее пришел конец: сегодня предстоит неприятный разговор. Опять будет уговаривать уйти с рынка. Должность шофера в «Интуристе» пока еще свободна.

Лучи клонившегося к Стрелке Васильевского острова солнца обливали загаженный сверху голубыми монументальный памятник Российской императрицы, благородная патила с крапинками зелени мягко светилась. На белых низких скамьях сидели пожилые люди, дальше к Пушкинскому театру у чугунной решетки любители сражались в шахматы, наверное, на деньги, слишком уж были напряженными лица игроков да и окружившие их болельщики реагировали довольно бурно на каждый ход. По Невскому проспекту морским валом текла толпа прохожих, ослепительно сверкали широкие окна Елисейского магазина, неоновая вывеска на крыше призывала граждан хранить деньги в сберегательных кассах... за жалкие три процента на срочном вкладе! Нигде в мире не было таких нищенских государственных процентов, но люди все равно несли свои сбережения в сберкассы, больше деньги в стране некуда было вкладывать. Ни акций, ни ценных бумаг не продавалось. Даже дачи запрещено было покупать. Обходили стороной сберкассы

лишь спекулянты и жулики, эти предпочитали деньги хранить в «чулке», как раньше выражались, или скупать антиквариат, золото, серебро и камни, уповая на то, что драгоценности при любых катаклизмах не потеряют свою цену, как старинные изделия из бронзы. Теперь даже самые твердолобые ортодоксы не верили ленинским словам насчет того, что при коммунизме из золота будут строить общественные сортиры... Много чего пустопорожнего наговорил сгоряча Ильич, но советская историческая наука, идеология умело выбирала из его публицистического наследия лишь то, что было выгодно для данного момента и для укрепления существующего строя. После разоблачения культа Сталина бронзово-каменный Ленин распростер свою вскинутую в ораторском приеме ладонь над всей страной. Где-то Вадим прочел — Вера иногда привозила из своих поездок издания за рубежом на русском языке журналы — что ни одна историческая личность с сотворения мира не имела столько памятников, скульптур и портретов, сколько Ленин! Якобы это отмечено даже в книге рекордов Гиннеса. И Ленинград весь пестрел мраморными досками, где сообщалось, что в таком-то году, столько-то дней, а, может, и часов провел в этом доме Владимир Ильич. Как блоха, скакал он по революционному Питеру, везде оставляя историкам свои летучие отметки.

— Ты не ответил на мой вопрос? — повернула голову к Вадиму Вера. Он уже и забыл о чем она спрашивала. Хитрова была в модной синей куртке с иностранной нашивкой на груди, потертых фирменных джинсах и белых туфлях на не очень высоком каблуке. Глаза ее посветлели, на полных губах чуть приметная усмешка, которая не нравилась Вадиму. В этой усмешке было что-то если и не презрительное, то обидное. Так профессор смотрит на своего аспиранта, вручившего ему бездарный реферат.

— Кажется, раньше ты понимала меня лучше, — процедил Вадим, наблюдая за бесстыжим голубем, вспрыгнувшим на присевшую и растопырившую крылья голубку. Она даже круглые глаза прикрыла, надо полагать от удовольствия. — Кыш! — махнула рукой на голубей Вера, они устроились чуть ли у нее не на ногах.

— Ты становишься ханжой, девушка, — не преминул уколоть ее Вадим. — А если это у них любовь?

— Среди моих знакомых грузчиков и ассенизаторов еще не было, — отрезала Вера, никак не отреагировав на его замечание.

— А что, от меня плохо пахнет?

— Кому ты что хочешь доказать, Вадим? — посмотрела на этот раз ему прямо в глаза Вера. — Никто и внимания не обратит, что ты таскаешь на горбу мешки с картошкой или ящики с водкой! Никому это не интересно, понимаешь?

— Я ведь не для кого-то все это делаю...

— Для себя? — перебила она.

— Конечно, — улыбнулся он, хотя раздражение уже поднималось в нем. Не на такой разговор он был сегодня настроен. — Я забросил спорт, мышцы одряхли, а сейчас я снова в форме. А что касается денег, так я зарабатываю больше иного профессора. И, знаешь, честно.

— Наверное, ты на рынке самый честный! — поддела она.

— Жуликов пруд пруди, — согласился он, — но я сам по себе. Правда, одному грузину дал по морде, когда застукал его за продажей груш, купленных в соседнем магазине. Купил, негодяй, за рубль тридцать килограмм, а продавал по четыре рубля...

— Герой!

— Правда, потом Гога дал мне нагоняй, — безмятежно продолжал Вадим. — Твое дело, сказал он, таскать тяжести и расписываться в ведомости за зарплату, а все остальное — мое дело. Наверное, он прав.

— Для этого мой отец хлопотал, чтобы тебе вернули квартиру и прописали в Ленинграде? — с горечью произнесла Вера.

— Я его об этом не просил, — резко ответил Вадим. Он почувствовал, как вспухли желваки на его щеках.

Вера уже не смотрела на него, она ковыряла носком своей белой туфли посыпанную красным песком дорожку. Голуби отошли к основанию памятника и ворковали там. Освещенные косыми лучами солнца перья радужно блестели. С тротуара от решетки иностранные туристы фотографировали памятник. Вадим подумал, что и они с Верой попадут на пленку, которую проявят где-нибудь в Америке или в Великобритании. А может в Голландии. Издали не поймешь, откуда залетели к нам эти пестрые заграничные птицы.

— Ну, а будущее? — спросила Вера, по-прежнему не глядя на него.

— Какое будущее? — усмехнулся он. — Разве у нас есть будущее? Пока страной правят такие верные ленинцы, как Брежнев и его шайка, у советского народа нет будущего. Поэтому какая разница где работать! Растить при этом гнилом режиме по службе я не собираюсь, ес-

ли даже Гога предложит мне стать бригадиром — я откажусь. Я не хочу никем командовать и никому не подчиняться...

— Кто это такой таинственный и всемогущий Гога? — впервые, как они сели на садовую скамью, улыбнулась Вера. И даже взглянула на него.

— Ба-льшой человек! — с грузинским акцентом ответил Вадим. — Администратор Некрасовского рынка.

— А он хоть знает, кто такой был Некрасов?

— А-абижаешь, дар-рагая! — продолжал придуриваться Вадим. — У Гоги высшее техническое образование, он обожает Шекспира и зарубежные детективы, не пропускает ни одного спектакля в твоём любимом БДТ. Считает, что Товстоногов — его соотечественник.

— Как ты относишься к моему отцу? — вдруг спросила Вера.

— Очень хорошо, — сказал он. — Умный, высокопородочный человек, мой отец тоже любил и уважал его.

— Отец сказал, что не понимает тебя... Ты — творческий человек, был журналистом, а физическая работа отупляет, окружение бомжей и алкашей тоже не прибавляет тебе интеллекта. Ладно, если бы тебе это было нужно для опыта, например, ты задумал написать роман о жизни низов...

— Разве у нас есть «низы»? У нас все равны. В одной очереди за копченой колбасой или севрюгой стоят и дворники и профессора...

— Писатели иногда инкогнито работают шоферами, продавцами, чтобы потом написать об этом роман...

— Это плохие писатели, — сказал Вадим. — У них нет воображения... А вообще, это идея!

— Но таскать за здорово живешь на спине...

— Ящики и мешки, — перебил он. — Уже говорила.

— Вадим, мне обидно за тебя! — воскликнула она. — Ты ведь на большее способен, чем...

— Ну, спасибо, — улыбнулся он. Хорошее настроение снова вернулось к нему. — Но это же не последний мой выбор профессии? — мягко заговорил он. — Скоро я уеду на Псковщину...

— Писать роман?

— Нет, строить скотники, жилые дома для рабочих совхоза.

— Возьми меня с собой? — неожиданно сказала она.

— Но там ведь нет БДТ, балета, театра Акимова... — растерянно проговорил он. — Там скотина, навоз, тяжелая физическая работа...

— Я буду вам еду готовить, белье стирать... Может, это и есть истинное призвание советской женщины?

Он повернул ее к себе и, не обращая внимания на сидящих напротив, поцеловал.

— Пойдем ко мне,— сказал он. — К черту кино и театр!

— Наверное, ты лучше меня знаешь, что делаешь,— покорно встала она со скамьи. К ее рукаву прицепилось голубое перышко. Джинсы обтянули ее полные бедра, густые прямые волосы вспыхнули золотом.

— Я понимаю, это все весна,— сказал Вадим. — Всем хочется куда-то поскорее уехать, но не все могут это сделать.

— А ты можешь?

— Вот именно,— рассмеялся он, бережно поддерживая ее под руку, когда они влились в толпу прохожих. — Я — могу! И это, Верочка, хоть какая-то, да свобода!..

— Но потом, летом, осенью...

— Зимой! — подхватил он. — Я так далеко не заглядываю, но точно знаю одно: в этом году Брежнев повесит себе еще одну звезду Героя!

— Он что, дурак?

— Теперь понимаешь, что грузчиком сейчас работать честнее, чем в райкоме партии, в литературе, журналистике, культуре или архитектуре.

— Архитектуре?

— Наши архитекторы и скульпторы разрушают то, что было создано до них, а это было настоящее искусство, и на этих местах воздвигают свои бездарные творения, уродующие прекрасный Санкт-Петербург.

— Ты — сумасшедший, Вадим! — прижалась она к нему.

— А, может, мир сошел с ума? Не знаю, как мир, видишь ли, нам его освещают в прессе только с темной стороны, но наше отечество катится в тартарары... — он нагнулся к ее уху и, понизив голос, продолжал: — Знаешь, кого мне напоминает наше Политбюро? Быка-provокатора на бойне: Брежнев шагает впереди со своими соратниками, а за ними — народ. Брежнев и его ближайшее окружение проходят невредимыми, а народ бьет паровым молотом по голове, умело превращая его в бездуховную покорную массу...

— Ты знаешь, мой отец тоже так говорит...

— Значит, нас, сумасшедших, в этой несчастной стране не так уж мало?

— Не знаю, Вадим,— потерянно произнесла Вера. — Но мне страшно... страшно за тебя.

— Бог не выдаст, свинья не съест! — весело рассмеялся он.

— Давай сначала сходим в церковь? — предложила Вера. — Просто постоим, послушаем службу, а?

— В ту, что на улице Пестеля, — согласился Вадим, хотя сейчас больше всего на свете ему хотелось оказать-ся с ней вдвоем у себя на Греческом.

6. Рыночные страсти

Разгрузив машину с замороженной птицей — на рынке торговали и государственные предприятия, — Вадим отправился искать своего напарника Поливанова. Тот притащил к длинному прилавку в конце огромного, бурлящего от наплыва покупателей, зала три-четыре ящика с синеватыми длинноногими курами и как сквозь пол провалился. Эта манера Игоря Владимировича потихоньку испаряться, не предупредив, раздражала Белосельского. Уже не первый раз, а упрекнешь — стоит перед тобой, как виноватый школьник и хлопает покрасневшими глазами. Покрасневшими не от стыда, а от выпитого вина. Гога будет начислять зарплату на двоих, а вкалывает он, Вадим, сам. Сегодня пятница, и машины дотемна будут прибывать одна за другой. Где обитает Поливанов, он знал: сидит с такими же забулдыгами на заднем дворе за фургонами и опохмеляется. Ладно бы один раз отлучился, но это уже третья отлучка с утра. Какой из него будет работник? Сейчас всего час дня, а работать сегодня нужно до восьми. Гога за сверхурочные платит вдвойне, да и приезжие не скупятся давать сверху, лишь их побыстрее разгрузили. За простой грузовиков тоже нужно платить.

Вадим вышел на залитый солнцем двор. Был последний день мая. Безоблачное небо над головой чертили быстрые ласточки, они лепят гнезда под крышей рынка и подсобных помещений, их звонкие переливчатые крики непривычно вплетались в рыночный гул и шум проходящих по улице Некрасова машин. Еще неделю оставалось отработать здесь Вадиму и можно уезжать в Великополь. Он решил сколотить бригаду там на месте, была мысль взять с собой Поливанова, но если он и там будет пить, как сапожник, то какой от него толк? «Шабашники» от зари до зари не на государство работают, а на себя. Им и платят столько за сезон, сколько государственные строители и за год не заработают. Вадим полагал, что вдали от города с его соблазнами и вишными магазинами Игорь Владимирович уймется и будет работать, как все. В бригаде самое большое будет человек пять. Вадим уже позвонил в Великополь знакомому преподавателю сельхозинститута, с которым не один сезон

строил на Псковщине скотники, овощехранилища, жилые типовые дома из тесанного бруса для колхозников и рабочих совхоза. Кандидат сельскохозяйственных наук Петр Иванович Селезнев каждое лето возглавлял бригады шабашников. Вадим был у него правой рукой. У Селезнева мечта купить трехкомнатную кооперативную квартиру, «Москвич» он уже приобрел. Бригадир-доцент сам не пил и терпеть не мог пьяниц в своей команде. Так что вся ответственность за Поливанова ложилась бы на Вадима, но если Игорь Владимирович будет в трезвой компании и все время на глазах, то у него просто не представится возможности надраться. А ему тоже очень хотелось вырваться из душного, шумного города и побыть в сельской местности. Он почему-то был убежден, что там, на природе, обязательно увидит НЛО, а может, и вступит в контакт с инопланетянами. Есть у него такое предчувствие. Он вырезал из газет и журналов все статьи об аномальных явлениях на земле и в космосе. Большие перепечатки из иностранных источников. Утверждал, что построенное из каменных глыб четыре тысячи лет назад на Британских островах громадное сооружение Стоунхедж — это работа посетивших нас инопланетян. Может, строили и люди, но под их непосредственным руководством. И каменные глыбы перемещали при помощи еще не изобретенных наземных приспособлений. Это сооружение связано с астрономическим календарем, созвездиями, другими мирами. А пустыня Наска в Перу? Эти удивительные гигантские рисунки на земле, выложенные камнями и разноцветным песком многие тысячи лет назад? Кому они могли быть нужны, как не космическим пришельцам? Ведь этих пауков, птиц, ящериц, обезьян можно рассмотреть только высоко с воздуха, стоя на самой земле, человеческий глаз не способен их увидеть, охватить. Это ориентиры для инопланетян, для их космических кораблей. И что бы умники там не говорили, другого разумного объяснения не придумаешь. А «Бермудский треугольник»? Исчезновение самолетов, морских судов, найденные шхуны и корабли, на которых не было ни души, хотя все свидетельствовало, что там только что находились люди, экипаж. На одном судне даже кофе не успел остыть в чашках, а команды и пассажиров — никого. И не видно никаких следов паники, борьбы. Куда все исчезли? Что могло заставить их так неожиданно покинуть посреди океана полностью исправный корабль?..

За рубежом ученые строят догадки, все больше склоняются к мысли, что существуют параллельные миры, летают над землей НЛО, засвидетельствованы контакты

землян с инопланетянами, некоторые люди даже были приглашены на летательные аппараты и побывали в космосе... А наши тупоголовые теоретики в науке отрицают все подряд, что не укладывается в их лженаучные взгляды. Да и какие это ученые? Набралось в разные институты столько разной шантрапы, демагогов, рвачей, что только диву даешься! Делают себе кандидатские, докторские, академические звания, загребают лопатой деньги, а народному хозяйству, стране ничего не дают! Уж он-то, Поливанов знает — сам поработал в одном таком институте. Штат сорок человек, там одних кандидатов и докторов наук — тридцать!..

Вадим предвкушал, как они будут на Псковщине вести эти занимательные беседы. В отличие от большинства своих знакомых, начисто отрицающих все сверхъестественное, непонятное, Вадим верил в чудеса. В детстве он и сам прикоснулся к удивительному чуду... Он тоже собирал вырезки из газет про Бермудский треугольник, про появление в разных странах НЛО, но советская печать всегда сопровождала эти скупые заметки солидным комментарием видного ученого, который в пух и прах разбивал все таинственное, не приводя даже убедительных доказательств. Но знал Вадим гораздо меньше, чем Поливанов, дело в том, что, работая в институте, Игорь Владимирович мог читать переводную иностранную прессу, в отличие от нашей много уделявшей внимания аномальным явлениям на земле и в космосе, особенно НЛО — летающим тарелкам, блюдцам, светящимся сигарам и шарам.

Как он и ожидал, Поливанов и еще трое грузчиков сидели за фургоном на деревянных ящиках из-под яблок и распивали портвейн. Грузчики почему-то считали, что в рабочее время можно пить только красное крепленое вино, а водку — после работы. На опрокинутом ящике стояли три бутылки, розовела на пергаменте крупно нарезанная вареная колбаса. Пили из картонных воцеленных стаканчиков, в которых продают мороженое. Для водки хранили в укромных местах граненые стаканы, там же припрятывались банки с огурцами и квашеной капустой.

— Игорь Владимирович, две машины прибыли, — хмуро уронил Вадим, останавливаясь возле них. Четыре пары покрасневших глаз снизу вверх уставились на него.

— Садись, Вадим, — пригласил Поливанов. — Не хочешь пить, так закуси.

— На такой жаре пить... — брезгливо поморщился Вадим. — И такую гадость!

— Аристократ! — ухмыльнулся плечистый парень в черной майке с двумя дырками на груди, из дырок торчали пучки темных волос. — Брезгует пить с нами...

— Небось, дома зашибает марочный коньячок? — вставил тощий небритый мужчина в коричневом пиджаке на голое тело и шлепанцах на босу ногу. А чего к нам-то, пролетариям, полез горб гнуть? — он покосился на побагровевшего от вина Поливанова. — Игорек вот понятно почему с нами... Алкаш, ни кола ни двора, а ты ведь не пьешь. И квартиру имеешь... Или не хочешь, дядя, на социалистическое государство ишачить? Крепить оборонную мощь нашей страны?

«В самую точку попал, забулдыга! — чувствуя, как подступает злость, подумал Вадим. — Морда кретина, а соображает... Надо как-то вытащить от них Игорька...». А вслух сказал:

— Игорь Владимирович, поднимайся, эти две машины нужно срочно разгрузить, а то Гога прибежит сюда, хуже будет!

— Гога — человек! У него котелок варит, — пробурчал в черной майке. — Гога понимает душу питерского пролетария. Если душа горит, ее надо залить портвейном... — Он демонстративно опрокинул в себя смятый с одного боку картонный стаканчик. По сизому нечисто выбритому подбородку потекла розовая струйка.

Поливанов стал было подниматься, но тощий в коричневом пиджаке — Вадим даже не знал, как его звать, грузчики менялись на рынке чуть ли не каждый день — положил ему руку на плечо и принудил остаться на месте.

— Иди, праведник, гуляй, не мешай людям отдыхать...

Игорь Владимирович старательно отводил глаза в сторону, было видно, что ему не хочется покидать эту теплую компанию, но и Вадима злить опасался. Ехать в Великополь он твердо решил, а это зависело от Белосельского.

— Еще по капельке и подскочу, — промямлил он.

— Тебе что, больше всех надо? — сверлил взглядом Вадима парень в черной майке. — Нашелся начальник! Ты знаешь, почему мы здесь ишачим? Потому что хуже с... жопы надоели нам разные начальники, а здесь мы сами себе хозяева. А эти спекулянты подождут, ничего им не сделается.

— Обирают честных граждан, как хотят, — ввернул дядя в коричневом пиджаке. — Они же перекупщики, сами ничего не растят ни сеют.

Вадим обратил внимание, что четвертый член этой компании все время молчит и таращит на него пьяные глаза. Это был коренастый мужчина в кирзовых подвернутых сапогах и синем в пятнах халате. Или он уже не мог говорить или лень было. Стаканчик перед ним стоял пустой. Вроде Вадим его здесь раньше не встречал, впрочем, в компании грузчиков могли быть и посторонние, например, продавец из соседнего магазинчика строительных материалов. И еще он заметил, что глаза у мужчины в кирзовых сапогах не могут долго на чем-нибудь сосредоточиться, все время бегают, как две серые мышки туда-сюда, а узкогубый рот будто на замке. Наверное, из тех, кому нальют на халяву — и рад. Такие по малкивают, не привлекают к себе внимания.

Вадим неожиданно шагнул вперед и, ухватив Поливанова за плечо, рывком поставил на ноги. Тот моргал и, приоткрыв рот, ошалело смотрел на него. Игорь Владимирович, несмотря на высокий рост и мрачный вид, был незлым человеком и даже совестливым, никогда не скандалил и не ввязывался в пьяные драки, он понимал, что нужно помочь своему напарнику, но вот воли в нем сейчас совсем не было. Были безразличие и расслабленность. Отпусти его Вадим и он снова шлепнется на свой дощатый ящик и потянется пальцами с нестриженными ногтями за бумажным стаканчиком с отвратительной розовой жидкостью.

И тут по ноге Вадима больно ударила пустая темная бутылка, отскочив, она упала на металлический заржавевший обод от колеса и со звоном разбилась, рассыпав вокруг блестящие осколки. Прислонив Поливанова к фургону, Вадим прыгнул на поднявшегося с ящика парня в черной майке — это он запустил в него бутылкой — и резким тычком правой свалил его на землю. Замахнувшегося на него другого мужчину в коричневом пиджаке он сильно ударил в грудь локтем и тот тоже закувыркался по грязному с разбросанным мусором асфальту.

— Я — посторонний! Заглянул на минутку! — заверещал мужчина в синем халате и, не вставая с ящика, крест-накрест прикрылся обеими руками, но Вадим и не собирался его трогать. Разгоряченный схваткой, он не заметил как наступил на бутылочные осколки и они противно захрустели под полуботинками. Оба его противника сидели на асфальте и смотрели друг на друга, наверное, они даже толком не поняли, что случилось, но охота драться явно у них пропала. И тут Вадима удивил мужичонка в синем халате и кирзовых сапогах: он быстро схватил чей-то недопитый стаканчик, опрокинул

в себя, затем сунул початую бутылку в надорванный с одного краю карман и боком-боком, как краб на пляже, подался к широким воротам. Только его и видели. На борт грузовика откуда-то сверху спланировала ворона и вожделенно стала смотреть на упавший кружок колбасы.

— Зря ты их так,— пробормотал Поливанов, приглаживая на голове стоящие торчком волосы. — Сидели себе тихо-мирно...

По-видимому, он даже не заметил, что в Вадима запустили бутылкой. Острый осколок с зеленоватым доннышком ярко блестел на асфальте. Вадиму вдруг вспомнились кедры из каких-то фильмов, где хулиганье отбивало горлышко бутылки, превращая сосуд из-под вина в грозное режущее оружие...

— А я хотел тебя взять на Псковщину,— вырвалось у Вадима.

— Я там пить не буду,— быстро проговорил Поливанов. — Видит Бог, говорю истинную правду! Хочешь, перекрещусь?

— Совесть же нужно знать, Игорь Владимирович! — помимо своей воли произнес Вадим. Он знал, что его слова, как об стенку горох. — Ты тут прохлаждаешься с этими... — он бросил взгляд на его собутыльников,— подонками, а я за двоих вкалываю!

— В другой раз я отработаю... Сверхурочно!

— Мы с тобой, парень, еще посчитаемся... — сверля Вадима ненавидящим взглядом, произнес парень в черной майке. Только сейчас тот заметил на его предплечье наколку: орел с голой женщиной в когтях.

— Зачем потом? — шагнул к нему Вадим.— Давай сейчас!

Парень проворно вскочил и метнулся за грузовик, а второй, в коричневом пиджаке на голое тело, вдруг улыбнулся и сказал:

— Молодой еще Гриша, дурной... Я даже не заметил, как он за бутылку схватился... Чего с него взять, если его в детстве пыльным мешком по черепушке ударили... Ты уж не сердчай, друг милый!

Вадим молча повернулся к нему спиной и, придерживая Поливанова за локоть, повел к двум зеленым грузовикам, дождавшимся разгрузки. Шоферы, дымя папиросами, недовольно поглядывали в их сторону.

— Ну и компании ты себе находишь! — упрекнул приятеля Вадим.— Они что, из тюрьмы?

— Чем я лучше их? — усмехнулся тот. Он остановился, схватил Вадима за руку, заглянул в глаза. Они были примерно одного роста. — Князь Белосельский-Белозерский, возьми меня с собой, а? Ей-богу, я завяжу с этим

делом! Чувствую, что все потроха сожгу, если не кончу. Так прихватывает, бывает... А на природе будет легче отвыкнуть от этой мерзости. Наверное, я свою цистерну уже выпил. Брюхо режет, жжет как огнем, с вечера не заснуть — сердце бухает, а потом вдруг останавливается... Знаешь, как страшно? Думаешь, вот-вот сейчас и окочуришься!

Эти песни Вадим уже не раз слышал. Поливанову он не верил, но твердо знал, что если тот поедет с ним, то пить там не будет. Просто выпивки не достанет. Там от бригады не отколешься, как он это делает здесь, бригада «шабашников» — это единый слаженный организм. И все друг у друга на виду. У них не бывает праздников и выходных. Закончился сезон, сдали объект, тогда каждый сам себе хозяин. Одни несут деньги на сберкнижку, другие в ресторан...

— Еще неделю здесь покантуемся,— сказал Вадим,— нужно будет подать заявления Гоге, а в следующий понедельник на моей машине отчалим. Туда езды часов восемь, если телега не откажет.

Вадим уже не раз себя ловил на мысли, что за месяц работы грузчиком, он не только наварил на ладонях шершавые мозоли, но и словечки стал употреблять не из лексикона интеллигентного человека. И Вера Хитрова это заметила.

— Значит, возьмешь? — обрадовался Поливанов. На худом, с впалыми небритыми щеками, лице его появилась улыбка. — Ты знаешь, я расцениваю эту поездку на Псковщину как начало нового этапа в моей жизни!

«Пой, ласточка, пой! — подумал Вадим. — Посмотрю, как ты запоешь на стройплощадке! А может, его кашеваром определить? Варить-то ему легче, чем фундамент заливать под постройку...».

— Бери мешки полегче,— сказал он, подходя к раскрытому заднему борту трехтонки.— Самые тяжелые я перетаскаю.

— Ты этого... в черной майке опасайся,— предупредил Игорь Владимирович. — Он — урка.

— Я думаю, он мне на глаза сам не будет показываться,— беспечно ответил Вадим. — Трус он.

— Хвастал, что одного в тюрьме в карты проиграл и ночью на нарах зарезал.

— И еще трепач! — усмехнулся Вадим.

Закончив работу, они направились к ларьку у входа на рынок, там продавали сидро и лимонад. Взяв по бутылке, отошли к забору. Поливанов был мокрый, как куренок. С похмелья таскать тяжелые мешки — это наказание, но Игорь Владимирович, проявив завидное

мужество, не отставал от Вадима и не жаловался на усталость. Выглянувший из конторки Гога крикнул, чтобы перекатили бочки с капустой из подвального помещения в торговый зал, но Вадим решил, что на сегодня хватит, пусть поработают пьяницы с заднего двора...

К черной «Волге» вперевалку шагала с тяжелой сумкой в руке полная вальяжная дама в джерсовом костюме. В ушах — тяжелые золотые серьги. Шофер нес два полиэтиленовых пакета с желтыми грушами, которые по восемь рублей за килограмм, а в сумке, наверное, телятина и паровая свинина. Дамочка явно жена партработника, номера на «Волге» смольнинские. Сумку шофер положил в багажник, а пакеты с грушами — на заднее сиденье, где томилась в ожидании на солнцепеке беленькая девочка с бантом на голове.

«Волга» фыркнула, дала задний ход и, пропустив трамвай, покатила по неровной, с трамвайными рельсами Некрасовской улице в сторону Литейного проспекта.

— Вот так живут наши господа новые бояре, — кивнул вслед черной «Волге» Поливанов. — Муж сидит в роскошном кабинете под портретами Ленина и Брежнева и смотрит цветной телевизор, а жена со слугой-шофером разъезжает по рынкам... И девочка учится у мамы, как нужно в наше время жить!

— Вон еще одна подкатила! — заметил Вадим другую черную «Волгу» с антеннами. Из нее выбрались две полные женщины, похожие друг на друга, наверное, мать и дочь. С модными сумками в руках, индюшками поплыли к огромным дверям рынка. Шофер достал из-под сиденья книжку в коричневом переплете и углубился в чтение. Этому и жара нипочем.

— Этот урка в черной майке... как его? Забыл, как и звать, вообще-то, его кличут «Гвоздь», — рассказывал Игорь Владимирович. — Так он сидел пять лет в колонии усиленного режима... Видел у него наколки на груди и плечах?

— И ты с такими пьешь!

— Когда душа горит, а брюхо требует, все равно с кем пить, — невозмутимо заметил Поливанов. — Я бы с удовольствием выпивал с тобой, но ты ведь... — он встряхнул зеленоватую бутылку с лимонадом. — Вон чего пьешь. Даже пиво не употребляешь.

— Зачем Гога таких, как Гвоздь, принимает? — проговорил Вадим.

— А кто в грузчики идет, Вадик? Неудачники, как я, пьяницы и якобы завязавшие с прошлым уголовники. Эти, правда, долго тут не задерживаются... Завязки у них хватает на месяц-два. Они умеют деньги делать и други-

ми способами, более легкими. Но вот что я заметил — они не жадные, всегда готовы налить страждущему стаканчик, а захмелеют — начинают рассказывать разные забавные истории из тюремной жизни. И язык у них очень образный. Этот Гвоздь, оказывается, сидел вместе с Синявским. Слышал, был в шестьдесят шестом году суд над ними? Второй — Даниэль. Им дали пять и семь лет, кажется... Так ворье, рассказывал Гвоздь, не притесняло Синявского; очень им понравилось, что он и Даниэль на суде не каялись, не закладывали дружков, не просили прощения, как другие перепуганные диссиденты, и не признали себя виновными.

— О них вся мировая общественность заговорила, «голоса» до сих пор поминают их, чего было им каяться? В героях оба ходят. Как литераторов их у нас никто не знает, а как мучеников — весь мир.

— А чего они такого написали?

— У нас не издавали, никто не знает. Якобы опорочивали наш драгоценный социалистический строй... Скорее всего, правду писали, а правда у нас преследуется страшнее, чем бандитизм. Весь мир знает, что мы сидим по уши в дерьме, а посмей только сказать или написать про это! Тут же изничтожат.

— Теперь не расстреливают — сажают в психолечебницы,— вставил Поливанов.

— Я их не знаю, не читал, но сажать даже бездарных писателей за то, что они написали — это, по-моему, возможно только у нас.

— Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...— фальшиво пропел Игорь Владимирович.— Вот за одни такие слова следовало бы поэтишку посадить...

— За такие песни Сталинские премии давали, так же как за картины, музыку, книги, прославляющие Отца Народов... А за правду, как Солженицына, преследуют...— Вадим поставил опорожненную бутылку на землю, взглянул на Поливанова. — Что же инопланетяне, которые за нами наблюдают, терпят такое безобразие? А Бог? Где же справедливость?

— Космические пришельцы не вмешиваются в нашу внутреннюю жизнь,— серьезно произнес Игорь Владимирович. — Они тоньше, Вадим Андреевич, действуют: некоторым людям высокого интеллекта открывают глаза на Вечные Истины, а уж эти люди пытаются донести их мысли и желания до человечества. Может, и Солженицын — это их проповедник? И еще такие найдутся, дайте срок... Иисус Христос, а я верю, что это реальная личность, наверняка выполнил святую миссию Косми-

ческого Божества. И пострадал за людей... О чем это свидетельствует? О том, что Высший Космический Разум желает нам добра.

— А как же черти, нечистая сила, дьявол? — возразил Вадим.

— А вы (иногда Поливанов неожиданно называл приятеля на «вы») разве сомневаетесь в том, что в мире существуют силы Добра и Зла? Во всей Вселенной. Есть цивилизации — их больше — которые несут всему живому Добро, а есть, которые противопоставляют Добру — Зло. День и Ночь, Белое и Черное, Огонь и Вода. Есть Белые ангелы и есть Черные ангелы. Белые нас защищают, а Черные искушают. И эта борьба как же вечна, как и сама Вселенная. Когда большевики рьяно принялись уничтожать религию, храмы, веру, они вывели новую популяцию людей, для которых не существует в этом мире ничего святого. От этих людей отшатнулись Белые ангелы-хранители, и они полностью попали под влияние Черных сил. Вот почему у нас пьют, грабят, убивают, унижают человеческое достоинство. Нет веры в Бога, значит, нет предела Злу. Мы живем в Злом мире, Вадим, наша идеология — это идеология Дьявола и его приспешников. В нашей стране победила в семнадцатом году нечистая сила, она сейчас и правит бал, но это не значит, что силы Добра и Света отступили! Нет, они борются за каждого человека. И в других странах силы Света и Добра торжествуют, но мы этого не знаем, силы Зла обманывают миллионы наших соотечественников через печать, радио-телевидение... Я ни минуты не сомневаюсь, что наш генсек — это воплощение самых Черных сил, и не он лично страшен, а те, кто стоит за ним, направляют его, двигают его немощной старческой рукой, подписывающей античеловеческие указы.

— Может, он и есть Дьявол?

— Дьявол умнее, хитрее и никогда бы так не вел себя, — возразил Поливанов. — Брежневым управляют мелкие бесы и демоны, что летают, суетятся вокруг.

— А кто же Ленин был? — задавал провокационные вопросы Вадим.

— Дьявол, — убежденно ответил Игорь Владимирович. — В народе так и звали его — Антихристом. И Сталин — Дьявол. Этот человеческой крови попил вволю!..

Вадиму нравилось слушать Поливанова, их мысли были созвучны, и если он ему возражал, то лишь для того, чтобы подзадорить, вызвать на философский спор, однако Игорь Владимирович больше ударялся в религи-

озную сторону. Вадим окончательно решил: он возьмет с собой напарника, там, совсем в иной обстановке такой собеседник, как Поливанов, — это находка.

— А не кажется тебе, Игорь, что Бог попустительствовал темным силам, чтобы люди на горьком опыте убедились, каково им жить под властью Антихриста, поклоняться Дьяволу и бесам?

— Интересная мысль, — согласился Поливанов. — Я и сам об этом не раз задумывался. Большинство людей во всем мире верят в Бога, лишь в СССР религия преследуется. И это могут делать только темные силы под предводительством Сатаны.

— Выходит, в СССР Дьявол победил Бога?

— Бога, Вадим, никто не может победить, его пути, как говорится в Библии, неисповедимы. И Россия скоро придет к Богу.

Они распрощались тут же у ларька — Игорь Владимирович сказал, что у него еще дела на рынке, — и Вадим направился пешком к платной стоянке, чтобы подготовить простоявшие там всю зиму «Жигули» к поездке. В прошлом году после особенно удачной «шабашки» он поменял «Москвич» на приличные, прошедшие всего пятьдесят тысяч километров «Жигули». Разумеется, с доплатой. Что за дела у Поливанова, он догадывался: найти собутыльников и еще выпить. Черт с ним, пусть напоследок пьет, в деревне он ему устроит настоящий «сухой закон»! Вадим пошевелил пальцами правой руки и почувствовал боль: так и есть, о чью-то пьяную рожу сбил костяшки пальцев! В следующий раз нужно кожаные перчатки надевать... Гоге уже, наверное, доложили о драке, выставив, конечно его, Вадима, виновником. Но Гога — умный мужик и вряд ли поверит, драки на Некрасовском рынке случаются не так уж редко. Был даже случай, когда ветеран войны огрел палкой южанина, заломившего за длинные парниковые огурцы пятнадцать рублей за килограмм...

Некрасовский рынок — это особый мир, где повседневно сталкиваются честные люди с жуликами, спекулянтами, перекупщиками, ворами и хамами. Огромный зал, под заставленной крышей которого летают голуби и воробьи, гудит с утра до вечера, как растревоженный улей на пасеке. Чего тут только нет! Зато и цены грабительские. Особенно у приезжих с юга. А запахи? Чем тут только не пахнет: и кислой капустой, и ароматными грушами, и копченой рыбой, и душистыми цветами... Тут свои правила и законы. И правит всем этим беспокойным хозяйством Гога, который старается поменьше мозолить глаза покупателям, он предпочитает дело

иметь с торговцами и торговками. Почти всех знает в лицо. Ведь за каждое место на рынке нужно платить, а привезет человек издалика свежее мясо или скоропортящиеся фрукты, к кому он идет? К Гоге. И уж платит ему, не торгуясь. Каждый день в багажнике Гогиной «Волги» можно обнаружить в полиэтиленовых пакетах преподнесенные торговцами яблоки, груши, свежие огурцы, телятину, свинину, в общем, все то, чем торгуют на рынке. Сам он, конечно, все не съест, у Гоги много друзей и начальства, которое тоже нужно подкармливать... «Волгу» он недавно купил без очереди не за красивые глаза...

Бог и царь Гога на рынке: хочет — казнит, хочет — милует... Как-то после работы Вадим увидел, как Гога садится за руль своей новенькой, сверкающей хромировкой «Волги» цвета «белая ночь». Иностранские наклейки на заднем стекле, какие-то приспособления, роскошные финские чехлы и, конечно, стереомагнитофон с колонками у заднего стекла. Представительный черноволосый Гога в лайковом пиджаке и джинсах выглядел не как администратор рынка, а как представитель иностранной фирмы...

«Вот кому хорошо и вольно дышится в этой стране,— помнится, тогда подумал Вадим.— Партработникам и таким жуликам, как Гога и иже с ним...».

У нового Концертного зала с непонятными и уродливыми бронзовыми скульптурами, где люди переишлись в клубок, как змеи перед зимней спячкой, остановился желтый «Икарус», из него вышли на блестящую темным асфальтом площадь иностранцы с фотоаппаратами. «Странно,— подумал Вадим, глядя на них,— наши модники из кожи лезут, чтобы походить на иностранцев, а они ведь одеваются на удивление просто и скромно: светлые брюки — в джинсах Вадим ни одного не увидел, — разноцветные куртки, спортивная легкая обувь, вот аппаратура у них качественная — японская и западногерманская». Увидел Вадим и Веру Хитрову, последней выбравшуюся из «интуристского» автобуса со сверкающими окнами и черными бамперами. Вера о чем-то заговорила, по-видимому по-немецки, и туристы окружили ее, скрыв от глаз Вадима. Вера внешне ничем не отличалась от них, разве что волосы у нее были самые светлые и отливали в солнечных лучах старым золотом. Вадим не стал подходить к группе, чтобы не смущать молодую женщину. «Увидела бы меня сегодня на рынке с мешком на горбине... — улыбнулся он. — Наверное, и не призналась бы...».

Уже на полпути к стоянке — она была напротив Таврического сада — он вспомнил, что ключи от машины дома и, чертыхнувшись про себя, повернул назад, к Греческому проспекту.

За день до отъезда Вадим зашел к администратору, расписался в ведомости на зарплату и получил расчет. Гога пожал ему руку и сказал:

— Нагуляешься за лето — приходи ко мне. Всегда оформлю. Могу даже бригадиром. Рафика замели, попался на крупной взятке...

— Я думал, такие, как он, не попадают...

— И на старуху проруха... — ослепительно улыбнулся Гога. — Так как, вернешься?

— Там видно будет, — неопределенно ответил Вадим. Если он хорошо заработает на шабашке, на рынок не вернется, это уж точно.

Вечером, возвращаясь к себе на Греческий из магазина с покупками, Вадим встретил у сквера, где любили распивать грузчики, Гвоздя с двумя друзьями. Улица была пустынной, лишь вдали с фургона с надписью «Мебель» разгружали что-то. В сквере бегала длинноухая спаниелька, но хозяина не было видно.

— За тобой должок, фраер, — мрачно заметил Гвоздь. Он был в клетчатой рубашке и джинсах. Остальные двое в голубых безрукавках. Вид серьезный, руки в карманах. На вид крепкие ребята.

— Я уж и забыл про тебя, Гвоздь, — добродушно заметил Вадим. — Столько времени прошло...

— Я про долги не забываю, — усмехнулся тот, сверкнув золотым зубом.

Приятели его помалкивали. Один лишь небрежно сплюнул на чугунную решетку сквера. Появился высокий, плечистый мужчина в зеленой рубашке с погонами армейского подполковника, спаниелька радостно стала прыгать возле его ног. Мужчина погладил ее и повернул голову к ним. Гвоздь зыркнул в его сторону, взгляд его задержался на погонах и снова остановился на Вадиме.

— Надо бы попортить тебе портрет, — сказал он, но в голосе уже не было былой решительности, когда он толковал о долге. Видно, военный несколько попутал его планы.

— Я в долгу не останусь, — сказал Вадим. Страха он и раньше не испытывал, а теперь, видя что подполковник не торопится уходить из сквера и заинтересованно наблюдает за ними, совсем успокоился. — Может, ты позабыл, но бутылкой-то ты в меня запустил?

— Я ничего не забываю,— угрюмо проворчал Гвоздь. Видно, вспомнил, как мячиком отлетел от удара правой Вадима.

Фургон разгрузили, хлопнули железные двери, двое мужчин в спецовках закурили. Видно, тоже не торопятся уезжать.

— Отрываемся, братцы,— оценив невыгодно сложившуюся для них обстановку, распорядился Гвоздь. Обдав Вадима ненавидящим взглядом, прибавил: — Ладно, дядя, считай, что тебе повезло!

— А может, тебе? — усмехнулся Вадим. — Я же сказал: в долгу тоже не люблю оставаться.

— Есть закурить? — сбавив тон, спросил Гвоздь. Ненависть вмиг испарилась из его глаз. По-видимому, напускал ее на себя. Злиться-то, в общем, не на что было.

Вадим развел руками, мол, не курю. Нагнулся к сумке, выбрал покрупнее апельсин и бросил парню. Гвоздь ловко поймал, посмотрел на своих дружков, ухмыльнулся и с маху нанизал апельсин на заостренную чугунную пику.

— Шпана? — кивнул им вслед подполковник, когда Вадим проходил по тротуару мимо. — Я думал, они драку хотят затеять...— И повел широкими плечами, давая понять, что не остался бы в стороне.

— Вы в этом доме живете? — кивнул Вадим на свою парадную.

Он этого военного ни разу не видел.

— В соседнем,— показал тот на другой дом с лепниной по фасаду.— Вообще-то, я в отпуск к сестре приехал из Кишинева.

— Спасибо,— сказал Вадим.

— За что? — удивился подполковник. — Я ведь и пальцем не пошевелил.

— Боксом занимаетесь?

— Я — десантник.

— Я тоже в армии служил в десантных войсках,— улыбнулся Вадим.

7. Мужчины, мужчины...

Вадим стоял на громоздком мосту через Чистую и смотрел на разрушенный в войну Крепостной Вал, круто вздымающийся от желтого пляжа. Над зеленым откосом, где паслась привязанная к колу белая коза, медленно плыли кучевые облака, их просвечивающие тени с бликами бежали по траве и исчезали в широкой в этом месте реке. За спиной грохотали машины, близко проходили люди, но он не заме-

чал ничего. В летнем Великополе на него вновь нахлынули щемящие сердце воспоминания о Лине Москвиной. Признаться, они никогда и не покидали Вадима, но он гнал горькие, как хина, мысли прочь, заглушал их физической работой, чтением, помогла на время избавиться от жгучей тоски по Аэлите и Вера Хитрова. Но только на время. Как только дома один на один с собой он выключал свет, готовясь заснуть, перед ним возникало глазастое лицо Лины... И редкий сон обходился без нее.

На этом самом мосту больше года назад, ранней весной, они стояли с Линой и смотрели на плывущие вниз по течению льдины. Тогда Чистая была многоводной, захлестывала пологие берега, пляж, выбрасывая на них осклизлые коряги, доски, коричневые водоросли. В спину дул холодный ветер, так же шумели машины, железобетонный мост подрагивал под ногами и кричал, Лина ежилась в легком длинном пальто с круглым воротником, на голове у нее была красная вязаная шапочка с белым помпоном. Это Лина остановила его на мосту и подошла к аляповатой чугунной решетке. Глаза у нее отстраненные и цвета воды.

— Посмотри, как льдины толкаются, будто торопятся куда-то, а того, глупые, и не знают, что скоро от них ничего не останется...

— Ничто в нашем мире никуда не исчезает,— назидательно заметил Вадим. — Льдины скоро превратятся в воду...

— А вода зимой снова в лед, из яйца вылупится цыпленок, гусеница превратится в бабочку... — насмешливо перебила Лина. — Почему ты, Вадим, всему ищешь самое простое объяснение? Льдины ведь не только тают, а и испаряются на солнце, может, превратившись в атомы и нейтроны, улетают в космос.

— Хорошая мысль,— уязвленный, ответил он. — Пофантазируй, напиши в «Технику — молодежи», может, напечатают.

— Знаешь, что мне пришло в голову,— не обратив внимания на его язвительные слова, произнесла Лина.— На свете нарождается так много людей, наверное, больше, чем льдин в ледоход на самой огромной реке... А что они, люди, став взрослыми, сделают доброго, полезного для этой самой Земли? В газетах-журналах пишут, что в Китае и Индии рождаемость такая, что скоро людям там повернуться будет негде. А возьми Африку, Азию? Там тоже рождаемость выше в двадцать-тридцать раз, чем в России и Европе. Демографы предсказывают, что после двухтысячного года начнется вселенский голод, никаких

земных ресурсов не хватит, чтобы прокормить миллиарды людей... Что-то нарушилось в божественной природе, Вадим? Будет всемирный потоп или конец света?

— Я знаю, к чему ты клонишь,— хмуро обронил он.— Рожать не хочешь. Боишься перенаселить нашу бедную планету?

— Я пять лет нянчилась в детсаде с детишками... Это был какой-то кошмар! Пятилетняя девочка пыталась осколком стекла отрезать мальчику пиписку...

— А он что — мальчик?

— Терпел до первой крови... Он ведь сам попросил ее об этом, очень уж хотелось стать девочкой.

— Ты мне об этом не рассказывала,— заметил он.

— Я не хочу иметь детей, Вадим,— твердо произнесла она. — Ты хоть представляешь, что это такое? Наша крошечная квартира с маленькой кухней превратится в ад: пеленки-распашонки, плач по ночам, купание в тазу, бутылки с сосками...

— А как же другие? — прервал он этот поток слов.— Святой долг каждой женщины — родить ребенка. После нас же никого не останется!

— А надо ли, чтобы кто-то оставался?..

Вспомнился и другой разговор с Линой. Это было на глухом лесном озере, где они в палатке провели два выходных дня, совсем незадолго до ее ухода к Тому Блондину... Дни стояли теплые, солнечные, кроме них, никого на озере не было. Оно от шоссе было в семи километрах, и ухабистая дорога, видно, отпугивала автомобилистов. На берегу высоченные сосны и ели, выше на бугре — смешанный лес, преимущественно березы и осины. Багровевшая оранжевая палатка приткнулась к подпаленной с одного бока рыбаками толстой сосне с черными лепешками коры. Вадим только что приплыл на двухместной резиновой лодке, выбросил на травянистый берег с пяток крупных окуней и десяток плотвин. Некоторые рыбешки еще изгибались, шевелили жабрами и лиловыми плавниками. Лина, в купальнике, с волосами, стянутыми на затылке резинкой, опустившись на корточки, раздувала костер. Ее смуглые щеки смешно надувались, рот вытягивался трубочкой, как у леща, «конский хвост» дергался на загорелой узкой спине, к бедру прилипла зеленая травинка, обтянутый черным нейлоном круглый зад аппетитно торчал, а небольшие тугие груди грозили выскочить из чашек бюстгалтера.

Он стоял на берегу с подсачеком в руке и смотрел на нее. И в тот момент чувствовал себя самым счастливым человеком на земле: хорошая погода, благословенная

тишина, удачная рыбалка и красивая молодая женщина у костра... Она вскинула на него свои огромные с зеленою глаза и сказала:

— Я хотела чай вскипятить, но мой костер не хочет гореть...

Она и раньше никак не могла разжечь даже сухие ветки, спички гасли в руках, нарубленный сушняк дымил, вызывая на ее глазах слезы.

— Почисти рыбу, я запалю костер и займусь лодкой и снастями.

Это был их последний день на озере, часа через два-три Вадим рассчитывал уехать. Нужно было спустить воздух из резинки, высушить ее, сложить в мешок, собрать в чехлы спиннинг, разборные бамбуковые удочки.

— Она живая, Вадим,— донеслось до него с берега. Лина стояла на фоне притихшего озера и держала в руках растопыренного зеленого окуня. — Я не могу его чистить, он дергается и смотрит на меня!

Рыбу можно было и дома почистить, но Вадим предпочитал все сделать на природе, здесь и вода рядом, и чешуя не будет залеплять раковину, и потроха быстро подберут на мелководье раки. Когда костер разгорелся и вверх потянулся хвост синего дыма, он поставил на рогульки котелок с озерной прозрачной водой, когда закипит, туда насыплет чаю. Утром он закоптил в портативной коптильне с десятков плотвин, рыба получилась вкусной с запахом дымка и можжевельника, который он положил вместе с гнилушками на дно коптильни из нержавеющей стали. Занимаясь делами, он то и дело бросал взгляды на Лину, она собирала посуду, вытаскивала из палатки свои вещи, одежду; когда она, стоя на корточках к нему задом, потащила оттуда надувной зеленый матрас, он бросил в траву бамбуковые колена удочек и подошел к ней.

— Подожди, Линуля,— сказал он, ласково подталкивая ее в палатку, насквозь пронизанную солнцем.

— Вадим,— сопротивлялась она. — Тебе не надоело?

— Ты мне никогда не надоешь,— улыбнулся он, растегивая крючки ее бюстгалтера. Внутри оранжевой, наполненной светом палатки губы ее казались бледными, а глаза родниково прозрачными.

— Ты даже не спросил, хочу ли я? — сказала она, помогая ему стащить с бедер узкие плавки. — Главное у нас — это ты.

— Неправда,— чувствуя, как стучит сердце, приглушенно отвечал Вадим. — Ты — моя королева!

— Королева, у которой нет никакой власти... — улыбнулась она, обнимая его тонкими руками за шею и вла-

стно притягивая к себе. Она уже тоже немного завелась и глаза ее потемнели, острыми белыми зубами она прикусила нижнюю пухлую губу. В такие мгновения Лина походила на красивого, хищного зверька, и это еще больше возбуждало Вадима.

— Давай по-другому? — вдруг предложила она и, не дожидаясь его согласия, скользкой ящерицей выскользнула из-под него и сама уселась сверху. Глаза ее еще больше расширились, щеки порозовели. Два белых мячика груди со вспухшими сосками, не изменяя своей классической формы, подпрыгивали перед его глазами, «конский хвост» перекачивал со спины на плечо и золотой кистью мазнул его по лицу. Ее длинные пальцы с маникюренными овальными ногтями впились в его плечи, глаза вдруг превратились в две узкие амбразуры, вспыхивающие синим огнем, нарастающий стон вырывался сквозь сжатые губы. Внезапно она вскрикнула, последний раз дернулась всем телом, руки ослабели и она с закрытыми глазами и обмякшим розовым ртом снопом упала на него, больно ударив подбородком по носу.

— Как мне было хорошо, дорогой мой... — прошептала она, глядя его вновь ожившими пальцами. — Все вдруг куда-то провалилось, исчезло, я даже забыла, где я и что я... Такого еще со мной не было.

— А ты не хотела... — вяло ответил он. Ему было тоже очень здорово, впрочем, с Линой всегда было здорово, но потом на какое-то непродолжительное время его охватывала апатия, равнодушие, даже ее нежные прикосновения раздражали. Не хотелось говорить, думать. Просто лежать и смотреть в потолок. Ни мыслей, ни желаний.

— Ты опять далеко, — чутко заметила она его состояние. — Наверное, в мыслях со своей... небесной Аэлитой?

— У меня и мыслей-то нет...

Лина была страстной женщиной, но страсть ее пробуждалась не всякий раз, когда они находились в постели. И как он ни старался в первую очередь доставить ей удовольствие, чаще всего доставлял его в результате себе. То Лину что-то отвлекало, то она не успевала, то просто не могла, хотя и старалась. Но когда все получалось взаимно и к обоюдному удовольствию, они оба были счастливы, вот как сегодня в розовой палатке. И как это всегда бывает после полного бездумного счастья, на смену откуда-то пришла на тонких ногах легкая тревога.

— А что, если кто-то видел и слышал? — спросила она, глядя на него прояснившимися глазами. — Это было наше мгновение и никто не должен его наблюдать.

— Разве что комары и белка заглянули в окошко... — улыбнулся он, однако себя и ее прикрыл тонким полшерстяным одеялом.

— Одного нахала я прихлопнула, — улыбнулась она. — Он впился мне в грудь. Он не малярный, Вадим?

— Малярных комаров в нашей местности нет.

— Ты знаешь, если я сейчас забеременела, я...

— Ты родишь нам сына...

— Сын или дочь обязательно должны получиться очень красивыми... — вроде бы согласилась с ним Лина.

— Если дочь, то пусть она будет похожа на тебя, — включился в эту приятную для него игру Вадим.

— А сын — на тебя... — глядя в розовый потолок, вторила она и вдруг, будто проснувшись, резко приподнялась на зеленом матрасе. — О чем это мы? Какие сын, дочь? Это была шутка, дорогой! Никаких детей у нас не будет.

— Не говори так, — сказал он. — У нас будут сын и дочь...

— Ну, если ты колдун...

— Я знаю это, — улыбнулся он.

— Сорока на хвосте принесла?

— Потом вспомнишь мои слова, — сказал он. Он действительно в тот миг знал, что у них будут дочь и сын... Как же так получилось, что все рухнуло и его единственная, самым Богом предназначенная ему женщина бросила его, исчезла...

Это было, пожалуй, самое мучительное его воспоминание о Лине. И после этого были у них восхитительные мгновения в любви, но вот почему-то в память намертво врезалось именно то, что произошло в пронизанной солнцем оранжевой палатке незадолго до бегства Аэлиты с этим певцом Томом Блондином. Том Блондин! Сочетание-то какое противное!..

Вадим сегодня приехал на своей машине в Великополь на базу райпо с документами от колхоза на получение строительных материалов. Они строили для колхоза «Ленинец» скотник на сто голов крупного рогатого скота. Это в двадцати километрах от города. Нужен был цемент, кирпич, шифер, рубероид. Вообще-то, всем этим должен был заниматься председатель колхоза, но Вадиму все равно необходимо было позвонить в Ленинград — он обещал Вере Хитровой — и еще зайти в горсуд к Нине Луневой. Не очень ему хотелось это делать; та бесшабашная ночь, проведенная у Нины, хоть и не оставила неприятного осадка, но и не имела никакого продолжения: вскоре он уехал в Ленинград, даже не позвонив Луневой. Правда, когда он утром, с гудящей головой

уходил от нее, ни она, ни он и не заикнулись о новой встрече. Ему показалось, что молодая женщина тоже чувствовала себя смущенной. Утром снова набросилась на него тоска по Лине. Лунева молча смотрела на него, когда они пили на кухне черный кофе, коротко отвечала на его вопросы, которые он вымучивал из себя, чтобы не молчать. К Нине нужно зайти обязательно, она близкая подруга Лины Москвиной. Больше года минуло с тех пор, как Лина исчезла и никаких вестей от нее. Он первым делом заехал на свою старую квартиру, там жил с женой и детьми незнакомый ему журналист из «Великопольского рабочего». Молодой, а четверо детишек мал мала меньше. Писем ему на старый адрес не поступало. Последняя надежда на Нину Луневу, уж ей-то Лина должна бы сообщить о себе. Все-таки подруги...

Солнце напекло макушку, и Вадим пошел к машине, которую оставил у ларька «Соки-воды» на берегу Чистой. В машине было душно, солнце раскалило крышу, до горсуда он доехал, обливаясь потом. Поставив «Жигули» рядом с другими машинами, поднялся по широким каменным ступенькам в суд. Сюда он не раз заходил за женой. Нина, в очках с металлической оправой, стучала на пишущей машинке. Она даже головы не повернула в его сторону: судейские работники, очевидно, постоянно имея дело не с лучшими представителями рода человеческого, как и милиционеры, не отличаются приветливостью и вниманием. Пальцы молодой женщины ловко бегали по клавишам, звякал колокольчик, негромко урчала передвигаемая каретка; полные, обнаженные до плеч руки Луневой плавно двигались, лицо сосредоточенное. Наверное, она наконец почувствовала его взгляд, перестала печатать, повернула голову с уложенными волосами и растерянно сняла очки. Небольшие глаза ее моргали, на носу отпечаталась красная полоска.

— Вадим? — изумленно сказала она. — Откуда ты, милое дитя?

«Милое дитя» резануло его ухо, но он смолчал и, улыбаясь, смотрел на нее. Легкий загар тронул ее гладкие щеки, лоб, однако руки были белыми. Он вспомнил, как она обнимала его, шептала ласковые слова... Видно, и она что-то вспомнила, потому что к щекам прилила краска, а в серых глазах появился влажный блеск.

— Вот зашел проведать тебя... — произнес эти слова и сам почувствовал, что они прозвучали неубедительно.

— Меня? Уж скажи прямо, что хочешь узнать про свою Линку.

— Духота тут у вас, — сказал он. — Может, выйдем на свежий воздух? Кажется, суда сегодня нет?

— Я еще не обедала... — на лоб ее набежала неглубокая морщинка.— Ладно, я скажу судье, — она встала и, покачивая крутыми бедрами, вышла в смежную комнату с табличкой «Народный судья Кононов Ю. М.».

Они пообедали в кафе самообслуживания неподалеку от площади Ленина. Вадим взял со стола пластмассовый поднос и принес винегрет, две тарелки горохового супа со свиной, Нина взяла хлеб, сосиски с гречкой, вилки-ложки. В кафе пахло кислой капустой, жужжали мухи, над окошком раздачи висела клейкая лента с налипшими на нее насекомыми — очевидно, для аппетита посетителей...

Их столик был у окна, до половины занавешенного несвежей марлей, в раскрытую форточку заглядывала ветка тополя с пыльными листьями.

— Ты загорел, посвежел, — сказала Нина. — Как жизнь в Питере? Я там не была целую вечность.

Он рассеянно отвечал, эта пустопорожняя болтовня его раздражала. Нина — неглупая женщина и нарочно его поддразнивала: знала, что он ждет известий о Лине, но ходила кругами вокруг да около. На полной белой руке, ближе к подмышке, чуть заметно проступало несколько голубоватых пятен. Такие остаются от пальцев, когда мужчина в момент страсти держит в постели женщину за предплечья. Нина не замужем, почему бы ей не проводить время с мужчиной или с мужчинами?.. Помнится, она говорила, что постоянного друга у нее нет... Полезли в голову мысли: может, остаться на ночь у Нины? Конечно, если она согласится. Сглаженные временем, воспоминания о той ночи остались приятные. У Нины и Веры Хитровой что-то есть общее: обе блондинки, статные, полногрудые и со стройными ногами. Хотя они и не худощавые, как Лина, но и не толстые. Такие женщины чаще всего и не нравятся мужчинам. Нина будто читала его мысли.

— Я вспоминала тебя, — бросив на него быстрый взгляд, сказала она. — Думала, позвонишь, хотя бы с Восьмым марта поздравить, а ты уехал, даже не попрощавшись...

Она ела без всякого удовольствия, да такая еда и не могла доставить удовольствия: чуть теплый суп с жирным куском синеватой свинины, холодные бледные сосиски с гречкой-размазней.

— Я тогда был...— он запнулся; подыскивая подходящее слово.

— Ты и сейчас думаешь только о ней, Лине,— улыбнулась она. — Разве не так?

— Я стараюсь не думать о ней, — сказал он.

— И пришел ко мне, чтобы узнать о ней...

— Она же мне не чужая? — выдавил он улыбку. — Не один год прожили вместе.

— Ты думаешь, прожитые вместе годы делают любовь крепче?

— Я уж не знаю, что и думать, — вздохнул он.

— Лина ушла от Тома Блондина, — наконец сжалась над ним Нина. — Еще полгода назад они расстались.

— Она ушла или этот стриптизист ее бросил?

— Таких, как Лина Москвина, не бросают, Вадим, такие женщины сами уходят... Надоел ей этот вертлявый хрипун с огненным взглядом, кстати, и к рок-музыке она охладела. Теперь обожает классику, как и ты.

— Где она? — вырвалось у него. Сейчас толковать о музыке ему вовсе не хотелось.

— Я не знаю, — пожала плечами Нина. — Последнее письмо от нее я получила два месяца назад. Из Калининграда.

— А что она там делает?

— Но я не уверена, что она и сейчас там... — Нина улыбнулась. На ее гладких щеках появились две маленькие ямочки. Вроде бы раньше Вадим их не замечал. — Лина меня поражает своей непредсказуемостью... Она закончила курсы стюардесс и теперь летает...

— Летает? — удивился Вадим.

— Написала, что изучает английский язык, сдаст экзамены и будет летать за границу. Откуда в ней столько этой... энергии? Она может запросто все в жизни начинать сначала... — Нина завистливо вздохнула. — Я бы так не смогла. Она вдруг меняет жизнь, профессию...

— Мужчин, — вставил Вадим.

Нина долгим взглядом посмотрела ему в глаза:

— Не думаю... Вадим, она любит только тебя.

— Любила бы, не сбежала... с Томом Блондином!

— Это было наваждение, бесы попутали, — сказала Нина. Она отодвинула тарелку с недоеденными сосисками и взглянула на маленькие часики на запястье. — У меня суд в четырнадцать ноль-ноль, нужно просмотреть дело.

— Кого судите-то? Вора? Убийцу?

— Одного жуткого выроodka! Подкарауливал в людных местах девочек и молодых женщин и, угрожая ножом, насиловал... Трех из них зверски убил. Он тут навел страху на весь город.

— Врачи признают сексуальным маньяком и отправят в психолечебницу, — сказал Вадим. — Таких у нас не

расстреливают... Расстреливают честных, умных, талантливых, которые не хотят жить в стране социализма как безгласная, покорная скотина...

— Расстреливали, Вадим, — поправила Нина. Она достала из сумочки зеркальце, помаду и стала слегка подкрашивать губы. На выпуклый белый лоб набежали морщинки. — Что вспоминать прошлое? Были у нас враги и злодеи. Об этом тоже нужно помнить.

— Наше прошлое, Нина, никогда не забудется, — угрюмо уронил Вадим. — Такое забывать — преступление. А они... кто доносил, расстреливал и особенно те, кто все это насаждал, ой как не хотят, чтобы люди все помнили! Ведь тогда придется держать ответ, пусть даже перед потомками.

— Я знаю, твои родители...

— Не только мои родители, а десятки миллионов ни в чем не повинных честных людей были истреблены в сталинско-бериевских застенках. Слава Богу, что хоть это стало известно, но и то, что узнали люди из печати — это малая толика по сравнению с тем, что было. Я верю, рано или поздно люди узнают и про зверства большевиков после переворота в семнадцатом... У Ленина, Дзержинского, Свердлова, Кагановича и тысяч других их соратников руки тоже по локоть в крови. Эти уничтожали цвет русской нации, они замахнулись и на Бога...

— Ленина-то хоть не трогай! — вырвалось у Луневой. — Он — гений!

— Злой гений, Нина! Сатана... Может, Бог и наслал на грешников именно такого — на вид ласкового, доброго! Подожди, Россия еще узнает, что он успел натворить, пока его Бог не прибрал.

— Откуда ты-то все это знаешь?

— Мои родители были очень образованные люди, они знали то, что другим было недоступно. Мать приносила из архива книги, журналы, документы, которые почти никто не читал... А отец? Он все знал. Его не смогли оболванить, как других, за что и жизнью поплатился.

— Он по наследству и тебе передал все это, — покачала головой Нина. — Я еще ни от кого не слышала таких слов! И не могу поверить, что это правда.

— Поверишь, Нина, — усмехнулся он. — Придет время — все поверят. Зло, как и шило, в мешке не утаишь...

Они вышли из душноватого кафе с жужжащими мухами. У входа громоздились ящики из-под бутылок, серая кошка с обгрызенными ушами сгорбатилась у душника в фундаменте, пахло тухлятиной. Нина была в облегающем платье без рукавов, в светлых с краснова-

тым блеском волосах белела замысловатая заколка в виде свернувшейся змеи. Капроновые чулки обтягивали полные ноги в бежевых босоножках на низком каблуке. Зад несколько отяжелел, поубавилась талия, но все равно Нина была еще довольно соблазнительной женщиной и встречные мужчины оглядывались на нее. Надо сказать, и походка у нее была королевской: статное свое тело она несла легко, ступала мягко, колыхая бедра и грудь. Несмотря на сидячую работу, почти не сутулилась. Он вспомнил, что, когда она первый раз пришла к ним домой — они с Линой только что купили новую пластинку и им не терпелось ее прослушать, — у Луневой были каштановые волосы, даже отливали бронзой, а сейчас она — блондинка. Кто же она на самом деле: блондинка или брюнетка? Женщины нередко меняют цвет волос, вот Лина никогда не красила свои густые золотистые волосы...

— Как время бежит, — сказала она, когда они подошли к красноватому кирпичному зданию суда. — Если хочешь... — она зачем-то посмотрела на часы. — После работы можем встретиться, ну, скажем, часов в семь? Я сегодня вечером свободна.

— А завтра? — задал он глупый вопрос.

Нина взглянула ему в глаза, усмехнулась:

— Тебе разве это не безразлично? Да, я не спросила: надолго ты к нам?

— До осени. Только я сейчас живу не в городе, а...

— Лина рассказывала, что ты летом «шабашишь»? Дома строишь или дачи?

— Скотник, — улыбнулся он. — Дачу для буренок...

— Ты ведь считался у нас хорошим журналистом, даже фельетоны писал в газету... И вот строишь скотники!

— Мне это нравится, — ответил он и, видя, что Лунева уже нервничает, все чаще поглядывая на свои часы с голубоватым циферблатом, прибавил: — Я зайду за тобой ровно в семь.

Знала бы она, что он таскал разные тяжести на спине на Некрасовском рынке! Женщины полагают, что мужчины должны расти по работе от рядового сотрудника до начальника, а у него, Вадима, все наоборот. Лишь Лина понимала его и не осуждала. Кстати, на рутинной работе он никогда таких бы денег не зарабатывал.

Нина вдруг подняла свою полную белую руку и взъерошила ему темно-русые волосы на голове. Подмышки у нее чисто выбриты, от нее пахнет хорошими духами. Он машинально положил руку на ее талию, ощутив под тонкой материей крепкое женское тело. Ладонь сама по себе скользнула ниже.

Нина никак не отреагировала на эту его вольность, лишь в глазах что-то мелькнуло.

— Если мы закончим раньше, я буду ждать тебя в кафе-мороженое у моста, — сказала она и, пристально посмотрев ему в глаза, стала подниматься по серым каменным ступенькам.

«Ладно, позвоню Вере в другой раз, — подумал Вадим. — Но как убить время до вечера?» И решил, что стоит, пожалуй, заглянуть в редакцию, может, Володю Бурова увидит, ответсекретаря Сашу Громова... С речки донесся громкий хлопок, будто лопнула автомобильная шина. Наверное, ребяташки на пляже балуются... Вспомнив про пляж, он решил сначала выкупаться, а потом — на машине в редакцию. Спускаясь по узкой тропинке к Чистой, он снисходительно упрекал себя за непостоянство: собирался позвонить Вере Хитровой, уговорить ее приехать на выходные сюда, а увидел Нину Луневу, и все это побоку! Вообще-то, вряд ли Вера откликнулась бы на его приглашение. Нужно билет доставать, трястись всю ночь в душном вагоне... Вот если бы Вадим за ней на машине приехал — другое дело! Несколькими стершийся далекий образ Хитровой заслонила Нина. И он опять нашел сходство между ними: пышные, фигуристые, с большими грудями, полными ногами. Вера — блондинка и не красит волосы, а Нина — шатенка. И в постели они чем-то сходны, но ни одна из них никогда не заменит ему Аэлиту...

При воспоминании о ней, тень набежала на его лицо, серые с зеленью глаза стали грустными.

8. Твоя судьба, Аэлита

Вот во всех учебниках, научных трудах пишут, что человек произошел от обезьяны, — разглагольствовал Игорь Владимирович, сидя на травянистой лужайке на берегу небольшой, но глубокой речушки, протекающей всего в двухстах метрах от деревни Воробьи, где они ставили на пригорке скотник. — Чушь это! Дарвин, кстати, эту мысль в своей теории о происхождении видов не отстаивал, а ученые всего света подхватили. Несколько веков археологи ищут в недрах земли кости получеловека-полуобезьяны, переходную ступень, и до сих пор не могут найти. И никогда не найдут, идиоты, потому что человек и обезьяна — это совершенно разные виды, ничего общего не имеющие между собой. Человек занесен на планету Земля из космоса, возможно и другие виды животного и растительного мира выращены Творцом. Ведь каждая букашка — это

сложнейший организм, никакая современная техника не способна искусственно создавать нечто подобное. Ты видел по телевизору, в журналах показывают роботов, имитирующих человека? Это же уроды, передвигающиеся по земле, как калек. Роботы на автоматических линиях — это другое дело. Это механика. Из космоса, дружище, пришел на землю человек, иначе и быть не может. И человек здесь гость, а не хозяин, как талдычат опять же наши ученые. Ни одно живое существо столько вреда не принесло планете, сколько homo sapiens с его чуждой природе цивилизацией, техническим прогрессом! Возьми эти вшивые «стройки века»: ГЭС, ГРЭС, АЭС... Губят землю, отравляют атмосферу, уничтожают зверье, рыбу в водоемах и реках, уже и до океанов добрались... Эх, да что говорить! Придет время, когда все это еще ой-ей как катастрофически аукнется человечеству!

— А что же Творец, инопланетяне, наблюдающие за нами, не предотвратят это безобразие? — спросил Вадим. Он и себе этот вопрос не раз задавал, но разумного ответа не находил.

— Пытаются, но очень осторожно: очевидно, не хотят вмешиваться в нашу эволюцию... Хотя и нередко предупреждают. Возьми гриппы вроде гонконгского, азиатского, африканского, болезнь рак? Я уверен, что на нас воздействуют не только силы Добра, но и силы Зла. Я тебе уже говорил. Добрые цивилизации помогают, а Злые — исподволь толкают нас к гибели. И все это делается главным образом через людей, которым незаметно внушаются разные идеи. Одни идеи несут Добро, другие Зло. И между ними все время идет непрерывная борьба. Наверное, и люди на земле разделились на Добрых, или Светлых и Злых — Черных.

— В правительстве нашем, уж точно, сидят Черные люди, — усмехнулся Вадим. — Они только творят Зло!

— Вот возьми гениев, — продолжал Поливанов. — Злой гений изобрел порох, расщепил атом, собрал людей в огромных городах, чтобы можно было при случае легче уничтожить. Отключи электроэнергию, газ, воду, и миллионы людей в своих небоскребах в течение недели-двух погибнут. А добрые гении оберегают природу, животных, подарили людям огонь, помогли приручить домашних животных, изобрели орудия труда, вырастили для нас злаки, фрукты... Добрые гении создают, облегчают жизнь человека, а Злые — вредят даже под прикрытием пользы. Конечная их цель — погубить людей или превратить их в своих помощников — бессов!

Поливанов вдруг замолчал, он поймал на ромашке сиреневую бабочку и стал внимательно ее разглядывать,

даже очки нацепил на крупный висячий нос. Солнце скрывалось за пышными белыми облаками, в речке играли мальки, сразу за широким заливным лугом, заросшим высокой ярко-зеленой травой, начиналась пышная березовая роща. Над ней величаво кружил ястреб. Казалось, он, паря между небом и землей, полностью погружен в философские размышления. В роще щебетали мелкие птицы, стайки их иногда проносились над речкой, но ястреб на них не обращал внимания.

Отсюда хорошо был виден недостроенный скотник, на ошкуренных бревнах сидели в выгоревших соломенных шляпах бригадир Петр Селезнев и еще один «шабашник» из Великополя. Видно было, как от них тянутся вверх тонкие струйки сигаретного дыма. Поднимутся чуть повыше голов и растают. Наверняка Селезнев нервничает, то и дело поглядывает на утонувший в траве проселок, из Великополя должны привезти цемент и другие строительные материалы. Потому они и прохлаждаются, что вышла задержка с их доставкой. А ведь кладовщик клялся Господом Богом, что все будет на следующий же день привезено, председатель колхоза «Ильич» несколько раз звонил в райпо, ему сообщили, что машина с материалами вышла. Уже давно должна бы приехать, да, видно, что-то случилось. Шофер мог по пути и кое-что продать дачникам, такое уже было. Главным образом нужен цемент, чтобы залить пол; не привезли рамы, рубероид для прокладок, толстые доски для кормушек. А каждый потерянный день отодвигает срок сдачи объекта. Вадим уже дважды искупался в речке, а Поливанов не захотел, наверное, плавать не умел. Он стащил со своих костлявых плеч сиреневую не первой свежести майку и загорал. Худощавое лицо его с торчащими картошинами скулами было коричневым, густые темные брови топорщились над глубоко провалившимися глазами, коротко остриженные пегие волосы далеко отступили ото лба. Темно-серые глаза у него были чистые и немного печальные. Вот уже две недели Игорь Владимирович в рот не берет спиртного. Во-первых, данное бригадир и Вадиму слово держит, во-вторых, ближайший магазин в пяти километрах, туда потихоньку от всех не сбегашь. Надо отдать должное Поливанову, он не ныл, не сетовал, что ему не приходится выпить, хотя первую неделю после приезда сюда и был мрачным. Кашеваром он не стал. Кормила их проворная старушка Пелагея, у которой они ночевали и столовались. Председатель два раза в неделю отпускал телятину, картошку, крупы, даже привозили хлеб. Пелагея Ивановна была на пенсии и охотно готовила для четверых

своих постояльцев. Ей шли за это трудодни. По ее совету они сходили к конюху, у которого на огороде была приличная пасека, и купили литровую банку меда, вполтину дешевле, чем дерут за килограмм на Некрасовском рынке. Крепко заваренный чай пили до седьмого пота с медом, намазывая его на ржаной хлеб.

Облака чередой уплыли по своим никому не известным маршрутам, вслед за ними торопились пронизанные солнцем, напоминающие рваные пуховые подушки, их маленькие братья. Вадим лег на спину, подложив под себя клетчатую ковбойку, и зажмурился, так как солнце ударило прямо в глаза. Он слышал, как Поливанов встал и пошел куда-то; приоткрыв один глаз, увидел, что приятель зашагал через луг к скотнику, наверное, решил, что Вадим задремал. Игорь Владимирович был деликатным человеком и не стал бы беспокоить. Нужно было бы отвернуть голову от бьющего в прижмуренные глаза солнца, но что-то удерживало от этого Вадима. Все звуки отступили куда-то, голова стала ясной, уже не нужно было крепко сжимать веки, потому что вроде бы и солнце исчезло. Подумал, что можно и глаза открыть, но почему-то этого не сделал. Мельтешащие желтые точки стали превращаться в какие-то странные образования, напоминающие крошечных огненных гномиков. Они стремительно куда-то спешили, сталкивались друг с дружкой, снова разбегались, потом гномики исчезли, а на их месте появилась яркая желтая точка, которая стала быстро расти. И вот точка вытянулась, принимая форму цилиндра с пятнышками по бокам, казалось, он стремительно падал прямо на него, Вадим хотел пошевелиться и встать, но все тело его сковала неподвижность, да и желание двигаться вдруг исчезло. И снова, как тогда зимой у турбазы в Пушкиногорье, цилиндр стал прозрачным и он увидел в нем золотоволосую и желтоглазую красавицу Аэлилу, тонкое продолговатое лицо ее было зеленоватым, серебристое одеяние обтягивало классически стройную фигуру. Все остальное в кабине было нечетким, смазанным. Аэлита, без всякого выражения на красивом лице с сиреневыми губами, смотрела на него и молчала, а в голове его что-то набухало, заставляя стучать в висках, наконец послышался ровный голос, может, и не голос, а просто мысль, облеченная в слова вошла в его мозг: «Ты узнал меня?». Так же, не разжимая губ, он ответил, что да, узнал, и даже сказал, что ее зовут Аэлитой.

«Пустой звук,— ответила она. — У меня другое имя. Тебе его не выговорить».

«Кто ты? — спросил он. — Или это опять наваждение?».

«Ты знаешь, что это не наваждение, но раз сомневаешься, значит, ты еще не готов...».

«К чему не готов?»

«Ну почему вы, люди, такие недоверчивые? Вы чудо называете миражем, необыкновенное — обыкновенным. Стараетесь всему дать свою примитивную оценку. Гордость это или глупость? Пора вам знать, что вокруг вас существуют другие миры и в этих мирах живут существа по интеллекту неизмеримо выше вас. Когда же вы научитесь понимать нас? Не бояться, не убегать, а понимать, поверить, что мы тоже существуем? Вы даже не верите вашим оракулам...»

«Кому?»

«Они — люди, но говорят вам то, что мы хотим».

«Я верю,— откликнулся он. — Не оракулам — тебе, Аэлита!».

«Вас очень мало. Нам с вами трудно».

«Что же делать, Аэлита?»

«Хорошо, зови меня так, но у тебя есть своя земная Аэлита».

«Она... она ушла».

«Она в твоём мире, человек, ищи свою Аэлилу,— набатом прозвучало в его голове. — Она — твоя судьба».

Лицо золотоглазой девушки вдруг пропало, исчез цилиндр, будто издали донесся до него обеспокоенный голос Поливанова:

— Вадим, тебе плохо? Перегрелся на солнце? И почему ты смотришь на солнце? Это же опасно! Какое лицо у тебя странное...

С нарастающим гулом что-то накатило и пробежало через все его члены током, и он смог наконец пошевелиться — оцепенение прошло. В открытые глаза ударило солнце и он прижмурил их, но чуть позже с трудом раскрыл, будто ресницы его, как у гоголевского Вия, были свинцом налиты. Он сел на лужайке, провел по лицу ладонью, будто смахивая липкую паутину, и совсем близко увидел перед собой длинное лицо вставшего перед ним на корточки Игоря Владимировича. В небольших глазах того светилось любопытство.

— Ты задремал, да? Тебе что-то необычное пригрезилось? Вадим, ты слышишь меня?!

— Слышу, слышу... Я верю, что человек попал на Землю из космоса,— сказал Вадим. — И космос истинен и напоминает нам о себе...

У него мелькнула мысль все рассказать, но вдруг снова отчетливо появилось перед открытыми глазами

смутное изображение зеленоватого лица Аэлиты, золотоволосая женщина отрицательно покачала головой и чуть приметно улыбнулась уголками сиреневых губ, как бы намекая, что это тайна только их, то есть Его и Ее.

— Я сидел с ними,— стал рассказывать Поливанов.— И вдруг мне почудилось, что ты утонул в речке, я бросился туда, смотрю: ты лежишь с раскрытыми глазами и смотришь на солнце. И лицо у тебя будто костяное и светится изнутри. Я тряс тебя за плечи, перетащил на другое место, но ты как бревно...

— Приехала машина? — не глядя на него, спросил Вадим.

— Кто-то пылит по проселку,— кивнул на дорогу Игорь Владимирович, не спуская с него встревоженного взгляда. — Вроде, грузовик.

— Пошли, а то Селезнев будет переживать,— улыбнулся Вадим.

— Ты видел их? — после непродолжительной паузы спросил Поливанов. Он шел чуть сбоку, сзади.

— Кого — их?

— Они ведь не каждого выбирают для контакта,— понизив голос, проговорил приятель. — Не каждый и способен вступить в контакт.

— О чем ты, Игорь? — устало сказал Вадим. — Напекло солнцем голову, хорошо, что обошлось без солнечного удара.

— Не хочешь — не рассказывай... Но я видел ауру над твоей головой.

— Ауру?

— Легкое желтое сияние. Это был контакт, Вадим! — возбужденно говорил Игорь.

— Я просто задремал на солнцепеке,— повторил Вадим, отвернувшись. Что-то мешало ему сказать правду Поливанову.

— Счастливый ты, Вадим,— вздохнул тот. — Тебя выбрали.

— В Верховный Совет, что ли? — улыбнулся Вадим.— Или в Политбюро?

— Выше, Вадим, выше,— кивнул на небо Игорь Владимирович. — Земное все — суета сует, а там, в космосе, другие масштабы... Ну почему со мной никто не вступает в контакт? Я давно готов к этому. А если бы позвали — не задумываясь улетел бы с ними. Прекрасна планета Земля, но люди на ней живут, как слепые кроты...

«Сон это или явь? — не слыша его, мучительно думал Вадим. — Она сказала: «Ищи свою Аэлиту — она твоя судьба...» А где ее искать? Мою судьбу...».

— Ты знаешь,— дошел до него голос Поливанова. — Мне совсем не хочется пить! Сначала хотелось, я даже у бабок самогона спрашивал, а сейчас, как отрезало.

— Я рад за тебя,— равнодушно ответил Вадим. Мысли его были заняты другим.

9. Как на войне

В большой железной емкости Вадим готовил раствор для заливки пола скотника, он сыпал туда из бумажных мешков пыльный ядовито-серый цемент, лопатой набрасывал речной песок, привезенный на тракторе, ведрами лил воду и все это перемешивал лопатой. Лопата скребла по железу, мутная жидкость брызгала на ноги, попадали капли и в лицо. Работенка еще та! Плечи его были обнажены, на завернутых до колен брюках — пятна и мокрые разводы, на руках брезентовые рукавицы; чтобы голову не напекло, он соорудил из газеты остроконечный колпак. Соломенной шляпой, как у Селезнева, он не разжился. Остальные члены бригады вставляли в проемы проолифенные золотистые рамы со стеклами, укрепляли их, шпаклевали щели. Делалось все на совесть. Стройматериалов должно было хватить на неделю работы, потом снова нужно ехать в Великополь, кланчить в райпо и «Сельхозтехнике» все необходимое. Вадим Бога благодарил, что нет толстяка Н. Н. Петухова, некогда возглавлявшего эту организацию. Его перевели в Псков с повышением, захватил он с собой и любовницу-секретаршу — Раю из райпотребсоюза. Когда еще десять лет назад Вадим понял, что полюбил Аэлилу, тогда еще долговязую глазастую девчонку, он честно признался Рае. Та на удивление легко отнеслась к этому.

— Соскучишься, Вадик,— с улыбкой сказала она,— позвони. И ты знаешь, где меня найти.

Он не позвонил и — что удивительно — ни разу не встретил Раю даже на улице. А Великополь — не такой уж и большой город. Прожив здесь десяток лет, с очень многими здороваешься на улице.

Рая из райпотребсоюза как легко вошла в его жизнь, так же легко и исчезла из нее, оставив стершиеся воспоминания о ночных часах, проведенных на черном диване в кабинете Петухова Н. Н.

Дни стояли солнечные, жаркие, в обеденный перерыв все торопились к речке, ее, как и деревню, называли Воробьем, и купались, но на стройке вскоре снова становилось жарко и от пота глаза щипало. Колхозники чуть ли не в полдень возвращались с работы и тут же начинали

ковыряться в своих распаханых огородах. Вадим уже давно убедился, что сельские жители с прохладцей относятся к труду в колхозе или совхозе, как бы отбывают барщину, а душу, разумеется, кто не пьет, вкладывают в личное хозяйство, а свой приусадебный участок поит и кормит их. У каждого скотина, мелкая живность, которая требует пригляда и ухода. И еще заметил Вадим, что из колхоза и совхоза труженики тащат все, что может сгодиться в личном хозяйстве: стройматериалы, сено, комбикорма, даже ведра и подойники. И все среди бела дня, без всякой опаски. Все казенное, государственное было для них ничейным, потому и хищение имущества в сознании сельчан не считалось воровством, да и не только у крестьян — это происходило в масштабе всей страны. Разве рабочие не тащили из цехов полуфабрикаты и готовую продукцию? Вадим сам был свидетелем, как на Некрасовском рынке рабочие с кондитерской фабрики приносили Гоге плоские коробки из-под песочных тортов с залитым в них высококачественным шоколадом, а что уж говорить о дефиците, будь это продукты или бытовая техника. Растаскивалось буквально все и распродавалось по ценам ниже государственных.

Из скотника доносился невнятный разговор председателя колхоза «Ильич» Дмитрия Евгеньевича Ильина и бригадира Селезнева. Председатель с полчаса назад пожаловал к ним, вообще-то, он редко сюда навещался, знал, что «шабашников» не нужно понукать и подгонять — они и без кнута работают как одержимые. Наоборот, Селезнев его припирали в правлении к стене, требуя бесперебойной доставки стройматериалов. Обещал из города привозить на самосвале готовый раствор для заливки полов и фундамента, а выбил лишь цемент в мешках. Приходилось на месте готовить раствор. Голоса смолкли, и вскоре из широкого темного проема скотника — двери еще не были навешены — вышел Ильин. Он был в шелковой безрукавке и хлопчатобумажных брюках, лицо загорелое, крупный нос шелушился. Дмитрию Евгеньевичу нет еще и тридцати, он попал в Воробьи сразу после сельхозинститута, правда, до учебы несколько лет проработал в совхозе механизатором, так что сельскохозяйственный труд ему знаком не только по учебникам. Вадима он знал еще по тому времени, когда тот работал в «Великопольском рабочем», читал его фельетоны, очерки. Однажды высказал свое недоумение: почему Белосельский — хороший журналист — променял перо на лопату и топор? Вадим ему честно ответил, что советская журналистика насквозь фальшива и ему претит морочить людей.

— Но ты же фельетоны писал? — резонно заметил Ильин. — Критиковал нашу советскую действительность, бюрократов, рвачей, значит, в какой-то степени раскрывал людям глаза на правду.

— Пока печатали мои фельетоны, я и не помышлял уходить из газеты, — ответил Вадим. — А потом перестали, вот я и оказался безработным. А статейки, прославляющие наших верных ленинцев и советский образ жизни — самый лучший, самый демократический, самый передовой и гуманный в мире, я отказался сочинять...

Они долго тогда спорили на берегу речки Воробей, Ильин мыслил трезво и во многом соглашался с Вадимом, но как все изменить, возродить у сельчан любовь к земле — и он не знал, так же как и не видел в ближайшем будущем никаких путей к выходу из тупика. Начиная с Хрущева, он вождям — «строителям развитого социализма» — не верил, но как человек, родившийся при советской власти и никакой другой не знавший, считал капитализм загнивающей формацией и верил в конечную победу социализма во всем мире. Классики-то марксизма-ленинизма, которых он старательно изучал в институте, доказывали, что гибель капитализма и торжество социализма на земле неизбежны... Были небольшие сомнения в том, что капитализм что-то не загнивает, а социализм добровольно не распространяется на планете... За границей он был в составе делегации сельских тружеников всего один раз в Болгарии, где они побывали на образцовых социалистических предприятиях. Болгары, на его взгляд, жили хорошо, были довольны своим социалистическим строем, советских людей встречали радушно, порядка у них неизмеримо больше, чем у нас, земля на зависть обрабатывается по самым передовым в мире технологиям, нам до них еще далеко, овощей и фруктов производят столько, что тары не хватает отправлять на экспорт во многие страны мира.

— Мое почтение Вадиму Андреевичу! — остановился возле него Ильин. — Любо-дорого смотреть, как работает ваша бригада, не то что мои горе-работнички!

— Где же их социалистическая сознательность? — распрямил спину Вадим. Он разравнивал деревянной лопатой раствор на полу. Он знал, что председатель сразу не уйдет. Дмитрий Евгеньевич был немного пониже Вадима, но тоже широк в плечах и крепок на вид. В армии он был в танковых частях и занимался спортом, однако на должности председателя за последний год не-

сколько отяжелел и уже намечался животик. К ним он пришел пешком — правление находится в Воробьях, — а так ездит по бригадам на своем газике. Сам за рулем.

— Перекурим? — предложил Ильин, присаживаясь на опрокинутый контейнер для кирпича.

Вадим, воткнув лопату в раствор, без особой охоты присел на второй контейнер. Впрочем, раствор застывает долго, можно немного передохнуть. У Ильина добродушное лицо с небольшими светлыми глазами, опущенными белыми выгоревшими ресницами, и с ямочкой на круглом подбородке, что придавало ему добродушный вид. Руки у него большие, с мозолями на ладонях. Ильин не чурается и сам сесть за штурвал комбайна или трактора, когда наступает страдная пора. Знал Вадим, что он пользуется уважением у сельских жителей, они больше привыкли своих председателей, назначенных райкомами партии, видеть на машинах и в кабинете, ну еще на собраниях, рядом с районным начальством, а Ильин, как кузнецик, прыгает по полям-лугам, бригадам, разбросанными на порядочное расстояние от центральной бригады в Воробьях. Колхоз считался в районе не бедным, но и не образцовым — сюда не привозили туристов и гостей из «соцстраха». Деревеньки бедные, приземистые, постройки ветхие, с залатанными крышами, вот задумал председатель возвести типовой скотник, так и то пришлось нанимать людей со стороны, потому что свои будут строить сто лет и тяп-ляп. Нет у людей никакого стимула к работе, а на лозунгах теперь далеко не уедешь, особенно после хрущевской кукурузы, гибели скота и вырубки фруктовых деревьев. Кукуруза сроду в этих краях не росла, а заставляли сажать ее на лучших площадях. Крестьян не обеспечивали покосами, по указанию райкома отводили им неудобные, заболоченные места. Ильин, правда, разрешал своим колхозникам косить на лугах близ речки Воробей.

— Меня вот мучает, Вадим, — доверительно заговорил председатель. — Вот постройте вы скотник, запущу я туда дойных коров, но нет у меня уверенности, что будут они давать рекордные надои молока.

— Почему обязательно рекордные? — сказал Вадим. — Нормальные хотя бы удои брали вы от своих коров. Ну зачем эта показуха? Ради рекорда готовы на все, а взамен что? Одобрение равнодушного секретаря райкома и заметка в районной газете? Добьетесь рекорда, а потом все снова будет по-прежнему.

— Хуже будет, Вадим, — уронил Ильин. — Знаешь, что вчера произошло в соседней бригаде Груздина? Отели-

лась наша рекордистка, а молодой доярке нужно было в этот вечер обязательно на свидание... Вилами заколола теленка, выбросила на навозную кучу и убежала...

— Чужое добро-то, а не свое,— сказал Вадим.— Своего теленка никто не заколет, наоборот, в избу принесут, из бутылки молоком напоят, а государственного, значит, ничейного можно и забить. Душа-то не болит... Неужели вы, Дмитрий Евгеньевич, эту простую истину не усвоили? Чу-жо-е! Десятилетиями люди работают на неизвестного им «дядю Государство» и не понимают, зачем они это делают? Когда можно выращивать поросят, свиней, овец, домашнюю живность у себя на участке, а им нужно все это бросать и бежать в бригаду, где все чужое, не близкое, не родное. И где один работает на совесть, второй — спустя рукава, а третий вообще не вышел — в запое... Приедет секретарь райкома и заявит на собрании, мол, дорогие товарищи колхозники, правительство вынесло постановление сдать на мясокомбинат весь скот. Теперь ваш колхоз будет выращивать на полях, например, лен. Стране необходимо стратегическое сырье. А завтра еще чего-нибудь похлеще придумают... Не верят люди партии, правительству, его некомпетентным вождям. Не верят, но молчат. И из-под кнута выходят на бесполезную работу, от которой все равно никакого толку.

— Ты что же, против колхозов? — покосился на него Ильин.

— Я против профанации, вранья, что колхозный строй — это единственно правильный путь к изобилию. Где оно — изобилие? Там, у них, у которых нет колхозов-совхозов, где люди работают на себя и вместе с тем на народ, на государство, где дуракам долго у власти никак не удержаться — сметут, прокатят на выборах. А у нас? Любой идиот будет сидеть на троне до самой смерти или тайного дворцового переворота. А вместо него придет еще более невежественный и, чтобы чем-то проявить себя, «войти в историю», нагородит еще более ужасное для народа, народного хозяйства и всей страны... Сколько уже раз такое было?

— Я как-то об этом не думал...— покачал головой Ильин.

— Об этом мало кто думает,— ответил Вадим.— Даже думает,— подчеркнул он.— А попробуй громко заговори? Тут же, как сумасшедшего, упекут в дурдом.

— Ты считаешь, что всю землю нужно отдать крестьянам? Или продать?

— Они даром не возьмут ее и тем более не купят. Не возьмут потому, что на земле нужно работать, по-про-

стецкому вкалывать, как вкалываем мы у вас, а крестьяне от настоящего земледельческого труда, когда работали на себя от зари до зари, давно отвыкли. За годы советской власти их отучили работать, вынули из них душу, они ведь в колхозах-совхозах отбывают трудовую повинность. А не купят землю еще и потому, что беднее на земле нет человека, чем русский крестьянин. В каких домах они живут! Это же развалюхи. А как одеваются? Какая у них мебель, утварь? Бездарный, почти дармовой колхозный труд на «дядю Государство» развратил их, лишил трудового стимула, желания что-то придумать, создать, что-то вырастить и продать. Крестьяне забыли, что такое рынок, не имеют лошадей, которых уничтожили. Русские крестьяне не живут, а прозябают, вот почему молодежь бежит в города, а старики и старухи в нищете и безысходности дотягивают свой век, стараясь себя не перенапрягать, мол, нам больше всех, что ли, нужно?..

— Ты нарисовал такую картину, что, как волк на луну, завывать хочется,— угрюмо проговорил Ильин. На загорелое лицо набежала тень.— А ведь правда, я не знаю ни одного сельского жителя, который бы имел собственную лошадь. А при наших дорогах без лошади гибель. Весной и осенью и на тракторе не проедешь. Вот, наверное, почему крестьяне из глубинки ничего не производят на рынок — все излишки сдают за гроши государству: молоко, мясо, телят, картошку. Без лошади ничего от нас не вывезешь на рынок. А колхозный транспорт хилый и себя-то не может обслужить.

— Кто отдал приказ на селе уничтожить лошадей? — сказал Вадим.— Сотни миллионов российских лошадок-кормилиц пошли на бессмысленный убой. Ликвидировались конные заводы, малую толику оставили лишь для кавалерии Буденного. А приказ такой еще до войны дало правительство из Москвы. Это ли не злодейский удар по крестьянину?

— Можно подумать, что все это специально делалось?

— У меня в этом нет никаких сомнений,— сказал Вадим.— Так считали мой отец и дед.

— Но зачем это нужно было? — спорил Ильин.— Ведь рубили сук, на котором сидели!

— Планомерно уничтожали русское крестьянство: продразверстками, голодом, коллективизацией, драконовскими законами, лишаящими сельского жителя даже паспорта. Ведь вся сила России была в крестьянстве, вот эту силу и нужно было кому-то уничтожить.

— И уничтожили,— вынужден был согласиться председатель.— Тому я свидетель. Нет в колхозе ни одного крестьянина, который бы честно работал, так — спустя

рукава... И если бы город не посылал на уборку урожая людей, то мы никогда бы сами не собрали и трети урожая.

— Крестьянина растоптали, убили и одному Богу известно, когда он снова возродится,— сказал Вадим. Его уже утомил этот бессмысленный разговор. Ну почему он, Белосельский, все это видит и понимает, а даже такие неглупые образованные люди, как Ильин, сомневаются, боятся пошире раскрыть глаза и что-то сделать, изменить... Впрочем, тех, кто пытался, быстренько раньше подбирали и навсегда затыкали свинцом рот...

Уже несколько минут в уши назойливо лез нарастающий металлический грохот приближающегося трактора. Гусеничный ДТ-54 приближался к строительной площадке со стороны деревни. Вот он резко свернул с проселка и попер по зеленой целине с белыми одуванчиками, прямо к строящемуся скотнику. В кабине через пыльное стекло был виден тракторист в клетчатой рубашке и с русым чубом, дрожащим у самых глаз.

— Вася Петрищев,— взглянув на грохочущий трактор, недоуменно заметил председатель.— Чего он сюда тащится? И без прицепа? Я его послал в соседнюю бригаду навоз вывозить из свинарника.

Что-то не понравилось Вадиму в целеустремленном движении трактора к скотнику, так танк идет, все сминая на своем пути, в атаку, по крайней мере в виденных когда-то военных фильмах. Вот под поблескивающие гусеницы подвернулась черная глыба вара в разодранной бумажной упаковке и с хрустом раскрошилась.

— Пьяный, что ли? — вырвалось у Вадима.

— Ошалел, мудака! — побагровел председатель, однако даже с места не сдвинулся.

А гусеницы трактора уже перемалывали аккуратно сложенные на лужайке только что привезенные желтые рамы для окон. Ничего не подозревающие Селезнев, Поливанов и Алексей Сапогов — четвертый член бригады,— работали внутри недостроенного скотника. Трактор-танк с ревом полз на стену.

— Ребята, уходите! — что было мочи крикнул Вадим и, перепрыгнув через железный контейнер, бросился к трактору. Ильин растерянно топтался на месте и смотрел вслеп. Видно, реакция у председателя была замедленной, он лишь после того, как Вадим, рискуя попасть под гусеницу, распахнул железную дверцу в кабину, тоже потрусил к трактору. А тот упрямо надвигался на белую, сложенную из кирпичей стену скотника. Селезнев и Сапогов выскочили оттуда, а Поливанов не успел. У Вадима уже не было никаких сомнений, что тракторист

задумал разрушить помещение. Он выдернул тракториста из кабины как раз в тот момент, когда грохочущая железная махина врезалась в стену рядом с дверным проемом и проломила ее. Тракторист вместе с Вадимом откатились в сторону от осыпающихся кирпичей, а трактор без водителя исчез в скотнике и, разрушив другую стену, в белой пыли прополз еще несколько метров и уткнулся в высокий штабель необрезанных досок. Силенок сдвинуть их у него уже не хватило и он, несколько раз дернувшись, со всхлипом заглох, вырыв гусеницами неглубокую траншею. Вскочив на ноги, Вадим рывком поставил круглолицего парня с бегающими покрасневшими глазами на ноги и ударил в лицо, не дав ему упасть, наотмашь ударил еще несколько раз. Голова с закрытым глазами чубом безвольно мотнулась в одну-другую стороны. Пахнуло самогонным духом.

— Ублюдок, что ты натворил?! — сквозь зубы цедил взбешенный Вадим.

К ним подбежали председатель и бригадир, Вадим опустил занесенный кулак.

— Он же пьяный, Вадим! — сказал Ильин.

— А что, это его оправдывает? — резко повернул к нему голову Вадим. — Пьяному все можно?

— Колхоз все оплатит... — продолжал председатель, переводя взгляд на тракториста, держащегося за вздувшую щеку, один глаз у него заплывал синевой, а из носа текла кровь. — Из зарплаты этого урода! — Ударение председатель сделал на первом слоге.

— А где Игорь? — завертел головой Вадим, не видя приятеля. Отпустив тракториста, он бросился в разрушенный скотник, над которым еще клубилась желтоватая пыль. Поливанов он нашел сидящим на еще влажном полу и ощупывающим голову, одна нога его была неестественно подвернута, волосы и лицо присыпаны белой крошкой.

— Это что, землетрясение? — проговорил он, моргая и глядя снизу вверх на Вадима.

— Хуже, — сказал тот, протягивая руку. — Встать можешь?

Поливанов с трудом поднялся, но ступить на правую ногу не смог, нагнулся, ощупал колено, бедро.

— Атомная война? — попытался улыбнуться Игорь Владимирович, но тут же скривился от боли. — Перелома вроде нет...

Обняв за плечи, Вадим вывел его на залитую солнцем строительную площадку. Председатель что-то выго-

варивал безучастно стоящему перед ним трактористу, Селсзнев и Сапогов сидели на досках и курили. Лица их были мрачны.

— Надо вызвать «скорую»,— сказал Вадим, усаживая белого как мел Игоря на круглый чурбак, на котором они ножовкой пилили доски. Нога у Поливанова, очевидно, опухала. Он поднял голову и обвел всех затуманенным взглядом.

— Вот всегда так,— проговорил он.— Всем ничего, а мне обязательно достанется. Рок какой-то. Что же все-таки произошло? Я так и не понял.

— Спроси у этого подонка,— кивнул на прислонившегося к бумажным мешкам с цементом тракториста Вадим.— Он чуть было всех вас в скотнике на тот свет не отправил!

— За что? — поднял глаза на парня Поливанов.— Что мы тебе плохого сделали?

— Строят тут, мельтешат, а народ недоволен,— вдруг заговорил тот.— Вам платят тыщи, а нам на выпивку не хватает. Тебе говорили, Дмитрич,— бросил он взгляд на председателя,— не нанимать в этом году городских?

— Что он мелет? — пожал плечами Ильин.— Уж лучше бы ты, урод, помалкивал.

— Я что? Я как все. А народ против шабашников...

— Надо сдать в милицию,— бросил взгляд в сторону председателя Вадим.

— У меня уже механизаторов раз-два и обчелся...— неуверенно возразил Ильин.— Мы его проработаем на собрании, оштрафуем...

— Я чего? Я ничего,— обеспокоенно завертел головой тракторист.— Мужики сказали, я и... покатыл. Обещали подсобить, да их нету тут.

— Сообщите в милицию,— твердо проговорил Вадим,— не то я его сам отвезу в город. Это же преступник, почти убийца!

— Да он пьяный,— вяло заметил председатель.

Вадим даже не посмотрел на него. Молча подошел к своей машине, стоявшей под толстой березой, открыл багажник, достал толстый капроновый шнур, который вшил вместо буксирного троса, вернувшись, связал за спиной руки ошалело подчинившегося ему парня и повернулся к председателю:

— Готовы прикрыть его? У вас механизаторов не хватает, да? Готовы бандитам доверить любую технику? Он же человека покалечил! Я его сам отвезу в милицию или прокуратуру, эта сволочь получит срок!

— Вы что, малыцы? — заскулил вдруг Вася Петрищев и даже ладонью слезу смахнул — Меня свои, говорю, попросили пугнуть вас отсюда... Сами, коли надо, скотник сварганим за такие шиши! Поставили бутылку первача, ну я и хотел пугнуть...

— Пошли, пугало,— повернул его к машине лицом Вадим.— Там все расскажешь. Наш мягкосердечный председатель пожурит тебя и отправит на этом же тракторе в бригаду навоз возить, а мы для него кто? Рабсила со стороны и больше ничего.

— Да что такое дается? — ныл Вася, подталкиваемый Вадимом в шею.— Связали, как разбойника...

— Ты еще хуже, выродок! — дал ему ногой пинка в зад Вадим.— Если тебя не посадят в тюрьму, то я сам тебя изуродую, как Бог черепаху! Чтобы навек запомнил, мразь!

— Вадим, возьми и меня с собой? — попросился Поливанов. Брючина на ноге натянулась, губы посинели, глаза еще глубже ввалились. И Вадим даже чертыхнулся про себя: про хулигана подумал, а про раненого приятеля забыл! Он ведь раньше, чем придет сюда «скорая», довезет его до поликлиники или больницы. Затолкнув тракториста на заднее сиденье, он вернулся за Игорем. Взял его на руки в охапку и, как младенца, донес до машины. Прежде чем сесть за руль, крикнул попурившемуся председателю:

— А участкового обязательно вызовите, пусть составит акт и прочес...

10. Пулковский меридиан

Моросил мелкий осенний дождь. Он оседал на лице как липкая лесная паутина, будто клейким лаком покрывал волосы на голове, впиваялся в одежду. Было холодно и неуютно под низким пепельно-серым небом. Взлетно-посадочные железобетонные полосы блестели, будто подернутые тонким слоем льда. Казалось, что спаренные широкие колеса самолетов с извилистым протектором должны скользить как по катку, тем не менее лайнеры, немного с ревом пробежав по земле, начинали резко и шумно тормозить и их даже не заносило. Облака белесого тумана сопровождали их до самой остановки. С того места, где стоял в черном плаще простоволосый Вадим, летное поле просматривалось почти полностью. По бетонным дорожкам к еще горячим загнанно дышащим самолетам спешили издали похожие на гигантских шершней желто-оранжевые бензозаправщики, еще какие-то небольшие, напоминаю-

щие электрокары, машины. Ватное небо над головой гудело от рева и рокота взлетающих и садящихся в Пулковском аэропорту самолетов. «Ту-104», рейс 112, запаздывал на полчаса, о чем бодро сообщила по трансляции дикторша. Он вылетел из Ашхабада, где ярко светило солнце, зеленели сады и было 30 градусов тепла.

Из Великополя Вадим вернулся в начале сентября. Осень в тех краях выдалась дождливой, да и отношения с местными и председателем колхоза «Ильич» стали более чем прохладными. И тем удивительнее было то, что Игорь Владимирович Поливанов остался неизвестно на какой срок в деревне. В больнице, после той истории с трактором, свернувшим полскотника, он пролежал две недели — у него было сильно разбито колено и вывихнута лодыжка. Когда Вадим уезжал, Игорь еще сильно прихрамывал. Был суд, и трактористу Василию Петрищеву дали два года за злостное хулиганство, так судья квалифицировал его дикий поступок. Наложили на него и штраф за нанесенный ущерб. Вернувшись из больницы, Поливанов еще с месяц поработал с бригадой, а потом неожиданно для всех решил остаться в колхозе. Он неплохо разбирался в технике и председатель Ильин оформил его механизатором в колхозную РТС, пообещал отремонтировать нежилой дом с заколоченными окнами и отдать его в полное распоряжение Поливанова. Старуха, жившая в нем, недавно умерла, а наследников у нее не оказалось.

— Я здесь будто заново родился,— прощаясь с Вадимом, сказал Игорь Владимирович. — Совсем не тянет на выпивку, хорошо сплю, и сны мне снятся хорошие... На днях видел в сумерках над рощей летающую тарелку. Она повисела над речкой и стремительно ушла в небо. А я почувствовал приятное тепло, будто меня кто-то погладил по лицу пуховкой.

— Что же меня не позвал? — спросил Вадим.

— Все это было так быстро... И потом, в такие вещи ведь никто не верит. Небось сам читал, как наши ученые называют все это глупыми фантазиями и чушью. Мол, нет никаких НЛО, это обыкновенные атмосферные явления, которые происходят в природе не так уж редко. А сами до сих пор не могут объяснить, что же такое шаровая молния?

— А ты можешь объяснить?

— Я думаю, что это как-то связано в НЛО, внеземными цивилизациями,— очень серьезно заявил Игорь Владимирович. — Это их энергетические посланцы. Сгустки внеземной энергии. Возможно, исследуют нашу ат-

мосферу, предметы. Мне ведь повезло, лет пять назад на Ладого я вблизи наблюдал за шаровой молнией размером с теннисный мячик. Мог дотронуться до нее.

— И она взорвалась?

— Нет, прошла сквозь стекло и растворилась в воздухе. Это было на турбазе. На стекле осталось несмываемое оранжевое пятнышко. Я позвонил в НИИ, просил приехать и обследовать оставленный след, но меня только на смех подняли...

Игорь Владимирович окреп, посвежел лицом, в глазах появился блеск, он стал больше следить за собой: купил недорогой шевиотовый костюм, рубашки, обувь. В общем, на глазах спившийся, опустившийся человек возвращался к жизни. И окончательно сразил Вадима тем, что заработанные в колхозе деньги положил на сберкнижку. Не пошел даже вместе со всеми в ресторан отметить окончание работы в колхозе «Ильич». Несколько раз Вадим видел его прогуливающимся в сторону березовой рощи с недавно приехавшей в Воробьи учительницей. Невысокая, ничем особенно не выделяющаяся женщина лет тридцати. Вадим постеснялся спросить, что у них за отношения, а Поливанов тоже на эту тему не пожелал распространяться. Вадим от всей души пожелал приятелю удачи...

По радио наконец объявили о посадке ашхабадского самолета. Вадим услышал далекий гул, из серой мглы над шоссе Ленинград-Киев совсем низко выпрыгнул серебристо-ртутный ТУ, шасси уже были выпущены, рев турбин приглушен. Вот его растопыренные, как ноги орла, шасси коснулись мокрой бетонной полосы, вмиг окутались туманным облаком, задрожали от напора воздуха выпущенные подкрылки, и самолет стал тормозить. В круглых тускло освещенных иллюминаторах видны бледные пятна лиц.

... Она спустилась по трапу вместе с двумя другими стюардессами. Все три высокие, стройные в своих форменных пальто с золотыми нашивками на рукавах. Две девушки были в синих беретах, на которых сразу же заискрились дождевые капли, а Аэлита без головного убора. Ее золотистые волосы спускались на плечи, в руке покачивалась спортивная сумка. Вот она остановилась рядом с трапом, повернула голову и что-то сказала выгнувшемуся из черного проема люка, очевидно, пилоту, тот улыбнулся и помахал ей рукой. Чуть отстав от подруг и не глядя по сторонам, Лина медленно шла по мокрому асфальту. Вот от ветра распахнулась пола пальто, мелькнули стройные ноги в капроновых чулках, стального цвета короткая юбка... Он вспомнил, что чуть выше

круглого колена у нее остался тоненький беловатый шрам — след гвоздя, на который она напоролась на рыбалке... Вадим почувствовал, как гулко застучало сердце, он даже несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул из себя влажный воздух, так он иногда делал на соревнованиях перед ударом гонга. Конечно, она не видела одинокую застывшую у служебной металлической калитки фигуру с поднятым воротником плаща и слипшимися темно-русыми волосами. Эта фигура сливалась со стволом черного тополя с еще зелеными, но уже изъеденными по краям листьями, с которых срывались тяжелые капли и звучно шлепались на опавшие вокруг листья. Их много валялось под ногами.

Услышав свое имя, она сначала даже не замедлила шаги, наверное, имя «Аэлита» она слышала редко — все звали ее Лина. И, конечно, она сразу сообразила, еще не видя его, кто мог ее так назвать. Выйдя с летного поля за ограду, она завертела золотоволосой головой (и он в который раз пораился, какие у нее огромные глаза) и наконец увидела его под тополем. Секунду они смотрели в глаза друг другу, никто первым не хотел отвести свой взгляд. Глазами они сейчас сказали больше, чем потом словами.

— Ну вот, дорогой мой, мы и встретились... — выдохнула она. Голос ее немного сел, был не таким звонким, как раньше. — Здравствуй, Вадим!

— Здравствуй, Аэлита! — эхом откликнулся он, делая к ней первый шаг. Она же не двигалась с места. Стояла высокая, немного пополневшая, что ей очень шло, и смотрела своими громадными голубыми глазами на него. Подкрашенные губы тронула легкая, как тень, знакомая до боли улыбка. А у него мелькнула мысль: пока он жив, никогда больше не допустит, чтобы эта красивая женщина от него ушла. Уж в этом он сейчас был уверен, как и в том, что снова обрел ее — свою судьбу, как внушила ему небесная Аэлита. И если есть Бог на свете, то и он не допустит того, что произошло тогда в Великополе...

— Если бы ты не пришел — я сама бы пришла к тебе, — произнесла она, голос стал звонче, увереннее. Голубизна в глазах превратилась в синеву. Она продолжала со смешанными чувствами вглядываться в него — тут были и радость, и тревога, и нежность. — Когда я прилетала в Ленинград, то еще с трапа всегда высматривала тебя в толпе встречающих, а сегодня я почему-то даже не вспомнила о тебе... Да, мы же опоздали.

Это была прежняя Лина, которая никогда ни к кому не подлаживалась и говорила в глаза все то, что думала.

Даже неприятные вещи. Он отобрал у нее сумку, взял под руку и повел по залеplенной опавшими листьями асфальтовой дорожке к своей машине, поставленной на стоянке. Пассажиры уже тянулись с вещами к автобусам и такси. На сумках и чемоданах трепетали аэрофлотовские бирки на нитках. А над аэродромом нарастал могучий гул набирающего обороты для разбега очередного самолета. И он помчался, подрагивая крыльями, по взлетной полосе. За ним гналось туманное облако, шасси, казалось, вцепились в бетон и ни за что не отпустят его, но вот рев стал глуше, заостренный нос лайнера задрался, и самолет оторвался от взлетной полосы.

— Мне нужно в диспетчерскую... — сделала попытку остановиться Лина, но Вадим решительно увлекал ее к «Жигулям».

— Ты больше не будешь летать, я слышал, самолеты иногда разбиваются,— говорил он, одной рукой открывая ключом дверцу, другой придерживая ее за локоть. — Не твое это дело летать за облаками и носить на подносе нарзан и бутерброды пассажирам... — он передразнил: «Застегнуть ремни — расстегнуть ремни! За бортом — минус пятьдесят, на борту — плюс двадцать, граждане пассажиры...» Подумаешь, небесная дива!

— Продолжай, продолжай, я давно ни от кого не слышала ничего подобного,— улыбнулась она. Хотя и прилетела со знойного юга, лицо ее, обрамленное влажными золотистыми волосами, было матово-бледным, а под глазами голубели круги. Видно, длительный полет ее утомил.

— Где твой дом, Аэлита? — усаживаясь рядом с ней за руль, спросил он.

— Не знаю, дорогой,— ответила она, глядя, как «дворники» сгребают капли со стекла с трещинкой от удара маленьким камнем. — У меня дома нет, я ведь перелетная птица. Последнее мое гнездо в общежитии стюардесс в Москве, вернее, во Внукове.

— Завтра же поедем туда и заберем твои вещи,— сказал он.

— Ты хотя бы спросил: хочу ли возвращаться к тебе?

— Ты уже вернулась... домой.

— Нина Лунева из Великополя, помнишь мою подругку из нарсуда?

— Помню,— пробурчал он, выводя машину на дорогу, ведущую к шоссе Ленинград—Киев. Сейчас ему не хотелось, чтобы она увидела его лицо. Нина Лунева отодвинулась в космическую даль, как пролетевшая в видимости Земли комета.

— Нина написала мне, что ты был у нее и спрашивал про меня... А свой адрес ей не оставил. Может, я тебе написала бы.

— Какое все это имеет теперь значение? Ты со мной — это главное.

— Вадим, нельзя же вот так сразу все решать за нас обоих? Я еще не опомнилась, мне нужно было в диспетчерскую, у меня завтра рейс...

— Все, милая, отлеталась, — серьезно сказал он. — Тебе не восемнадцать лет, чтобы наслаждаться воздушной романтикой.

— Я уже старшая стюардесса и могу общаться с иностранцами на английском, — похвасталась она. — И летать мне нравится... Вернее, нравилось, я стала что-то уставать от этого чередования временных поясов, появилась бессонница, головные боли...

— Вот видишь! — вставил он.

— Часто стала думать на работе о тебе...

— Только на работе?

— И днем и ночью...

— Я — тоже, — улыбнулся он. — Особенно ночью.

— Ты все такой же неугомонный?

— Лина, я не могу без тебя, — сказал он. — И больше мы никогда не будем расставаться.

— Не зарекайся, милый!

— Я не хочу, Лина, чтобы моя жена на этой проклятой работе постепенно превращалась в мужчину... Ты не научилась курить?

— Продолжай, я слушаю.

— Муж должен работать, обеспечивать семью, а жена — вести дом и воспитывать детей... Не улыбайся! В нашем отечестве эти элементарные истины начисто забыты. Я тут прочел «Домострой»... Какие-то сволочи постарались эту замечательную книгу превратить в сознании людей в символ мужской рабовладельческой тирании! Это гнусная ложь!

— Передохни, дорогой, не слишком ли много информации на мою бедную голову после столь длительной разлуки?

— Я просто повторяю все то, что уже мысленно не раз говорил тебе...

Она сбоку посмотрела на него. Темно-русая прядь спустилась на висок, губы крепко сжаты, глаза чуть прищурены. И даже памятка нет на улыбку.

— Боже, Вадим, у тебя появились седые волосы! — воскликнула она, дотрагиваясь до его чисто выбритой щеки.

— Как ты думаешь, отчего это? — глядя на дорогу, спросил он.

— Меня тоже Бог наказал,— помолчав, негромко произнесла она. — Я разочаровалась в рок-музыке и в ее крикливых исполнителях...

— И в Томе Блондине? Как он, все еще поет?

— Милый, давай сразу договоримся: ты никогда не будешь напоминать мне о том, что произошло? Иначе у нас ничего не получится. Что было — то было, и уже ничего не изменишь, видишь, я тоже говорю избитые истины... Может, нам и нужно было пройти через это... — она дотронулась до его колена. — Ты ведь тоже не безгрешен?

«Неужели знает про Нину Луневу? — Впрочем, без всякого сожаления подумал он. — Господи, помоги придушить в зародыше ростки ревности! Если думать, что у кого и с кем было, можно с ума сойти!..»

— Ну, что же ты молчишь?

— Ладно, договорились,— уронил он, резко выворачивая руль, чтобы не наехать на подвыпившего пожилого мужчину, который, не глядя по сторонам, стал нахально переходить проезжую часть шоссе перед Средней Рогаткой.

— Знаешь, о чем я сейчас подумала? — снова схватила она его за колено. — Ты ведь мог снова жениться! Что бы я тогда делала?

— Летала,— улыбнулся он. — Ты ведь знаешь, я бы никогда не женился на другой, так же как и ты снова не вышла бы замуж.

— Ты все такой же самоуверенный!

— Я разговаривал с Аэлитой... Той, с золотыми глазами и зеленым лицом. Она сказала, что ты — моя судьба.

— Поэтому ты и стал меня искать?

— Я люблю тебя, Лина, но...

— Ты хочешь сказать,— перебила она,— что подобного проступка ты мне больше не простишь?

— Подобного просто больше не будет,— сказал он. К стеклу бабочкой прилепился слетевший с придорожного дерева красноватый лист.

— Не будет... — эхом откликнулась она.

— Ты, наверное, права... Это было испытание свыше.

— Ты не усомнился в реальности своих странных видений?

— Они существуют... эти видения... и им наплевать, сомневаемся мы или верим.

— Я много летала, но ничего такого удивительного ни разу в небе не увидела,— сказала она. — Хотя девочки

и пилоты рассказывали, что встречались с неопознанными летающими объектами, ну те, которые летали больше меня.

— Они-то верят?

— Не знаю... Был во Внуково приглашен какой-то умный из Академии, он разъяснил нам, что это — искаженное восприятие атмосферных явлений... Кто же будет возражать академику?

— С академиками спорить трудно... — насмешливо произнес он.

— Две мои приятельницы берут в рейсы образки святых великомучеников...

— А ты?

— У меня — золотой крестик, — дотронулась она до оттопырившей пальто высокой груди. — И он освящен батюшкой.

Перед ними открылась Площадь Победы, два многоэтажных серых здания с лоджиями будто распахнули объятия, встречая потоки транспорта, вливающиеся в широкий Московский проспект. На крышах зданий красные полотнища с надписями: «Наш путь — это путь к коммунизму!» и «Партия — это ум, совесть и честь народа!». С другого здания гордо смотрел огромный бровастый генсек Брежнев с Золотыми Звездами Героя на жирной груди, на туповатом грубом лице хитроватая усмешка, вот, мол, как я высоко вознесся, выше всех нерукотворных памятников великим писателям-поэтам...

— Вот кому в нашей стране лучше всех живется! — кивнул на ухмыляющийся портрет, залепивший почти всю стену здания, Вадим. — И, конечно, его приятелям и родственникам.

— Галя Брежнева летела нашим рейсом Москва-Симферополь с компанией мужчин. Они заняли весь отсек у кабины пилотов и пьянствовали весь рейс. Вокруг нее увивался черноволосый красавчик с завитыми кудрями, с золотой цепью на шее и с бриллиантовыми перстнями на пальцах. А эта уродина Галя лакала коньяк и шампанское, как лошадь. Кстати, кудрявый красавчик дал мне свой московский телефон и просил «звякнуть».

— Ну и... звякнула?

— Я тут же выбросила бумажку, мне такие сладкие типчики не нравятся. И вообще, мой дорогой, я не заходила в самолетах романов... Ты мне веришь?

— Конечно, — ответил он. Лина никогда не была падкой на знаменитостей и всесильных начальников. Больше того, у ней к ним всегда было полупрезрительное отношение. «А Том Блондин?» — мелькнуло в голове. Бард

Том Блондин очаровал Лину не тем, что он звезда рока, а чем-то другим: своим сатанинским видом, эксцентричностью, гипнотическим взглядом. Кстати, рок-звезда его вроде бы закатилась, о нем перестали писать в печати, показывать по телевидению и передавать по радио, его пронзительный голос теперь редко можно было слышать. Нина Лунева в последнюю встречу что-то рассказывала о скандальной истории, происшедшей с Блондином в Баку. Он и там кого-то попытался в номере гостиницы соблазнить, вышел скандал и азербайджанцы, в отличие от мягкосердечных русских, быстро поставили его на место и, изрядно избитого, с треском выставили из своей республики, сорвав гастроли. После этого скандала о нем и замолчали.

— Ты знаешь, я согласна, — нарушила молчание Лина. Глаза ее были устремлены на дорогу, лоб нахмурен, длинные пальцы теребили полу пальто.

— Что — согласна? — не понял он. Однако в этой простой фразе таился некий глубокий смысл.

— Я рожу тебе сына, — сказала Лина.

Он левой рукой привлек ее к себе и поцеловал в висок, первый раз с момента встречи в аэропорту Пулково.

— И дочь, — прибавил он.

— И дочь... — тихо подтвердила она.

Часть четвертая

1987 год

Божья кара

*Не думайте, что Я пришел принести мир на землю;
не мир пришел Я принести, но меч.*

Евангелие от Матфея

*Добру и злу дано всегда сражаться.
И в вечной битве зло сильнее тем,
Что средства для добра не все годятся,
Меж тем как зло не брезгает ничем.*

Мирза Шафи

1. Маша и Дима

Шестилетний мальчуган с русой головой, в вельветовой курточке и коротких штанах, сидел на низкой скамейке и ножницами вырезал из старого «Огонька» голову умершего Андропова. Грузный генсек стоял в толпе приближенных в Георгиевском зале Кремля на какой-то праздничной церемонии. Его мало-выразительное лицо в очках с толстыми стеклами, начисто скрывающими глаза, равнодушно смотрело в объектив. Рядом Громыко, Черненко, Романов, Алиев, Щербицкий и другие деятели, фамилии которых мальчик не запомнил, а читал он еще плохо. Да и запомнить их было мудрено: они все были на одно лицо, одинаковые позы, одинаковые дежурные улыбки, одинаковая плотная комплекция. Так цыплята в курятнике похожи один на другого. Вырезав голову, он помазал ее с обратной стороны клеем из тюбика и старательно наклеил на черную пластмассовую фигурку известного клоуна Юрия Никулина. Голова бывшего генсека закрыла улыбающуюся физиономию артиста и его плоскую шляпу. На костюм мальчик старательно приклеил две Золотые Звезды Героя, нарисованные им заранее и покрашенные бронзовой краской. Повертев фигурку в руках, он довольно улыбнулся и положил ее в коробку рядом с другими пятью фигурками. Это тоже были скульптурки Никулина с лицами Ленина, Сталина, Булганина, Хрущева, Брежнева, Черненко, Горбачева. Пять золотых звезд не поместились на куриной груди клоуна с лицом верного ленинца, пришлось одну приклеить на живот. У Ленина красовался на пиджаке крошечный орден Красного Знамени. Горбачев был без орденов.

Мальчик положил Андропова между Брежневым и Черненко, в большой продолговатой коробке из-под маминых сапог оставалось еще место как минимум для двоих. Он закрыл коробку крышкой с иностранной надписью, сверху водрузил еще несколько раскрашенных коробок мал мала меньше и поставил все это сооружение па тумбочку возле своей кровати. Теперь все хитрое сооружение напоминало мавзолеев на Красной площади. Коробки были покрашены в розовый цвет, на нижней приклеена узкая черная полоска с надписью «Ленин».

— Любуешься на свой мавзолеев? — сказала высокая большеглазая девочка с длинными светлыми волосами, незаметно появившаяся на пороге комнаты.

— Надо папу попросить, чтобы он мне еще одного Никулина купил,— задумчиво произнес мальчик, не спуская взгляда с мавзолея.

— А зачем ты положил туда Горбачева? — спросила девочка.— Он ведь живой и у него нет ни одной Звезды Героя.

— Ладно, я проткну сверху па мавзолею и поставлю его туда одного, пусть стоит,— подумав, решил мальчик.

— Наша учительница Сусанна Соломоновна сказала, жалко, что Андропов так быстро умер, он бы навел в стране порядок,— проговорила девочка, усаживаясь на кушетку с ковровой подушкой.— Он всех крупных жуликов знал, потому что работал в КГБ.

— КГБ? — наморщил выпуклый белый лоб мальчик.— А что это такое?

— Это такое место, где расстреляли наших дедушку и бабушку, — объяснила девочка, и сама-то не очень много знавшая об этой страшной организации. — Папа называет КГБ органами.

— А мама Андропова ругала, когда ее в парикмахерской дяденьки задержали и стали требовать документы: почему она не на работе.

— А вот Горбачева хвалят, — сказала девочка. — Он самый молодой в Политбюро и симпатичный, а главное, говорит без бумажки. Все с бумажками, а он без. Только вот на голове у него какая-то красная штука.

— Мама говорит, что это какой-то знак... Забыл какой?

— Напоминает Северную и Южную Америку, — заметила девочка. — Костя Ильин на уроке географии так сказал и ему двойку учительница вклеила.

— Папа говорит, что он больше печется о себе, чем о народе,— заметил мальчик.— Мама еще говорит, что он — большой артист. Заигрывает с народом, общается с ним и всем говорит одно и то же, не слушая вопросов, а охранники подпускают к нему только подготовленных, проверенных. Я запомнил одного такого, высокого и тоже лысого, он все время рядом с Горбачевым и головой вертит во все стороны.

— И охота тебе политикой заниматься? — с улыбкой посмотрела на него девочка. — Все вокруг только и говорят о выборах, Верховном Совете, разоружении, перестройке... Надоело! Две девочки из нашего класса курят во дворе сигареты вместе с мальчишками на переменах.

— Кури и ты, — хмыкнул мальчик.

— Я попробовала и меня начало тошнить, — призналась она. — Родители не курят и мы с тобой не будем, да?

— По телевизору показывали «токсикоманов», — с трудом выговорил последнее слово мальчик. — Нюхают с полиэтиленовым мешком на голове клей «БФ» и еще какую-то гадость. А некоторые идиоты выбривают макушку и капают на нее отравой для мух и клопов. Они что, сумасшедшие?

— Я всех их ненавижу! — со злостью вырвалось у девочки. — Ходят группами, громко орут, всех на улице толкают, к девочкам пристают и от них... дурно пахнет! — она брезгливо наморщила маленький прямой нос.

Маше в этом году исполнилось тринадцать лет, она училась в шестом классе, а брат ее — Дима — еще в школу не ходил, но уже умел читать, писать, считать. На будущий год он пойдет в первый класс. Брат и сестра не были похожи друг на друга: Маша уродилась в мать, а он — в отца, будто их сделали по заказу. У Маши густые, чуть светлее, чем у матери, волосы, крупные ярко-синие глаза, стройная худенькая фигура с уже наметившимися маленькими грудями. Дима русоволосый, сероглазый с выпуклым лбом и пухлыми губами. Для своего возраста высокий. Никогда не тяготился одиночеством, охотно один оставался дома. Еще трудно было сказать, каким он вырастет, но уж точно не слабаком. Пока его не тянуло к спорту, разве что летом иногда гонял с мальчишками во дворе мяч, ему нравилось забивать голы, а стоять в воротах не любил. Ворота были нарисованы углем на глухой желтой стене. Посередине кто-то пририсовал волка из серии «Ну, погоди!». У волка была почему-то лисья морда. У него очень рано проявился интерес к политическим событиям в стране, вместе с отцом вечером упорно смотрел программу «Время», сам придумал коллекционировать генсеков: выискивал старые журналы, преимущественно «Огонек» — в нем больше, чем где бы то ни было, печатали групповые портреты политических деятелей, — и вырезал лики бывших и настоящих вождей. Доставал их из коробки-мавзолея, расставлял на полу, как стойких оловянных солдатиков, и играл с ними. Правда, все они были клоуном Никулиным, только лица разные. В отдельной коробке он хранил вырезанные из журналов портреты президентов и премьеров других стран, одной только Маргарет Тэтчер было десять штук, а Рейганов и того больше. Иногда с сестрой наведывался на улицу Петра Лаврова, где находилось американское консульство, и подолгу рассматривал стенды цветных фотографий американского образа жиз-

ни. Там все красиво, красочно, необычно. Совершенно не похоже на нашу действительность. Один раз подошел к постовому, дежурившему у проходной и поинтересовался, куда девают использованные фотографии со стендов? Милиционер, подумав, серьезно ответил, мол, назад в США отсылают с дипломатической почтой.

— Вот жадюги? — удивился мальчик.

В квадратную комнату с двумя высокими окнами через капроновые занавески пробивался сумрачный свет. Был конец сентября, еще на деревьях в сквере лопотали на ветру листья, их много валялось на детской площадке, прилипали они к чугунной ограде сквера, желтели на железных карнизах у окон. На тумбочке у кровати Маши в жестяной банке из-под растворимого кофе выглядывали несколько больших желто-красных кленовых листьев. Узкая тахта, на которой спал Дима, стояла у противоположной стены, рядом с книжным шкафом. В этой комнате, мама называла ее детской, брат и сестра жили со дня своего рождения. Во второй комнате помещались родители, но большую часть времени вся семья, конечно, проводила на кухне, где на холодильнике стоял небольшой цветной телевизор, а на буфете — транзисторный приемник «Вега». Кухня была большая, светлая, с квадратным обеденным столом у окна. Второй стол, с мраморной крышкой, был кухонным, над газовой плитой висел воздухоочиститель, который почему-то никогда не включали. На кухне всегда была открыта форточка и на карниз часто прилетали голуби, которых Маша подкармливала. Отец прикрепил за окном деревянную дощечку, на нее и высыпали крошки. Окно выходило в сквер, совсем близко качались на ветру липовые и тополевые ветви с побуревшими листьями. Летом деревья шумели, а зимой слышался костяной стук обледенелых ветвей.

Маша разложила на небольшом светлом письменном столе тетрадки и книжки. Она училась хорошо, хотя и не была отличницей, после обеда садилась за уроки, потом уходила к подружке, которая жила в соседнем доме с двумя башенками на крыше. Подружку звали Милой и она была на год старше Маши, училась в седьмом классе. Девочки любили кино и часто вместе ходили на дневные сеансы в кинотеатр «Художественный» или «Колизей» на Невском проспекте. Нравился им и «Молодежный» на Садовой улице. Иногда брали с собой Диму. Девочки, оживленно болтая, обычно шли впереди, а он плелся позади. Первое время Маша брала его за руку, но ему это не нравилось, он уже не маленький и не бо-

ялся потеряться. Мать заставила выучить наизусть адрес и номер домашнего телефона, случись что — не потеряется.

Отец каждое лето уезжал на полтора-два месяца на Псковщину, где набирал бригаду и строил в колхозах животноводческие помещения. В этом году он наконец смог купить на заработанные деньги видеомагнитофон с небольшим цветным телевизором. Первое время они всей семьей вечерами смотрели видеофильмы, но через полгода родители остыли. Во-первых, видеофильмы стоили очень дорого, во-вторых, много времени отнимало это занятие. Маша и Дима просили родителей каждый вечер включить им видик, но вскоре и им надоело смотреть «Белоснежку», «Алису», и «Барона Мюнхгаузена» — у них были только эти фильмы, не считая нескольких диснеевских «мультиков» с Томом и Джерри, забавным утенком Дональдом и смешным псом Плутто. Когда родителей не было дома, Дима и сам мог включить видик и вставить кассету, но смотреть одни и те же мультфильмы и ему наскучило, а фильмы для взрослых были малопонятными.

Мама попросила его и Машу не рассказывать, что у них видеомагнитофон, в Ленинграде орудовали банды воров, которые предпочитали главным образом забираться в квартиры с иностранной аппаратурой. У них, правда, были отечественный видеомагнитофон и цветной телевизор, но все равно болтать не следовало. По телевизору каждый день сообщали о кражах, убийствах, махинациях кооператоров и работников торговли. Писали об этом и в газетах. Дима ни разу еще не видел живого грабителя, разве что в кино. Неужели вор и бандит ничем не отличаются от обыкновенного честного человека? Те, которых показывали в зале суда, были такими же, как все. Мальчику казалось, что у преступников должно быть другое лицо, какой то таинственный знак, свидетельствующий о принадлежности этих отбросов общества к темным силам зла. Из разговоров родителей он усвоил, что ворье, бандиты, убийцы — это все порождения черных сил. У них другая мораль, взгляды на жизнь. Они лишь притворяются людьми, а на самом деле — нелюди, нечисть. Есть и в животном мире трудолюбивые пчелы, муравьи, а есть и крысы, клопы, колорадские жуки и другая мерзость. Одни создают, а другие пользуются готовым и разрушают все, к чему прикоснутся. Дима ненавидел нечистую силу, правда, как ему ни хотелось, не мог вблизи увидеть ее, пощупать...

Он положил коробки на место, полистал «Огонек» с покалеченными ножницами страницами и отложил в сторону. Старые «Огоньки» с портретами Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева и других членов Политбюро он доставал у своего приятеля Толика Пинчука, его отец врач-венеролог тридцать лет выписывал этот журнал. На антресолях в коридоре лежали целые кипы. Толик и Дима подставляли стремянку и доставали оттуда старые «Огоньки».

Иногда попадались даже со Сталиным. Эти Дима ценил больше других, потому что портретов Сталина больше не печатали. Правда, он сам несколько раз видел у Некрасовского рынка грузовики, на лобовых стеклах которых красовался глянцевого черно-белый портрет Сталина, но не будешь ведь просить его у шоферов — не отдадут.

— Мама просила тебя сходить в магазин и купить две бутылки кефира и полкило масла, — вспомнил Дима. — Деньги на кухне, под солонкой.

— Я уроки делаю, — не отрываясь от учебника, произнесла Маша. Ее тонкая шея изогнулась, белые волосы занавесили розовую щеку. Когда Маша делала уроки, она шариковой ручкой почесывала нос, круглый подбородок, лоб. Сейчас она решала задачку, шевелила губами, иногда взглядывала на потолок, на окно с мокрыми извилистыми дорожками от дождя.

— Хочешь, я схожу? — предложил Дима.

— Тебе все ноги оттопчут в очереди, — сказала Маша. — Вот решу задачку и вместе ходим.

Дима вздохнул и отправился на кухню: там, под столом у батареи, у него был припрятан небольшой блок от какого-то электроприбора, найденный во дворе, нужно разобрать его, а винты и гайки сложить в отдельные банки. Кроме вырезания политических деятелей Дима занимался разборкой всяких ненужных деталей, сгоревших электроприборов, в которых всегда есть блестящие винтики-болтики. Ему нравилось отверткой вывертывать их из гнезд и раскладывать в зависимости от размера по жестяным банкам. Инструментов у них в шкафу было много. Когда отец шел к машине что-то ремонтировать, Дима всегда сопровождал его: смотрел, как отец работает, подавал ему ключи, отвертки, плоскогубцы. Отец обещал, что, когда он, Дима, подрастет, и его ноги будут доставать до педалей, научит его водить автомобиль. Эта мысль всегда радовала мальчика. Отец свое слово держит — это он хорошо знал. Главное — побыстрее подрасти!

— Скорее бы лето! — захлопнув тетрадку и потянувшись, произнесла Маша. — Папа сказал, что мы все поедем в деревню Богородицкая, где у нас теперь свой дом.

— Дом! — протянул Дима. — Развалюха. Нам его придется с папой заново строить. Папа уже бревна туда завез и шифер.

— А какое там красивое озеро! — мечтательно произнесла Маша, поворачиваясь к братишке, орудовавшему отверткой и плоскогубцами прямо на полу. Диме стало скучно на кухне и он притащил все сюда. — Там цапли на мелководье и гагары плавают, про уток я уж не говорю.

— Я на чердаке нашел ящик с железяками, — вспомнил мальчик. — Даже есть гильзы от ружья.

— Ласточки залетают прямо в сени...

— Мы с папой лодку отремонтируем и будем рыбу ловить.

— Ты плавать-то не умеешь! — поддела Маша.

— В этом году научусь, — солидно заметил Дима.

Прошлой осенью отец купил в деревне небольшой старый дом с яблоневым садом и огородом. Озеро с поэтическим названием Лунное находилось в ста метрах. Русская баня была на берегу у зарослей ивняка. В Богородицком всего десять дворов, причем в шести жили дачники, приезжающие сюда на лето. Дом умершей старухи — продали его ее родственники из Риги — был в запущенном состоянии, крыт прогнившей дранкой с рубероидными заплатами, ветхий сарай и хлев вообще без крыши. Забор из жердин повалился. Зато и стоил дом с баней всего тысячу рублей, по нынешним временам — это почти даром. В доме главенствовала огромная русская печь, много лет не беленая, на ней можно было спать всей семьей. Отец задумал расширить дом, приделать к нему веранду. Хотя все было убого, в туалет приходилось бегать на конец участка, все равно Маше и Диме в деревне очень понравилось, почти все время они проводили на озере. Можно было не бояться в нем утонуть, потому что у берегов оно было мелким, даже лодку приходилось шестом толкать, чтобы выбраться на глубину. Там, на середине, было, конечно, глубоко. В озере водились щуки, лещи, плотва, окуни и судак. Встречались, правда редко, и раки. Дима и Маша вместе с отцом ловили их ночью с электрическим фонарем, поймали три штуки. Один бурый пупырчатый рак прихватил клешней Диму за палец, но отец быстро разжал клешню. Мать рыбалкой не увлекалась, она бродила по лугам и собирала лекарственные травы. Когда Маша принесла домой охапку полевых цветов, мать поставила их в трех-

литровую банку с водой, но попросила больше цветы не рвать, мол, дома они быстро умирают, а на воле долго живут и радуют глаз. Любишь цветы — иди на луга и любуйся на них, а зачем их убивать?.. Леса поблизости не было, нужно пройти километра полтора до него. Сначала начинался редкий смешанный лес с кустарником, а потом все чаще встречались сосны и ели. Местные говорили, в бору осенью можно набрать белых грибов. В общем, месяц, который ребята провели в Богородицкой, пролетел незаметно в делах и заботах. Дима деятельно помогал отцу приводить запущенный, захламленный дом в порядок — ему нравилось это дело. Особенно разбирать ящики и коробки с ненужными вещами, которые обычно хранят на чердаках и в сараях. Отыскал граммофонную трубу, ржавый утюг, в который засыпают раскаленные угли, позеленевшую лампу, похожую на волшебную лампу Аладдина. Помогали мама и Маша, но отец старался их не перегружать. Работа-то была в основном мужская: рытье ям для столбов, приколачивание к сухим жердям штакетника, строгание рубанком досок, латание рубероидом совсем прохудившейся крыши. Да и мало ли по дому дел? По-настоящему перестраивать дом отец решил с весны этого года, но вот уже весна на дворе, а он все еще никак не может вырваться в деревню. У него сейчас и в городе забот по горло.

В дверь позвонили: Дима бросился открывать.

— Спроси, кто там,— крикнула ему вслед Маша. У родителей были ключи и они не звонили в дверь. Пришел Толик Пинчук. Не поздоровавшись с Машей, буркнул:

— Айда на улицу, по Суворовскому с трехцветными флагами и плакатами толпа идет к Смольному. Знаешь, что я прочитал: «КПСС — вон из здания Института благородных девиц!» Кто это такие благородные девицы? — стрельнул он глазами в сторону Маши.— Откуда они взялись? Папа говорит, у нас одни только проститутки...

— Выставлю за дверь,— пригрозила Маша.

— Они к нам и домой ходят лечиться...

— Твой папа с такими только и имеет дело,— рассудительно заметила девочка.

— Он всех лечит,— вступился за отца-венеролога Толик.

Черноголовый, светлоглазый и угрюмый не по годам, Толик был высоким мальчишкой и уже ходил в первый класс. К девчонкам почему-то относился с презрением. Это, наверное, еще от отца передалось. Хотя венерологу и грех было бы жаловаться на клиентов, он на них много зарабатывал.

— В Смольном до революции был Институт благородных девиц,— просветила их Маша.— А вот института благородных юношей в России никогда не было.

— Я только посмотрю — и домой? — глянул на сестру Дима. Демонстрации, уличные митинги притягивали его как магнитом.

— И я с вами,— сказала она, помня наказ матери не оставлять без присмотра младшего братишку.

Толик еще больше нахмурился, зашмыгал носом, но промолчал: с Машей бесполезно спорить, и потом, она могла его и запросто из квартиры прогнать. Такое уже было, когда он произнес матерное слово, подхваченное на улице. Помнится, она ему еще и пинка дала в придачу, когда он вылетал из прихожей на лестничную площадку.

— Этот длинный Костя, с которым ты из школы вместе ходишь, вчера с Витькой Носовым подрался на заднем дворе,— вспомнил Толик.

— Чего его понесло? На задний двор? — складывая тетрадки и учебники в стопку, спросила Маша.

— Витька Нос ему морду начистил...

— Как ты вульгарно выражаешься, Толик! — покачала пушистой головой с черным бантом девочка.

— Нос кого хочешь победит,— продолжал тот.— Он занимается вольной борьбой и этим... каратэ. А твой Костя махал кулаками как попало...

— Почему мой? — грозно взглянула на него Маша.

— Раз ты с ним ходишь...

— Я хожу сама по себе, как кипплинговская кошка,— блеснула эрудицией девочка. Рассказ английского классика она на днях прочла.

— Все говорят, что он за тобой бежит...

— Я не говорил,— вставил Дима. Он, сидя на полу, надевал ботинки.

— А ты повторяешь чужие сплетни,— усмехнулась Маша.— И что ты, Толик, за человек: так и норовишь кому-нибудь гадость сказать?

— Мне не говорит,— вступился за приятеля Дима.

— Господи, до чего же скучно с вами! — вздохнула Маша и пошла в прихожую.

— У тебя есть баллон с краской? — шепотом спросил у приятеля Толик.— Ну, который брызгает.

— Зачем он тебе?

— На стене нашего дома напишем: «Да здравствует свобода слова и гласность!»

— А что это такое?

— Это значит, все могут говорить и писать на стенах все, что хотят.

— И матерные слова на заборах? — услышала Маша. Она надевала в прихожей курточку и кеды.

— Я вчера видел на углу Невского и Маяковской, где дом ремонтируется, большой портрет голой тетки, — сказал Толик. — Вот с такими... — он развел руки в стороны и покачал ладонями. — Титьками... И в журналах голых теток помещают, и в кино их полно. Мама говорила, что теперь даже в театрах на сцене знаменитые артистки раздеваются и ложатся с дядьками в кровать...

— Только это ты и заметил? — с презрением посмотрела на него Маша. — Вырежи из журнала голую тетю, приклей на картонку и неси на палочке. Тебя там с радостью примут в демонстрации...

— А что? — впервые улыбнулся Толик. — Это идея!

— Пошли, сопливые демонстранты! — распорядилась Маша, распахивая дверь. — И чтобы от меня ни на шаг!

2. Встречи под дождем

Что? — удивленно произнес плешивый человек с круглым щекастым лицом, сидевший в просторном кабинете за монументальным письменным столом с четырьмя разноцветными телефонами. — Вы хотите издавать «Русскую газету»? А что, разве у нас в стране не русские газеты?

— Не знаю, как в стране, а в Ленинграде нет ни одной, — сказал Вадим Андресвич. — Так же, как нет русского радио-телевидения, театра, кино. А вы разве не знали? Мы — нация без русской литературы, Российской академии наук, русского национального самосознания. Мы — денационализированные интернационалисты.

— Вы что, меня дурачите? — Впрочем, без всякой обиды и гнева спросил Иван Павлович Пименов — чиновник из Управления, ведающий регистрацией новых изданий. Точнее, один из чиновников, чья подпись была необходима Белосельскому. — В Ленинграде проживает девяносто процентов русских. Я сам — чистокровный русский, так что же, все то, что я читаю, слушаю, смотрю — все это пишется и показывается не для русских?

— Наоборот, как раз все рассчитано только на русских, — спокойно сказал Вадим Андреевич. — Уже семьдесят с лишним лет околпачивают средства массовой информации русских людей, навязывая им чуждые идеи, чуждую литературу и прочее, целенаправленно разрушая национальное самосознание...

— Пойдите, вы не из «Памяти»? — прервал его Пименов.

— Я не знаю, что такое «Память», — сказал Вадим Андреевич. — По ее адресу все газеты и журналы страны, да и зарубежные обрушивают только проклятия и брань, а я этому не верю. Вот вам наглядный пример того, что все средства массовой информации дудят в одну дуду и ими руководят люди, которые рабски подчиняются неким могучим силам, очевидно, пресловутая «Память» им не по плечу. Всю свою сознательную жизнь я сталкивался с ложью, инсинуациями, тенденциозным отражением действительности нашей печатью и прессой. Я хочу издавать честную русскую газету, в которой будут только правдивые, объективные материалы, волнующие русских людей. Есть же в любой республике национальные газеты, печать, почему же русские обделены?

— А кто, по-вашему, сидит в массовых печатных изданиях? — задал коварный вопрос Пименов и даже лукаво сощурился, глядя на посетителя, вот, мол, какой я умный и как сейчас прижму тебя к стенке!

— Вам виднее, вы же их назначаете и утверждаете, — равнодушно ответил Вадим Андреевич. Он уже понял, что ни у одного партийного советского чиновника он не найдет отклика в душе. Эти люди запрограммированы совершенно на другую идеологию, чуждую духу русского народа, они верят, что делают правое дело, им даже в голову не приходит, что «руководимые» ими печать, радио-телевидение уже давно руководят всеми ими. И эти разглагольствования о гласности в годы перестройки — пустой звук. Все работают по старинке, только теперь откровеннее и нахальнее пытаются в своих целях формировать общественное мнение. А партаппаратчики и другие чиновники, которым долгие годы казалось, что они руководят прессой и печатью, сейчас просто оказались в дурацком положении. С ними полностью перестали считаться, более того — стали ядовито подсмеиваться, толкуя, что коллектив в любое время может турнуть с номенклатурного поста руководителя газеты, издательства, радио-телевидения. Не желая терять доходное место, синискуры, горе-начальнички, как правило, некомпетентные во всех профессиональных вопросах, быстренько приспособились, стали заискивать перед коллективами, идти у них на поводу и даже поливать грязью те самые институты, которые и посадили их на высокие посты. То есть, выплыла наружу полная их неспособность, бесполезность. А высокие посты, зарплаты пока сохранялись за ними по инерции — некогда запущенный государственный маховик не велел вот так сразу останавливаться и крутиться в обратную сторону.

Не могли они не знать, что десятилетиями в штаты средств массовой информации проникали люди, объединенные своей глобальной идеей, направленной на выживание из этих органов чуждых им по духу русских людей. Даже не обладая минимальными способностями, эти люди зубами держались за штатное место и ждали своего часа...

И вот дождались! Теперь они в открытую понесли русских, обвиняли их во всех смертных грехах, приписывали им даже те гнусные деяния после семнадцатого года, которые сами же и совершали. Народ, дескать, забывчив и никогда не потребует к ответу тех, кто изначально навязал им этот убийственный в первую очередь для русского человека, строй.

Типичный руководитель умирающего племени партийно-советского бюрократа важно сидел за письменным столом, смотрел на Белосельского и прикидывался ничего не понимающим и ничего не знающим. Делал вид, что никакие перемены его не касались, да и касаться не будут. Как будто не ведал, что, поработав против России, новые хозяева дадут ему пинка под зад, чтобы занять и его место. Так они всегда поступали с теми, кто предал интересы собственного народа и верой-правдой служил им. Тут благородства не жди: выбрасывают, как использованный презерватив... И в результате — своим ненавистен и новым хозяевам не нужен. Такие быстро на пенсии умирают...

— Вам виднее, кто захватил средства массовой информации, потому что именно вы подбирали кадры, а теперь те, кого вы посадили в газеты и журналы, спят и видят вас в глубокой яме! — все-таки счел нужным сказать ему Вадим Андреевич. — Теперь они стремятся занять ваши кабинеты, кресла, должности. Так что вы — люди из прошлого, и зря, наверное, я к вам пришел. Вы будете до последнего цепляться за старое и вредить своему народу. В этом ведь ваше предназначение!

Он уже собрался было подняться со стула, как вдруг с Пименовым произошла метаморфоза: он стер со своего щекастого чисто выбритого начальственного лица важность, неприступность, по-человечески улыбнулся и совсем другим голосом произнес:

— Ну, ладно... — он покосился на бумажку на письменном столе. — Вадим Андреевич, поговорим начистоту... В общем, мы, чиновники, понимаем, что происходит — захват всех средств массовой информации, издательств, журналов людьми отрицательно настроенными к русским людям, ко всему патриотическому, русскому... Кажется, их теперь называют русофобами?

— Отрицательно! — хмыкнул Вадим Андреевич.— Человеконенавистнически! Власть в стране захватывают эти самые русофобы, которые, кстати, и вас, партийных чиновников люто ненавидят. А слово «патриот» у них стало ругательным!

— Слова-то какие появились: партаппаратчики, партократия... — поморщился Пименов.— Командно-бюрократическая система.

— Это тоже они придумали,— улыбнулся Вадим Андреевич.— Те самые, которым вы верой и правдой служили и которых всячески оберегали от малейшей критики, начиная с семнадцатого года. Что сейчас делается на телевидении, радио, в Верховном Совете? Кого же выбрали? Перелицевавшихся брежневцев и воинствующих русофобов. Поначалу загипнотизировали народ якобы смелыми речами, резали правду-матку в глаза руководству, а потом забыли про своих обманутых пустыми обещаниями избирателях и стали в открытую бороться за власть, теплые места, собственные привилегии, хлынули за государственный счет за рубеж! Одни и те же красуются на экранах, рвут из рук микрофоны на сессиях, выступают, красуются перед телезрителями. Превратили Верховный Совет в базар. Стыд и позор!

— Обо всем этом вы и хотите писать в своей «Русской газете»? — взглянул на него Пименов.

— И об этом тоже.

— Не получится,— безапелляционно заявил чиновник.— Как не получилось у многих честных людей, которые тоже есть и в партаппарате. Позвонят на высшем уровне из Москвы и все потихоньку отменят. Раньше окриком, а теперь хитростью. Дорогой Вадим Андреевич, мы же тертые калачи. Не один раз получали по носу за помощь вот таким энтузиастам, как вы. У нас теперь постоянно оглядываются на Запад, Америку: что там скажут? А радиостанция «Свобода»? Она нахально диктует правительству и народу, как лучше и побыстрее развалить великую державу. А наши, разинув рты, слушают этот бред и даже интервью дают против своего народа... Говорят, они сразу на месте долларами платят... Есть некие могущественные силы, перед которыми все мы бессильны. Один короткий звонок сверху, и все отменяется, что мы готовили месяцами. Так что никто вам не поможет, закона о печати пока нет, вашу газету не возьмется выпускать ни одна типография, «Союзпечать» не будет ее распространять... Тем могущественным тайным силам, которые рвутся к власти, хотя я убежден, что и так уже вся власть у них в руках, как бельмо на глазу будет ваша «Русская газета». Вы — наивный чело-

век! Да одно название не дает права на существование этого органа. Я одно время работал в идеологии, так получил прямое указание от руководства всячески искоренять везде: на эстраде, в театре, в литературе — само слово «русский»! Мы — советские, у нас советский образ жизни, советская страна, а Россия — это анахронизм, пережиток имперского прошлого. Наверное, слышали, что в правительстве Брежнева всерьез рассматривался вопрос об отмене в паспорте графы «национальность»? Все мы должны были бы стать «советскими» и даже говорить на едином обедненном советском языке. А вы тут — «Русская газета»! Это же вызов!

— Так что же, это заговор против русских, России? — уставился на него Вадим Андреевич. Пименов удивил его, с такой доверительной прямоотой с ним еще не говорил никто из чиновников, а походить по кабинетам с документами на разрешение открытия газеты пришлось немало. Лишь через несколько недель, узнав об увольнении с ответственной должности Пименова, Вадим Андреевич понял, почему тот был с ним откровенен: ему уже терять было нечего.

— Значит, надежды на разрешение никакой нет? — напрямик спросил он чиновника.

— Поезд на полном ходу вот-вот сойдет с накатанных рельсов и полетит под откос, — метафорически ответил Пименов. — Никто сегодня уже не знает, что может произойти завтра... А бумаги ваши давайте, я подпишу, вот прямо при вас, только подпись моя ничего уже не изменит. Скорее всего, ваша бумага будет месяцами гулять по кабинетам.

— Я не теряю надежды, — сказал Белосельский. — Не может такого быть, чтобы русские наступили на горло «Русской газеты»!

— Еще как наступят! — улыбнулся Пименов. — Своя-то рубашка ближе к телу. Кто же за вас добровольно ползет в петлю?

— За меня не надо, — сказал Вадим Андреевич. — За русский народ, который, как я вижу, в эту проклятую перестройку попал в еще более худшее положение, чем после большевистского переворота в семнадцатом!

— Я всегда считал октябрь семнадцатого революцией... Кстати, вы — коммунист?

— Беспартийный, — отрезал Белосельский. — И пока не вижу ни одной партии, в которую бы хотелось вступить.

— А народные фронты? — будто подзадоривая, спрашивал Пименов. — Они бурлят по всей стране.

— Булькают,— усмехнулся Вадим Андреевич,— рас-
пространяя сионистское зловоение...

— Если вам вдруг повезет, хотелось бы мне почитать
вашу «Русскую газету»...— покачал плешивой головой
чиновник.

С этим Вадим Андреевич покинул кабинет Пимено-
ва. Идея создать свою газету возникла у него в прошлом
году. Поначалу эта затея казалась невыполнимой, но по
тому, как в киосках появлялись все новые и новые пери-
одические издания, не подчиняющиеся диктату партии
и правительства, он все чаще возвращался к этой мыс-
ли. Лина с готовностью вызвалась ему помогать, догово-
рилась со своей хорошей знакомой, работающей в за-
крытом НИИ, о том, что та поможет напечатать первый
номер на ксероксе, если не получится с типографией.
Лина шила платья и юбки приятельнице. Арсений Вла-
димирович Хитров познакомил его с только что вышед-
шим на пенсию сотрудником своего института, который
много лет выпускал многотиражку «Позитрон». Тот
охотно согласился на должность ответственного секрета-
ря. Редактором Вадим Андреевич, естественно, собирал-
ся стать сам. Опыт журналистской работы у него нема-
лый. Это только подумать: он будет выпускать
собственную газету! Будет писать и публиковать в ней
материалы, которые сочтет нужными. И никто ему не
будет указывать. Об этом раньше и мечтать не приходи-
лось. Бедный Петр Семенович Румянов без разрешения
горкома КПСС не мог даже некролога напечатать в «Ве-
ликопольском рабочем». Трясся после публикации каж-
дого острого фельетона. С каждым крупным проблем-
ным материалом ездил в отдел пропаганды и агитации.
Там небрежно прочитывали гранки и милостиво давали
разрешение или запрещали. И тогда в типографии рабо-
чие разбирали набор. Снималось с полосы даже клише
со снимками. Помнится, секретарь горкома, увидев на
полосе портрет доярки с большой грудью приказал
снять его, мол, не надо у горожан будить низменные
страсти... Почему он, Белосельский, ушел из газеты? Ре-
дактор заставлял его писать статьи, которые рекомендо-
вали из горкома или исполкома. Лживые статьи, лаки-
рующие советскую действительность, обманывающие
народ, навязывающие читателям мысли и идеи, чуждые
здравомыслящим людям. Это было повальное одурачи-
вание народа своей страны. Газеты писали лишь то, что
было нужно правящей партии, все они были похожи
друг на дружку. Лишь зять Хрущева — Аджубей, пользу-
ясь свободой, сделал «Комсомолку», а потом «Известия»

интересными, довольно смелыми газетами, но и Аджубей не выходил за рамки чинопочитания. Славословил своего всеильного тестя, воспевал партию.

Сейчас в печати идет огульное охаивание партаппарата, любой власти, злобно клюют армию, милицию, даже КГБ. Будто невидимый дирижер руководит всем этим газетно-телевизионным оркестром, который подчиняется каждому взмаху его палочки. От прославления советского образа жизни, от восхваления руководящей роли партии все органы массовой информации, будто позабыв о своей прежней роли, бешено принялись все очернять, критиковать, уничтожать! А ведь в редакциях и на телевидении остались на своих местах те же самые работники, даже руководители не поменялись... Было о чем поговорить со своими читателями Вадиму Андреевичу! Было что им рассказать и поведать. Его газета, если она появится, будет новой газетой, не запятнанной многолетней ложью, как все остальные известные издания. От одного этого у него кружилась голова!

Как-то позабылись пророческие слова Ивана Павловича Пименова, что у него ничего с газетой не выйдет, слишком много будет невидимых преград на пути ее создания и эти рогатки не перепрыгнешь! Как мыслил Вадим Андреевич организовать газету? Это будет четырехполоска формата районной газеты или многотиражки. Постарается воспроизвести трехцветный российский флаг, не запятнанный алой кровью чуждой народу пятиконечной звезды и серпом, которым, по-видимому, с сатанинским намеком сносили головы русскому крестьянству... Газету такого формата удобно печатать в любой небольшой типографии, хотя бы в той, которая принадлежит НИИ, где директором Арсений Владимирович Хитров. Он обещал помочь. Теперь бумага. Тут Вадим Андреевич был профаном. Бумагу где-то нужно было самому добывать. Производители бумаги быстро смекнули, что они теперь, как говорится, на коне, и стали требовать за нее двойную-тройную цену у издателей, которые вылуплялись в стране, как грибы в дождливый год. Тут же подключились кооператоры, перекупившие бумагу и уже сами диктующие на нее цены. А они все росли и росли. Кроме газет и журналов стали выходить разные конъюнктурные книжонки небольшого формата, но стоившие в несколько раз дороже, чем профессионально сделанная в государственном издательстве книга. Хлынул поток порнографии, детективщины, антисоветчины, забытых дореволюционных авторов, писавших о Распутине, амурах Екатерины Второй. На этой мутной волне всплыли литераторы-диссиденты, выехавшие за

рубеж и там оказавшиеся творчески несостоятельными, их оставшиеся в России дружки стали интенсивно издавать массовыми тиражами во всех журналах, издательствах. Но этот серый поток вскоре захлебнулся: читатели сообразили, что быть скандальным диссидентом и быть талантливым писателем — это совершенно разные вещи. По всем швам затрещали государственные издательства, десятилетиями выпускающие серую графоманскую литературу. Ее перестали покупать. Тогда ловкачи и спекулянты от литературы кинулись создавать совместные с иностранными фирмами кооперативные издательства — авось там не разберутся и тиснут где-нибудь в Лондоне или Париже бездарную книжонку, кругом свои друзья-приятели, уехавшие из СССР, — но там, за рубежом, читатель третий — дерьмо не покупает! Ничего, остались в СССР журналы и государственные издательства на дотации, а чтобы журналы покупали — цепа-то подскочила! — всовывали рядом со своими беспомощными творениями зарубежные детективы, фантастику. В общем, литературная шобла, набившаяся в Союз писателей, пока процветала, лишь самые беспомощные окончательно отошли от литературы, к которой они никогда и не имели никакого отношения.

В год такой издательской неразберихи Вадим Андреевич Белосельский и надумал выпускать свою независимую «Русскую газету».

... На Невском моросил типичный ленинградский дождь, вроде бы его нет, а лицо, одежда влажные. Небо серое, низкое, рваные облака цепляются за рогатки телевизионных антенн, из водосточных труб сочится ржавая вода, взъерошенные голуби жмутся к краям тротуаров, а за каждой автомашиной волочится мокрый туманный клубок тяжелых бензиновых испарений. И люди идут по тротуарам мрачной молчаливой толпой, лишь подростки, неряшливо одетые в драные варенки, взлохмаченные, с нахальными глазами, громко говорят, смеются, толкают локтями прохожих. Размалеванные девчонки неумело курят, явно бросая вызов обществу, вот, мол, мы теперь какие: что хотим, то и делаем!

Уж который раз Вадим Андреевич с тревогой подумал о Маше: она на глазах созревает, а в школах сейчас процветают распущенность, нигилизм. Отцу-то она постеснялась сказать, а матери поведала, что некоторые девочки в их классе уже курят и выпивают с мальчиками вино, а одной недавно сделали аборт, так она вместо того чтобы со стыда провалиться, выставив набухшие груди, гоголем ходит в школе и свысока смотрит на подругек. Все в классе прочитали «Интердевочку», посмот-

рели двухсерийный фильм и летом кос-кто собирается отправиться на разведку в гостиницу, где селятся богатые валютой иностранцы. Хорошенькие старшеклассницы в открытую говорят, что постараются выйти замуж только за иностранцев, пусть даже за эфиопа, лишь бы уехать из нашей спившейся, нищей, разоренной страны в капиталистический рай... Вот как подействовала на молодежь пошлая повестушка! Неплохо бы создать и юношескую газету; «Комсомолка», «Смена» и «Собеседник» давно превратились в рассадники нигилизма и порнографии.

Вадим Андреевич любил Машу ничуть не меньше Димы, но девочка-подросток всегда больше тянется к матери. И это естественно — у девочки возникают такие проблемы, которые с отцом не обсудишь. Но в одном он был уверен — Маша не будет слепо подражать разбитным девочкам в школе, не привлекают ее отвратительные веяния современной моды: секс, грязные видеофильмы, не развит у нее и стадный инстинкт, когда мальчишки и девочки сбиваются в группы и вытворяют Бог знает что. Его очень порадовало, что дочь сразу, как и он, не приняла подхваченное и внедренное прессой модное слово «тусовка», «тусоваться». В этом словечке, прилетевшем к нам издалека по эфиру, было нечто похабно-омерзительное. Белосельские сразу договорились никогда не произносить это слово из лексикона современной Элочки-людоедки. Много гешефтно-торгашеских словечек загуляло по стране. Не отставали от печати и депутаты. Каждый с экрана телевизора норовил ввернуть... «консенсус», «рейтинг», «спонсор» и прочее. Маша много читает, ей нравятся наши классики, любит русских дореволюционных поэтов, серьезную музыку. И что удивительно, не отлынивает от домашней работы, помогает матери, охотно следит за братишкой. Как хочется уберечь такую хорошую девочку от этого общего вселенского распада, принявшего самые уродливые формы в нашей стране. Вадим Андреевич понимает, что это пужно делать тонко, незаметно, тут окриками и запретами ничего не добьешься. Маша любит сго и мать — они для нее пока непререкаемые авторитеты. Может, потому что с детства не давили на нее, дали ей возможность гармонично развиваться. Не заставляли закрывать глаза, когда по видео показывали откровенные сцены, не уходили от ее вопросов об отношении полов. Лина научила ее ценить свою чистоту, беречь красоту, а то, что Маша вырастет красивой девушкой, было ясно уже сейчас. Она в меру высокая, очень стройная, большеглазая, хотя у нее не такие огромные глаза, как у матери, но яркой си-

несы в них больше; у нее маленький алый рот, красивый нос, обаятельная белозубая улыбка, высокий белый лоб. Уже сейчас в каждом ее движении проглядывается женственность, речь ее не засорена грубыми словечками, которыми любят щеголять подростки. И самое главное, Маша интуитивно сторонится всего грубого, нечистого. Если раньше Ленинград славился своей культурой, интеллигентностью, то теперь на улице, в общественных местах нередко можно услышать от подростков и взрослых людей мат, грубость. Наверное, коренных ленинградцев постепенно вытесняют приезжие, особенно из южных республик. На рынках большинство их стоит за прилавками, да и у метро с цветами хватает. Мало того, что дерут по три шкуры за фрукты, так еще и грабят квартиры, насилюют женщин, девочек...

Попробовали бы русские так вести себя в Баку, Ереване или в Ташкенте?..

Вместе с матерью и Димой два раза в месяц ходят в Александро-Невскую Лавру, где слушают проповеди и присутствуют при отправлении религиозных обрядов. В Лавре и окрестили их обоих. Иногда бывает в храме и Вадим Андреевич. У Маши на тумбочке всегда лежит «Детская библия», которую она читает на ночь. А сколько вопросов вызывает в ней этот древний труд! Родителям приходится растолковывать девочке непонятные места. Месяц назад Маша вдруг заявила, что очень хотела бы учиться в церковно-приходской школе, об открытии которых писали в газетах, говорили по телевидению.

Думая о своих детях, Вадим Андреевич всегда приходил в хорошее, умиротворенное настроение. Как только закончатся в школе занятия, он заберет в деревню Богородицкая все свое семейство... И тут он вспомнил про «Русскую газету». Издание ее потребует его присутствия в городе. Ничего, как-нибудь все утрясется, главное — выпустить первый номер. И потом, можно найти такого энергичного человека, который возглавит газету, будет вести ее в отсутствие его, Вадима. Хотя бы этот пенсионер, он произвел хорошее впечатление, разделяет взгляды Белосельского.

У светофора на Литейном проспекте в несколько рядов выстроились машины, автобусы. Что-то заставило Вадима Андреевича поднять глаза. Сквозь широкое стекло с извилистыми дождевыми дорожками, он увидел русоволосую голову Веры Арсеньевны Хитровой. Она держалась рукой за блестящий поручень и смотрела мимо него. Полное молоджавое лицо с накрашенными губами и отсутствующим взглядом. На пальцах блесте-

ло несколько колес. Зажегся зеленый глаз светофора, и знакомое лицо размазалось, стерлось, а вскоре его заслонил другой автобус.

Больше десяти лет не виделся Вадим Андреевич с Верой Хитровой. Она так и не приехала к нему на Псковщину, даже на письмо не ответила, когда он там работал в колхозе. Вернувшись в Ленинград, узнал, что Вера Арсеньевна вышла замуж за итальянца и уехала в город Болонью. Когда-то в моде были плащи из болоньи. По-видимому, их в этом городе и делали. Случилось это в 1973 году. Четырнадцать лет назад. Через два года Вера вернулась на родину — гражданство она не поменяла — снова стала работать в «Интуристе». С Вадимом Андреевичем они больше не встречались, хотя он иногда заходил домой к Хитрову, тот все еще не уходил на пенсию. Даже в это беспокойное время, когда многие коллективы ополчились на своих руководителей, Арсений Владимирович по-прежнему пользовался уважением в институте.

Вадим Андреевич не осуждал Веру; если честно, он еще и не успел к ней привязаться по-настоящему, каждый человек выбирает свою дорогу сам (избитая истина), в те годы, когда Лина ушла к Тому Блондину, он подумывал насчет женитьбы на Хитровой, и вдруг такой неожиданный финал! Правда, он часто слышал от Веры, что жить в СССР ей тошно, хочется пожить так, как живут люди в цивилизованных странах, где нет дефицита, проклятых очередей, хамства, поголовного лихоимства и воровства. Почему же так мало она пожила в западном «раю»? И муж ее, бизнесмен, был обеспеченным человеком, имел собственный дом, виллу на берегу Средиземного моря. Значит, есть нечто в человеке более сильное, чем тяга к красивой жизни и удобствам. Арсений Владимирович как-то обмолвился — он не любил говорить о покинувшей Россию дочери — что Вера не сможет там адаптироваться, она слишком русский человек, а русаку на чужбине — не жизнь, а прозябание, об этом в своих мемуарах пишут наши великие писатели, вынужденные бежать от большевиков в семнадцатом за рубеж. Хотя бы Бунин, Куприн и многие другие. У нас их мемуары еще не изданы.

Наверное, так оно и случилось... Вернувшись из Италии, Вера почему-то стала его избегать. Вот она, женская логика: сама вышла замуж, уехала, даже не попрощавшись, а узнав, что он снова сошелся во своей женой, по-видимому, затаила в душе обиду. Иначе как понять ее отношение к нему...

У громадного здания Концертного зала на Лиговке он увидел тонкую знакомую фигурку дочери с синим рюкзачком за спиной. Вместо портфелей и сумок школьники обзавелись разноцветными рюкзаками с импортными наклейками, да и не только школьники — молодые люди таскали рюкзаки за спиной, очевидно, чтобы высвободить руки, но удобно ли класть повседневные вещи в рюкзак за спиной? Ведь нужно всякий раз его снимать, чтобы что-то достать или положить. Поистине, пути моды неисповедимы! На смену джинсам пришли «варенки», вместо расклешенных брюк стали носить широченные «бананы», снова девушки подкладывали вату на плечи к верхней одежде. И ходили по улицам, как борцы с плечами необъятной ширины... Не синий рюкзачок с учебниками заинтриговал Вадима Андреевича: рядом с Машей вышагивал высокий голенастый паренек в пятнистых брюках и короткой бесформенной кожаной куртке, лоснившейся от дождя. Паренек был без шапки, мокрые черные волосы залепили лоб, книжки он нес под мышкой в черной сумке, а свободной рукой оживленно жестикулировал, то и дело поворачивая голову с острым носом к девочке. Маша была в бордовой куртке с капюшоном, белой шапочке и короткой синей юбке. Тонкие, но стройные ноги ее в туфлях на низком каблуке были обтянуты белыми чулками, немного забрызганными мутными каплями. Маша иногда коротко сбоку взглядывала на своего спутника и снова опускала голову, будто раздумывая над его словами, а паренек трещал без умолку. Вадим Андреевич замедлил шаги, чтобы не обогнать их, ему не хотелось смущать дочь, но что-то щемящее шевельнулось у него в груди: вот он, удел всех отцов — рано или поздно отдать свое дорогое детище другому мужчине. И твоя дочь будет жить новой, иной жизнью, где для родителей останется не так уж много места. Может, поэтому многие одинокие матери упорно препятствуют замужеству своих дочерей, обрекая их тоже на одиночество? Типичный родительский эгоизм, мол, у меня не удалась семейная жизнь, пусть и дочь страдает, ведь она, мать, всю свою жизнь посвятила ей...

Паренек проводил Машу до самого подъезда, Вадиму Андреевичу пришлось прогуляться дальше. Они его не заметили, но он успел рассмотреть паренька: острое узкое лицо, длинноватый заостренный книзу нос, на вид лет пятнадцать. Когда говорит, маленькой головой то и дело дергает, будто взнузданный. Ноги у него длинные, а туловище короткое. Потом, очевидно, выправится. Маша протянула ему руку ладонью вверх, паренек взял ее и

не хотел отпускать, но девочка настойчиво высвободила руку и вошла в подъезд. Зад у нее узкий, но уже округлый. Паренек немного постоял, глядя на бурую обшарпанную дверь, будто надеялся, что она сейчас снова отворится и Маша выпорхнет к нему, потом переложил сумку под другую подмышку и подпрыгивающей походкой, шурша по асфальту кедами, быстро зашагал по Греческому проспекту.

Поднимаясь по каменным ступенькам на свой этаж, Вадим Андреевич решил первым не заводить разговор с дочерью о пареньке. И вообще, почему он сам-то вдруг засмутился, отстал от них и даже прошел мимо своего дома? Очевидно, потому что родная дочь, шагающая рядом с юношей, вдруг показалась ему немного чужой, отдалившейся. И даже походка у нее была какая-то другая, непривычный наклон головы, быстрые оценивающие взгляды в сторону своего спутника, полностью завладевшего ее вниманием. И еще одно, Маша почти не произнесла ни одного слова, пока он шел сзади. О чем трещал паренек ломающимся голосом, он не слышал, специально замедлил шаги, чтобы ничего не слышать.

Несколько озадаченный своим открытием дочери в новой роли, Вадим Андреевич нажал на черную кнопку звонка, забыв что у него в кармане ключ.

3. Осень — золотая пора...

Лина Вениаминовна давно простила свою мать, которая ее, пятнадцатилетнюю девчонку, хотела подложить под своего второго муженька Спиридонова, чтобы удержать его... Но не удержала: Спиридонов через два года после того, как Лина убежала из дома, бросил мать. Не соблазнила его и отдельная квартира. Еще хорошо, что он не был прописан, не то бы пришлось разменивать двухкомнатную квартиру. Валентина Владимировна, сильно сдавшая после такого удара, вышла на пенсию, но вскоре устроилась подсобницей в магазин заказов для ветеранов войны и труда. По спискам райсовета отпускала им продукты. Только почему-то вместо инвалидов и ветеранов в салон заказов приходили раскормленные молодые люди и, предъявляя чужие удостоверения, забирали дефицитные продукты. Валентина Владимировна Москвина говорила дочери, что в магазине на Салтыкова-Щедрина снабжаются продуктами разные блатники, нужные люди. Эти берут чуть ли не ящиками. Она изредка снабжала и Лину продуктами, а в Ленинграде постепенно становилось все беднее с продуктами, да и с промышленными товарами. Исчезли

хорошая рыба, полукопченая колбаса, конфеты, шоколад. Не стало мебели, телевизоров, холодильников, пропали даже велосипеды и утюги. Чтобы быть сытым и одетым, пужно было иметь связи с торговыми работниками, а кто побогаче, тот пользовался услугами спекулянтов, теперь гордо величавшими себя кооператорами и предпринимателями. Они в открытую торговали не только импортными товарами, но и дефицитными отечественными, вздувая на них цены. Все больше становилось очередей, особенно длинные были за спиртными напитками. На поверку борьба с пьянством, как и в прошлые годы, обернулась дикостью: пить стали еще больше, часами в рабочее время молодые и немолодые люди стояли в огромных очередях. Иногда требовалось вмешательство милиции, чтобы навести порядок: озверевшие здоровенные мужчины без стыда и совести ломались к кассе, а тех, кто пытался их остановить обкладывали матом, а то и били в морду. Процветало самогоноварение, дневная и ночная спекуляция подкой и вином.

Включились в спирто-водочный бизнес и таксисты. В любое время продавали водку за тройную цену, поставляли южанам проституток, не допускавшихся до гостиниц с иностранцами, так сказать, классом пониже. Пропало в продаже даже пиво. Мрачные толпы людей в очередях зло поносили правительство, депутатов, торговлю, да и всю нашу несчастную жизнь. Все чаще говорили, что при маразматике Брежневс и то жилось лучше, хотя бы какой-то порядок был в стране и водки вволю, а Горбачев с Рыжковым превратили за три года перестройки страну черт знает во что! Люди перестали слушать сладкоречивых говорунов на сессиях Верховного Совета, полностью разочаровались в своих раздобревших на правительственных харчах избранниках. А те плевать хотели на избирателей, устраивали свои собственные дела, скопом ездили за границу, привозили оттуда электронную технику и дефициты.

Обо всем этом размышляла Лина Вениаминовна, направляясь к матери в магазин. Валентина Владимировна вечером позвонила ей и велела зайти до обеда: привезли бразильский растворимый кофе и полукопченую колбасу, можно взять и сгущенки. Не нравилось Лине Вениаминовне ходить в этот магазин, там ее все знали, но все равно посматривали косо. Подсобницы в мятых белых халатах резали на порции колбасу, сыр, а рабочие таскали из фургонов ящики и складывали их прямо у стены.

У прилавка выстроились несколько молодых модно одетых женщин с сумками. В солнечном луче золотился на витрине коньяк.

Мать встретила ее с улыбкой. Она еще больше растолстела, обрюзгла, жаловалась на боль в суставах. Лицо было розовым, глаза мутными. Бородавка у носа увеличилась, из нее росла седая волосинка. Лина знала, что мать иногда дома выпивает в одиночку, а на работе только перед закрытием, когда они всем коллективом отмечают конец трудной предпраздничной недели. Работой мать дорожила и не позволила бы себе появиться там в нетрезвом виде. После ухода Спиридонова Валентина Владимировна еще какое-то время водила к себе домой мужчин далеко не первого сорта, но после того, как ее последний хахарь избил и ограбил, перестала. И вот уже какой год коротает свою жизнь в одиночестве. Маша и Дима редко ходят к ней, хотя и живут не так уж далеко, можно от Греческого проспекта до Литейного за десять минут дойти. Бабушка угощает их вкусными вещами, шоколадными наборами, но близких, родственных отношений так и не получилось. К ним на Греческий мать тоже изредка навещается, с Вадимом у нее не наладились отношения, хотя он и старался быть приветливым. Многим работникам торговли в плоть и в кровь вьелось этакое полупрезрительное отношение к людям, выстаивающим часы в очередях, проскальзывало высокомерие и у Валентины Владимировны, а Вадим это тонко чувствовал. Как-то даже сказал, что она, Лина, лучше бы не ходила в магазин к матери, как-нибудь попадетсЯ с сумкой контролерам или обэхээсэсникам, тогда неприятностей не оберешься, да и матери не поздоровится. Но Лина продолжала ходить, если Вадиму все равно, что на стол подадут, то детей она должна хорошо кормить, они растут и аппетит у них дай Бог! А вареную колбасу, которую еще можно было купить в гастрономах, есть нельзя — она и не пахла колбасой.

— Доченька, я для деточек приготовила вкусненькой рыбки, зашептала мать. — Ну и кофе, конечно. Две баночки хватит? — Лину раздражала манера матери называть людей и вещи уменьшительными словами, но тут уж ничего не поделаешь, как говорится, горбатого могила исправит. Сколько она помнит мать, та всегда сюсюкала, особенно обхаживая Спиридонова. Лишь в пьяном виде могла и матюгом запустить.

— Спасибо, мама, — произнесла Лина, оглядываясь: в маленькой комнате сидела грузная черноволосая женщина — заведующая магазином. Она кивнула Лине Ве-

ниаминовне и снова погрузилась в расчеты. Причем, пользовалась не счетной машинкой, а обычными счетами.

— У нас в парадной вчера днем взломали дверь и украла у журналиста заграничную видеоаппаратуру, бронзу, хрусталь,— рассказывала мать, складывая продукты в полиэтиленовый пакет.— Подумать только, стали грабить среди бела дня! Хорошо, что я установила вторые двери и поставила финский замок, а на ночь запираюсь на железный засов.

— У тебя ведь нет видеоаппаратуры,— заметила Лина Вениаминовна.

— Найдут что украсть...— сказала мать, подсчитывая в блокноте за продукты.— С тебя, доченька, двадцать четыре рубля...— она понизила голос.— Я положила тебе баночку икры... А как твой муженек, Вадим? Все хочет свою газету делать?

— Не знаю, получится ли у него,— вздохнула Лина.— Сейчас все вроде у нас возможно, но, оказывается, все равно не для всех. Кому можно, а кому — нет.

— С высшим образованием, а какие-то скотники строит,— подхватила мать.— Сидел бы лучше в кооперативе и делал большие деньги, как это сейчас делают умные люди. Читала в газете, как один кооператор заплатил партийные взносы с миллиона, заработанного за месяц! Вот это человек! А твой бегает по учреждениям, чтобы добиться разрешения выпускать какую-то газету! А будут ли ее еще покупать? Вон сколько сейчас разных газет в киосках...

— Не надо, мама,— мягко оборвала Лина.— Вадим честный, порядочный человек...

— Сейчас выживают не честные и порядочные, а оборотистые и хваткие! — перебила мать.

— Каждому свое... Вадим хочет людям правду рассказать о нашей жизни, и я ему буду помогать в этом.

— Кому нужна ваша правда! Людям хочется вкусно есть-пить, а в стране вот-вот голод начнется. Кому тогда нужны будут ваши газеты? Вот я ни одной не читаю, с меня хватит и программы «Время» и еще «Шестьсот секунд». Газета... Скоро ничего не будет даже в газеты заворачивать.

Иногда мать прорывало и приходилось все это выслушивать. Критикуя жизнь, мать не употребляла уменьшительные словечки. Да и критиковала она ее по привычке — сейчас все что можно критикуют — сама-то она не могла на жизнь пожаловаться: дома у нее настоящий склад из дефицитных вещей. Причем, покупала все, что нужно и не нужно. Под кроватью лежали свер-

путь в трубку с пафталиппыми таблетками коври, на антресолях громоздились коробки с сервизами и посудой, которая сй пикогда не понадобится, потому что весь сервант и так забит посудой и хрусталем. Одних только ондатровых шапок — пять штук. Все копит и копит, а зачем? Как-то хотела похвастаться соболиной шкуркой, купленной лет десять назад, вытащила ее из коробки, а оттуда туча моли вылетела. Всю шкурку сожрали.

— Мама, я пойду,— сказала Лина, но тут вошла в помещение одетая в дубленку молодая женщина с красивой финской сумкой и мать, пробормотав, чтобы подождала, бросилась к ней. Они расцеловались, мать скрылась в подсобке и вскоре вернулась с объемистым пакетом, перевязанным шпагатом. Видно, заранее приготовленным. Пощептавшись с матерью и заплатив деньги, женщина в дубленке, оставив запах французских духов, важно выплыла из полуподвального помещения.

— Жена заведделом райисполкома,— сказала мать.

— Ветеран? Инвалид? — подковырнула Лина Вениаминовна.

— Он одно словечко скажет — и меня отсюда завтра же выпырут,— сказала Валентина Владимировна.— Таким людям, доченька, завсегда надо оказывать уважение.

— Я понимаю, мама,— сказала Лина. А чем она лучше этой расфуфыренной жены исполкомовского чиновника? Тоже ведь пришла по знакомству с заднего хода...

— Доченька, приходи ко мне в субботу с детками? — пригласила мать.— Совсем забыли старуху.

— А мужа не приглашаешь?

— Он не любит ко мне ходить, я же чувствую, что ему неприятно меня видеть.

— Ты преувеличиваешь,— сочила нужным вставить Лина.

— Доченька, что я тебе скажу-то! — заулыбалась Валентина Владимировна. Бородавка отползла от носа к щеке.— Спиридонов вчера заявился...

— И ты его пустила?

— Через цепочку заявила ему, пьяному рылу, чтобы и дорогу забыл к моему дому! Видно, добавить захотелось и разбежался, а я ему от ворот — поворот.

— Сюда бы не заявился...

— Я ему не сказала, где работаю,— хитро улыбнулась мать. Видно было, что она гордится собой, по у Лины складывалось впечатление, что Спиридонова она пустила и вместе с ним добавила..

— Я тебе позвоню, — на прощанье сказала Лина Вениаминовна и вышла на улицу. Невольно ускорила шаги и оглянулась: мать не раз говорила, что народный контроль может задержать выходящих с сумками из распределителя. Были такие случаи, но заведующая всегда умела утихомирить их. Контролеры-то тоже отовариваются у нее, как и работники ОБХСС, райпищеторга. Причем брали только самые дефицитные продукты: кофе, копченую колбасу, икру, балыки осетровых рыб. К праздникам перепадало. В свободной продаже такого не было уже многие годы. По телевидению показывали работников мясокомбината, которые, в сговоре с охраной, вывозили на машинах сотни килограммов колбас, карбонатов, копченостей. Кого-то хватали с поличным на месте преступления, кого-то сажали, но приходили на их место новые люди и тоже занимались хищениями. Там, где нехватка продуктов, дефицит, всегда будут блат, спекуляция, воровство. Лина иногда задумывалась: сколь же прожорлив бюрократически-командный состав в стране, их, кажется, около тридцати миллионов, чтобы потреблять все вкусное, что производится в стране. В Великополе был свой мясокомбинат, но все годы ее жизни там, в магазинах никогда не появлялась его продукция — все отсылалось в холодильниках в Центр. Разве из закрытых для населения распределителей кое-что доставалось местному начальству. Вадим написал об этом фельетон, но редактор Румянов его самолично разорвал в рукописи и выбросил в мусорную корзину. Ответственный редактор сам получал продукты из распределителя.

Асфальт был влажным, с уличных деревьев облетали разноцветные листья, ребяташки собирали их в скверах, парках. Оранжевые и красные, они трепетали у них в руках, как прощальные флажки уходящего лета. Небо над крышами прояснилось, наверное, завтра выглянет солнце, обычно осень в Ленинграде теплая, светлая. Что-то случилось с климатом, уж который год ленинградцы, да и не только они, встречают Новый год без снега. Лишь лыжники в выходные осаждают электрички и едут за город, чтобы походить на лыжах хотя бы по лесу, где чудом при плюсовой температуре еще сохраняется пересыпанный сосновыми и еловыми иголками грязноватый снег.

На улице Некрасова, у обувного магазина выстроилась длинная очередь, в основном, женщины. Лина Вениаминовна увидела, как счастливицы выходят из хлопающих на пружине дверей с длинными заграничными коробками. По-видимому, продают импортные женские

сапоги. По свойственной всем женщинам привычке, даже не поинтересовавшись, за чем стоят, она пристроилась за девушкой в красной капроновой куртке.

— Голландия, высокий каблук, на меху,— сиювоохотливо сообщила сероглазая девица с малиновыми накрашенными губами. И озабоченно прибавила: — Только нам не достанется. Выкинули в свободную продажу парсто, а остальные припрятали. Так сапожки стоят сто двадцать, а с рук будут продавать по двести. У нас все теперь так.

Голландские сапожки — это хорошо, и деньги у Лины Вениаминовны есть — Вадим неплохо в этом году заработал на Псковщине, — но девушка права: им не достанется. Вздыхнув, она зашагала дальше. Дома, положив продукты в холодильник, Лина Вениаминовна, взглянув на часы, решила помыться в ванной. Вадим каждую пятницу ходил париться в баню на улицу Чайковского. Он привез из деревни два десятка березовых и дубовых веников и хранил их на антресолях в прихожей: Всякий раз, когда он доставал веник, встав на стремянку, ей приходилось подметать пол, усыпанный сухими листьями. Вадим говорил, что в ванне он чувствует себя неуютно, оно и понятно: он привык к русской бане, красочно рассказывал, как парился в деревне со своими «шабашниками». Это еще до покупки дома. Одновременно с ремонтом избы в Богородицкой привел в порядок и баню на берегу озера. А Лине нравилась ванна, в горячей воде можно в одиночестве понежиться, подумать, отвлечьшись хотя бы на время от житейских забот. Когда она в ванне, никто из домашних ее не беспокоит. И она ценила эти свои, лично ей принадлежащие час-полтора. Раньше Вадим стучался в дверь и предлагал потереть спину, но когда дети подросли, перестал это делать.

Дома в этот час никого не было, Вадим бегает по инстанциям, пробивая свою газету, Маша в школе, а Дима до двух играет у своего соседа и приятеля Толика Пинчука. У Лины договоренность с матерью Толика: один день за ребятами присматривает она, Лина, другой — мать Толика — Наталия Константиновна. Они жили в этом же доме через одну парадную. Хотя мальчишки дружили, между Линой и Наталией близких отношений не было, так, иногда забегали друг к другу, поболтают о своих мазуриках и разойдутся. Наталия Константиновна была разведена с пьяницей мужем, она работала, но дома сидела ее шестидесятипятилетняя мать, с которой мальчишки научились ладить. Они ей не досаждали, а она

им не мешала возиться с железками, лишь бы на улице не убегали. Толик Пинчук тоже любил собирать разные выброшенные детали и откручивать винты-гайки.

В большой комнате под самый потолок стояло старинное зеркало в дубовой резной раме — его еле втащили в квартиру, — раздеваясь перед зеркалом, Лина всякий раз придирчиво рассматривала себя. Разумеется, когда была дома одна. Мужа она не стеснялась. Знала, что Вадим любит ее и не изменит. Ей приятно было слышать, что она самая красивая женщина, которую он когда-либо встречал. И Лина знала, что он говорит искренне. Даже в свои сорок два года замечала на улице восхищенные взгляды мужчин. Сняв белые трусики, она выпрямилась перед зеркалом и с удовлетворением отметила, что по-прежнему статна, большая белая грудь не сильно отвисает, соски крупные, живот выпуклый, но не настолько, чтобы портить фигуру, изящная линия крутых бедер, ног, круглые колени. Многовато складок на шее и у висков, все углубляются тонкие морщинки да губы без помады не такие яркие, как прежде. Но зато в ней есть та женская зрелость, которая привлекает многих мужчин больше, чем девичья юность, когда еще заметны угловатость, резкость движений, неразвитость форм.

В их комнате, где они спят на разных кроватях с мужем, над письменным столом висит скульптурный портрет греческой богини Афины-Паллады. Вадим утверждает, что Лина очень похожа на мудрую богиню-воительницу. У обнаженной Афины-Паллады мощные формы, большая грудь, полные ноги. Изображений этой богини много, но здесь она, несмотря на свою воинственность, очень женственна, лишь золотой шлем с перьями напоминает, что Афина лучше всех прекрасных олимпийских богинь владела копьем и мечом.

Лина провела ладонью по груди, тяжело качнувшейся, по белым, будто мраморным бедрам и сладкая дрожь пробежала по телу. Она вытаскила позолоченную заколку и длинные золотистые волосы, в которых трудно разглядеть седину, рассыпались по округлым плечам, заструились меж грудей. А в прозрачных в эту минуту огромных глазах появился влажный блеск... Жаль, что мужа нет дома, сегодня она бы с удовольствием пустила его в ванну и попросила бы потереть гладкую, с соблазнительной ложбинкой, спину...

Улыбнувшись своему отражению, она достала из шкафа чистое белье, большое махровое полотенце с раз-

ноцветными полосами, босиком зашлепала по узкому коридору в ванную, где журчала зеленоватая от хвойного настоя горячая вода.

4. Встреча у «Букиниста»

После того, как по телевидению показали Пгнусного выроodka из одной из южных республик, изнасиловавшего и зверски убившего десятилетнюю девочку — подобные сюжеты теперь часто показывали в «600 секунд», — Вадим Андреевич или Лина Вениаминовна старались встретить дочь после окончания занятий. Убитая девочка училась в той же самой школе, что и Маша. Это событие наделало много шума в школе. Маша знала девочку, несколько раз разговаривали с ней. О похищении детей все чаще передавали по телевидению. Город наводнили преступники из других республик. Исчезали и взрослые люди. В стране стремительно нарастала преступность, участились случаи зверских убийств, из окраинных республик уезжали русские люди, пресса, хотя и скупое, сообщала о зверствах над русскоязычным населением в Казахстане, Узбекистане, Азербайджане. Насиловали женщин, девочек, убивали стариков и старух, живьем сжигали советских солдат. Впервые со времен второй мировой войны заглавляло на страницах газет страшное слово «беженцы». Правительство пока не признавало их статус и не принимало никаких мер, чтобы защитить права и жизнь своих граждан, живших не по своей воле в других республиках. А в Верховном Совете депутаты требовали отмены смертной казни, гуманного отношения к преступникам. За зверское убийство давали от силы семь лет. Заигрывание депутатов с избирателями — вот, мол, какие мы гуманисты, — пресмыкание перед теневиками и кооператорами лишь еще больше способствовало разгулу преступности в стране. Пойманные с поличным преступники из других республик цинично заявляли, дескать, приехали в Россию пограбить население и весело провести здесь время. Милиция не принимала никаких мер по отношению к этому нашествию бандитов и насильников. Милиция тоже хотела казаться в глазах общества милосердной и гуманной. От нее не отставали прокуратура, суды... И преступники, чувствуя себе поблажку, развернулись вовсю! Впервые за многие десятилетия стало опасно вечером появляться в пустынных местах. Особенно распоясались подростки, с которыми вообще не велось почти никакой борьбы, эти быстро пополняли ряды воровского мира.

Шагая по Лиговскому проспекту к школе, где училась Маша, Вадим Андреевич думал о том, как он назовет свою первую статью в «Русской газете». Центральный материал будет о разгуле преступности в Ленинграде. Разоруженная истошными воплями по радио-телевидению о правовом государстве, милиция почти устранилась от своих прямых обязанностей — охраны чести и достоинства гражданина и преследования преступников. Устарелые инструкции не давали возможности работникам правоохранительных органов не только сурово поступать с бандитами и убийцами, но даже защищать от пуль и ножей самих себя. Бандиты нападали на солдат, милиционеров, на склады с оружием и вооружались. Там, где возникали конфликты на национальной почве, уже применялись танки, пулеметы, орудия и даже ракеты. А краснобаи с депутатскими мандатами по-прежнему рвались к микрофонам и разглажывали о демократии и свободе личности. А некоторые и открыто защищали преступников и националистов. Околпачив избирателей дешевыми предвыборными лозунгами, в органы власти пробрались даже преступники, ранее замаравшие себя неблагоприятными делами, а механизма, чтобы их отозвать, еще не было. Конечно, преступники и защищали преступников. Люди уже выключали телевизоры, чтобы не слышать эту пустую болтовню о демократии. Уже всем стало понятно, что Верховные Советы всех уровней не оправдали надежд избирателей. Туда пробрались крикуны, демагоги и рвачи. Правительство, партия стремительно утрачивали свой построенный на жестокости и страхе авторитет в народе, страна стремительно катилась к полному развалу и хаосу. Особенно тревожные известия поступали из Карабаха, где шла настоящая гражданская война, и из Прибалтики. Западные республики заявили о своем выходе из состава СССР. Русскоязычное население было в панике, им открыто угрожали расправой, называли «оккупантами» и «мигрантами».

Если раньше из южных республик люди приезжали в Россию торговать или приобщиться к российской культуре, то теперь сюда хлынули отбросы общества: преступники, насильники, националисты, которые не скрывали своей ненависти к русским. В крупнейших городах России подавляющее большинство бандитов, отличающихся особенной жестокостью, были представителями южных республик. Казалось бы, чего проще милиции встречать их прямо на вокзалах и интересоваться: зачем они пожаловали в столицу или Ленинград? Но этого нельзя было делать: тут же взывала бы так называемая

леворадикальная пресса, западные голоса — мол, ущемляют права человека. В России — разгул национализма, шовинизма... Пока присезжий никого не убил, он равноправный гражданин и никто не смеет его тревожить... В печати и на телевидении стало модно показывать убийц, бандитов и брать у них обширные интервью. И новые «герои нашего времени» цинично рассказывали, как они насилюют, убивают, грабят, а гуманист-журналист сочувственно внимает им и кивает, услужливо подсовывая микрофон к носу.

Субботний день выдался теплым, светлым. Иногда из-за сероватых с синевой облаков выглядывало багровое и казавшееся больше обычного солнце. К Дворцовой площади лениво двигалась предводительствуемая молодыми чернобородыми мужчинами небольшая колонна демонстрантов. В руках транспаранты и лозунги с криво написанными словами: «Горбачеву — нет, Ельцину — да», «Долой КПСС!», «Все имущество партии — народу!».

Вадим Андреевич несколько раз побывал на митингах и понял, что толку от них мало: многие присутствующие не понимают, что происходит и чего орущие с возвышений ораторы хотят. Здесь тоже были свои «артисты» и статисты. Однако заметно выделялись в организаторах все те же чернобородые в модных куртках и кроссовках. Они кивали телевизионщикам, показывая, что надо снимать. Они первыми лезли к микрофонам. Тут же кое-кто из примелькавшихся депутатов давал интервью. О каждом, даже малочисленном митинге «Народного фронта» сообщалось на телестудию и оттуда прибывали корреспонденты, операторы и осветители. Появились по примеру западных и восточных стран свои «голодающие», некоторые грозили самосожжением. Вадим Андреевич ни разу не видел массового выступления общества «Память», но в предвыборной компании каждому кандидату в депутаты любого Совета обязательно ведущими на теледебатах задавался вопрос: «Как вы относитесь к «Памяти»? Самые обличительные статьи во всей советской прессе обрушивались на это общество. В конце концов «Память» превратили в некое пугало, от которого все отрешивались, начиная от рядовых кандидатов в депутаты, кончая членами правительства. Настырно диктующая, как нам пужно жить, радиостанция «Свобода» на дню по несколько раз клеймила несчастную «Память»; всех, кто пытался разобраться, что же такого сделал это малочисленное общество, называли шовинистами, националистами, даже фашистами.

Вадим Андреевич знал, какое это мощное оружие в руках одной группы — печать и телевидение, а по тому, как эти средства массовой информации выступали единым фронтом, можно было не сомневаться, что они обрабатывают общественное сознание только в своих собственных целях, ничего общего не имеющих с истинными бедами и муками оболваненного демократами народа. Услышит ли забитый этим могучим потоком лживой и тенденциозной информации народ слабый голос его «Русской газеты»? Мысль выпускать свою газету Белосельский не оставил, хотя препятствия возникали на каждом шагу. Вредили буквально все, кто имел какое-либо отношение к издательствам или полиграфии. Уже одно название «Русская газета» вызывало раздражение и ненависть, а когда он начинал в исполкоме говорить о своих планах, направленных на возрождение России, один чиновник откровенно заявил: «Видел я это ваше возрождение России в гробу! Она уже никогда не возродится, неужели вы этого не понимаете? Чем скорее Россия развалится, тем будет лучше!».

— Кому? — вспыхнул Вадим Андреевич. — Врагам России?!

— Всему цивилизованному миру,— напыщенно заявил чернобородый, с черными злыми глазами навывкате, чиновник. — Российской империи и русскому владычеству конец!

— Какому владычеству? — возразил Вадим Андреевич. — Русские — самые безгласные и нищие! У России все отняли, все раздали вплоть до лучших территорий республикам. Какой народ еще так вымирает, как русские? Где гибнут сотни тысяч деревень? Где еще в стране есть такие нищенские условия существования, как в России?

— Вот и уезжайте из Санкт-Петербурга и выпускайте там, в глубинке, свою «Русскую газету»! — нагло заявил чернобородый. — Можете даже автономную область организовать.

— Вы уже и город переименовали? — улыбнулся Вадим Андреевич. Кстати, он тоже считал, что град Петра должен избавиться от псевдонима вождя пролетарской революции, принесшей России одни бедствия и геноцид для русского народа. Но почему Санкт-Петербург, а не Петроград? И гляди-ка, русским автономную область готовы пожертвовать в глубинке!

— Мы все перелопатили в этой жуткой стране,— продолжал чернобородый.

— На этот раз не получится,— резко ответил Белосельский. — Вы уже раз в семнадцатом все разрушили,

взорвали, до сих пор народ не может очухаться, в другой раз он вам не позволит этого сделать, господин разрушитель!

— Народ? — с презрением сказал чернобородый. — Какой народ? Это тупая толпа, стадо? Куда пастух укажет — туда и потопает.

— Откуда в вас столько злости? — удивился Белосельский. — Раньше вы так цинично не заявляли.

— То, что было раньше, кануло в вечность, — рассмеялся тот. — А злость всегда была с нами... Мы наш, мы новый мир построим!..

— Старая песня, — махнул рукой Вадим. — В том-то ваша и беда, что вы нового ничего не можете построить.

Занятия еще не закончились, солнечные лучи ударяли в широкие стекла типового кирпичного здания средней школы, на бетонных ступеньках сидел пригорюнившийся мальчик лет десяти в синем школьном костюме. Видно, с урока выгнали — вот и мается до звонка. В чахлом, с тонкими деревцами, сквере бродили неторопливые вороны, в отличие от голубей, они держались не кучей, а по одной, в стаи сбивались лишь к вечеру, когда нужно на ночлег устраиваться. Вот тогда можно услышать их хриплые крики и карканье. Несколько молодых женщин с сумками негромко переговаривались у ограды. По-видимому, тоже дожидаются своих чад. В стороне стояли желтые «Жигули», мерцала сигарета во рту мужчины в зеленой куртке. Этот может быть заботливым отцом, как Белосельский, а может — и любовником-совратителем старшеклассницы...

В своей газете он коснется и этой проблемы. Преступность, наркомания с пьянством и проституция — это единый клубок пороков, разбуженных перестройкой. После десятилетий лжи, ханжества, очковтирательства вдруг враз широко распахнули ворота вседозволенности, порнографии, секса, насилия, хамства. И все это обрушилось на неподготовленные юные умы молодежи. Со свойственным им максимализмом юноши и девушки выбрали для себя самое худшее, примитивное, бездумно-удобное для праздной жизни и неповиновения взрослым законам. На каждом углу зазывают ребятишек вывески видеосалонов, где демонстрируются грязные порнофильмы, боевики с культом насилия, садизма, гангстеризма. И уже ходят по улицам молокососы с нунчаками в карманах, провоцируют драки с неподготовленными сверстниками, чтобы опробовать свои навыки, полученные у расплодившихся тренеров каратэ.

Глухо прозвенел в здании звонок, а немного погодя, на ходу застегиваясь, из распахнутых дверей повалила

толпа школьников. Первыми с воплями выскочили младшеклассники, за ними — долговязые парни постарше, последними степенно выходили на залитый солнцем двор девочки. Эти держались независимо, высокомерно посматривали на шумливых мальчишек. Высокая блондинка в школьной форме и расстегнутом на высокой груди синем плаще направилась к «Жигулям». Мужчина лет сорока пяти предупредительно выскочил из машины и по-европейски с полупоклоном распахнул перед ней дверцу. Девочка небрежно бросила портфель на заднее сиденье, победоносно оглянулась на одноклассниц, провожающих ее завистливыми взглядами.

«Нет, это не папаша... — подумал Вадим Андреевич, наблюдавший всю эту картину. — Старейший ловелас, а девушке, дай Бог, всего пятнадцать лет!»

Маша вышла из здания с подружкой Надей. Та чуть ниже дочери, но грудастая и толстопогая. И смешно выглядел у нее на выпирающей из школьной формы, как у взрослой женщины, груди, детский красный галстук. У Нади было круглое лицо, льняные кудряшки и томный взгляд крупных, как вишни, глаз, опущенных белыми ресницами. Хотя вид у нее и был несколько легкомысленный, Надя была неглупой девочкой. Хорошо разбиралась в современной живописи, ее старший брат был художником, продавал городские пейзажи на Невском у бывшей Думы. Турист из ФРГ купил у него одну картину за марки.

Девочки, беседуя, прошли мимо, не заметив его. Длиннопогая Маша, в своей короткой бордовой куртке, по обыкновению больше слушала, чем говорила. Ее тонкая белая шея медленно поворачивалась к подружке, синие глаза ярко выделялись на озабоченном лице. По-видимому, разговор был серьезный, и Вадим Андреевич опять, как и в тот раз, когда увидел ее с пареньком в кожаной куртке, не решился сразу подойти, да и что он скажет? «Машенька, я боюсь, что тебя может изнасиловать какой-нибудь негодяй?». Это сейчас-то, ереди бела дня, когда прохожих тьма. Но и плестись сзади за девочками показалось ему глупым.

Вадим Андреевич повернулся и занегадил в другую сторону, еще нет двух часов, успеет заглянуть в «Букинист» на Литейном проспекте, может, чего интересного там увидит. У отдела подписных изданий всегда крутились книжные «жучки», спекулирующие детективами, приключенческой классикой и другими книгами, пользующимися спросом. Заламывали в пять-десять раз дороже номинала. А что делать, если в магазине не купить хорошую книжку? В магазинах — горы макулатуры, се-

рых бездарных книг в великолепных обложках, которые никто не покупает, а их по старинке выпускают массовыми тиражами. Торопятся современные писатели поскорее сбыть свою серую продукцию, чувствуют, что приходит конец книжному буму, когда расхватавали все книги в твердых обложках. Да и стоили они пустяки, это теперь поднимаются цены на все книги, а когда еще выше поднимутся, то люди не будут брать плохие. Кому охота платить рубли за печатное барахло? Вадим Андреевич читал в газетах, что почти одиннадцатитысячная дивизия писательской братии уже проявляет беспокойство по поводу того, что издательства перестали заключать с ними договора, мол, невыгодно стало печатать их, да и книготорг отказывается брать заведомо нерентабельную продукцию. Раньше-то как хорошо было влиятельным писателям, особенно литературным начальникам — издательские подхалимы все брали нарасхват, выплачивали огромные гонорары, выпускали избранные тома, собрания сочинений и никого не волновало: купят их или нет. Не купят, рассуют по библиотекам, их сотни тысяч в стране, не продадут — пустят под нож. Ни автору, ни издателю до этого дела не было. Автор получал гонорар за нераспроданную книгу, а издатель не нес финансовой ответственности за это. А теперь все по другому: не выгодна книга издательству, не принесет прибыли или хотя бы не покроет затраты на нее, значит, ее издавать не будут. Издательства-то подчинялись писательским организациям, навязывающим им серую литературу, а сейчас постепенно освобождаются от этой убыточной опеки. Чтобы выжить, пужно выпускать пользующиеся читательским спросом книги. А откуда знать издательским редакторам, что пользуется спросом, а что годы лежит на складах? Они за это не отвечали, печатали за взятки, проталкивали в планы приятелей, родственников и самих себя, чем они хуже бездарей с писательскими билетами... Вадим Андреевич как-то занялся подсчетами: сколько писателей в мире? И пришел к выводу, что нашу страну по количеству писателей можно смело включать в книгу рекордов Гиннесса. В СССР гораздо больше писателей, чем во всем мире. Республики соревновались, кто больше в отчетный период примет в Союз писателей, а потом на съездах с восторгом заявляли, что местные писательские организации выросли вдвое, втрое. Москва покорно штамповала писательские билеты, получали их даже те, кто вообще не написал ни одной книжки, принимали по газетным статьям. Хлынули в литературу дети, родственники секрестарей Союзов писателей. Отсюда и сдюки в писатель-

ских организациях, зависть, групповщины, захват издательств, газет, журналов. Серость прославляла серость, а все вместе душили истинные таланты, замалчивали их, травили. Появилась некая безъязыкая, худосочная «городская проза» ни о чем: идет текст, двигаются тени вместо живых людей, разговаривают не по-русски, мыслят не по-русски — этакие бездумные роботы... У читателей, кстати, совершенно справедливо сложилось мнение, что современной советской литературы нет, есть серые поделки. И как бы продажные критики ни прославляли серятину, книги не читали, впрочем, как и лживую критику. И вот эта античеловеческая горьковско-сталинско-бериевская гигантская организация, называемая Союз писателей СССР, неуклонно катилась к своему полному краху и распаду, как и почти все государственно-политические структуры, порожденные уродливым социализмом...

«Об этом тоже нужно будет написать в Русской газете!» — решил Вадим Андреевич, подходя к громадному серому зданию в стиле модерн, где помещались сразу несколько книжных магазинов и магазин спорттоваров. Теперь рынок диктовал свои условия: ранее расхваленные подхалимами-критиками книги «литературных генералов» продавались ниже номинала на распродаже, а книги неизвестных по литературным газетам писателей стоили по десять-пятнадцать, и даже по тридцать рублей, как, например, В. Пикуль, который, кроме злобной ругани от критики, ничего доброго не получил от Союза писателей. Год травили талантливого литератора, но, оказывается, читателей не обмануть: они с самых первых книг полюбили хорошего русского писателя и продолжают любить, несмотря ни на какие катаклизмы в писательском мире. И нет ему по коэффициенту популярности равных в СССР. А все раздутые критикой генералы, нахватавшие званий лауреатов и правительственных наград, притаились на своих роскошных дачах и стыдливо помалкивают, а как же иначе? Ведь они хвалили загнивающий строй, начиная с семнадцатого года, прославляли тиранов и дураков, занимающих высшие государственные посты, за что их щедро награждали и подкармливали. Меняются времена, и во всем этом хаосе в стране есть и положительные моменты, по крайней мере с глаз обманутого народа спала серая пелена, которую десятилетия усердно ткали, как пауки паутину, продажные литераторы и работники культуры. Может, и с них скоро потребуют ответа за содеянное? К тому, что

сейчас творится в стране, и они приложили свою руку. Лишат званий и наград? Короли-то оказались голыми, даже без фигового листка, прикрывающего срам.

— Вадим! Не помню, как тебя по батюшке? — услышал у входа в «Букинист» Белосельский. — Вот так встреча! Сколько лет: десять-пятнадцать мы не виделись?

Перед ним стоял на тротуаре бывший редактор «Великопольского рабочего» Петр Семенович Румянов. Сильно постаревший, некогда щегольские черные усики стали седыми, обвислыми, небольшие мутно-серые глаза возбужденно поблескивали на круглом розовом лице. Румянову наверняка шестьдесят, наверное, на пенсии, но на вид крепок, бодр. Есть такой тип пенсионеров из числа отставных военных и бывших руководителей, которых, кажется, и время не берет. Плотные, крепкие, розоволицые, в традиционных по сезону габардиновых или ратиновых пальто с серыми каракулевыми воротниками, в пушистых кепках или ондатровых шапках, они повсюду, везде. Бесцеремонно делают замечания молодежи, влезают во все конфликты, командуют в длинных очередях, спорят с таксистами. У них всегда наготове блокнот с шариковой ручкой, чтобы тут же записать номер машины. Неизрасходованная энергия бьет в них ключом. Они не пропускают лекций в Домах культуры и Доме политпросвещения, читательских конференций. Охотно задают лекторам и писателям множество каверзных вопросов, спорят, возбуждаются по пустякам и, честно говоря, многим отравляют жизнь и портят настроение. Пишут во все инстанции, начиная с жилуправления и кончая ЦК КПСС. Особенное неудобольствие у них вызывают злоупотребления в торговле, хотя, когда сами были у власти и получали все в распределителях, этого не замечали и палец о палец не ударили, чтобы ворюг призвать к ответу. Тогда их лично это не касалось. И в газеты больше всего критических писем приходит именно от них. Они любят «Вечорку», всегда выстраиваются в очереди у киосков, дружно осуждают молодежь, ругают новое начальство и власти, уже позабыв, что совсем недавно сами были начальством и работали в райкомах и райсоветах.

Это первое, что промелькнуло в голове Белосельского, когда он увидел Румянова.

— Я думал, вы в Великомполе, — сказал он, подумав, что сколько раз был в городе, а ни разу не поинтересовался судьбой бывшего редактора городской газеты. Признаться, и в редакцию-то он последние годы не заходил, потому что там и знакомых-то не осталось. Жур-

налисты тоже стареют, уходят на пенсию, меняют работу, а на их место приходят выпускники университетов, окончившие журналистские факультеты.

— Я еще в семьдесят пятом переехал в Ленинград, — стал рассказывать Петр Семенович. — Ведь у меня здесь родная бабушка, пережившая блокаду, у нее трехкомнатная квартира на улице Марата, рядом с Венгерским консульством. Жена не захотела терять жилплощадь, прописалась, а потом и меня уговорила переехать. Дело-то шло к пенсии...

— У вас же там дача была, — вспомнил Вадим Андреевич. Он каждую неделю возил туда редактора и его семью. Добротная, с комнатой наверху, зимняя дача, большой участок, неподалеку два озера с красивыми названиями: «Янтарное» и «Хрустальное».

— Каждое лето ездим в Великополь, живем на даче, я ее не продал, — сказал Румянов. — Люблю те края и рыбалку не позабыл... Ну, а ты как? Что-то в местной печати твою фамилию не встречал. Или под псевдонимом пишешь?

— В местной печати таким, как я, нет места, — с горечью вырвалось у Белосельского. — Да сейчас бы и позвали — не пошел бы. Мерзкие газетенки в Ленинграде стали. Если раньше журналистские мафии действовали с оглядкой, то теперь в открытую орудуют.

— Это ты попал в точку, — согласился Румянов. — Газеты противно в руки брать.

Их толкали прохожие, они отступили к стене серого здания. У троллейбусной остановки толпились пассажиры, громко хлопали двери магазина, длинный мальчишка, не обращая внимания на прохожих, прокатил на роликовой доске. Изгибался не хуже балеруна.

— Вот жизнь! — воскликнул Румянов, проводив взглядом толкнувшего его мужчину с огромной сумкой на боку. — Некуда стало в Питере спрятаться от толпы! Раньше, бывало, заскочишь в пивную или рюмочную, а нынче? Рюмочных давно нет, в пивные — очереди, да и водки-то бутылку без очереди не купишь, а в ресторанах командуют эти... кооператоры и рэкетиры. Противно туда и заходить... Вспомнил, у нас на Марата есть маленькое кафе, там народу немного, потому как спиртного не подают... Пойдем посидим, потолкуем. Расскажешь о себе... Рад, рад тебя видеть в добром здравии! Румянов ничего, кроме хорошего, не сделал Белосельскому и он охотно отправился с ним на Марата, по дороге Петр Семенович сказал, что заходил в магазин подписных изданий, жена подписалась на Дюма и Конан Дойля. Дома у них приличная библиотека, томов тысяча, не меньше.

Старушку похоронили два года назад. Жена как в воду глядела. Живут с замужней дочерью, есть внучка. Молодые работают, а жена дома сидит с внучкой, ей уже пять лет, все понимает...

Полуподвальное кафе действительно было почти пустым, за двумя столиками сидели девушки, По-видимому, продавщицы и пили кофе с пирожками. В помещении, обитом желтой вагонкой, было уютно, мягкий приглушенный свет не бил в глаза, негромко играл на стойке сверкающий хромировкой стереомагнитофон «Панасоник» — видно, кафе кооперативное. Хотя Румянов и сказал, что здесь не торгуют спиртным, когда пришли два черноусых молодых южанина, бармен выставил им бутылку сухого вина.

Петр Семенович рассказал Белосельскому, что перед пенсией несколько лет проработал в «Лениздате» заведующим отделом массово-политической литературы, в очень хороших отношениях был с директором и главным инженером типографии...

Вадим Андреевич в свою очередь поведал ему о своем желании издавать газету, но вот никак не может преодолеть трудности, возникшие перед ним...

— Я тебе помогу,— уверенно заявил Румянов.— Дело ты задумал хорошее, ту муру, которую сейчас выплескивают на головы читателей ленинградские, да и не только ленинградские газеты, просто читать невозможно. Если раньше все хвалили, пели дифирамбы руководству, то теперь всех обливают грязью, особенно травят партию...

— Я ее тоже защищать не собираюсь,— не удержался и вставил Вадим.— Партия — наше страшное зло — на свою погибель и сама для себя взрастила цветы зла...

— Красиво говоришь! — рассмеялся Румянов.— Это у кого такой сборник стихов? У Бодлера или Уитмена?

— У Уолта Уитмена «Листья травы»,— сказал Вадим Андреевич.— А «Цветы зла»... Не могу вспомнить, черт возьми, хотя когда-то читал этот сборник.

— Ты еще молод, а я многое забывать стал,— вздохнул Румянов прихлебывая из фарфоровой чашечки крепкий черный кофе.— А вот прошлое, особенно детство, хорошо помню. В редакции работал поэт Саша Громов? Так он...

— Он еще водку пил из пивной кружки,— перебил Вадим Андреевич. Воспоминания о редакции больше всего были связаны с пьянками, в которых он, к счастью, почти не участвовал, но там пили все, да и сам Петр Семенович был вынужден не дурак, правда, гуливал с горкомовцами на турбазе и на дачах. Главному редакто-

ру по этикету не пристало пить с подчиненными, которых изредка приходилось наказывать за прогулы и приводы в милицию по пьянке.

— Умер на рыбалке,— грустно сообщил Румянов.— Вечером возле палатки соорудили уху, крепко выпили под нее, а утром и не проснулся наш Саша. Легкая смерть. И хоронили с улыбкой.

— А как Володя Буров? — спросил Вадим Андреевич.— Отличный очеркист.

— Умер,— еще больше погрустнел Петр Семенович.— Этот в поезде Ленинград-Полоцк. Из «Великопольского рабочего» мне пришлось его уволить, незадолго до отъезда в Ленинград: три бумаги пришли из медвытрезвителя... Сколько же можно было его покрывать? Первый секретарь горкома велел его убрать. Слышал, что он устроился в русской газете в Резекне, а в восемьдесят втором, возвращаясь из отпуска, умер на верхней полке. В один день с Брежневым. Весь отпуск глушил... Жаль, конечно, талантливый был журналист, царствие ему небесное! Или в рай алкоголиков не принимают?

— У Бога свои мерки человеческих грехов,— невсело ответил Белосельский.

— Потому, наверное, Бог и покинул Россию, что развелось в ней много грешников?

— Как только получу разрешение на издание газеты, нужно срочно подписывать договор с типографией,— вернулся к важному для него разговору Вадим Андреевич.— Ведь они теперь три шкуры дерут с вольных предпринимателей, как и поставщики бумаги.

— Я сказал, помогу,— повторил Петр Семенович.— Мой зять работает начальником ведомственной типографии, печатают там разные инструкции, документы для научно-исследовательского института. У них своя многотиражка. А если у зятя возникнут трудности, договорюсь с главным инженером большой типографии... Мы с ним уже какой год ездим на Финский залив на зимнюю рыбалку, бывал он у меня на даче и в Великополе.

— Гора с плеч, Петр Семенович! — поверил ему Белосельский. — Типография — это главное, что меня мучило. Никаких подходов не было.

— Вот что значит — старые надежные связи, Вадим! — самодовольно заявил Румянов.— Новые начальнички-выскочки думают, что если захватили власть в Советах, так и хозяева города! Шиш! Командуют старые кадры, у них многолетние связи и никакая чертова перестройка их не нарушит. А эти, что набежали, орут на сессиях, кричат по телефонам, посылают своих представителей

на предприятия, а их никто не слушает. Дилетанты они, Вадим! Как ни ругают систему, а она ведь выработала за десятилетия свои законы, которые никакими пасками и скоропалительными решениями не отменить и не разрушить. Попомни мое слово, что новые начальники, неизвестно как попавшие на руководящие посты, ничего не смогут доброго сделать для Ленинграда, для страны. Да и вряд ли они думают о народе, скорее всего, заботятся о своих амбициях. Слушал, как народные депутаты о своих правах на сессиях пекутся? Все для себя! А какие оклады вырвали! И как не стыдно с трибуны верещать, что они говорят от имени своих избирателей? Давно уже им наплевать на избирателей, а тем — на депутатов, которые их подло обманули.

В словах Румянова было столько злости, что Вадим Андреевич подивился: казалось бы, человек на пенсии, чего так близко к сердцу принимать? Много, что сейчас происходит в стране, не нравилось и ему, но хотелось верить, что все образуется, рано или поздно войдет в колею. В своей газете он собирался публиковать и такие материалы, которые бы подсказывали властям, как нужно и умно хозяйствовать.

Южане прикапчивали вторую бутылку светлого сухого в высоких бутылках, когда они поднялись из-за стола. Разговор с Румяновым обнадежил Белосельского. Он знал, что бывший редактор «Великопольского рабочего» слов на ветер не бросает. И в отличие от многих знакомых, отнесся к идее создания «Русской газеты» с пониманием. И искренне загорелся желанием помочь. На улице дул холодный влажный ветер, он гнал по выбитому асфальту ржавые листья, окурки, прокомпостированные автобусные билеты. За последние годы город все больше загрязнялся, не видно на улицах дворников, иногда переполненные мусорные баки стояли во дворах по неделе и больше, распространяя зловонный запах. Бездомные кошки и голуби рылись в отбросах, появилось много и ворон. По вечерам под арками у подъездов собирались группы молодых людей, включали на всю мощность магнитофоны, нарочито громко гоготали. Зверски дымили сигаретами на лестничных площадках, сидя на подоконниках. Много было среди них несовершеннолетних девушек. Что-то чудовищное происходило в городе, некогда славящемся своей интеллигентностью и высокой культурой. Хамство, мат, пьянство, наркомания, драки — все это становилось нормой жизни. Особенно у молодежи. И еще что бросалось в глаза: юноши и девушки были неопрятны, в дырявых с заплатками джинсах, рваных кроссовках, от них дурно пахло. Ходи-

ли по улицам и дворам кутками, вели себя нагло, задевали прохожих, матерились. Вот уж что мог с уверенностью сказать Вадим Андреевич — в его молодости так вели себя лишь уголовники и беспризорники.

— Вадим, возьми меня в свою газету? — остановившись на углу Марата и Невского, вдруг сказал Петр Семенович. — Запом своим или ответственным секретарем? Не могу без работы. А писать информашки в левые газеты надоело, да и чем сейчас можно удивить людей? Столько на них обрушивается всякой всячины! Так все равно лучше Невзорова и Светланы Сорокиной не подашь. Мне нравится эти «Шестьсот секунд».

— Я сам вас хотел об этом попросить, — сказал Вадим Андреевич. О лучшем сотруднике новой газеты нечего было и мечтать. Опытный редактор, полиграфист Румянов был бы находкой для газеты. Да еще зять — начальник типографии! Ему и можно доверить выпуск, когда Вадим будет в отлучке.

— У тебя, конечно, нет еще помещения, даже пишущей машинки, бухгалтера?

— У меня есть всего лишь один сотрудник и директор — это моя жена Лина, — улыбнулся Вадим Андреевич.

— Вот что, Вадим, — озабоченно взглянул на него Петр Семенович. — Мой дом рядом, пошли ко мне, сядем за стол и все обсудим. Как говорится, нужно ковать железо, пока горячо.

Вадим Андреевич, конечно, не возражал.

5. Встреча с тобой

Из этого жуткого сна он выползал медленно, как извивающийся червяк из норы, заливаемой дождем. Сердце громко стучало, не хватало воздуха в легких, распухший, будто с похмелья, язык царапал небо. Глаза еще было не разлепить, в ушах звучал хрипловатый голос капитана Астахова, но Вадим Андреевич уже знал, что это был старый, неоднократно повторяющийся сон.

— Вадим, ты кричал во сне, — услышал он встревоженный голос жены. — Я даже проснулась. Кто же это тебя преследует, дорогой?

Сквозь тонкие зеленоватые шторы пробивался тусклый свет, не обещающий погожий день, ночи становились длиннее, а дни короче. И рассвет наступал поздно. А тут еще эта свистопляска с переводом часов на один час то вперед, то назад. Какой, интересно, идиот это придумал? Такой уж наш народ — любую глупость не-

глупость принимает с рабским терпением. С неделю лили проливные дожди, в прихожей растопыривались разнокалиберные зонты, отопление еще не включили и в комнатах пахло сыростью. Лина лежала на своей кровати, напротив тахты Вадима Андреевича. Когда-то они вместе спали на этой неширокой деревянной кровати с ковром на стене, но потом купили раскладную тахту и Вадим перебрался на нее. Он любил допоздна читать, а жена засыпала раньше, да и вообще спать вдвоем было неудобно. Когда он предложил спать порознь, Лина надулась, но потом сама прогоняла мужа на тахту — вдвоем и ей было не заснуть — когда он раз или два в неделю с вечера в хорошем настроении ложился с ней.

— Опять этот чертов Астахов приснился, — хрипло произнес он. — Интересно, жив этот негодяй?

— Думаешь, и с того света он тебя достанет? — зевнув, сказала Лина. Ее полная белая рука была под головой, золотистые волосы рассыпались по смятой цветной подушке, даже в сумраке синие глаза отчетливо видят. Ему всегда казалось, что они должны и ночью светиться, как у кошки, но этого не было. Ее грудь вздымала клетчатое шерстяное одеяло в пододеяльнике. Дети еще спали в своей комнате, было всего лишь половина седьмого, а они вставали в восемь. Зеленоватые электронные часы светились на книжной полке рядом с медным распятием.

Капитан милиции Астахов... На всю жизнь запомнился этот страшный человек. Если бы не Румянов, посадил бы в тюрьму он Вадима Белосельского. Он не любил вспоминать эту историю, которая случилась в первые месяцы его приезда в Великополь с турбазы «Саша». Это когда Петр Семенович пригласил его шофером к себе. Вадим только закончил курсы шоферов и получил права. Вася Лукьянов — шофер из лесничества, уже много раз доверял мальчишке руль своего «газика». Каждый его приезд на турбазу был для Вадима праздником. Вася не жалел свой выдавший виды «газик» и охотно разрешал покататься на нем. Сначала ездили вместе, а когда мальчишка научился сносно править и разворачиваться, давал и одному поездить по проселочным и лесным дорогам. На малой скорости Вадим дважды отвозил его, изрядно охмелевшего, в Пушкинские Горы. Ставил машину у четырехэтажного кирпичного дома, будил задремавшего Лукьянова и отводил на квартиру, где, случалось, и сам ночевал на раскладушке. На другой день Вася отвозил его на турбазу. По утрам он никогда не похмелялся. Жена шофера, видно, уже привыкла к

выпивкам мужа и не особенно пилила его спозаранку, а к Вадиму относилась хорошо, кормила вкусными за-втраками, давала в дорогу бублики и кулек мармеладу.

В тот морозный февральский день 1963 года Вадим отвез редактора на обед домой, поставил машину во дворе и сам отправился в ближайшую столовую. Пообедав, сел за руль «Победы» и поехал в магазин спорттоваров купить мормышек и, если повезет, — красного мотыля для зимней рыбалки. Редактор собирался в пятницу вечером выехать на турбазу и поручил ему приобрести все необходимое. Вадим уже несколько раз рыбачил с местным начальством, зимняя рыбалка ему нравилась. Если раньше он сидел у печи на турбазе, что на берегу огромного белого озера, окаймленного соснами и елями, и читал, то теперь вместе во всеми пешней долбил лунки и, сидя на оцинкованном ведре, ловил холодных красноперых окуней и серебристую плотву. Толкал их головами в снег, где рыбины быстро замерзали. Иногда в общезитии, оттаяв в раковине, снова оживали. Ветер шуршал в ближних торчащих из сугробов камышах, замерзшее озеро потрескивало и издавало будто бы глубокий горестный вздох. Здесь хорошо думалось, все рыбаки, которых он привозил сюда, сидели друг от друга на порядочном расстоянии и не переговаривались. Лишь дымки от их папирос тянулись вверх. Главное, нужно было потеплее одеться, лучше всего в овчинный полушубок, и когда дует ветер, поднять меховой воротник и отвернуться от него. На рыбалку Вадим надевал черный полушубок и жесткие негнущиеся валенки. Все это помог ему купить на базе райпотребсоюза Румянов.

Мотыля не было, а мормышек Вадим купил, на всякий случай приобрел черпалку, похожую на шумовку, только с большими дырками. Черпалкой удобно из лунки выбрасывать на снег загустевшую на морозе.

У сквера, напротив кинотеатра «Победа», Вадима остановил капитан ГАИ в желтом полушубке с портупеей, наганом на боку и полосатым жезлом. Мотоцикл капитана, синий с желтым, с коляской, стоял у входа в сквер, где возвышалась на постаменте гипсовая фигура приготовившегося, с откинутой рукой дискобола. На курчавой голове юноши — круглая снежная шапочка. Фигура была грубо отлита, от диска отломан кусок, так что это был уже не диск, а полумесяц. По-видимому, коренастый капитан со щекастой румяной физиономией смертельно скучал или с утра встал не с той ноги, а еще Андрей Платонов в каком-то своем рассказе, кажется «Фро»,

справедливо заметил: мол, больше всего нужно опасаться скучающего жандарма, он имел в виду постового на маленькой железнодорожной станции.

— Твои права? — грубовато потребовал капитан. В Великополе милиционеры редко обращались, особенно к водителям, на «вы».

— А в чем дело? — удивился Вадим, доставая из кармана удостоверение. Последний раз у него спрашивали права, кажется, осенью, но тогда на перекрестке была авария: таксист врезался в автобус. А тут у сквера и знаков-то никаких нет, а скорость он не превысил, тут и не поедешь по гололеду больше сорока километров в час.

Пока капитан с напускным вниманием изучал водительское удостоверение и техталон, Вадим разглядывал его: из-под зимнего серого меха шапки выбивались черные волосы, нос крупный, толстый книзу, рот широкий, лоб резко скошенный, мощная выпирающая нижняя челюсть с острым подбородком. На вид крепок, широкоплеч, вот только красная шея коротковата. На улице пустынно, редко пройдет машина или проскрипит по заснеженному тротуару прохожий. Неожиданно капитан сунул в приоткрытую дверь руку, вытащил ключ зажигания и швырнул его на дорогу.

— А ну-ка подыми! — приказал он.

Вадим даже сразу не сообразил, зачем он это сделал, но послушно вылез из «Победы», нагнулся за ключами и в этот момент получил в зад мощного пинка, проехал подбородком по обледенелому асфальту, поцарапавшись до крови. Мгновенно вскочил и, не раздумывая, врезал капитану правой в глаз. Теперь капитан ползал по льду, безуспешно стараясь вскочить, его правая рука шарилась по кобуре, наверное, к счастью, оказавшейся пустой, а маленькие голубоватые глаза сверкали злобой.

— Ах ты, ублюдок, — ругался он. — Поднял руку на меня? При исполнении?

— А вы — ногу, — усмехнулся Вадим. — За что вы меня пнули?

— Ты ведь пьяный, гнида! — шипел капитан. Он уже встал и ощупывал набухавшее подглазье. — Да знаешь ли ты, мразь, что я тебя засажу на пять лет!

— Я — пьяный? — изумился Вадим. — Везите на экспертизу.

— Я же видел, как ты вышел из столовки и чуть не упал...

— Там лед, я поскользнулся...

— Ах ты, пьяная рожа, на капитана милиции? Да я тебя... — он даже захлебнулся от гнева. — Пиши пропало, парень! Конеч тебе.

Вот, значит, зачем он бросил ключи в снег, где-то слышался, что так поступают в Америке полицейские: если водитель сумеет подняться на ноги с ключом, значит, поезжай дальше, а не сможет, то крупный штраф за управление транспортом в пьяном виде...

В отделении милиции Вадима заставили искать «пятый угол». Так это называлось... Четыре дружка капитана Астахова, так звали гаишника, встали по углам тесной прокуренной дежурки с предвыборными плакатами и стали кулаками посылать Вадима от одного к другому. Если сначала он сопротивлялся и тоже махал кулаками, то вскоре, избитый и почти ослепший от искр из глаз, с кровоточащим носом, растянулся на грязном деревянном полу. Рассеченная губа саднила, солоно было во рту, гудела голова, а Астахов сидел за столом и составлял акт о нападении пьяного шофера Вадима Андреевича Белосельского на него, капитана милиции Астахова Василия Борисовича...

До сих пор не может простить себе Вадим: зачем он подписал этот липовый протокол? Конечно, он отказывался, не мог даже прочесть, что там Астахов накарябал, но его, схватив за волосы, стукали головой об стол, грозили снова заставить искать «пятый угол»... И он подписал. Уже поздно, анализируя все, что с ним произошло, понял, почему невинные жертвы оговоров и беззакония все подписывали, что им подсовывали следователи в сталинско-бериевское время, да и позже... Причем, к заключенным применялись такие пытки, рядом с которыми «пятый угол» покажется детской забавой...

Вадима продержали в отделении сутки, не позволили даже позвонить в редакцию, Петр Семенович Румянов сам его нашел. Ему Вадим и рассказал об этом диком случае. Редактор вызволил его из милиции, перед этим долго разговаривал с начальником отделения в звании подполковника. Астахов выбрал момент и прошипел Вадиму на ухо, что если тот заикнется о том, что его били, то не жить ему в этом городе. Он, Астахов, знает, что родители Белосельского репрессированы — тогда еще они не были реабилитированы — а яблоко от яблони... Внутренний синяк под сузившимся глазом капитана несколько умиротворил Вадима. Он не стал писать встречное заявление. Подписанный им протокол разорвали позже, редактор в кабинете гневно обличал милицеские порядки в Великополе, что сам напишет статью о случившемся, но не написал. Все так и закончилось. А как-то в подпитии — на своей даче — признался своему шоферу, что с милицией и КГБ лучше не связываться... Они считают, что всегда правы и найдут момент крепко

отомстить. Первый дружит с начальником горотдела, да и главный кагэбэшник с ним на «ты». Конечно, он, Румянов, все расскажет полковнику, только ворон ворону глаз не выклюет. То, что произошло в Вадимом, — это мелочь. Эти ребята из органов могут любому большую каку сделать...

Об этом Петр Семенович мог бы и не говорить: Вадим отлично знал, на что способны ребята из органов...

Вадима с тех пор довольно часто стали останавливать гаишники, но до серьезных конфликтов дело не доходило, после двух-трех попыток уличить его в нетрезвости — заставляли дуть в трубку — или в дорожном нарушении от него постепенно отстали.

Но капитан Астахов стал для Вадима символом самого отвратительного беззакония, хамства, садизма. Много лет спустя он узнал, что капитан уже в чине подполковника вышел на пенсию и живет себе на даче в десяти километрах от города, выращивает там цветы, ранние овощи и торгует ими на рынке, но увидеть его в новом качестве так и не привелось.

Астахов со своим «пятым углом» являлся к нему теперь лишь в снах, особенно когда у Вадима Андреевича был тяжелый период, точнее, «черная полоса» в жизни. Психологи вычислили, что у каждого человека периодически «белую полосу» сменяет «черная». Бог справедлив и поровну распределяет на своих Божественных весах счастье и несчастье. Ну если не поровну — одним везет больше, другим меньше, — то все-таки и несчастных иногда хотя бы и на краткий миг делает счастливыми.

Были в жизни Белосельского и посерьезнее конфликты, чем с Астаховым, но все как-то забылось, а Астахов нет-нет и являлся во сне то в образе чудовища-вампира, то самого Сатаны с рожками и копытами, а то и черноусого человека в защитном костюме без погон, хромо-вых сапогах и с трубкой в зубах... Видение выколачивало трубку о его голову, только вместо пепла лился оттуда расплавленный металл...

Лина уже встала, хлопала дверями ванной, кухни, а Вадим Андреевич смотрел на белый, с трещинками по углам потолок и размышлял о том, что после некоей эйфории, вызванной разрекламированной на весь мир перестройкой, наступает отрезвление, сродни глубокому похмелью: жизнь становилась все более беспросветной, тяжелой, продукты и товары стремительно исчезали из магазинов, все более жирели кооператоры. В кооперативных магазинах за умопомрачительные цены продавались великолепные иностранные товары, которые и могли купить лишь кооператоры. Так что пока страна

производила кооператоров, которые и обслуживали кооператоров, а обыкновенные люди лишь с ужасом смотрели на дорожавшие на рынках продукты и готовились к худшему. Все чаще писали и говорили о дельцах и воротах теневой экономики, которой, оказывается, покровительствуют самые высокие чины из правительства. Куда-то начисто провалилась милиция, в газетах писали, что ее оснащенность убогая, транспорт аховый — любой жулик за рулем уйдет от пытающегося преследовать его милиционера, да и зарплата у них низкая, оружие применять запрещается, даже защищаясь от бандитов, столько запретов и ограничений, что, пока вытащишь пистолет, тебя десять раз вооруженные преступники могут убить...

И вот молоденькие милиционеры с книжками на коленях уютно устроились в кооперативных магазинчиках, где импортный уют стоит девятьсот рублей, а видеотехника — несколько десятков тысяч.

В общем, все расползалось по швам, трещало, рвалось, обваливалось, как старый, сгнивший дом, снаружи приукрашенный лозунгами и плакатами, призывающими озверевших граждан беззаветно любить КПСС...

«Куда котимся, Вадим!» — говорил Игорь Владимирович Поливанов, капитально осевший на Псковщине и изредка наезжавший в Ленинград. Он вдруг проявил житейскую сноровку и сдал свою квартиру внаем. Когда был в Ленинграде, ночевал на кухне на раскладушке, но больше двух-трех дней не задерживался. Совсем пить он не бросил, но в многодневные запои больше не впадал. Жить в тихой деревне ему нравилось, он уже стал директором РТС — ремонтировал тракторы, комбайны, другую сельхозтехнику. По его довольному виду и здоровому цвету лица можно было не сомневаться, что Игорь Владимирович вышел на свою «белую полосу» жизни. Прилично одет, чисто выбрит. Намекнул в последний приезд, что к Новому году, может, на свадьбу пригласит. Видно, сельская учительница не на шутку вскружила ему голову.

Завтракали на кухне вдвоем, Маша ушла в школу, Дима с Толиком Пинчуком смотрели диснеевский мультфильм «Маугли», Вадим Андреевич вчера записал его у знакомого «писателя», так теперь называют дельцов от видеотехники. Раздобыв первую копию или дублированный оригинал нового заграничного фильма, они день и ночь переписывали его, продавая трехчасовую кассету за восемьдесят-девятьсот рублей.

Лина и он по утрам ели мало: кофе с молоком, яйцо всмятку, бутерброд с сыром или колбасой. После рожде-

ния Димы жена постоянно нигде не работала, но чтобы не сидеть без дела, брала на дом перепечатывать рефераты и диссертации у сотрудников НИИ Арсения Владимировича Хитрова. Печатала она грамотно, профессионально, и будущие кандидаты и доктора наук охотно давали ей свои работы. И еще Лина научилась хорошо шить. Начала сама одевать детей, а потом посыпались заказы от знакомых женщин и от знакомых знакомых. Вадим Андреевич тоже носил рубашки и брюки, сшитые женой. Пришел иностранную этикетку — и Линино изделие сойдет за импортное. Матери Машиных подруг частенько приходили к ним и просили сшить джинсы или юбку для своих дочерей. Маша каждый месяц щеголяла в обновках. Так что в доме часто то стучала пишущая машинка «Оптим», то залиvisto стрекотала швейная «Веритас». Если Вадим Андреевич в основном зарабатывал деньги летом на Псковщине, то Лина обеспечивала семью средствами осенью и зимой. Все лето она с детьми теперь проводила в деревне у мужа.

— Опять пойдешь по начальству? — прихлебывая кофе из красивой фарфоровой чашки, поинтересовалась она.

— Я, наверное, не умею разговаривать с чиновниками, — вздохнул Вадим Андреевич. — Срываюсь, спорю, доказываю...

— А надо дать взятку, дорогой, — улыбнулась жена. — Теперь без взятки ни одно дело не делается. Ты что, газеты не читаешь, телевизор не смотришь? Члены правительства берут в лапу! Я уж не говорю про мелочь пониже рангом. Взятка становится в нашем обществе нормой жизни. Берут все и за все.

— Не умею давать — это раз, а потом, и давать-то нечего — это два. Хорошим я буду редактором газеты, обличающей как раз взяточников и проходимцев у власти! Их готовлюсь обличать, а сам взятки даю!

— Журналистика — вторая древнейшая профессия, — улыбнулась Лина. — Или ты хочешь быть самым честным редактором? Тогда я тебе не завидую!..

Ее густые золотистые волосы собраны в большой, напоминающий крендель, пук на затылке, полные белые руки, обнаженные до плеч, плавно двигаются, поднося ко рту чашку или бутерброд. На Лине шелковый пеньюар с коричневой кружевной отделкой. Тоже сама себе сшила. Недавно начали топить и на кухне жарко, несмотря на приоткрытую форточку. Когда жена встала и пошла к мойке, он проводил ее взглядом: под пеньюаром просвечивали белые трусики и бретельки лифчика.

У Лины сохранилась талия, походка ее была плавной, движения как бы замедленными, а в девичестве она была резкой, стремительной. И Машу и Диму жена кормила грудью, наверное, поэтому грудь ее сохранила округлую форму и упругость. Он встал, взял со стола свою кружку, чайную ложку и подошел к жене. Из никелированного крана с журчанием бежала теплая струйка. Лина мыла посуду волосистой щеткой на длинной с крючком ручке. Он прижался к ней сзади, обнял за плечи и поцеловал в шею под завитки душистых волос.

— Что это на тебя нашло? — не поворачивая головы, произнесла она, но он заметил, что ухо и обращенная к нему гладкая щека слегка порозовели, а пышные ягодицы, так явно ощутимые под тонким шелком, призывно шевельнулись. — Ого, ты же не жаворонок, а ночная сова... Может, вечером?

— Ты постель не убрала?

— Если я скажу, что убрала, ты отстанешь?

— Ты хочешь, чтобы я отстал? — все сильнее прижимаясь к ней, сказал он. Ладони его нежно обхватили ее тяжелые груди. Лина ему всегда желанна почти так же, как в молодости.

— Я еще не знаю... — чайная ложка звякнула о металлическую раковину, Лина повернула к нему улыбающееся лицо с огромными голубыми глазами, пушистая голова ее стала медленно запрокидываться, а глаза светлеть, губы приоткрылись. Он поцеловал ее, нагнулся и подхватил на руки.

— Ты у меня сильный! — вырвалось у нее. Она обхватила его за шею. А он, чувствуя как начинает бухать сердце — жена весила не меньше шестидесяти пяти килограммов, — понес ее в спальню. — Сильный и все еще молодой!

Лина успела распустить по плечам волосы. Лаская ее роскошное белое тело, так знакомое и вместе с тем всякий раз загадочно-таинственное, целуя грудь с чуть сморщенными розовыми сосками, Вадим Андреевич подумал, что вот он наступает — тот самый сладостный момент, когда все суетное, мирское куда-то отступает, а на смену ему приходит то вечное, самое сильное ощущение полноты жизни, которое дарует через любимую женщину Господь Бог человеку.

Белосельский с самого начала знал, что трудно будет выпускать «Русскую газету», но даже не подозревал, что она вызовет такой всплеск бешеной ненависти со стороны разных «фронтов» и других левых организаций, которые плодились в городе, как кролики. Хотя зять Румянова — Иван Никитич Седов и пообещал отпечатать в своей типографии первый номер, еще два месяца назад подготовленный Вадимом Андреевичем и пенсионером Герасимовым Виктором Леонидовичем, но и тут возникли препятствия. Заместитель директора НИИ Бесик Борис Ильич, курирующий институтскую типографию, как говорится, встал на дыбы, мол, «Русская газета» никакого отношения к их профилю не имеет и печатать ее не стоит, тем более что на прибыль типография вряд ли сможет надеяться: газета новая, с вызывающим названием («Русская газета» — это, оказывается, вызывающее название!) может привлечь на коллектив нарекания со стороны ленинградской леворадикальной общественности.

Чернявый, с остроконечной бородкой и длинными баками чуть выше среднего роста, Бесик сверлил Белосельского сощуренными карими глазами и говорил:

— Да вы все помешались на этих газетах! Сколько их в киосках? Десятки, сотни! И еще одна, видите ли, «Русская»! Потом будет «Татарская», «Украинская», «Еврейская»...

— Еврейская уже выходит,— вставил Вадим Андреевич,— да и все остальные — откровенные рупоры евреев, а вот у русских — коренного населения России — нет своей газеты в Ленинграде. А ведь русских около девяноста процентов здесь.

— Ишь ты, уже подсчитал!

— Статистика,— улыбнулся Белосельский.

— По-вашему, у русских должны быть какие-то особенные интересы, отличные от интересов других народов?

— Наше правительство, заботясь о других народах, за семьдесят лет превратило русских в самых нищих, бесправных, в Иванов, не помнящих своего родства. И сразу после революции комиссары деятельно принялись беспощадно уничтожать русских людей, надругиваясь над их верой, Богом. Разумеется, с благословения вождей революции. Это был хорошо задуманный и тща-

тельно проведенный в России геноцид именно русского народа. И уже потом при Сталине пострадали и другие народы. Разве вы не читаете газеты-журналы? Об этом сейчас много пишут.

— Я не позволю в нашей институтской типографии печатать вашу сомнительную газетенку,— твердо заявил Бесик и не пожелал больше разговаривать.

Иван Никитич Седов, моложавый мужчина тридцати пяти лет, негромко проговорил:

— Он активный член Народного фронта. Ненавидит все русское и русских. У нас в институте его так и называют: русофоб. А газету мы напечатаем. В выходные дни. Я вам обещаю, прочел, как говорится, от корки до корки... Мне нравится. И читатели найдутся. Таких честных газет у нас еще не выходило.

И вот Вадим Андреевич держит пахнущую типографской краской «Русскую газету» в руках. Он сидит на кухне, пробегает глазами не раз читанные им статьи, в газете даже есть стихи молодого новгородского поэта.

Все реже вижу русское лицо.

Давно не слышу чисто русской речи.

Захвачан Бог руками подлецов.

Осквернены истоки наших речек...

А вот проверенные цифры страшной статистики:

«В 1917–1931 годы и в первые месяцы 1922 года погибло около 15 миллионов одних великороссов. Потери 30-х годов — 3-4 миллиона (расстрелянные, умершие от голода и болезней)».

— Что ты, Вадик, такой грустный? — услышал он голос жены. — Добился ведь своего: газета вышла. Вот и радуйся.

— Спасибо и тебе, Аэлита,— улыбнулся он.— Сколько раз ты перепечатывала каждую статью!

— А будут ее покупать?

— После обеда пойду, загляну в киоски «Союзпечати», еще утром наши помощники-энтузиасты развезли на своих машинах пачки с газетами. Будут и с рук продавать у метро, на улицах.

Лина налила в тарелки щи из кастрюли, нарезала хлеб, обычно Вадим Андреевич ей помогал, но сегодня никак не мог оторваться от своей газеты. Было тревожно и радостно. Делали газету вчетвером: он — главный редактор, ответственный секретарь Виктор Леонидович Герасимов, Петр Семенович Румянов и Лина. Когда Вадим Андреевич уйдет в деревню, Румянов будет выпускать «Русскую газету». Ему Белосельский полностью доверял, как и Герасимову. Корректором, машинисткой и бухгалтером была Лина. Пока никто из них не

получал ни копейки, но если тираж будет раскуплен, а в этом никто не сомневался, то Лина в зависимости от дохода рассчитает каждому зарплату. Номер стоил 40 копеек. Львиную долю дохода, конечно, будут забирать бумажный комбинат, типография, «Союзпечать». Но о финансовой стороне дела пока никто не думал, газету делали энтузиасты и сегодня у всех было праздничное настроение. Договорились вечером всем собраться у Белосельских на Греческом проспекте. Лина переживала, что нечем будет гостей угостить, дома пустой холодильник и водки всего одна бутылка, а в очередях они стоять не любят, особенно за спиртным. Это самые неприятные очереди: полно алкоголиков, хамов, нахально лезущих к кассе, опустившихся, с деформированными лицами женщин, матерящихся, как сапожники, Лине брали водку знакомые.

— Папа, а почему тут нет картинок? — спросил Дима, заглядывая через плечо отца в газету.

— Будут и рисунки, и портреты, — рассеянно ответил тот. — Как говорится, дай срок — будет гармошка и свисток.

— Гармошка? — удивился сын. — А что это такое?

«Дожили! — подумал Вадим Андреевич. — Наши дети уже не знают, что такое русская гармошка! Решил, что обязательно нужно будет рассказывать в газете о национальных религиозных праздниках, инструментах; молодежь не знает толком, что такое Пасха, Рождество, Троица, названия церковных служб, литургий...»

К Диме пришел приятель Толик Пинчук, и они ушли в другую комнату, Маша задерживалась в школе, она предупредила мать, что у них нынче поход в музей-квартиру Достоевского. Вадим Андреевич вытирал длинным полотенцем посуду, вымытую Линой, и складывал тарелки в навесной шкаф, а ложки-вилки — в верхний ящик кухонного стола. Из маленького батарейного приемника лилась спокойная музыка. Это теперь редкость, чаще из эфира несутся дикие завывания электроинструментов и хриплые голоса плодящихся как грибы в лесу самозванных певцов. Групп появилось в стране столько, что уже никто и названий их не помнил. А молодежь с ума сходила по своим кумирам, как и в капстранах стали после концертов все бить, ломать, крушить на своем пути, досталось даже метро. Насмотрелись телепрограмм, где подобное часто показывают...

— Я с тобой пойду, — сказала Лина, когда Вадим Андреевич стал в прихожей одеваться. Начало декабря, а на улице плюсовая температура, слякоть, лужи. Выпадает снег и тут же тает, а машины разбрызгивают жижу по

сторонам. Небо напоминало грязную перину, укрывшую город. У бензоколонок тоже стали выстраиваться длинные очереди. Да и за чем только нет очередей! А все началось с борьбы с пьянством: стали меньше продавать спиртного и сразу появились первые длинные очереди. В рабочее время на десятки метров вытягивались они на тротуарах. И стояли в очередях люди самых разных возрастов, от юношей до стариков. Много было женщин. Стояли мрачно и тупо, иногда возникали свалки, драки и тогда появлялась на машинах милиция. Началась спекуляция водкой, повсеместное производство самогона, по телевизору показывали умельцев, приспособивших даже электронику для выгонки самогона из сахара. Уйдет хозяин на работу, а на кухне, установленный на газовой плите и подключенный к водопроводу, автоматически работает хитроумный самогонный аппарат, сам включается и когда надо выключается. Как когда-то говорил дед Вадима Андреевича Добромислов, мол, голь на выдумки хитра. Сахар стали продавать по талонам. Писали, что в Крыму, Молдавии и на Кавказе вырубili ценнейшие виноградники, теперь продавали низкосортное вино, а сухое скороспелое из бросового винограда закисало еще по дороге к потребителю. Не лучше стало и шампанское, были случаи отравления. Но самое печальное было в этой очередной антиалкогольной кампании то, что появились наркоманы и токсикоманы. Главным образом молодые люди, которым подорожавшая водка стала не по карману.

— Чем угощать-то гостей будем? — увидев у магазина длинную очередь, спросила Лина. Она была в сером пальто с теплой подкладкой, синей вязаной шапочке, на ногах — высокие сапожки, туго обтягивающие ее стройные ноги. Через плечо замшевая сумка на ремне. Завитки золотистых волос вылезали у порозовевших щек из-под шапочки, в синих глазах — озабоченность.

— У нас же есть картошка! — вспомнил Вадим Андреевич. — Между окон стоит банка маринованных огурцов.

— Надо бы колбасы купить, бутылку водки или вина.

Глянув на очередь, Вадим Андреевич усмехнулся:

— Я стоять за этой дрянью не собираюсь.

— Я — тем более, — в тон ему ответила жена.

В первом же киоске им сказали, что «Русская газета» к ним не поступала. Лишь в третьем или четвертом киоске продащица нехотя достала из-под прилавка нераспечатанную пачку «Русской газеты».

— А почему нет на витрине? — спросил Вадим Андреевич. — Все газеты выставлены, а этой нет?

— Забыла положить,— равнодушно ответила киоскерша.— Вон теперь сколько у нас газет! В глазах от названий пестрит. Сначала все новое хватали, а теперь ковыряются, шуршат страницами...

Они прошли всю улицу Некрасова, Литейный проспект, и нигде не продавали «Русскую газету». Вадим Андреевич все больше мрачнел.

— Вадик, ты постой тут, я сама потолкую с киоскершей,— предложила Лина.— Больно мрачный у тебя вид. Может, мне скажут, почему наша газета в пачках валяется у них под ногами на полу?

— Правду не скажут,— проворчал Вадим Андреевич. Он стал догадываться, что русофобы уже вступили в игру, им эта газета — как быку красная тряпка.

Он видел, как жена подошла к киоску — там не было никакой очереди — и стала разговаривать с киоскершей — пожилой женщиной в ватнике и потертой ондатровой шапке. Та протянула Лине какую-то брошюру, из-за стекла бледное круглое лицо продавщицы казалось размазанным. Мимо шли прохожие, зорко стреляя глазами по витринам магазинов. Редко кто проходил мимо дверей. Лица прохожих алчно-озабоченные, люди заходили во все магазины, если видели очереди, то становились в конец, а лишь потом спрашивали: что дают? Не продают, а именно дают. Деньги все больше обесценивались и что-либо дефицитное купить по государственным расценкам считалось удачей. Если раньше прохожие хоть изредка взглядывали друг на друга, то теперь их взоры были прикованы к витринам магазинов, киосков, поглядывали на хозяйственные сумки и полиэтиленовые цветные пакеты в руках встречающих, увидя там что-либо интересное, спрашивали, где приобрели вещь или продукты. Лица были похожи одно на другое — лица роботов, получивших четкое задание что-то отыскать, купить, приобрести нужное и ненужное. Чем меньше становилось товаров и продуктов, тем больше их раскупали. Даже хлеб и булку брали по несколько штук, а печенье или конфеты хватали килограммами. Шоколад в плитках и хорошие конфеты стали редкостью. Печенье в пачках таяли на себе в связках, как когда-то туалетную бумагу. Кстати, чем меньше продуктов, тем больше выбрасывали в продажу туалетные рулоны. Скупали мыло, соль, спички, стиральный порошок.

— А ты знаешь, киоскерам сказали, что «Русскую газету» надо придерживать, чтобы устарела, и вообще не продавать,— сообщила Лина.

— Как придерживать?

— Продавать, если спросят, а самим предлагать и выставлять на витрине не велели...

— Кто не велел? — повысил голос Вадим Андреевич.

— На меня-то не кричи, дорогой,— одернула жена.— Не велели те самые люди, которые привозят в киоски газеты-журналы.

— И киоскеры их слушают?

— Попробуй не послушать: в следующий раз привезут неходовой товар. Киоскеры зависят от экспедиторов.

— Не экспедиторы запрещают продавать нашу газету...— угрюмо пробормотал Вадим Андреевич.

— А кто же тогда?

— Вот это и надо выяснить,— сказал он.

Вскоре им удалось выяснить вот что: на Владимирской площади, неподалеку от Кузнечного рынка, где торговля всякой всячиной шла особенно бойко, прямо с рук у металлической ограды торговали газетами, журналами, дефицитной литературой вроде «Аномалии» и «НЛО», да и откровенной порнографией. Стоял здесь знакомый Вадиму Андреевичу высокий худощавый паренек, распространявший только «Русскую газету». Она и сейчас лежала у него стопкой прямо на расстеленной оберточной бумаге у железной решетки. Под глазами паренька красовался свежий синяк. Паренек тоже узнал главного редактора, криво улыбнулся и сообщил, что газету охотно берут, но час назад произошел небольшой инцидент: к нему приблизились двое плечистых мужчин и потребовали, чтобы он убрал свою черносотенную литературу. Паренек учился в университете на факультете журналистики, а в свободное время занимался продажей газет. Да и сам писал небольшие заметки. Он заинтересовался: мол, а что такое «Черная сотня»? Конечно, громили не имели и представления, что это такое, они сбросили с парашюта пачку и стали ногами топтать, паренек кинулся спасать добро и получил в глаз. Оба наемника — а паренек был убежден, что их наняли для расправы с ним,— убежали, а он вот, сверкая фингалом, продает газету. Уже раскупили полторы пачки.

— За вредность я получу дополнительную плату? — с улыбкой спросил он.

— Я думал трудно будет пробить нашу газету, а оказывается, и распространять ее нелегко,— покачал головой Вадим Андреевич.

— Конкуренция,— заметил паренек. Когда он улыбался, синяк придавал его узкому тонкому лицу с правильными чертами несколько зловещее выражение.

— Как вас звать? — спросила Лина. Она участливо смотрела на него.

— Леша Иванов,— ответил он.— Студент-третьекурсник университета, все еще носящего имя душиателя Жданова. Если не переименуют университет, мы устроим голодовку.

— Чье же вы имя хотите присвоить университету? — поинтересовался Белосельский.

— Ничье,— ответил студент.— Сейчас все так перемешалось-перепуталось, что как бы опять не вляпаться! Я недавно прочел статью, что Ленин, Троцкий и Свердлов сознательно уничтожили миллионы русских людей... Наверное, Ленинград и Свердловск тоже переименуют.

— Будем надеяться,— улыбнулся Вадим Андреевич.

— Вы придете домой...

— В общежитие,— поправил Леша.

— ...потрите бодягой синяк, он быстро пройдет,— посоветовала Лина.

— Это не первый и, наверное, не последний синяк в моей жизни,— улыбнулся Леша Иванов. Улыбался он довольно часто, несмотря на фишгал.— А газета у вас, Вадим Андреевич, получилась замечательная! Чистая правда, убийственные факты и нет дешевой сенсации, что так любят другие газеты. Все по делу. Всем очень нравится, я имею в виду своих знакомых студентов, я на факультете распродал целую пачку. Так что за такую газету и пострадать не грех!

— В следующий раз возьмите с собой подкрепление,— сказал Вадим Андреевич.— Тогда вряд ли эта мразь решится напасть.

— Я запомнил их подлые рожи... Они не первый раз здесь околачиваются. Типичные подонки, за бутылку мать родную не пощадят!

— Кто же их нанял? — спросила Лина, впрочем, не обращаясь конкретно ни к кому.

— А вы не догадываетесь? — взглянул на нее Леша. В этот момент к нему подошел прохожий в мокром длинном пальто. Взял газету, развернул и присвистнул:

— Русская газета! Я уж думал, что в смрадной куче типичной «желтой» прессы русским духом давно не пахнет! Пару экземпляров, пожалуйста, молодой человек! Ладно, возьму три — знакомым подарю. Вот удивятся!

— Видите? Берут! — сказал Леша.— Тут еще место у меня не самое удобное. Да, тут сразу, когда я стал продавать, ко мне подошли двое черненьких, бородатеньких, хотели купить сразу все оптом, но я им только два экземпляра продал...

— Зачем им столько? — удивилась Лина.

— Увезут на свалку и сожгут,— сказал Леша.— Они так часто делают, если им не нравится содержание газе-

ты, журнала или какой-нибудь книги. Аутодафе. Богатенькие, сволочи! Денешки им в долларах из-за границы привозят!

Разговаривая с ними, Леша продавал газету, мелочь сыпал в карман зеленой куртки с капюшоном. Тротуар был мокрый, с лепешками снега, переменного с грязью. У троллейбусной остановки скопилась масса народа: общественный транспорт работал с перебоями, люди опаздывали на работу. Опаздывали и пассажирские поезда, участились аварии, угоны самолетов, на станциях стояли неразгруженные вагоны с продуктами и промышленными товарами. Их потихоньку ночами «разгружали» воры. Писали, что участились вооруженные нападения на товарные поезда во время пути.

Вскрывали под пломбами вагоны, холодильники и увозили на машинах награбленное импортное добро. Быстро завоевавшая популярность ленинградцев программа «600 секунд» показывала тысячи неразгруженных вагонов, железнодорожных воров, пойманных на месте преступления с залежами ценнейших товаров, садистов-убийц, насильников, рэкетиров. Все это вызывало у людей чувство неуверенности в своей безопасности, горечь по поводу ужасающих перемен к худшему в стране, так лихо раздутых в печати, как великос достижение перестройки, которую «желтая» пресса называла «второй революцией». Пока эта «революция» работала на жуликов, воров, бандитов, дельцов теневой экономики... Эти чувствовали себя как рыба в воде.

— Опять пожаловали... — негромко проговорил Леша Иванов, показывая глазами на двух здоровенных мужчин в одинаковых коротких синих куртках из «варенки» с белыми из искусственного меха воротниками. Засунув руки в карманы, парни подошли к Леше.

— Ты еще не убрался отсюда, паршивый черносотенец? — угрюмо спросил один из них, с толстым красноватым носом и раздвоенным подбородком. Второй, со светлыми редкими усиками, молчал, шпыряя глазами по толпе прохожих. Ни одного милиционера поблизости! Вообще в последнее время в городе милиции не видно, даже на оживленных перекрестках не стоят, не потому ли распоясались хулиганы и преступники?

— Граждане, вот эти хулиганы избили меня! — обратился к прохожим Леша Иванов.

Граждане шли мимо и даже не посмотрели на него. Это тоже новая примета времени: что бы ни случилось, иди мимо и не вмешивайся, мол, тебе нужно больше других, что ли? По «600 секунд» сообщили, что один южанин прямо на глазах прохожих, среди белого дня

изнасиловал девушку и никто не вступился за нее. Другой бандит ни за что ни про что пырнул в живот ножом встречного мужчину, тот скончался на месте.

— А ну забирай свои прокламации и уматывай отсюда! — наступал на Лешу толстоносый. — Не то и на второй фонарь навесим!

— Ты что, тупой? Тебе же сказали — вали отсюда! — подал хриплый голос второй, с усиками. Было видно, что оба выпивши: глаза мутноватые, движения замедленные. Чувствовали себя хозяевами положения, прохожих не опасались, а те, видя, что назревает скандал, перестали останавливаться. Лишь самые любопытные задерживались ближе к метро «Технологический институт» и оттуда с интересом посматривали на парней.

Вадим Андреевич и Лина стояли чуть в стороне и наблюдали за стремительно развивающимися событиями. Лина, округлив потемневшие глаза, дотронулась до руки мужа:

— Уйдем отсюда?

— И бросим Лешу на растерзание этим подонкам? — удивился Вадим Андреевич.

— Надо позвонить в милицию...

— Милиции плевать на все это, — негромко ответил он. — В городе каждый день совершаются десятки квартирных краж...

— Будешь драться с ними? — обеспокоенно спросила Лина.

— Не драться, а сражаться за идею, — усмехнулся Вадим Андреевич и решительно направился к мужчинам, все еще пререкавшимся с Лешей. Надо сказать, что студент не струсил и отвечал «наемникам», как он их называл, спокойно и с достоинством.

— Что вам, собственно, ребята, не нравится? — довольно миролюбиво спросил Вадим Андреевич.

Парни ощупали его крепкую плечистую фигуру покрасневшими глазами. Белосельский был в синей толстой куртке-пуховике, светлой ворсистой кепке; хотя голос его звучал и ровно, серые с зеленым ободком глаза были зло сощурены, на щеках обозначились скулы.

— Нечего тут черносотенной литературой торговать, — озадаченно заметил толстоносый.

— А вы читали «Русскую газету»?

— Будем мы еще всякую ерунду читать, — ответил второй, с усиками. — Делать нам нечего!

— А вы почитайте? — предложил Вадим Андреевич. — Я вам бесплатно дарю два экземпляра.

— А кто ты такой? — смерил его взглядом толстоносый.

— Редактор этой газеты,— ответил Белосельский.— Моя фамилия указана на последней странице.

Парни умолкли, переглянулись, толстоносый вытащил из кармана волосатую руку и почесал багровый нос. Усатый собрал складки на лбу, но ничего не смог путного придумать и заученно, явно с чужого голоса произнес:

— Люди говорят, что ваша газета черносотенная и разжигает межнациональную рознь. Все пишут, что русские во всем виноваты, а вы — наоборот.

— Ссорит советские народы,— заученно вставил толстоносый.— Этот... шовинизм пропагандирует...

— Ребята, скажите честно, сколько вам за это заплатили? — спросил Вадим Андреевич.— Вы же сами не верите тому, что сейчас говорите. А в газету даже не заглянули.

Парни переглянулись, видно, Белосельский попал в самую точку. Отягощенные алкоголем, их мозги соображали туго. Усатый поскреб переносицу, полез в карман куртки за сигаретами, толстоносый сосредоточенно пинал носком ботинка чугунную решетку.

— Чего выдумываете? — пробурчал.— Мы за эту... справедливость.

— За демократию,— прикурив, прибавил его дружок.— «Народный фронт» — вот кто правильно все делает!

— В нашей газете мы пишем только правду. И про «Народный фронт» — тоже,— продолжал Вадим Андреевич.— А правда не всем по нутру. Русских оскорбляют, унижают, обвиняют во всех смертных грехах, а они как раз меньше всех виноваты в том, что произошло с нашей страной. И больше всех пострадали от революции, точнее, большевистского переворота, теперь мучаются от перестройки... Где такое еще может быть: русские парни преследуют русских за то, что они распространяют «Русскую газету»?

Вадим Андреевич взял два номера из пачки и вручил обоим парням. Те машинально взяли.

— Прочтите и подумайте, что вы делаете,— сказал Вадим Андреевич.— Пока это единственная в Ленинграде газета, я уверен, скоро появятся и другие, нельзя же самый многочисленный народ в стране держать в неведении о его судьбе, которую за него решают другие, как раз те, кто ненавидит этот народ. Про антисемитизм, «черную сотню» вы слышали?

— Еще бы,— пробурчал толстоносый.

— А про русофобию?

— Что это такое? — спросил усатый.

— В газете про это написано,— вставил Леша Иванов.— То, что вы делаете, и есть чистой воды русофобия.

— Если вам нечего делать, то приходите к нам? — предложил Вадим Андреевич.— Найдем вам дело, будете тоже распространять «Русскую газету». И зарабатываете больше того, что вам дали ненавистники нашей газеты.

— Русофобы,— заметил Леша.

— Мы из «Народного фронта»,— вдруг заявил усатый, пряча газету в карман.— Нашим ваша газета не нравится. И мы ее все равно угробим.

— Ну, а нам не нравится «Народный фронт»,— ответил Вадим Андреевич,— но мы же не запрещаем никому продавать его газеты и издания.

— Попробовали бы,— усмехнулся толстоносый.— «Народный фронт» — это сила в городе, а вы — никто.

— Рано или поздно русские люди разберутся, кто есть кто,— сказал Вадим Андреевич.— Я не спорю, у «Народного фронта» много хороших идей и лозунгов, но на практике дела его расходятся со словами. Верхушка «фронта» оболванивает честных людей, настраивает русских против русских. Короче, использует несознательные массы в своих низменных целях. А цель у них одна: захватить власть в городе и уничтожить русских...

— Вас послушашь — вы правы, их послушашь — они,— сказал усатый.— Черт вас всех разберет! — он повернулся к приятелю.— Пошли, Миша, на Маяковского лучше пивка хлебнем! Швейцар сказал, что после обеда привезут бутылочного. Вот дожили, пива негде выпить, я уж об водке не говорю! Вот о чем нужно писать, а не об этой...

— Русофобии,— подсказал толстоносый.

Парни ушли, а Леша снова принялся продавать газету. Лина взяла мужа под руку и сказала:

— А ты — дипломат! Как все ловко повернул. Я думала, без драки не обойдется.

— Купили их! — хмуро обронил Вадим Андреевич.— И киоскерам подкидывают, чтобы те придерживали нашу газету. А Леша молодец! Другой бы плюнул и убежал, а он и с синяком торгует. Таких бы нам ребят побольше!

— Главное, газету покупают,— произнесла Лина.— Заметил: больше всех берут нашу? — Она сбоку посмотрела на мужа. В профиль Вадим немного походил на ее любимого артиста Пола Ньюмана. Лицо мужа было хмурым.— Ты должен быть счастлив, мечта твоя осуществилась — газета вышла и покупается. А ты снова чем-то недоволен!

— Наверное, я разучился радоваться,— улыбнулся Вадим Андреевич.— Как и смеяться. Вон как у людей мозги замусорены! Думаешь, просто их прочистить? Голос «Русской газеты» — это пока глас вопиющего в пустыне.

— Надо перекричать их,— резонно заметила Лина.

— У них десятилетиями отлично сложенный оркестр, а у нас — жалкая дудка! — с горечью вырвалось у Бело-сельского.

— За что они так ненавидят нас, русских?

— Они всех ненавидят, кроме своих, а русских — особенно, потому что чувствуют вину перед ними за все содеянное с семнадцатого года, когда они захватили обманом власть. Кого в первую очередь стали уничтожать? Русскую интеллигенцию, дворянство, потом казаков и наконец крестьянство.

— Но почему именно русских?

— Уничтожат русских — не будет России, а так — сырьевой придаток для хищных западных стран. Лишь русские способны не допустить развала великой державы, вот почему враги России люто ненавидят их, уничтожают, восстанавливают против них другие республики, готовятся развязать гражданскую войну.

Неожиданно пошел густой мокрый снег. Вскоре воротники, шапки на прохожих побелели, а вот до асфальта снег не долетал: тут же таял, превращался в коричневую грязь. Продавцы газет и разных брошюрок поспешно закрывали старыми газетами свой скоропортящийся товар: бумага-то была плохой и промокала насквозь, оставляя потом желтые пятна. Небо над головой исчезло — сплошная белая клубящаяся круговерть. «Дворники» машин сгребали снег со стекол, но он снова залеплял их. Слышались пронзительные гудки, прохожие, не обращая внимания на светофоры, перебежали дорогу где придется. Стоящие в длинных очередях горожане постепенно превращались в Дедов-Морозов. Зорко следя за продвижением очереди, пересекаясь с вестеранами, сующими свои разноцветные удостоверения, люди монолитно двигались к вождьленной цели — прилавку с водкой или синими цыплятами по рубль семьдесят пять копеек.

— Что же делать, Вадим? — сказала Лина.— У нас пустой холодильник. Я не знаю, чем гостей угощать.

— В очереди я стоять не буду,— ответил Вадим Андреевич. Очереди он ненавидел, в них было нечто унизи-тельное, стадный инстинкт людей тут проявлялся особенно зримо: люди злились, нервничали, не кончится ли товар, с ненавистью взирали на лезущих без очереди

вездесущих пенсионеров. Эти успевали со своими вместительными сумками пробежать по всем ближайшим торговым точкам, хотя для ветеранов и инвалидов были открыты специальные магазины...

— Я слышала, в Москве открылся кооператив «Вместо Вас!» — вспомнила Лина. — Молодые и немолодые люди становятся в очереди и взимают за это пять-десять рублей в час. Говорят, самый преуспевающий кооператив. Члены его занимают сразу несколько очередей и успевают все купить для клиентов.

— Знаешь, что мы к водке подадим гостям? — улыбнулся Вадим Андреевич. — «Русскую газету»! Вот пусть ею и закусывают!

— Ты высокого мнения о своей газете! — рассмеялась жена. — Ладно, у меня осталось с хороших времен...

— А были они, хорошие времена? — перебил муж.

— ...две банки тушеной говядины, — закончила Лина. Ее было не так-то просто с толку сбить.

— В Богородицкой, наверное, сейчас хорошо... — сказал он. — Белым-бело, озеро подо льдом, сосны спят в снегу и тихо...

— Надо бы тебе стихи сочинять, — улыбнулась жена.

— Стихи! Кто их сейчас читает!

— Настоящие поэты пишут для себя и потомков...

— Какие они будут, наши потомки? — вздохнул Белосельский.

И тут послышался пронзительный визг тормозов, глухой металлический удар, громкое хлопанье дверей автомобилей и гневный крик водителей: «Москвич», резко затормозив, чтобы не наехать на переходившую в неположенном месте женщину с двумя пухлыми сумками, врезался в таксиста, своротив тому бампер и помяв багажник. Вокруг стала собираться любопытная толпа, лишь очередники не двинулись с места, а толстая женщина в белом пуховом платке невозмутимо уходила в сторону Кузнечного рынка. Снег тут же побелил шапки водителей, они размахивали руками, вот-вот подерутся. Милиции было не видно. Из окна «Москвича» выглядывала гладкая собачья голова с висячими кудрявыми ушами.

— Надо бы нам собаку завести, — сказал Вадим Андреевич.

— Спаниеля, — проговорила Лина. — У них такие добрые глаза. И они умные.

Шофер «Москвича» и таксист схватились в рукопашную. Злые побагровевшие лица, меховая шапка таксиста покатила по асфальту, чья-то рука из толпы проворно подхватила ее и молодой парень в серой куртке бросил-

ся бежать по Владимирскому проспекту. Таксист, выматерившись и позабыв про противника, пропустил за ним, но толпа мешала ему.

— Нет, уж лучше овчарку,— сказал Вадим Андреевич.— Сейчас добрые собаки не в моде.

7. Погоня

Русская газета» выходила нерегулярно: самое большее — два раза в месяц, а намечалось хотя бы раз в неделю. На страну накатывалось безвластие, хаос, и это с каждым днем все больше сказывалось на жизни всех людей огромной страны. С треском лопались нити, связывающие республики, области, города. Прибалтика перестала поставлять в Россию молочные продукты, колбасу, исчезли из продажи сыры, даже за дорогой кооперативной колбасой в новых магазинах «Кооператор» выстраивались очереди. Если раньше очереди были за дефицитными продуктами и товарами, то теперь стояли буквально за всем, даже за электрическими лампочками, которые тоже вдруг пропали, как утюги, мясорубки и прочие бытовые товары. Почти ничего не давая стране, Прибалтика требовала себе все, что производилось на заводах-фабриках и добывалось из недр. Десятки тысяч автомобилей из прибалтийских республик вывозили из России все, что только можно было купить на советские рубли. Поговаривали, что союзные республики уже готовятся выпускать свои деньги, так что от общесоюзных деревянных рублей нужно было избавляться.

«Русская газета» писала об этом, но теперь мало кто обращал внимания на тревожные сигналы прессы, радио, телевидения. С наступлением гласности только и писали о разоблачениях бывших партийных деятелей, о взяточниках, казнокрадах, рэкетирах, ворах и убийцах. Их даже показывали по телевидению, брали у них интервью. И уголовные элементы с порочными лицами насильников и убийц охотно красовались перед телекамерами и снисходительно, не без удовольствия рассказывали, как убивали, насиловали, воровали. Заполонили газеты-журналы диссиденты. Всю отвергнутую за рубежом свою серятину теперь публиковали в СССР. Старые связи-то сохранились...

Как-то сразу, вдруг, «процветающая», самая «лучшая», самая «передовая» держава мира превратилась в самую нищую, худшую, бесправную развалину, раздираемую все усиливающимися национальными противоречиями. И об этом с каким-то мазохистским востор-

гом писали в газетах-журналах левого толка, рассказывали телевизионщики. Захлебывалась от восторга, что русским плохо, и радиостанция «Свобода», которую больше не глушили. Обозреватели и корреспонденты, все как один с еврейскими фамилиями, обрушивали на десятках языков на головы радиослушателей многонациональной страны столько негативной информации, что хотелось волком завывать от гнева и бессилия. Этот назойливый, наглый «голос» ожесточеннее всех поносил русских, учил, как надо жить, кого любить, а кого ненавидеть. Ни одна радиостанция мира с таким беспардонным нахальством не лезла в чужой монастырь со своим уставом. Передачи по много раз повторялись, чтобы у каждого застряла в ушах эта ядовитая сера лжи и ненависти. И самое удивительное — авторами передач «Свободы» стали советские журналисты, за марки и доллары лезли из кожи вон, лишь бы угодить новым щедрым хозяевам. Поливая грязью Россию, русских, не упускали случая свести счеты со своими личными врагами журналистами и литераторами. Верещали бывшие диссиденты, перебежчики, дорвавшись до микрофона, неделями читали свои бездарные повести и романы, диктовали литературные симпатии и антипатии, раздували «своих» ничтожеств и смешивали с грязью самых талантливых «чужих». И этот местечковый наглый «голос» звучал без перерыва все 24 часа в сутки и на удивление сочно, отчетливо, заглушая даже местные советские радиостанции. Американский конгресс и ЦРУ не жалели средств для оболванивания советских людей, по-видимому, представляли самые мощные радиостанции.

В этот февральский день 1988 года Вадим Андреевич ехал из типографии на своих стареньких «Жигулях» с кипами только что полученной и пахнущей краской газеты. Он сам развозил пачки по киоскам «Союзпечати», с которыми была договоренность. Таких киосков было в городе восемь. За последний месяц выросла подписка на «Русскую газету», приходилось самим рассылать по всей стране бандероли. Огромную помощь оказывали редакции энтузиасты, или, как они сами себя называли, «патриоты». Это были студенты, члены «Общества спасения Волги и Ладоги», из «Отечества» и других патриотических организаций. Когда на глазах нарастает наступление объединенных антирусских сил, то обязательно должны возникнуть и противодействующие им силы. И они возникали в Ленинграде, правда, их голос по сравнению с могучим трубным гласом газетно-журнальных мафиози был слаб пока и почти не слышен. Оно и понятно: у русофобов радио-телевидение, почти все газеты

и журналы в Ленинграде, а у патриотов России всего-то два-три издания с крошечными тиражами, но все равно национальное самосознание русских людей медленно, но пробуждалось, тем более что наконец-то, беря пример с других республик, хотя и в самую последнюю очередь, заговорили о возрождении России и самосознания русского народа. Но тут все захваченные средства массовой информации, радио-телевидение были начеку, как говорится, стоило послышаться возмущенному нынешними порядками в городе голосу русского человека, как на него всей сворой набрасывались русофобы всех мастей и клеймили смельчака, как националиста, шовиниста, фашиста! Особенно это стало заметно в только что начавшейся выборной кампании. Так называемые демократы, разные «народные фронты» назойливо рекомендовали своих кандидатов в местные советы и Верховные, а для этого они и захватили средства массовой информации. Этот термин в последнее время стал приобретать небывалое значение. Любой политический деятель, если хотел быть на виду, должен был заручиться поддержкой этих могущественных средств, иначе у него ничего бы не получилось: печать, телевидение могли приподнять серость и некомпетентность на недостижимую высоту, но могли и честного, талантливого политика превратить в ничто. Это все знали и заигрывали со средствами массовой информации, которые все более и более чувствовали себя в стране хозяевами положения. В этот сложный период своей жизни люди как никогда расхватывали газеты, не отрывались от телевизоров. Их можно было понять: десятилетия на них обрушивалась ложь, дезинформация, лакировка действительности, прославление бездарных серых вождей, лучшего в мире советского образа жизни, а тут вдруг все это теперь поносится, разоблачается, обличается... У любого голова пойдет кругом!

Несколько дней назад выпал снег, потом ударили морозы, и обычно мокрый, грязный в эту пору Ленинград выглядел бело-праздничным, на ветвях уличных деревьев искрилась мохнатая изморозь, крыши зданий были девственно белыми, тротуары весело блестели льдом. Теперь некому стало посыпать его песком и солью. Телекомментаторы и газеты сообщали о большом количестве пострадавших в гололед от падений пожилых людей. В Ленинграде в любую погоду на улицах было много людей разного возраста. Можно было подумать, что никто теперь не работает — все высыпали на улицы и с утра до вечера стоят в длиннющих очередях. По-видимому, так оно и было. Попробуй обвинить в прогулах

многодетную мать, которая ушла с работы и стоит в очереди за молоком, сметаной, сыром, вареной колбасой. Поговаривали, что введут визитки и талоны на водку. Иногородные тоже заполонили город и вывозили все, что только можно было еще купить.

Вадим Андреевич с горечью думал, двигаясь в потоке машин по Литейному проспекту, что и рад бы написать в газете о чем-нибудь хорошем, положительном, но где оно хорошее, положительное? Сообщали, что во многих домах не топят и люди мерзнут, как в блокаду, во дворах переполнены мусором железные баки, которые не увозят на свалку; будто враз поголовно исчезли все дворники, никто не скалывает лед на тротуарах, потому и возрос травматизм на улицах, город грязный, замусоренный, куда-то подевались милиционеры, раньше бдительно следящие за правилами уличного движения, контролеры в общественном транспорте. Люди, особенно распутившаяся за последнее время молодежь, переходят улицы, где захочется, полно за рулем пьяных водителей, и хотя возросли штрафы, количество их не убавляется. Одна из лучших городских телепрограмм «600 секунд» — ее уже смотрела вся страна — каждый день сообщала о хулиганстве, насилиях, убийствах, пожарах в городе, критиковала местные и союзные власти, Смольный, но мало что изменилось, наоборот — с каждым днем становилось все хуже и хуже... Эйфория, вызванная перестройкой, начала медленно спадать, вся надежда была на выборы народных депутатов, мол, придут новые деловые люди и наведут наконец-то порядок. Ведь выдвигали кандидатами как раз тех людей, которые больше всех на митингах и по телевидению обличали, критиковали, ругали власти...

Вспомнив про «600 секунд» и страшные репортажи о насилиях и убийствах, Вадим Андреевич свернул на улицу Жуковского и поехал к школе, где училась Маша. Лина просила его сегодня забрать ее, раз он на машине. После Нового года он и жена встречали дочь из школы, это не так уж далеко. По пути Вадим Андреевич заехал в хозяйственный магазин, он уже несколько месяцев искал канистры. Зимой в городе еще можно было заправиться бензином, вот и хотелось взять в запас, но канистр нигде не было. Вот к весне, когда снова начнутся перебои с бензином и выстроятся километровые очереди, может, где-нибудь, глядишь, и выкинут канистры по спекулятивным ценам...

Остановившись у сквера с заснеженными скамьями и голыми черными деревьями, Вадим Андреевич не стал выходить из машины — Машу он увидит и отсюда.

Он взял с сиденья газету, пахнущую типографской краской, развернул: статьи острые, проблемные. Петр Семенович Румянов разразился трехколонником на второй полосе, пишет о безобразном выступлении «Пятого колеса», где подвергли осмеянию писателя Михаила Шолохова. Худенький язвительный журналист снова стал обвинять крупнейшего русского писателя в том, что он якобы использовал материал для «Тихого Дона», принадлежавший белогвардейскому офицеру Федору Клыкову, хотя даже шведская Академия при помощи ЭВМ доказала, что великий роман века написан Шолоховым, а дореволюционный писатель Клыков никакого отношения к нему не имеет. Бойкий журналист не только оболгал Шолохова, но и пренебрежительно отзывался о нем в недопустимом тоне. Вадим Андреевич полностью разделял гневный пафос статьи, но ему не совсем понравилось, что бывший редактор «Великопольского рабочего» стал восхвалять былые порядки, насаждаемые коммунистами-идеологами: мол, раньше бы за такие высказывания не погладили по головке... Этого сейчас не надо было бы писать, как говорится, отдает нафталином. О том, что было раньше, уж лучше бы помалкивал Петр Семенович. Кстати, сам не раз плакался Вадиму — своему шоферу, что его душит горьком партии, заставляет печатать лживые материалы и тому подобное... Или память у Румянова коротка, или старые люди более терпимы к прошлому, чем молодежь?..

Увлечшись газетой, он не заметил, как из школьных дверей потянулись во двор ребяташки. Дочь он увидел, когда она подошла к распахнутой дверце такси и нагнулась, по-видимому, отвечая на какой-то вопрос. «Волга» с лиловой нашлепкой на крыше стояла метрах в двадцати, у металлической сетки школьного забора. В ней смутно маячили три головы: шофера и двух пассажиров на заднем сиденье. Мимо машины пробегали мальчишки в распахнутых пальто, с портфелями и сумками в руках. Вадим Андреевич еще обратил внимание, что ни у кого из них на груди нет красных галстуков. Он уже собрался посигналить дочери, которая не заметила его машины. Зимой он редко ездил, только из-за газеты взял ее со стоянки. В холода трудно завести долго стоявшую на приколе машину. И тут произошло вот что: дверь распахнулась еще шире, оттуда высунулась длинная рука в дубленке и затащила Машу внутрь. Издали можно было подумать, что вежливый человек просто помог девочке залезть в машину. «Волга» рванулась с места и понеслась по обледелой дороге к Некрасовскому рынку. Ее немного занесло на повороте. Все произошло так бы-

стро и неожиданно, что Вадим Андреевич еще какое-то время сидел с газетой в руках и, раскрыв рот, растерянно провожал взглядом желтое такси. В следующее мгновение он отшвырнул газету, включил мотор и рванулся за «Волгой». Его тоже занесло сразу за светофором. Такси влилось в поток машин,двигающихся к Суворовскому проспекту. Перед Вадимом Андреевичем было три машины, номер такси он запомнил, теперь выглядывал милиционера с рацией, чтобы сообщить ему о случившемся. В зарубежных фильмах он часто видел, как одна машина преследует другую: тут обязательно прыгающие как зайцы прохожие, столкновения с транспортом, попадающиеся на пути картонные коробки, богатые рынки, когда на дорогу просыпаются горы яблок, апельсинов или других фруктов. Россия — бедная страна и у нас машиной не бьют в другую машину, такого обилия фруктов на прилавках советские люди не видели годами. А картонные коробки с дырками от кубинских апельсинов сразу же подбирают у ларьков и магазинов. Так что Белосельскому и в голову не пришло бить бампером в зад таксиста. Не зная, что делать, он все же вплотную приблизился к «Волге» и теперь отчетливо видел через заднее стекло двух чернявых хорошо одетых мужчин и съежившуюся у самой дверцы Машу. Один из мужчин нагнулся к ней и, обняв за плечи, что-то говорил, но девочка на него не смотрела. Она дергала плечиком, но мужчина не отпускал. На голове ее не было шерстяной шапочки, золотистые, как у матери, волосы рассыпались по меховому воротнику синей курточки. Растопыренная ладонь мужчины приподнялась с плеча девочки и коснулась ее волос возле тонкой белой шеи. И тут Вадим Андреевич, закусив губу, боднул носом в зад «Волги». Он видел как выгнулся хромированный бампер, а багажник с блестящим замком-кнопкой, распахнулся, закрыв заднее окно. Как и следовало ожидать, разгневанный таксист прижался к тротуару (это случилось на Четвертой Советской улице) выскочил из кабины и бросился осматривать повреждение. Остановившийся вплотную Белосельский тоже выскочил из «Жигулей», но оба чернявых мужчины уже сообразили, в чем дело, и один за другим выпрыгнули на проезжую часть и припустили к тротуару. Машины резко тормозили, чтобы не сбить их.

— Садись в мою машину! — крикнул глазюющей на него широко раскрытыми глазами дочери Вадим Андреевич и рванул за похитителями. Таксист — коренастый мужчина в кожанке и синем берете, стоя у помятого раскрытого багажника, удивленно смотрел на него.

Чернявые мужчины в широких кепках и дубленках, оглядываясь, уже бежали по обледелому тротуару, заставляя прохожих шарахаться по сторонам. Их ноги, обутое в высокие желтые сапоги на меху, так и мелькали. Один из них нырнул в ближайшую арку, а второй скрылся за длиннющей очередью, стоявшей в винный магазин. И никому не пришло в голову остановить их или хотя бы подставить подножку. Люди равнодушно смотрели вслед бегущим и шли по своим делам. Никто не пошевелился и в очереди. И ни одного милиционера!

Вернувшись к машине — хорошо, что еще не уехал таксист, — разгоряченный Вадим Андреевич открыл дверцу «Жигулей» и в сердцах сказал:

— Зачем ты, идиотка, полезла в такси?

Это было не так, он ведь видел, что Машу силком туда затащили, но в нем еще не улегся гнев, азарт погони.

Маша взмахнула черными ресницами, они у нее были длинными и пушистыми, как у матери в молодости, и проговорила:

— Они спросили, как доехать до Некрасовского рынка, я стала объяснять и... вдруг очутилась в машине.

— Ты что же это, мастер, — укоризненно сказал шофер, оценивающе глядя на него. — Весь зад мне разворотил... Тут ремонта на пару сотен.

— Перебьешься, — заметил Блосельский, подходя к нему. — Скажи лучше, что это были за люди? Они дочь мою силком затолкали в твою машину и ты, скотина, ни слова не сказав, повез их!

— Такая моя работа: мне платят, я и везу, — пробурчал шофер, сообразивший, что дело тут темное и может плохо для него обернуться. — Люди-то разные, каждому в душу не заглянешь.

— В душу! Достаточно было посмотреть на их рожи!

— Мало ли кто ко мне садится? — бросив взгляд на бампер, сердито заметил таксист.

— Ты же видел, что они затевают гнусное преступление?

— Они попросили подъехать к школе и подождать знакомую, — в грубом голосе шофера послышались тревожные нотки. — А что у них за дела — разве это меня касается?

— Кто хоть они?

— Откуда я знаю? — пожал плечами шофер. — Оставили меня у Некрасовского рынка, школу эту знают... Девочка не кричала, не возмущалась. Я и подумал, что это их знакомая.

— Куда велели ехать? — допрашивал Вадим Андреевич. Шофер все больше мрачнел и уже не смотрел на свой помятый багажник.

— На Охту, а номер дома не назвали... Послушайте, товарищ, я тут ни при чем. Клиенты у нас разные, есть и такие, что ножик в спину тычут нашему брату, таксисту. Режут и убивают. А эти вроде на бандитов не похожи: хорошо одеты, вежливые, бабок у них полно. Не торопясь, сунули мне четвертак.

Вадим Андреевич перевел взгляд на свою машину: бампер тоже смят посередине, капот с правой стороны вдавился внутрь, одна фара разбита.

— Раз такое дело, — перехватив его взгляд, просительно заговорил шофер, — разойдемся по-мирному, без милиции? Оба пострадали... Это что, твоя дочь?

— Катись ты к черту! — отвернулся от него Белосельский и пошел к машине. Наверное, таксист не врет, этих южан он не знает, зато знает, что рыночники хорошо платят за проезд. Ну а если что прояснится, его всегда можно по номеру машины пайти. Да, у них ведь на торпеде прикреплена табличка с фамилией шофера. Он вернулся к «Волге», заглянул в кабину.

— Если ты понадобишься, товарищ Рыжиков А. И., я тебя найду, — не прощанье сказал ему Вадим Андреевич. — Тебе в таксопарке быстро отремонтируют, а мне придется покрутиться...

— У нас тоже без бабок никто пальцем не пошевелит, — проворчал таксист, хлопая незакрывающимся багажником.

— Ты хоть испугалась? — спросил он Машу, трогая машину. Нужно готовить сотню и отогнать в гараж к знакомому автослесарю, тут работы на неделю, не меньше.

— Это рэкетеры, папа?

Может, и впрямь рэкетеры? Мстят Белосельскому за «Русскую газету»? Подкупили их? Вряд ли, скорее всего зажавшиеся торгаши с Некрасовского рынка. Именно такие покупают наших девчонок, денег у них как грязи. Уж это-то Вадим Андреевич прекрасно знает, сам поработал не один месяц грузчиком на рынке...

— Что они тебе говорили?

— Сказали, что у них видео, покажут американский фильм... Я стала кричать, но с усиками, кажется, звать его Гига или Гирия зажал мне кожаной перчаткой рог и пригрозил, что нос сломает, если я пикну.

— Нос?

— Так он сказал.

— А что же таксист? Рыжиков А. И.?

— Он молчал и делал вид, что ничего не слышит.

— Они тебя... лапали? — помолчав, спросил Вадим Андреевич.

Гнев снова овладевал им. Почему милиция допустила, что в Ленинград едут отбросы из южных республик и Средней Азии и творят здесь, что вздумается? Ведь чаще всего у нас задерживают за бандитизм, насилие, квартирные кражи приезжих гастролеров. И до чего обнаглели: стали прямо у школы хватать и засовывать в машины красивых девочек!

— Этот Гига потрогал мою грудь и сказал, что я прекрасна, как царица Тамара. Кто это такая?

— И ты стерпела?

— Я решила, когда машина остановится, звать людей на помощь.

— Людям наплевать на все на свете! — вырвалось у него.

— А что же я должна была делать?

— По твоему виду не скажешь, что ты сильно напугалась, — покачал головой Вадим Андреевич.

— Я знала, что ты меня выручишь, — улыбнулась Маша. Синие глаза ее блеснули. — И потом я увидела нашу машину и тебя за рулем. И мне стало не страшно. Я знала, что ты бы с ними обоими справился.

— А где твой... приятель-портфельносец? — спросил он, вспомнив про высокого худощавого парнишку из школы. — Когда надо, его нет...

— А-а, Костя Ильин... — улыбнулась Маша. — Мы с ним поругались. Дурачок он. С ним скучно.

— А с этими было весело? — сварливо спросил Вадим Андреевич.

— Я бы им все рожи расцарапала, если бы они до меня дотронулись, — беспечно ответила дочь.

— Что же этого Гигу или Гирю не тронула?

— Мне же не больно было.

— Машенька, ради Бога, не заговаривай больше с незнакомыми мужчинами, — проникновенно проговорил Вадим Андреевич, останавливаясь у своей парадной. — Беги от них, как от чумы!

— Не все же такие, папа! — укоризненно посмотрела на него дочь. И он подумал, что она уже не маленькая наивная девочка и его отцовские советы — пустой звук для нее. Он проводил ее взглядом: высокая, стройная, длинные ровные ноги и попка уже крепкая, круглая. Почти такой впервые увидел он на берегу Чистой свою Аэлилу в 1963 году... Вспомнилась давнишняя поговор-

ка: «малые детки — малые заботы, большие дети — большие заботы!» Может, пословица звучит и не так, но смысл точный.

Маша обернулась от двери в парадную, пристально посмотрела на него. Аккуратный тонкий носик ее сморщился.

— Папа, пожалуйста, не называй меня идиоткой? — сказала она.

— Извини, — усмехнулся он. — Наверное, я идиот.

— Меня так никто не называет... — хлопнула тяжеловатая дверь и дочь исчезла.

На черной липе в сквере сидела ворона и косила на него блестящим круглым глазом. Ветви на дереве уже не искрились изморозью, с крыш свисали желтые сосульки — наверное, скоро закапает, в городе долго мороз не держится. И будто в подтверждение этой мысли с покатой крыши с обвальным шумом съехал увесистый шмат снега и белыми брызгами разлетелся под окнами большого кирпичного дома. Ворона свечой взлетела, несколько раз отчаянно каркнула и серым трепыхающимся лоскутом скрылась за соседним домом.

8. Отец и дочь

Вадим Андреевич сидел за письменным столом в большой комнате, одновременно служащей и кабинетом, и спальней, и писал гневную статью о разгуле преступности в свою газету. Сюда вошел и случай, произошедший у школы. Как же так получилось, что родители теперь должны встречать своих дочерей-подростков после уроков, иначе самых симпатичных девочек могут запросто силком посадить в машину и увезти в какой-нибудь притон. В средние века похищали девушек, чтобы с ними обвенчаться, а ныне — садистски изнасиловать, а то и убить. В вечерних программах телевидения все чаще показывали портреты детей, подростков и объявляли, что они исчезли из дома, и если кто-либо видел их, то пусть сообщит по такому-то телефону в райотдел милиции. Подавляющее число преступлений, насилий, зверских убийств совершали в Ленинграде приезжие из южных республик и Средней Азии. Трудно представить, чтобы кто-либо из русских в этих же самых республиках изнасиловал или зверски убил грузинку, узбечку или казашку. Что бы тогда было в этом городе? Вырезали бы всех русских... Местные власти, якобы опасаясь возникновения межнациональных конфликтов, не принимали решительных мер, чтобы оградить ленинградцев от террора распоясавшихся

приезжих бандитов. Даже пукались на такие объяснения для дураков: мол, там, в республиках, большая незащищенность населения на работе, вот молодые люди и становятся преступниками от безделья и неустроенности. Своих соотечественников они опасаются грабить и убивать, вот и едут скопом в Россию, где проживает самое незащищенное в правовом смысле население. И терпимость русских ко всем невзгодам и притеснениям общеизвестна. С момента образования Союза советских нерушимых республик из России растаскивают все национальные богатства по окраинам. Все прорехи там покрываются из бюджета одной России. Десятилетия россияне работают как рабы на государство, которое заработанные средства тратит на дикие, экологически вредные проекты или затыкают ими дырки в республиках. В Россию — ничего, а из России — все, что только возможно, выкачивается. Каждый год десятки миллиардов рублей идут в республики, вот там за чужой счет и развилось национальное самосознание, а русские все больше нищали, становились бесправными, беззащитными и денационализированными. Каждый новый правитель старался поскорее всему миру доказать, что он интернационалист и, будучи по национальности русским, все готов был отдать другим народам, отрывая от своих соотечественников. А сколько средств за границу? Поддерживались дикие для России режимы, туда тоже перекачивались из нее миллиарды. От себя лично правители никогда ничего не отрывали, потому что жили неизмеримо обеспеченнее и богаче самых расточительных российских вельмож и царей! И в отличие от них ни за что не отвечали. Жили по принципу: после нас хоть потоп!..

— Пана, я сегодня вышла из комсомола и сдала секретарю свой билет,— произнесла неслышно вошедшая в комнату дочь.

— Что так? — рассеянно спросил Вадим Андреевич, погруженный в свои мысли о статье.

— Нам внушали, что быть комсомольцем — это почетно, на собраниях мы пели гимны и про паровоз, у которого в Коммуне остановка, а на самом деле комсомольские лидеры были аморальными типами, обманщиками и развратниками. Ты видел фильм «ЧП районного масштаба»?

Этот фильм он не видел, но слышал, что в нем довольно точно и откровенно показали истинную суть комсомольских функционеров, их лживую мораль, развращенность, карьеризм.

— Мало ли что показывают в кино, — сказал Вадим Андреевич. — Теперь модно все и всех критиковать, как же — гласность! Но тут тоже надо еще разобраться, что это за гласность и кому она на данный момент выгодна. Хороша гласность объективная, а я пока читаю в наших газетах субъективные материалы. Русским хуже всех в стране живет, а когда они начинают поднимать голову и возмущаться, наша печать тут же начинает обвинять их в национализме и шовинизме. Все волнения в республиках, даже нападения на русских людей в их жилищах эта же печать объясняет всплеском национального самосознания меньшинств. Там все можно, а русским и рта раскрыть нельзя, иначе тут же приклеят ярлык, как обществу «Память». Сиди, русский, в дерьме и не чирикай.

— Ты не будешь меня ругать? — взглянула на него Маша. Казалось, она не слышала его слов.

— За что? — удивился отец. — Правильно и сделала, что ушла из этой насквозь прогнившей аморальной организации. Мне всегда были отвратительны молодые краснорожие жеребчики с комсомольскими значками, разъезжающие на черных лимузинах и сидящие в роскошных кабинетах. А об их развращенности и распутстве и раньше ходили легенды. Одного комсомольского вождя жена застукала с балеруном в ванне...

— А что они там делали? — вскинула на него глазичи Маша. — Мылись?

— Я бы это... мытьем не назвал... — уклонился от прямого ответа Вадим Андреевич. Стоит ли девочку посвящать в грязную жизнь содомистов. — В общем, комсомол — верный прихвостень партии большевиков. Жеребчики из комсомольских комитетов прямым ходом идут в райкомы, обкомы КПСС.

— Разве ты не был комсомольцем?

— Я даже пионером не был, — улыбнулся Вадим Андреевич. — И Павлик Морозов мне никогда не нравился, хотя бедный мальчишка был одурачен человеконенавистнической пропагандой.

— За что же ему памятник поставили?

— За предательство. Десятки лет в СССР предательство почиталось добрым делом: сын доносил на отца, брат на брата, жена на мужа. И это одобряли партия, комсомол, пионерия. Детей заставляли отречься от своих родителей, облыжно объявленных врагами народа.

— Ты ведь не отрекся?

— Я все с младых ногтей, дорогая девочка, знал про большевистский переворот, истребление инородцами русской национальной интеллигенции, зверское убийст-

во царской семьи, про голод на Волге, расправу над казачеством... Я боготворил своих родителей, они ничего от меня не скрывали.

— Правда, что дедушка Андрей был князь?

— И я, и ты, и Дима — мы все славного русского княжеского рода, — с достоинством произнес Белосельский.

— Я не знаю, как было раньше, но сейчас стало очень плохо, — сказала Маша. — Я, папа, не верю учителям, взрослым...

— Я думаю, рано или поздно все у нас изменится, только вот не знаю, в какую сторону...

— Софья Соломоновна, наша учительница по литературе, сказала, что не надо мне было выходить из комсомола, мол, сильно повредит при сдаче экзаменов на аттестат зрелости, я ведь иду на медаль. И еще Софья Соломоновна назвала твою газету антисемитской и этой... черносотенной.

— Ей нравятся газеты, где русских поносят? — сказал Вадим Андреевич. — А русских унижают и обвиняют во всех смертных грехах все другие газеты. Она лжет, Маша. «Русская газета» правду пишет о бедственном положении русских в СССР. А таким, как твоя Софья Соломоновна, и ей подобным, хочется, чтобы русские всегда были бесправными, тогда легче ими помыкать.

— Она не моя, папа...

— Софья Соломоновна — типичная наглая русофобка, — стал горячиться Вадим Андреевич. Его всегда раздражала эта жестокая несправедливость: всем нациям в СССР позволено говорить о своем национальном самосознании, русским же запрещено! Никого из националов еще не обозвали «шовинистами», «черносотенцами», а русских — постоянно, хотя вся история свидетельствует, что более интернационального народа, чем русские, вообще нет в мире! Уже в некоторых республиках, особенно в прибалтийских, начинают прижимать русских, подталкивая их к выезду оттуда. Русские же никому еще из населяющих наши города и села не предложили покидать их. Как же так случилось, что все средства массовой информации ополчились именно на русских? И с каждым месяцем все сильнее идет наступление на них: в республиках и у нас, дома. Даже учительница Софья Соломоновна обзывает «Русскую газету» «антисемитской», хотя там еще не было опубликовано ни одного резкого критического материала против евреев! Захватив все газеты-журналы, кино, театры, издательства, они навязывают русским антирусскую политику, с бешеной злобой нападают на любой русский орган печати, посмеявшийся

противоречить им. Русские должны жить по их указке, должны забыть, что они русские... Кто же в стране направляет всю нашу печать, радио-телевидение? Восхваляют евреев и уничтожают русских? Не дают им головы поднять! А вот националов побаиваются... Обвиняют русских в создании империи, но ведь стоит только взглянуть на списки первого советского правительства, много ли там было русских? Единицы! Кто возглавлял ГПУ, партию, правительство, все до одного наркоматы? Кто были начальники Беломорканалов и лагерей уничтожения русских людей? Почему же об этом молчат средства массовой информации? До сих пор живет и здравствует кровавый палач русского народа, разрушитель храмов и церквей Лазарь Каганович? Что-то не видно разоблачительных статей о его кровавых делах? И до сих пор Екатеринбург носит имя Якова Свердлова, на совести которого миллионы невинно погубленных русских людей!

Русские в революцию семнадцатого года были так же обмануты большевиками, как и другие народы. А пострадали за годы советской власти в десятки, сотни раз больше всех других народов. Почему об этом молчат средства массовой информации?..

А стоило «Русской газете» даже слегка коснуться этой проблемы, как сразу ее обвиняли в антисемитизме, шовинизме даже в фашизме. И такое же говорили в адрес и некоторых других печатных органов в Москве. Даже «Свобода» злобно проехала по «Русской газете». Любой печатный орган, вставший на защиту русского народа, сразу же обвинялся в антисемитизме, шовинизме, вся королевская печатная рать обрушила свой гнев на эти издания с маленькими тиражами... Как же пробудить самосознание русского народа, как писать о возрождении России, когда даже мельчайшие проблески этого сознания тут же опошляются, душатся, высмеиваются, преследуются. Особенную ненависть вызывают русские интеллигенты, не купленные новоявленными хозяевами России. Их готовы на части разорвать...

Не хотелось все это говорить дочери Вадиму Андресвичу, но и молчать было преступно: Маша должна знать, что волнует его. И любого честного русского интеллигента. Лина полностью разделяла позицию мужа, но она мягкая, добрая женщина и не трибун. Но сколько оболваненных печатью и телевидением тысяч, миллионов русских верили и верят этому нескончаемому потоку лживой информации и, толком даже не зная, что такое антисемитизм и шовинизм, косо смотрят на патриотов! А разве не точно так же оболванивали и обманывали

большевики русских в семнадцатом? Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев — разве они не потчевали народы сладкими обещаниями о торжестве коммунизма? Сами живя в созданном партией для себя и своих прихлебателей коммунизме, они творили беззакония, создавали собственные культы, обогащались, особенно при Брежнев, когда липовая идея социализма была доведена до полного абсурда, а распад общества, воровство, лихоимство приняли глобальные размеры. Куда там до них царским мздоимцам-чиновникам, бравшим взятки гусями и яйцами! Да и знали ли вожди пролетариата сами-то, что такое коммунизм, придуманный ненавистником русского народа сатанистом Марксом, поклоняющимся Дьяволу? Из последних, только сейчас опубликованных, работ Ленина ясно, что он на закате жизни не верил в идеи коммунизма, да и социализм в России считал роковой ошибкой. Так что в самом своем зародыше большевизм был лживой и человеконенавистнической организацией, привнесенной в Россию извне десантом заморских революционеров.

— Папа, мои одноклассники прочитали в «Авроре» «Интердевочку» и решили сразу после школы стать валютными проститутками, — сказала дочь. — Можно красиво одеваться, иметь дорогие вещи и много долларов.

— А что по этому поводу сказала учительница по литературе Софья Соломоновна? — спросил Вадим Андреевич.

— Она сказала, что это замечательная повесть и рекомендовала всем прочесть, мы писали сочинение на эту тему.

— А ты как относишься к этой грязной повестушке?

— Красивая девушка за одну ночь может заработать столько, сколько профессор не зарабатывает за месяц, — явно повторяя чьи-то слова, произнесла Маша.

— Ну а совесть, девичья честь, наконец, обыкновенная порядочность? Неужели какая-то пошлая книжонка перекрыла в сознании молодежи всю великую чистую русскую литературу?

— Честь, совесть... — насмешливо повторила дочь. — Как раз эти самые слова произносили комсомольские секретари на наших собраниях, а сами, оказывается, развратничали и пили как сапожники. Ты считаешь, что лучше девушке после школы надеть на себя оранжевую куртку и с лопатой и кувалдой в руках работать на железной дороге? Эти валютные проститутки имеют все: французские духи, одежду от Кардона...

— Кардена, — машинально поправил Вадим Андреевич.

— ...могут купить в «Березке» все, что пожелают,— продолжала дочь.— А честные и порядочные девушки ходят в рваных колготках и мечтают о фирменных джинсах и кроссовках... Те два грузина знаешь что мне обещали? Флакон сторублевых французских духов. И всего-то за то, что они со мной потанцуют...

— Маша, мне неприятно все это слышать,— нахмурился Вадим Андреевич.— Я считаю тебя умной девочкой, уверен, что ты никогда не поддашься на дешевые приманки. Ты должна знать, что порок, как ржавчина, разъедает не только тело, но и душу. Эти юные шлюхи заражаются венерическими болезнями, погибают от СПИДа. Разве валюта и тряпки стоят этого? Машенька, в твоих жилах течет дворянская кровь. Твои предки были аристократами, для которых честь была дороже жизни и благополучия. Твои дедушка и бабушка погибли в день смерти тирана всех времен Сталина. Они прошли в застенках все муки ада. Это были чистые, интеллигентные люди, любящие свою родину. Да что я говорю? Ты все это сто раз слышала от меня... Я сам чудом избежал ареста. И моя дочь, воспитанная на классической русской литературе, вдруг заявляет мне, что ради тряпья и флакона французских духов готова...

— Я не говорила, что я готова! — резко перебила дочь. Он взглянул в ее посветлевшие от гнева синие глаза, в них был вызов. Припухлые яркие губы поджались, а на маленьких скулах появились два розовых пятна.— Я тебе рассказала, что мои подружки говорят, но это не значит, что я разделяю их взгляды...

— Я в этом не сомневался.

— И «Интердевочку» мне было противно читать, а сочинение я не написала...

Вадим Андреевич привлек дочь к себе, посадил на колени. Маша стала тяжелой и скоро нога затекла. От волос ее пахло цветочными духами. Черт возьми, как рано зреют нынешние девчонки! Он почувствовал, что девочке неудобно на его коленях и отпустил ее. Маша присела на диван-кровать, разгладила короткую юбку на круглых коленках. Эта мода носить коротенькие юбки, из-под которых видны трусики, не раздражала Вадима Андреевича, когда это касалось других девушек, но то, что дочь выставляет напоказ свои стройные ножки, не нравилось. Он как-то сказал жене, чтобы она посоветовала Маше носить юбки подлиннее, но дочь, видно, не послушалась.

— Я думаю, Маша, что подобные мысли приходят в голову твоим подружкам потому, что сейчас по телевидению, видео показывают много порнографии, да и такие книжонки, как «Интердевочка», развращают, конеч-

но, но врожденное чувство достоинства, порядочности и чистоты не позволят умной девушке пойти по этому скользкому и опасному пути.— Он понимал, что слова его звучат по-газетному, но как иначе разговаривать на подобные рискованные темы?

— Я еще не знаю, какой у меня будет путь,— печально произнесла Маша, глядя мимо отца на незатейливый пейзаж в черной рамке на стене.— В школе стало неинтересно, сами учителя говорят, что в учебниках, особенно по истории, все наврано, но других нет, на уроках шумно, все занимаются своими делами и не слушают преподавателей, да они и сами иногда не знают, что говорить. Мальчишки толкуют о чемпионе мира по каратэ, Брюсе Ли, Чакс Норрисе, курят теперь прямо в коридоре, девочки от них не отстают: дымят вовсю, ругаются матом и мечтают выйти замуж за любого иностранца — лишь бы уехать из этой жуткой страны. Двух из нашей школы девочек задержали в вестибюле гостиницы «Интурист», они пришли туда познакомиться с финнами... А одну проститутку избили, порвали одежду и пообещали, если она еще раз появится на их территории, глаза выцарапать.

— Ты ведь не такая? — миролюбиво заметил Вадим Андреевич. Впервые он обратил внимание, что Маша умеет быть резкой, жесткой. Когда-то все ее рассуждения о жизни, — правда, они редко вот так, как сегодня, разговаривали — казались ему детскими, наивными. А нынче дочь рассуждает, как взрослая. Упрямая складка прорезала ее чистый лоб. Ну почему родители всегда с опозданием замечают, что их дети стали взрослыми?..

— Я не знаю, папа, какая я,— после продолжительной паузы сказала Маша. Она машинально взяла его шариковую ручку и на чистом листе бумаги чертила какие-то забавные рожицы.— Ты видел фильм «Маленькая Вера»?

— А что, интересный? — спросил отец. Он не видел этот фильм, хотя о нем тоже много говорили в городе, писали в газетах. По примеру иностранных фильмов там показан половой акт, много похабщины.

— Это страшный фильм,— задумчиво сказала Маша.— Лучше уж броситься под поезд, чем жить так, как жила Маленькая Вера... Нас Софья Соломоновна всем классом водила на этот фильм. «Вот, ребята, так большинство людей живут в России... Теперь вы понимаете, почему многие умные люди уезжают отсюда?» Так она сказала после просмотра.

— Теперь любят у нас покопаться на помойке,— заметил Вадим Андреевич.— И с каким-то садистским удовольствием это делают советские писатели, кинорежиссеры, журналисты.

— Папа, а ты бы уехал отсюда?— подняла на него крупные синие глаза дочь. И в них было не только любопытство, но и глубокая затаенная тоска.

— Куда? — усмехнулся он.— Кому мы нужны там, за границей? И как это можно уехать из своей страны, где ты родился, где могилы твоих предков?

— Где могилы твоих предков — ты не знаешь,— жестко произнесла Маша.— Дедушку расстреляли, бабушка покончила с собой и неизвестно, где их закопали.

— Такое страшное время было, Маша,— угрюмо ответил Вадим Андреевич.— Это страшное время началось с семнадцатого года, мои родители могли еще уехать из России, но они этого не сделали: и мать, и отец честно служили советской власти, но она их уничтожила. Наверное, и я смог бы убежать за рубеж, но мне такое и в голову не приходило. А сейчас в стране начались большие перемены и бежать отсюда — это было бы предательством. Как и в семнадцатом — история часто повторяется, — снова объединенные сионистами антирусские силы у нас и за рубежом стремятся унижить, закабалить коренной народ, натравить русских друг на друга, вызвать ненависть к ним у других народов. Не все еще это понимают, вот я и пытаюсь в своей газете рассказать людям правду.

— Какую правду?

— Не русские совершили революцию, точнее, захватили власть в России, а кучка политических авантюристов, предавших и обманувших народ. Никто еще по-прежнему не назвал их, а я вот хочу это сделать...

— Может, поэтому в странах социализма разрушают памятники Ленину?

— Я думаю, и у нас их скоро будут убирать с площадей и улиц,— сказал Вадим Андреевич.— Полагаю, что и наш город снова будет носить имя святого Петра. Ленин не любил Петербург и столицей сделал Москву.

— Помнишь, когда меня затащили в «Волгу» и куда-то повезли, потом ты меня спросил: испугалась ли я? — перевела разговор на другое дочь.— Мне не было страшно. Эти, в огромных кепках, не показались мне бандитами, они были хорошо одеты и говорили мне приятные вещи. Я не верю, что они могли бы со мной дурно поступить.

— О чем ты говоришь, Маша?! — вырвалось у Вадима Андреевича. — Это грязные насильники, и если уж

они решились на похищение, то целой и невредимой ты от них бы никогда не вырвалась, если вообще бы они тебя живой отпустили! Ты что, не смотришь «600 секунд»? Там каждый день показывают жертв насилия. А сколько девочек и мальчиков пропало без вести?

— А мой бы портрет показали по телевизору?

— Это уже чисто девчоночий вопрос! Ей интересно, показали бы ее карточку на экране телевизора, а то, что родители сошли бы с ума от горя, ей как-то невдомек. Послушай меня, — доверительно начал Вадим Андреевич. — Ты красивая девочка, на тебя уже обращают внимание мужчины, юноши и это, естественно, льстит твоему самолюбию, но не забывай, в каком мире ты живешь! Это раньше были рыцари и джентльмены, готовые за честь женщины умереть. За страшные годы советской власти многие люди ожесточились, огрубели, утратили человеческий облик; пока власть была сильна, сохранялся хоть какой-то порядок, пусть даже на страхе перед возмездием, но теперь власть ослабела, на страну надвигается хаос, перестройку некоторые люди восприняли как вседозволенность, сразу полезла вверх кривая преступности. Прикрываясь лозунгами о гуманизме и правах человека, на самом деле так называемые демократы способствуют росту преступности в стране, насилию, возникновению теневой экономики и организованной мафии... Значит, кому-то выгодно, чтобы в стране был хаос, развал, царил преступность.

— Но кому? — спросила дочь.

— Людям, ненавидящим русских, их еще называют русофобами. Вот они, захватив в свои руки все средства массовой информации, повсеместно раздувают эту ненависть к русским, а многие люди привыкли верить печатному слову. Есть же русская пословица: если тебя сто раз обзовут свиньей, ты захрюкаешь.

— Но зачем им это надо?

— Потому, что русские — это самая многочисленная нация в стране, а значит — и самая сильная, и если она будет сплочена и тоже заявит о своих правах и праве на лучшую долю в СССР, то, по мнению русофобов, им придется худо, а этого ни в коем случае нельзя допустить. Вдруг их погонят из газет-журналов, издательств? Ведь РСФСР — самая богатая республика, и если она больше никому не будет так щедро, как сейчас, раздавать свои богатства, то станет сильной, независимой, самостоятельной, а этого больше всего и боятся враги русского народа, захватившие власть. Они привыкли к тому, что русские нищие, бесправные, терпеливые, все отдают другим, а сами, как говорится, перебиваются с

хлеба на квас... Русофобам хочется, чтобы такое положение оставалось и дальше. Всем нациям в СССР позволено проявлять свое национальное самосознание — это приветствуется, а стоит русским заикнуться о своих правах и национальном самосознании — вся печать и телевидение обвинят их в национализме, шовинизме! Я об этом уже десятки раз говорил.

— Папа, мне все это трудно понять,— встала с дивана Маша. Она ростом почти с мать.— Ты говоришь одно, а Софья Соломоновна наоборот толкует об угрозе антисемитизма, каких-то погромах, обвиняет в разжигании этого самого антисемитизма в стране журналы «Наш современник», «Молодую Гвардию», не советует вообще их читать. Лучшими журналами называет «Огонек», «Дружбу народов», «Знамя»... А твою газету, я тебе говорила, назвала черносотенной. Когда я ее спросила, а что такое «черная сотня», она сказала: читайте Бабеля, Гроссмана и Шолом Алейхема...

— Насчет Гроссмана ничего не скажу, а Бабель и Шолом Алейхем — хорошие еврейские писатели. Советую почитать.

— Я лучше почитаю «Бесов» Достоевского,— улыбнулась Маша.— Софья Соломоновна нам все уши прожужжала, какие замечательные писатели и поэты Трифонов, Бакланов, Рыбаков, Евтушенко, Вознесенский, Окуджава... А «Бесы» и «Дневник писателя» Достоевского не рекомендовала читать. Говорит, он тоже антисемит. У нее все, кто плохо отзывался о евреях — антисемиты.

— Кто же тебе сказал про «Бесов» и «Дневник»?

— У нас в классе есть мальчики, которые не верят Софье Соломоновне, читают нелюбимые ею книги, а твою газету называют самой честной и правдивой. И говорят, что она ненавидит русских, а в Израиль не уезжает, так как ей приказали здесь, у нас, оболванивать мальчиков и девочек, чтобы они тоже ненавидели антисемитов.

— Я рад,— улыбнулся Вадим Андреевич.— Значит, не зря мы ночи не спим, делая «Русскую газету».

— Папа, ты больше не встречай меня из школы,— сказала Маша.— Девочки смеются надо мной... Мы теперь ходим домой группой и среди нас есть два мальчика, которые уже год занимаются каратэ. Они даже носят в сумках эти... пунчаки.

— Разве что по пути...— пробормотал Вадим Андреевич. После того случая с такси, он каждый день сопровождал до дому Машу, а когда не мог — ее встречала Лина.

Дочь ушла в другую комнату, а он задумался: Маша умная, конечно, девочка, но этот грязный поток газетно-телевизионной стряпни на сексуальные темы, эти хрипяще-воющие под скрежет электроинструментов юнцы духовно растлевали юношей и девушек, еще не умевших разобраться, что, в конце концов, происходит в мире? От умалчивания и ханжества, без всякого перехода, на них вдруг обрушились порнография, секс, бездарная музыка, если только можно назвать музыкой все то, что с утра до вечера теперь транслируется по радио-телевидению.

Он встал из-за стола, подошел к окну: раскинувшийся перед ним сквер был мокрым и унылым, черные костлявые ветви лип и тополей тянулись к хмурому серому небу, на желтой стене напротив — темные подтеки. Небольшие квадратные окна походили на амбразуры. На железном карнизе хвостами друг к другу находились два голубя. У парадной стояла белая с красным «Скорая помощь», задняя двустворчатая дверца распахнута, в кабине молодой шофер в кепке читал книжку. За кем-то присхали. Скоро должна прийти Лина, она сразу после обеда ушла в магазин. Раз долго нет, значит, стоит за мясом или сосисками.

Мысли снова вернулись к дочери: странно, что она ни разу не говорила, кем хочет стать? Дима — и тот не раз заявлял, что, когда вырастет, будет инженером, очень хочет работать с компьютерами. Часами играет в кинотеатре «Ленинград» на огромных автоматах. Он и сейчас уже не пройдет мимо любой радиодетали, у него свой инструмент, часто просит, чтобы отец сходил с ним на Литейный в магазин «Инструменты» и купил ему плоскогубцы, набор отверток или тиски. Маша много, хотя и бессистемно, читает, книг в доме вдосталь, в обеих комнатах книжные полки заполнены томами почти до потолка. Знал он, что дочь с седьмого класса пишет стихи, но прочитала их родителям всего один раз на Новый год. Стихи, конечно, наивные, подражательные. Тут что-то от Цветаевой и Ахматовой — Маша говорила, что это любимые поэты Софьи Соломоновны, — но есть и свое, собственное. Помнится, тогда Вадим Андреевич посоветовал ей почитать Есенина, Блока, современного Рубцова, не говоря уж о Пушкине и Лермонтове. Он любил этих поэтов.

Впрочем, почему он должен выяснять, кем хочет быть его дочь? Пусть она будет хорошей женой кому-нибудь и заботливой матерью. Разве раньше, когда люди до революции жили патриархально, задумывались родители, кем должны стать их дочери? Заботились о прида-

ном, о хорошем женихе, который составил бы ей счастье. Это только в наш жестокий век родители мучительно решают, какую профессию выбрать для дочери! Маша справедливо заметила, что противостественно видеть на строительстве шоссейных дорог и на железной дороге молодых и немолодых женщин, одетых в грубые оранжевые безрукавки, с ломami и лопатами в мозолистых руках. Разве это женский труд?

Скрипнула дверь, и голос сына за спиной возвестил:

— Папа, сегодня по телеку американский боевик. Чарльз Бронсон убивает бандитов, вырезавших его семью! Ты не заставляй меня рано ложиться, ладно?

— Благородная тема,— усмехнулся Вадим Андреевич.— В Америке все возможно... Что ж, вместе посмотрим такой замечательный фильм.

— Папа, почему американцы могут в магазине купить пистолет или автомат, чтобы защитить себя, а у нас запрещено? — спросил сын.

— Правительство, боящееся собственный народ, никогда не разрешит людям иметь личное оружие.

— А если к нам бандиты придут и сунут под нос пистолет?

— Ты же не откроешь дверь незнакомым?

— Когда я вырасту большой, обязательно раздобуду пистолет и никому не позволю меня обижать и грабить,— с серьезной миной сказал Дима.

— Можно и без оружия научиться не давать себя в обиду.

— Ты меня научишь?

— Когда подрастешь...

— Вот так всегда,— вздохнул Дима.— Когда же я подрасту, черт побери!

— Я тебе сам скажу,— пообещал отец.

— У Толика Пипчука вчера взорвался цветной телевизор, хорошо, что не загорелся. Можно, он придет смотреть кино к нам? — попросил он.

— Ради Бога,— сказал Вадим Андреевич.— А теперь, дружок, оставь меня одного, я еще немного поработаю.

9. Вера Хитрова

На Невском проспекте, у памятника Екатерины Вадим Андреевич стал свидетелем схватки двух групп рэкетиров. Он шел вдоль ряда выставленных художниками картин, икон, матрешек, деревянных маленьких скульптурок. Тут же, прямо на улице были установлены мольберты, и молодые художники предлагали прохожим написать их портрет за полчаса карандашом или углем. Некоторые пейзажи, городские картинки были написаны недурно, иногда Вадим Андреевич приобретал их. Только в наших квартирах и развесить-то их негде. Большие полотна могут приобретать лишь люди, имеющие многоквартирные хоромы. Нравились ему и иконы святых угодников, художники уверяли, что они освящены в храмах служителями культа. Его на этот раз заинтересовал пейзаж Зимней канавки размером с тетрадный лист. Юноша с мягкой русой бородкой беседовал неподалеку с другим художником. Надо сказать, что парни не хватали прохожих за рукава и не навязывали свои работы, держались с достоинством, иногда делали вид, что вообще они тут посторонние, не сразу и поймешь, кто продаст картины, а кто их смогрит.

У чугунной ограды слышались грубые громкие голоса, художники поворачивали голову в ту сторону. День был пасмурный, небо облачное, мокрый асфальт блестел. Из водосточных труб брызгали тонкие струйки. Но на Невском в любую погоду многолюдно, впрочем, как и на всех проспектах. Прохожие двигались по тротуарам вдоль красочных витрин магазинов. Витрины-то были красивыми, а в магазинах выбор не велик. Бросались в глаза приезжие с сумками и котомками. Их глаза жадно шарили по витринам, они толкали прохожих, целенаправленно пробираясь к дверям, и внутри лезли к прилавкам, хватали все, что под руку попадется. Особенно неистовствовали южане и азиаты, эти осаждали комиссии, отделы ковров и бытовой техники. Нашествие приезжих в Ленинград раздражало коренных жителей, вывозили все продукты, промышленные и строительные товары. Тысячи машин с иногородними номерами выстраивались вдоль магазинов, городских рынков, появились там старушки, торгующие полиэтиленовыми пакетами. Покупали их за тридцать-сорок копеек, а продавали по рублю, более-менее преследуемая ранее спекуляция победно выбиралась из подполья, стремительно набирала темпы. Открывались кооперативные кафе, магазины, торгующие иностранными товарами,

цены на которые потрясали своей нелепостью. Не верилось, что кто-то может купить японский телевизор за пятнадцать тысяч или кофемолку, импортную дрель за три тысячи, уют — за тысячу рублей, но, по-видимому, покупали, раз магазины и ларьки процветали и даже занимали для охраны милиционеров. В газетах писали, что некоторые кооператоры зарабатывают в месяц по пять-десять тысяч. Были и такие, что по сотне тысяч. Эти могли купить что угодно, у них теперь денег как грязи... Подобное выражение по отношению к кооператорам Вадим Андреевич не раз уже слышал. Появились и рэкетиры, или, по-русски — гнусные вымогатели. Эти ничего не производили и не продавали, а пользуясь оружием, силой, угрозами заставляли кооператоров, да и не только их, выплачивать солидный процент с выручки. Взяли под контроль и молодых художников-студентов. Слышать про рэкетиров Вадим Андреевич слышал, даже опубликовал в газете статью про них, но вот увидел дюжих, одетых в кожу молодчиков сегодня впервые...

Трое чернявых южан прямо на Невском схватились с двумя широкоплечими парнями в кожаных куртках. Один из южан, какой он национальности Вадим Андреевич не определил, уже лежал с окровавленным лицом у чугунной решетки, а остальные двое с финками в руках, скаля зубы, наступали на парней в куртках. У тех вроде бы холодного оружия не видно, но парни не очень-то испугались. Один из них ногой ловко выбил финку из рук ближайшего к ним южанина. В следующее мгновение его увесистый кулак обрушился тому на подбородок. Южанин испустил гортанный вскрик и отлетел к решетке. Его приятель попытался нырнуть в толпу, окружившую дерущихся, но тут его сграбастали два подоспевших милиционера. Парни в куртках и не сделали попытки убежать, Вадим Андреевич заключил, что они тоже переодетые милиционеры, но когда подъехал, по-видимому, вызванный по рации желто-синий милиционерский «газик», их тоже посадили туда. Грузины, яростно жестикулируя, что-то быстро лопотали, показывая на парней, но их не слушали. И тоже впихнули в машину.

— Рэкетиры... Не поделили территорию,— услышал Белосельский разговор двух бородатых художников.— Эти грузины с месяц «щипали» нас, а потом появились экс-спортсмены из какого-то общества и тоже потребовали «табаш».

— Сколько ты им отстегивал?

— Они, сволочи, брали с каждой проданной картинки! Приходили утром, считали работы, заносывали в блокнотик, а вечером, проверив, называли сумму...

— Я раз послал их... Пять картинок пожом изрезали.
— Может, теперь отстанут?
— Не они — так другие даную обложат! Их туг, подошвок, крутится до черта...

Внезапно разговор смолк, оба художника, до этого мало обращавших внимание на покупателей, разглядывающих их работы, засуетились, бросились к своим стендам, вернее, чугунным решеткам, к которым были прикреплены картинки, иконы, пейзажи, закивали головами, заулыбались, один что-то залопотал по-английски. Оказалось, что к ним подошли иностранные туристы. Это были самые выгодные покупатели, они платили долларами, марками...

Из подземного перехода у Гостиного доносились звуки труб духового оркестра. Музыканты, глядя как бы сквозь поток прохожих, усердно дули в свои латунные трубы, у их ног на коврик валялась мелочь, рубли. У Вадима Андреевича всегда эта картина вызывала тягостное чувство: хорошую народную музыку почти начисто вытеснили волосатые хрипуны с электроинструментами. И вот профессиональные музыканты в подземных переходах, метро и прямо на улицах играют ради куска хлеба засушного. Появилось много нищих, калек у храмов и церквей, неимущие старики по утрам рылись на помойках, выискивая съедобное и выброшенные бутылки, которые можно было сдать. Город все больше нищал и дичал...

На улицу Бродского с Невского медленно поворачивал вишневым, с чисто вымытыми окнами, интуристовский «Икарус». Вадиму Андреевичу показалось, что у отсека шофера мелькнуло лицо Веры Арсеньевны Хитровой. Не отдавая себе отчета, он пошел к парадной гостиницы «Европейская», где остановился автобус. Из него выходили иностранцы с сумками, фотоаппаратами. Они разительно отличались от прохожих на улицах города. Нет, не одеждой, ленинградцы тоже были модно одеты и в этом отношении мало чем отличались от иностранцев. Просто те были оживленнее, естественнее, что ли, улыбчивее, приветливее. Оно и понятно: люди приехали отдохнуть, набраться впечатлений в прекрасный город Петра, где тоже бурлит раздутая печатью всего мира перестройка! Они в восторге от Горбачева, готового пойти на любые уступки Америке, от гласности, демократии... Ну а то, что лица горожан угрюмы, — это их мало трогало, как и наши повседневные заботы. Даже наоборот — было приятно, что у них все есть, а у нас — нищета. И опять же их, иностранцев, это не касалось: все лучшее они могут купить в валютных магазинах, им

не выдают на поездку каких-то жалких пятнадцать-двадцать пять валютных рублей. Тратьте свои деньги сколько душа пожелает. Глядя на мрачные лица русских, некоторые все же удивляются: что это такое? У них перестройка, демократия, гласность, улыбчивый добряк Горби, а люди вокруг злые, неприветливые, раздражительные! И лица у них такие, что не хочется и обращаться с вопросами даже по-русски...

Веру Арсеньевну он увидел у выхода, она что-то говорила шоферу. Тот в костюме и при галстукe, протирал чистой тряпкой продолговатое зеркало заднего обзора. Иностранцы, переговариваясь, потянулись к дубовой парадной. На дверях тускло светились бронзовые ручки.

— Здравствуй, Вера, — сказал Белосельский.

Хитрова повернула к нему голову в пушистой лисьей шапке, секунду смотрела, будто не узнавая, потом улыбнулась:

— Рада тебя видеть, Вадим!

— Посидим где-нибудь? — предложил он, забыв, что ему нужно было зайти в Дом книги, куда, собственно, он и направлялся. В издательстве «Просвещение» работал знакомый журналист, он обещал помочь с типографией. Тираж «Русской газеты» вырос, и институтская типография зятя Румянова уже не справлялась.

— Пойдем в наш буфет? — кивнула на высокие двери Вера Арсеньевна. — Я тебя угощу датским пивом. Слышал, что Горбачев сказал, посетив в Куйбышеве завод «Жигули»? Такое пиво пить — значит, не уважать свое человеческое достоинство...

— Горбачев много чего наговорил... Даже заявил, что мы будем выпускать лучшие машины в мире, чем только насмешил весь мир.

В буфете было мало народу, хотя в баре было все, что душа пожелает: красивые банки с пивом, бутерброды с красной и черной икрой, осетрина, семга и даже крабы.

— Богато живете! — покачал головой Вадим Андреевич. Такого изобилия дефицитов он многие годы не видел.

— Все на валюту, — заметила Вера Арсеньевна. — Ты знаешь, как наш рубль теперь называют? Деревянный.

Вера Арсеньевна подошла к бармену, он улыбнулся ей, как старой знакомой, положил на тарелку бутерброды с икрой и осетриной, выставил две зеленых с надписями и медалями банки пива и невысокие хрустальные стаканы. Вадим Андреевич повертел в руках жестянку — он еще ни разу не пробовал баночного пива — и протянул Веру:

— Не знаю, как открывать.

Она потянула за овальный язычок, послышался негромкий хлопок, вроде бы даже показался чуть заметный дымок. Пиво было янтарно-прозрачное и на вкус совсем не походило на наше «Жигулевское», которое тоже не так-то просто было купить в городе.

— Это за... деревянные рубли или...

— За финские марки,— улыбнулась Вера.— Нам, интуристовским работникам, иногда перепадает.

— На чай дают?

Светлые глаза женщины потемнели, однако накрашенный рот продолжал улыбаться.

— Я многих финнов знаю, и они просят меня им что-либо купить и платят за это марками,— спокойно ответила она.— Теперь за валюту не преследуют, дорогой Вадим. Даже ты можешь свою «Русскую газету» продавать за ипрудли, вернее, за иикопейки и никто тебя за это не осудит. Художники продают за доллары и марки свои картины прямо на улице, кооператоры...

— Об этом я слышал и сегодня видел эту торговлю на Невском, — сказал Вадим Андреевич и, чтобы сгладить свою резкость, рассказал про схватку рэкетиоров.

— И ты, конечно, вмешался? — посмотрела она на него серыми с голубизной глазами, вокруг которых уже заметны были тоненькие лучики морщин. Вера Хитрова стала полнее, появился второй подбородок, но в общем-то для своих лет она выглядела неплохо.

— Я даже не понял, что произошло... И тут быстро милиция подроспела.

— Среди бела дня, на Невском, драка...— покачала головой Хитрова.— А что делается, когда интуристовский автобус останавливается возле достопримечательных мест! Фарцовщики и спекулянты палатают на иностранцев, как саранча. А вечером в вестибюле и в баре крутятся валютные проститутки. Есть совсем еще зеленые девочки!

— А милиция?

— Что — милиция? У нас нет закона о проституции.

— Не догадались принять такой закон, считалось, что в СССР нет проституции,— сказал Вадим.— Как и ничего другого предосудительного. У нас же социалистическое общество, а ему чужды пороки капитализма...

Бармен сам принес дымящийся кофе в маленьких фарфоровых чашечках. За соседний столик уселась пожилая пара: круглолицый усатый мужчина в светлой куртке, с японским фотоаппаратом на груди и худощавая длиннорыцая женщина с пепельно-голубыми волосами. Они говорили по-немецки. Бармен тоже принес им кофе. Поражало обилие разных напитков в красивых

бутылках с иностранными этикетками. Стереомангитфон «Панасоник», примостившийся на полке среди бутылок и банок с пивом, негромко звучал. Пел Челентано. За широкими окнами кафе совсем другой мир с его нищетой, очередями, ненавистью, хамством, а здесь тихо, на полках — невиданное для простого люда изобилие... Цивилизованная Европа с ее роскошью и благоустроенным бытом внедрялась в Россию, правда, пока все это предназначалось только для приезжих иностранцев...

— Твой отец говорил, что ты...

— Папа вот-вот уйдет из института,— перебила Вера.— Он обвиняет меня в том, что Юра уехал в Италию. Мол, я с детства приучала его к западной роскоши, дарила иностранные вещи, привозила из поездок джинсы, куртки, пластинки, магнитофоны...

Вадим Андреевич слышал от Арсения Владимировича, что сын Веры — Юрий женился на еврейке и уехал в Италию, где у нее были родственники, ранее выехавшие в Израиль, но обосновавшиеся в Неаполе. Юрий закончил филологический факультет ЛГУ по специальности германо-романские языки. Хорошо знал английский, итальянский. С женой он вскоре развелся, а сам поступил на работу в какое-то издательство переводчиком технических текстов. В нынешнее время, когда из СССР выезжали десятки тысяч людей, поступок Юрия никого не удивил, однако Арсений Владимирович сурово осудил внука и корил дочь за него. Он считал, что в такое тревожное время, когда страна меняет свой экономический и политический курс, дай Бог, если это в лучшую сторону, уезжать из нее — предательство. Да и что следовало ожидать от мальчишки, который с «младых ногтей», так выразился Хитров, привык к западному образу жизни, любвеобильная мать еще с пеленок готовила его к другому миру. У нее ведь дома ничего нет национального, все иностранное, вплоть до ложек-вилочек. Даже бумажные салфетки и зубочистки из-за границы! Мальчишка всю жизнь щеголял в иностранных одежках, уже в университете подторговывал джинсами, пластами с записями модных певцов, разными штучками-дрючками. Правда, с третьего курса вроде бы поумнел и прекратил эту мелочевку. Оказывается, он готовил себя к более серьезным делам...

Вадим Андреевич несколько раз видел у Хитровых Юру, у него была фамилия первого мужа Веры, юноша произвел на него хорошее впечатление: неглуп, интеллигентен, одет был во все иностранное, но что тут плохого? Кто мог себе это позволить, все приобрели иностран-

ную одежду и обувь. Если советская легкая промышленность не способна выпускать модную, удобную одежду, почему бы, если есть такая возможность, не одеваться по-европейски? В этом Белосельский не видел ничего предосудительного. Лина тоже всегда старалась купить себе, ему, детям что-либо заграничное, потому что оно всегда лучше сшито. Взять хотя бы обувь, ну кто из молодых людей носит нашу, отечественную? Разве что в провинции, так и там охотятся за американскими джинсами, итальянскими кроссовками, китайскими пуховиками, западногерманскими ботинками...

— Как он там в заграничах — Юрий? — поинтересовался Вадим Андреевич, приканчивая вторую банку пива. Вера пила только кофе.

— Купил поддержанную машину... Кажется, «Феррари».

— Я не о том, — с досадой перебил он. Вера всегда на первый план ставила бытовое благополучие, что, очевидно, раздражало и ее отца. — Скушает по дому, Питеру?

— А ты как думаешь? — холодно взглянула на него Вера Арсеньевна. — Иногда звонит ночью, бодрится, рассказывает, что живет в небольшой квартирке, неплохо зарабатывает, вот машину купил...

Вадим Андреевич с трудом сдержал улыбку, он выпил из банки остатки янтарного пива, поднес стакан к губам. Ну почему Вера не понимает, что все-таки не одно благополучие, а еще что-то есть главное в жизни человека, разумеется, не закоренелого мещанина? Ведь сама несколько лет пожила за рубежом, все там имела, но вот вернулась же на родину? И первое время много говорила о том, что там грызла ее смертельная тоска по дому. К обилию продуктов в супермаркетах, промышленным товарам, которые тебе на каждом шагу навязывает реклама, быстро привыкаешь, а что за всем этим? Чужие вокруг люди, с чуждым русскому человеку меркантилизмом, иной моралью. Только евреи везде, где можно делать деньги, чувствуют себя счастливыми. Вадим Андреевич не слышал ни про одного чисто русского процветающего за рубежом эмигранта. Истинно русский человек только на своей родной земле способен проявить свои таланты. Разве русские виноваты в том, что большую часть их жизни крадут очереди, поиски съестного, товаров; денег у людей стало больше, а товаров и продуктов, наоборот — меньше. А правительство печатает деревянные рубли... Всему миру известно, взять хотя бы наших дореволюционных классиков, что русский человек всегда больше тянулся к духовному, божественному, чем к материальному, чего как раз не скажешь про зарубежье, где деньги и прагматизм решают

все. Вся наша классическая литература — это поиск людьми своего духовного идеала. Искания, терзания... Но когда народ довели до нищеты, создали уравниловку, отвратили от религии, Бога, да еще в придачу ко всему украли у него историю и семьдесят с лишним лет обманывали в малом и большом, разве можно ждать от оболваненных людей мгновенного прозрения? Перемены в мышлении? Для этого нужно время, русская печать, где работают русские, правдивая информация обо всем происходящем у нас и в мире. А печать, радио-телевидение, проповедуя гласность, на самом деле снова самым гнусным образом морочат народ, разжигая его низменные инстинкты, как и в проклятом семнадцатом году!..

— ...Юра очень переживает, что дед так плохо к нему относится,— дошел до него ровный, чуть глуховатый голос Веры Арсеньевны.— Он любит и уважает его. Но папе скоро семьдесят, он, как и многие в его годы, консерватор. Помнишь, как презирали у нас диссидентов? Вся печать набрасывалась на них, как бешеные собаки, а теперь что? Эта же печать прославляет их, печатает их бездарные порнографические произведения, требует дать им гражданство... Неужели папа не понимает, что Юра может теперь спокойно вернуться домой и никто его не будет преследовать. Но это должен решить сам Юра, а не я или дед. Свобода — это есть и свобода выбора места жительства. Юра ведь не поменял советское гражданство.

— В такое тяжелое для России время ему не стоило бы уезжать.

— А когда в России русскому человеку было легко? — парировала Хитрова.— При царе? Так и там вокруг его главного советника Распутина крутилась разная мразь, используя старца в своих целях.

— Я бы не смог жить за границей,— сказал Вадим Андреевич.

— Я тоже вот не смогла, а сыну пока нравится. Вспомни, раньше многие русские по своей воле уезжали за границу и подолгу там жили, возьми хотя бы Тургенева или наших известных художников Александра Иванова, Брюллова. Подолгу жили там и дворяне, ученые, философы, там учились наши студенты.

— И все возвращались в Россию,— вставил он.— А кто оставался — умирал как творческая личность.

— Там хоть своей смертью, а в СССР — лучших людей убивали, да что я говорю? Ты и сам это знаешь.

— Я согласен с тобой, в СССР должны принять закон о свободном въезде и выезде граждан,— сказал Вадим Андреевич,— как это принято во всем цивилизованном мире. В правовом государстве все люди должны ездить,

куда им хочется, а пока таким правом у нас пользуются только евреи, твоему сыну пришлось жениться на еврейке, чтобы уехать за рубеж. Разве это справедливо? Посмотри, кто стоит в очередях в посольствах и консульствах на выезд из СССР? Что-то русских я там почти не вижу.

— Да была бы возможность у русских свободно выезжать за рубеж, полстраны бы выехало!

— Не верю,— решительно возразил он.— Поначалу, может, и хлынули бы туда, но потом большинство бы вернулись. У русских, как ни у кого, развито чувство Родины. Тут я полностью согласен с твоим отцом. Он ведь тоже, как ученый, мог там остаться, много раз был за границей, но ему такое и в голову бы не пришло. Поэтому и поступок Юрия ему кажется диким. Насколько я знаю твоего сына — поверь, он вернется! Он русский человек.

Вера Арсеньевна долго молчала, крутя в длинных, с золотыми кольцами пальцах хрупкую фарфоровую чашечку. Она делала вид, будто изучает бледный рисунок на ней. То ли куст, то ли букет цветов.

— Наверное, ты прав,— наконец сказала она.— Но я желаю сыну только счастья. И поскорее бы приняли этот закон о въезде и выезде.

— А разве ты не была у него в Неаполе?

— Меня туда с туристами почему-то не посылают,— улыбнулась Вера.— Я ведь не знаю итальянский язык. Моя специальность — английский, французский, немецкий...

— О чем говорят эти двое? — кивнул он на оживленно беседующих за соседним столом немцев.

— Тебе интересно?

— У меня такое ощущение, что они говорят о нас.

— Отто, так зовут мужчину, утверждает, что мы муж и жена, а его приятельница из Кельна говорит, что мы любовники... Ну а сейчас скажу тебе нечто приятное: эта немка-оглобля с лошадиным лицом заявила, что у тебя аристократическое лицо, такие, мол, лица чаще увидишь у дореволюционных русских эмигрантов за рубежом, чем в современной России...

— Почему ты так назвала ее? — удивился Вадим Андреевич.— Милая женщина...

— Потому что она не очень лестно отзывалась обо мне,— улыбнулась Вера.

— Но господин Отто, естественно, с ней не согласился...

— А говоришь, не знаешь немецкий язык!

— Мои родители свободно разговаривали на английском, немецком и латинском языках,— сказал Вадим Андреевич.— Их учили этому с самого детства.

— Господин Отто сказал, что я типичная славянка: белокурая и голубоглазая... И еще он сказал, что когда восстал против России, то в Ровно у него была любовница, очень похожая на меня.

— Пойдем отсюда,— вдруг помрачнел Вадим Андреевич.— Этот буржуазный быт развращает... Я привык к грязным столовкам, водянистому пиву, селедочному винегрету и мутному, захватанному пальцами стакану с яблочным компотом...— Он взглянул на немцев.— А эта дремучая благополучная парочка будто с другой планеты, да и валютное кафе не типичное для России.

Вера улыбнулась, подошла к бармену и заплатила ему марками. Когда они вышли на улицу, где, сверкая стеклами и хромировкой, в ряд стояли разноцветные иностранные автобусы тоже явно не с «нашей планеты», Белосельский сказал:

— Я твой должник... Но я еще ни одного доллара и в руках не держал.

— Не стыдно? — бросила на него сердитый взгляд Вера Арсеньевна.— А хвастаться, что на валюту тебе наплевать, не умно. Придет время — люди за доллары и марки...

— Всю страну распродадут, как это делает наше правительство,— ввернул он.

— ...будут наши деревянные рубли охапками отдавать,— закончила она.

— Чтобы на них иностранцы могли скупать в России все, что еще уцелело...

— Я — гид, а не политик.

— Минуточку! — сказал он и бросился к киоску «Союзпечати», где поблизости толстая женщина в длинном черном пальто и теплых сапогах продавала гвоздики. Он взял на червонец десять штук и преподнес Хитровой.

— Спасибо, дорогой! — она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. Его рука машинально потянулась стереть помаду.

— Я не оставила следов,— грустно произнесла она.

— Вера, может, как-нибудь зайдешь к нам? — не очень-то уверенно пригласил он.

— Как-нибудь, Вадим! — усмехнулась она, резко повернулась и быстро пошла к высоким красноватым дверям с ярко начищенными медными ручками гости-

ницы «Европейская». Походка у нее стала более тяжелой, чем раньше. Хорошо сшитое пальто с меховым воротником подчеркивало неплохо сохранившуюся фигуру.

Он смотрел ей вслед, все еще ощущая тонкий аромат французских духов.

10. Тревожная ночь

Не ходи к ней,— сказала Лина мужу, встав перед дверью.— Рано или поздно это должно было случиться.

— Не слишком ли рано? — угрюмо проронил Вадим Андреевич.

— Ей скоро пятнадцать... Уже три года у нее... Дорогой мой, они теперь рано созревают.

— Я пойду разыщу этого негодяя!

— Ну, а дальше? — взглянула на него жена.— Маша говорит, что она сама согласилась. Ей было интересно, как это все происходит в жизни. В кино она не насмотрелась...

— Это она тебе сказала?

— Наверное, мальчик ей понравился...

— Наверное! — зло выкрикнул он.— А где же любовь? Какие-то чувства?

— Прогулки под луной, стихи, романтика...— в тон ему произнесла жена.— У них теперь все по-другому, милый, как ты не можешь этого понять?

— Я этого никогда не пойму...— он развернул ее за плечи, посмотрел в огромные глаза.— Подожди, ты, никак, ее оправдываешь?

— Я знала, что это произойдет,— не моргнув, выдержала его пронзительный взгляд Лина.— Все было бы по-другому, если бы она училась, например, в гимназии или церковно-приходской школе. А здесь такой уж коллектив. Ты что, не знаешь, что сейчас происходит в школах, разных ПТУ?

— От нашей дочери я этого не ожидал... Переживает она хоть?

— Переживает, что не ночевала дома и заставила нас волноваться, а то что стала... женщиной, по-моему, ее мало волнует. Знаешь, что она мне сказала? Мол, это во времена гетевского «Вертера» и карамзинской «Бедной Лизы» то, что произошло с ней, было трагедией, а в наш просвещенный двадцатый век — это так, пустяк! Чистота, невинность, девичья честь — все это устаревшие понятия, так же как домострой, венчание в церкви и «да будет жена вечной до гроба мужу».

— И ты об этом так спокойно говоришь?

— Отцы всегда болезненно воспринимают такие вещи, но, допустим, наша дочь вышла замуж, родила ребенка, а через год или даже раньше развелась, как сейчас часто случается. Что бы ты на это сказал?

— Одно дело — замуж...

— Разница-то какая?! — почти выкрикнула Лина. — Если в школе им ничего не объясняют, а в салонах уже вовсю крутят порнографические видеофильмы, плати пятерку и смотри, как развлекаются в постели красотки на любой вкус с белыми, черными и желтыми мужчинами, так чего же ожидать от нашей молодежи, которой все это в диковинку и хочется тут же самим все попробовать.

— Но Маша-то не такая, — возразил он.

— Каков поп, таков и приход, — вздохнула Лина. — Мальчик, его звать Костя Ильин, он в этом году заканчивает школу, не какой-нибудь насильник с улицы, и Маша сказала, что он влюблен в нее...

— А она?

— Думаю, она и сама не знает...

— Что она тебе рассказала?

— Был школьный вечер, потом они отправились к Косте, его родители уехали на дачу в Зеленогорск, там выпили шампанского...

— И Маша?!

— Танцевали под магнитофон, смотрели по видео эротический фильм, целовались...

— Можешь дальше не рассказывать! — оборвал Вадим Андреевич. — А я как дурак мотался на машине по городу, объезжал всех ее подружек и ведь ни одна не сказала, что она ушла с этим пакостником.

— Его звать Костей Ильиным, — поправила жена. — Кстати, ты его видел с Машей, такой высокий, остроликий юноша. Маша говорит, что он нравится многим девочкам в школе.

— Ну спасибо, утешила!

— Поставь чайник на плиту! — попросила Лина. — А к Маше пока не ходи, она не хочет тебя видеть.

— Она — меня! — хмыкнул он. — В школу-то хоть пойдет? Или она и весь класс не хочет видеть?

— Пойдет-пойдет... Нарезь заодно сыр и пожарь на постном масле гренки, — распорядилась жена.

Когда все собрались на кухне за столом, а Лина разливала из кофейника по чашкам кофе с молоком, Вадим Андреевич старался не смотреть на дочь, невозмутимо намазывавшую на поджаренный хлебец масло. Правда,

глаза ее были опущены, а на гладких щеках рдел румянец. Мать стала накладывать ей чайной ложкой в кофе сахарный песок, как обычно Маша предупредила:

— Мне две ложечки.

Глаза у нее были ясные, губы чуть подкрашены, наоборот, остались следы поцелуев... Вадим Андреевич чуть не закрипел зубами: его дочь спала с каким-то... Впрочем, может, этот Костя Ильин и не подонок, Лина говорила, что его отец профессор Технологического института, а мать — директор музыкальной школы, Костя хорошо играет на пианино, много читает и на дому изучает английский язык. К нему учитель приходит. И все-таки знать, что твоя дочь этой ночью предавалась любовным утехам с кем-то... Это больно! Наверное, он и замуж-то отдавал бы ее с неохотой, привык каждое утро видеть ее глазастое милое лицо напротив себя, слышать, как она говорит, чуть растягивая гласные, журчащий смех; для него дочь все еще была девочкой в школьной форме. Правда, грудь ее набухла, бедра округлились, движения стали плавными, походка другая, иногда в улыбке мелькало что-то взрослое, женственное, но видеть в ней созревшую женщину он никак не мог. И сейчас опасался глаза поднять на нее, боялся, что сорвется и в присутствии жены и сына обзовет ее разными нехорошими словами. Ночь они почти всю не спали. Маша заявила еще в потемках в начале седьмого. Присхала, как только открыли метро. Он успел лишь спросить, где она шлялась всю ночь. Лина, очевидно, с первого взгляда поняла, что произошло, обняла ее за плечи и увела в их комнату. Вадим Андреевич ушел спать в детскую, лег на Машину кровать, но заснуть так и не смог. Он знал, что у него сейчас помятое лицо, синяки под глазами, когда брился электрической бритвой, порезался под носом, чего раньше никогда не случалось. Бритва дергала за щетину, когда отрастала, но чтобы порезаться?.. Он слышал сопенье Димы, неразличимый говор в другой комнате: жена довольно миролюбиво беседовала с дочерью. Он так и задремал под этот невинный разговор, а когда проснулся, все в доме уже были на ногах. В ванной журчала вода, в прихожей топотал Дима, шуршали по линолеуму шлепанцы жены. Задумавшись, он нечаянно выронил чайную ложку, она звякнула о чашку и упала на пол. Послышался журчащий смехок дочери. Он выпрямился на своей деревянной табуретке, в упор взглянул на нее:

— Смешно?

— А что мне теперь, горько рыдать? — дерзко ответила она.— По-моему, каждый человек волен поступать так, как находит нужным. Про это пишут во всех молодежных газетах.

— Значит, на нас тебе наплевать? — Вадим Андреевич почувствовал, как заходили желваки на щеках. Дочь он никогда не наказывал, Диме случалось от него получать легкие подзатыльники, даже несколько раз врзал ремнем. Надо отдать должное Маше, она никогда не доставляла им повода для крупных разборок. Но сейчас Вадим Андреевич с удовольствием бы надавал ей увесистых пощечин... Вон как нагло смотрит! И синие глаза ее с длинными черными ресницами — мать и дочь блондинки, а вот ресницы и брови у них черные — смотрят дерзко, даже насмешливо.

— Вадим, ты не забыл, что у тебя сегодня встреча с Румяновым,— напоямила Лина. Она, в отличие от мужа, была спокойной и невозмутимой. Дима сл яйцо всмятку и с любопытством поглядывал на взрослых. Он сообразил, что назревает скандал за столом, и был доволен, что его это не касается. Остановившая свой взгляд на сестре, он с таинственным видом улыбался,— мол, я тоже что-то знаю, но пока помалкиваю. Русая челка спускалась на лоб, серые отцовские глаза хитро поблескивали.

— Так можно оправдать вора, убийцу, любого преступника,— не обратив внимания на слова жены, резко сказал Вадим Андреевич.

— Маме было столько же лет, сколько и мне, когда вы... встретились,— улыбнулась дочь.

— Но мама не бросалась на шею первому встречному,— проворчал он.

— Костя ухаживал за мной два года,— спокойно ответила Маша.— Носил мой портфель, как пишут в детских книжках про любовь, вздыхал, краснел, даже один раз поцеловал руку... Я знаю, он всерьез влюблен в меня.

— А ты? Ты влюблена в него?

— Мне стало жалко его, он так умолял, на коленях стоял, и в глазах у нее были слезы. Столько об этом сейчас говорят, пишут, в кино показывают... Мне стало интересно.

— Ей стало интересно! — Вадим Андреевич посмотрел на жену.— Тебе тоже в Великополе было интересно?

— Я уже не помню,— укоризненно посмотрев ему в глаза, произнесла Лина. И, смягчившись, прибавила: — Я в тебя была влюблена, дорогой.

— Спасибо хоть за это! А нашей дочери просто было интересно... И еще жалко ползающего на коленях пако-стника!

— Не говори так,— произнесла Лина.

— Папа, я хотела позвонить, но Костя все время на-жимал на рычаг,— заговорила Маша.— Мне очень стыд-но, что я заставила вас поволноваться.

— Ей стыдно! — громко произнес он.— Мы черт зна-ет что тут думали! Я объездил всех твоих подруг, вот только про кавалеров не сообразил, мать звонила в ми-лицию, больницы...

— А я знал, что ты была у Кости,— вставил Дима.— Он почти каждый день провожает тебя из школы.

— А почему не сказал? — метнул на него гневный взгляд отец.

— Я — не ябеда,— солидно заметил сын.

— Ты же видел, что мы волнуемся?

— Я мультики смотрел,— невозмутимо ответил Ди-ма.— Про пещерных людей. Папа, правда, что человек вышел из обезьяны?

— Чушь собачья! — резко вырвалось у Вадима Анд-реевича.

— Я так и подумал,— заметил сын.

Лина утром, когда остались наедине, попросила не ругать дочь, мол, сй и так плохо, хотя по ее внешнему виду Вадим Андреевич ничего подобного не заметил. Жена сказала, что могло бы все случиться где-нибудь на чердаке или в парадной, как сейчас принято у распущен-ной молодежи. И Костя очень воспитанный мальчик, она не раз с ним разговаривала, очень начитанный, как и Маша, пишет стихи, участвует в художественной са-модеятельности...

— И даже из комсомола не вышел! — горько усмех-нулся он.— Образцовый мальчик, у него только один не-достаток — соблазнил нашу дочь!

— Я думаю, Маша сама приняла решение,— возрази-ла жена.— Костя не позволил бы себе грубость, насилие, он слишком увлечен Машей. Я была бы не против, если бы они поженились.

— Да Маша сще сопливая девчонка!

— Конечно, она должна школу закончить.

— Я придушу этого ублюдка! — кипел он.

Нет, Вадим Андреевич не собирался утешаться тем, что Костя Ильин хороший мальчик, он всего на два года старше дочери и вряд ли будет ее мужем. Маша и сейчас не кипит от чувств к нему, а позже наверняка разочару-ется. Ему хотелось немедленно отыскать этого негодяя и набить ему морду... Ну а если бы был другой? Не Костя,

а какой-нибудь Аркаша или Вася?.. Несожданно пришла мысль: а что, если бы с чужой дочерью подобное сотворил его подросток сын? Ведь наверняка так близко не принял бы к сердцу. Выходит, дочь — это наказание для родителей, особенно, если она хорошенькая и столь свободололюбивая. За любовными похождениями сыновей родители не следят, не переживают и за чужих дочерей, лишившихся невинности... Это забота родителей девушек. Что же за мир вокруг нас? Почему самое могучее чувство в природе человека — любовь так вдруг опошлелась, опростилась. Ей, видите ли, стало интересно, как все это на самом деле происходит! В кино ведь показывают, там девушки из кожи вон лезут, чтобы зрителям доказать, что им очень приятно в объятиях мужчин...

Вадим Андреевич торопливо допил свой кофе, уже хотел было встать из-за стола, как Дима вдруг радостно, басисто воскликнул:

— А что, нашу Машку ночью трахнули?

— Что ты такое говоришь? — ахнула Лина. — И где ты таких жутких словечек нахватался?

— Трахнули, трахнули! — засмеялся Дима. — Я по ее бесстыжим глазам вижу! Она с этим Костиком на улицу Маяковского в видеосарай бегала на... ну на такие фильмы.

— Замолчи! — прикрикнул на него Вадим Андреевич и выскочил из-за стола, опрокинув табуретку. Он с трудом сдержался, чтобы не ударить развеселившегося мальчишку, но одновременно сама вся эта ситуация была настолько дикой и смешной, что весь гнев его испарился, а смех распирает грудь. Влетев в комнату, он подошел к окну и туго уставился на раскинувшийся перед глазами сквер: на скамейке сидели две молодые женщины, рядом стояли коляски с младенцами. Женщины нагнули друг к другу головы в покачивающихся зимних меховых шапках и о чем-то заинтересованно толковали. Снег сошел, лишь под скамейками белели припорошенные угольной пылью подтаявшие по краям маленькие сугробы. Черная с белым кошка заинтересованно наблюдала за грязно-серыми воробьями, спующими у чугунной ограды, а кошку азартно облаивал из-за решетки молодой курчавый эрдельтерьер. Тупообразная голова его с треугольными ушами дергалась, белые клыки сверкали. Высокий мужчина в старомодном ратиновом пальто и пыжиковой шапке хлопал себя по бедру, призывая к себе собаку. Его рот открывался и закрывался.

«Брошу все к черту и уседу в деревню! — подумал Вадим Андреевич. — А газету пусть пока делает Румянов... Могу же я хотя бы пару недель отдохнуть от всего этого кошмара?!»

11. Серебряный лес

Вадим Андреевич первым прокладывает лыжню через ослепительно белое поле не очень широкого, но вытянутого в длину километра на два озера Богородицкое. Оно со всех сторон окружено лесом. К пологому берегу подступают толстые сосны, ели, нагнувшиеся к озеру березы и осины. Небо над головой высокое, ровная пелена облаков напоминает пуховую перину без швов и разрывов, солнца не видно сквозь нее, но густая серебряная изморозь матово светится на каждой ветке, каждой зеленой иголке. Когда приближаешься к берегу, то эта матовая белизна тускнеет, как старое серебро; но стоит отдалиться — и снова весь зимний лес в изморози. Кое-где на белом поле заметны замерзшие лунки — это рыбаки просверлили их. Метель припорошила следы валенок, а вот лунки, будто маленькие лунные кратеры, остались. После грохочущего днем и ночью города поражает тишина, даже не слышно птиц, стука дятлов, а воздух такой чистый, с запахом талой подснежной воды и хвои, что хочется остановиться и дышать, дышать.

Сзади шуршат лыжи Лины, за ней скользит Маня и последним замыкает семейный отряд Дима. Он впервые встал на лыжи и все время отстает, но уже немного наловчился и не падает. Упрямый, ничего не спрашивает — все делает сам. Лина и дочь хотя редко, но на лыжах ходили. В прошлую зиму он вывозил их в санаторий «Янтарь» под Великоподем, это когда еще у него не было своего дома. Да и раньше на электричке выезжали несколько раз на природу под Ленинградом. Были в Комарово, Репино, Парголово. Один раз порыбачили на Онеге. Перед поездкой Вадим Андреевич всем купил новые лыжи, ботинки, спортивные костюмы, даже мазь для любой температуры. В доме все было цело, лишь крысы и мыши похозяйничали в нем: на русской печке изгрызли все газеты, зачем-то перенесли в старые валенки из полиэтиленовой коробки оставленный там сахарный песок, причем оба еще и изгрызли. Он сразу же установил мышеловки, на следующее же утро вытащил из двух крупных серо-желтоватых мышшей. Они сильно отличались от обычных маленьких, серых. Наверное, полевки. Сосед предложил взять своего черно-белого кота на не-

сколько дней, по усатый вальяжный кот, хорошо поев городских харчей, всю ночь проспал у теплой печки, утром по-мерзкому они обнаружили под кроватью кошачье дерьмо, которое никто не захотел убирать. Изгнав бездельника кота, Вадим Андреевич, воротя нос в сторону, сам убрал и замыл теплой водой.

Поездку в деревню он приурочил к весенним капикулам, не хотелось ему в городе оставлять Машу... О произошедшем с ней больше в доме разговоров не было, но что-то новое появилось у него в отношениях с дочерью, если раньше они свободно разговаривали на любые темы, то теперь избегали всего, что могло бы напомнить о случившемся, даже Дима сообразил, что лучше на тот счет помалкивать и сестру не задевать. Нельзя было сказать, что Маша испытывала какое-то стеснение или неловкость, но Вадим Андреевич все еще не мог в себе побороть неприязнь к ней, у него было такое ощущение, будто Маша предала его. Жена ничуть не изменила своего отношения к дочери, наоборот, теперь у них появились свои секреты: часто шептались на кухне или в ванной. Вадим Андреевич как-то спросил Лину, дескать, не беременна ли Маша? Жена рассмеялась и заверила, что все в порядке. С Костей Ильиным он не виделся, но знал, что в его отсутствие тот несколько раз был у них дома. Ну что ж, если у дочери с ним любовь, тогда... Тогда лучше ни на что не обращать внимания, пусть жена заботится, она ближе с дочерью, чем он. На душе стало, конечно, спокойнее, теперь он и сам понимал, что любому отцу нужно быть готовым к тому, что так же неотвратимо, как рождение, жизнь, смерть. Вечный круговорот человеческого бытия на нашей планете.

А здесь, в деревне, когда за спиной дочери не маячил образ совершенно забытого им Кости Ильина, их отношения по-прежнему совсем стали нормальными. И сейчас, скользя на красных лыжах «Карелия» впереди своего семейства, он испытывал наконец умиротворение, остро чувствовал свою связанность с близкими ему людьми, а вся эта серебристо-белая красота вокруг наполняла душу тихой радостью, покоем и не хотелось думать ни о чем постороннем, оставленном там, в беспокойном Ленинграде. Петр Семенович Румянов с энтузиазмом делал газету, как-то вроде бы в шутку сказал, что Вадим Андреевич продлил ему жизнь, мол, многие пенсионеры, десятилетия проработавшие на ответственных постах, вскоре после выхода на пенсию уходят в мир иной. Особенно из высшего эшелона власти. Лишь один из самых страшных врагов русского народа Лазарь Каганович где-то в Москве коптил небо. И

демократическая печать не требовала его к ответу за ре-
прессии, расстрелы, убийства. Мол, зачем старого чело-
века беспокоить, лучше трясти кости главного палача —
Сталина... «Русская газета» все увеличивала свой тираж,
читатели отмечали ее, спрашивали в киосках. Законом
для своих товарищей Белосельский сделал девиз: «Ни
слова лжи!». Но все равно голос «Русской газеты» едва
слышен. Городские органы свободной печати навязыва-
ли читателям свою «правду» и при случае больно лягали
«Русскую газету», если только предоставлялась такая
возможность, поэтому приходилось по много раз прове-
рять каждый факт, любую информацию. В газете стали
принимать участие крупные ученые, филологи, истори-
ки, но размер ее не был предназначен для больших ста-
тей и очерков. Белосельский подумывал, как бы увели-
чить еще на четыре полосы газету.

Когда он остановился, чтобы подождать свое семей-
ство, растянувшееся метров на сто за ним, Лина, вотк-
нув палки в неглубокий на озере паст, сказала:

— Знаешь, о чем я сейчас подумала: наверное, имен-
но в таких местах любят появляться неопознанные лета-
ющие объекты? Аэлита тоже ведь явилась тебе зимой,
когда было тихо и кругом белый лес?

Вадим Андреевич тоже об этом подумал, у него с Ли-
ной часто мысли совпадают, он уже привык к этому.
Многие его знакомые или развелись, или жаловались на
свою неудачную семейную жизнь, о себе он подобного
не мог сказать: много лет назад явившаяся ему во сне
космическая золотоглазая Аэлита сказала, что Лина —
это его судьба. Так оно и было. Шли годы, а любовь к
жене ничуть не ослабевала, он, как и в молодые годы,
страстно желал ее, восхищался ею и ему в голову не
приходило изменить ей. Знал, что и Лине с ним хоро-
шо. Говорят, сильной любви всегда сопутствует и силь-
ная ревность, у них этого не было. Вся их жизнь была на
виду друг у друга. Ни упреков, ни подозрений. Ни он, ни
она никогда не лгали один другому. Учили этому и де-
тей. Когда многие знакомые сетовали на свою семейную
жизнь, ему подчас становилось неудобно, вот у них не-
благополучно, а у него все великолепно. Ни крупных, ни
мелких скандалов, уважение друг к другу и любовь. Тот,
кто делится с тобой своими неприятностями, ждет от
тебя того же самого, тогда ему легче смириться со свои-
ми невзгодами: дескать, не один я страдаю! Обычный
житейский эгоизм. Людям всегда приятнее услышать
про твои неприятности, чем успехи...

— Она мне давно не снилась и не являлась наяву,— ответил Вадим Андреевич.— Но я знаю, что она помнит о нас.

— О нас?

— Аэлита же сказала, что ты моя судьба,— улыбнулся он.

— Вы как дети, дорогие мои родители,— заметила Маша, она, как и мать, воткнула палки и посмотрела на них ясными синими глазами. Золотистые волосы выбивались из-под белой лыжной шапочки, голубой свитер обтягивал маленькую, но уже торчащую грудь.— Придумали себе какую-то космическую Аэлилу и молитесь на нее.

«А ведь и в Маше есть что-то от небесной Аэлиты...— подумал Вадим Андреевич.— Может, связь с космосом у нас гораздо ближе, чем мы думаем?»

В газетах, по телевидению в последнее время много писали и показывали об НЛО, космических пришельцах, полтергейстах. Эти поселялись в квартирах горожан, вытворяли там разные вещи: передвигали мебель, заливали помещения водой, а в одной квартире вынесли из ванной чугунную ванну и поставили ее посередине комнаты, причем в дверь ванна не пролезала, значит, ее перенесли сквозь стену?.. Непознанные летающие объекты зависали над городами, улицами, особенно часто их видели на природе, уже и нашлись свидетели, которые телепатически общались с пришельцами и даже летали с ними в космос. Переводились статьи из американских источников, где сообщалось о потерпевших аварию НЛО и даже о том, что американские военные держат у себя под наблюдением живых инопланетян. Но почему тогда не обнародовать это великое событие на весь мир?..

Если раньше корреспонденты не упускали возможности позубоскалить на эти темы, то теперь их сообщения были серьезными и якобы тщательно проверенными специалистами. — Машенька, мир столь необъятен и так мало еще познан, что все на белом свете возможно,— назидательно ответила Лина, глядя на заснеженные сосны.

— А я видел заячьи следы! — сообщил Дима. Его быстроглазая рожица покраснелась, пухлые детские губы улыбались, на носу блестела капля.

— Каков следопыт! — фыркнула сестра.— Вытри нос, Соколиный Глаз! А может, это лисьи следы или собачьи? Откуда ты знаешь?

— Папа, скажи? — шмыгнув носом, потребовал сын и, задрав голову, взглянул серыми глазами на отца. Дети не сомневаются, что родители все знают.

— Заяц передвигается прыжками,— ответил Вадим Андреевич, — а тут след тянется цепочкой... Скорее всего, это лисица или собака.

— Чего зайцу делать на озере? — резонно заметила Маша.— Зайцы бегают в лесу, грызут кору.

— Мы идем, идем и никого не встретили,— продолжал Дима, проигнорировав слова сестры.— Где же звери, птицы?

— Вон летит ворона! — кивнула на кромку леса Маша.— Какая большая и красивая!

— Это ворон,— поправил отец.

— Муж вороны? — уточнил сын.

Пришлось объяснять, что вороны — это совсем другой отряд этого многочисленного семейства врановых. В конце он добавил, что вороны — лучшие санитары леса и считаются его хозяевами. Селятся в глуши и с человеком стараются не встречаться.

— Царь природы — человек,— гордо провозгласил Дима. От горшка два вершка, а уже усвоил глупую идею о человеческом господстве над природой... Нагосподствовали на земле, так что скоро вся планета превратится в помойку человеческой цивилизации! Даже в озоновом слое, защищающем нашу планету от убийственной солнечной радиации, благодаря деятельности человека, образовалась многокилометровая дыра. И виноват в этом невидимый летучий газ фреон, содержащийся в холодильных установках и в обыкновенных баллончиках, будь это краска или дезодорант. И ученые всего мира беспокоятся, что если так будет продолжаться и дальше, то через сорок-пятьдесят лет озоновый слой разрушится и все живое погибнет на Земле. Об этом Вадим Андреевич не стал говорить сыну. Пусть верит, что еще и на его век хватит вот таких чудесных оазисов природы, как этот... А вот он, Белосельский, сильно сомневается в этом, особенно после Чернобыльской трагедии, о которой говорят сейчас и пишут во всем мире.

— Человек не царь, а враг природы,— встала Маша. Она любит природу, не пропускает ни одной передачи «В мире животных», просит отца доставать книги о природе и животных. Маша уже привадила в деревенский дом соседскую кошку, к ней приходят местные собаки, которых она подкармливает, и умоляет отца весной купить цыплят, кроликов, и она все каникулы будет за ними ухаживать.

Здесь на чистом белом поле озера гулял холодный ветер, раскачивались вершины ближайших к берегу сосен, с них тихо струилась сверкающая белая пыль. Где-то протяжно поскрипывал, по-видимому, расщеплен-

ный сук. Ворон, то махая крыльями, то планируя как ястреб, пролетел другой кромкой озера, мелодичное курлыканье сопровождало его неловкий полет истинного хозяина леса. Вороны не каркают, как вороны, галки и грачи, а глуховато, но звучно курлыкают, отдаленно напоминая осенние перелеты журавлей. Ворон отличается от очень похожего на него грача тем, что клюв у него черный, а у грачей — серый.

— Я уши не чувствую,— вдруг заявил Дима, тараща на мать глаза.

Лина понялась на лыжах к нему, сняла рукавицы и потерла мальчику ничуть не побелевшие уши. Мороза-то всего восемь-десять градусов!

— Двинем к дому? — предложил Вадим Андреевич.

— Я сегодня затоплю печку,— сказала Маша.

— А я натаascaю из поленицы дров,— солидно заявил Дима, высвобождаясь из материнских рук.— И буду смотреть на огонь. Толик Пинчук сказал, что если долго смотреть, то увидишь красных чертенят с рожками.

— Твой Толик сказал, что видел на телевизионной антенне полтергейста,— засмеялась Маша.— Трещай он!

— И я видел... что-то голубое, круглое,— возразил брат.— Оно гуляло по крыше нашего дома.

— Пар из котельной снизу по трубе нападает на чердак,— сказала Маша.— Особенно в холода он валит из чердачного окошка.

— Нет, полтергейст,— упрямо сказал Толик.

Сумерки в деревне более заметны, чем в городе. За окном начинают сереть сугробы, быстро темнеет небо, мороз становится крепче, слышно, как потрескивают на чердаке стропила, мыши уже так нахально не шуршат за печкой и на потолке. Вадим Андреевич каждое утро одну-две выбрасывает за яблоню в снег. Туда кошки за готовой добычей проложили тропинку. Делает он это, когда дети еще в постели. Маша будет охать и ахать, дескать, не надо убивать мышек, потому что в природе все целесообразно: мышами питаются более крупные грызуны, лисицы, кошки. Дима не жалует поправшихся в мышеловку мышей, но безгласно отворачивается, когда отец выкидывает их под яблоню.

Дрова в печке потрескивают, нет-нет из щели выскакивает раскаленный уголек, он падает на железный лист, прибитый к полу. Вадим Андреевич, поражая сына, берет уголек двумя пальцами и не спеша снова бросает в гудящую печь. Они только что поужинали горячей картошкой с мясными консервами, в комнате еще витал запах тушеной говядины. Осенью Лина закатала несколько трехлитровых банок с огурцами. Теперь они

очень пригодились. Круглый хлеб и батоны они привезли с собой, но можно было купить и здесь в автолавке, которая раз в неделю заглядывала в Богородицкую. Случалось, шофер — он же и продавец, привозил на своем голубом фургоне кооперативную колбасу, твердые пряники, липкий местный мармелад, сироп и рыбные консервы. Лина с Машей уже убрали со стола, вымыли посуду, на плите сопел эмалированный чайник, на узкой лавке у печи выстроились разнокалиберные лыжные ботинки. В доме тепло, ожившие мухи сонно жужжали на окнах, Маша не позволила их уничтожить хлопнушкой, заявила, что зимние мухи не кусаются, зато напоминают о весне, лете.

Напротив печки поставили низкую скамью, на ней все и устроились. Маша взяла книжку, но смотрела на огонь. Багровый отблеск — Вадим Андреевич распахнул чугунную дверцу — играл на лицах взрослых и детей. Дрова весело потрескивали, тяга была хорошей. Ночь обещала быть морозной, светлой. В густой синеве окон посверкивали звезды, но луны еще не было видно — наверное, скрывается за соснами и елями, подступившими со стороны дороги к деревне. По тропинке, что проходила мимо дома, проскрипели чьи-то неторопливые шаги, послышался негромкий лай. Кто-то из местных прошел к обледенелому колодцу с помятым оцинкованным ведром на цепи.

— Давайте здесь все время жить? — нарушил установившуюся тишину Дима. — В городе даже зимы нет, одна слякоть.

— Зато в городе кино, телевизор, магазины... — заметила Маша.

— Мы все сюда привезем, — сказал Дима.

— И магазины? — поддела сестра.

— Надо все самим производить, — назидательно заметил мальчик. — Как местные.

— Вырастешь и будешь свиней пасти? — подначила сестра.

— Свиней не пасут, они живут в хлевах, — солидно заметил Дима.

— Ну гусей...

— Что надо — то и буду пасти, — упрямо заявил мальчик. — Да и зачем их пасти? Они сами будут на озере плавать, а вечером домой возвращаться. Правда, папа?

— Кстати, здесь никто гусей-уток не держит, — сказал Вадим Андреевич.

— Жить у воды и не разводить водолавающую птицу?

— Не знаю, как гусей, а козу можно было бы завести,— вставила Маша.

— Лучше корову,— возразил брат.

— Тогда и лошадь...

— Папа Толика Пинчука сказал, что скоро многие горожане перекочат в деревни,— продолжал Дима.— Заводы будут закрываться, начнется безработица, вот пролетариат и подается на село. Говорит, на деревенских нечего рассчитывать — они не поднимут сельское хозяйство, потому что давным-давно разучились работать, давно рас... раскрестьянились! Советская власть отучила их работать на земле.

— Умный папа у Толика Пинчука! — улыбнулся Вадим Андреевич.— Как это ты так точно запомнил его высказывания?

— Учительница говорит, у меня замечательная память,— расплылся в довольной улыбке мальчик.

— Особенно на ругательные слова,— вернула Маша.

— Твой Костя Ильин тоже умеет материться,— мстительно заметил Дима.

Маша бросила взгляд на отца, демонстративно раскрыла книжку и уткнулась в нее, дав понять брату, что считает ниже своего достоинства вступать с ним в пререкания. Лина взглянула на мужа и покачала пушистой золотоволосой головой.

— Может, и впрямь переедем в деревню? — примирительно, ни к кому не обращаясь, произнесла она.

— Меня только газета и держит в Ленинграде,— сказал Вадим Андреевич. И это было истинной правдой, он уже много лет с весны до глубокой осени, по сути дела, живет в деревнях. Сколько уже построил с бригадой «шабашников» — слово-то какое-то противное! — скотников, типовых жилых домов для рабочих совхозов.

— Я не собираюсь похоронить себя в деревне,— не поднимая глаз от книги, заявила Маша.— Профессия колхозной доярки или свинарки меня ни капельки не прельщает.

— Уж если мы надумаем жить в деревне,— сказал Вадим Андреевич,— то при чем здесь колхозы-совхозы? Мы будем иметь свое фермерское хозяйство, землю, технику. Будем сами хозяевами и ни от кого не зависеть.

— До этого, дорогой, ох как еще далеко,— вставила Лина.

— Я буду чинить тракторы, сеялки,— сказал Дима.— И еще этим... «шабашником», как папа.— И помолчав, прибавил: — «Шабашники» кучу денег зарабатывают. Куплю мотоцикл и видик.

— Не пора ли, «шабашники», спать? — поднялась со скамьи Лина Вениаминовна.

— Можно, я посижу еще? — умоляюще посмотрел на мать Дима. — Ну, пока печка прогорит?

— Тут даже на кровати почитать нельзя, — проговорила Маша. — Папа, ты какое-нибудь примитивное бра установил бы над кроватью?

Вадим Андреевич вспомнил, что на чердаке в коробке лежат две переносные лампы с рефлекторами, которыми пользуются при съемках фотографии. Когда-то он тоже увлекался этим делом.

— Завтра что-нибудь придумаем, — сказал он. — Что ты читаешь?

Дочь показала глянцевою обложку: «Все люди — враги», Ричард Олдингтон.

— То-то ты так агрессивна настроена, — засмеялся отец.

— Он — добрый писатель, хотя жизнь его сложилась нелегко, как и у всех настоящих писателей.

— Глубокая мысль... — протянул он. — Я его читал: «Семеро против Ривза». Хороший писатель.

— Я свет выключаю, — предупредила Лина Вениаминовна. — Трубу мы сами закроем. С вечера не уложить, а утром не добудиться. Крестьяне встают с восходом солнца.

— Папа, разбуди меня пораньше, — попросил Дима. — Я никогда не видел восхода солнца.

— Господи, меня утомил этот болтун! — Маша с сожалением захлопнула книгу и пошла к своей кровати. Она спала у окна, Дима пристроился на лежанке у теплого бока русской печи, а родители спали у противоположной, обитой вагонкой стены; кровать их была наполовину отгорожена широким старомодным шкафом. Когда дети улеглись, Лина, выключив свет, подсела к мужу. Теперь только багровый отблеск развороченных кочергой головешек освещал их лица. В дымоходе негромко завывал ветер, подрагивала заслонка, в печке постреливало. Зашуршала где-то наверху мышь.

— Ты слышал, что наши детки толкуют? — шепотом спросила Лина. — Дима тянется к деревне, а Маша — горожанка.

— А ты? — он сбоку взглянул на порозовевшую щеку жены.

— Я как ты, дорогой, — прижалась к нему она. — Неужели ты этого еще не понял?

— Сейчас самое счастливое время у меня, — обняв жену за округлые плечи, прошептал он.

— Я думаю, у нас у всех,— ответила Лина и машинально посмотрела на примолкших в своих постелях детей.

— Как их уберечь от этого шабаша, что творится вокруг? — приглушенно заговорил он.— То, что сделала Маша, — это следствие разгула антикультуры, порнографии, пошлятины, захлестнувших страну...

Жена положила ему теплую ладонь на рот:

— Ты не можешь даже здесь не думать обо всем этом?

Он мягко отстранился и сказал:

— Мы должны как-то оградить от этого кошмара наших детей.

— Разбей телевизор, выключи радио, запри их в доме...

— Ты видела утром на подоконнике дятла? — вдруг спросил он.

— Дятла? Я видела синиц...

— Нужно будет завтра сделать им кормушку,— сказал он.

Часть пятая

1991 год.

Черные ангелы

1. Маша Белосельская

Маша еще издали увидела, как Костя Ильин нервно вышагивает по красноватой тропинке одной из зеленых аллей Летнего сада. Он был в мешковатых кремовых брюках, пестрых модных кроссовках гонконговского производства, серой футболке с надписью «Адидас». Бросалась в глаза несимметричность его фигуры: маленькая голова с темными короткими волосами, короткое туловище на тонких длинных ногах и такие же длинные руки. Вот он заметил девушку, заулыбался, помахал рукой, на пальце блеснул серебряный перстень, на тонкой длинной шее — золотая цепочка с какой-то монограммой. Костя как-то обмолвился, что купил цепочку по случаю у старушки, стоящей в очереди в комиссионку.

— Могли бы встретиться у тебя, — недоуменно заметил Костя, сделав губы трубочкой, привычно клюнул се в щеку.

— У меня мы больше не будем встречаться, — огорчила его девушка. — И вообще мы больше с тобой, Костик, встречаться не будем.

До него не сразу дошло, какое-то время, переваривая эту новость, он оторопело смотрел на нее, хлюпая глазами. Лицо у него удлинненное, острое, карие глаза близко посажены друг к другу, он чисто выбрит, но растительность на его треугольном подбородке еще незначительная, можно бриться всего два раза в неделю.

— Какая тебя муха укусила? — грубовато спросил Костя, нервно ковыряя носком красноватый песок. Над ними возвышалась огромная серая липа с молодыми излейкими листьями. В Летнем саду стоял горьковатый запах распустившейся листвы, с Фонтанки доносились шлепки весел: длинная байдарка с гребцами резала острым носом речную темную воду.

— Я тебя не люблю, Костя, — честно заявила Маша. — И не хочу больше тебе жизнь осложнять, понимаешь?

— Не понимаю.

— И себе — тоже, — сказала она.

— Другого нашла?

— Раньше я как-то не задумывалась, — продолжала девушка. На лбу ее залегла тоненькая поперечная морщинка. — А тут вдруг мне в голову пришло, что я нехорошо с тобой поступаю: встречаюсь, хожу на концерты поп-музыки, в кино, целуюсь и... А на самом деле не люблю тебя. Мне неприятно целоваться с тобой и ложиться в постель. Я даже никакого удовольствия от это-

го не получаю. Я знаю: ты готов на мне жениться, но зачем это? Разве приятно жить с женщиной, которая тебя не любит?

— Кого же ты любишь? — исподлбья мрачно посмотрел на нее Костя. Он был выше Маши на целую голову.

— Я еще не знаю, люблю ли я его, но он мне правится больше, чем ты.

— Кто он? Тоже студент?

— Ты не знаешь его, — ответила девушка.

На неширокую полосу сверкающей воды Зимней канавки опустились две утки: пестрый селезень и коричневая самка. С минуту охорашивались, приглаживали плоскими клювами перья, затем рядком поплыли посередине. А мимо потоком двигались к Кировскому мосту легковые машины, автобусы, грузовики. Хромированные части и стекла пускали зайчиков, день был солнечный, небо над головой высокое, синее, с редкими перистыми облаками, не загораживающими солнце. С Невы доносились гудки буксиров и речных трамваев. В Летнем саду было немного сумрачно и прохладно, лишь зеленые вершины старых деревьев обливали солнечные лучи, мягко светились на фоне зелени мраморные боги и богини. Редкие гуляющие неожиданно появлялись и вскоре исчезали за толстыми стволами, кое-где на будто постриженной под гребенку зеленой траве рассыпанными медяками виднелись прошлогодние листья. Когда с трудом пробившийся сквозь неподвижную листву солнечный луч падал на грузный памятник Крылову, казалось, что окружающие его скульптурные зверюшки, воспеты в его баснях, шевелятся и заглядывают своему создателю в олимпийски спокойное широкое лицо.

Костя молча шел рядом, от него резко пахло дорогим мужским одеколоном. Маша знала, что он покупал его в коммерческих магазинчиках, торгующих зарубежными товарами по спекулятивным ценам. Цены были такие, что не хотелось даже из любопытства заходить в эти магазинчики, оставался какой-то неприятный осадок, будто ты пришла в музей, где выставлены вещи для обозрения, а не для продажи. Не верилось, что есть люди, способные заплатить за видеоманитофон и небольшой цветной телевизор восемнадцать-двадцать тысяч рублей. В таких расплодившихся магазинах в основном работали молодые мужчины и девушки — они казались людьми из другого мира, мира изобилия, недоступного для советского человека. Маша вспомнила: отец говорил, что в нынешнее время вся страна производит продукцию только для кооператоров, кооператоры обслуживают тоже главным образом кооператоров, а основная

масса населения прозябает сама по себе, существуя в это голодное время на талоны и карточки. Население смотрело сквозь стекла витрин на недоступные ему товары и, вздыхая, шлепало по тротуарам дальше. Для горожан иногда «выбрасывали» без карточек сыр, бутербродное масло, кур. И сразу вдоль тротуаров выстраивались длинные очереди. Но кооперативные магазинчики с умопомрачительными ценами существовали, торговали и получали огромные прибыли. Значит, кооператоров — самых богатых людей в стране — хватало. Особенно много мелькало в этих магазинах приезжих из южных республик. На этих не подействовала даже денежная реформа в январе 1991 года, когда изъяли из обращения крупные купюры. То, что они потеряли, тут же нажили на продаже мандаринов, лимонов, других фруктов. Не отразилось на них и грабительское повышение цен на промтовары и продукты. В городе появилось еще больше нищих, воровали на чердаках и с веревок стираное белье.

Костя Ильин как раз и был одним из продавцов в кооперативном магазинчике на улице Марата. Он хвастал, что в месяц получает чуть ли не в два раза больше, чем его отец-профессор. У Кости только оклад — 1000 рублей. После десятилетки он сразу же ударился в коммерцию, какое-то время фарцевал, потом поработал в кооперативе по производству резиновых запчастей для «Жигулей», и вот его взяли продавцом в дорогой престижный магазин. Продолжать образование дальше он пока не собирался. У Кости была своя философия, суть которой сводилась к тому, дескать, зачем еще пять лет протирать штаны в институте, когда у нас теперь можно и без высшего образования «делать» большие деньги. Старый прогнивший мир выдуманного политическими авантюристами социализма рухнул, на смену ему пришел новый — торговый, рыночный мир, когда не липовый диплом, а умение жить, деловая хватка, оборотистость, инициатива. По своему глубокому убеждению Костя как раз всем этим обладал в избытке. Даже отец его — убежденный коммунист — недавно вышел из партии и не стал заставлять сына поступать в институт, заявив, что почти вся советская наука — это обман людей. Ученые изобретают велосипеды, защищают диссертации, от которых ни холодно, ни жарко государству.

Когда Маше исполнилось восемнадцать, Костя небрежно вручил ей флакон французских духов в красивой упаковке. Маша сначала приняла, но когда, не удержавшись, Костя похвастал, что этот флакончик стоит 320 рэ, она тут же вернула подарок.

— Дорогие вещи закабаляют людей,— сказала ему тогда Маша.— А я хочу быть свободной.

Она вспомнила об этом, когда шла на последнее, как она думала, свидание с Костей. Вспомнила и порадовалась, как она была предусмотрительна.

— Присядем? — кивнул Костя на широкую обшлепленную скамью, с вырезанными пожом именами девушек и ругательствами.

— Так будет лучше для нас обоих,— усаживаясь, произнесла Маша.— Я все уже решила.

— Мне не будет лучше,— усмехнулся Костя.— И я еще ничего не решил.

Он достал из кармана пачку «Кэмела», золотистую электронную зажигалку, закурил. Маше не предложил, знал, что она не курит, хотя это было теперь редкостью: девчонки со школьной скамьи все поголовно курили. Выпуская дым, он смотрел на Зимнюю канавку, на уток, с шелестом проносящиеся по асфальту машины. Губы у Кости тонкие, нос заостренный, как и подбородок. Раньше он носил длинные волосы, двумя крыльями спадающие с его маленькой головы, а теперь вот коротко постригся, отчего обнаружились две неглубокие впадинки у висков. Обычно модный, самоуверенный, Костя Ильин сейчас выглядел подавленным и растерянным. За три года, что он встречается с Машей, конечно, привык к ней, считал ее лучше, интереснее всех других девушек, с которыми тоже иногда весело проводил в своих торговых компаниях время, но то были просто развлечения, а Маша... Маша — это совсем другое. На ней он собирался жениться, с этой мыслью давно свыкся, уже подыскивал квартиру, которую можно было купить, теперь для богатого человека все возможно. Цена его не пугала, рассчитывал, что его и Машины родители помогут собрать нужную сумму. У него тоже поднакопилось больше десяти тысяч... Если бы не проклятая замена сто- и пятидесятирублевых, было бы больше. Пропало пять тысяч. Хотел в своем магазине сдать, но там директор и заведующий отделом перекрыли канал, им сотни тысяч нужно было срочно спасать. Кинулся было Костя на завод — и там уже грузины и разные жуки все ходы-выходы забили. Не стоять же на углу и продавать сотенные за четвертак? Многие так и делали... Как он проклинал нового премьера Павлова. А оборотистые ребята посмеивались и говорили, что премьер-министр точь в точь действует, как гангстеры...

И вот девушка, которую он считал своею, вдруг заявляет, что она его не любит и порывает с ним. Это же предательство! Такое же, как и обмен денег. Подумаешь, не любит! Это устарелое понятие, романтические бредни

писателей прошлых веков. Теперь никто ни о какой любви не говорит, даже когда ложатся в постель. Перемигнулся в магазине с покупательницей, точнее, со зрительницей — девчонки сами не покупают дорогих вещей — и договаривайся о встрече, главное, была бы хата, а там все совершается за час-полтора вместе с выпивкой и закуской. Не хочешь угощать, дай денег или недорого подарок — и твоя партнерша счастлива. Любовь... Никто из Костиных знакомых такого слова и не употребляет, скоро оно вообще выйдет из обихода. Так называемая любовь теперь покупается и продается... Да и называется она не любовь, а секс. Продается ли? И тут Костя Ильин подумал: а ведь красивая Маша — все его крутые знакомые завидовали ему! — отдалась ему даром, даже вон духи на день рождения вернула. Когда он рассказал об этом старшему продавцу Радику, тот не поверил, сказал, что теперь таких и девушек-то нет. За сигареты и колготки готовы отдаваться, а тут французские духи... Костя давно уже все мерил на деньги, или, как их называют, «капусту», «бабки». С тех пор как занялся куплей-продажей. Он привык, что Маша ему почти ничего не стоит, вот и теряет ее. Наверное, тот, на которого она намекнула, предложил ей что-либо существенное, а не билет на «Ласковый май» или американский секс-фильм.

— Может, в ресторан сходим? — предложил он. — Там и поговорим...

— Ты же знаешь, я не хожу по ресторанам, — ответила девушка. — Там наглые мафиози гуляют и кругломордые усаые кооператоры.

— А они что, не люди? — обиделся Костя, почему-то приняв это на свой счет.

— Для меня — не люди, — коротко отрубила Маша.

— Это у тебя от папаши-политика... — усмеялся Костя.

— Пожалуйста, отца моего не задевай, — резко сказала она. — Более честного, порядочного человека, чем мой отец, я пока в своей жизни не встречала.

— Я совсем на него не тяну, — стал оправдываться Костя. — Да я и редко с ним виделся. Когда он в городе, ты меня к себе не приглашаешь.

— Ты ему не нравишься, — заметила Маша.

Эта ее привычка говорить неприятные вещи в лицо раздражала Костю. Поэтому он и редко приглашал ее в свои компании, там крутые мужики привыкли, чтобы их за выложенные «бабки» обхаживали, как турецких султанов. Раз деньги берешь, будь добра их отработать...

— Не любит твой папаша кооператоров-торгашей? — усмеялся Костя. — В наше смутное, голодное время

скоро все перейдут на натуральный обмен и станут торговашами. В магазинах-то, кроме кооперативных, шаром покати, а кушать и одеваться людям надо. Куда же без нас, кооператоров? И лучшие товары у нас, и продукты, и кино, и театры. Скоро все перейдет в частные руки. Тогда как вы с папой будете небесной манной питаться?

— Не поэтому ты ему не нравишься, что торговец,— сочла нужным прибавить Маша.— Он считает тебя мелким, неинтересным человеком, но против тебя никогда не настраивал. Наверное, поэтому я столько лет с тобой и встречалась.

— Ты жалелась?

— Не знаю, Костя,— вздохнула она.— Мне просто стало с тобой неинтересно, понимаешь? Или я поумнела, или ты поглупел... А когда с человеком скучно, то и все остальные отношения становятся обременительными. В университете столько умных ребят и они мыслят иначе чем ты, но мне с ними интересно разговаривать, спорить, а о чем мы с тобой говорим? О вещах, обуви, рэкетирах, миллионерах... Скучно все это, Костя! По радио-телевидению тоже об этом каждый день передают. Вот ты отрицаешь само понятие любовь, но ведь без нее нет и чувства, наконец, желания, Костя! Не можем же мы уподобляться животным? Да у них у некоторых, я читала, существуют глубокие привязанности друг к другу. Есть моногамные птицы и животные, всю жизнь не расстающиеся. Наверное, слышал про лебедей? Они преданы друг другу до самой смерти. Погибнет один — чаще всего вскоре погибает и другой.

— Я без тебя не погибну...— пробурчал Костя. На смену растерянности на него нахлынула злость: что она из себя корчит? Любовь, лебеди, противен, неинтересен... Да он, Костя, всегда найдет себе девчонку, стоит только свистнуть! Или глазом моргнуть в магазине. Вон какие у них жадные глаза, когда смотрят на вещи под стеклом или на вешалках.

— Я знаю,— улыбнулась Маша.— Потому и решила уйти от тебя. Отец называл тебя маргиналом — человеком без национальности. Ты великолепно ориентируешься в торговле, поп-музыке, но совершенно равнодушен к политике, бедам русского народа. Главное для тебя — деньги, бизнес, а остальное — не трогает тебя. Было бы тебе хорошо, а на остальных плевать.

Нога его будто сама по себе ковыряла в песке ямку. Изредка он бросал на девушку оценивающие взгляды: округлое глазастое лицо белое, брови черные, длинные ресницы, печальные голубые глаза, небольшой ровный нос, полные красивые губы, а какая фигура! Его приятель Радик, впервые увидев золотоволосую Машу, ска-

зал, что она похожа на молодую Марину Влади из фильма «Колдунья». Костя этого фильма не видел. Ноги у девушки длинные, стройные, небольшая грудь, похожая на два теннисных мяча, такая же круглая и упругая. Тонкая талия, круглый соблазнительный зад... И вот так все это потерять? Как говорится, не за понюх табаку? Кто, интересно, этот счастливчик, который будет обнимать, целовать и раздевать его девушку? Не один художник или фотограф хотел бы занять такую модель! Он даже скрипнул зубами. Мама взглянула на него, но ничего не сказала. Она сидела рядом, сумочка лежала на ее округлых бедрах, ноги в туфлях на высоком каблуке вытянуты и сжаты вместе. Будто два березовых ствола, точно пригнанных друг к другу: ни просвета, ни щели между ними. Он любил гладить эти гладкие белые ноги, зарываться лицом в ее плоский живот, ласкать грудь. Врет она, что он с ней противен! Он давно не мальчик и чувствовал, что тоже доставляет ей удовольствие: она обнимала его, вскрикивала и глаза ее затуманивались от страсти.

Голова лихорадочно работала, ища какой-то выход, убедительные слова, способные все вернуть в прежнее русло, но мысли все больше крутились вокруг прелестной девушки, вместо убеждения в нем поднималось желание обладать ею, вот даже сейчас, здесь, на глазах прохожих...

— Пойдем к тебе? — хрипло выдавил он из себя. — Я возьму в нашем магазине баночного пива?

— Нет, Костя, — негромко ответила она. — Хочешь ты этого или нет, но это — конец. Я твердо решила, а ты знаешь: своих решений я не меняю.

— Ты решила! — взорвался он. — А я?! Обо мне ты подумала? Я ведь был честным с тобой с самого начала, хотел жениться на тебе... И сейчас хочу...

— Честным ты со мной не был, Костя, это я была с тобой честна до последнего. Вспомни, как ты меня к врачу водил по поводу гонореи. Нес какую-то чепуху насчет бани, чужой мочалки... Так я тебе и поверила. Хорошо еще, что ты меня не заразил, я бы тебе этого никогда не простила. Я знала, что ты мне изменяешь, но раз не было любви, значит, не было и ревности.

— А что же было?

— Наверное, привычка... Есть такая подлая штука — это привычка, заставляющая даже ненавидящих друг друга людей жить вместе. Но мы с тобой еще слишком молоды, чтобы быть рабами привычки. Пойми, мы очень разные с тобой.

— Это тебя в университете научили так рассуждать? — не нашел ничего умнее сказать он.

— В тебе сейчас говорят не чувства, а злость, Костя,— посмотрев ему в глаза, произнесла девушка.— Не пытайся меня оскорбить, если даже ты меня ударишь — это ничего не изменит. Давай останемся хорошими друзьями? Все равно я скоро уезжаю в Богородицкую к родителям, там буду готовиться к экзаменам, скоро ведь летняя сессия. Я могла бы ничего тебе не говорить и уехать, но тогда бы меня мучила совесть.

— И все-таки кто он? — снова спросил Костя.

Маша долго молчала; когда она пошевелила ногами, он услышал нежный скрип ее тонких, телесного цвета колготок. И опять желание схватить ее, повалить на траву, раздвинуть эти красивые стройные ноги охватило его. И тут, будто в насмешку над его чувствами, слезень, с всплеском подпрыгнув на воде, вскочил на коричневую уточку. На секунду они скрылись под водой, а когда появились на поверхности, уже были порознь и снова как ни в чем не бывало поплыли рядом, изредка окуная клювы в воду.

— Если тебя интересует это, так я еще близка с ним не была,— наконец ответила она.

— Еще! — горько усмехнулся он.

— Тебе, Костя, меня не в чем упрекнуть.

— Ну было у меня с другими девчонками несколько раз, но я всегда знал, что ты для меня — все! — В его голосе прозвучали жалобные нотки.

— Разве в этом дело? — возразила она.— Ты для меня — не все, понимаешь? Я уже давно это почувствовала, но как-то не осознала. И девчонки твои тут ни при чем. Когда мы расстанемся, ты и сам поймешь, что тебе нужна совсем другая. Я это почувствовала, почувствуешь и ты... Как бы это тебе понятнее сказать?.. Мы прошли вместе какой-то этап в жизни. Ты помнишь, я тебя не оттолкнула тогда, давно, ну в первый раз... И я не жалуюсь об этом, что было — то было. А теперь, по-видимому, начинается другой этап в моей жизни...

— Значит, я для тебя был этапом? — горько усмехнулся он.

— Я пойду,— нерешительно посмотрела она на него. Глаза у нее потемнели, стали синими, как у матери. Костя от кого-то слышал, мол, если хочешь узнать какой твоя жена будет в старости, погляди на ее мать. Так вот Лина Вениаминовна была и в возрасте — сколько ей лет, он не знал — красавицей. И глаза у нее еще больше, чем у дочери, разве что не такие яркие, а фигура роскошная, как-то ему пришла даже в голову дикая мысль, что, дескать, и с Машиной мамой оказаться в постели было бы здорово...

— Послушай, что я тебе скажу! — вдруг осенило его.— Хочешь запросто в день заработать сотнягу?

— Сотнягу? — растерянно произнесла она.

— Мой знакомый ищет симпатичную продавщицу для торговли в киоске или с лотка? У него давно налаженные связи с коммерческими издательствами, с магазинами... Короче, он покупает оптом дефицитные книги по номиналу, а продаются они намного дороже. Это узаконенный бизнес и можно в месяц запросто положить в карман тонну...

— Какую еще «тонну»? — изумленно уставилась на него девушка.

— Ну, тыщу... — поморщился Костя.— На твоей учебе это не отразится, будешь торговать в свободное время.

— Спасибо, Костик, но это не для меня, — улыбнулась Маша.— Ведь это чистой воды спекуляция! Я видела девочек на Литейном и Невском, они магазинные книжки продают по спекулятивным ценам. Недавно вышла книга рекордов Гинесса, цена двадцать рублей, а симпатичные девушки на тротуарах продавали ее по сто рублей. Мне хотелось плюнуть им в физиономию!

— Какая ты правильная! — презрительно заметил он.— Неужели не видишь, что все в нашей жизни изменилось: спекулянты стали бизнесменами...

— Жулики — добронормальными гражданами, а бандиты — рэкетирами, да? Звучит прямо по-европейски! — в тон ему вставила Маша.

— Я смотрю, твой рыцарь чести папаша запудрил тебе мозги! Мыслишь, девочка, старыми категориями. Хотя, в отличие от тебя, я уважаю своего предка, по повторяю его слова: историю не повернуть вспять. К былому возврата нет! И надо жизнь принимать такой, какая она есть. Жуликов-партийцев сейчас заменяют...

— Жулики-кооператоры, — ввернула Маша.

— Предприниматели, деловые люди... Почитай газету «Коммерсант».

Костя снова полез в карман за сигаретами — он держал их вместе с зажигалкой в заднем кармане кремовых джинсов, — а девушка решительно поднялась со скамьи. Она провела руками по бокам, оправляя короткое шерстяное платье выше круглых коленей. На ней — темная куртка на молнии. Золотистые волосы красиво рассыпались по плечам.

— Я тебя провожу, — забыв прикурить, вскочил и он.

— Не надо, — мягко сказала она.— У меня свидание на Невском.

— У памятника распутной Кати? — язвительно заметил он.

Девушка промолчала. Она смотрела на него, будто решая: подать ему узкую ладонь с длинными наманикюренными ногтями или нет?

— Я все тебе сказала,— проговорила она.— Лучше, если ты оставишь меня в покос. Не надо звонить, караулить меня у университета...

— Я ему морду набью...— выдавил он из себя. Длинное острое лицо его стало некрасивым, карие глаза сузились, а тонкие губы превратились в узкую розовую полоску.

— Не советую,— улыбнулась она.— Юра — спортсмен, владеет каратэ.

— Его звать Юра...

— Для тебя он Юрий Иванович.

— Дремучий профессор из университета? — выпытывал Костя.— Доцент? Или завкафедрой? У него жена и двое детей?

— Ты меня утомил,— нахмурилась она.— До свидания, Костя.

— Хорошо, что хоть не прощай...— пробормотал он, не зная, что делать. А больше всего ему хотелось размахнуться и ударить ее по гладкой бело-розовой щеке, так чтобы ее золотоволосая голова мотнулась! И бить, бить до тех пор, пока она не образумится... Костя считал, ему в жизни повезло: денежная, интересная работа, встречи с крутыми людьми из совместных предприятий, девочки на выбор, сауны с импортным пивом и виски, поездки на дачи с хорошей компанией на «Мерседесе», который недавно купил его приятель Радик Блат по прозвищу Болт, рыжий высокий мужчина с наглым голубоглазым лицом. Вот кто был примером для Кости Ильина! Болт умел красиво жить, считал, наступило сейчас самое распрекрасное время для оборотистых людей в этой вшивой России... Радовался, что хлынули в Питер иностранные предприниматели, заводил с ними знакомства, ездил по приглашению за рубеж, мечтал получить в совместном с иностранцами предприятии теплое местечко, но, по-видимому, был слишком мелковат и нагл — пока не приглашали. А «совместники» заворачивали валютой. Рубль совсем превратился в негодную бумажку. Стыдно в ресторане вынимать советские деньги из кармана...

Политикой, газетами, митингами, демонстрациями компания Радика Болта не занималась, у них своих дел и развлечений было достаточно. Это пусть горлодеры-политики надрываются, борются за власть. Для деловых людей никакая власть не нужна, не страшен им дефицит, потому что, когда это нужно, они сами его создают. Никаких трудностей с продовольствием и дефицитны-

ми товарами у них нет. Они все могут купить и продать. Пусть взвинчиваются цены, пусть мясо на рынке стоит хоть пятьдесят рублей килограмм, а виски — двести пятьдесят, им все это ни почем, деньги сами роем летят им в руки. Для делового человека вся эта неустрашенность в стране, неразбериха, хаос — та самая мутная водичка, в которой лучше всего ловить золотую рыбку... Эта философия деловых людей, бизнесменов или «гешефтников» вошла в кровь и плоть Кости Ильина. В душе он посмеивался над отцом, профессором ныне так непопулярной кафедры марксизма-ленинизма, по пятницам приносящим в кожаном портфеле сосиски или банку кофе, что по заказам распределяли в институте, и еще радовался, чудила! В магазинах давно этого нет. А его необразованный сын, Костик, мог сидеть за таким роскошным столом в теплой компании, который его родителям и во сне не мог присниться, там и икра, и виски, и крабы, и осетрина, и датское или финское баночное пиво. А если это было в сауне на даче, деликатесы подавали на стол обнаженные красотки... И смешно было приятелям Кости смотреть на включенный цветной телевизор марки «Панасоник» или «Тошиба», показывающий демонстрацию на Дворцовой площади, где люди со смешными плакатами требовали от депутатов, как выразился Радик Блат, «жратвы и зрелищ»! Среди торгашей и бизнесменов частенько присутствовали в саунах и на дачах избранники этого самого народа — депутаты всех уровней. И они тоже смотрели телевизор и вместе со всеми смеялись... Невзоров в своих передачах обличал Ленсовет, приводил неопровержимые факты, что, окопавшись избирателей, туда пробрались нечестные люди, преступники. Он обличал, а в других передачах этих же самых скомпрометировавших себя людей показывали в ином свете, давали им эфир и экран. Депутаты увеличивали себе зарплату, вселялись в обкомовские дачи, потеснив оттуда партийных боссов, скопом за государственный счет ездили за границу, покупали без очереди автомашины, делили между собой посылки из ФРГ, присланные бедным людям... и плевать хотели на обличителя Невзорова. Вся «желтая» питерская пресса ополчилась на него, не отставала и центральная. Гласность-то, оказывается, новым хозяевам не всякая нужна, нас, мол, не трогай, а наших врагов обличай сколько хочешь. В честного, смелого журналиста уже дважды стреляли: в Питере и в Литве.

Костя и его приятели поначалу терпели «600 секунд», а когда журналисты принялись и жулье обличать, стали тоже выражать недовольство и желать Александру Невзорову всяких бед...

Перестройку Радик Блат назвал «золотым веком» для бизнесменов, кооператоров, торгашей. И радостно было им видеть, что направляемый теми самыми депутатами, которые попиwali с «деловыми людьми» американское виски, запивая его датским пивом и закусывая икрой и осетриной, обманутый народ на митингах защищал «золотой век» для жулья и спекулянтов, готов был идти за них на баррикады, тот самый темный народ, что часами стоял в длиннющих очередях за молоком-кефиром и водкой-вином...

Обо всем этом думал Костя Ильин, глядя вслед удаляющейся по розовой песчаной дорожке девушке. Маша не знала, конечно, о его развеселой жизни в компании близких ему по духу людей. Туда допускались только свои, а Белосельская была из другого мира. Радик Блат знал, что ее отец — редактор «Русской газеты», и хотя он, как утверждал, далек от политики, но материалы этой газеты не нравились Блату, там появлялись статьи о коррупции, росте преступности, о взяточничестве и обогащении кооператоров-перекупщиков на спекуляции дефицитными товарами. Не рассказывал Костя Маше и о своих знакомых, друзьями он их не мог назвать: там, где процветает чистый бизнес, друзей не бывает.

Какая походка у Маши! Бедра играют под узкой юбкой, хотя грудь и небольшая, но приковывает взгляды мужчин. Неужели и впрямь она навсегда уходит от него? Нет, в это Костя не верил. С девчонками это бывает: покапризничают, побесятся и снова возвращаются... Ладно, он немного подождет, сейчас Маша будет готовиться к экзаменам и уедет в глухую деревню к родителям. Там подходящих для нее кавалеров наверняка нет, а этого Юрия она придумала, чтобы ему, Косте, досадить... Ничего, поживет на голодной Псковщине, вернется в Санкт-Петербург — Костя, как и многие в городе, называл его по старому наименованию — и снова они будут вместе...

2. Дым отечества...

Маша познакомилась с Юрием Ивановичем в Новый, 1991 год. Праздновали его у Хитровых. Белосельские были приглашены всей семьей. Лина Вениаминовна сразу после обеда, захватив водку и шампанское, а также раздобытые в очередях продукты, отправилась на Лиговку к Хитровым помогать на кухне Лилии Петровне. Маша с Димой пришли после шести вечера, от Греческого до их дома десять минут ходьбы, а

Вадим Андреевич появился в одиннадцатом часу. Он держался в редакции: у них сдавался в типографию номер.

Маша слышала от родителей, что из Неаполя вернулся внук профессора Хитрова — Юрий, несколько лет назад уехавший в Италию. Он закончил университет, в совершенстве знал несколько языков, в том числе и итальянский. Тогда еще свободно русских не выпускали из СССР и ему пришлось вступить в фиктивный брак с молодой еврейкой, которая потребовала за штамп в паспорте шесть тысяч рублей. К счастью, Юрий не утратил советское гражданство, это и помогло ему вернуться на родину. По недавнему указу президента многим диссидентам, поливавшим грязью Россию и ее народ, вернули советское гражданство, даже пообещали квартиры в Москве. Правда, те почему-то не спешили приехать на родину — по-видимому, советская нищета не привлекала их, да и было ли у них вообще чувство Родины? Потянулись лишь некоторые литераторы, за границей их не признали, там они занимались другим делом, а в СССР считались писателями. Тут их сразу же стали печатать в журналах, выпускать книги, люди было бросились покупать и обожглись... на таких бездарных книгах, как «Ожог» Аксенова...

Юрию Ивановичу было около тридцати, но выглядел он удивительно молодо: высокий, широкоплечий, русоволосый, с крупными серыми глазами, тонкими чертами лица, твердым подбородком, молодой Хитров был похож на мать Веру Арсеньевну, которую Маша считала очень красивой.

Веры Арсеньевны не было в городе, она с советскими туристами встречала Новый год в Дюссельдорфе. На столе в прихожей, вместе с другими поздравлениями на видном месте лежала ее красивая голубая с золотом открытка. Маша от Лилии Петровны — к старости жена профессора стала еще более болтливой — услышала, что Вадим Андреевич когда-то ухаживал за ее дочерью, а вообще, они знакомы с детства. Она, Лилия Петровна, помогала осиротевшему после ареста родителей Вадиму... Маша знала, что это неправда, мальчишка сразу уехал из Ленинграда на Псковщину к своему деду Добромыслову...

Знакомясь с девушкой, Юрий улыбнулся, белозубая улыбка молодила его, сказал, что его можно называть Юрой. В большой комнате стояла елка, Лилия Петровна предложила сыну и Маше повесить на нее мандарины, прикрепить свечки и остроконечную сверкающую верхушку. Игрушки уже были повешены.

— В Италии в Новый год жители выбрасывают из окон на улицу ненужные вещи,— сказал Юрий, когда они стали украшать колючую елку.

— У нас бы их в драку подобрали,— ответила Маша и даже не улыбнулась. Ей никак не удавалось толстыми нитками закрепить оранжевый мандарин.— Я читала, что воруют с веревок даже штопанные носки.

— В продаже ничего нет, а за границу дельцы вагонами отправляют весь наш ширпотреб от гвоздей, утюгов, мясорубок до титановых брусков,— поддержал разговор Юрий Иванович.— Но там никому это не нужно.

— Зачем же это делают?

— Очевидно, ради дешевого металла,— пожал он плечами.— И еще для того, чтобы у нас цены еще больше взвинтить на любую срунду.

— Папа говорил, что из-за рубежа теперь везут не вещи, а доллары, у нас их обменивают на рубли: один доллар — тридцать один рубль.

— Маша, идет полное разграбление России,— сказал он.— От нас вывозится буквально все. И в крупных городах, да и в Верховных Советах принимаются такие законы, которые выгодны лишь делягам и жулью. Сами высшие руководители замешаны в крупнейших аферах... и еще ни один из них не наказан. Случись подобное в любой цивилизованной стране — все правительство ушло бы в отставку.

— Наши правители не уходят,— улыбнулась Маша.— Их, как напившихся кровью клещей, не оторвешь от кормушки!

— Образно! — рассмеялся Юрий.

Апельсин выпал из рук девушки и покатился по паркетному полу.

— Возьмите иголку,— посоветовал Юрий. Маше понравилось, что он называл ее на «вы».— Сделайте петлю и вешайте... Кажется, кроме Димы у нас на елке больше детей не будет?

— Ради него одного, может, и не стоило бы ее украшать...

— Вы не правы,— сказал Юрий.— Елка — это наша русская традиция.

Маша стала прикреплять петельку к хвое и их руки соприкоснулись. Ногти на его пальцах аккуратно пострижены, на тыльной стороне ладони виднеются белые шрамы. Отец говорил, что Юрий Хитров отличный каратист европейской школы, может быть тренером. Вот уже с месяц Юрий работает в редакции «Русской газеты». В ноябре 1990 года скоропостижно умер от инфаркта Петр Семенович Румянов. Он упал прямо на Владимирском проспекте, немного не дойдя до

ремонтирующей церкви. Его еще можно было спасти, если бы сразу вызвали «скорую», но люди равнодушно шли мимо и брезгливо обходили лежащего навзничь на тротуаре человека — посчитали, что он пьяный. Это не первый случай в городе, некогда славившемся своей сердечностью, когда больного человека принимали за пьяного и обходили стороной. Почему люди стали такими жестокими, злыми? Маша неделю назад видела, как два хулигана избивали у Некрасовского рынка женщину, а прохожие старались не смотреть в ту сторону. Вот отец бы никогда не прошел мимо...

Отец и предложил Юрию поработать в редакции, тот охотно согласился, тем более что никуда еще не устроился. Вера Арсеньевна очень хотела, чтобы он работал в «Интуристе», но Юрий равнодушно отнесся к этому предложению, говорил, что ему все равно где работать, нужно было еще привыкнуть к жизни в Петербурге... Привыкнуть к пище, грязи, очередям, повседневному хамству, полуголодному существованию. В Италии он отвык от всего этого... Валюта, привезенная из Неаполя, как-то быстро кончилась. Мать не стесняла себя ни в чем. Говорила, что голодать на пятом десятке жизни она не собирается, скорее станет продавать свои вещи, чем стоять за сыром или кефиром в очередях. Лучше уж купить самое необходимое за бешеные деньги на рынке.

Еще один апельсин упал и покатился по паркету, Маша подняла его, вытерла о нарядную шерстяную кофточку и повесила на елку. Ей показалось, что Юрий с трудом скрыл усмешку, он стоял на стуле и закреплял на верхушке сверкающий серебром волнистый конус.

— Почему вы уехали из Италии? — в упор посмотрела ему в глаза Маша. У нее была привычка при разговоре смотреть людям в глаза. Знала, что это не всем нравится, например, Костя всегда отводил глаза, будто был в чем-то виноват. Юрий, однако, спокойно выдержал ее взгляд. В его темно-серых глазах мельтешили вокруг зрачка коричневые искры. Брови узкие, твердые губы резко очерчены, девушка уже обратила внимание, что у него обаятельная улыбка, она не только молодила, но и делала его мужественное лицо добрым.

— Вы слышали про такое банальное понятие, как ностальгия?

— Все рвутся из СССР, вон какие очереди у посольств и консульств, а вы...

— Это долгий разговор... — попытался он уклониться, однако Маша проявила упорство, она уже почувствовала, что нравится Юрию, не раз ловила на себе его оценивающие, восхищенные взгляды. На нее так смотрели в

университете, и Маше это не нравилось, неприятны были и приставания мужчин на улице, а взгляды Юрия полиновали.

— Ну, а все-таки? — настаивала она. — У нас того и гляди начнется гражданская война, люди злые, недовольные, никакого порядка, власти нет, разгул преступности, а там спокойно, все палажено, полное изобилие, я уж не говорю про магазины, культуру обслуживания, европейский шик. Одним словом, если там день, то у нас ночь.

— Я вернулся в Россию из-за вас, — огорошил он девушку.

— Так я вам и поверила! — Маша не сразу даже нашла что сказать. — Вы никогда меня раньше не видели.

— Я могу жениться только на русской девушке, — улыбаясь, продолжал Юрий. — И жить только в России. Я это почувствовал ровно через год как там оказался, но вот вернуться смог лишь недавно. Для того, чтобы почувствовать свою неразрывную связанность с Родиной, наверно, нужно пожить на чужбине... Там все чужое, не свое, не родное. И люди совсем другие, они вежливо улыбаются, но им до тебя нет никакого дела. И там, если случается какой скандал, прохожие не остановятся, не вступятся за обиженного. Им просто не до того, у них свои заботы, дела, ради денег они готовы на все. Там правят людьми не иди, а деньги. И никто не обижается, если его назовешь меркантильным. Способные выбиваются в люди, становятся богатыми, но и в этом случае продолжают делать деньги. И это отнимает у них все время, иногда даже жизнь. Вы не поверите, Маша, но у меня там не осталось ни одного друга! Меня даже никто не провожал. Правда, издатель сказал, что глупо в это время возвращаться в Россию, мол, там просто опасно жить. Он даже сравнил ее с Колумбией, где правит мафия. Издатель в СССР сейчас не посылает своих сотрудников. Там могут ограбить, даже убить...

— Он правду вам сказал, — вставила Маша. Ей было немного стыдно, что она на свой счет отнесла слова Юрия, однако взгляд его немного смутил ее.

— И все равно сейчас лучше, чем было при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежнев, — помолчав, заметил Юрий. — Можно говорить что думаешь, ушла ложь...

— Пана говорит, что вместо былой лжи, на головы людей сейчас обрушивают другую ложь, не менее страшную, чем раньше. И нагло лгут как раз те, кто требовал гласности, свободы печати. Захватив печать, телевидение, они стали пуще прежнего врать, обманывать народ. Им нужно расчлениить и разорить Россию, а русский народ превратить в рабочую скотину.

— Я рад, что вы разделяете взгляды Вадима Андреевича, — он опять чуть приметно улыбнулся. Голос у него звучный и вместе с тем мягкий. Юрий совсем не походил на крикливых, порывистых молодых мужчин, приходивших к отцу по делам газеты. В нем сохранилась как раз та питерская интеллигентность, что создала в стране уважение к жителям этого города. Однако в последнее десятилетие эта типично питерская интеллигентность порастерялась, по-видимому, от нескончаемого притока жителей провинции. Маше захотелось, чтобы он что-нибудь произнес по-итальянски, но она постеснялась попросить.

Они закончили развешивать на слку мандарины и апельсины, на вершине у самого потолка сверкала остроконечная пика, небольшой Дед Мороз с лоснящимися красными щеками стоял на перекладине под слкой, ноги его в валенках и крестовина были утоплены в белой вате. Им не хотелось уходить из полусумрачной комнаты. Здесь веял книжный дух, пахло хвоей и апельсинами. Дима был на кухне, оттуда доносились голоса женщин. Отец и Арсений Владимирович еще не пришли. Горела лишь настольная лампа на письменном столе — елку установили в кабинете Хитрова — сквозь капроновые занавески виднелись освещенные окна здания напротив. На дворе снегу не было. Опять в Питере Новый год без снега. В прошлом году 31 декабря выпал снег, тысячи горожан вышли после полуночи на улицы, Дворцовую площадь, какие-то пьяные выродки бросили самодельную бомбу в толпу гуляющих и отцу двоих детей оторвало обе ноги, а преступники скрылись. Дикое, бессмысленное преступление! В городе только и говорили об этом тогда.

— Я думаю, рано или поздно мы разгресем эту зловонную кучу дерьма в России, — задумчиво проговорил Юрий, глядя в окно. Как раз напротив сверкала разноцветными огнями небольшая елка, установленная на столе. С люстры инеем свисали серебристые нити мишуры, хлопущи.

— Мы? — произнесла Маша.

— Я вернулся домой не затем, чтобы со стороны смотреть на все, что сейчас у нас происходит. За границей я много прочел книг, где честно рассказано очевидцами, кто сделал большевистский переворот в России, кто с неслыханной жестокостью сразу же принял ся уничтожать русскую интеллигенцию и крестьянство. Здесь, в СССР, имен истинных душителей России и ее коренного населения не знают, их скрывают, стараются

свалить все беды на тот же пострадавший русский народ. Ваш отец, Маша, делает великое дело, открывая людям глаза на истину, и я рад, что работаю с ним.

— Таких, как мой отец, не так уж много,— грустно произнесла Маша.— По сравнению с мощным хором захваченной «демократами» печати и радио-телевидения голос вашей газеты почти не слышен, а потом, как они все нападают на «Русскую газету»? Сколько злобы и ненависти! «Свобода» брызжет желчью и ядом. Третью часть тиража придерживают в киосках, срывают с витрин, несколько раз избили распространителей. Бывает, скупят полтиража и сожгут за городом...

— За правду приходится и пострадать.

— А по-моему, людям до чертиков надоела эта лживая правда, как и вся политика,— сказала Маша.— Люди теперь выключают телевизоры, когда передают заседания сессий Верховного и местных Советов. Никто уже не верит депутатам...

— Да нет, политика вошла в плоть и кровь советских людей! — улыбнулся Юрий.— Мы уже с полчаса только на эти темы и говорим.

— Предложите другую тему, — пожала плечами девушка.— Теперь не говорят о политике, а клянут ее, ругают, плюются. Политика кончилась — остались одни политики. И они творят что хотят, а народ все равно голосует за них. Вот этого я не могу понять.

— Газеты, телевидение,— сказал он.— Они делают политиков. Ненужных им — замалчивают, нужных — поднимают на щит. Люди читают, смотрят и послушно идут голосовать за тех, кто на виду, кого хвалят или ругают. Все равно известность, популярность. И потом выбор-то не велик, вот и выбирают тех, кто примелькался...

Они стояли рядом и смотрели в окно. Юрий гораздо выше Маши, сильные руки его опирались на белый подоконник, глаза сощурились. Он и в профиль был симпатичным. Чем-то напоминал римских цезарей на старинных монетах. Волосы у него длинные, густые, закрывают уши, крепкие щеки отливают синевой.

— Я сейчас,— сказал он и быстро вышел из комнаты. Вернулся скоро и неловко сунул в руку девушке узкую золотистую коробочку.

— Мой новогодний подарок,— смущенно проговорил он.

— Спасибо,— растерялась Маша. Она раскрыла коробку и увидела серебристого цвета авторучку, машинально прочла на коробке надпись: «Паркер».

— Вы студентка, вот я и подумал...

Маша знала, что такие ручки очень дорого стоят, а что сейчас, после повышения цен, дешево стоит?

— А мне вам нечего подарить,— улыбнулась она.

— Вы мне уже многое сегодня подарили,— в ответ улыбнулся и он.

Маша не совсем поняла, что он имел в виду, но ничего не сказала. На миг представила длинное узкое лицо Кости Ильина, его кривоватую усмешку на тонких губах... Да, сравнение было не в пользу ее бывшего друга! Костя предлагал встретить Новый год за городом в хорошей и крутой компании, как он выразился, но Маша отказалась, она привыкла Новый год встречать с родителями. Впрочем, Костя особенно и не уговаривал, девушка догадывалась, что в крутой компании он и без нее не будет скучать...

— Вы такая красивая девушка, а Новый год встречаете со стариками...

— Вы — старик?

— Я очень рад, что вы пришли к нам,— сказал он.— Очень.

— Я, наверное, не современная девушка,— глядя в окно, заговорила Маша.— Не курю, крепкие напитки мне не нравятся, поп-музыка раздражает, как и нынешний театр... Что случилось? Куда все подевалось? Хорошие художественные книги, классическая музыка, живопись, искусство?

— В смутные времена всегда так, Маша,— заметил Юрий.— На Западе тоже всякой муры хватает.

— Мне все, что сейчас происходит в стране, не нравится... Это какой-то водопад пошлятины, грязи, жестокости.

— Вы стихи писали? — неожиданно спросил он.

Она хотела сказать «нет», но язык не повернулся солгать. Стихи она писала, но никому не показывала. Только для себя.

— Так, под настроение...

— Дадите мне почитать? — заглянул он ей в глаза.

— Вы не будете потом надо мной смеяться? Критиковать? Я не терплю этого. Стихи я пишу не для печати... Вы прочтете и будете молчать, ладно? Я по глазам пойму, понравились они вам или нет. А впрочем, мне это безразлично.

Он осторожно дотронулся до ее руки, пожал.

— Спасибо, Маша.

— Вы всех так ни за что благодарите?

— Вот вы, Маша, сказали, мол, все отвратительное, что у нас сейчас происходит, вас раздражает...

— А вас?

— Я знаю, почему вы нетерпимы к пошлости, жестокости, грязи... Вы ведь потомственная дворянка по происхождению...

— Берите выше — княгиня! — улыбнулась она.

— А русское дворянство всегда славилось благородством, любовью к России, народу...

— В школе нас учили совсем другому...

— Вы — прелесть, Маша! — вырвалось у него.

— Не говорите так, — поморщилась она. — Я не люблю такие слова, как «прелесть», «обожаю», «кушать», «машинка»... Как и «тусовка», «крутой», «бабки»... Говорю же вам: я не современная девушка.

— Меня звать Юра, — сказал он.

— Я знаю, — удивленно посмотрела она на него.

— Вы, Маша, еще ни разу не называли меня по имени.

— Пойдемте, Юра, на кухню, — улыбнулась она. — Нужно, наверно, помочь маме и Лилии Петровне.

За праздничным новогодним столом и позже, когда смотрели концерт по телевизору, Маша ни разу не вспомнила про Костю Ильина.

3. Дорогие гости

В этом году Вадим Андреевич выехал на машине с женой в деревню в начале апреля. В Ленинграде было голодно, холодно, улицы переполнены празднующими людьми, такое впечатление, что никто и на работу уже не выходит. Транспорт работал с перебоями, на остановках толпы людей — не въезишь в троллейбус или автобус. Половина трамваев простаивала в парках. Чем хуже жилось горожанам, тем больше открывалось магазинов и магазинчиков для богатых. Цены за каждую пустяковину были такие, что люди не верили своим глазам. Дерьмовая шариковая ручка с иностранной надписью стоила десять-пятнадцать рублей, пошитые кооператорами трикотажные брюки — девяносто-сто пятьдесят рублей, а фирменный спортивный костюм — больше тысячи. Народ клял президента и премьер-министра за многократное повышение цен, возмущивший всех президентский пятипроцентный налог с продажи. Ленсовет творил что хотел, все гребли там под себя. Город задыхался от вони невывезенного мусора, грязи, развала, разбитых дорог, хамства и бандитизма. Власть кончилась, ее не было. Сыплющиеся как снег на голову указы президента никем не исполнялись. Уже много месяцев как ввели продуктовые карточки, на них можно было на весь месяц купить продукты, уместившиеся в маленькую сумку. Газеты, радио-телевидение будто озверели: любую меру бессильного дохлого правительства, направленную на борьбу с преступностью или ограничивающую миллионные доходы разжиревших кооператоров и совместных с иностранца-

ми предприятий принимали в шттики, называя наступлением на права человека, на всплеск диктатуры, зажим гласности. Злобой и ненавистью к русским, к понятию «патриотизм» дышали страницы печати; ленинградская телевизионная мафия нагло навязывала разрушительные идеи людям, снова выдавая черное за белое и наоборот. Популяризировала выдвинутых ею продажных политиков, никогда не произносящих слово «русский». Пользуясь сомнительной известностью, многие бездарные журналисты и телевизионщики пролезли во все органы управления, навязывали сами себя в депутаты Верховного и местных Советов. И, естественно, гнули их антинародную линию. Газеты и телевидение прибрали к рукам мафиози и, уже не прячась за псевдонимы, открыто проводили свою русофобскую политику. Зарубежная «Свобода» заглушала все советские радиостанции и вещала на десятках голосов, не умолкая, учила русских и нерусских как нужно поскорее развалить империю, как бороться с законной властью, как на корню уничтожать нарождающиеся ростки русского национального самосознания. Был подготовлен целый набор отпугивающих нормального человека стереотипов: «националист», «шовинист», «черносотенец», «антисемит», «фашист». И все это обрушивалось на голову любому посмевшему публично заговорить о бедах русского народа. О любом другом народе кричи хоть с самой высокой башни, а о русском — не смей! Русское самосознание не должно пробуждаться, кому-то очень страшно, если вдруг русские пробудятся... За «круглым столом» и «поверх барьеров» радиостанции «Свобода» (для кого «Свобода»-то?) сидели Ройтманы, Хазановы, Войновичи, Филькиштейны и прочие, прочие, которые и слова-то доброго в адрес русского народа ни разу не сказали. Только упрёки и ложь! Ну и вещали бы себе на иврите или идише? Зачем же русских-то сбивать с толку, обманывать, натравливать друг на друга? Зачем русским-то навязывать, как образцы литературного таланта, лишь одних евреев. И одновременно обливать грязью любимых народом национальных русских писателей? Добрались до Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Есенина! Идет паглая беспримерная подмена в искусстве всего русского национального чисто еврейским, приспособленным для неискушенных русских. Но хотя бы поинтересовались в библиотеках, что всю эту диссидентскую графоманию не читают русские, а если им свои библиотекари навяжут чуть ли не силком, потом не отплеиваться от пошлости, мата, порнографии, грязи...

Вадим Андреевич устал бороться за газету, устал облачать наветы на русских, он написал правду о большевистском перевороте, о геноциде русского народа. Его уже не раз злобно лягнули крикуны из «Свободы», обозвали «Русскую газету» антисемитской, хотя там не было опубликовано ни одного материала, задсающего национальные чувства еврейского народа. Контролируемая сионистами советская печать и телевидение разрушали великую державу, или, как они ее называли, «империю», разжигали межнациональную рознь, опять же обвиняя во всем только русских. Было уже понятно, что им это необходимо для того, чтобы превратить СССР в огромную колонию, чтобы выкачивать из нее природные богатства, продать землю, города под видом зоны свободного предпринимательства бизнесменам из-за рубежа, которые в обмен на электронную технику и парфюмерию, которая заполонила европейские рынки, будут черпать из России все самое ценное. Не гнушались и ломом, металлом, оборудованием, военной техникой. Кооператоры паши и зарубежные привозили с Запада компьютеры, электронные вязальные машины, videotехнику и продавали здесь за огромные деньги. Вязальная японская машина стоила 18–20 тысяч рублей, а компьютер — 60–100 тысяч. Можно было платить за эти игрушки золотом, драгоценными камнями, мехами, металлом... На эту удочку клсвали даже государственные предприятия, возбуждались громкие уголовные дела против расхитителей национальных богатств, но печать, телевидение тут же бросались яростно защищать их, толкуя об опыте капиталистических бизнесменов, которым все это разрешено законами.

Если поначалу Белосельский думал, что хаос и развал в государстве происходят от некомпетентности руководства, это тоже, конечно, имело место, по главное — темные силы в стране сознательно все это делали, прикрываясь псевдодемократическими и псевдолиберальными лозунгами. Это была продуманная целенаправленная политика, направленная на развал России, на уничтожение русского народа. В общем, можно было смело провести параллель с семнадцатым годом нашего столетия, когда точно такими же методами разваливалась страна, уничтожалась русская интеллигенция, а потом и сам русский народ, обманутый вождями большевиков, зоологически ненавидящих русский народ. Наконец-то опубликованы человеконенавистнические высказывания сатаниста Маркса, убийцы Троцкого, развенчан миф о добром делушке Ленине, требовавшем расстрелов и повешений русских людей, священников,

писателей. Прояснилось, кто такие были Бухарин, Зиновьев, Каменев, Урицкий, Володарский — жесточайшие палачи русского народа!

И Вадим Андреевич задавался вопросом: неужели русские люди, наученные страшным опытом семидесятилетней советской власти, не разобрались и сейчас, что происходит в стране, кому на руку хаос, развал, безвластие? Конечно, он пытался в своей газете поднимать и эти вопросы, но его тут же обвиняли в национализме, антисемитизме и даже в фашизме. И вопль коррумпированных средств массовой информации заглушал слабый голос «Русской газеты». Последнее время много говорилось о российском телевидении, российских журналах-газетах — по, упаси Бог, не о русских! Вадим Андреевич знал, кто кинулся туда занимать теплые места! Как раз те самые журналисты и телекомментаторы, которые ненавидели русских, раздували ненависть к ним изо всех сил на центральном телевидении, в печати. Как они захватили почти всю печать и телевидение в стране, так и тут сразу же разинули рты на новый лакомый кусок! Конечно, при попустительстве российского правительства. Ни в одной республике такого не было. Там возглавляли все средства массовой информации национальные кадры, а не литературно-журналистские мафиози, говорящие на том же языке. Лишь русские все могут стерпеть, этим и пользовались враги России. Если они начинали в прессе и на телевидении очердную кампанию за избрание на любой высокий пост какого-либо политика с русской фамилией, значит — этот политик с потрохами был еще ранее куплен ими и будет проводить в РСФСР только их политику, окружит себя только их советниками, назначит на все посты только их проверенных людей. Но, спрашивается, за кого должен голосовать на любых выборах народ, если печать и телевидение подсовывают ему только своих людей? Чужие не выдвигаются, а если случайно проскочат в списки кандидатов, их тут же скомпрометируют, высмеют, отыщут какие-нибудь изъяны в биографии, неосторожное высказывание... Панически боятся злобные русофобы выдвижения на высокий государственный пост истинного патриота России. Само слово «патриот» левая печать превратила в ругательство.

Вадим Андреевич без колебаний передал газету в руки Юрия Ивановича Хитрова. Поживший несколько лет за границей, Юрий оказался верным помощником и единомышленником Белосельского. Филолог по образованию, знающий несколько европейских языков, Хитров добывал ценнейшую информацию из первоисточников, его знакомые присылали заметки и вырезки из

Италии, ФРГ, Франции. Оказывался, Юрий Иванович, живя в Неаполе, немало поездил по миру и завязал знакомства с русским зарубежьем. Но признался, что потомки тех самых русских аристократов, выехавших в 18–20-х годах, мало интересуются жизнью России, они адаптировались на чужбине, многие уже и не говорят по-русски. Но есть и истинные патриоты, которые болеют за Россию и готовы помочь. Юрий вел переговоры со своими зарубежными знакомцами о типографии, бумаге, новой полиграфической технике. Иметь свою типографию! Это было голубой мечтой Вадима Андреевича. Современная типография занимала небольшое помещение, машины были высокопроизводительными, фотонабор и прочие удобства. Но где взять на это валюту? Советские обесцененные деньги никому там не нужны. Как-то не верилось, что Юрий сможет что-то там провернуть. Сам же говорил, что русские эмигранты узнают о России только из передач «Свободы» да сионистских газетенки на русском языке.

От всех этих мыслей даже в деревне не избавиться. Вадим Андреевич сколачивал у сарая вольер для цыплят. С трудом раздобыл оцинкованную сетку в ближайшем птицеводческом совхозе «Поречье», это в пяти километрах от Богородицкой. Совхоз большой, механизированный, там выращивают кур на мясо. На рынке в Великополе Вадим Андреевич купил полсотни цыплят. Они уже подросли, можно было выпускать из закуртка у печки в доме в вольер на свежий воздух. Писклявые желтые комочки были беспомощными и забавными, они дружно клевали мелко нарезанные яйца, пшеничную крупу, хлебные крошки, смешно закидывая глазастые головенки и быстро-быстро раскрывая клювики, пили воду. При малейшей опасности сбивались в плотный желтый пушистый шар, налезали друг на дружку. Писк не прекращался ни на минуту, но стоило выключить свет, как сразу все умолкало. Кроме цыплят, он купил все на том же рынке четырех домашних уток. С этими было проще: они с утра уходили на озеро и плескались там, изредка вылезая на берег, пощипывать траву. Кормили их только вечером, а цыплят — четыре-пять раз в день.

Лина с увлечением возилась с живностью, поговаривала, мол, не завести ли им пару поросят, как у всех в деревне? Но Вадим Андреевич предупредил, что с поросятами будет посложнее, чем с птицами, поросята — капризная животины, могут внезапно заболеть и в одночасье подохнуть, да и еды им не напасешься. Кур с утками не так-то просто прокормить! Местные умудрились с лодок собирать в озере зеленые водоросли, наматывая

их на длинный шест. Поросята и коровы якобы охотно ели эту пищу. В магазинах ничего нет, хлеба только местным без ограничения дают, а дачникам по буханке на человека и то не всегда. Вся Россия кормит домашнюю живность главным образом хлебом, вон из магазина тащат домой мешками, хотя хлеб стал дороже. Перестанут на селе кормить скотину хлебом, тогда настоящий голод накатится на всю страну, даже дорогое мясо на рынке исчезнет. Свой хлеб в уборочную гноят, а за валюту покупают зерно за границей! Вот до чего советская власть довела сельское хозяйство в стране, при царе кормившей всю Европу.

День был солнечный, кругом все зелено, трава уже поднялась выше колен, на огороде торчали светло-зеленые пики лука, кудрявился укроп, меж яблонь цвела клубника, сохранившаяся от прежних хозяев избы. Вадим Андреевич даже не знал, выродившаяся она или еще будет плодоносить? Дети в начале лета иногда пололи грядки, но долго не выдерживали: комары раздражали, особенно к вечеру, днем больше мошка допимала. Рыжие пушистые шмели летали на участке, порхали капустницы и крапивницы, меж грядок расхаживали скворцы. Они теперь редко пели — наскучило, уже вылупились птенцы и им не до песен. Утром Вадим Андреевич иногда просыпался от скрипа, шуршания на крыше, но это были не мыши, а вороны и сороки, садившиеся на телевизионную антенну. Мышей летом стало не видно, полевым теперь и на воле раздолье. Радовало его, что жена не скучает здесь, наоборот — деятельна, часенько за работой напевает, уже успела загореть. Еще несколько теплых дней — и можно будет купаться. Редкий вечер Вадим Андреевич с Линой не выезжают на рыбалку. Лодка, правда, старенькая, но он ее подлатал, просмолил, не так уж сильно и протекает. Воду вычерпывает потемневшей алюминисевой тарелкой. Ловили окуней и плотву недалеко от берега, на середине большая глубина, вряд ли на удочку поймает. Не брала почему-то щука и на спиннинг. На чердаке висела драная сеть, но Вадим Андреевич не умел с ней обращаться. Местные ловят рыбу только сетями, впрочем, не так уж и часто. Для стола. Городские на машинах сюда заглядывают редко; не досезая до Богородицкой, разлилось в низине огромное озеро Луиное, вот там приезжие рыбаки и оседают. Некоторые живут в палатках неделями.

Загремело ведро с цепью. Лина доставала воду из колодца. Нужно будет навес над ним подновить, вон как дырки светят, да и опорные столбы шатаются. Здесь, в деревне, все время работа находится. Великое счастье, что он со своими шабашниками еще год назад успел об-

ложить дом белым кирпичом, накрыть крышу шифером и поставить на берегу небольшую бревенчатую баню. Сейчас все строительные материалы подорожали, да их просто-напросто и не достать. Магазины по всей стране пусты. Вроде бы и заводы-фабрики действуют, люди ходят на работу, а где же продукция, которую они выпускают? Куда она исчезает? Неужели кооператоры буквально все на корню скупают? Но ведь тоже открыто не продают, нужно еще поискать их потайные склады, а они себя не афишируют. Слова показывали по телевидению, как в контейнерах дельцы отправляют за рубеж бытовую технику и стройматериалы.

— Вадим, надо бы детей наших провести, — подошла к нему жена. Она в сарафане, который сама сшила, и босиком. На полных белых икрах — царапины. Лина где-то вычитала, что для здоровья лучше, если ходить по земле босиком. Золотистые волосы ее, в которых совсем незаметна седина, собраны на затылке в большой пук и завязаны черной лентой; огромные синие глаза ничуть не отличаются цветом от яркого неба над головой.

Он не разделяет беспокойства жены, в городе остались взрослая дочь с Димой, сын тоже уже не маленький. Мама умест готовить, стирать и понемногу шьет. Но до матери ей далеко. Благодаря жене соседка каждый день приносит им парное молоко. Лина сшила ее дочери два платья. Местные ничего не продают на сторону, в деревнях теперь тоже натуральный обмен: молоко за платья или сахарный песок, мясо за дрожжи или водку. Но спиртное в Ленинграде продают по талонам: бутылку на месяц. Дерьмовый портвейн в три раза подорожал. До смешного доходит! Пишут в газетах, что водки полно, а вот бутылок не хватает, даже цену на них повысили. Сухие вина гонят невыдержанными, стоит дома бутылка — и у горлышка собирается белая плесень: закисает вино, хотя на этикетке указано, что оно марочное и с медалями.

— В Питер потянуло? — прикрепляя к раме гвоздями мелкоячеистую сетку, спросил Вадим Андреевич. Ленинград хотят переименовать в Санкт-Петербург, но Белосельский называет его Петроград, Питер... Проще и по-русски.

— От Маши давно письма не было, да еще сон нехороший приснился...

— Вроде бы ты раньше не была суеверной. А письмо она, по-видимому, послала с пятикопечной маркой, а теперь нужно семь копеек.

— Рвут где только можно! Цены на почте повысили на конверты, а копеечных марок нет. Просто какое-то издевательство над людьми!

— То ли еще будет!

— Я была бы рада, если бы Маша вышла замуж за Юрия,— присев на опрокинутый ящик, сказала Лина. К круглому колену ее прилипла зеленая травинка. Хотя она и ходила босиком, ступни ее были розовыми, не растрескавшимися. Лина каждый вечер мыла их в теплой воде и смазывала какой-то мазью. На ночь делала маску из сметаны. В эти моменты Вадиму Андреевичу не хотелось смотреть на нее, зато кожа на лице жены была гладкой, лишь на шее и у уголков глаз виднелись тоненькие морщинки.

— Ты не возражала, если бы Маша и за торгаша Костю вышла замуж,— поддел ее Вадим Андреевич.— А мне он никогда не нравился. Папа — профессор, а сынок — деляга, спекулянт!

— Милый, герои нашего времени как раз кооператоры и дельцы, — улыбнулась Лина.— И девушки льнут к ним. Они теперь самые обеспеченные люди. Костя хвастал, что больше своего папаша зарабатывает. И потом, он ведь не ворует.

— А Юрий как?

— Что — как? — не поняла жена.

— Нравится ли ему Маша?

— Ты с ним работаешь, а меня спрашиваешь.

— На работе мы на посторонние темы не говорим,— улыбнулся Вадим Андреевич.— И потом, Юра интеллигент, он обо всех женщинах отзывается положительно.

— Даже о проститутках?

— Надо бы подсказать ему, чтобы написал статью про них,— сказал Вадим Андреевич.— Их теперь в Питере полно.

— Юра любит нашу дочь,— думая о другом, убежденно сказала Лина.

— А Маша?

— Вот этого я не знаю... Но раз порвала с Костей, наверное, и она к Юре равнодушна.

— Вроде бы я еще не старик, а нашу молодежь разучился понимать... Я не говорю о юных грязных подонках, способных на любую пакость... Я собственную дочь не понимаю!

— Ты все про тот случай с Костей?

— Я не заметил, чтобы случившееся как-то отразилось на нашей дочери,— продолжал он.— Никакого раскаяния, переживаний, как будто ее комар укусил, она его смахнула и все дела.

— Ты хотел, чтобы она убивалась, страдала?

Вадим Андреевич забил до половины гвоздь в каркас, загнул его, прижимая сетку, и отложил молоток в сторону. Уселся прямо на траву у ног жены и посмотрел снизу вверх на нее.

— У нас с тобой все было по-другому,— сказал он.

— У нас тоже не все было гладко,— мягко заметила она.

— Даже когда ты... ушла, я знал, что мы все равно будем вместе,— сказал он, глядя мимо ее ног на ветхий забор — тоже нужно будет новый ставить! — на котором крутила хвостом сорока, поглядывая на них круглым блестящим глазом. Над соседской крышей медленно плыло небольшое округлое облако с розовой окаемкой снизу.

— И я знала это,— откликнулась она.

— Пусть я ее не понимаю, но Маша уже взрослый человек и, наверное, знает, что делает,— задумчиво проговорил он.— Она умна...

— В папу...— с улыбкой вернула Лина.

— И у нее есть воля, вспомни, как она готовилась к вступительным экзаменам в университет? И сдала без всякой протекции. И учится хорошо. Все ее знакомые девочки бросились в торговый институт, стали изучать иностранные языки, чтобы поскорее выскочить замуж за чужака, а наша дочь выбрала самую сейчас престижную профессию — преподавателя русского языка и литературы! Кто сейчас меньше учителей и врачей в стране получает? Даже после прибавки им жалованья?

— Маша любит литературу, писала стихи, теперь сочиняет рассказы...

— А вот Юра Хитров, зная иностранные языки, не кинулся к кооператорам или в совместное советско-иностранное предприятие, где можно быстро стать богачом, а пошел работать в нашу нищую газету с зарплатой в триста рублей!

— Он ведь еще пишет! И мне нравятся его статьи о преступности, коррупции, событиях в Литве.

— Он много писем получает от читателей. Вот я сижу здесь и, поверь, ничуть не беспокоюсь за газету. Знаю, что она в надежных руках...— Вадим Андреевич вдруг умолк и стал пристально всматриваться в сторону дороги, заросшей с обеих сторон высокой травой. Он даже встал с земли и приложил ладонь к глазам. Высокий, с распахнутой на широкой груди белой рубашкой, с вьющимися на голове темпо-русыми волосами, он походил на былинного русского богатыря.

По разбитой дороге с колдобинами и подсохшими лужами медленно пробиралась к ним вытянутая остроносая серебристая машина с низкой посадкой. Ино-

странная марка, только какая Вадим Андреевич пока не смог разобрать. Лина тоже поднялась с ящика и по все глаза смотрела на машину, миновавшую последний дом и явно направлявшуюся к ним.

— Господи, да это наши, Вадим! — радостно вскричала Лина. — Мама, Дима!

— И легок на помине — Юра, — улыбнулся он. Приятно, живя в глуши, вот так неожиданно увидеть родные лица.

Серебристая машина марки «БМВ» с забрызганными грязью колесами остановилась перед домом, распахнулись дверцы, и Мама с Димой, перепрыгивая через штacketник, валявшийся у опрокинувшегося забора, бросились к родителям. Юрий Иванович приветственно помахал рукой и открыл багажник. Серебристый металл ослепительно заблестел на солнце, золотом вспыхнули длинные русые волосы нагнувшегося молодого Хитрова. Вера Арсеньевна записала ему в свидетельство о рождении свою девичью фамилию. Как чувствовала, что брак ее будет недолговечным.

— Мои милые горожане, — целовала детей Лина Вениаминовна. — А мы уже собирались сами ехать в Ленинград!

— В Санкт-Петербург, — солидно заметил Дима, он скоро догонит в росте сестру. — Мы на выходные. Папа, дядя Юра выжимал на шоссе сто сорок! Мог бы и больше, но дороги-то наши сам знаешь какие.

Высокий худощавый мальчишка с вихром на голове смотрел на отца, толстоватые губы его улыбались, глаза хозяйственно оцупывали участок, окрестности, задержались на недоконченном вольере.

— Клетка для кроликов? — поинтересовался он.

— Для цыплят, — улыбнулся отец. — У нас еще четыре утки есть.

— Где они? — завертел головой с русой челкой Дима.

— На озере, — кивнул отец.

— Дикие?

— Да нет, домашние...

— Я посмотрю! — Дима сорвался с места и побежал по узкой тропинке к озеру.

Нигде так, наверное, люди не рады гостям, да еще таким дорогим, как в деревне. Лицо жены светилось радостью, Вадим Андреевич тоже не мог сдержать счастливой улыбки. С сумками в обеих руках подошел Юрий Иванович, поставил их на землю, протянул руку. Не сдержав порыва, Вадим Андреевич привлек его и обнял.

— Я рад, что ты приехал!

— Привез свежий номер нашей газеты, — сказал Хитров. — И гранки следующего номера.

— Вадим, у тебя где-то припрятана бутылка шампанского? — весело произнесла улыбающаяся жена. — Я думаю, она сегодня кстати!

— А у меня шотландское виски, — кивнул на сумки Юрий Иванович. — Остатки прежней роскоши!

Хитров привез из Италии малолитражку «БМВ», японскую видеотехнику, много видеофильмов, модную одежду и обувь. Все это прибыло в порт, на таможенные продержали два месяца его имущество, кое-что конфисковали, но Юрий Иванович не переживал. Заплатил пошлину и теперь ездил на своей иномарке. Вадим Андреевич подумал, что серебристый «БМВ» совсем не приспособлен к российской глубинке, на «Жигулях»-то в пенастье с трудом проедешь, тут надо «Ниву» или «газик».

— Поставь машину поближе к изгороди, — сказал гостю Вадим Андреевич. — Тут внизу живет склочная старуха, орать начнет на всю деревню, мол, корова побоится идти к дому.

— И это наш добрый, скромный русский народ?

— Среди русских тоже хватает негодяев, — сказал Белосельский. — Тех, кто смотрит псевдороссийское телевидение и поддерживает демократов.

— Надо было привезти пачку «Русской газеты», — улыбнулся Хитров.

Вадиму Андреевичу уже не раз доставалось от старухи, свою машину он теперь загонял на территорию соседа-дачника, тот разрешил ему, тем более что от дороги у него не было забора, давно опрокинулся и он его использовал на дрова сжег.

— Пока Лина готовит обед, я пойду баню затоплю, — решил порадовать гостя он. Маша тоже любила русскую баню и вместе с матерью истово парилась березовыми вениками.

— Баня — это замечательно! — улыбнулся Юрий Иванович. — Я вам помогу, ладно?

— Газеты-то захвати с собой, — попросил Вадим Андреевич.

Тут подбежала к нему дочь, приподнявшись на цыпочки, звонко поцеловала в обе щеки. От нее пахло хорошими духами.

— Как я рада тебя видеть, папка! — сказала она. — Какой ты красивый, загорелый!

— Ну, здравствуй, Маша, — улыбнулся он.

4. Часовня у ручья

Куда мы идем? — спросил Юрий Иванович, шагая по узкой, заросшей травой и диким горохом тропинке вдоль озера. В осоке поблескивали крыльями большие стрекозы, поскрипывали камыши. Пролетала, кося на них глазом, белоснежная чайка.

— Хочу тебе показать одно удивительное место, — ответил Вадим Андреевич. Он в клетчатой рубанке с засученными рукавами, полотняных брюках, на ногах протершиеся с боков белые кроссовки. Он шагал легко, шурша травой, отросшие русые волосы спускались на воротник, шея с сеткой морщин загорелая. От всей его рослой фигуры веяло мощью. Юрий Иванович видел, как каждое утро Белосельский на лужайке делал пятнадцатиминутную зарядку, отжимался по много раз на земле. Бегать он не любил, а Хитров предпочитал вместо зарядки хорошую пробежку рысцой.

Солнце пряталось за пышными дождевыми облаками, легкие кудрявые тени пересекали чуть заметную в высокой траве тропинку, слышались голоса птиц, криканье уток. Вадим Андреевич сказал, что, когда плывешь на лодке вдоль озера, в камышах можно увидеть цапель, близко к себе они не подпускают, а вот утки и гагары не особенно боятся человека. Сколько он здесь живет — не слышал, чтобы кто-нибудь стрелял на озере.

Неожиданно перед ними открылась возвышенность, скорее — заросший вереском и молодыми елками холм, на котором в тени высоких береговых сосен и елей стояла невысокая бревенчатая церквушка, вернее, часовенка с еще не обветшалой дранкой. Сруб был сделан из толстых с золотистыми пятнами смолы бревен, вместо крыльца перед крепкой дверью без засова врос в землю круглый красноватый жернов, вокруг него тянулись вверх лиловые цветы, при их приближении с округлого шатра часовенки с деревянным, выкрашенным бронзовой краской крестом слетели несколько галок, по-видимому, у них где-то поблизости гнезда. Галки покаркали немного и смолкли, скрывшись за соснами. В квадратные отверстия под крышей стремительно залетали ласточки. Тишину нарушало негромкое мелодичное журчание ручья, который сразу и не разглядишь за часовней. Ручей брал тут из-под земли свое начало и бежал извилистым узким руслом в сторону озера, невидного отсюда. Вода была кристально чистая, к заросшей вокруг травой и «куриной слепотой» овальной чаше ключа

тянулась примятая тропинка. Тут же был сколочен из струганых досок небольшой крепкий стол и скамья. На столе стояла пол-литровая стеклянная банка. Они зачерпнули воды, попили. От холода у обоих зубы заломило.

— Святая водичка,— улыбнулся Вадим Андреевич.

И тут со скрипом на ржавых петлях отворилась дверь и из часовни вышла Маша. Большие голубые глаза ее удивленно смотрели на них, припухлые губы тронула легкая улыбка:

— Я гадаю, кто это вокруг часовни ходит, а внутрь зайти не решается...

— Не ожидал тебя тут встретить,— сказал Вадим Андреевич.

— Как там чисто и красиво,— говорила Маша, раскрывая пошире дверь.— Много икон с лампадами, а двери не запираются.

— Так раньше везде было на святой Руси,— сказал Вадим Андреевич.

Они вошли внутрь, пахло ладаном и свечной копотью. Под иконой Божьей матери с младенцем в темном окладе теплилась лампадка. В округлом помещении часовни было действительно чисто, опрятно: иконы на стенах сверху обернуты холщовыми полотенцами с вышивкой. Темные лики святых печально смотрели большими овальными глазами поверх голов входящих. Небольшое возвышение или трибуна — по-видимому, отсюда священник читал свои молитвы — тоже было застлано полотенцем с красной вышивкой. Потолка не было, вверху виднелся балочный шатер с отверстиями, над гнездами ласточек были приколочены в наклонном положении доски, чтобы помет не просыпался на чистый, вымытый до ядреной желтизны пол. Две продолговатые гипсовые фрески с изображением Георгия Победоносца и Святой Троицы висели высоко на крюках. Чтобы их разглядеть, нужно было голову задрать. Ласточки с журчащим щебетом влетали в отверстия и скрывались в гнездах.

— Папа, я многих на иконах не знаю,— кивнула на бревенчатые стены Маша.— Я знаю святых угодников лишь по фрескам Рублева, Дионисия, Феофана Грека, ну еще по библейским картинам эпохи Возрождения в Эрмитаже.

— Георгий Победоносец, его еще в древности называли Егорием Храбрым,— стал показывать Юрий Иванович.— А это Илья-пророк, вон Иоанн Креститель, Праксева-Пятница... А этих святых я не знаю. Похожи на апостолов Петра и Павла, но богомаз намалевал их не очень удачно.

— Откуда ты знаешь всех? — удивленно взглянула на него Маша.

Вадим Андреевич отметил, что дочь назвала его на «ты», а дома она обращалась к Хитрову на «вы».

— Я жил на чужбине и все русское меня там особенно привлекало, я ходил на службы в христианские и католические храмы, прочел церковные книги...

— Ты веришь в Бога? — не сводила с него расширенных в сумраке часовни потемневших глаз Маша.

— Все мы во что-то сверхъестественное верим,— уклончиво ответил Юрий Иванович.

— Мои родители верят в Космос, инопланетян, папа считает Иисуса Христа пришельцем, прилестившим на Землю с далекой планеты; приняв облик человека, он нес людям добро, правду, любовь, а они его унизили и распяли. Но он воскрес и улетел от нас. Христос — это люди придумали ему имя — не мог умереть, он бессмертен.

— Люди часто совершают зло во вред себе,— вставил Вадим Андреевич.— Унижают и распинают своих проповедников за правду.

— А потом раскаиваются и возводят втоптанного в грязь убиенного в ранг святого,— прибавил Юрий Иванович.

— Папа, а тебя не распнут? — взглянула на отца Маша.— Ты ведь тоже борец за правду.

— Сейчас распинают и унижают всех русских,— нахмурившись, уронил Вадим Андреевич.— Пока русские верили в Бога, в ад и рай, они были самыми богобоязненными людьми, да и в России был порядок, но когда политические авантюристы и русофобы в семнадцатом отняли у народа Бога, разрушили храмы, убивали священников и стали преследовать за православную веру, они превратили людей в серое, злобное стадо, забывшее Бога и его заповеди, но зато ставшее молиться на своих тиранов.

— Ты имеешь в виду Сталина? — спросила дочь.

— И Ленина тоже,— ответил он.

— Похоже, что это святые Борис и Глеб,— заметил Юрий Иванович, разглядывая две иконы, на которых он поначалу признал апостолов Павла и Петра.— Видите, у них в руках пучки ржи? А Бориса и Глеба раньше называли «святыми пахарями».

— Я ни одной молитвы не знаю,— с грустью произнесла Маша.

— Я тебя научу,— улыбнулся Юрий Иванович. Вадим Андреевич перехватил его нежный взгляд, подаренный дочери. Если раньше ему было неприятно, что она встречалась с Костей-торгашом, то сейчас он не ощущал

того горького отцовского чувства утраты родного человека. Тогда все произошло неожиданно, врасплох, а отношения Маши и Юрия развивались у них на глазах. Молодой Хитров ему нравился, по газете у них никогда не было споров. Юрий Иванович прекрасно понимал, в какую пропасть тащат страну перестройщики, написал интересную статью о том, что весь цивилизованный мир превратно знает о России, русских. Диссиденты и перебежчики в печати и эфире злобно нападали на страну, особенно на русских. Они ведь быстро стали консультантами по России в издательствах, учебных заведениях, благотворительных обществах. Клеветали на русских, всячески навязывали издательствам только своих русофобских литераторов. Благодаря этим специалистам на Западе не переводили талантливую русскую литературу, за очень малым исключением. Переводили в надежде купить некоторых писателей, перетащить их на свою сторону. И Запад разочаровался в русской литературе, живописи, вообще искусстве. Каково же было удивление иностранцев, получивших возможность в СССР побывать на выставках современных художников, почитать настоящую русскую прозу, а не русскоязычную, которую им десятилетиями навязывали «друзья Запада»! Но таких людей из-за границы было мало, национальное русское искусство, литература не рекламировались и Запад, как и прежде, получал из России лишь суррогаты, но зато «своих». Кто пролез в первую очередь в Пенклуб? Опять же писатели-русофобы, не пользующиеся в России никакой популярностью, да нужно сказать, что и за рубежом диссиденты-писатели издавались с трудом и мизерными тиражами, принося, как правило, убытки частным издателям. Но именно их, диссидентов, пастырно рекомендовали, навязывали консультанты по русской литературе. Литературные начальники, пользуясь своим служебным положением, часто бывали за рубежом и тоже навязывали, особенно в соц-странах, издателям свои серые творения, в свою очередь издавая не менее серые творения зарубежных литначальников.

— Давайте вместе помолимся, — предложила Маша. — Юра, ты начинай, а мы будем повторять. — Они с Юрием переглянулись, Вадим Андреевич улыбнулся:

— Молитва — это внутренняя потребность каждого, и верующие молятся не просто так, а по какому-то поводу, наитию, что ли.

— Пока вас не было, я разговаривала с Богом, — серьезно сказала Маша. — Дойдет до него моя импровизированная молитва?

— Твоя — дойдет, — со значением произнес Юрий Иванович. Вадим Андреевич посмотрел на него, но промолчал. Или Хитров подыгрывает Маше, или... Не верит же он в Бога на самом деле?..

Домой они вернулись, каждый думая о своем, да и тропинка не позволяла идти рядом: шли цепочкой. Вадим Андреевич так и не смог понять, что имел в виду Юра, когда сказал: «Твоя — дойдет». Впрочем, чего голову ломать? У них есть свои тайны, знаки, намски — и ладно. Поскорее бы у них сладилось. Великолепная будет пара: оба красивые, рослые, белоголовые, большеглазые, у таких и дети будут красивые... Подумав о внуках, он опечалился: как быстро жизнь летит! И как все в ней повторяется по раз и навсегда заведенному круговороту: люди рождаются, стареют, умирают, оставляя после себя подобных себе. И так бесконечно, пока существует на земле род человеческий. Но вечен ли этот род? Не вырыл ли он, создав вредоносную цивилизацию, себе сам глубокую могилу? Гибель лесов, дыры в озоновом слое, Чернобыль, ядерные испытания, загрязнение рек, морей-океанов, атмосферы?.. В мире беспокойно, война в Ираке показала, что в любой момент может вспыхнуть вселенский пожар и охватить всю планету... Будь они прокляты, эти хитроумные Одиссеи-политики, которые так свободно распоряжаются жизнями миллионов людей! До чего дошло: ООН — казалось бы, самая мирная организация на земле — распорядилась начать военные действия против маленького Ирака. А сколько радости было в Америке и Израиле, когда уничтожили сотни тысяч мирных жителей? Навалились всей Европой и еще гордятся победой! Обаятельные, улыбающиеся президенты не сходят с экранов телевидения, но что и кто руководит их поступками, решениями? Уж точно не Бог, а скорее всего — Сатана! Только он может навязать им человеконенавистнические идеи. А у Сатаны на земле хватает своих adeптов, которые масонскими ложами, деньгами, угрозами держат в своих руках якобы избранных народа. Да и вряд ли пройдут в президенты или премьер-министры те, кто неугоден тайным всемогущим мафиям, ведь они дают деньги на избирательные кампании. Сейчас мы знаем про сатанинские деяния римских цезарей, про наших душегубов навряд ли Ивана Грозного, Сталина, Берии, но многое еще и скрыто от глаз людских. Наверное, пройдут еще века, когда тайны нашего века, нынешнего времени для всех наших потомков станут зримыми...

Уж который раз ловил себя Вадим Андреевич, что как ни закаивайся не говорить, не думать о политике, все равно она назойливо врывается в твоё сердце, душу.

Все клянут политику, перестройку, давно не слушают парламентских краснобасов, до чертиков надоели лидеры со своими вязкими безграмотными речами, но не говорить о политике не могут — наверное, потому что опасность нашего существования на земле носится в воздухе, как и призрак начинающейся на окраинах гражданской войны. Чем нынешнее время отличается от Смутного времени средневековья? Так же страдает народ от произвола властей, безхозяйственности, от неустроенности, надвигающегося голода, от яростной грызни нынешних бояр, заседающих в многочисленных думах. Казалось, при Брежневе был полный мрак, а сейчас многие на селе, да и в городе вспоминают те годы, как золотой век, когда все было в магазинах, никто не думал о голоде и не запасал мыло, соль, спички, как в войну. А то, что генсек нацеплял на себя ордена-медали и золотые Звезды Героя, так что такого? Как говорится, сам сидел в кормушке, сам широко жил и своих не обижал. Скольких он артистов и писателей, прославляющих его, наградил, сделал лауреатами? Не счесть! Подумаешь, мычал по бумажке? Зато теперь в парламентах наперебой горло дерут без бумажки, а толку? Красуются перед телезрителями, рвут микрофоны друг у дружки, дают интервью, прикидываются друзьями народа, а сами давно оторвались от своих избирателей и хапают себе из казны не хуже чем брежневские прихлебатели...

— Неужели мы никогда не вылезем из этого? — вырвалось у Вадима Андреевича, когда они подошли к дому.

— Из чего? — с улыбкой спросила Маша. Она по пути нарвала небольшой букет полевых цветов.

— Из дерьма, — мрачно заметил Юрий Иванович. — В которое страна попала благодаря политикам и... — он запнулся.

— Врагам русского народа, — жестко вставил Вадим Андреевич. Значит, Хитров тоже, как и он, думал о политике...

— Не ищите внутреннего врага, а ищите врага внутри себя, — произнесла Маша явно где-то вычитанный афоризм.

— А я поймал подлещика! — встретил их улыбающийся Дима. В руке у него не менее чем полукилограммовая плоская рыбина с помутневшими глазами. — А еще один сорвался...

— Самый большой... — засмеялся Юрий Иванович. — Ты собрался, Дима? Завтра чуть свет выезжаем.

— Уезжайте! — засмеялся мальчик. — У меня с завтрашнего дня летние каникулы.

— И молчал! — покачала головой Маша.

— Я Толику Пинчуку письмо напишу — ты передашь? — посмотрел он на сестру.

— Давай я ему лучше твоего леща отвезу?

— Ради Бога — для дружка не жалко и серьги из ушка! — улыбнулся Дима. — Только он в конверт не влезет.

— Остряк! — заметила Маша. — А ты не врешь насчет капикул? Я видела, деревенские мальчишки нынче шли с сумками в школу.

— Мы же, городские, умнее, — балагурил Дима. — Нас на неделю раньше отпустили.

— Еще и сноб, — заметила сестра. — Любой деревенский мальчишка вам с Толиком Пинчуком даст сто очков вперед на рыбалке, в лесу и в поле. Ты не отличишь чеснок от лука...

— А что такое сноб? — полюбопытствовал Дима, переводя взгляд с сестры на отца.

— Поищи в словаре, — сказал Вадим Андреевич. Он еще статью в газету не закончил и пошел в комнату, где у окна стоял деревянный стол без ящиков, а на нем пишущая машинка, на которой он двумя пальцами усердно отстукивал свои статьи и заметки.

— Послать Толику леща — это идея! — воодушевился Дима. — А то в жизни не поверит, что я тут таких лаптей запросто ловлю.

— Тогда выпотроши его и положи в холодильник, — распорядилась Маша.

— Еще скажешь и почистить?

— И почистить, — сказала Маша.

— Дядя Юра, не женитесь на ней, — сказал Дима. — Будет командовать, как в армии...

Маша вспыхнула и замахнулась на него. Дима со смехом бросился по тропинке к озеру. Мелькая длинными ногами из-под короткой юбки, сестра припустила за ним.

Юрий Иванович задумчиво смотрел им вслед. Все видевшая и слышавшая Лина Вениаминовна выглянула из сеней и заметила:

— Вот так все время цапаются друг с другом... Ладно Дима, но Маше-то уже восемнадцать!

— У вас замечательные дети, Лина Вениаминовна, — сказал Юрий Иванович. — И Вадим Андреевич...

— Надеюсь, и с зятем мне повезет, — рассмеялась она, однако в ее огромных синих глазах мелькнула затаенная тревога. Оставшись один у яблони, подступившей к крыльцу, Юрий Иванович подумал: вот он, подходящий случай попросить руки их красавицы дочери... И обвенчаться в этой самой чудесной, спрятавшейся за соснами и елями чистенькой церквушке с ласточкиными гнездами. Раз есть храм, значит, должен быть и поп?..

5. Как дальше быть?

Вадим Андреевич встал утром в отличном настроении, выскочил во двор, сделал обычную зарядку, достал из колодца ведро ледяной воды, отфыркиваясь, умылся до пояса. День обещал быть солнечным, пока пышные белые облака загораживали солнце. Надо было бы сбегать на озеро и выкупаться, но привычка делать зарядку... Он уже не раз задумывался о великой силе привычки в жизни человека. В молодости он этого не замечал, мог в любое время пообедать или поужинать, нормально спал в разных местах, не уклонялся от новых знакомств, увлекался спортом, рыбалкой, а вот теперь, когда перевалило за пятьдесят, выработались стойкие привычки, подчинившие его жизнь своему раз и навсегда заведенному ритму: завтракал в девять, обедал в два, ужинал в семь часов, около часа засыпал, отложив книжку. Лучше всего работалось в первой половине дня, после обеда немного дремал на диване, опять же с книжкой. Вечером после ужина удил с лодки неподалеку от берега. Брали окуни и плотва. Стоило нарушить этот ритм, как начинало мучить беспокойство, какая-то неудовлетворенность, что не все идет как надо. Даже спали с женой два раза в неделю в определенные дни, но тут привычка лстела ко всем чертям, когда он, например, видел Лину на озере в купальнике или в жаркой бане, где они чаще всего парились вдвоем. С приездом сына Вадим Андреевич сначала мылся с ним, а потом дожидался жену. Лина любила, чтобы он попарил ее березовым веником на полке. Распластавшись на почерневшей полке, жена напоминала белорыбицу. Груды у нее были на удивление упругими и почти не отвисали, полные ноги белыми, гладкий живот в меру, а ослепительно молочные ягодицы, как у римских скульптур в Эрмитаже. От хлесткого веника они розовели. В жаркой бане они не позволяли себе вольностей, все-таки возраст, да и сердце бухало от сухого жара, но ночью он приходил к ней, а если, расслабленный после многих чашек душистого чая, засыпал, Лина будила его. В постели они сохранили пыл молодости, разве что ласки их стали более продолжительными и доставляли еще большее удовольствие. Все, казалось бы, уже известно и все-таки в накале страсти было всегда нечто и новое.

Он деятельно занялся оборудованием верхней летней комнаты, внизу, особенно с приездом гостей, стало тесно, не спать же летом на русской печи? Да и Дима уже был не маленький. Вадим Андреевич обил комнатушку

выструганными досками — у него был электрический строгальный станок — притащил туда две железные кровати, которые предусмотрительно купил в сельмаге, когда еще что-то можно было купить, а Лина прибила старый коврик. Однако сообразительный сын заявил, что наверху будет спать он, ну а как приедет на каникулы сестра с Юрой, он, так и быть, им уступит свою комнату... Ошарашенные родители переглянулись, мать спросила, с какой же это стати Маша и Юра будут спать наверху? Сын спокойно ответил, что они давно уже спят вместе и скоро поженятся.

— С чего ты это взял? — спросила мать.

— Дядя Юра обожает нашу Машку, а она, как познакомилась с ним, отшила Костю Ильина...

— Отшила? — покачал головой отец.

— Ну да, сказала ему, чтобы не встречал ее на Университетской набережной и не звонил, если не хочет, чтобы ему дядя Юра рыло начистил...

— Дима, где ты таких словечек нахватался? — всплеснула руками мать. — Вроде бы раньше я от тебя подобного не слышала?

— Ты послушала бы, как мужики у нас во дворе говорят, когда водку жрут из горла на детской площадке, — улыбнулся Дима. — А здесь? Да местные без мата и двух слов не скажут.

— А тебе-то зачем повторять эту чушь? — вставил отец.

— Я и не повторяю, — отмахнулся сын. — Я мат не терплю.

— Дима, я не хотела бы, чтобы ты был похож на этих нечистоплотных, грубых мальчишек, что собираются в нашем подъезде в городе, — сказала мать.

— Я обещаю тебе, что буду похож сам на себя, — рассмеялся сын.

Ровно в девять Вадим Андреевич уселся за большой деревянный стол, за которым они обычно сели. На столе стоял эмалированный чайник, тарелка с нарезанным хлебом, простокваша в стаканах и больше ничего: ни сваренных всмятку яиц, ни бутербродов с колбасой или сыром.

— Великий пост? — обведя стол взглядом, поднял Вадим Андреевич глаза на жену.

— Мы с мамой обшарили весь холодильник, там образовалась Торричеллиева пустота, — заметил Дима, пододвигая к себе стакан с простоквашей.

— Нет кофе, кончается сахар, никаких круп, соль на исходе и спичек осталось два коробка, — перечислила жена. — Что будем делать, мой дорогой борец за справедливость?

— В газетах пишут, что пужно пояса затянуть потуже,— вставил сын.— Можно и зубы на полку. Но это, по-видимому, относится к пенсионерам.

— Поедем по магазинам, — предложил Вадим Андреевич.

— Не смеши! — возразила жена.— В магазинах пусто, хлеб и тот дают со скрипом, говорят, мы дачники, тут не прописаны. Местные хоть что-то получают по списку, а нам ничего. И смотрят как на врагов!

— В Ленинграде еще хуже,— сказал Дима.— Там все кооператоры скупают и перепродают втридорога. Тут хоть спекулянтов не видно.

— Шутки шутками, а что же нам делать? — невесело взглянула на мужа Лина Вениаминовна.— Местные ничего, кроме молока, не продают, да и то вместо денег предпочитают консервы или водку.

— Им самим жрать нечего,— подал голос Дима.

— Сын, мне не нравятся твои выражения,— поморщился Вадим Андреевич.

— Хорошо, им кушать нечего,— насмешливо поправился сын.

— С голоду мы, конечно, не умрем,— сказал Вадим Андреевич. — Рыбы я наловлю к ужину, из молока можно творог делать, а там, глядишь, куры начнут яйца нести...

— Дай Бог, к осени,— встала Лина Вениаминовна.— Да и кур-то немного — одни петушки.

— Давайте утку зарежем, — предложил Дима.— Пока Машки нет. Приедет — ни за что не даст. Она за каждую живую тварь трясется, даже мух не убивает, а полотенцем гоняет из комнаты!

Дела принимали крутой оборот: с питанием все хуже, хлеб перестанут продавать и тогда в стране полный голод! А депутаты все дерут горло на сессиях; пишут, что у них там в буфетах по льготным ценам все есть, даже икра с осетриной... Неужели народ не способен прогнать эту севшую сму на шею гигантскую ораву проходимцев всех мастей. Куда ни плюнь, попадешь в новоиспеченного президента, председателя парламентской комиссии или депутата, экономические связи между республиками рвутся, как гнилая паутина, заводы сотнями встают, цены стремительно растут, а деньги печатают и печатают, превращая их в мусор. Теперь без бутылки водки водовоз не привезут! Как в средние века, везде натуральный обмен: я тебе пшеницу, а ты мне — металл или бумагу. И так на всех уровнях: от государства до любого человека. Вот тебе и перестройка! От одного слова оторопь берет, а демагоги и продажная пресса все вкочуют: «Перестройке альтернативы нет!»

Эх, не сообразил Вадим Андреевич весной посадить картошку! Да ведь нигде не смог купить ее на посадку, в деревне за голодную зиму всю съели, а в городе килограмм картошки в десять раз дороже килограмма хлеба. Овощи, что они посадили с женой, когда еще поспеют, даже на яблонях мало завязей, видно, и тут неурожайный год. На рынках такие цены, что нормальные люди туда и не ходят, рыночные продукты по карману лишь богачам. А кто у нас богачи? Миллионеры? Кооператоры да жулики. Жалкие подачки из-за рубежа перестали приходить в посылках, да и унижительно было это русскому человеку! Так и то, что присылалось бесплатно бедным, а их подавляющее большинство в стране, нагло захапали себе начальники и скупили кооператоры. И депутаты не отставали от них — потрошили посылки где придется. Иностранные товары, продукты стоили на рынках бешеные деньги. И тут государство ограбило простых людей! Все больше вмешивалась Америка в наши внутренние дела, туда зачастили президенты, правительственные чиновники, депутаты, мэры крупных городов. Там обласканные, щедро награжденные дефицитами, давшие интервью «Свободе» возвращались домой и начинали все делать по указке заокеанских благодетелей, а те уже и не скрывали своей главной цели — разрушить и ослабить совсем недавно великую державу, расчленив ее на мелкие княжества и полностью подчинить своему влиянию. КГБ недвусмысленно предупреждал глав нашего правительства, Верховный Совет, что многие наши государственные чиновники выполняют задания ЦРУ и Конгресса США, получают оттуда богатые подачки, но и этот весьма осведомленный голос не был услышан. Америке кланялись почти все, кто творил перестройку в СССР.

Как грибы после дождя, выбирались все новые и новые президенты, Горбачев из кожи лез, чтобы быть президентом президентов, но его время кончилось и его уже никто не слушал, а указы не исполнялись. Это надо было суметь за пять-шесть лет до такой степени довести могучую страну! И невольно закрадывалась людям в головы мысль: а не парочно ли все это делается? Ошибки бывают у всех, но умные люди стараются на них учиться и поскорее исправить, а у нас в 1991 году ошибки углублялись, доводились до абсурда. То есть, были только одни ошибки, просчеты, провалы, и за шесть лет перестройки ни одной победы! Даже самой маленькой. И опять перед мыслящими людьми вставал вопрос: странной управляют дураки или хитроумные враги?..

От этих мрачных мыслей и погожий день померк для Вадима Андреевича. Раньше он выезжал на вечер-

нюю зорьку на лодке главным образом ради удовольствия, а теперь придется ради «жратвы», как выразился сын. Если в Мание чувствуется аристократизм, то Дима грубоват, правда, не поймешь отчего это: от влияния улицы или от пижонства? Скорее от пижонства, у него сейчас такой возраст, когда мальчишки грешат опанизмом и утверждают себя в собственных глазах как мужчины. И голос у него петушит временами. Но юмора у него, пожалуй, больше, чем у кого-либо другого в семье.

Вадим Андреевич, когда у него портилось настроение, брался за какое-нибудь дело, а так как дел по дому было невпроворот, он взял колун и пошел колотить напиленные еще с Юрием дрова. Эта работа всегда его успокаивала, особенно, когда начинал складывать поленья у забора под навесом от дождя. Поставив сосновое полено на толстый чурбак, он с такой силой ударил по нему колуном, что тот, развалив полено, глубоко вонзился в чурбак. Он дергал за рукоятку, нажимал на нее, но колун не хотел высвободиться. Вадим Андреевич подул на ребро ладони и выругался.

— Меня воспитывалась, а сам ругался,— заметил подошедший сзади сын.

— Послушай, Дима, ты, кажется, собирался порыбачить? — сказал отец.— Даже с вечера червей накопал. Вот и лови рыбку, тем более кушать нечего.

— Знаешь, что я придумал? — наморщил загорелый лоб сын.— У меня есть новая итальянская куртка — Юрий Иванович подарил, — поедем в Великополь на рынок и поменяем ее на что-нибудь съестное? Куртка модная, за нее хорошо дадут.

— Во-первых, это подарок,— назидательно заметил отец, он с трудом сдержал улыбку, настроение явно стало подниматься.— Во-вторых, сам носи.

— Она мне мала,— сказал Дима.— А подарок или не подарок — это все предрассудки. Дядя Юра отдал и уже забыл про нее. У меня Толик Пинчук просил ее, предлагал взамен джинсы из «варенки».

— А чего же ты? — заинтересованно спросил отец. Колун он выколотил из чурбака поленом.

— Сам же говоришь, подарок все-таки... И потом, джинсы кооперативные.

— Куртку ты побереги, а мы поедем по деревенским магазинам, заглянем и в пореченский сельмаг, может, чем-нибудь разживемся, а на рыбалку — вечером, как всегда. Не забудь взять черствого хлеба для подкормки.

— Нам учительница рассказывала, что великий художник Рспин ел суп из сена и ничего мясного в рот не брал и прожил восемьдесят шесть лет. Может, и мы попробуем?

— Чего? — улыбнулся отец.— Стать вегетарианцами или прожить так долго?

— В нашей стране самая низкая продолжительность жизни среди европейских стран, и вообще, мы самые отсталые.

— Тоже учительница сказала?

— Об этом по телевидению говорят и в газетах пишут,— заметил сын.— Может, врут?

— В этом случае правду говорят.

— Правдой сыт не будешь,— сказал Дима.— Ты воп одну правду пишешь в своей газете, а стол у пас не ломится от жр... еды.

— Лучше лгать, как другие?

— Ты врать не будешь...

— Помой, правдоискатель, переднее стекло,— распорядился отец.— Там мошкары до черта налипло.

— Помнишь, ты мне обещал, что когда мои ноги дотянутся до педалей, ты начнешь меня учить ездить на машине?

— У тебя отличная память!

— Когда мы ехали к тебе, дядя Юра дал мне немного порулить по проселку,— похвастался Дима.— Километров пять я вел его иностранный драндулет. Он не жадный, даже ничего не сказал, когда я в ямину угодил, съехав с дороги. Немного помял переднее крыло у колеса. Дядя Юра ездил в Италии на «Феррари», говорит, что эта машина не хуже «Мерседеса».

— А наш «Жигулспок» уже на ладан дышит,— вздохнул Вадим Андреевич, шагая рядом с сыном к дому.— Все из-за наших проклятых дорог! И запчастей теперь не купишь.

— Хаос, развал, безвластие, чего же ты хочешь? — ломающимся баском внушительно ответил сын.— А заметь, многих людей это вполне устраивает.

«Умница,— подумал отец.— В самую точку! Развращенные гнилым социалистическим строем люди не хотят ничего налаживать, изменять. У них психология толпы, а не хозяев».

5. Флаг или тряпка?

Мать и сын сидели за продолговатым столом на кухне и пили черный кофе с овсяным печеньем. Больше на столе ничего не было. В окно лился солнечный свет, через раскрытую форточку слышались детские голоса на площадке, гулко гремели железные мусорные баки. Наверное, специальная машина грузила их на себя. Иногда переполненные баки, привлекая к себе кошек и голубей, стояли по неделе и больше. По двору были раскиданы коробки, обрывки газет, консервные банки. Все время хлопала сорванная с пружины парадная дверь, сигнальное устройство не работало. Несколько раз вызванные жильцами ремонтники пытались палатить домофон, но кто-то каждый раз ломал его и замок. На лестничных площадках было грязно, молодые люди курили на низких широких подоконниках. Вызывали милицию, когда они поднимали шум, по ничего не помогало. На дворе теплынь, солнце, а грязные, неопрятные лохматые юнцы и развязные девицы, как летучие мыши, искали темные уголки в подъездах, на чердаках, что-то пели, курили, иногда приносили с собой магнитофон и включали на полную громкость. Юрий Иванович раза три выставлял из своей парадной шумные компании, но приходили новые и все продолжалось.

— И стоило тебе возвращаться в этот содом? — говорила Вера Арсеньевна, прихлебывая из маленькой фарфоровой чашечки крепкий ароматный напиток. — Нас, русских, обокрали, мы тут живем хуже диких племен, забравшихся в джунгли.

— Ты ведь тоже вернулась, — ответил сын.

— У меня там не сложилась личная жизнь, и потом, я все-таки имею возможность хоть па время, но покидать эту чудовищную деградирующую страну. Я не верю, Юра, что тут можно что-нибудь изменить, по-видимому, наша страна благодаря мудрому руководству большевиков настолько глубоко погрязла во всех пороках, что людей, по крайней мере, наше поколение, уже не переделаешь. О политике все болтают, но никто умно политику не умеет делать. Социалистическая система оказалась настолько злокачественной, что сумела за семьдесят с лишним лет полностью переродить людей, убить в них инициативу, предприимчивость, желание разбогатеть. Обыкновенные люди, привыкшие жить в скотниках, не знают, что такое настоящая полноценная жизнь, дай им сейчас все — этого у нас никогда не бу-

дет! — так ведь не сумеют полученным распорядиться — нет культуры цивилизованно жить. Кто скажет из политиков, что снизит цены на водку, за тем тупо и пойдут... А чем сейчас занимаются порожденные перестройкой кооперативы? Спекуляцией и узаконенным грабежом населения. Пока еще можно что-то урвать у разлагающегося государства, они рвут и продают людям по спекулятивным ценам, но, Юра, они же ничего сами не производят. Потому что воровать, обманывать легче, чем что-то создавать...

Мать не первый раз заводи́ла эти утомительные для Юрия Ивановича разговоры. Он знал, куда она гнет: бросить все и уехать из СССР, у него, Юрия, сохранились связи за рубежом, его снова примут. И она, Вера Арсеньевна, беспокоится не о себе, а о нем, своем сыне. Зная языки, будучи способным журналистом, он за гроши по нынешним временам работает в маленькой и не очень популярной газете. Какой толк от того, что они пытаются раскрыть людям глаза на творящиеся в стране безобразия? Один в поле не воин. «Русскую газету» уже средства массовой информации превратили в жупел шовинизма и антисемитизма. Кто только не нападает на них! Даже политики стали нет-нет и обливаться грязью. Сделали из общества «Память» чудовище? Такая же судьба ждет и «Русскую газету». Люди верят телевидению, газетам, которые имеют огромные тиражи и массового читателя. И разве сможет маленькая «Русская газета» противостоять всей этой хорошо отлаженной машине всероссийского оглушения? Надеялись, что в РСФСР будет свое русское телевидение, печать, а кто там сейчас всем заворачивает? Что там пишут и показывают? Да российские средства массовой информации еще злобнее нападают на русских! Как и центральные органы, они все без исключения попали в руки русофобам, врагам русского народа. Да и стоило ли так самоотверженно бороться за народ, который тебя не слушает, не хочет понимать, а выбирает в Верховный Совет самых вредных своих врагов? Такое может быть только в России. Никакая другая страна не потерпела бы ничего подобного. Русские — это единственная нация в мире, позволяющая паразитировать на себе разной нечисти. Так было в семнадцатом году, точно так же все происходит и в наше время. Нечисть, захватившая власть и средства массовой информации, вручает русским лопаты и с сатанинским хохотом наблюдает, как они сами себе по их указке роют братскую могилу!..

В словах матери было много истины, но так уж устроен настоящий русский интеллигент-патриот — он будет бороться со своими врагами даже в одиночку. Боль-

шведики-комиссары это прекрасно понимали и в первую очередь уничтожали именно русских аристократов и интеллигентов-патриотов. Были и гнилые интеллигенты-западники, как и сейчас, продававшие оптом и в розницу Россию... Но как объяснить матери, что не хлебом единым жив человек? Что там, в окружающем его западном изобилии, он все время чувствовал себя чужаком. К изобилию и бытовым удобствам быстро привыкаешь, зато остается постоянное ощущение, что ты там никому не нужен, да и тебе до этих равнодушных людей нет дела. Идешь по многолюдной чистой улице, а чувствуешь себя как в лесу. Пожалуй, это неудачное сравнение: в русском лесу ты отдыхаешь, наслаждаешься, а там ощущаешь себя заблудившимся, и мысль, что выберешься из каменных джунглей и снова очутишься среди людей, не радует тебя. Так неужели из-за супермаркетов и внешнего благополучия он снова покинет Родину? Пусть она сейчас в разрухе и развале, но не может же такое вечно продолжаться? Даже муравьи довольно быстро восстанавливают свой разрушенный некогда ими муравейник. Такая огромная страна с гигантскими природными богатствами — недаром на нее рты разинули разные зарубежные коммерсанты и авантюристы, — да чтобы она не вылезла из этого дерьма? Кто завел Россию в тупик? Кто желает ей гибели, распада республик, ослабления, ее военной мощи, тот и хочет превратить в колонию, чтобы выкачать из нее все что можно, нажить миллиарды. О благосостоянии народов эти «гешефтмакеры» вроде покойного Хаммера не думают, им на народ наплевать, особенно на русский, который больше всех сопротивляется развалу государства, вот почему все средства массовой информации у нас и за рубежом травят, унижают, обвиняют во всех смертных грехах именно русских... Убить, уничтожить в гражданской войне, которую они всячески развязывают, самую большую нацию в России, а с национальными меньшинствами тогда и делать будет нечего. Эти и сами рассыплются, как сухой ком глины. Они ведь привыкли жить за счет России...

Сейчас уехать из страны — это значит предать ее сознательно в самый тяжкий, может быть, за многие века момент. Если раньше народ сам решал свою судьбу, то теперь за него все решают газеты-телевидение. Когда на тебя сжесчасно обрушивается поток тщательно продуманной хитроумной информации, попробуй разобраться, кто прав, кто виноват? Шелкоперы и обаятельно улыбающиеся дикторы популярных программ телевидения скажут тебе, что им выгодно, пальцем укажут на виноватого, а ты бастуй, выходи на митинги с плакатами, которые тоже за тебя напишут. А на трибуны вылезут

как раз те, кого печать и телевидение прославляют, называют надеждой России. Поди разберись, что эта надежда уже давно с потрохами куплена за рубежом и готова продать свой народ, лишь бы его самого похваливали, делали рекламу на весь мир... Каждый ли способен устоять перед этим? Наверное, есть истинные патриоты России, но они в тени — печать и телевидение стороной обходят их, боясь привлечь к ним внимание, разве что лишний раз обольют грязью, создадут у доверчивого народа самое неприглядное мнение о них. И на сессиях Советов им не дадут выступить, сорвут выступление или микрофон выключат, а если все же прорвется честный голос человека, болеющего за свой народ, его тут же объявят националистом, шовинистом... А печать и телевидение не преминут жирно полить такого человека грязью, у них опыт огромный, как из ничего создавать авторитеты, так и достойного человека ничего не стоит превратить в кровожадное чудовище!

— Ты посмотри, как мы живем? — продолжала мать. — Обезумевшие люди, разуверившись в правительстве, скупают в магазинах любую срунду, лишь бы деньги потратить! В продуктовых магазинах делать нечего, там, как нищим по карточкам выдают жалкие крохи...

— Мама, я все это знаю, — мягко прервал ее разглагольствования Юрий Иванович. — Да, сейчас черная полоса в жизни русского народа, но не бывает так, чтобы это продолжалось вечно. И я и Белосельский делаем все для того, чтобы мы выбрались из этого кошмара! Ты ведь читаешь нашу газету?

— Да кто теперь читает газеты? Они заврались вкопец. Сейчас газеты читают лишь те, про кого в них пишут. А толку? Теперь газеты-журналы напоминают ту самую собаку, которая лает, а ветер дует.

— И радио-телевидение тоже, — согласился сын. — Но наша-то газета правду пишет?

— Ни одна газета еще не созналась, что лжет и обманывает читателей, — заметила мать. — Да и от вашей правды жуть берет!

— Мама, я верю, что правда, справедливость, здравый смысл победят, — уверенно сказал Юрий Иванович. — Нельзя же народ бесконечно обманывать, как это делают депутаты и правительство? Терпение лопнет, а многие газеты люди перестали читать именно потому, что понимают: журналисты тянут страну к гибели, пишут то, что выгодно тем, кто им за эту ложь деньги платит. Иногда в долларах. Я слышал, «Свобода» за каждое выступление сразу на месте платит сто пятьдесят долларов, так туда рвутся все, кто попал за рубеж: артисты, писатели, члены правительства. А тех допускают к мик-

рофону с условием, чтобы каждый похулил русских и похвалил евреев. И очень довольны, если какой-нибудь выродок еще скажет, что в СССР есть антисемитизм.

— Дома политика, на работе — политика,— вздохнула Вера Арсеньевна.— Господи, когда же это кончится?

— Все когда-нибудь рано или поздно кончается...

— Глубокая мысль! — усмехнулась мать.— Ладно, хватит об этом, я вижу, тебя не переубедишь...

— И не старайся, мама,— улыбнулся он.— Я свой выбор сделал. И честно, несмотря на всю нашу скотскую нынешнюю жизнь, я все-таки счастлив! И потом, мы с голоду не умираем? По-прежнему едим три раза в день, да и на улицах я не видел трупы на тротуарах...

Вера Арсеньевна пристально посмотрела ему в глаза:

— Влюбился?

— Я хочу на ней жениться, мама,— ответил он.

— Дай хотя бы ей университет закончить,— нахмурилась мать.— Она совсем еще молоденькая.

— Зато я не молоденький,— улыбнулся сын.— Я не могу ждать. Я люблю ее, и это, наверное, навсегда. В нашем роду все однолюбы...

— Меня к однолюбам не причисляй,— помолчав, уронила мать.— Я твоего отца довольно быстро разлюбила. Он не стоил моей любви.

Тема отца была у них запретной. И Юрий Иванович удивился, что она сама затронула ее. Он своего отца никогда в жизни не видел, не знал даже, жив ли он. У отца другая семья и живет он чуть ли не в Петропавловске-Камчатском. Вроде бы связан с торговым флотом. Это все, что он знал. Мать даже не рассказывала, почему они расстались, когда ему еще не исполнилось и трех лет. От бабушки слышал, что его отец сошелся со студенткой Технологического института, где он одно время преподавал, и, бросив жену и сына, уехал с ней на край света. Алименты, и надо сказать, довольно приличные, он исправно присылал до его совершеннолетия, но якобы и попытки не сделал повидать своего сына. Этого было достаточно, чтобы мальчик с раннего детства выбросил своего отца из головы. И сделать это было нетрудно, раз он его не помнил. А Юрий принадлежал к тем детям, для которых реальны лишь те люди, которые тебя окружают. Не зная отца, он и не скучал по нему, даже как по символу, чувства обделенности или сиротства он никогда не испытывал. У него была любящая мать, умный дед-профессор и бабушка. Деда своего он очень уважал, а бабушка... К бабушке, став взрослым, относился несколько снисходительно. В отличие от деда она не обладала столь глубоким умом. С бабушкой можно было в

неделю раз общаться, но не больше. И мать не рвалась к родителям, как-то сказала, что Лилия Петровна се утомляет своей мещанской болтовней.

— Я ничего против Маши не имею,— продолжала мать.— Но будешь ли ты счастлив с ней?

— Я — да,— улыбнулся он.— Но вот она — не знаю.

— Какая скромность!

— Поверь, мама, я много лет был за границей, много повидал там разных красоток, но красивее, чем русские девушки, не встречал. Кстати, и иностранцы это отмечают. Я не имею в виду тех девиц легкого поведения, которые сейчас хлынули за границу, готовы стать проститутками, лишь бы там зацепиться. К ним и отношение как к проституткам. Русские в Неаполе были самыми дешевыми. Они обслуживали загулявших на берегу моряков самых разных национальностей. На таких иностранцы не женятся. Я часто приходил к Колизею или портретной галерее, чтобы посмотреть на русских туристов... Нет, я не заговаривал с ними, тогда еще они как черт ладана боялись эмигрантов, просто смотрел, слушал русскую речь и потом всю ночь не мог заснуть, вспоминал Ленинград, знакомых, школу, институт... Наверное, тогда и созрело мое решение вернуться.

— А где вы будете жить? — не глядя на него, проговорила мать.

— У нас же две комнаты,— удивился он.— И потом, ты часто уезжаешь с туристскими группами, не думаю, чтобы мы стеснили тебя.

— И все-таки лучше будет, если вы подыщете себе квартиру,— сказала она.— Если уж начинать семейную жизнь, то лучше жить отдельно. Я не буду возражать, если ты займешься обменом, но учти — в коммуналке я жить не собираюсь.

— О чем ты, мама? — Юрий даже изменился в лице.— Я имел в виду первое время пожить у нас, а квартиру я куплю кооперативную, да сейчас и такие вроде бы разрешают продавать. Или поменяю машину. Иномарки сейчас в большой цене. Мне и в голову не приходило стеснять тебя. И ни о каком размене и речи не может быть. Это твоя квартира.

— И все-таки я не уверена, что ты поступишь правильно,— сказала мать.— Она ведь моложе тебя на десять лет. Или больше?

— Что ты имеешь против нее? — в лоб задал он вопрос матери.

— Против Маши? Ровным счетом ничего...

— Тогда что тебя смущает? — наступал сын.

— Еще до рождения Маши от Вадима ушла жена... Вернее, сбегала с каким-то певцом...

— Какое это имеет отношение к нам с Машей?

— К вам? — отвела глаза в сторону мать. — К вам — никакого.

— Мама, ты что-то скрываешь от меня?

— Ладно, Юра, ты не зеленый юноша, и прекратим этот бесполезный разговор... Ты сделал выбор, о чем еще говорить? Прости, что я попыталась тебя сбить с толку...

— Это невозможно, мама, — усмехнулся он.

— Поступай как знаешь, — сказала она. — Я — мать, а матерям всегда жалко кому-то отдавать своих сыновей, да еще таких хороших, умных, красивых!

— Первый раз слышу от тебя такую лестную характеристику, — смехом попытался разрядить напряженную обстановку Юрий.

— А как твой дед?

— Я тебе первой сказал об этом.

— Твой дед любит Вадима, души не чает в Маше, так что ты, пожалуй, его обрадуешь, — подытожила Вера Арсеньевна.

Про Лилию Петровну она не упомянула, с мнением Юриной бабушки можно было не считаться. К старости она стала совсем бестолковой, забывчивой, и если ее что теперь и волновало, так это отсутствие в магазинах продуктов, шоколадных конфет, огромные очереди за всякой ерундой, в которых ей приходилось стоять, потому что Арсений Владимирович больше не пользовался распределителями, он уже вышел на пенсию, наконец-то получил возможность написать давно задуманную книгу о своем институте, которому отдал всю свою жизнь. Правда, теперь подобного рода документальная литература вряд ли пользовалась спросом, но его это не смущало. Хитров был убежден, что кончатся страшные времена нашего смутного времени, схлынет с прилавков дешевая детективная и порнографическая белиберда и снова люди потянутся к художественной литературе, классике, серьезным произведениям. Кстати, у читателей страны и не ослабевал интерес к настоящей литературе, но кооператоры и околоиздательские деляги навязали им разную дрянь с броскими заголовками. На художественную литературу не находилось бумаги, а на тоненькие гнусные порнографические книжонки и беспомощные авантюрные романы смутных 20-х годов издания бумага была. Государственные издательства почти полностью прекратили выпускать художественные книги большого объема, им стало невыгодно это делать, опять же из-за дороговизны бумаги, тут еще типография повысила свои ставки, от них не отставал и книготорг. Шло настоящее массированное наступление на художественную литературу. В коммерческих отделах

книжных магазинов классика и популярная литература поднялась в пять-десять раз выше номинала. Конечно, и тут подсовывались читателям малохудожественная фантастика, серые детективы, раздутые газетами и телевидением диссидентские бездарные книжонки. Причем, цены заламывались дикие. Хорошо было хоть одно: если раньше люди много слышали о том, как зажимали в СССР диссидентских литераторов, издававшихся за рубежом, то теперь они получили возможность читать у нас эти книги. И что же? В большинстве своем вся эта литература, да ее и литературой-то нельзя назвать, пожалуй, за исключением Набокова, Кузьмина, Зайцева, Солженицына, оказалась настолько беспомощной и серой, что истинные читатели только руками разводили и спешили поскорее сдать эти книжонки в магазины, пока совсем на них цена не упала.

Заканчивался «золотой век» бездарностей и в СССР. Если раньше отделения Союза писателей держали под своим контролем все издательства страны, печатая там макулатурную литературу, то теперь их дальние дружки-издатели дали серякам, а их было подавляющее большинство в Союзе писателей СССР, как говорится, от ворот поворот. Мафиозные редсоветы, где сами себя серяки проталкивали в планы, писали друг на друга восторженные внутренние рецензии, стали ненужными издательствам. Убыточную книгу директор издательства теперь опасался выпустить в свет: не купят — скандал! Но в тех издательствах, где еще царили старые порядки и которые получали лимитную бумагу, выпускали малыми тиражами дружков-серяков, покрывая убытки от них ходовой литературой. Серяки суежились, давали взятки, лезли из кожи, чтобы сбыть свою макулатуру, но это уже были судороги издыхающего дракона, некогда пожирающего миллиарды тонн бумаги, картона и выплесывающего на книжный рынок никем не читаемые книги...

Выйдя из дома, Юрий Иванович направился к станции метро «Площадь Восстания», отсюда ему нужно было на Петроградскую сторону в редакцию «Русской газеты». А в шесть он должен был встретиться с Машей Белосельской. Он вспомнил, что в мае из Америки приехал в СССР потомок князей Одоевских, тоже князь, он разыскал в Санкт-Петербурге, так называл он Ленинград, Вадима Андреевича и сообщил ему, что русское зарубежье в Америке очень интересуется выжившими в России земляками-дворянами, вот создали в СССР Дворянское собрание, в задачу которого входит розыск и учет ныне живущих здесь дворян, а род князей Белосельских-Белозерских ведет свою родословную с седой

древности. Столь же знаменит, как род князей Шереметьевых, Гагариных, Куракиных, Романовых... В «Русской газете» было опубликовано большое интервью с князем Одоевским, Вадим Андреевич, наверное, из скромности вычеркнул то место, где было сказано о Белосельских-Белозерских и не дал твердых обещаний князю, что готов вступить в Дворянское собрание. Его можно понять: все, что совсем недавно считалось диким и невозможным, начисто выкорчеванным из сознания, вдруг снова стало проявляться. Семьдесят с лишком лет государственные деятели публично гордились своим низким, пролетарским происхождением, а быть потомком старинной аристократии считалось чуть ли не преступлением, по сути дела, такие люди были вне закона, их в годы ленинско-сталинских репрессий арестовывали и без суда расстреливали как классовых врагов. А когда жизнь опровергла пустой ленинский лозунг, что государством может управлять любая домохозяйка, вдруг сыновья дворников и чернорабочих, занимающие высокие посты, заговорили о своем высокородном происхождении, стали беспардонно выдавать себя за потомков славных дворянских фамилий, вот Дворянское собрание и должно было отсеять зерно от наносной шелухи.

В Ленинграде на углу Невского проспекта и Фонтанки стоит замечательный дворец архитектора А. И. Штакенштейдера, построенный в «стиле Растрелли», там до сих пор размещается райком КПСС, а до революции дворец принадлежал князьям Белосельским-Белозерским. И Вадим Андреевич — прямой потомок этого славного рода. Ему ни разу даже не удалось побывать в доме своих предков. Он беспартийный, а в вестибюле дежурил милиционер...

Когда он сообщил Маше, что она княжеского рода, девушка рассмеялась в ответ, заявив, что ей от этого ни холодно ни жарко: отец никогда не кичился своим высокородным происхождением, дворец своих предков она видела только издали, и вообще, сейчас быть дочерью или женой кооператора-миллионера, очевидно, куда почетнее, чем бедной, официально не титулованной княгиней. Она читала в эмигрантской литературе, как после революции князья и графы работали в парижских кафе официантами и развозили на такси подвыпивших буржуев. А заявив она сейчас громко, что она потомок князей Белосельских-Белозерских, над ней только посмеялись бы. Во-первых, никто не знает, кто такие были эти князья, во-вторых, чем же тут гордиться? Чем она отличается от других? Ходит в дорогих нарядах и усыпанная бриллиантами? У них в доме нет ни одной золотой вещи, не говоря уж о бриллиантах. Добрый дедушка Ле-

нии в семнадцатом году всех быстренько уравнил, даже больше того — дворян превратил в изгоев, а грабителей и убийц в героев, чьими именами улицы названы... За годы советской власти появились новые дворяне и князья — это партийные и советские чиновники. А власти и богатства у них было побольше, чем у самых известных графов и князей бывшей Российской империи...

Подходя к монументальному зданию, где в двух небольших комнатах размещалась редакция, Юрий Иванович наткнулся на небольшую толпу с лозунгами и транспарантами: «КПСС, убирайся из захваченных тобой дворцов и зданий!», «Долой КПСС — позор нашего века!», «Нам не пужны райкомы — нам пужны товары и продукты!». Мелькали перечеркнутые черным и красным сытые круглолицие портреты лидеров партии и государства. В основном на демонстрацию к зданию райкома вышла молодежь, пожилые люди, скорее всего пенсионеры, стояли в сторонке на тротуарах и неодобрительно смотрели на митингующих. У них плакатов не было.

Привлекла внимание Хитрова еще одна картина: по пожарной лестнице на куполообразную крышу взбирался молодой человек в тенниске и джинсах, русые волосы его светились над головой, как нимб. Он вскарабкался по пожарной лестнице на железную зеленую крышу и пополз, цепляясь за выступы, к куполу, над которым развевался красный флаг с серпом и молотом. Попробовал выдернуть древко, но у него ничего не получилось — оно держалось в патроне крепко, тогда ухватил край кровавого полотнища и с треском надвое разорвал его. По этой же лестнице неторопливо лез на крышу милиционер с серой форме, с портупеей и кобурой на боку. Снизу, задрав голову, что-то командовал ему человек в сером костюме, с суровым начальственным лицом. Тем временем молодой человек содрал и красные лохмотья, скомкал и швырнул вниз. Милиционер, не поднимаясь на крышу, что-то крикнул парню, тот рассмеялся и направился к лестнице. Так мирно они спустились: первым милиционер, который был примерно такого же возраста, вторым — парень в джинсах и сине-белых кроссовках.

Может, и из дворца на углу Невского и Фонтанки вот так же будут выкуривать партократов? — подумал Юрий Иванович. Термин «партократы», как и «партолигархия» капитально вошел в обиход средств массовой информации. Очевидно, партчиновники, сидевшие тихо, как мыши, в захваченных после переворота в семнадцатом дворцах и особняках, чувствовали себя не очень-то уютно. Все больше людей начинали видеть в большевиках

корень всех всенародных несчастий в стране. Он больше задерживаться не стал и прошёл в здание. К нему было метнулись двое в штатском, но, по-видимому, узнав, что он здесь работает, беспрепятственно пропустили. Юрий Иванович не удержался и сказал:

— Беспокоят безработные?

Плечистый щекастый мужчина в сером костюме, но без галстука, окинул его неприязненным взглядом и проворчал:

— Откуда я знаю: безработные они или хулиганы?

— Ясно, бездельники,— откликнулся из пустующего гардероба в просторном вестибюле седой коренастый мужчина — типичный пенсионер из военных.— Нет на них крепкой руки! Раньше бы такого безобразия на улице не допустили.

— Вы имете в виду времена Лаврентия Павловича Берии? — на ходу спросил Юрий Иванович.

— Власти у нас нет, вот в чем беда,— угрюмо уронил швейцар.— Одни временщики... Где это видано, чтобы главу государства мазали на портрете по личности красной и черной краской? И обзывали нехорошими словами?

— Красный флаг с серпом и молотом сбросили со здания,— обернулся к нему Хитров. В него тоже будто бес вселился, знал ведь, что старик не разделяет его взглядов, а вот не остановиться!

— Эту красную тряпку? — ошарашил его тот.— Нужен, мил-человек, расейский флаг, без этого серпа и молота. Этими инструментами столько людей погубили!

— Я с вами согласен,— улыбнулся Юрий Иванович и зашагал по длинному коридору к своей двери. Если у старика-швейцара еще и было негодование и осуждение, то этого Юрий Иванович не заметил ни у толпы с плакатами, ни у парня, сорвавшего флаг, ни у молодого милиционера, равнодушно сгонявшего его с крыши. Какая-то всеобщая апатия, именно равнодушие, будто все по какой-то обязанности пришли сюда и играют здесь в демократию, демонстрируют свое право на митинги и забастовки. Или советские люди не привыкли к подобному выражению своих чувств, своего возмущения, или им просто все надоело и от нечего делать они идут туда, где ожидается какая-то заварушка? Безработных-то в городах становится все больше. А скорее всего, поддаются на призывы и уговоры разных мелких политиканов-негодяев, которые руками толпы стремятся вызвать в Питере беспорядки и скандалы. Тем же вечером обязательно покажут в «Телефакте» или в «600 секундах» это сборище, а может, и во «Времени». Те, кто организует демонстрации и митинги, называя их стихийными, на

самом деле заранее все тщательно готовят и сообщают телескорреспондентам. «Суэта сует, все одна суэта...» — подумал Хитров, открывая дверь в редакцию.

7. Объяснение

Будто на крыльях летел к университету Юрий Иванович. Он широко шагал по набережной мимо Летнего сада, Зимнего дворца. Хитров окончательно решил, что больше тянуть нечего, сегодня он сделает по русскому обычаю предложение Маше Белосельской. Интересно, а куда подевалась вторая половина ее фамилии: Белозерская? Потомственная княгиня будет его женой... Впрочем, дед его Арсений Владимирович тоже выходец из дворян. Тучи линкорами наползали на Стрелку Васильевского острова со стороны Финского залива. Над головой торопливо бежали серые ключья предгрозовых облаков. Вдалеке в сгустившейся сини посверкивали молнии, но грома не было слышно. Нева потемнела, появились белые гребешки на мелких волнах. Речной трамвай нырнул под Дворцовый мост и долго не появлялся с другой стороны, наконец величаво выплыл и, плавно поворачивая к причалу, стал совсем сбавлять ход. Налетел порывистый влажный ветер, он игриво заворачивал подолы платьев и юбок у женщин, гнал по асфальту окурки и конфетные обертки, подхватил парящую над мостом огромную белую чайку и лихо зашвырнул еще выше, к самым облакам. На Ростральных колоннах, облитых багровым отблеском прячущегося в сгущавшихся облаках солнца, не видно пылающих факелов. Может, их ветер погасил? Поглядывая на грозно темнеющее небо, прохожие торопливо спешили перейти через мост, здесь особенно вольно разгулялся ветер, он свистел в переплестях фигурной чугунной решетки, раскачивал троллейбусные провода, набрасывался на прически мужчин и женщин, залепляя им глаза волосами. И лишь один Нептун с трезубцем все так же величественно сидел на своем троне под Ростральной колонной и равнодушно смотрел на разгуливающуюся стихию. Все это нараставшее буйство ветра и воды и было привычной стихией морского божества.

Маша, в отличие от многих современных девушек, была на удивление точна и пунктуальна: раз договорились на шесть вечера — значит, она и выйдет из высоких дубовых дверей университета ровно в шесть. Дождя еще не было, но уже половина неба была плотно закрыта синими тучами, а вторая половина еще освещалась багровыми лучами невидимого с земли солнца. Туча на-

двигалась все ближе, пожирала убегающие от нее облака, набухала, темнела, явно готовясь разродиться ураганным ливнем. Уже накатывались глухие раскаты грома, все ярче блистали зеленоватые молнии, чаще всего они разили своими огненными стрелами вздувшуюся, неспокойную Неву. Стального цвета буксир, качаясь на расходящихся между каменными берегами волнах, спешил в гавань. На мачте трепетал белый с синей полосой флаг, на палубе никого не видно, поблескивавшее окно рубки было мокрым — буксир тоже убежал от дождя и бури.

Маша появилась на гранитных ступеньках здания филфака, когда Юрия Ивановича клюнули в голову и лицо первые увесистые капли теплого летнего дождя. Он помахал ей рукой, мол, стой на месте, я сейчас подойду — он стоял на противоположной стороне у парапета, чтобы лучше увидеть выходящую из дверей девушку, но Маша, оглянувшись вокруг, перебежала дорогу перед причаливающим к остановке желтым троллейбусом.

— Сейчас дождь ударит, — сказал Юрий Иванович и, взяв ее за руку, поспешил к остановке. Они вскочили в салон, когда двери уже начали сдвигаться. Лишь только троллейбус отвалил от остановки, как в гулкую железную крышу забарабанили капли. Огромные «дворники» не успевали со стекла смахивать дождь. Неожиданно весь салон осветился голубоватым сиянием, и в тот же миг будто здание обрушилось на крышу троллейбуса — это грянул раскатыстый гром. С Дворцовой площади к выстроившимся рядами у Главного штаба интуристовским автобусом бежали гости Ленинграда. На груди мужчин болтались фотоаппараты, женщины прикрывали головы сумками и разноцветными полиэтиленовыми пакетами. Весело плясали на булыжной мостовой белые фонтанчики. Александровская колонна с крылатым ангелом розово светилась, вспышки молнии озаряли крест в руках ангела зеленоватым сиянием. На крыше Зимнего дворца будто ожили обнаженные скульптуры: они, казалось, задвигались, завертели головами, представляли руки дождю. Ветвистая молния ослепительно полыхнула в окна троллейбуса, осветив лица прохожих зеленоватым светом. Глаза Маши были широко распахнуты, в них при каждой вспышке будто загорались маленькие зеленые лампочки.

Теплый июньский дождь завладел всем городом. Чем реже сверкали молнии и гремел гром, тем сильнее хлестал дождь в крышу троллейбуса. Маша стояла рядом с Юрием у широкого, залитого дождем заднего окна, на губах ее играла задумчивая улыбка. Она была в синей курточке, вельветовых джинсах и кроссовках — типич-

ная одежда молодых людей в Питере. Коричневая кожаная сумка на длинном ремне висела на плече, золотистые волосы, прихваченные дождем, завивались на висках в тугие колечки и подрагивали при каждом колебании троллейбуса. На остановке набилось в него много народу, их прижали к металлическому поручню; оберегая девушку от напавших на них мокрых пассажиров, Юрий загородил ее спиной. Синие глаза девушки в упор смотрели на него, возле ее небольшого, чуть вздернутого носа проступило несколько рыжих веснушек. Раньше он их не замечал.

— Посмотри, дождь прогнал всех прохожих с улиц,— сказала Маша.

— Не всех,— улыбнулся он, кивнув на длинную очередь на Невском проспекте. По-видимому, продавали что-то из дефицита, раз люди мужественно мокли под дождем, не желая терять своей очереди. Лица мрачные, рубашки и платья облепили тела, у некоторых женщин на головы надеты полиэтиленовые пакеты. У стены с широкими окнами жались уличные оркестранты, поставленные на тротуар медные трубы блестели.

— Ну, как экзамен? — вспомнил он.— Сдала? И, конечно, на пятерку?

— При нынешнем чудовищном подорожании на все нам теперь ставят не пятерки, а десятки...— пошутила она.

Он мог бы и не спрашивать, Маша хотя и не была отличницей, но к экзаменам готовилась добросовестно и сдавала их на 4 и 5.

— К тебе или ко мне? — спросил Юрий Иванович, когда троллейбус перевалил Аничков мост. Фонтанка, казалось, кипела от дождя, мокрые кладтовские кони будто хотели взлететь в серое низкое небо, а бронзовые юноши с трудом удерживали их.

— Я приглашаю вас, граф, во дворец Белосельских-Белозерских, — с улыбкой произнесла девушка, показав глазами на проплывающий за окном фасад знаменитого дворца с лепкой и кариатидами.— Можете въехать туда на коне...

На эту мысль, очевидно, навели ее кони на Аничковом мосту. Юрий Иванович только что собрался ответить шуткой, как заметил проворную руку, копошащуюся в раскрытой сумочке молодой женщины, прижатой к нему другими пассажирами. Он не верил своим глазам, сколько ездил на общественном транспорте, слышал про воров-карманников, но вот впервые увидел одного из них за работой. Вполне приличный молодой человек с улыбчивым и даже интеллигентным лицом смотрел по-

верх плеча ничего не подозревающей хозяйки сумки в окно, а рука его тем временем вытаскивала из сумочки кошелек и косметичку.

— Вот, оказывается, как это делается? — не скрывая изумления, негромко произнес Юрий Иванович и железной хваткой зажал руку молодого человека чуть выше запястья. — Вас обокрали, гражданка...

Пассажиры зашевелились в душном салоне, завертели головами, парень разжал пальцы и кошелек с косметичкой бесшумно упали на пол. Он попытался и руку вырвать, но не тут-то было. Женщина ахнула и стала рыться в сумочке, кто-то сказал, что надо на остановке позвать милиционера, теперь на улицах чаще, чем раньше, можно было их встретить. После того как повысили зарплату и приняли закон о милиции, постовые и участковые снова появились на оживленных улицах города.

— Пусти, фраер! — прошипел парень, злобно поглядев на Юрия Ивановича. — Хочешь перо в бок?

— Да ты блатной, воришка! — заметил Хитров.

Он еще сильнее стиснул руку парня и чуть повернул в сторону, тот весь скривился от боли:

— Ну чего привязался? — вдруг звонко закричал парень на весь троллейбус. — Тут такая теснотища, меня прижали к этой гражданке, я даже не видел, что сумочка раскрыта...

Троллейбус остановился, Юрий Иванович, не выпуская руку парня, задом выбрался из салона. Дождь еще шел, но уже не такой ливневый, как прежде. Упирающегося парня он вытащил вслед за собой, выбралась наружу и женщина, подобравшая с пола кошелек и растрепанную косметичку.

— Ах, ворюга! — наступала она на парня. — Сволочь, он еще сбоку мою кожаную сумку разрезал, посмотрите?

Юрий Иванович вертел головой, но нигде милиционеров не было видно, да и кто в грозу будет на улице торчать? Маша молчала и смотрела то на Юрия, то на парня.

— Я сбегаю за милиционером, — пообещала женщина и, действительно, вскоре после того как отошел троллейбус привела двух молодых прихваченных дождем милиционеров с рацией и мокрыми резиновыми дубинками. Один из них негромко переговорил по рации и сказал, что сейчас подойдет «воронок» и все проедут в Куйбышевское управление милиции. Вор, видно, смирился и с рассеянным видом смотрел на снова появившихся на Невском проспекте прохожих. Его крепко держал за руку один из милиционеров. Интересно, почему у наших блюстителей порядка нет наручников? Тоже — дефицит?

— У нас свои дела,— сказал милиционеру Юрий Иванович.— Я вам дам свой адрес, телефон, а когда понадоблюсь — пригласите.

— Лучше бы с нами... Это же рядом,— сказал сержант.— Вон и наша ПМГ идет.

Делать было нечего и пришлось ехать в управление. Там их держали недолго, Юрий Иванович подписал протокол и они с Машей ушли. Женщина осталась. Она больше всего переживала за порезанную сумку, которая ей обошлась в пятьсот рублей... Уже выйдя на Садовую к Пушкинскому театру, Юрий Иванович вспомнил, что пострадавшая даже не поблагодарила его. Она и в дежурке кричала и готова была жулику вцепиться в глаза. Вор знал, куда лезть — в кошельке было две тысячи рублей, в милиции сказали, что жулье специально выслеживает людей, получающих деньги в сберкассах, в комиссиях и следует за ними, выжидая удобный момент для грабежа.

— За границей ты тоже ловил воров? — спросила Маша. На нее вся эта история произвела удручающее впечатление. Воровство всегда отвратительно, как и грабеж, убийство.

— Там, наверно, профессионалы чище работают,— ответил он. — А хулиганье, в основном, молокососы, грабят по ночам в парках и метро.

— Глядя на него, никогда не подумала бы, что он вор,— заметила девушка.

— Внешность всегда обманчива...

— Очень глубокая мысль! — подковырнула девушка. Юрий Иванович уже давно заметил, что Маша никому не прощает банальностей. Уже несколько раз подлавливала его. Он — журналист, а газетная работа, когда каждый день нужно писать, предрасполагает к штампам и избитым сентенциям.

— Зайдем в кафе-мороженое? — предложил Юрий Иванович, решив, что для серьезного разговора все-таки лучше несколько иная обстановка, чем привычная домашняя.

— Ты что-то хочешь мне сказать? — пытливо заглянула ему в глаза девушка.— Какой-то ты сегодня странный, Юра.

— Дождь кончился,— улыбнулся он.— Смысл с улиц пыль и грязь, а вот человеческую нечисть никаким дождем не смоешь!

— Уже лучше, но тоже сравнение не первый сорт,— усмехнулась она.

— Ты все время будешь меня подковыривать?

— Я ведь будущий филолог, дорогой...

Если на Стрелке Васильевского острова открывался вид на разгуливающую Неву, тучи над нею, небо и облака, то на Невском лишь небольшая полоска серого, с зеленоватыми разрывами в облаках, неба просматривалась — все загораживали крыши многоэтажных зданий. Воздух, еще не успевший пропитаться гарью, непривычно был чистым и свежим, из водосточных труб выплескивалась с журчанием серебристая вода, зеркально сверкали вымытые дождем стекла витрин, с каждой минутой становилось светлее. Уже не туча гигантской баржой проплывала над городом, а пышные кучевые облака, рожденные громом и молнией... Добродушно погрохатывало, иногда отблеск далеких молний все еще озарял окна и крыши мокрых зданий.

В кафе было много народу, мороженое подавали на тарелках с сиропом, можно было взять коктейль в высоких бокалах с соломинами. Вскоре они оказались вдвоем за небольшим круглым столом со скатертью, накрытой полиэтиленовой пленкой. На полке играл кассетный магнитофон, тонкий голос Майкла Джексона становился все пронзительнее, набирал силу. Юрий Иванович представил его в триллере, с горящими янтарными глазами, где он поет и виртуозно отшвысывает с поднявшимися в лохмотьях из могил зеленолицыми ожившими покойниками-зомби.

— Я догадываюсь, что ты хочешь мне сказать, — черпая ложечкой растаявшее мороженое, произнесла Маша.

— И что же ты мне, великий психолог, ответишь? — спросил он.

— Нет, дорогой, делай уж предложение по всем правилам, — улыбнулась она. Волосы ее просохли и еще больше распушились, в ушах посверкивали золотые сережки. Она сняла куртку и была в белой футболке, вызывающе обтягивающей ее маленькую круглую грудь. Синие глаза избегали его взгляда, что было несвойственно ей, и это пастораживало.

— Я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой, — сказал он. Официантка из-за никелированного кофейного агрегата «Эспresso» бросила в их сторону любопытный взгляд и приглушила музыку.

— Девушка, мы без ума от Майкла Джексона, нельзя ли погромче? — обернулся к ней Юрий Иванович.

Официантка молча прибавила звук.

— Я тоже тебя люблю, Юра, — помолчав, ответила Маша. — Но замуж за тебя не выйду.

Он подумал, что ослышался. Опустив ложечку в белую с красным массу мороженого, он ошарашенно

смотрел на нее. На этот раз ее большие выразительные глаза, опущенные длинными черными ресницами, смотрели прямо ему в зрачки.

— Мне встать на колени? Или ехать в Богородицкую к твоим родителям и смиренно просить твоей руки?

— Я должна закончить университет,— сказала она.

— Но какое это...

— Я и так твоя жена,— прервала она.— Тебе этого мало?

— Я, наверное, не очень современный товарищ... Я хочу иметь свой дом, жену, детей, которых мы вместе будем воспитывать. И еще я хочу, чтобы моя жена не работала, как это было в России и сейчас принято в цивилизованных странах.

— Но что же делать, если у нас не цивилизованная страна?

— И только в этом причина?

Она рассеянно ковыряла в тарелке мороженое, иногда быстро взглядывала на него и снова опускала глаза. На высоком белом лбу с колечками золотистых волос обозначилась неглубокая поперечная складка.

— Нет, есть еще кое-что,— помедлив, произнесла она.— В порядке обмена студентами меня осенью посылают с группой ребят с нашего курса в США.

— Это же замечательно! — воскликнул он.— Когда я учился, мы не могли и мечтать об этом. По обмену ездили в капстраны только дети высокого начальства.

— На год, Юра,— сказала она.— На целый год! Я там буду учиться.

— Как же они тебя послали...— озадаченно проговорил он.— Да еще на год! За это же надо платить валютой.

— Университет не заплатит ни доллара: все расходы берет на себя Дворянское собрание... Или как там называется эта организация, в которую входят русские эмигранты? Помнишь, к нам приезжал из США князь Одоевский? Папа брал у него еще интервью?

— Вот кто нас с тобой хочет разлучить...— без улыбки произнес он.— Я уже жалею, что ты девочка княжеского рода...

— Ты — эгоист, Юра! — горячо заговорила она.— Сам почти десять лет прожил за границей, объездил всю Европу, был в Японии, США, а я? Даже ни в одной социалистической стране не была! А тут такая возможность!

— Я рад за тебя, Маша,— мягко заметил он.— Но почему бы тебе быть не Белосельской-Белозерской в Штатах, а мадам Хитровой? Это тоже известная фамилия. Деду моему наплевать, а мать гордится, что мы из дворян.

— Юра, при чем здесь фамилия? Мы целый год будем вдали друг от друга...

— Нас будет разделять гигантский океан,— в тон ей прибавил он.— Туда даже не дозволится простым смертным, лишь президенты разговаривают по телефону. Минута — сто долларов... Или больше?

— Я вижу, ты уже смирился,— с поткой разочарования заметила она.

— А что мне остается делать, княгиня?

— Не называй меня так...

— Князь Одоевский подыщет тебе там сиятельного жениха...

— Юра, я ведь рассержусь!

— Никуда я тебя не пущу! — вырвалось у него.

— Сегодня вторник, в пятницу последний экзамен по специальности, а в субботу я должна выехать в Богородицкую... с тобой, да?

— Ну уж дудки! — возмутился он.— Мы поедем на моей «бээмвэшке» совсем в другую сторону. Я тоже беру отпуск у твоего отца и мы будем месяц-полтора путешествовать по стране...

— По стране,— усмехнулась она.— По какой стране? Кругом теперь таможи, проверки на границах республик, вон пишут, что бандиты грабят и убивают автомобилистов на дорогах. Продукты по карточкам и спискам в провинции, да мы с тобой, милый, с голоду умрем! Вот из какой страны я уезжаю в американский рай.

— Ладно, мы поедем на Псковщину, найдем красивое глухое озеро и будем там жить на подножном корму. Я возьму ружье и удочки...

— И ты способен убивать бедных зверюшек?

— Рыбу-то ты разрешишь мне ловить?

— Надо где-то добывать консервы, сушить сухари,— не слушая его, говорила она.— Теперь и хлеба-то не везде свободно купишь.

— А я где-то читал, мол, с милым рай и в шалаше,— вставил он.

— Но и в раю что-то надо есть-пить! А в городе даже минеральной воды не купишь.

— Даже не подозревал, что ты такая хозяйственная! — подивился он.

— Жизнь заставила, дорогой,— улыбнулась она.

Юрий Иванович уж был рад и тому, что они с Машей проведут месяц вместе. И хотя он бодрился и сделал вид, что ее отказ выйти за него замуж будто бы и не задел его, это было не так: он был ошеломлен, расстроен и еще не знал, что пужно будет предпринять. Конечно, он не собирался ее отговаривать от поездки в Америку, такое счастье выпадает, может, всего раз в жизни, но быть вдали от нее целый год... Об этом даже думать не хоте-

лось. Сейчас июнь, до осени еще далеко, впереди у них месяц-полтора кочевой, туристской жизни, а там будет время на досуге все обдумать и решить...

— Я смотрю, ты не очень-то расстроен,— подозрительно посмотрела на него Маша.— Я думала, ты будешь отговаривать...

— Все еще впереди,— усмехнулся он. И подумал, что жизнь столь изменчива в наше время, до осени всякое еще может произойти...

— Конечно, мне будет очень недоставать тебя,— мечтательно произнесла она.— Но ведь это Америка! Страна чудес! Даже не верится, что я увижу Нью-Йорк, Вашингтон, Голливуд!

— Ну а пока я тебе предлагаю сейчас на машине в Комарово или Зеленогорск и выкупаться в Финском заливе,— подзавав официантку, сказал он.— Это то, что возможно сейчас осуществить.

— Я поняла... До осени наши президенты разругаются с Америкой и меня никто не выпустит отсюда,— сказала сообразительная девушка.

— Упаси Бог! — построил он испуганную физиономию.— Америка с нами ссориться не будет — ей не выгодно. Она и без атомной войны нас завоевала...

— А ты не боишься, что я там встречу симпатичного янки и выйду за него замуж? — выйдя на сверкающий в лучах солнца Невский проспект, сказала она.— Наши девочки, что поедут со мной, уже строят планы на этот счет.

— Мне нужно бояться? — усмехнулся он, а про себя подумал: «Вот она женская логика: сначала боялась меня ранить этим известием, а теперь недовольна, что я не рву на себе волосы и не посыпаю голову пеплом!»

8. Как добыть огонь?

Я не смог нигде достать газу,— поставив машину на место, сообщил жене Вадим Андреевич.— И бензин на нуле. У колонки на шоссе — очередь на километр, и за две машины передо мной бензин кончился. И неизвестно, когда будет.

— А у меня спички кончились,— обрадовала Лина Вениаминовна. — Хотела плитку разжечь, а коробок пустой.

— Огонь будет,— сказал Дима и показал черную с ручкой лупу, которой отец пользовался, читая мелкий печатный шрифт.— Нужно, чтобы солнце было.

Но солнца не было, небо затянули серые облака, они низко стелились над озером, по которому бежали волны с белыми гребешками пены. Да и ветер дул северный, раскачивал ветки яблонь, шуршал в грядках с клубникой.

— Пойду у соседей стрелъну,— сказал Вадим Андреевич.

— Какие спички, родимый,— замахала руками соседка, у которой покупали молоко.— Ни соли, ни мыла, ни спичек и в помине нет! Да и с хлебом стало хуже. Раньше брала по десять—двадцать буханок — у меня же скотина, куры, а теперича и пять у продавщицы не выпросишь.

— А как же Осип Иванович, он ведь сигарку изо рта не вынимает?

— У Осипа завсегда с собой огонек...— раздвинула обветренные губы в улыбке пожилая женщина в ватнике и резиновых сапогах. — Он на берегу лодку конопатит.

Коренастый, с морщинистым розовым лицом, Осип Иванович Колобашкин согнулся над перевернутой кверху килем плоскодонкой. В одной руке у него пакля, в другой длинный пож. Во рту — самокрутка. Пахло расплавленным варом, гревшимся в высокой жестяной банке на небольшом костерке. На дощатые сходни накатывали волны, слышался негромкий плеск. Из камышей на плес выплыли четыре утки Вадима Андреевича и вылезли возле людей на берег. Вслед за селезнем косолапо поковыляли к навозной куче, где уже ковырялись соседские куры.

— Коли на рыбалку, так не советую,— увидев Вадима Андреевича, сказал он густым прокуренным голосом.— Волна гуляет, да и рыба в перемесу погоды не клюет.

— Как вы, Осип Иванович, огонек добываете? — спросил Вадим Андреевич, присаживаясь на чурбак. Их тут несколько штук стояло на берегу. Вокруг — серебристая рыба чешуя, на мелководье, зацепившись за водоросли, колышутся рыбы потроха. Видно, за ночь не успели раки съесть.

— По старинному дедовскому обычаю,— усмехнулся Осип Иванович. У него чисто выбритое лицо, серые небольшие глаза. Крепкий еще мужик, хотя уже несколько лет на пенсии. Он воткнул нож в днище лодки, присел на нее, вытащил из кармана два серых кремня, белый веревочный трут. Ловко несколько раз ударил кремнями, брызнули красные искры, и трут задымился. Раздув его, он поднес к нему клочок бумаги, из которой скручивал самокрутки, и та вспыхнула.

— Вот и вся педолга.

— Как говорил мой дедушка: «Голь на выдумки хитра!» — улыбнулся Вадим Андреевич.— Надо и мне завести такой аппарат.

— Только трут пайди веревочный, капроновая веревка не горит, а плавится,— посоветовал Осип Иванович.— Хошь, я дам?

— У нас есть бельевая,— вспомнил Вадим Андреевич.— А кремни где взять?

Осип Иванович поднялся с лодки, отправился вдоль берега, заросшего ивняком и лозой. На краю поля, подступившего к озеру, нагнулся и подобрал несколько камней, каждый внимательно осмотрел.

— Молотком расколоти дома, выбери пару поострее и покрепче и действуй,— вернувшись, объяснил он.— Без спичек проживем, а вот как бы с хлебушком катавасии не получилось, а?

— В войну и то выдавали по карточкам,— сказал Вадим Андреевич, вертя в руках камни.— Не будет хлеба — значит, голод.

— Мать твою! — сплюнул Осип Иванович.— Сволочи, довели страну! Глотки дерут депутаты на сессиях, а толку? Все хуже и хуже людям. Ну не могут управлять, так ушли бы, антихристы, так нет: вцепились руками и зубами в сладкий пирог и ничем их оттуда не отцепишь! Я хоть царя-батюшку и не захватил, а отец мой и дед говорили, что при см люди хорошо, зажиточно жили, да вот пришли большевики, взбаламутили народ, да и не народ вовсе, а шпану всякую, ворье, босяков — и устроили вселенский грабеж всей Руси-матушки! — он покосился на Белосельского.— Ты, небось, коммунист?

— Беспартийный,— улыбнулся Вадим Андреевич.— И отец мой был беспартийным.

— Тсперича коммунистом и быть-то совестно,— сворачивая новую сигарку, продолжал Осип Иванович.— Растолковали хоть людям, что принесла им партия за семьдесят лет своего владычества. Я всех коммунистов не обвиняю, многие ведь не знали, что такое эта партия? Вступали и честно служили ей. А жировали те, кто повыше, секретари и министры, а наши деревенские большевики — такая же голытьба, как и все мы тут... Вот скажи ты мне, Андреич, как так можно было хозяйствовать в стране, ежели нет частной собственности? Да рази бы какой мужик допустил такое, что было в прошлом году? Урожай редкостный, а половину его сгноили! И опять за бешеную валюту покупают у мериканца. Да мужик-крестьянин со своего собственного поля и зернышка не теряет, а тут миллионы тонн коту под хвост! Вот что твои большевики-коммунисты сделали: убили у крестьянина любовь к работе. Колхоз-совхоз — это чужое! А своего нетути, наши огородники — это курам насмех! И то урожаи что зерна, что картошки в десять раз больше снимаем, чем в государственных колхозах-совхозах.

— Большевики-коммунисты моих родителей расстреляли,— помрачнев, проговорил Вадим Андреевич.— И ни за что, просто так.

— Слышал про такос, да и сам многое повидал,— вздохнул Осип Иванович.— Убить не убили, а лагерей отхватил. Семь лет как одну копейку отбухал в Карелии, под Петрозаводском.

— Есть ли в России хотя бы одна семья, которая не пострадала от большевиков? — вертя кремни в руках, уронил Белосельский.

— Энти гады наверху, что команды давали,— сказал старик.— Кое-кто и сейчас в довольстве свой век доживает в дворцах-дачах...

Прибежал Дима, блеснул глазами на Осипа Ивановича, выпалил:

— Письмо от Машки: она не придет сюда. Усхала с дядей Юрой в Печоры, а потом на Псковское озеро. К нам заедут через месяц. Я написал ей, чтобы привезла мне шурупы, коробку с разными деталями, я нашел в сарае старый велосипед, его можно отремонтировать...

Лицо у сына было расстроенное, он хоть и не признавался, но скучал без сестры, приятелей у него здесь нет, Толик Пинчук обещал, однако тоже не торопится сюда приехать, вот и заскучал паренек.

— А еще что пишет? — спросил отец.

— Мама тоже расстроилась,— сказал Дима.— Думала, хоть каких продуктов нам привезет, даже спичек нет.

— Спасибо, Осип Иванович, за науку,— поблагодарил соседа Вадим Андреевич. И повернулся к сыну: — Ну пошли, изобретатель, огонь из камней добывать!

— Из камней? — недоверчиво посмотрел на него сын.— Из камней даже слезу не выжмешь!

— Андреич, а чего бы тебе кур, кролей, пару поросят не завести? — сказал им вслед сосед.— Мы испокон веку обходимся тут своим натуральным хозяйством. В сельпо берем хлеб, мыло, соль, спички... А спекулянтское мясо да колбаса нам, пенсионерам, не по карману.

— Тогда, Осип Иванович, нужно из города уезжать и тут навсегда поселяться...

— Совсем? — недоверчиво хмыкнул сын.— Вообще-то... можно. Тогда и корову нужно заводить.

— Оно к этому и идет,— продолжал сосед.— Завтра фабрики закроются, пишут, безработных уже полно. Куда ж людям деваться? Вот скоро и повалят в деревню, земля-то всех прокормит, да и соскучилась по хозяйским рукам.

«Надо бы об этом написать в нашу газету,— подумал Вадим Андреевич.— Раньше бежали из деревни в город, а теперь, судя по всему, все будет наоборот...» А вслух сказал:

— И я так думаю. Бездельников скопилось в городе пруд пруди.

— Оттого такое там и творится: грабежи, воровство, убийства,— поддакнул Осип Иванович.— В деревнях люди добрее, чем в городе.

— Я ничего не понимаю,— сказала Липа Вениаминовна, когда они вернулись домой.— Маша должна была в субботу приехать сюда, а вместо этого отправилась с Юрием в Печоры. Могли бы сначала к нам заехать? — она спустила со лба поднятые очки и взглянула на письмо.— Пишет, что в конце августа уезжает на год учиться в Америку, ее направляют от университета и какого-то Дворянского общества. Уж не тот ли симпатичный князь Одоевский из США, что у нас был, все это ей устроил?

— Я рад за Машу,— сказал Вадим Андреевич.— Выучит английский язык. Ей в самый раз мир повидать.

— А свадьба?

— Ну это они без нас решат...

— Она пишет, что замуж не собирается...

— Дай, я почитаю, — протянул он руку.

— Везет же людям! — завистливо вздохнул Дима.— Кто-то полетит в Америку с небоскребами, а кто-то останется здесь высекать в двадцатом веке огонь из кремня при помощи фитиля.

— Какой еще фитиль? — бросила на него недоуменный взгляд расстроенная мать.

— Помнишь, в кино: веревочный фитиль горит, потом взрывается ящик с номером очередного киножурнала и получается критика и огонь! — пояснил Дима.

— А нельзя нам вместе с ней уехать в Америку? — вздохнула Липа Вениаминовна.— Ей-богу, дорогой, мы тут скоро ноги протянем. Кто-то в нашем правительстве задался целью лишить людей самых необходимых товаров и окончательно уморить с голоду.

— Я знаю кто: чертовы демократы! — солидно заметил Дима.— Дорвались до власти, а сами ничего не могут. Правда, себе все гребут лопатой... Нам нужна крепкая рука, новый Сталин или царь типа Ивана Грозного.

— Где это ты таких идей набрался? — удивился отец.

— Народ говорит,— пустив петуха, пробасил сын.— А глас народа — это глас истины.

— Народ чиркает кремнями, раздувает фитили и курит вонючий самосад,— невольно бросив взгляд в сторону озера, сказал Вадим Андреевич.

— Русский долго ждет, но больно бьет,— прибавил сын.— Сколько же можно над людьми издеваться? Это тоже я слышал от народа.

— Где ты тут видел народ? — покачала головой мать. — Старики-старухи и приезжие пьяницы, что палят костры, браконьерничая на озерах и в лесах. Чего доброго, пожар устроят.

— У нас на чердаке валяется огнетушитель, — заметил Дима.

Вадим Андреевич прочел письмо, опустил руку с белым, исписанным шариковой ручкой листом, на губах его появилась улыбка.

— Князь Одоевский-то каков, а? Я думал, он, как и наши болтуны, ничего, кроме трепотни, не может, а он тут, оказывается, развил бурную деятельность! Дворянское собрание действует, Маша пишет, что звонили из Москвы, приглашали меня туда. А что я знаю про своих предков? Только из энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Отец — чистых кровей князь, а моя мать — псковская дворянка. Кто же я тогда? Смешно, но я как-то пикогда не задумывался об этом. Наоборот, меня учили скрывать мое аристократическое происхождение. Наверное, поэтому и фамилия наша укоротилась. Отец знал три иностранных языка, а я ни одного. Его воспитывали гувернантки, он учился в Пажеском корпусе, потом в Политехническом, а я? Работал шофером и заканчивал заочно школу и институт. Дворянское собрание... И звучит как-то странно! Анахронизм. Какие бы перемены нас ни ждали, но возврата к старому не произойдет. Сколько князей и дворян наскребут в советской России? Их ведь десятилетиями выкорчевывали, уничтожали, преследовали. Если кто и выжил, так ничего от него дворянского не осталось. Это там, за рубежом, русские аристократы объединились, создали свои общины, поселения, но и они уже ассимилировались. Помнишь, князь Одоевский жаловался, что потомки русских известных дворянских фамилий забыли родной язык, имеют самое отдаленное представление о своей Родине. Это старики еще готовы вернуться сюда и умереть на земле своих предков... По наивности они думают, что здесь сохранились их фамильные склепы, кладбища! Все растащено, разворовано! Мраморные плиты крадут со старинных могил для дач и кооперативов, если что и сохранилось в Петербурге, так это Александро-Невская лавра, да и то там нужен капитальный ремонт, все ветхое, разрушается, городская копоть и газы разъедают мраморные и чугунные скульптуры.

— Да-а, из гада рыбину не сделаешь! — задумчиво протянул Дима, ритмично высекая кремнями искру. Однако фитиль не загорался.

— Это тоже услышал от народа? — улыбнулся отец.

— Я много чего послушался...— многозначительно ответил сын.— Поедем вечером на рыбалку? — он задрал голову вверх.— Вроде небо расчищается. Мне почью приснилось, что поймал вот та-кую щуку! И знаешь на кого: на лягушку!

— Кто мне печь растопит? — перевела взгляд Лина Вениаминовна с мужа на сына.— Двое мужчин в доме и ни один не может огонь добыть!

— Древние люди поддерживали огонь в специальных маленьких клетках,— заметил Дима.— Хотите, я буду хранителем огня?

— Из Великополя приезжал сын к Колобашкиным, так он рассказывал, что в Великополе — об этом писали в местной газете — с бельевой веревки украли полотенца и заштопанные носки...— сказала Лина Вениаминовна.— В магазинах уже два года как не купить носки-чулки. Неужели мне теперь нужно учиться штопать их?

— Надо всунуть внутрь носка деревянную ложку и штопать,— сказал Дима.— Я видел, как штопала бабушка Колобашкина.

— Это дело мы и поручим тебе,— заключил отец.

— Я лучше украду! — засмеялся сын и, бросив кремни на тропинку, побежал к озеру, распугав подростков цыплят, что-то клевавших у калитки.

— Мне страшно, Вадим,— негромко произнесла Лина Вениаминовна. Полные руки ее безвольно опустились вдоль тела, русые, несколько изменившие свой цвет волосы спускались на плечи, а цвет их изменился потому, что стала все сильнее пробиваться седина. И очки они носили одинаковые: плюс два с половиной. Без очков и письмо не прочитаешь.

— Я впервые не знаю, что делать,— со вздохом сказал Вадим Андреевич.— Раньше мечтал во весь голос говорить правду, теперь это возможно, но правдой людей не накормишь, как и ложью. Страна, Лина, гибнет, вот-вот начнется гражданская война, да уже и идет в окраинных республиках, эта депутатская болтовня до смерти всем надоела, правительство уж который год в полном параличе, деньги все больше обесцениваются, кому не лень — нас учат жить по радиоголосам, издеваются над нами, особенно «Свобода», откровенно радуются, что некогда великая держава превращается в лоскутное одеяло. Президентов в республиках, автономиях пекут как блины. Русских вытесняют из обжитых ими мест. Черт знает что происходит! И все с позволения верхов.

— Но есть ведь Бог!

— Бог на небесах, в космосе, а мы, грешные, маемся на проклятой им земле. И конца этому кошмару не видно.

— Страдают и мучаются честные люди, а жулье и преступники процветают,— вздохнула жена.— И они будут бороться за право обирать и унижать простой народ. По телевидению показывают кооператоров и служащих или депутатов — вон какие морды наели!

— Придет всему этому конец,— сказал Вадим Андреевич.— И скоро...

— Спички-то принес?

— Сейчас я добуду огонь,— улыбнулся он и нагнулся за острыми кремнями.

9. Озеро на двоих

Юрий Иванович долго не задерживался на лесных озерах, где уже обосновались отдыхающие на машинах и мотоциклах. Дни стояли погожие и рыболовов на озерах было много, а ему хотелось найти такое тихое озеро, где, кроме него и Маши, никого не будет. Понимал, что таких мест почти не осталось — по крайней мере в средней полосе России, но надежда не оставляла его. Было время летних отпусков, автомобилисты были повсюду. На багажниках легковушек виднелись лодки, канистры, палатки, рыболовные снасти. Возле работающих бензоколонок выстраивались длинные очереди, бензина выдавали по десять-двадцать литров на машину. И только в бак, в канистры не разрешалось. Некоторые автомобилисты по несколько раз становились в очередь, теряя время, но зоркие заправщицы иногда узнавали их и с грубой бранью отказывались вторично заправлять. Все это раздражало и до крайности унижало Юрия Ивановича. Невольно вспоминалась Италия, Франция, где колонки на каждом шагу, и к тебе бросаются владельцы, чтобы поскорее заправить, обмыть лобовое стекло, предложить любую помощь. Удивляло, что при таких перебоях с бензином некоторые колонки на шоссе не работали по полмесяца — при полном отсутствии на станциях ТО запасных частей, тем не менее по дорогам сходили «запорожцы», «Москвичи», «Жигули», «Волги». Привыкшие к очередям отпускники выбирались на заправочных станциях из машины и, если было солнце, тут же неподалеку на пледах загорали в купальниках. Вокруг бродили ребятишки с мячами и ракетками. Эти не унывали и играли в свои игры, не обращая внимания на взрослых.

Не доезжая Пушкинских Гор, Юрий Иванович, потолковав с пастухом, перегонявшим колхозное стадо через шоссе, свернул на проселок. Словоохотливый бородастый пастух в очках сообщил, что в пятнадцати

километрах отсюда есть красивое озеро, на котором почти никого не бывает. Местные не ловят, потому что поблизости есть большое рыбное озеро, автотуристы еще не пронюхали про него, раньше здесь была запретная зона из-за ракетной шахты, но ее в прошлом году ликвидировали, на знак «Проезд воспрещен» можно не обращать внимания — военных там больше нет.

Юрий Иванович уточнил маршрут, спросил про дорогу, его «БМВ» не привык к российским проселкам, но пастух уверил, что дорога — хоть шаром катись, лишь подъезд к берегам сильно захламлен павшим лесом, но есть тропа. Насчет дороги он, конечно, преувеличил — «БМВ» несколько раз стукнулся днищем на колдобинах — тем не менее добрались до озера без особенных хлопот, если не считать, что последний километр ползли почти на брюхе, у заграничных машин низкая посадка, они на наши дороги в глубинке не рассчитаны. Маша была в спортивном костюме и солнцезащитных очках, она сидела рядом с Юрием. На заднем сиденье навалены сумки, палатка, резиновая надувная лодка в мешке. На Псковском озере они пробыли неделю, но там было так много машин и палаток, что Юрий Иванович вскоре заскучал, да и рыба не ловилась. Утром их будил гул моторок, к берегу причаливали рыбаки из рыболовецкой артели и предлагали крупных щук, лещей, судаков, язей, но просили за все это водку. Деньги их не интересовали. Те, кто сами не выпили у вечерних костров свой запас, выменивали на бутылку до десятка крупных рыбин.

Озеро открылось перед ними неожиданно, только что петляла узкая лесная дорога и вдруг впереди ярко засияло окруженное березами и соснами небольшое спокойное озеро с отражающимися в нем белыми облаками. И ни одной машины! Юрий Иванович подрулил к овальной полянке, усыпанной шишками и желтой хвоей, нижние ветви огромной ели заскрипели по серебристому капоту, он вышел из кабины, потянулся и, окинув взглядом зеркальную гладь, позвал девушку. Маша тоже выбралась, отряхнула с брюк дымчатый пух одуванчиков, залетевший в открытое окошко. Стройная в своем синем с белыми полосами спортивном костюме, она встала рядом с Юрием Ивановичем и посмотрела на озеро. В глазах ее заплескалась яркая синь. Озеро же было зеленоватого цвета.

— Красиво и тихо, — негромко произнесла она. — И пастух не обманул, тут не заметно даже следов машин. — Следы, конечно, были, только дальше, где берег спускался вниз и вместо сосен росли молодые березы и осины. Много деревьев было выворочено с корнями. Видно,

ураганом зацепило. Над камышами летали большие коричневые стрекозы, слышны были тонкие голоса птиц, негромкий ровный шум деревьев.

— Сюда никто не приезжает, наверное, и потому что рыба не ловится,— сказал Юрий Иванович.— Не верится, что такую красоту из-за «кирпича» на военной дороге обходят стороной.

— Пастух говорил про другое большое озеро,— напомнила Маша.

— Не будет ловиться — мы и на рыбное съездим.

— Будем ставить палатку, надувать матрасы? — проговорила Маша.— Или сначала выкупаемся?

Они заплыли на середину озера, отсюда берега казались высокими, а деревья великанами, достающими колючими руками-ветвями до облаков. В камышах заметили два утиных выводка, на плесе выскакивали из воды мальки, наверное, их гонял окунь. Значит, рыба есть. Юрий Иванович не был заядлым рыболовом, но последнее время пристрастился с Вадимом Андреевичем в Богородицкой на вечерней зорьке сидеть на лодке с удочкой и выдергивать из зеркальной с розовым оттенком воды зеленых юрких окуней и нежную серебристую плотву. Ему все время хотелось поймать крупную рыбку, но крупные почему-то не попадались, зато одолевала мелочь, Маша и Дима осторожно снимали с крючков малышей и отпускали на волю. Интересный парень этот Дима! Спокойный, с юмором, процветающие кругом хамство и разврат, к счастью, не коснулись его. Из сверстников он дружил лишь с Толиком Пинчуком, хотя тот совсем не походил на Диму. Толик уже на девчонок заглядывался, шнырял на митингах, готовый поглазеть на драку или скандал, подбивал приятеля писать на стенах домов разные глупые надписи, для этого приобретал баллончики с краской. Но Диму было трудно к чему-либо не правящемуся ему склонить. Самостоятельный паренек!

Они плыли рядом, волосы девушка завязала косышкой, чтобы не намочить, Юрий Иванович косился на нее, иногда рукой проводил под водой по скользким бедрам, Маша прибавляла скорости, плыла она саженками и довольно быстро.

— Наконец-то мы вдвоем,— произнес он, сдувая со щеки прядь волос.— На озерах стало, как на Невском проспекте! Что за времена? Я же вижу, как мужчины пялят на тебя глаза...

— Тебя девушки тоже не обходят своим вниманием,— смеялась Маша, стараясь обрызгать его ударом

ноги по воде. На Псковском озере ко мне подошла одна тетька и спросила, как твоя фамилия, она тебя за какого-то артиста приняла!

— И на кого же я похож?

— Она так и не смогла вспомнить, но уж, по крайней мере, не на Алена Делона.

— Твой любимец?

— Очень красивый мужчина! — хихикнула она. — И еще мне нравится Чарльз Бронсон. Немного словен, решителен, человек действия.

— А Шварценнегер? Или Сильвестр Сталлоне?

— Эти накаченные мускулами культуристы? — фыркнула она. — Фу-у!

— Кто же тебе из наших артистов нравится?

— Никто, наши артисты не умеют драться, не обладают приемами каратэ, такие разжиревшие жеребчики, а с женщиной ложатся в постель в брюках и сапогах. Это в фильмах эпохи «доперестройки».

— Даже это заметила! — рассмеялся он.

— А сейчас все режиссеры как с ума сошли: снимают постельные сцены при каждом удобном случае. И делают это как-то пошло, некрасиво! Можно даже прищипать рассмотреть на голых волосатых задницах героев и героинь... Как артистам не стыдно сниматься в таких мерзких сценах!

— Я слышал, на сценах театров известные артисты демонстрируют голый секс, — проговорил Юрий.

— Все смешалось, дорогой, в доме Облонских, — рассмеялась Маша. — Я не пойму только одного: почему наши деятели культуры и искусства все, что на Западе более-менее терпимо, у нас превращают в пошлость и мерзость?

— Свобода нравов... Дорвались до малинки, теперь будут смаковать...

Позагорав на надувных матрасах, они, разомлевшие, принялись ставить палатку, надувать резиновую лодку, Юрий Иванович достал из багажника туристский столик с двумя складными стульями. Все это помещалось в плоском, похожем на дипломат, чехле. Палатка была оранжевая, двухместная, в нее сразу же налетели комары, мухи, даже одна оса. Маша попрыскала из баллончика с нарисованной на нем огромной черной мухой и насекомые исчезли, осу она прогнала полотенцем.

Обходя окрестности, Юрий Иванович заметил кострище с рогульками, вбитыми в землю, тут рыболовы варили уху. К поднявшейся вокруг траве пристала рыба чешуя. Тут же лежало срубленное дерево, дров для костра можно было найти сколько угодно. Хитров мечтал именно о таком тихом, безлюдном местечке. Ему при-

шла мысль вместе с Машей сходить и посмотреть на шахту, в которой пряталась боевая ракетная установка. От проселка в лесу отходила еще одна дорога, выложенная из серых бетонных плит, она, по-видимому, и вела к шахте. Там тоже красовался на обочине «кирпич».

Последнее время Хитров все чаще вспоминал разговор с Вадимом Андреевичем перед отпуском. Ему показалось, что Белосельский вроде бы охладел к своей газете. И когда он сказал, что собирается отдохнуть, Вадим Андреевич не стал уговаривать подождать, пока он не вернется в Ленинград, даже заметил, что ничего страшного, если газета и не выйдет месяц-полтора. Никто и не заметит. Люди настолько обалдели от разной противоречивой информации, статей, сенсаций, что стали мало покупать газет, тем более что цена на них выросла в пять-десять раз. Журналисты соревновались в разных разоблачительных материалах, одни газеты нападали на другие, все и вся критиковали, накаркивали еще большие ужасы и кошмары, хотя, казалось бы, что еще может быть хуже? Истинно русская национальная печать так и не появлялась, о возрождении России замолчали, в новые издания, открытые Верховным Советом РСФСР, тут же набились те же самые люди, которые поносили русских, обзывали их националистами и шовинистами, как же при таком разгуле русофобии заявить, что русским, мол, тоже нужна своя русская газета, где будут работать русские журналисты, возглавят органы печати русские редакторы и будут писать о русских, о их жизненных проблемах, а не навязывать им русофобские идеи и издеваться над малейшим проявлением национального самосознания. Попробовали бы сионистские прихвостни захватить национальную печать и телевидение и поливать грязью народ другой республики, на территории которой они живут. Там подобное невозможно даже представить, там они тише воды, ниже травы, а что делается в России? Нет, по сути, ни одного массового органа, защищающего и выражающего интересы русского народа! Не считая, конечно, «Советскую Россию», «Литературную Россию» и несколько журналов. Но сколько нападок на эти издания! Поливают их грязью в родном отечестве, а уж про «голоса» и говорить не приходится, там зубоскалят с утра до вечера; всех, кто займется о русском самосознании, объявляют националистами, черносотенцами... Выходит, выгодно этим гнусным подголоскам у нас и за рубежом унижать, держать в страхе перед еще худшим доверчивый русский народ. А может, просто ларчик открывается: не хотят сионисты и их подпевалы возрождения России, пробуждения русского самосознания, ведь тогда русский народ

спросит: кто же виноват во всех его несчастиях, начиная с 1917 года и до сего времени? Ох как боятся этого сионисты и их подкупленные денационализированные слуги в самых высших эшелонах власти! Даже разоблачая сталинско-берисевских палачей, вырождаков с нерусскими фамилиями стараются не задевать. Кровавый преступник Лазарь Каганович живет себе и даже интервью дает в сионистские газеты. Распиная русских, кстати, среди палачей-следователей их было в сто крат меньше, чем нерусских, своих не трогают, обходят молчанием, а если какой русский орган печати и заденет — вой на всю планету: антисемитизм в России!..

И что такое голос «Русской газеты» в мощном хоре десятков голосов многомиллионных изданий? Этим и дефицит бумаги нипочем, для них все находят, а русским изданиям так и порвут при каждом удобном случае пагадить, рот заткнуть... Но сколько же это будет продолжаться? Неужели русские не видят, кто боится за них, желает добра, а кто обманывает, сеет зло? Кому выгодно разобичить русский народ, восстановить против него другие нации, свалить на россиян все беды и несчастья, принесенные зарубежным десантом большевиков типа Троцкого, Свердлова, Каменева, Зиновьева после революции? Кто внушает русским, что они от рождения рабы и должны такими быть до скончания своего века, а погонять кнутом «рабов» и заставлять их работать на себя есть кому, тем, кто как черт лаdana сторонится физической работы, зато вещать по радио-телевидению, писать разоблачительные статейки в газеты-журналы, высмеивать все национальное русское — это как раз привилегия их — ненавистников русских людей. Тут они господа и хозяева! Все сострапают, разжуют и в рот положат, только глотай, русский Иван! А проглотив, сиди в своей загородке и не чирикай! Не то снова закон примем об антисемитизме! Депутаты-то Верховного Совета — почти все свои люди. Что им прикажут, то и сделают. Такой, какой был принят после революции, когда сразу же поставили к стенке сотни тысяч людей, как раз с русским национальным самосознанием и гордостью великоросса! Неудобных, строптивых захватчики власти объявляли антисемитами и тут же расстреливали, даже тех, кто и не знал, что такое антисемитизм. Нельзя русскому человеку и сейчас сказать, мол, почему на радио-телевидении, в газетах-журналах работают почти одни евреи? Почему их столько в литературе, культуре, искусстве? Хорошо бы талантливые, так нет, туда набились деляги, проходимцы, бездари, но зато у них круговая порука. Все подчинено им и куплено. Поэтому и существуют, процветают, подминая под себя и

уничтожая русское, талантивое. Даже нельзя просто поинтересоваться этим вопросом, тут же такого смельчака объявят антисемитом, шовинистом и обязательно фашистом! Не говори правды, молчи, не ропщи, как и положено рабу! И жуй лишь то, что тебе в рот положат.

И молчат, а если и говорят об этом, то только шепотом, с оглядкой, потому что и честный русский человек, воспитанный на страхе перед таинственным антисемитизмом, тут же тебя осудит. Вот в какую страшную зловонную яму загнали русского интеллигента-патриота сионисты. А кто попытается мужественно сказать правду о положении русской интеллигенции в России, как его сразу ошельмуют все по той же испытанной годами безотказной схеме, ни один печатный орган не обойдет его молчанием, ведущие телепрограммы, поднаторевшие на борьбе с этим самым проявлением русского самосознания, тут же сделают из такого человека подонка и негодяя, сходу запишут его в общество «Память», о котором никто ничего толком не знает, зато все знают, что быть причастным к «Памяти» — это то же самое, как быть прокаженным или заболевшим по меньшей мере СПИДом. Вот так пахальные ребята и прокуренные дамы с хриплыми голосами из средств массовой информации расправляются с русскими интеллигентами, посмеявшись заикнуться о своих исконных правах тоже работать на радио-телевидении, иметь свои издательства, газеты, печатные органы. Все евреи-сионисты и есть русские интеллигенты — так пагло и насмешливо заявляют краснобаи с экранов телевидения. А русских интеллигентов нет и быть не может, есть русские националисты, шовинисты, фашисты... Вот так начинается и кончается сказка про мочало, начинай сначала...

От этих мыслей Хитрову стало не по себе. Почему за границей нет такого страшного притеснения со стороны сионистов коренного населения? Почему сионисты всего мира еще в начале двадцатого века облюбовали именно Россию для своих зверских экспериментов? Какая бы нация позволила дико налетевшей на нее злобной орде человеконенавистников уничтожить свою религию? Разрушить храмы, убивать тысячами священников? Сразу после переворота в семнадцатом началось массовое истребление русской интеллигенции, аристократов, а немного позже — крестьян, казаков, простых русских людей. Ни в одной стране мира ничего подобного не было, даже татаро-монгольские завоеватели не трогали храмы, не обижали верующих. И ни за что ни про что не истребляли людей, причем, в первую очередь лучших! И ни одной нации чуждые ей элементы не навязывали через радио-телевидение, печать чуждую ей идеологию, идеи,

разврат, порнографию, прикрываясь гласностью, демократией, вседозволенностью. А русские все стерпят, проглотят, смолчат, они ведь рабы! И за семьдесят с лишним лет должны были бы уже смириться, что истинные хозяева у них давно не русские. С самого страшного 1917 года...

Озеро находилось как бы в огромной малахитовой чаше, окруженной смешанным лесом, даже когда востер раскачивал вершины деревьев, зеркальная гладь была неподвижной. В ней рельефно отражалось облачное синее небо, деревья и бледный месяц. К вечеру совсем стало тихо, облака над озером окрасились в нежно-розовый цвет, немного покуковала кукушка, потом закричали в камышах утки, подолбил дерево дятел и стало удивительно тихо, как всегда бывает на озерах перед заходом побагровевшего и увеличивающегося в размерах солнца.

Они вдвоем сидели в зеленой надувной лодке, Юрий Иванович греб короткими желтыми веслами, вдетыми в черные проушины, Маша сидела на резиновой подушке, уже три места сменили, а рыба не клевала. Теперь понятно, почему рыбаки сюда не торопятся: озеро-то, оказывается, бедное. Впрочем, их это не смущало. Юрий Иванович был счастлив, что здесь никого нет, а Маше рыба уже надоела. Они на Псковском озере порядочно навяливали подлещиков и плотвы. Была у них и коптильня. Поставишь ее на раскаленные угли и через пятнадцать-тридцать минут вынимай душистую, пахнущую дымом и вереском, который туда подкладывали с гнилушками, горячего копчения рыбу. Маше она нравилась больше, чем жареная. Варили и уху. Этим делом занимался Хитров. Он даже сварил двойную: сначала из мелкой рыбы, сложенной в марлевый мешок, а потом в котел бросил крупную. Наутро оставшаяся в котелке уха превратилась в заливное.

— Где же рыба? Она ведь плескалась,— вглядываясь в зеленоватую воду, спросила девушка. Отблеск закатного солнца позолотил ее волосы, на губах задумчивая улыбка. Бамбуковая удочка в ее руках колебалась, с голубой жилки срывались капли. Поплавки даже не шевелились.

— Может, в такой прозрачности рыба все видит,— сказал Юрий.— И лодку, и нас, и леску?

— Поплыли к камышам?

В камышах сразу клюнули на обе удочки юркие полосатые окуньки, величиной с ладонь, потом Маша вытащила скользкого коричневого, растопырившего колючие жабры ерша, а Юрий — плотвину. И снова поплавки неподвижно впаялись в зеркальную гладь. Маше на плечо уселась сиреневая стрекоза, фасетчатые глаза ее искрились разноцветными алмазами. А синие глаза девуш-

ки стали розовыми, это в них отразилось закатное небо. За ее спиной пылали красные стволы сосен, розовели медленнодвигающиеся над озером облака, будто горела неподвижная кристально чистая вода. Они молча любовались этой красотой и не смотрели на поплавки, да и не хотелось, чтобы это прекрасное ртутно-серебристое зеркало вдруг треснуло и пошло кругами от заматавшейся рыбины. Юрий пожалел, что не захватил в лодку фотоаппарат, очень уж красиво смотрелась отсюда оранжевая палатка, стоявшая рядом серебристая машина, складной стол со стульями. Мохнатой лапой огромная ель прикрыла капот «БМВ». Все стекла были розовыми, будто внутри салона вспыхнули электрические лампочки. Низко над их лагерем пролетел большой черный ворон, он тоже купался в багрянце. Звонкое курлыканье нарушило вечернюю тишину. Ворон был один и вскоре исчез за зубчатой кромкой леса.

— Запоминай все это, Маша,— негромко произнес Юрий.— Тебе там, в Америке, очень будет всего этого не хватать.

— Ты думаешь? — задумчиво откликнулась она. Маша тоже проводила глазами ворона и смотрела на берег.

— Я знаю,— ответил он.

— Не хочу думать, как все будет там, а сейчас я счастлива,— призналась она.— Не думается о нашей подлой жизни, очередях, пиццете — в голову приходят возвышенные мысли о жизни вообще, о космосе, вечности... И еще я подумала, что тысячи лет назад в этом озере жили ископаемые ящеры...

В это мгновение вдруг раздался громкий всплеск, будто в воду упало по меньшей мере бревно.

— Кто это, Юра? — почему-то шепотом спросила она. Глаза ее широко распахнулись.

— Твой древний ящер! — улыбнулся он, глядя на камыши, от которых к лодке пошли круги. Зеркало треснуло и серебро перемешивалось с золотом багрянца. Маша тоже посмотрела в ту сторону и увидела проворно поднимающегося от воды вверх на берег коричневое мохнатое животное с удлиненной головой и закрученным вверх хвостом. Животное, не оглядываясь, удалялось в лес. Мохнатый загривок его и спина были мокрыми и розово светились.

— Молодой кабан,— сказал Юрий Иванович.— Наверное, пришел на водопой.

— Он купался,— сказала Маша. Увидел нас и испугался. Вон он теряет красные сверкающие капли!

Юрий Иванович не успел ответить, его поплавок скрылся в воде, жилка натянулась, задрожала. Забыв про кабана, он подсек и с радостью почувствовал приятную тяжесть на конце выдвижной пластмассовой удочки.

— Кто-то крупный,— свистящим шепотом произнес он, не спуская глаз с жилки.

— Ты сейчас похож на капитана Ахава из «Моби Дика», преследующего Белого кита,— засмеялась Маша.

Он не ответил, даже головы не повернул: глаза его были прикованы к воде, которую со свистом резала тонкая жилка. Юрий Иванович несколько раз подводил добычу к падучему боку заякоренной лодки, но та снова и снова сигала в сторону. И невозможно было разглядеть, кто сел на крючок? Но в том, что рыба была крупной, он не сомневался. Несколько раз выскакивал гусиный с красной вершинкой поплавок, но тут же снова стремительно исчезал в глубине. Так водить мог только крупный окунь или щука. Пока они наблюдали за кабаном, на крючок села плотвица, а ее уже кто-то заглотил. Возбужденный Юрий Иванович подсознательно понимал, что тяжелую рыбку в лодку не забросишь, как мелочь.

— Подсачок! — вспомнив, резко крикнул он.

Маша недоуменно взглянула на него, но ничего не сказала, взяла со дна подсачок и протянула Юрию. Он схватил его левой рукой и, напряженно следя за удочкой, опустил его возле борта. На какой-то миг совсем близко мелькнула зеленоватая спина с темным плавником, и в следующий момент жилка еще сильнее натянулась, казалось, она сейчас зазвенит, как струна, и она действительно звонко лопнула и привязанный к концу удилища конец ее, свернувшийся в кольца бессильно опустился в воду.

— Сорвалась! — выдохнул Юрий Иванович.

Маша с любопытством смотрела на него. Он уже успокоился, положил удочку поперек лодки, с досадой бросил подсачок на дно и лишь после всех этих манипуляций взглянул на девушку.

— Окунь или щука,— сказал он.— И не меньше, чем на два килограмма. Вот тебе и безрыбное озеро! Нужно на ночь поставить кружки с живцом, наверняка щука съедет.

— Ты про все на свете забыл,— произнесла Маша.— Про красоту, закат, тишину... Даже про меня.

— В каждом мужчине дремлет охотник,— сказал Юрий Иванович.— Наверное, это еще с древности, когда в озере водились ящеры, а над водой летали птеродактили.

— Кто это все-таки был: щука или окунь?

— Пусть это останется тайной... Главное, кто-то был, большой, тяжелый, сердитый!

- Ты жалсешь, что оно сорвалось с крючка?
- Уже нет,— улыбнулся он.
- И ты снова помнишь, что на лодке с тобой сижу я?
- пытливо заглядывала она ему в глаза.
- Я никогда не забываю, что ты со мной,— мягко, но очень серьезно произнес он.

10. Схватка

Они лежали в палатке на цветных надувных матрасах с книжками в руках. Усыпляюще шуршал по просвечивающему оранжевому полотнищу ленивый дождик. Монотонно в прибрежных зарослях вскрикивала какая-то птица. Юрий Иванович надеялся, что непогода скоро кончится и тогда можно будет проверить кружки, пущенные им по озеру ранним утром. Наверное, ветер прибил их к камышам. Как раз в этих местах и должны обитать щуки. Дождь незаметно подкрался без грозы и порывистого ветра, обычно такой мелкий спокойный дождь грозил быть затяжным, а когда кругом все мокро и брызгается каждая травинка, становится не очень-то уютно на природе. С веток капает, пока до лодки дойдешь, все ноги в траве вымочишь, да и костер не хочет на дожде загораться. Лучше всего в дождь лежать в палатке и читать. Рассеянный свет в ней напоминал лабораторное освещение, когда проявляют фотоснимки: губы казались белыми, лица — тоже. В два небольших окошка, затянутых капроновой сеткой, пытались проникнуть комары, их противное жужжание то усиливалось, то затихало. Птица неожиданно умолкла, будто ее выключили.

Он читал том детективных романов Чейза, купленный в Пскове, а Маша — «В круге первом» Солженицына. После того как стали издавать крупнейших мастеров зарубежного детектива, Хитров больше не мог читать современных советских детективщиков, все написанное ими казалось примитивщиной, халтурой, и Сименон с Агатой Кристи, которых широко у нас печатали много лет. Иногда Юрий Иванович задумывался, что же это были за люди в идеологических организациях, которые отбирали для советских людей переводную литературу, зарубежные кинофильмы, эстраду? Почему они закупали у иностранцев самые убогие, примитивные произведения? А ведь крупнейшие писатели, кинематографисты, которые в понимании советских идеологов были неприемлемы для народа, оставались неизвестными широкому кругу людей? Писали, что на дачах Брежнева и других партийных лидеров «крутили» зарубежные

фильмы для избранных, а массам, как называли советских людей, выдавалась примитивщина, в которой обязательно обличались капиталистический мир, буржуазные права...

Что-то гулко ударилось в полотнище палатки и с шорохом скатилось вниз. Маша оторвалась от книжки и подняла на него глаза. Они у нее в призрачном оранжевом свете были родникового цвета.

— Что это, Юра?

— Наверное, сосновая шишка,— рассеянно ответил он, не отрываясь от страницы.

— Белка бросила в нас шишкой,— сказала Маша.— Вроде дождь кончается?

Они прислушались, шорох и впрямь стал тише, зато теперь часто ударяли в верх палатки крупные капли, срывающиеся с ветвей сосен. Где-то поблизости встревоженно застрекотали сороки, в берег звучно шлепала волна, нутжно скрипели камыши. Юрий Иванович отложил книгу и придвинул лицо к окошку, чтобы посмотреть на прислоненную к сосне резиновую лодку, но вместо нее вдруг увидел огромные кирзовые сапоги, вдавившиеся в мокрую хвою. Он еще успел подумать, мол, с какой стати оказались здесь чужие сапоги? В следующее мгновение сапоги пошевелились, один отодвинулся от второго, исчез из поля зрения и тут же послышался треск рвущейся материи: палатка от самого верха до середины распалась, открыв глазам серое небо с бегущими дымчатыми облаками и смотрящее на них круглое небритое лицо с прищуренными светлыми глазами. Маша негромко вскрикнула, Хитров рывком поднялся на матрасе, но тут затрещала молния и в прореху заглянул еще один человек в зеленой рубашке с накладными карманами. Волосы влажные, круглый подбородок выдавался вперед, в руке у него был какой-то странный кривой нож с золотистой деревянной рукояткой.

— Голубки наслаждаются жизнью на природе! — ухмыльнулся мужчина с ножом. Сверкнул золотой зуб.— Ого, какая тут прячется красotka! Прямо русалка озерная.

— Вот люди живут! — послышался сипловатый голос третьего незваного гостя.— Западногерманская машина, полная всякого добра, разные рыболовные штучки-дрючки и еще баба у фраера красивая! Будто с обложки «Плейбоя». Рази в наше беспокойное времячко, дорогие граждане, можно в таку глушь забираться без автомата Калашникова? Или, на худой конец, ружья с медвежьей дробью? — Третий — по-видимому, самый разговорчивый тоже заглянул в растерзанную палатку, лицо худощавое, глаза бегающие, вороватые, на голове — выгоревшая мокрая кепка. Он ошупал глазами все еще

неподвижно сидящего на матрасе Юрия Ивановича, молча смотревшую на них девушку. Незаметно было, чтобы она очень уж испугалась, спокойно полулежала в спортивном костюме, лишь толстая книжка в синем переплете вдруг соскользнула с ее колен и упала на зеленый матерчатый пол.

— Помиловались, туристы-автомобилисты, и шабаш,— заметил первый, в кирзовых, побелевших на сгибах сапогах, с кривым пожом. — Кому говорю: вылезайте на свет божий!

— Зачем нужно было хорошую палатку резать? — хрипло спросил Хитров. Внешне он тоже был спокоен, но внутри все клокотало от бешенства. Эти мерзавцы чувствовали себя здесь как хозяева.

— Гляди, палатку пожалел! — хихикнул говорливый. — Лучше, малый, о своей головенке подумай. Мы сюда пришли не в бирюльки играть!

— Что вам надо? — подала голос Маша, не двигаясь с места. Теперь, когда дневной свет проник в палатку, губы ее снова стали розовыми, а глаза синими. Она отодвинула ногой книжку, бросила взгляд на Юрия.

— Нам много чего надо, куколка! — рассмеялся круглолицый со светлыми бандитскими глазами. — Мы так соскучились по хорошим людям в достатке, красивой бабенке, да и пожрать чего-нибудь вкусенького хочется. Про выпивку я уж не говорю, за поллитровку чечетку спляшу на крыше вашей машины.

По ихговору, повадкам Юрий Иванович наконец сообразил, что перед ними типичные уголовники. И этот грубо сработанный пож наверняка сделан в колонии. И запах от них исходил неприятный, тяжелый. Лето, тепло, а они не мылись и не купались. Надо полагать, сбегали из тюрьмы или колонии. Об этом часто сообщали местные газеты и телевидение, даже портреты бандитов показывали. Писали и о нападениях уголовников на автомобилистов. Вот, значит, какую встречу им с Машей судьба уготовила. На тихом, безлюдном озере! Конечно, он знал, что нынче путешествовать небезопасно и тоже ко всяким непредвиденным обстоятельствам подготовился... Газовый пистолет лежал под матрасом в изголовье, стоило протянуть руку и схватить его, но тут, в палатке, стрелять нельзя — слезоточивый газ на какое-то время ослепит и их с Машей. Нужно незаметно положить маленький пистолетик с пятью патронами в карман брюк.

— Ты вытряхивайся отсюда, мужик,— с нехорошей улыбкой сказал худощавый, словоохотливый,— а девка пусть останется...

Хитров стал подниматься, они отодвинулись, и он без особого труда сунул пистолет в карман. В тесноте никто этого не заметил. Когда нагнулся и стал выходить из палатки, худощавый ребром ладони стукнул его по шее, но не профессионально: Юрий Иванович ткнулся лицом в хвою в каком-то сантиметре от алюминиевого колышка, но тут же вскочил и, выхватив пистолет, выпалил тому прямо в наглое рыло. Выстрел прозвучал довольно гулко, худощавый вскрикнул, схватился обеими руками за лицо. Двое стояли рядом и обалдело смотрели на Хитрова. Тот, не целясь, почти в упор выстрелил и тем в лица. Он знал, что газовая струя не причинит особенного вреда, но на какое-то время выведет их всех из строя. Вонь от едкого газа была такая, что ему пришлось отодвинуться. Пока бандиты, матерясь, ощупывали свои рожки, вытирали слезы, он сильным ударом уложил худощавого на землю, круглолицего в кирзовых сапогах ударил приемом каратэ в горло, так, что тот, захрипев, выронил огромный кривой нож, а третий метнулся было прочь, но сослепу врезался башкой в сосну и, обхватив ее, замер, что-то бормоча себе под нос. Наглые небритые рожки их стали мокрыми, жалкими. Худощавый царапал землю ногтями и матерился, красные глаза его ничего не видели.

— Маша, режь веревки от палатки! — крикнул Юрий Иванович, не спуская с них глаз. Девушка подобрала с земли бандитский нож, отрезала от алюминиевых колышков мотки капроновой веревки. Вязать им руки она наотрез отказалась. Засунув нож за пояс брюк, Юрий Иванович отдал ей пистолет и стал вязать руки бандитам. Двое не особенно и сопротивлялись, им жестоко резало глаза, они почти ничего не видели, а худощавый не хотел двигаться, вырывался, скрипел зубами и грязно матерился. Юрию Ивановичу пришлось его несколько раз ударить головой о сосну. Он притих, закатил глаза. Через несколько минут все было кончено, связанные бандиты лежали неподалеку от разрезанной палатки на усыпанной хвоей земле и горько плакали, глядя невидящими глазами в прояснившееся небо. Слезы еще долго будут обильно сочиться из их красных глаз. Дождь кончился, в зеленоватые прорехи над озером выглядывали солнечные лучи, резиновая лодка была опрокинута, но, к счастью, не разрезана. Дверцы машины распахнуты, видно, бандиты покопались там, а они из-за шелестевшего дождя ничего не слышали! Наверное, в это время круглолицый бандит стоял у палатки наготове с пожом. Выскочи Юрий и он бы мог пырнуть его...

— А что им все-таки было нужно от нас? — спросила Маша, все еще не пришедшая в себя от столь стреми-

тельно развернувшихся на ее глазах событий. Другая была на ее месте была в истерике, а Маша ничего, более-менее спокойная. Уже позже Юрий Иванович понял, что ее доверие к нему, как мужчине-защитнику было непоколебимым, она просто не допускала мысли, что с ней может что-либо случиться, когда рядом Юрий. Она знала о его силе, ловкости, видела как они в Богородицкой боролись на лужайке, применяя приемы каратэ и самбо.

— Ты не поняла? — улыбнулся он, постепенно остывая от охватившего его возбуждения и нервного напряжения.

— Разрезали палатку, что-то про машину говорили... Они что, хотели нас обокрасть?

— Это бандиты, убийцы, — убежденно сказал он. — Какие у них хари, глаза! Жаль, что пистолет у меня газовый — таких ублюдков нужно убивать на месте без суда и следствия.

— Не паде так, Юра, — мягко заметила она. — У тебя тоже было нехорошее лицо, когда ты стрелял в них.

— Надо было вас пришить в палатке, пока вы там прохлаждались и все дела, — подал голос кругломордый в кирзовых сапогах.

— Я думал, у него настоящий ствол, а это — вопючка! — прохрипел худощавый, по-видимому, он был у них главарем. — Он чуть глаз, сука, мне не выбил!

Юрию Ивановичу показалось, что у него веревка на руках, связанных сзади, ослабла. Он для верности снова всем троиm потуже затянул узлы, отрезал от погубленной палатки еще несколько белых концов и связал ноги. Кругломордый наугад ткнул его сапогом — покрасневшие глаза его еще плохо видели, — но Юрий Иванович перехватил ногу и резко вывернул ее в сторону. Бандит взревел и заматерился.

— В другой раз сломаю, — пригрозил Хитров.

Маша смотрела на них и на лице попеременно выражались обуревавшие ее чувства: любопытство, жалость и отвращение. Наверное, последнее пересилило все остальное, и она отвернулась от поверженных бандитов и стала выдергивать алюминиевые колышки. Еще связывая им руки, Хитров достал из карманов бандитов каскет и два ножа, поменьше, чем у главаря. Все ножи были самодельные из закаленной стали. У одного наборная пластмассовая ручка. Документов в карманах он никаких не обнаружил.

— Я не хочу здесь больше оставаться, — не глядя на них, произнесла Маша. — Поедем к отцу, Юра?

— Я быстро сниму кружки, а ты наблюдай за ними, — сказал он. — Чуть что — кричи мне. Да-а, возьми пистолет и не стесняйся — стреляй в их кабаньи морды.

Разве это люди? — Он вставил запасную обойму и протянул черную игрушку Маше. — С предохранителя я снял.

Спустил на воду надутую лодку с веслами и уплыл к камышам, вблизи которых краснели кружки. Вернулся скоро, снова внимательно осмотрел руки и ноги мрачных расслабленных бандитов. Маша за это время сложила вещи в машину.

— Я же просил тебя приглядывать за ними? — упрекнул Юрий.

— Они такие вещи мне говорили... — передернула она от отвращения плечами. — Я не могла этого слышать.

— Заткнула бы им поганые пасти мхом, — зло вырвалось у него.

— Ты прав, в них ничего человеческого нет, — вздохнула девушка. — Как из другого мира...

— Их мир — зло и насилие!

— Прямо готовый заголовок для газеты... — улыбнулась она.

Палатку, не сворачивая, мокрым комком зачихнули в багажник, туда же вымытые котелки, посуду. На кружок села крупная щука. Ее Хитров завернул в полиэтиленовый пакет и положил на палатку. Щука еще дергала хвостом и разевала зубастую пасть. Когда все вещи, правда, в беспорядке были сложены в «БМВ», Юрий Иванович на всякий случай написал в листке блокнота крупными словами: «Это бандиты! До приезда милиции не трогать и не развязывать!». Прикрепил листок на сучке над головой главара.

— Мы найдем тебя, фраер, — угрюмо сказал худощавый с бегающими слезящимися глазами. — Номер твоей машины питерский. Найдем и пришьем! У нас не заржавеет.

— Я говорил, прикончим их сразу в палатке, — вставил кругломордый. На серых губах его выступила пена.

— А бабу твою... — начал было снова худощавый, но Хитров наотмашь ударил его по губам.

— Не скучайте, соколики, — сказал он. — Я скоро подошло к вам милицейский «воронок»!

— Ха! Напугал нас милицией! — сплюнув, сипло заговорил главарь. — Видели мы милицию в гробу!

— Теперь за «мокруху» больше семи лет не дают, — вторил ему кругломордый с вылезавшими из орбит красными глазами.

— Так что жди нас в гости, мастер! — угрожающе проворчал третий, в кирзовых сапогах.

— Вы правы, уголовнички, — остановился уже было направившийся к машине Хитров. — Наш уродский суд

вас и оправдать может. Таких вырожденков рода человеческого, как вы, нельзя оставлять в живых! Вы же не люди — мразь! Пожалуй, избавлю я род людской от нечисти...

Он схватил главаря за ноги и поволок к озеру. Тот задержался, замычал, а уже у самого берега взмолился:

— Ты что, мужик, очумел? Тебя же посадят самого!

— А кто узнает? — громко сказал Юрий Иванович. — Озеро-то почти необитаемое. Сожрут вас тут раки и ничего не останется... — Он легко подхватил его за руки и швырнул в воду. Вместе с диким воплем раздался громкий всплеск.

Двое оставшихся дико заорали, стали извиваться, кататься по земле. Вытаращенные глаза, на губах пена и земля, искаженные страхом лица. Из машины выскочила Маша.

— Юра, не надо! — взволнованно заговорила она. — Пусть милиция их наказывает, наверное, уже ищут!

— Угомони ты своего мужика! — кричал один из бандитов. Зверь какой-то! Видано ли дело: живых людей топить!

— Вы разве люди? — сказал Хитров. — Я же сказал: вы вырожденки, мразь, таким, как вы, незачем было и родиться.

Маша бросилась к озеру и за ноги пыталась вытащить главаря. Тот плевался водой, сучил связанными руками и ногами, что-то непонятное верещал. Глаза закатились. Юрий Иванович подхватил его под мышки и снова отволол под сосну к другим.

— Беззащитных-то людей пришивать легче, чем самим подышать, а, уголовнички? — глядя на них потемневшими от гнева глазами, сказал Хитров.

Бандиты смотрели на прояснившееся небо и молчали.

Когда машина тронулась, Маша повернула к нему порозовевшее лицо с блестящими синими глазами:

— Ты вправду хотел их утопить?

— Будет суд, адвокаты найдут смягчающие обстоятельства, добавят им к сроку — наверняка убежали из колонии — и будут они снова точить там ножи, а выйдут на свободу, будут грабить и рано или поздно «пришьют», как они говорят, кого-нибудь, кто послабее их и не вооружен...

— Утопил бы или нет? — настаивала она, по-птичьему, сбоку глядя на него.

— Если бы они хоть пальцем дотронулись до тебя... — мрачно уронил он. — Я бы не пощадил их.

— Я знала, что ты не утопишь их, — облегченно вздохнула она. — Нельзя же самому вершить суд Линча. Даже над такими... негодяями.

— Негодяи — для них слишком мягкое определение, — вставил он.

— Их же комары и слепни искусают, — вспомнила она.

— Маша, нельзя быть доброй к таким подонкам, — хмуро заметил он. — Моли Бога, что обошлось — могло бы страшное случиться.

— Может, ты и прав, — помолчав, сказала она.

— Я в милицию не поеду, — решил Юрий Иванович. — Мы позвоним туда из первого населенного пункта, как только они расскажут про эту игрушку — газовый пистолет, так я еще и окажусь виноватым. У нас ведь только бандиты имеют право применять любое оружие, а добропорядочным гражданам воспрещается. Их можно стрелять как кроликов, душить, прижигать утюгами, пытать электрическим током, а они, граждане, не имеют права по нашим гуманным законам защищаться и наносить телесный вред вора, бандитам и убийцам! Вон и тебе стало их жалко.

— Мне их не жалко, Юра, — сказала девушка. — Мне только не хочется, чтобы ты...

— Что я? — резко повернулся он к ней. Она еще никогда не видела столько злости в его карих глазах.

— Я тебя люблю, дорогой, — прижалась она щекой к его плечу. — Люблю доброго, нежного, а не злого, жестокого...

— Маша, Маша... — мягко сказал он. — Неужели ты еще не поняла, что могло сегодня произойти на берегу этого чудесного озера?

— Я же сказала тебе: когда ты рядом, я ничего не боюсь, — она поцеловала его в щечку и нос.

— А я за тебя очень боюсь, — помолчав, уронил он.

11. Прощай, Аэлита!

У него все в это утро валилось из рук. С рыбалки он вернулся к завтраку с десятком пойманных окуней, молча поставил ведро у порога, рыбу чистить не стал, хотя всегда это делал неподалеку от колодца, где стоял у смородинового куста самодельный стол и чурбак. После завтрака стал было выпалывать сорняки с грядки с огурцами, но вскоре бросил, не пошло дело и с незаконченным курятником для подросших цыплят. Уселся на доску с молотком в руке и бездумно уставился на небо над сверкающим озером. Облака в этот день были удивительно пышными и красивыми, они медленно плыли по глубокому зеленоватому небу, сгущаясь над зубчатой кромкой бора. У дощатого туалета жужжали синие, жирные, с нефтяным

блеском мухи, бабочки-капустницы летали над огородом, ласточки ныряли под застреху дома. Скворцы уже вывели птенцов и теперь только к вечеру появлялись на участке, в скворечники они не залетали, зато там галдели пронырливые воробьи, будто утверждали себя снова хозяевами деревянных домиков. Весной они были безжалостно изгнаны оттуда скворцами.

— Из гнезда ласточки птенец выпал, — присев рядом, стала рассказывать Лина Вениаминовна. — Дима подобрал его и полез на крышу, я думала, он шею сломит. С огромным трудом дотянулся до гнезда и все-таки положил туда птенчика. Говорит, ласточки ему спасибо сказали. Они подлетали к самому лицу и щебетали.

— Дима — добрый мальчик, — обронил Вадим Андреевич.

— Крупная рыбина сорвалась? — заглянула ему в глаза жена. — Ты такой расстроенный.

— Я разговаривал с ней, — упорно глядя на облака, сказал он.

— С кем?

— С Аэлитой...

— Она тебе гадость какую-нибудь напороочила? — попыталась она пошутить, однако на лице не было улыбки, а в глазах появилась тревога. — Очень уж ты грустный?

У Вадима Андреевича отросли несколько поредевшие русые волосы, они налезали на воротник выгоревшей ковбойки, закрыли уши. Лицо у него коричневое от загара, на лбу глубокие поперечные морщины, сегодня он еще не успел побриться, на круглом подбородке и щеках среди густой синевы посверкивали серебряные волоски. И в темно-русых волосах уже заметна седина, а так он еще крепок и живот не отрастил. Широкоплечий, узкобедрый, разве что немного сутуловатым стал. Оно и понятно, никогда без дела не сидит: то что-то пишет для своей газеты, то стучит на дворе молотком или стругает на верстаке рубанком. В деревне человеку чаще приходится горбиться, чем в городе. Да и вообще жизнь здесь — это совсем не праздник, тут нужно все время что-то делать или дома, или в огороде. И небольшое у них хозяйство, а времени уйму отнимает.

— Ты знаешь, я обычно вечером рыбачу, — стал рассказывать он. — А тут вдруг что-то меня рано утром — ты еще крепко спала — подняло с постели и заставило сесть в лодку...

А на озере Богородицком вот что произошло.

Окуни то и дело топили поплавок, но удачливая рыбалка почему-то не вызывала обычного удовлетворения, глаза его помимо воли то и дело поднимались и смотре-

ли на причудливые сугробы облаков, величаво плывущих по синему небу, щедро подкрашенному золотом еще низким огромным солнцем. Было торжественно и тихо, на плесе показывались на свинцовой тронутый мягкой рябью поверхности гагары и снова надолго исчезали в глубине, в камышах покрякивали утки, белая цапля столбиком стояла на мелководье, нацелив длинный клюв на воду.

Однако облако остановилось как раз над заякоренной лодкой и он увидел знакомый золотой цилиндр с серебряными точками — иллюминаторами. Вадим Андреевич последние годы много читал про летающие тарелки, шляпы, гантели — об этом теперь писали в газетах, однако золотой цилиндр не походил на описания очевидцев. Как и раньше, реальный мир отодвинулся, исчез в золотистой дымке, он уже не видел озера, гагар, куда-то исчезли облако и цилиндр, а вместо всего этого перед глазами возникло золотоглазое и золотоволосое зеленоватое лицо Аэлиты. Сколько лет прошло, как она не появлялась даже во сне, но ничего не изменилось в ее облике: все такая же загадочная, прекрасная, разве что на этот раз на ней был не серебристый облегающий костюм, а, скорее, комбинезон — тоже серебристый, но с золотыми широкими лямками и таким же поясом с овальной черной пряжкой. Как и всегда, в кабине, кроме нее, никого не было. Да и кабины-то было не видно — ее продолговатое лицо заняло весь, если так можно выразиться, кадр. Себя он сейчас ощущал где-то в ином пространстве, оторванном от действительности. Вроде бы он в лодке, кругом вода, но это могло быть и безвоздушное пространство, космос, потому что небо не казалось ярким и солнечным, а меняло свой цвет и оттенки, как в калейдоскопе: то голубое, то желтое, то серое, то угольно-черное. И лишь прекрасное зеленое лицо Аэлиты с огромными глазами не менялось. Ее слова входили в его мозг, голос был мелодичный, серебряно-чистый.

— Твой мир лжив и разрушается, — говорила она. — Мелкие людские страсти правят в твоем мире судьбами и жизнями земных существ распоряжаются индивиды эгоистические, недалёковидные, охотно поддающиеся влиянию темных, враждебных для вас сил. Мы поражаемся, как вы не видите их черного человеконенавистнического нутра? Почему не умсете распознать Добро и Зло? Вас ничего не стоит ввести в заблуждение, обмануть, толкнуть на убийство друг друга... У вас украли красоту, а взамен подсовывают суррогаты, пошлость, грязь. Разве это музыка, что вы слушаете по радио, телевидению? Вспомните своих великих художников эпохи Возрождения, великих композиторов, писателей? А что у вас теперь? Пародия на искусство, литературу, живопись... Вы утратили понимание красоты, вы становитесь все хуже, злее... Ваша планета Земля все больше не мо-

жет терпеть вас, вы и ее исклечили, изуродовали. В ней зреет против вас глобальный взрыв. И этот взрыв уничтожит вас всех...

— Почему вы не поможете нам, не вмешиваетесь? — спросил Вадим Андреевич. — Уже многие в мире знают, что вы существуете, но не знают, кто вы и чего хотите?

— Мы бессильны, — продолжала она. — Мы закладываем в чрево ваших матерей семена, из которых произрастают герои — вожди, философы, но вы сами их уничтожаете, не даете им повести вас к Добру, Свету, вы даже не слушаете их. Силы Добра не агрессивны, не нахальны, не пазойливы, а вы слышите только нахальных, пазойливых. И эта черная сила выплескивается на вас из газет, из экранов телевизоров, а слову Добрых сил к вам не пробиться, вы глухи к ним. Мы много подарили вам гениев, но вы гениев уничтожаете, а исчадий Зла и Неправости — обожествляете, поклоняетесь им. Ни на одной другой планете бесконечной Вселенной больше нет такого странного и парадоксального народа, как вы. Да, есть среди вас наши посланники, но и они ничего не могут сделать для вас. Я повторяю, вы от рождения склонны к злу, насилию. А истинно добрых, космически мыслящих среди вас — единицы. Вы их тоже превращаете в идолов, не вникая им. Мы все перепробовали, чтобы сделать вас лучше, и должны признаться, что у нас ничего не получилось. Даже когда некоторые из нас вам открылись, вступили в контакт, вы нам все равно не поверили. Как же вам помогать, если вы глазам своим не верите?

— Я верил тебе, Аэлита, — сказал Вадим Андреевич. — Я бы все сделал, чтобы наш мир стал лучше. Ты знаешь это.

— Ты бессильно что-либо изменить, бессильны это сделать и другие наши подопечные... Мы не упрекаем тебя, Человек, ты прожил честную жизнь, был мужествен, справедлив, пробивался и сейчас пробиваешься к душам твоих соотечественников, но тебя мало кто услышал.

— Вы покидаете нас? — упавшим голосом спросил он, уже зная, что это так.

— Мы — да, — помедлив, ответила она. — Но прилетят другие. Мы ведь тоже не всемогущи и не вечны, хотя живем гораздо дольше вас. Мы хотели вам помочь и потерпели поражение. Среди вселенских цивилизаций есть и Добрые, и Злые. Добрые несут вам свет, а Злые — тьму. Поразительно, но к Злу, тьме вы тянетесь больше. Сейчас плохих людей у власти, способных превратить вашу планету в астероид, больше у вас, чем хороших, пытающихся сохранить планету, помочь ей обрести былое равновесие. Мы так и не смогли понять: почему вы выбираете в свои правители и парламенты сынов Зла, или, как у вас говорят — слуг Сатаны? Это для нас не-

разрешимая загадка. У вас, в России, был очень добрый, любящий своих подданных царь, слуги Сатаны зверски убили его и его семью. Это страшное Зло и за него еще придется ответить.

— Значит, я прожил бесполезную жизнь,— с горечью констатировал Белосельский.— Я ведь очень немного сделал для того, чтобы Добро победило Зло.

— Твое дело продолжает твоя дочь, сын,— мелодично прозвучал ее серебряный голос. И чуть помолчав, она прибавила: — Не казни себя, Человек, ты мог бы сделать гораздо больше, если бы родился немного раньше, а будущее — у твоих детей. Добрые силы, помогающие вам, найдут к ним пути, а ты еще увидишь многое, что тебя огорчит и порадует... Прощай, Человек!

— Прощай, Аэлита! — прошептал он.

Облака плыли над спокойным озером, на крючке у него дергался нескрупный окунь, белая с черным клювом цапля у берега сделала стремительный рывок и в клюве у нее затрепетала серебристая рыбка. Снова в уши ворвался шорох камышей, негромкий плеск гагар, подплывших совсем близко к лодке, шум сосен. Облако, к которому, как гондола к аэростату, прилепился золотой цилиндр, исчезло. Только что было и нет. И на Вадима Андреевича вдруг навалилось такое отчаяние и безысходность, что он вытащил якорь, собрал удочки и поплыл к берегу. И эта сосущая тоска все еще гвоздем сидит в нем, тревожит. Он всегда верил, что в трудную минуту явится к нему небесная Аэлита, и вот она навсегда исчезла из его жизни...

Он закончил свой рассказ, повернул голову к жене и, глядя ей в огромные синие глаза, сказал:

— Она улетела, а ты, моя земная Аэлита, осталась!

Земная Аэлита не ответила, она провожала широко распахнутыми глазами цвета неба над головой насквозь пронизанное солнцем облако, напоминающее своими очертаниями шапку Мономаха. Глядя сбоку на нее, Вадим Андреевич уж в который раз подумал, что его Аэлита очень похожа на Небесную Аэлилу, только глаза у них разные, а волосы у обеих золотые. И почему он решил, что жизнь прожита впустую? Рядом с ним сидит все еще красивая любимая женщина, сын укатил на велосипеде за травой для кроликов, на днях придет с Юрием Хитровым Маша. «Русская газета» его будет выходить. Пока над головой чистое небо да еще с такими красивыми облаками, пока в руках есть сила, а в голове — мысли, человек не может считать себя ненужным на этой несчастливой растерзанной земле.

— Я купила в магазине свечи,— негромко произнесла Аэлита. — Пойдем в нашу часовню и поставим их перед иконостасом. Не может такого быть, чтобы Бог навсегда покинул нас.

Ленинград 26 февраля 1991 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

1953 год. Год рухнувшего Дракона

1. Эта страшная ночь	9
2. Широка страна моя родная...	15
3. Прощай, Ленинград!	19
4. Под стук колес	29
5. Островские ребята	34
6. Егерь Его Величества	39
7. Вдали от шума городского	50
8. Гости	61
9. Взрослые игры	68
10. Мертвая хватка	75
11. Бабье лето	83
12. Ночной гость	98
13. Прикосновение к тайне	102
14. Продолжение чуда	107

Часть вторая

1963 год. Серая пыль

1. Весной в Великополе	115
2. Рая из райпотребсоюза	121
3. И это есть любовь?	131
4. Быть мужчиной	136
5. Казанское кладбище	148
6. Аэлита	156
7. На «рыдване» по улице Урицкого	165
8. История одной красивой девчонки	171
9. Любит — не любит...	178
10. Путь к тебе	186
11. Белая	197
12. Дождь в декабре	206
13. Улыбка Джоконды	213

Часть третья

1973 год. Большая скука

1. Кто виноват?	223
2. Утопающий хватается...	237
3. Жизнь продолжается	249
4. Горький дым Отечества	263
5. Трудный разговор	275
6. Рыночные страсти	287
7. Мужчины, мужчины...	300
8. Твоя судьба, Аэлита	311
9. Как на войне	317
10. Пулковский меридиан	326

Часть четвертая

1987 год. Божья кара

1. Маша и Дима	337
2. Встречи под дождем	346
3. Осень — золотая пора...	358
4. Встречи у «Букиниста»	366
5. Встреча с тобой	379
6. «Русская газета»	388
7. Погоня	401
8. Отец и дочь	410
9. Вера Хитрова	423
10. Тревожная ночь	433
11. Серебряный лес	439

Часть пятая

1991 год. Черные Ангелы

1. Маша Белосельская	451
2. Дым Отечества...	462
3. Ночные гости	470
4. Часовня у ручья	480
5. Как дальше быть?	488
6. Флаг или тряпка?	494
7. Объяснение	506
8. Как добыть огонь	513
9. Озеро на двоих	520
10. Схватка	530
11. Прощай, Аэлита!	537

Вильям КОЗЛОВ

**Черные Ангелы
в белых одеждах**

Роман

ЛР №062904 от 03.08.93.

Сдано в набор 10.02.95. Подписано в печать 15.02.95

Формат 84×108/32. Бумага типографская

Гарнитура Times⁺. Печать высокая

Усл. печ. л. 28,56. Уч.-изд. л. 31,45

Тираж 60 000 экз. Заказ № 174. Без объявл. стоимости

Издательство «ТИС»

Отпечатано с готовых диапозитивов

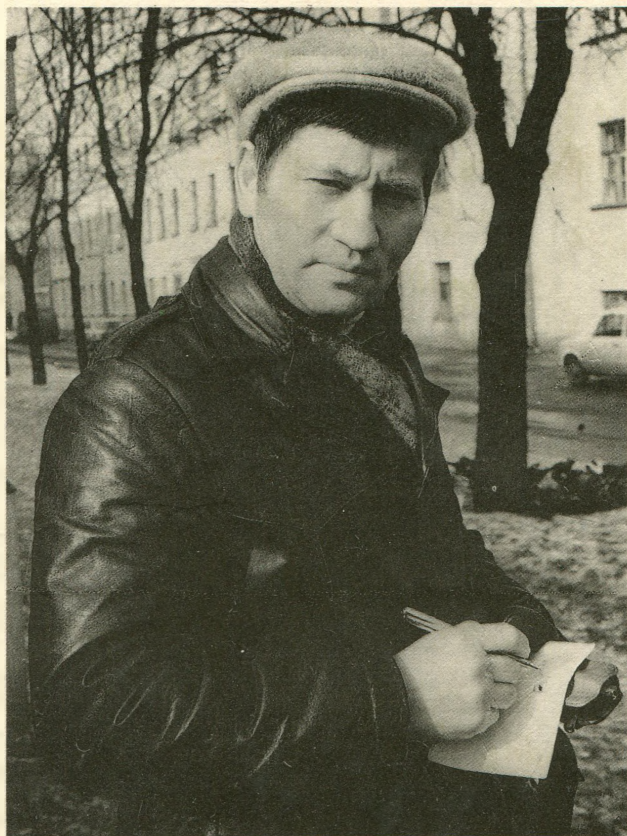
в ордена Трудового Красного Знамени

ИП «Техническая книга»

Комитета Российской Федерации по печати.

198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

•

"Черные ангелы в белых одеждах" — третий роман тетралогии писателя, куда входят также романы "Карусель", "Поцелуй сатаны" и "Дети ада".

Как и предыдущие романы автора, эту книгу отличает острый сюжет и драматические коллизии, происходящие с героями в последние годы жизни нашего общества.